

ДАНУ

ХАРМС

ИСКУШЕНИЯ

Библиотека мировой литературы

Библиотека мировой литературы

**Даниил
ХАРМС**

**ЦИРК
ШАРДАМ**

Санкт-Петербург
«КРИСТАЛЛ»
2001

ББК 84-4
X20

Составление,
подготовка текста, предисловие, примечания
и общая редакция *В. Н. Сажина*

Выпускающий редактор *Р. В. Грищенко*
Художник *И. Г. Мосин*

Хармс Д.
X20 Цирк Шардам: собрание художественных произведений. – СПб.: ООО «Издательство „Кристалл”», 2001. – 1120 с., ил. – (Б-ка мировой лит.).

Настоящее издание являет собой наиболее полное собрание художественных произведений Д. Хармса (1905–1942), представителя советского литературного авангарда 1920-х – 1930-х годов. Впервые произведения Д. Хармса издаются в последовательности их создания, без различия жанров, что дает возможность синхронно представить творческий процесс писателя.

- © В. Н. Сажин, составление, подготовка текста, предисловие, примечания и общая редакция, 1999
- © Р. В. Грищенко, составление серии, общая редакция, 2000
- © ООО «Издательство „Кристалл”», 2000

ISBN 5-8191-6058-1

Приближение к Хармсу

Легко могло случиться, что о творчестве Даниила Хармса мы сегодня судили бы по двум стихотворениям в сборниках ленинградских поэтов середины 1920-х годов да по пяти десяткам прозаических и стихотворных текстов для детей, среди которых, к тому же достаточно примитивные подписи к картинкам и зарифмованная реклама. Еще прибавились бы несколько раздаренных друзьям и знакомым стихотворных и прозаических сочинений и некоторое количество писем.

К счастью, случилось иначе: в сентябре 1941 года из рук М. Малич, жены арестованного к тому времени писателя, архив Хармса получил один из его ближайших друзей – Я. Друскин; в 1944 г. сестра писателя передала Я. Друскину еще одну подборку найденных ею рукописей Хармса. Так наследие писателя было спасено от уничтожения.

Издание и изучение архива Хармса началось 35 лет тому назад. Срок достаточный для того, чтобы стали ясны все проблемы: текстологические, периодизации творчества, жанровой определенности, традиции и новаторства и так далее – на любой исследовательский вкус. Срок вполне достаточный также и для того, чтобы уяснить, насколько удалена в будущее перспектива решения всех этих и еще множества иных проблем изучения творчества писателя.

Настоящее издание, надеемся, – один шаг в этом направлении.

Даниил Иванович Хармс (Ювачев) родился 17 (30) декабря 1905 г. в С.-Петербурге. Воспитание и всё ближайшее его семейное окружение было исключительно женским: мать Надежда Ивановна – заведующая прачечной, тетя (по матери) и крестная мать – Наталия Ивановна Коллюбакина, директор Царскосельской Мариинской женской гимназии, да младшие сестры – Елизавета и Наталия (последняя родилась в 1912 г. и умерла в раннем возрасте, надо полагать, на глазах брата). Отец Иван Павлович Ювачев, пережив смертный приговор за участие в деятельности «Народной воли» (1884), отправленный вместо

этого на каторгу, испытал одиночку в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях и Сахалин, а главное – пережив серьезную духовную эволюцию и став не только глубоко верующим человеком, но и христианским писателем-проповедником, вернувшись в Петербург и женившись, посвятил свою служебную деятельность инспекции сберегательных касс и с этой миссией то и дело разъезжал по российским губерниям, воспитывая сына по переписке с женой.

В 1915 г., получив уже основательное домашнее образование, Даниил поступил в первый класс реального училища, входившего в состав Главного немецкого училища Святого Петра в Петрограде. Окончил образование он в 1924 г. уже во 2-й Детскосельской советской единой трудовой школе (преобразованной из той женской гимназии, которой заведовала тетя).

Неудачей окончится попытка Хармса продолжить образование в 1-м ленинградском Электротехникуме, куда он поступил после школы в 1924 г., но в феврале 1926 г. был отчислен.

Впрочем, к этому времени он уже считал себя поэтом.

Как явствует из состава настоящего издания, первый, по крайней мере, дошедший до нас, литературный опыт Хармса (равно как и появление литературного псевдонима) относится к 1922 г. А уже 9 октября 1925 г. он подал заявление о приеме в Ленинградское отделение Всероссийского Союза поэтов, представив при этом две тетради своих стихотворений, и 26 марта 1926 г. был в этот Союз принят.

Скорее всего, Хармс представил для вступления в Союз поэтов всё, что к этому времени было им написано и, следовательно, по этой подборке мы можем судить об очертаниях литературной манеры писателя. Её очевидная характерность определилась учебой Хармса у теоретика зауми А. В. Туфанова (1877–1941), основавшего в 1925 г. «Орден заумников DSO». Разрушение инерции восприятия поэзии (и вообще литературы) как развертывающейся и развивающейся в слове мысли, которое проповедовал Туфанов, очевидно, увлекло Хармса. Но почти сразу выявились и различия. Туфановской замены «смысла» исключительно «звуковым жестом» Хармсу было недостаточно – он, если можно так выразиться, искал не звуковой, но «смысловой бессмыслицы». В этом у него были надежные единомышленники.

В середине 1925 г. Хармс познакомился с тремя друзьями: недавними выпускниками философского отделения Петроградского университета Л. С. Липавским (1904–1941) и Я. С. Друскиным (1902–1980) и бывшим студентом факультета общественных наук того же университета А. И. Введенским (1904–1941). Они называли себя «чинарями». Какие бы интерпретации впо-

следствии ни давали исследователи этому наименованию, ни одну нельзя признать не подходящей, но и исчерпывающей: это и духовный ранг, и творец, и имеющий власть... – отсутствие одного безусловного «смысла» подразумевалось поэтикой их творчества и этикой взаимоотношений.

Энергичный общественный темперамент Хармса побуждал его к различным формам творческой консолидации: вместе с Введенским он сначала преобразовал Орден заумников во Фланг левых, затем – в Левый фланг, в 1926 г. они участвуют в театре «Радикс», в 1927 организуют «Академию Левых классиков», и, наконец, Объединение Реального Искусства (ОБЭРИО), в названии которого, для снятия всё той же прямой смысловой идентификации, Хармс меняет буквы, преобразуя эту аббревиатуру в ОБЭРИУ.

24 января 1928 г. в Доме Печати состоялся ставший знаменитым вечер обэриутов «Три левых часа» – с чтением стихов, демонстрацией кинофильма и представлением хармсовской пьесы «Елизавета Бам».

Несмотря на издевательскую реакцию прессы, участники ОБЭРИУ вплоть до весны 1930 г. выступали с чтением своих произведений в различных ленинградских аудиториях, но из хармсовских дневниковых записей явствует, что он разочаровался в идее крупного творческого объединения и подлинную интеллектуальную связь он ощущал лишь в общении всё с теми же А. Введенским, Л. Липавским, Я. Друскиным и Н. М. Олейниковым (1898–1937), который присоединился к кругу «чинарей» в конце 1925 г. – они регулярно встречаются, а с 1928 г. все совместно работают (за исключением Друскина) в детских журналах «Еж», затем «Чиж» и др. Адаптируясь к аудитории, Хармс перенес в свои тексты для детей многие мотивы и самую эстетику «взрослого» творчества, которое не могло появиться на страницах печати – препятствием была не только очевидная нестыковка с современными идеологическими установками, но «бессмыслица», которая равно отторгалась бы массовым читательским восприятием и критикой десятилетиями ранее.

Между тем Хармс не избег и прямых репрессий – 10 декабря 1931 г. он (а также Введенский и еще нескольких общих знакомых) был арестован, осужден на 3 года, но затем приговор был изменен, и Хармс провел 5 месяцев в ссылке в Курске.

Возвращение в Ленинград не изменило в общем прежнего течения творческой судьбы писателя – всё то же интеллектуальное общение с узким кругом «чинарей», печатание в детских журналах и интенсивная работа во всём разнообразии литературных жанров, становившаяся известной лишь самым близким людям.

Через два месяца после начала Великой Отечественной войны, 23 августа 1941 г., Хармс был вторично арестован и после полугодовых перипетий скончался 2 февраля 1942 г. в тюремной больнице.

Благодаря, как сказано выше, попечению Я. Друскина, творческое наследие Хармса сохранилось, а с середины 1960-х годов начало постепенно публиковаться и интерпретироваться. Попытаемся суммировать то, что вследствие этого процесса стало более или менее очевидным.

Во-первых, на фоне стандартного набора жанров в текстах Хармса обращает на себя внимание нарочитое акцентирование (в заглавиях и подзаголовках) музыкальных и музыкально-драматических жанров: песня («песенка»), романс, кантата, симфония, вариации, пассакалия, опера, балет.

Во-вторых, всё более очевидными становятся связи текстов Хармса с фольклорными жанрами: заговорами и молитвами.

В-третьих, постепенно очерчивается всё расширяющийся круг явлений мировой литературы, с которыми тексты Хармса в той или иной мере связаны (реминисценциями, цитатами, мотивами): А. Белый, В. Блейк, А. Блок, К. Гамсун, И. В. Гете, Н. Гоголь. Э.-Т.-А. Гофман, Ф. Достоевский, С. Есенин, М. Лермонтов, В. Маяковский, Г. Мейринк, К. Прутков, А. Пушкин, В. Хлебников, А. Чехов...

В-четвертых, определяется круг философов, входящих в пространство хармсовской онтологии: Аристотель, А. Бергсон, Э. Кант, Пифагор, Платон, З. Фрейд.

В-пятых, выясняется, что Хармсу не были чужды и им вовлечены в контекст своего творчества самые разные религиозные и эзотерические учения: буддизм, гностицизм, индуизм, иудаизм, масонство, христианство.

В-шестых, можно составить предварительный реестр мотивов, образующих хармсовский текст:

астроном	дама
бабушка	дева (девица)
баня	дерево
бревно	дети
весло	дуб
вечность	еврейство
вода (река)	еда
волна	история (исторический)
время	камень
всё	карты
голый(ая)	колесо

колпак	подруга
кондуктор	полёт
конь	равновесие
круг	радость
лампа	распутство
мельница	реальность
миг	сабля
молоток	самовар
монах (и капуцин)	свеча
муха	случай
наука	событие
небо	сон
небольшая погрешность	сосна
небытие (несуществование)	старик (старуха)
ноль	столяр
няня	страсть
овощи	сундук
однажды	текучесть
окно	трамвай
орел	цветы
отрывание (руки, ноги, уха)	часы (время)
охота	числа (цифры)
падение	чудо
перемена рода	шар
пила	шахматы
плети (кнут)	шинель
плечо	шкап
плотник	

В-седьмых, обозначаются некоторые цепочки мотивов, связанных между собой родством или антагонизмом:

бабушка – няня
 баня – голый(ая)
 часы (время) – однажды – миг – случай – событие
 вода – река – текучесть – вечность – колесо – круг – шар –
 ноль
 дама – баба – подруга
 дети – старики (старухи)
 окно – сон
 охота – наука – сабля – свеча
 пила – столяр – топор
 архитектор – молоток – плотник
 чудо – вечность
 вечность (небытие) / миг

дама / дева (девица)
девственность / распутство
дерево / камень
наука / вера
полет / падение

В-восьмых, всё более отчетливым становится основополагающий онтологический (и эстетический?) принцип Хармса, который можно назвать тотальной инверсией. Суть этого принципа во всеобщей смене знака: жизнь, всё посюстороннее, природа, чудо, история, наука, личность – ложная реальность; потустороннее, смерть (небытие), неживое (камень), безличность – истинная реальность. Разумеется, эта переклассификация явлений внутренне противоречива, если не драматична.

В-девятых, очевидно, что эта инверсия сопрягается с другим свойством хармсовской творческой манеры (усвоенной им еще у своих ранних эстетических авторитетов, художников М. Матюшина и К. Малевича): с постоянным смещением (сдвигом) элементов текста, вследствие чего решающую роль в его интерпретации, наряду с теми или иными «ключами», приобретает интуиция.

Таким образом, всё, что достигнуто ныне в постижении хармсовского мира – это осознание его, как значительного и оригинального явления мировой культуры, для изучения которого имеются широкие и многообещающие перспективы.

Литература

Ж.-Ф. Жаккар. Даниил Хармс и конец русского авангарда. СПб., 1995.

А. А. Кобринский. Поэтика «ОБЭРИУ» в контексте русского литературного авангарда: В 2 ч. М., 1999.

М. Б. Мейлах. Шкап и колпак: фрагмент обэриутской поэтики // Тыняновский сборник: Четвертые Тыняновские чтения. Рига, 1990. С. 181–193.

«...Сборище друзей, оставленных судьбою»: А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников. «Чинари» в текстах, документах и исследованиях: В 2 т. <Б. м. и б. д.>.

Daniil Kharms and the Poetics of the Absurd: Essays and Materials / Ed. by N. Cornwell. London, 1991.

1922

1

В июле как то в лето наше
Идя бредя в жару дневную
Шли два б<р>ата Коля с Яшей
И встретели свинью большую.

«Смотри свинья какая в поле
Идет» заметел Коля Яше
«Она пожалуй будет Коля
На вид толстей чем наш папаша».

Но Коля молвил: «Полно Яша,
К чему сболтнул ты эту фразу?
Таких свиней как наш папаша
Я еще не видывал ни разу».

1922
ДСН

**2. О том как иван
иванович попросил
и что из этого вышло**

Посвящается Тылли и
восклицательному

иван иваныч Расскажи
кику с кокой Расскажи
на заборе Расскажи

ты Расскажешь паровоз
почему же паровоз?
мы не хотим паровоз.

лучше шпилька, беренда
с хи ка ку гой беренда
завертела беренда

как то жил один столяр
только жилистый столяр
мазал клейстером столяр

делал стулья и столы
делал молотом столы
из орешника столы

было звать его иван
и отца его иван
так и звать его иван

у него была жена
не мамаша, а жена
НЕ МАМАША А ЖЕНА

как её зовут теперь
я не помню теперь
позабыл те – перь

иван иваныч говорит
очень умно говорит
поцелуй * говорит.

а жена ему: нахал!
ты муж и нахал!
убирайся нахал!

я с тобою не хочу
делать это не хочу
потому что не хочу.

иван иваныч взял платок
развернул себе платок
и опять сложил платок

ты не хочешь, говорит
ну так что же, говорит
я уеду, говорит

а жена ему: нахал!
ты муж и нахал!
убирайся нахал!

я совсем не для тебя
не желаю знать тебя
и плевать хочу в тебя.

иван иваныч поглупел
между прочим поглупел
у усикирку поглупел

---

* «В оригинале стоит непреличное слово» (*Примеч. автора*).

а жена ему сюда
развернулась да сюда
да потом ещё сюда

в ухо двинула потом
зубы выбила потом
и ударила потом!

иван иванович запнулся
так немножечко запнулся
за п... п... п... п... п... пнулся

ты не хочешь, говорит
ну так чтоже, говорит
я уеду, говорит

а жена ему: нахал!
ты муж и нахал!
убирайся нахал!

и уехал он уехал
на извознике уехал
и на поезде уехал

а жена осталась тут
и я тоже был тут
оба были мы тут.

*Даниил
Заточник (Хармс)
1925 ноябрь.*

3. От бабушки до Esther

бабаля мальчик
трестень губка
рукой саратовской в мыло уйду
сырым седеньем
щениша вальги

кудрявый носик
платком обут –
капот в балах
скольжу трамваем
Владимирскую поперёк
посельницам
сырунду сваи
грубить татарину
в окно.
мы улицу
валунно лачим
и валенками набекрень
и жёлтая рука иначе
купается меж деревень.
шлён и студень
фарсится шляпой
лишь горсточка
лишь только три
лишь настез балериной снята
и тукается у ветрин.
холодное бродяга брюхо
вздывается на костыли
резиновая старуха
а может быть павлин
а может быть
вот в этом доме
бабаля очередом
кандыжится семью попами
соломенное ведро.
купальница
поёт карманы
из улицы
в прыщи дворов
надушенная
селью рябчика
распахивается
под перо –
и кажется
она Владимирская
садится у печеря
серёжками –
– как будто за город

а сумочкою –
– на меня
шурованная
так и катится
за бабаля калеты
репейником
простое платьеце
и ленточкою головы –
ПУСТЬ
– балабошит бабушка
БЕЛЬгию и блены
пусть озирает дохлая
ростанную полынь
сердится кошечкой
около кота
вырвится вырвится
вырвится в лад
шубкою оконью
ляженьем в бунь
маханьким персиком
вихрь табань
альдера шишечка
миндера буль
улька и фанька
и ситец и я.

ВСЁ

<1925>

4. Наброски к поэме «Михаилы»

I Михаил.

крючником в окошко
скандит скандит
рубль тоже
маху кинь

улитала кенорем
за папаху серую
улитали пальцами
ка - за - ки
лезет утером
всякая утка
шамать присну
бла – гослови
о – ко – **янные**
через пояс
пояс уткан
пояс убран
до зарёзу
до Софии.
дует капень
Симферополя
шире борова русси
из за моря
варом на поле
важно фылят
па - ру - са.
и текло
текло
текляно
по немазаным усам
разве мало
или водка
то посея – то пошла
а се го дня на до вот как
до пос лед ня го ков ша

II Михаил.

Станем биться
по гуляне
пред иконою аминь
руковицей на колени
заболели мужики.

вытерали бородою
блюдца
было боязно порою
оглянуться
над ерёмой становился
камень
яфер
он кабылку сюртуками
забояферт –
– и куда твою деревню
покатило по гуртам
за еловые деревья
задевая тут и там.
Я держу тебя и холю
не зарежешь так прикинь
чтобы правила косою
возле моста и реки
а когда мостами речка
заколочила тупыш
иесусовый предтеча
окунается тудыж.
ты мужик – тебе пахаба
только плюнуть на него
и с ухаба на ухабы
от иконы в хоровод
под плясулю ты оборван
ты ерёма и святой
заломил в четыре горла
– дребеждящую бутылъ –
– разве мало!
разве водка!
то посея – то пошла!
а сегодня надо вот как!
до последняго ковша.

III Михаил.

пажен холка
мамина булавка
че – рез го – ловы

после завтра
если на веран – ду
озера манули
видел рано
ста - ни - слав
вулды алые
о – па – саясь
за дра жали
на ки тай
серый выган
пе ту ха ми
станиславу
шар ку ну
бин то вала
ты моя карболка
ты мой парус
ко ра лёк
залетуля
за ру башку
ма ка роны
бо си ком
зуб акулий
не покажет
не покажет
и сте - кло
ляда пахнет пержимолью
альманахами нога
чтобы пели в комсамоле
парашуты и ноган
чтобы лыко станиславу
возносило балабу
за московскую заставу –
пар ра шу ты
и но ган
из пещеры
в гору
камень
буд - то
в титю
мо ло ко
тянет голы - ми руками

после завта
на - бал - кон
у ко - го
те перь не встанет
возле пупа
го - ло - ва
разве ма - ло
или вод - ка
то посея
то пошла
а се год ня на до вот как
до пос лед ня го ков ша

ВСЁ

<1925>

5. Говор

Откормленные лылы
вздохнули и сказали
и только из под банки
и только и тютю
катитесь под фуфелу
фафалу не пермажте
и даже отваляла
из мякиша кака –
– косынка моя улька
подарок или ситец
зелёная салонка
чаничка купрыш
сегодня из под анды
фуфылятся руками
откормленные лылы
и только
и тютю.

ВСЁ

<1925>

6. Землю, говорят, изобрели конюхи.

*Посвящаю тем, кто живет
на Конюшенной.*

вступ вертону финикию
зерном шелдону
бисирела у заката
криволиким типуном

полумёна зырыня
калитушу шельдону.

начало приоткрыла портсигары
от шумовок заслоня
и валяша как репейник
с'ел малиновый пирог
чуть услыша между кресел
пероченье рандаша
разгогулину повесил
варинцами на ушах
Ира маленькая кукла
хочет какать за моря
под рубашку возле пупа
и у снега фанаря
а голубушка и пряник
тянет крышу на шушу
живота островитяне
финикийские пишу

Зелено твоё рыло
и труба
и корыто зипунами
барабан
полетели панталоны
бахромой
чудотворная икона
и духи
голубятина не – надо
überall

подарила выключатель

и узду

а кухами нижет алы – е
торапи покое был
..... даже пальму строить надо
для руины кабалы
на цыганах уводила
али жмыхи половя
за канюшни и удила
фароонами зовя
финикия на готове
переходы полагажу
магомета из конюшни
чепраками вывожу
валоамова ослица
пародила окунят
везелонами больница
шерамура окиня
и ковшами гычут ладо
землю пахаря былин
..... даже пальму строить надо
для руины кабалы

Сына Авроамова

ондрия гунты

потом зашеломила

бухнула гурты

мамонта забуля

лэда карабин

отарью капилица

отрок на русси

бусами маланится

пенистая мовь

шлёпая в предбаннице

лысто о порог

ныне португалия

тоже сапоги

рыжими калёсами

тоже сапоги

уранила вырицу

тоже сапоги

калабала девочка
тоже говорит
а лен – ты
дан – ты
бур забор
лови
хоро – ший
пе – реход
твоя колода
пе – региб
а па – рахода
са – поги

надо кикать лукоморье
для конюшенной езды
из за острова Амонья
винограда и узды
и рукой её вертели
и руина кабала
и заказаны метели
золотые купола

и чего-то разбелянет
кацавейкою вдали
а на небе кораблями
пробегали корабли

надо кикать чернозёмом
и накикавшись втрубу
кумачёвую алёну
и руину кабалу
не смотри на печенегу
не увидешь кочерги...

..... а в залётах другими спаржами
телеграммою на версты
алексан – дру так и кажется
кто-то кикает за кусты

..... целый день до заката вечера
от парчи до палёвок князевых
встанут челяди изувечено
тьмами синями полуазии

..... александра лозят арабы
целый остров ему бовекой
александр лозит караль

минотавра и человека
.....и апостола **зыда** маслом
через шею **опракинул**
в море остров в море Патмос
в море шапка финикии.
ВСЁ

<1925>

7. Кика и Кока

I

Под **логоть**
Под **коку**
фуфу
и не **крякай**
не **могут**
фанфары
ла - апошить
дебасить
дрынь в ухо виляет
шапле **ментершула**
кагык буд-то лошадь
кагык **уходырь**
и **свящ жвикавиет**
и **воет собака**
и **гонятся листья**
сюды и туды

А с **неба** о **хрящи**
все **чаще** и **чаще**
взвильнёт **ви ва вувой**
и **мрётся в углынь**

С **пинежек** **зирели**
потянутся кокой
под **логоть** не **фукай!**
под **коку** не **плюй!**

а если чихнётся
губастым саплюном
то Кика и Кока
такой же язык.

II

Черукик дощёным шагом
осклабясь в улыбку кикю
распушить по ветровулу!
разбежаться на траву
обсусаленная фи́га
буд-то кика
на паром
буд-то папа пилигримом
на камегу ускакал
ау деау дербадыра
ау деау деррабара
ау деау хаетити
Монна Ванна
хочет пить.

III

шлѐп шляп
шлѐп шляп
шлѐп шляп
шлѐп шляп.

ВСЁ

<1925>

8

Тише целуются
комната пуста –
ломками изгибами –
полные уста: –

ноги были белые:
по снегу устал.

Разве сандалии
ходят по песку?
Разве православные
церкви расплесну?
Или только кошечки
Писают под стул?

Тянутся маёвками
красные гроба
ситцевые девушки –
по небу губа;
кружится и пляшется
будто бы на бал.

Груди как головы
тело – молоко
глазом мерцальная
солнцем высоко...
Бог святая троица
в небо уколел.

Стуки и шорохи
кровью запиши;
там где просторнее
кукиши куши:
Вот по этой лесенке
девушкой спешил.

Ты ли целуешься?
– комната пуста –
Так ли сломались
– полные уста?
:Ноги были белые:
по снегу устал.

ВСЁ

<1925>

9. Сек

gew. (Esther)

И говорит Мишенька
рот открыв даже
– шишиля кишиля
Я в штаны ряжен. –

Н ты эт его
финьть фаньть фуньть
б м пильнео
фуньть фаньть финьть

Иа Иа Ыа

Н Н Н

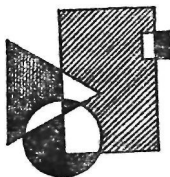
Я полы мыла

Н Н Н

дриб жриб бобу
джинь джень баба
хлесь хлясь – здорово –
раздай мама!
Вот тебе шишелю!
финьть фаньть фуньть
накося кишелю!
фуньть фаньть финьть.

ВСЁ

<1925>

1926

**10. Польша
затылки
(срыв)**

писано 1 января 1926 года

метит балагур татарин
в поддёвку короля лукошке
а палец безымянный
на стекле оттаял
и торчит гербом в окошко
ты торчи себе торчи
выше царской колончи

.....
распахнулся орлик бубой
сели мы на бочку
рейн вина
океан пошёл на убыль
в небе кичку не видать

.....
в пристань бухту
серую подушку
тристо молодок
и сорок семь
поют китайца жёлтую душу
в зеркало смотрят
и плачат все.

.....

вышел витязь
кашей гурьевой
гужил зимку
рыл долота
накути Ерёма
вздуй его
вздулась шишка
в лоб золотая

.....
блин колокольный в ноги. бухал
переколотил на четвёртый раз
суку ловил мышиным ухом
щурил в пень
солодовый глаз.

.....
приду приду
в Маргаритку
хлопая заторами
каянский пру
палашами
калику едрит твою
около бамбука
пальцем тпр

.....
скоро шаровары позавут татарина
книксен кукла
полька тур
мне ли петухами
кика пу подарена
чирики боярики
и пальцем тпр

.....
зырь манишка
пуговицей плисовой
грудку корявую
ах! обнимай
    а в шкапу то
    ни чорта лысого
    хоть бы полки
    и тех нема.

шея заболела на корону убыла
в жаркую печку затылок утёк
не осуди шерстяная публика
громкую кичку *
Хармса – дитё.

ВСЁ

*Даниил Хармс
1926 1 янв.*

11. Вьюшка смерть

Сергею Есенину.

ах вы сени мои сени
я ли гусями вяжу
приходил ко мне Есенин
и четыре мужика

и с чего-бы это радоваться
ложкой стучать
пошивеливая пальцами
грусть да печаль

как ходили мы ходили
от порога в Кишинёв
проплевали три недели
потеряли кошелёк

ты Серёжа рукомо́йник
сарынь и дуда
разохотился по мойму
совсем не туда

для тебя ли из корежёны
оружье штык
не такой ты Серёжа
не такой уж ты

---

* именно кичка а не кличка (*Примеч. автора*).

пой – май
щёки дули
скарлотину перламутр
из за ворота подули
Vater Unser – Lieber Gótt

я плясала соколами
возле дерева кругом
ноги топали плясали
возле дерева кругом

размогай меня затыка
на калоше и ведре
походи-ка на затылке
мимо запертых дверей

гули пели халваду
чирикали до ночи
на засеке долго думал
кто поёт и брови чинит

не пополу первая
залудила перьями
сперва чем то дудочным
вроде как ухабица

поливала сыпала
не верила лебедями
зашухала крыльями
зубами затопала

с такого по матери
с этакого кубарем
в обнимку целуется
в очи валит блиньями

а летами плюй его
до белой доски и сядь
добреду до Клюева
обратно закинуся

простышкой за родину
за матушку левую
у дерева тоненька
за Дунькину пуговку

пожурила девица
невеста сикурая
а Серёжа деревцем
на груди не кланяется

на груди не кланяется
не букой не вечером
посыпает около
сперва чем то дудочным

14 января 1926

Даниил Хармс

Школа чинарей Взорь зауми

12. Ваньки встаньки <I>

волчица шла дорогаю
дорогаю манашенькой
и камушек не трогала
серебрянной косой
на шею деревянную
садились человечики
манистами накрашенными
где-то высоко.

никто бы и не кланялся
продуманно и холодно
никто бы не закидывал
на речку поплавок
я первый у колодица
нашел ее подохлую
и вечером до кузова
её не повалок

стонала только бабушка
да грядка перестонывала

заново ерошила
капустных легушат
отцы мои запенелись
и дети непристойные
пускали на широкую
дорогу камыши
    засни засни калачиком
    за синей гололедицей
    пруда хороший перепел
    чугунный домовый
    щека твоя плакучая
    румянится цыганами
    раскидывает порохом
    (ленивую) войну

идут рубахи **рыжики**
покрикивают улицу
веревку колокольную
ладошки синяки
а кукла перед ужином
сырому тесту молится
и долго перекалывает
зубы на косяк
    я жду тебя не падаю
    смотрю – не высыпаются
    из маминой коробочки
    на ломаный сарай
    обреж меня топориком
    клади меня в посудину
    но больше не получится
    дырявая роса –

ВСЁ

*Даниил Хармс
4 февр. 1926 г.*

13. Ваньки встаньки <II>

ты послушай ка карась
имя палкой перебрось
а потом руби направо
и не спрашивай зараз

то Володю то Серёжу
то верёвку павар
то ли куру молодую
то ли повола вора

Разбери который лучше
может цапаться за тучи
перемытой серебром
девятнадцатым ребром
разворачивать корыто
у собачий конуры
где пупырыши нерыты
и колеблется Нарым

Там лежали Михаилы
вонючими шкурами
до полуночи хилые
а под утро Шурами

И в прошлую середу
откидывая зановеси
прохожему серому
едва показалися

сначала до плечика
румяного шарика
а после до клетчатых
штанишек ошпаривали

мне сказали на ушко
что чудо явилося
и царица Матушка
сама удивилася:

ах как же это милые?
как же это можно?
я шла себе мимо
носила дрожжи

вошёл барабанщик
аршином в рост

его раненная щека
отвисала просто

он не слышит музыки
и нянин плач
на нём штаны узкие
и каленкоровый плащ
простите пожалуйста
я покривил душой
сердце сжалось
я чужой

– входит барабанщик небольшого роста –

ах как же это можно?
я знал заранее
– взял две ложки –
– ВЫ ИЗРАНЕННЫ –
– ЗАНОВЕСЬ

собака ногу поднимает
ради си ради си
солдат Евангелие понимает
только в Сирии только в Сирии

но даже в Сирию солдат не хочет
плюет пропойца куда то
и в Сирию бросает кочень
где так умны Солдаты

ему бы пеночки не слизывать
ему бы всё: «рубь да бей»
да чтобы сёстры ходили с клизмами
да чтобы было сто рублей

солдат а солдат
сколько тебе лет?
где твоя полатка?
и твой пистолет. –

кнучу в прихвостень кобыле
хоть бы куча
хоть бы мох
располуженной посуды
не полю не лужу

и в приподнятом бокале
покажу тебе ужо!

Едет мама серафимом
на ослице прямо в тыл
покупает сарафаны
и персидскую тафту

– солдат отворачивается и больше не хочет
разговаривать –

открылось дверце подкидное
запрягало пятнашку
сказало протопопу Ною:
– позвольте пятку вашу –

я не дам пятку
шнельклопс
дуй в ягоду
шнельклопс

разрешите вам не поверить
я архимандрит
а вы протопоп
а то рассержусь
и от самой Твери
возьму да и проедусь по полу

он рас-стегивает мундир
забикренивает папаху
и садится на ковёр
и свистит в четыре пальца:

пью фюфюлы на фуфу
еду мальчиком а Уфу
щекати меня судак
и под мышку и сюда
ихи блохи не хоши
уфы боже на матрасс.

за бородатым бегут сутуленькие
в клетки пугается коза
а с неба разные свистульки
картошкой сыпятся в глаза

туды сюды
да плеть хвоста
да ты да я
да пой нога
считает пальцами до ста
и слышет голос: «помогай»

обернулся парусом
лезет выше клироса
до месяца не долез
до города не дошёл

обнимались старушки плакали
замочили туфли лаковые
со свечой читали Лермонтова
влюбились в кого го то кавалера там
на груди у него солнышко
а сестра его совушка
волоса его рыжие

королеву прижили
может кушать рябчика
да и то только в тряпочке
у него две шашки длинные
на стене висят...

Господи Помилуй
свят свят свят

– черти испугались молитвы и ушли из
Гефсиманского сада, тогда самый святой
человек сказал: –

здорово пить утрами молоко
и выходить гулять часа так на четыре
О человек! исполни сей закон
и на тебя не вскочит чирий.

ПОСЛУШАЙТЕ

сегодня например
какой то князь сказал своей любовнице:
– иди и вырый мне могилу на Днепре
и принеси листок смаковницы –

Она пошла уже козалошь в камыши
Но видит (!) князь (!) за ней (!) бежит (!)

кидает сумрачный ноган
к её растерзанным ногам
прости-прости я нехороший
раз 2 3 4 5 6 7.....
а сам тихонько зубы крошит
как будто праведный совсем

О человек! исполни сей закон
и на тебя не вскочит чирий
метай рубашками в загон –
как говорить в притче:
– плен духу твоему язычник
и разуму закованная цепь –

– за кулисами говорят шёпотом, и публика с
трепетом ловит бабочку. Несут изображение
царя. Кто то фыркает в ладонь и говорит:
блинчики. Его выводят –

Выйди глупый человек
и глупая лошадь
на Серёже полаче
и на Володе тоже
стыдно совестно и неприлично
говорить блинчики
а если комната вдобавок девичья
то нужно говорить как-то иначе
– Все удовлетворены и идут к выходу –
ВСЁ

ДаНил Хармс
1926 г. 11 февр.

14. Половинки

присудили у стогов
месяцем и речкою
и махнула голова
месяца голова
толстою ручкою

позавидовала ей
баба руку ей
позавидовала баба
корамыслами
на дворе моём широком
вышивают конаплёй
дедка валенками шлёпает
и пьёт молоко

позавидовала я
вот такими дулями
и родила меня мать
чехардой придорожною
а крестил меня поп
не поп а малина –

вся то распосадница
бабкина бухта
лавку закапала
вороньим яйцом
больно родимая
грудью заухала
мыльными пузырьками
бацьке в лицо

ахнули бусы
бабы фыркали
стукала лопата
в брюхо ему
избы попы
и звёзды русые
речка игрушка
и солнце лимон

разные церковки
птички, палочки
оконце лааковое

расшитое

всё побежало
побежало и ахнуло

сам я вдеваю кол в решето
б'ется в лесу фантан фантович
грузди собирает
селеним паша
перья точат

мальчик Митя
уснул в лесу
холодно в рубашке
кидаться шишками
кожа пупырашками
буд-то гусиная
высохли мочалками
волосы под мышками
хлещет бог
бог – осиновый

ахнули бусы
бабы ахнули
радугами стонет
баба Богородица
лик её вышитый
груды глажены
веки мигнут
и опять
закроются
сукровицей кажется потеют и дохнут навозные
кучи

скучно в лесу!
в дремучем невесело!
мне то старухи до печёнки скучно
мальчика Митю
в церковь
НЕСТЬ
ведьма ты ведьма
кому ты позавидовала?
месяц пупом сел на живот!
мальчика Митю
чтоб его (!) идола
сам я вдеваю кол в решето
сам я сажу
матыгой
ночью
жду перелесья
синего утра
и кто то меня за плечо вороочает
тянет на улицу
мой рукав

ЗНАЮ

от сюдова
мне не поверят
мне не разбить
ключевой тиши
дедка мороз стучится в двери
месяц раскинул
в небе шалаши.

стены мои звончее пахаря
крепче жимолости в росту
крепли и крепли
и вдруг
заахала
бабы и бусы и шар на мосту
– милый голубку милой посылает –
шлёт куличи
и хлай на столе

а губы плюются
в дым кисиллями
а руки ласкаются
ниже колен
бабка пела
небу новоселье
небо полотенце!
небо уж не то!
бабка поля пшеном засеяла
сам я вдеваю кол в решето

пряжею бабкиной
месяц утонет
уши его
разольются речкою –
– там из окна
соседнего домика
бабка ему
махнула ручкою –

ВСЁ

*Школа ЧИНАРЕЙ
Взирь Зауми
Даниил Хармс
<1926>*

в репей закутаная лошадь
как репа из носу валилась
к утру лиш отперли конюшни
так заповедал сам Ефрейтор
Он в чистом галстуке
и сквозь решётку
во рту на золоте царапин шесть
едва откинув одеяло ползает
и слышет бабушка
под фонарями свист.
И слышет бабушка ушами мягкими
как кони брызгают слюной
и как давно земля курносая
стоит горбом на трёх китах
Но вдруг Ефрейтора супруга
замрёт в объятиях упругих
Как тихо станет конь презренный
в лицо покрашенной измене
творить акафисты по кругу
и поджидать свою подругу
Но взора глаз не терпит стража
его последние слова
Как он суров и детям страшен
и в жиле бьётся кровь славян
И видит он: его голубка
лежит на грязной мостовой
и зонтик ломаный и юбку
и гребень в волосе простой
Артур любимый верно снится
в бобровой шапке утром ей
И вот уже дрожат ресницы
и ноги ходят по траве.
Я знаю бедная Наташа
концы расщелены глухой
где человек плечами дышет
и дети рождаются хулой
Там быстро щёлкает рубанок
а дни минутами летят

там пни растут. Там спит дитя.
Там бьет лесничий в барабаны.

1-2 мая 1926

16. Конец героя

Живи хвостом сухих корней
за миром брошенных творений
бросая камни в небо в воду-ль
держась пустынным поотдаль
в красе бушующих румян
хлещи отравленным ура
призыва нежный алатырь
и Бога чёрный монастырь
Шумит ребячая проказа
до девки 107-го раза
и латы воина шумят
при пухлом шопоте шулят
Сады плодов и винограда
вокруг широкая ограда
мелькает девушка в окне.
Софокл вдруг подходит к ней
Не мучь передника рукою
и цвет волос своих не мучь
твоя рука жару прогонит
и дядька вынорнит из туч
и вмиг разбившись на матрасе
восстанет молод и прекрасен
и стоком бережных имян
как водолей пронзит меня
Сухое дерево ломалось
она в окне своём пугалась
бросала стражу и дозор
и щёки красила в позор
уж день вертелся в двери эти
шуты плясали в оперете
и ловкий крик блестящих дам
кричал: я честь свою отдам!

Под стук и лепет колотушек
Дитя свечу свою потушит
Потом идёт в леса укропа
В куриный дом и бабий ропот
крутя усы бежит полковник
минутной храбростью кичась
Сударыня я ваш поклонник
Скажите мне который час?
Она же взяв часы тугие
и не взирая на него
не слышет жалобы другие
повелевает выйти вон.
А я под знаменем в бою
плюю в колодец и пою:
Пусть ветер палубу колышет
но ветра стык моряк не слышет
Пусть дева плачет о зиме
и молоко даёт змее
Я окрестясь сухим приветом
стелю кровать себе при этом
бросая в небо дерзкий глас
и проходя четвёртый класс.
из леса выпрогнит метёлка
Умрёт в углу моя светёлка
Восстанет мёртвый на помост
с блином во рту промчится пост
Как жнец над пряхою не дышет
Как пряха нож вздымает выше
Не слышу я и не гляжу
как пёс под знаменем лежу
Но виден мне конец героя
глаза распухшие от крови
могилу с имянем попа
и звон копающих лопат.
и виден мне келейник ровный
упряжка скучная и дровни
Ковёр раскинутых саней
лихая кичка: поскорей!
конец не так моя Розалья
пройдя всего лишь жизни треть
его схватили и связали

а дальше я не стал смотреть
и з<a>потев в могучем росте
всегда ликующий такой
никто не скажет и не спросит
и не помянет за упокой.

2 мая 1926

17. Казачья смерть

Бежала лошадь очень быстро
ее хозяин турондул
Но вот уже Елагин остров
им путь собой перегородил.
Возница тут же запыхавшись
снял тулуп и лег в кровать,
четыре ночи спал обнявшись
Его хотели покарать.
Но он вскочил недавно спящий
наскоро запер письменный ящик
и не терпя позора фальши
через минуту ехал дальше
Бежала лошадь очень быстро
Казалось нет ее конца
Вдруг прозвучал пустынный выстрел
поймав телегу и бойца.
Кто стреляет в эту пору?
Спросил потусторонний страж
седок и лошадь мчатся в прорубь
их головы объяла дрожь,
их туловища были с дыркой.
Мечтал скакун. Хозяин фыркал,
внемля блеянию овцы
держа телегу под уздцы.
Он был уже немного скучный,
так не ожидаю умерев
Пред ним кафтан благополучный
лежал местами прогорев.

Скакали день и ночь гусары
перекликались от тоски.
Карета плавала. Рессоры
ломались поперек доски.
Но вот седок ее убогий
ожил быстро как олень
перескочил на брег пологий
А дальше прыгнуть было лень.
О как < > * эта местность
подумал он смолчав
К нему уже со всей окрестности
несли седеющих волчат
Петроний встал под эти сосны
Я лих и нет пощады вам –
звучал его привет не сносный
телега ехала к дровам.
В ту пору выстрелом не тронут
возница голову склонил
Пусть живут себе тритоны
он небеса о том молил.
Его лошадка и тележка
Стучала мимо дачных мест
А легкоперое колешко
высказывало свой протест.
Не езжал бы ты мужик
в этот сумрачный огород
вон колено твое дрожит
Ты сам дрожишь на оборот
Ты убит в четыре места
Под угрозой топора
Кличет на ветру невеста
Ей тоже умерать пора.
Она завертывается в полотна
и раз два три молчит как пень.
Но тут вошел гусар болотный
и промолчал он был слепень
Потом вскочил на эту лошадь
и уехал на бекрень.

---

* пропуск в источнике текста. – *Сост.*

Ему вдогонку пуля выла
он скакал закрыв глаза
все завертелось и уплыло
как муравей и стрекоза.
Бежала лошадь очень быстро
гусар качался на седле.
Там в перемешку дождик прыскал
избушка тухнула в селе
их путь лежал немного криво
уж понедельник не ступил
– мне мешает эта грива
казак нечаяно говорил.
Он был убит и уничтожен
Потом в железный ящик вложен
и как-то утричком весной
был похоронен под сосной
Прощай казак турецкий воин
мы печалимся и воем
нам эту смерть не пережить
Тут под сосной казак лежит.

ВСЁ

19–20 октября 1926

18

друг за другом шёл народ
ужимки тая в лице звериные
он шёл все прямо потом наоборот
летели поля необозримые
там где зелёный косогор
река поворачивала круто
был народ как пуля скор
и невинен был как утро
еще пройдя с полсотни вёрст
кто то крикнул: «земля».
кто то сразу вытянул перст
но дальше итти было нельзя.
уж над людьми колыхалась ночь

проплывало миллион годин
уж не шагом они а в скочь
торапилися как один
и ещё прошло 20 лет
все умерли как по заказу
<1 ст. нрзб>
им с двух сторон по глазу

3 ноября <1926>

19. Ответ Н. З. и Е. В.

мы спешим на этот зов
эти стоны этих сов
э<т>их отроков послушных
в шлемах памятных и душных
не сменяем колпака
этой осенью пока
на колпак остроконечный
со звездой поперечной
с пятилучною звездой
с верхоконною ездою.
и два воина глядели
ждите нас в конце недели
чай лишь утренний сольют
мы приедем под салют.

Д. Х.

15 ноября <1926>

20. Случай на железной дороге

как-то бабушка махнула
и сейчас же паровоз
детям подал и сказал
пейте кашу и сундук.
утром дети шли назад.

сели дети на забор
и сказали: вороной
поработый я не буду
маша тоже не такая
как хотите может быть
мы залижем и писочек
то что небо выразило.
вылезайте на вогзал
здравствуй здравствуй Грузия

как нам выйти из неё
мимо этого большого
не забора. ах вы дети
выросла палеандра
и влетая на вагоны
перемыла не того
что налима с перепугу
оградил семью волами
вынул деньги из кармана
деньги серые в лице

Ну так вот. а дальше прели
всё супа – сказала тетя
всё чижи – ск<a>зал покойник
даже тело опустилось
и чирикало любезно
но зато немного скучно
и как будто бы назад
дети слушали обедню
надевая на плечо –
мышка бегала в передник
раздирая два плеча
а грузинка на пороге
всетвертила. – а грузин
перегнувшись под горою
шарил пальцами в грязи.

<1926>

21. Пророк с Аничкиного моста

Где скакуны поводья рвут
согнув хребты мостами
пророк дерзает вниз ко рву
сойти прохладными устами.
О непокорный! что же ты
глядишь на взмыленную воду?
Теребит буря твой хохол
потом щеку облобызает.
Тебя девический обман
не веселит. Мечты бесскладно
придут порой. Веслом о берег
стукнет всадник.
Уж пуст – челнок.
Уж тучен – гребень.
И, тщетно требуя поймать
в реке сапог, рыдает мать.
Ей девочка приносит завтрак
бутылку молока и сыр.
А в сумке прячет на завтра
его красивые усы.
В трактире кончилась попойка
Заря повисла над мостом.
Фома ненужную копейку
бросает в воду. Ночь прошла.
И девочка снимает платье,
кольцо и головной убор,
свистит как я в четыре пальца
и прыгает через забор.
Ищи! Никто тебе помехой
не встанет на пути своем.
Она ушла, а он уехал
и вновь вернулись вдвоем.
Как загорели щеки их!
Как взгляд послушный вдруг притих!
За ними горница пуста.
И растворились их уста:
– Мы плыли ночью. Было тихо.
Я пела песню, Милый греб.

Но вдруг ныряет тигр плавучий
пред нашей лодкой поперек.
Я огляделась вокруг. Фонтанка
проснувшись знаменье творит.
За полночь звякают стаканы.
Мой брат стучится: отвори!
Всю ночь катались волны мимо.
Купался зверь. Пустела даль.
бежали дети. А за нами
несли корону и медаль.
И вот, где кони рвут поводья,
согнув хребты сбегают вниз,
ноздрями красными поводят
и бьют копытом седока, –
мы голос ласковый слышали.
Земля вертелась в голос тот.
И гром и буря утихали
и платье сохло на ветру
И волчьим шагом оступаясь
на мост восходит горд и лих
пророк. А мы не плыли дальше
на брег скакая женихом.

ВСЁ

1926 года

22. Скупость

Люди спят
урлы-мурлы
над людьми
парят орлы.

Люди спят
и ночь пуста
сторож ходит вокруг куста.
Сторож он
не то что ты,
сон блудливый
как мечты,

сон ленивый как перелёт
руки длинные как переплёт.

Друг за другом люди спят
все укрылися до пят.
Мы давно покоя рыщем.
Дым стоит над их желищем.

Голубь турмань вьёт гнездо,
подъезжал к крыльцу ездок,
пыхот слышался машин,
дева падала в кувшин.
Ноги падали в овраг
леший бегал.
людий враг.
Ночь свистела –
плыл орёл.
Дочь мерцала –
путник брёл.
Люди спали –
я не спал,
деньги я пересыпал.
Я считал своё богатство.
Это было святотатство.
Я всю ночьку строжил!
Я так деньгами дорожил.

всё

1926 года

**23. Виктору
Владимировичу
Хлебникову**

Ногу на ногу заложив
Велимир сидит. Он жив.

1926.

**24. Стих
Петра-
Яшкина-
коммуниста**

Мы бежали как сажени
на последнее сраженье
наши пики притупились
мы сидели у костра
реки сохли под ногою
мы кричали: мы нагоним!
плечи дурые высоки
морда белая вохра
но дорога не платочек
и винтовку не наточишь
мы пускали наши взоры
вёрсты скорые считать
небо падало завесой
опускалось за лесом
камни прыгали в лопату
месяц солнцу не чета

сколько времени не знаю
мы гнались за возами
только ноги подкосились
вышла пена из уста
наши очи опустели
мох казался нам постелью
но сказали мы нарочно
чтоб никто не отставал
на последнее сраженье
мы бежали как сажени
как сажени мы бежали
!пропадай кому не жаль!

ВСЁ

<1926–нач. 1927>

Чинарь

Даниил Иванович Хармс

25

лошадка пряником бежит
но в лес дорога не лежит
не повернуться ей как почке
не разорвать коварной бочки

<1926–1927>

26

двух полководцев разговор
кидался шаром изорта
щека вспухала от натуги
когда другой произносил
не будь кандашки полководца
была-бы скверная игра
мы все бежали б-друг за дружкой
знамёна пряча под горушкой
Но вдруг ответ звучал кругами
расправив пух усов, комрот
ещё в плечах водил руками
казалось он взбежит умрёт
и там с вершины голос падал
его сверкала речь к ногам
не будь кандашки полководца
то поражение было-б нам
и вмиг пошли неся винтовки
сотни тысяч, пол горы
двести палок, белые головки
пушки, ведьмы,
острые тапоры.

Да-с то было время битвы
ехал по полю казак
и в седле его болталась
манька белая коза

<1926–1927>

Глядел в окно могучий воздух
погода скверная была
тоска и пыль скрипели в ноздрах
река хохлатая плыла

стоял колдун на берегу
махая шляпой и зонтом
кричал: «смотрите я перебегу
и спрячусь, ласточкой за дом»

И тотчас же побежал
пригибаясь до земли
в его глазах сверкал кинжал
сверкали в ноздрах три змеи

<1926–1927?>

28. В кружок друзей камерной музыки

неходите января
скажем девять – говоря
выступает Левый Фланг
– это просто не хорошо. –
и панг.

<январь 1927>

29

Берег правый межнародный
своемудрием сердитый
обойдённый мной и сыном.
Чисты щёки. Жарки воды.
рыбы куцые сардинки
клич военный. Облак дыма
не прорвёт могучим басом
не родит героя в латах.
Только стражника посуда
опорожница в лохане
Да в реке проклятый Неман
кинет вызов шестипалый
и бобёр ему на смену
носом врежется как шлюпка.
а потом беря зажим

сын военного прозванья
робкой девецы признание
с холма мудрого седла
наклоня тугую шею
ей внимает бригадир
бомбардейский командир
Запирает палисад
Марья ключница. И вот
из морей тягучих вод
Слава Богу наконец
выбирается пловец
Как народ ему лепечет
и трясётся на него
осудя руки калачик
непокорного раба
яхты нежные кочуют
над волнами поплавком
раскрываются пучины
перед ним не вдалеке.

24 мая 1926–январь 1927

30. Авиация превращений

Летание без крыл жестокая забава
Попробуй упадешь закинется неловкий
Она мучения другого не избрала
Её ударили канатом по головке.
Ах, как она упала над болотом!
Закинув юбочки! Мальчишки любовались
Она же кликала в сумятицах пилоту.
но у пилота мягкие усы тот час же
оборвались.

Он юношей глядит
смеётся и рулит
остановив жужжанье мух
слетает медленно на мох.
Она: лежу я здесь в мученьях.
Он: сударыня я ваша опора.

Она: Я гибну, Дай печенье.
Вместе: мы гибнем от топора!
Холодеют наши мордочки,
биение – ушло,
Лежим. Открыли форточки
и дышем тяжело.
сторожа идут стучат.
Девьи думы належке.
Бабы кушают внучат.
Рыбы плавают в реке.
Елки шмыгают в лесу
стонет за морем кашей
А над городом несут
Управление вещей.
То им дядя птичий глаз
ма < > * сердце звучный лед
вдруг тетерев я тишком зараз
улетает самолет.
Там раздувшись он пропал.
Кто остался на песке?
Мы не знаем. Дед капал
ямы стройные в тоске.
и бросая корешки
В глубину беспечных ям.
Он готовит порошки
Дать болезненным коням.
Ржут лихие удила
Указуя на балду
стойте други он колдун
знает < > дела
вертит облако шкапов
переливает муть печей
В небе тристо колпаков
Строит башни из кирпичей
Там борзое солнце греет
Тьму проклятую грызёт
Там самолёт в Европу реет
И красавицу везёт.

---

* пропуски в источнике текста. – *Сост.*

Она: лечу я к женихам.
Пилот: машина поломалась
она кричит пилоту: хам!
машина тут же опускалась
она кричит: отец, отец
Я тут жила. Я тут родилась
потом приходит ей конец
она в подсвечник превратилась.
Мадлэн ты стара холодна
лежать под кустиком одна
склонился юноша к тебе
лицом горячим как Тибет.
Пилот состарился в пути.
руками машет – не летит
ногами движет – не идёт
махнёт разок и упадёт
Потом года лежит не тлен
Тоскует бедная Мадлэн
Плетёт косичку у огня
мечты случайные гоня.
ВСЁ

Январь 1927

31. Искушение

Посвящаю К. С. Малевичу

**четыре девки
на пороге:**

нам у двери ноги ломит
дерним сестры за кольцо
ты взойди на холмик тут же
скинь рубашку с голых плечь
ты взойди на холмик тут же
скинь рубашку с голых плечь

**четыре девки
сойдя с порога:**

были мы на том пороге
Песни пели. а теперь

не печальтесь вы подруги
скинем плечи с косяка

Хор: все четыре. мы же только
скинем плечи с косяка

**четыре девки
в перспективе:** наши руки многогранны
наши головы седы
повернув глаза к востоку
видем нежные следы
Лишь податься на аршин
с незапамятных вершин –
всё исчезнет как плита
будет клумба полита
мы же хвалимся нарядом
мы ликуем целый день
Ты взойди на холмик рядом
плечи круглые раздень
ты взойди на холмик рядом
плечи круглые раздень

**четыре девки
исчезнув:** ГРОХ-ХО-ЧЧЧА!

**Полковник
перед зеркалом:** усы завейтесь шагом марш!
приникни сабля к моим бокам
ты гребень волос расчеши
а я российский кавалер
не двинусь. Лень мне или что
не знаю сам. вертись хохол
спaday в тарелку борода
уйду чтоб шпорой прозвенеть
и взять чужие города

одна из девиц: Полковник вы расстроены?

Полковник: О нет. Я плохо выспался.
а вы?

Девица: А я расстроена увы.

Полковник: мне жалко вас.
Но есть надежда
что это всё пройдёт
я вам советую развлекься.
Хотите в лес? там сосны жутки...
Иль может в оперу? Тогда
я выпишу из Англии кареты
и даже кучера. Куплю билеты
и мы поедем на дрезине
смотреть принцессу в апельсине
Я знаю: вы совсем ребенок
боитесь близости со мной
но я люблю вас...

девица: прочь нахал!

Полковник ручкой помахал
и вышел зубом скрежеща
как дым выходит из прыща.

девица: Подруги где вы?! где вы?!

**пришли четыре
девы сказали:**
ты звала?

**девица
(в сторону):**
я зла!

**четыре девицы
на подоконнике:**
Ты не хочешь нас Елена
мы уйдем. Прощай сестра
как смешно твоё колено
ножка белая вохра
мы стоим твои подруги
места нету нам прилечь
ты взойди на холмик круглый
скинь рубашку с голых плечь.
ты взойди на холмик круглый
скинь рубашку с голых плечь.

**четыре девицы
сойдя
с подоконника:**

Наши руки поднимались
наши головы текли
юбки серенькие бились
на просторном сквозняке.

Хор: Эй вы там не простудитесь
на просторном сквозняке.

**четыре девицы
глядя
в микроскоп:**

мы глядели друг за другом
в нехороший микроскоп
что там было мы не скажем
мы теперь без языка
Только было там крылечко
вился холмик золотой
над холмом бежала речка
и девица за водой
Говорил тогда полковник
глядя вслед и горячо
ты взойди на этот холмик
обнажи своё плечо,
ты взойди на этот холмик
обнажи своё плечо

**четыре девицы
исчезнув
и замолчав:**

?ПОЧ-ЧЕМ-МУ!

ВСЁ.

*18 февраля 1927 года
Петербург
Д. Х.*

32. Пожар

комната. комната горит.
дитя торчит из колыбели

съедает кашу. наверху
под самым потолком
заснула нянька кувырком.
горит стена. Посуда ходит
бежит отец. отец: «пожар!
вон мой мальчик мальчик Петя
как воздушный бьётся шар
где б найти мне обезьяну
вместо сына?» вместо стен
печи вострые на небо
дым пускают сквозь трубу
нянька сонная стрекочет.
нянька: «где я что со мной?
мир становится короче
Петя призраком летит».
Вот мелькнут его сапожки
тень промчится и усы
вьются с присвистом на крышу.
Дом качает как весы.
Нянька бегаёт в испуге
ищет Петю и гамак.
«где ж ты Петя мальчик милый
что ж ты кашу не доел?»
«Няня, я сгораю няня!»
няня смотрит в колыбель
нет его. глядит в замочек
видит: комната пуста
дым клубами ходит в окна
стены тощие как пух
над карнизом пламя вьётся
тут же гром и дождик льётся
и в груди сжимает дух
Люди в касках золотых
тапорами воздух бьют
и брандмейстер на машине
воду плескает в кувшине.
Нянька к ним: Вы не видали
Петю мальчика? Не дале
как вчера его кормила.
Брандмайор: как это мило!
Нянька: Боже мой! Но где ж порядок?

Где хваленая дисциплина?
Брандмайор: Твой Петя рядом
он лежит у цеппелина
Он сгорел и папа стонет:
жалко сына.
Нянька: Ох!
Он сгорел – и тихо стонет
тихо падает на мох.

20 февраля 1927 года

33. А. И. Введенскому

В смешную ванну падал друг
Стена кружилась вокруг
Корова чудная плыла
Над домом улица была
И друг мелькая не песке
ходил по комнатам в носке
вертя как фокусник рукой
то левой, а потом другой
потом кидался на постель
когда в болотах корастель
чирикал шапочкой и выл
Уже мой друг не в ванне был.

5 марта <1927>

34. Каментарий к философии А. И. Введенского

§I. –Удивление

он в комнату бежит на четвериньках
смотрит в комнате стол стоит

ах он рад, он пришёл на вечеринку
позабыв и молодость и стыд
Липавский пьёт легко и звучно

<начало марта 1927>

35

Купался грозный Петр Палыч
Закрыв глаза нырял к окну
на берегу стояла сволоч
бросая в воздух мать одну
но лишь утопленника чистый
мелькал затылок над водой
народ откудато плечистый
бежал на мостик подкидной
Здесь Петр Палыч тонет даже
акулы верно ходят там
нет ничего на свете гаже
чем тело вымыть попалам

<28–29 марта 1927>

36. I Фокусы

Средь нас на палочке деревянной
сидит кукушка в сюртуке
хранит платочек румяный
в своей чешуйчатой руке
мы все как бабушка тоскуем
разинув рты глядим вперед
на табуретку золотую
и всех тотчас же страх берёт
Иван Матвеевич от страха
часы в карман переложил
а Софья Павловна старуха
сидела в сокращеньи жил

а Катя в форточку любуясь
звериной ножкой шевеля
холодным потом обливалась
и заворачивалась в шиншиля
из-под комода ехал всадник
лицом красивый как молитва
он с малолетства был садовник
ему подруга бритва
числа не помня своего
держал он курицу в зубах
Иван Матвеевича свело
загнав печенку меж рубаш
а Софья Павловна строга
сидела выставив затылок
оттуда выросли рога
и сто четырнадцать бутылок
А Катя в галстук своём
свистела в пальчик соловьём
стыдливо куталась в меха
кормила грудью жениха
Но к ней кукушка наклонялась
как червь кукушка улыбалась
потом на ножки становилась
да так, что Катя удивилась
от удивленья задрожала
и как тарелка убежала.

2 мая 1927 года

37

Гражданка, вы куда пришли?
Что вы держате в руке?
Мы вчера с тобой катались
на всклокоченной реке.
ты глядела рыб жестяных
играла волосом черным черно
говорила: без тебя
мне младенчество вручено

а теперь пришла ты кукла
просишь корточку и брак
год прошёл и ты привыкла
заболев легла в борак
сторож длинными руками
положил тебя на кровать
ты в лицо ему смотрела
взор не в силах оторвать.

<конец мая 1927>

38

тихо падала сосна
в бесконечную паляну
выла бочка над горой
без движенья и без боли
и прикинувшись шакалом
Михаил бежал по шпалам

<конец мая 1927>

39

опускаясь на поленья
длинный вечер коротая
говорила в отдоленьи:
умер дядя. Я страдаю.

<конец мая 1927>

40. Н. А. Заболоцкому

Смотрю пропала жизни вежа,
я сам изрядно и зело
из Ленинграда прочь уехал
уехал в Детское Село

Пиши мой друг ко мне посланье
пока ухватка горяча
твоя строка промчится ланью
передо мною как свеча.

*10 июля <1927>
Детское Село
Воззал*

41

Кучер стыл.
Блестели дрожки.
Прутик робко рыл песок.
Ай на дыбы становилися матрешки
Ай за корой соловей пересох.
и наш герой склонился к даме
шептал в лицо привет соседке
а кони рвут
летят годами
бросая пыль к пустой беседке
дорога сдвинулась к ногам
кричали мы: направо! к нам!
верти, сворачивай, держи!
слова летали как стрижи

*19 августа 1927
Петербург*

42. Восстание

был стручок балован судеб
и в министерство к ночи мехом
шли коровы в звериной беде
замыкая шествие монахом
хитро звякали колокола
заманить хотели кучера

прочь слетали сапоги
в сапогах нога корячилась

племянник сядь манишку скинь
племянники, весны прощет не малый
племянники, война стоит колом
мерцает Бог и грустное подполье
не ведает пунцовых кобаков

<около августа 1927>

43. Комедия города Петербурга (часть II)

Петр

Я помню день. Нева шумела в море
пустая лехкая, небрежная Нева
Когда пришёл и взглядом опрокинув тучу
великий царь, подумал в полдень тусклый
и мысль нежная стянув на лбу морщину
порхая над Невой над берегом порхая
летела в небо, реяла над скучными лесами
тревожила далёкий парус в чудном море.
Тогда я город выстроил на Финском побережье
сказал столица будет тут, и вмиг
дремучий лес до корня острижен
и шумные кареты часто били в окна хижин.

Николай II

ты Пётр был царём.
О слава дней минувших!
взгляни как пламя трёпанное в высь. а я
уйду. Уйду с болот жестоких
прощай Россия! Навсегда прощай!
но нет я тут я тут как чорт иль печка
Руби! стреляй и тысяча пик коли!
очисти путь. и я наследник Божий
взойду держась за сердце на престол

и годы длинные железного монарха
пройдут над жизнями кочующих племён
благословенна ты Российская держава
а я твой царь и Бог и властелин
да Пётр. Я живу. Ты мне смешон и жалок
ты памятник бездушный и скакун
Гляди мне покорятся все народы. и царица
родит мне сына крепкого как бук.
Но только силы у меня нет Пётр силы
брожули я у храма(ль) у дворца-ль
Мне всё мерещится скакун на камне диком!
ты Пётр памятник бесчувственный ты царь!!!

Комсомолец Вертунов
(указывая на Николая II)

Связать его.

Щепкин

Закройте двери. Сквозняк невозможный. Царь просту-
дится.

Свита
(смеётся)

Ха ха ха ха ха ха ха...

балалаечник

в лес-ли девка бегала
юбку ль девка дёргала
пила мёда катوشку
за царицу матушку

Комсомолец Вертунов
Э-э мундирчик то бомазейный.
Царь тебе холодно?

Николай Второй
Отстаньте комсомолец Вертунов
отстанте!

Комсомолец Вертунов

что? разговаривать? тебе же дурак
добра желают. пожалели тебя. Видно человек
избалованный. Ты мне скажи, чай и плевал
не иначе как в подушки бархатные? а?

Щепкин

Да закройте же вы двери. Простудится же.

Комсомолец Вертунов

нет ты мне скажи в подушки
плевал в бархотные? а?

Николай П

(безразлично)

плевал

Комсомолец Вертунов

Вишь ты! Ну а ещё чего делал?
Ты парень не пужайся прямо говори
делал чего ещё?

Николай П

(безразлично)

делал.

(повысив голос)

Не хочу я говорить с вами, я плясать хочу. Ей музыка!

балалаечник

царь танцует

ветер дует

люди плачут

слезы льют

всё танцую

ветер дует

царь не скачет

ходад лют

Николай П

О Пётр где твоя Россия?
где город твой, где бледный Петербург?

куда попал я в Кострому на Небо,
иль в Парламент?
Скажи мне Пётр внуку своему.
Меня спросили: не плевал ли я в подушку
но я не знаю, я не помню, я забыл
Забыл, мне память изменила Пётр Пётр
скажи куда плюются все цари?

Пётр

В плевательницу или под стол.

Николай II

Позвать Комсамольца Вертунова.

Дворецкий

Слушаюсь ваше величество!

Комсамолец Вертунов

Что прикажите Ваше Величество?

Николай II

Здрате. Как на улице тепло или холодно?

Ком. Верт.

Тепло Ваше Величество.

Николай II

А я под стол плеваться умею!

Ком. Верт.

Очень интересно В. В.

Николай II

Хочешь покажу?

Ком. Верт.

Ну покажи!

Ник. II

Тпфу!

Ком. Верг.
вот это здорово!

Ник. П
Тпфу!

Ком. Верг.
Замечательно!

Щепкин
(вбегая)

Господа закройте дверь. Оттепель это самое опасное время! Моя тётя подарила мне перчатки, а папа сказал, что у меня и усы и борода и брови и всё-всё рыжее как у учительницы.

Комсомолец Вертунов
беги в Москву. Окаянный

Щепкин
(поёт)

я бегу верчу ногой
в небо прыгаю как лев
мне кричали: не здавайся
не смотри по сторонам
ну ка саблю вынь из ножен
и взмахни над голым пнём
твой удар и тих и нежен
рубит немца под сосну.

Комсомолец Вертунов
беги беги скорей!

Щепкин
(поёт)

дремлет Сокол в небе белом
я как птица в ночь бегу
Звери под гору ложатся
рыбы спят на берегу

только ты моя царица
в поле круглое глядишь
только ты головку ниже
опускаешь и грустишь

Комсомолец Вертунов

Ваня Ваня торапись! Ещё немного. Перепрыгни канавку. Вот Москва блестит пуще озера, домики плывут. Церковки послушные виднеются. Торопись Ваня!

Ваня Щепкин

(поёт)

Я пришёл к заветной цели
вот и пышная Москва
надо мной хлопочут люди
а кругом тоска тоска

Николай II

Господи какая проклятая жизнь!

Комсомолец Вертунов

Царь опомнись!
Тебе ли падать духом!
Тебе ли выть! прислушайся гремучим ухом
и жизнь прошлую забудь на век.
Тебе не много жить осталось. А ты
Зачем Зачем тревожил Ваню Щепкина
Зачем позвал меня и с хохотом промчался
мимо стана в поле крысой
расплату Бог послал. Прими в гробу недавнем
Её. и щеки впадше как букли осуши

Николай II

Молчи. Не стоит говорить
Я знаю всё. повесился великий полководец
когда прекрасная Мария горевала
и клавиши лежали под рукою
тут вечный Бисмарк об землю томился
но дочь его казалась нам другой

Смотри как лань визжат телеги
бегут погонщики. Смотри
под звоны шустрые калеки
несутся пламянем с утра
и всюду меч летит крылатый.
под опракинутой палатой
гляди тоскующие латы
висят как медные ветра
я знаю всё...

Комсомолец Вергунов

а помнишь день?
погода зимняя была и вьюги
шатались около Москвы
трещала хижина и дым не шевелился
и птицы падали в безжалостный сугроб
и чьих то ног следы мелькали
французская шумела речь
Откуда вы? из далека ли?
страну идёте пересеч
Ты помнишь царь Наполеона?
тебе гранитный вызов был
Москва врагом была спалёна
ты помнишь это?

Николай II

Нет забыл.

Комсомолец Вергунов

Забыл? Еще бы?
Хотя постой. Ты помнишь Фамусова?

Николай II

помню

Ком. Верг.

А Катеньку?

Она тебя встречала поцелуем на Морской
и зонтиком помахивая шла под ручку.

Вы заходили в ювелирный магазин
ты шёл как подобает Императору
а Катенька как виселица шла

Николай II

Да да

Ком. Верг.

Тише к нам идут
вон Фамусов а с ним Кирилл Давыдыч
и даже... даже Катенька. Пойдемте царь

Фамусов

Друзья! мы снова в этом доме!
Я вам сейчас представлю Комсамольца Вертунова
такой почтенный... Катенька вы покраснели?
и ты Кирилл Давыдыч? Вот не кстати!!
чего ты загрустил смутившись как дитя?

Катенька

Нет Павел Афанасьевич я рада
а покраснела просто так

Комсам. Вертунов

Скажите Фамусов как поживает князь Мещерский?

Фамусов

Спасибо. В здравствии.
разводит канареек.

Ком. Верг.

А дочь его прекрасная Мария?

Фамусов

Мария? Мария Богу душу отдала

Комс. Верг.

Зачем же Богу? Вот чужак
не можете оставить предрассудки

Обернибесов

Бог – это я!
Моя Мария!
Четырнадцать лет мы познакомились.
она впорхнула в мой тихий домик.
Я лежал.
Смотрю как будто дверь пошевелилась
как будто дунул ветер в комнату
и вдруг вошла Мария.
На стене кинжал. Ты видишь это?
Мария видишь это? Она сказала:
«Нет мне это всё равно!
Люблю тебя Кирилл Давыдыч
Бежим мне здесь противно! Кира!
ты весь распух и злостью переполнен
бежим на лошади на шарике воздушном!
нырнём под океян и снова в даль промчимся
и лехкой амазонкой через горы
задрбезжим в туманное окошко
мелькнёт отец мы крикнем: досвиданье!
!бежим! Кирилл Давыдыч – мы свободны!»
А я сказал: ты видишь Бога?
Бог – это я,
а ты Мария – не двинишься от брэнного испуга.
Очей не вскинешь. и как птица
умрешь от ласковой руки!

Щепкин

(поёт)

Жил разбойник над горою
в тихом домике с окном
люди разные боялись
к той горе дитей водить
Но лишь только звёзды кинут
взоры нежные к ручью
над горой печальный житель
теплет белую свечу

Николай II

Свяжите его! Это не человек а берёза какая то!

Фамусов

Успокойтесь Ваше Величество. Ну мы свяжем
его, убьем.

Какая польза?

Он после завтра оживёт и снова
будит петь как нищий у перил
не в жизни цель, а в песне
как говорил мой друг Мищерский, князь
пройди всю землю, но хоть тресни
ты не найдешь такую грязь

Николай II

а как по вашему,
Кирилл Давыдыч злой Обернибесов
он лучше что ли или как?

Фамусов

Свежей. Спросите князя.
Он знаток души и тела

Николай II

Но где достать такого мудреца?

Фамусов

Мой князь живёт в Швецарии прилежной
Пускай Кирилл Давыдыч нам гонцом послужит
Ему в дорогу дайте спирт и порученье.

Николай II

Садись голубчик в аэроплан
лети голубчик через Мон Блан
на поворотах стягивай живот
ты прилетишь где князь живёт
Скажи ему чтоб он был здесь
Скажи ему что я его тесть
и как то будучи повешен
за мой язык среди орешен
я в руки брал перо стальное
мокал, но мимо пузырька
писал приветствие шальное
в кусты чихая изредка.

Лети к нему Обернибесов
аэроплан я тебе подарю
бутылку на там спирт древесный
его полож в летучий трюм.
Ты им в пути себя согреешь
Мон Блан увидишь на заре лишь
тогда нажми вот эту кнопку
и выбрось прочь бутылку с пробкой.

Катенька

Прощай Кирилл Давыдыч!

Фамусов

Смотри как следует за леронами!
Ниже трёх сот метров не опускайся.
Когда прилетишь спроси куда попал
(убегает со сцены за аэропланом).

Комсомолец Вергунов

Чудак
Вообразил себя чорт знает кем!
Зритель кокого мнения ты об этом человеке?

Зритель

А уж будьте покойны, вильнёт хвостом и
ищите где хотите.

Комсомолец Вергунов

Ну да! Не хватит решимости.
Ваня что скажешь?

Щепкин

Николай II кровью харкает. Доктора бы позвать.
кстати было бы.

Комсомолец Вергунов

Постой не до этого

Зритель

То то и оно то! Как не все дома
ничего и не попишешь

Комс. Вертунов

Ну ты там, тебе волю дали так ты
и нахальничать. Мне лучше знать что я делаю.

Зритель

А я маме пожалуюсь.

Комс. Верт.

Иди и жалуйся. Жалко что ли

Зритель

Вот и пойду!

Комс. Верт.

Вот и иди!

Зритель

(уходит)

Комс. Верт.

Фу! будто камень с плеч сняли.

Фамусов

(входя)

А где же царь?

Комс. Верт.

Чорт их знает. Когда нужно ни одного чорта
под рукой не найдешь. Что улетел.

Фамусов

Да уж скоро и назад будет. Катюша тоже ушла?

Комс. Вертунов

А ну их всех. *(уходит)*

Фамусов

(один. Задумчиво)

раз два

раз два

раз два три
раз два три
раз два
Порр – тугалец.
(по сцене пробегает человек)
Эй куда бежишь?
раз два
раз два

Занавесь.

ДЕЙСТВИЕ II

Князь Мещерский

Эй отварите!
Я князь Мещерский
приехал в Питер
хочу проведать кто тут мерзавцем
меня Светлейшего назвал
Всех разобью одной рукою
И к чёртовой матери пошлю
Попробуй только выйди! Дважды
убью такого смельчака
сожгу и пеплом разбросаю
по всей земле!
ты кто такой?

Сторож

Вы здесь потише! Не скандальте!

Князь Мещерский

Скажите? Он меня...
Нет послушайте...
да ты-то знаешь
Вот эти руки гнут пятак!

Сторож

А если вы сейчас не замолчите
я вас могу арестовать

Князь Мещер.
Арестовать? валяй попробуй!
Я это так и ожидал!

Сторож
Вы арестованы! Пойдемте.

Кн. Мещ.
Не толкайся!
Веди хоть к чорту на рога.

Ком. Вертунов
(входя)
Ах это вы!

Кн. Мещ.
Да. Приехал. Тут проживает Николай II?

Ком. Верт.
Тут, но сейчас он болен
лежит в кровати как бревно.

Князь Мещерский
Эй служивый! Чего глядишь?
Веди к нему!

Сторож
К кому то ись

Князь Мещерский
К царю что как бревно лежит.
Четыре шага до ворот осталось
а лужа тут валяется как чорт!

Сторож
а вы её с размаху перепрынте!

Князь<ъ> Мещерский
(прыгнув)
Куда итти
на право или в бок?

Сторож

Сюда пожалуйте.
(открываются ворота).

Николай II

(в кровати)

Куда смотреть?
Везде злодеи. Вон один
Открыл безумную рубашку
и слушает зажмурясь граммофон.
Вон рыцарь ходит с алебардой
хранит покой чиновника.
Вон сторож, комсомолец Вертунов,
а с ними кто-то мне до селе не известный
должно какойнибудь проситель.

Князь Мещерский

Здравствуй царь!
я прилетел на крыльях быстрых
Кирилл Давыдыч мчался тут же.
Казань мелькнула, вышел Питер
раздулся в голову и треснул
Фонтанкой бился, клокотал
и шлёпнулся к Неве у самого болота.
Мы вылезли и прочитали:
«город Ленинград»

Николай II

Да это правда
Боже Боже!
Еще совсем недавно
Я бегал мальчиком
и кушал апельсин
тоскал невинные конфетки из
кормашка
и падал в ужасе при виде мужика

Комсомолец Вертунов

Но мало ли что было!
Я однажды купался в речке.
Вдруг смотрю плывёт как будто рыба.

но взглядевшись – я крикнул как сарыч
и выскочил на берег.

Князь Мещерский
Что же это было?

Николай II
Ну?

Ком. Верг.
Это был простой комочек
нежных прутиков и мха
я кричал что было мочи
испугавшись как блоха.
А потом четыре ночи
Жизнь казалась мне плоха.

Николай II
Вот это здорово! Ты трус. И все вы такие.
Испугался прутика! А если бы увидел палку?

Ком. Верг.
(в сторону)
Каждый день вижу дубину тупоголовую.
и ничего! Не страшно.

Князь Мещерский
Ну к делу Господа!
Зачем вы меня вызвали?

Николай II
Твой ум понадобился.

Ком. Верг.
Решите нам. Кто лучше.
Ваня Щепкин Или этот
Кирилл Давыдович Обернибесов
один печальный и ненужный
другой с корзинкой на плече.

Князь Мещерский

По мойму лучше тот
который из пелёнок
уже кричал «брависсимо»
и дергал за усы
папашу или дядю
Когда они крестясь
и в сторону покашливая
медленно и с пафосом
пели ирмосы

Николай II

Восхитительно!
Какая мощь бесстрастного сужденья
Мы позовём Кирилл Давыдыча
и спросим
каков он был в младенчестве своём.

Щепкин

(вбегая)

Сейчас только что из Москвы. Прибежал
туда а там всё так же как и у нас. Такие же
дома и люди. Говорят только наоборот.
«Здравствуйте» – это значит у них «прощайте».
Я и побежал обратно. Только где-то по мойму
окно открыто – дует. Я бежал – так вспотел.

Николай II

А! нам то тебя и нужно. Скажи пожалуйста,
когда ты был еще в пелёнках, дёргал ты папашу
или, ну скажем, дядюшку своего за усы?

Щепкин

Что?

Николай II

Ты дёргал за усы папу или маму?

Щепкин

Зачем?

Николай II

Значит не дёргал?

Щепкин

Ваше величество не погубите.

Николай II

Ну ладно ступай себе.

А что Кирилл Давыдыч пришёл?

Комсомолец Вертунов

Нет его всё ещё нету. Вон идет Фамусов, но кажется один. Павел Афанасьевич где же ваш друг?

Фамусов

(входя)

Он отказался итти сюда!
я говорил ему: послушай! Пойдём!
а он в накидку завернувшись
стоял у входа
Я тотчас же всё понял.
Он тоскует.
В его руках виднелась книга
Он пальцем заложил страницу
Молчал. и только грудь казалась
да плащ казался мне крылом

Щепкин

Смотрите он идёт сюда

Комс. Верт.

Что Фамусов?

Не вышло дело?

Хотел прикинуться ягнёнком?

Вон щёки выкрасил шафраном
но выстреч когти позабыл.

Николай II

Ну, где же он?

Щепкин

Вон там шагает по мосту...

Князь Мещерский

Помойму это лошадь

Щепкин

Нет вон там.

Николай II

Ах да теперь я вижу
в руках он держит колокол

Князь Мещерский

не колокол, а выстрелы!

Щепкин

Бежимте господа!

Комсомолец Вергунов

Постой, куда бежать?
Царь не волнуйся.
Я приказал стоять у входа Крюгеру
он смел и безобразен
Мальчишка не пройдет
и ветер не промчится
Он всякого поймает за рукав
толкнёт в кибитку
свистнет пальцем,
Не бойтесь!
Крюгер — это воин.
Он хранит.

Щепкин

(поёт)

У дверей железный Крюгер
саблей немцу погрозил
но всплеснув руками падал
выстрел Крюгера сразил.

Комсомолец Вергунов
Как его убили?!

Сторож
(вбегая)

Ваше Величество! Стоящий на посту
Эмануил Крюгер, только что убит
неизвестной женщиной.

Николай II
Что же это такое?

Сторож
Не смею знать Ваше Величество!

Николай II
Измена! Или ты мерзавец лжёшь!
подать мне Крюгера!
Хочу чтоб все ушли!
Я с ним на едине желаю разговаривать.
Поставте Самовар
и заварите чай.

Князь Мещерский
Но ведь его кажись прихлопнули?

Николай II
Молчи и не пытайся...
Я буду ждать пока он не придёт.
Пускай шагает по мосту Обернибесов
Не в этом дело. Он злодей.
А ты лети к себе в Швейцарию
там лучше
Уйди от солнца, скройся от людей.
Мне нужен Крюгер.
кто сказал: «он умер?»
Где Крюгер? Пётр! Крюгер где?
Вон Щепкин говорит его убили!
Где Крюгер? Пётр, где?!
Я жду.

Комсомолец Вертунов

Напрасно ждёшь.
Не слышет Пётр
и Крюгер в комнате лежит
его рука бездумно машет
свисая тучей со стола
не подходи к нему он тих
он сочинил последний стих.

Фамусов

Что же мы будем ждать Обернибесова
или пойдём?

Князь Мещерский

Вот город!
Вот страна!
Я прилетел на родину
и что же
не родина а булка!
не родина а Гроб!
на улице танцуют мандарины
в окошко залетает борода
я вижу лес, квадратные долины
а сбоку приютились города,
и там сидят ещё цари
играют в карты до зори
потом ложатся. Боже мой!
Улечука я домой.

Факельщики

(вносят Крюгера)...

Умер Крюгер как полено
ты не плач и не стони
вон торчит его колено
между дырок простыни
Он лежит и не вздыхает
он и фыркает и рад.
В небе лампа потухает
освещая Ленинград

Обернибесов и сторож на мосту.

Сторож

Кто идёт!
Откликнись кто идёт!
Эй слушай кто ты такой!
Стой, не пушу!
Ответь куда идешь и как зовут.

Обернибесов

меня зовут Обернибесов
иду в пространство. Я один.
На пароходе плыл сегодня в пустую гавань.
был обед.
я сел на палубе за столик одинокий.
Смотрю идёт Мария.
Я кадет.
Но я сказал: «Мария ты прекрасна
Иди ко мне за мой печальный стол.
Иди сюда». Но было всё напрасно.
Она прошла и суп остыл.

Сторож

Ай Ай караул!

Обернибесов

Молчи.
Я создал мир.
Меня боятся.
Но ты мой друг не бойся. Я поэт
Схвачу тебя за ножки
и как птицу
ударю с возгласом о тумбу головой.

Сторож

(вырывается и бежит)

Караул! Грабитель!

Обернибесов

(бежит за ним)

Ах – ыр рар, рар – рrr –

Второй план

Пётр

С тех пор как умер Крюгер
Я опечален. хожу по городу
в рубахе. Всё коряво!
и ты двубортный замок тем не блещешь
Что пыль хранишь и чувствуешь царя
и ты на мостике голодная избушка
не чудо кутаешь в солому средь коней
пройдет ли мимо князь
ну ладно! ты хромаешь
взлетит ли туча быстроя к нему потолку
Опять зима! на улице смеженье
Вон баба щёлкает орехи на суку.
Тогда у Зимнего дворца печален
Стоит как прежде Крюгер на часах...
глядит в безоблачное небо Крюгер...
тпфу – ты!
не Крюгер в небо посмотрел
а ты.

часовой
который час?

Пётр

четыре.
Да! нечего сказать, кругом
лохань бесбожная! Вон Катенька спешит
должно быть на свиданье с комсомольцем
Вертуновым.
Россия где же ты!

Обернибесов

тут. в кулаке.
красиво? Схватил и всё тут.
Я пришёл сюда на трубочках.
Я Бог.
Вон хочешь эта девка обернётся?

Я брошу камень в мельницу и он
распухнет от тоски нечеловеческой. А девка
свернёт в кусты и ляжет на траву.
Мне это всё знакомо. Я копыто.
Не веришь? Посмотри сюда.
В моих глазах шумит водичка далеко.
Мария как то увидала птицу
и говорит: Кирилл Давыдович
убей на память!
и тут же посмотрела мне в глаза.
С тех пор я всё тоскую. Мне не скучно
но некого ударить по зубам.

Пётр

Я то же всё искал
Кого бы изнеможить
Кому бы хрустнуться.
но то же без следа.

Обернибесов

А я нашёл
Смотри как пуделю обрежу подбородок
и вздохнув
среди бела дня тебя перекалечу.
Беги!

Пётр

(бежит)

Обернибесов

(бежит за Петром).

Ага! Я Бог но с топором!!

Первый план

Князь Мещерский

(сидя в аэроплан)

Ну ладно! Прочь из этих мест.
Какой позор!

Я больше тут не буду повторяться.
Мерзавцы! Вызвали меня!
Светлейшего и мудрого как чорт.
Судить какого то Обернибесова и Ваню Щепкина.
Эх тѣти! Куда уж вам!

(входит Катенька)

bon jour!

Катенька

Я так ужасно торопилась
Что даже юбку порвала.

Князь Мещерский

Катенька! скажите мне на милость
откуда здесь у вас на кофточке трава.

Катенька

Соринка выпала из глаза.

Князь Мещерский

Я не видал ещё ни разу
таких зелёных попереч.

Катенька

Вон петушок идет по реч.

Князь Мещерский

Но вы прелестная какотка
передо мной чуть чуть коротка.

Катенька

Не говорите глупости. Я млею
и целоваться не умею.

Князь Мещерский

Ого стоп стоп, не уходите

(входит комсомолец Вертунов)

и не жардар пр пр.

Комс. Вертунов

Чего это вы тут друг друга обнимаете?

Катенька

Я вся в слезах.
Он так нахален
и так безумен как свинья.

Князь Мещерский

Позвольте я пробывал на искренних
струнах...

Комс. Вертунов

Довольно!
мне лож противна!
Лети откуда прилетел!
Мы с Катей по другому обойдемся

Обернибесов

(входя)

На крыше ходит кот.
Он мясо нюхает в амбаре
идёт в катушку. Я смотрю
кипят жерла. Дороден мир!
Ликуй черкешенька! Сверкает.
Базиль павойники несёт
то кучер сани запрегая
скулит в убогие уста.
А я владыка над Москвою
Марию в кухне целовал
ложился в ямочки с тоскою
и руки в мыльницу совал.
Она умрёт. Я сверху вижу
вонзаю ножик под бока.
Я в колыбел бросаю лыжу
еще холодную пока.

Она поёт: Кирилл Давыдыч
ну обернись еще разок
а я подумал: это чудо.
и повернулся как зрачок

Князь Мещерский

Улетаю под небесья
Катя сумочкой маши
и поклон ему отвесья
мне любовную пиши.

Катя

Мой жених меня бросает
он другую полюбил
я приду к тебе босая
только б ты его убил.

Князь Мещерский

Я как птица над горою
Говорю тебе: блесни
видишь холодно, закрой
двери настеж и усни

(улетает)

Комс. Вертунов

Закотилося гора.
Катя поздно. Спать пора.

(комс. Вертунов и Катя уходят)

Обернибесов

(один)

Да. Лучше не смотреть.
Ну что это за люди?
Я создал их в поспешности.
тепер я понял.
Когда я проходил с улыбкой по Пассажу
мне вдруг мелькнула мысль:
«верно ты меня Мария позабыла».

но тут же спохватился
и вынув папиросу закурил.
«Не может быть – сказала казначейша, –
не в наше время забывать его».
Тогда пробило десять вечера.
Я посмотрел в чуланчик.
А там Мария волосы плетёт
и называет Бога: «мой хороший»
а на меня глядит как зверь.
Я понял – это хитрость небольшая
потом сказал: «Бог это я.
А ты Мария дитя бесславное». Казалось
она молчит. Но это ложь.
Она тихонько попадала
в бездонный город Петербург.
и взоры нежные кидала
и улыбалась наверху
а я стоял как на помостах
трубил в подкову горячо
потом совсем по детски просто
я целовал её в плечо:
Она визжала и носилась
мне ночью кораблем приснилась
и я схватив железный меч
рубил сырую мачту с плечь

Зановесь

ТРЕТИЙ АКТ «КОМЕДИИ ГОРОДА ПЕТЕРБУРГА»

I – Офицер

Ох и время. Всё клопы
баня грязна. Я брезглив
лучше в море окунусь
ноги потные заголив.
Не спасет меня мундир
буйной молодости сувенир
женских ласок покоритель
царской милости сведетель.

II Офицер

Ты смешон и старомоден
рассуждаешь не в попад
ручеек из самовара
принимаешь за водопад.
Ты возьми с меня пример
я среди житейских волн
стал хороший землемер
и работаю как вол.
Жизнь полная труда
мне приятна и мила
так и ты иди туда
куда всех революция привела.

I Офицер

Оставь я создан для другого
Я таю свечкой на дожде
ты помнишь Петю Пирогова?
он мой товарищ по нужде.

II Офицер

Как хочешь, поступай как знаешь.
Хотя, по правде говоря
Всё это ложь. а жизнь иная-ж
придёт в начале января.

I Офицер

О если бы! О невский! О кареты!
О княжеский покой, народа тихий ропот.
Россия! ты владычеством согрета
орлом двухглавым вознесёшься над Европой
твои сыны запрыгают как дети
как юноши в подтяшках на снегу
и буду я вдыхать минуты эти
с блаженством божеским на невском берегу.

Оба

(поют)

Комунистам и татарам
соро крах скоро крах

Англичане ведь не даром
на парах на парах

(пляшут раскидывая ноги)

I Офицер

Что это?

II Офицер

Помойму это стол.

I Офицер

Но он несется как покойник!

II Офицер

Да это призрак современный
летит в пивную. Вон и стул.
А вот и Пьяница и дама
и мы с тобой и вся земля!
Бежим на улицу, посмотрим
бутылку выпьем и назад.

Стол

Мне хлаблости недостаточно. Одной.

Пьяница

Врёешь врешь врешь.
Это ты врешь.

Стол

Потому что ни для циво не употлеблён.

Дама

Фу какие глупости говорите.

Пьяница

Это ему наше поведение не ндравится.

Дама

Сашка, мерзавец! не хватай меня...!

Пьяница

Подождижд подождижд...

Дама

Нельзя, нехочу.

(Отбивается. Пьяница целует ее).

II Офицер

Поцелуемся и мы!

I Офицер

А! валяй!

(целуются)

II Офицер

Какая чудная погода!

I Офицер

Немножечко пресна.

II Офицер

Но это лучшее время года:
петербургская весна

I Офицер

Давай поцелуемся.

II Офицер

Давай поцелуемся.

(целуются)

(Комсомолец Вертунов едет на велосипеде)

II Офицер

Гражданин!
Вы что-то уронили.

(Комс. Вертунов останавливается и слезает)

II Офицер
С первым апрелем!

Комсомолец Вертунов

Как?

I Офицер
Ну мы просто пошутили!

II Офицер
Первого апреля это так и полагается.

(молчание)
Мы с вами пошутили.
(Молчание)

I Офицер
Потому что когда хорошая погода... Первое
Апреля...
Он вам крикнул...

(Комсомолец Вертунов молча уходит с велосипедом)
видел?

II Офицер
видел. дело дрянь. Он понял кто мы такие.

I Офицер
Да, мы опасные люди
(шёпотом) мы опасные люди
(с возвышения) мы опасные люди!

II Офицер
Я уверен что мы опасны<е> люди

(Идёт Николай II с портфелем)

II Офицер
Здравствуйте Николай Александрович.

Николай II

Добрый день. Что нового?

I Офицер

Плохи дела! Здравствуйте

Николай II

Добрый день. Что же случилось?

II Офицер

Вы знаете какие мы с вами опасные люди. Большевики это прекрасно знают. Сейчас мы видели комсомольца Вертунова, он явно следит за нами.

I Офицер

Ещё бы народ на нашей стороне.

Николай II

Армия тоже. Я видел на днях как солдаты заметили меня шли опустив голову и кидая из-под лобья такие взгляды на своих командиров, что я всё понял. Скажи я слово и они как один умрут за освобождение отечества.

II Офицер

Но нас могут выследит<ь> и самым спокойным образом убить.

Николай II

Ничего. В больнице вместе со мной служит некий бывший человек Иван Аполонович Щепкин. Он всюду имеет доступ. И уж в случае чего сказал-бы мне что у них там неладное.

I Офицер

Дай-то Бог. Не долго и осталось. Я слышал Николай Николаевич готовит 100 тысячное войско, вооруженное такими газами от которых помрут только коммунисты.

Николай II

Да это правдо. Мне Щепкин рассказывал уже.

(Закуривают и уходят).

Голос за сценой. I Офицер

Николай Александрович, – а скоро
это всё-таки случится?.....

(Входят: Комсомолец Вертунов и Катя)

Катя

Что же это ты так долго?

Комсомолец Вертунов

Да вот по дороге задержали меня два дурака.
Ещё издали еду смотрю пляшут двое ногами –
дрыгают. Когда я подъехал один кричит:
«Гражданин потеряли что-то». Я слез,
а они в восторге что надули с 1 апрелям.

К Ш-ЕЙ ЧАСТИ «КОМЕДИИ ГОРОДА ПЕТЕРБУРГА»

Интермедия

взмахнули плечи круглые
девица ты недобрая
уйди Мария в просеку
кричи от туда тетерем
маши от тудо зонтиком
скачи от тудо кренделем
танцуй от туда в комнату
в чуланчик или комнату

мальй Хор

в том чулане
в том чулане
залитала
птица рыжая

на скамейке
дева желтая
расплетала
косу чёрную

большой Хор

проходили
звери дутые
закрывались
окна с трепетом

мальй Хор

проходили
звери дутые
разбивалася
птица рыжая

а по морю – ту по согнутому
плыли дружные разбойнички
подплывали ночью к домику то те
бессердечные разбойнички
всё то ручками они да пырещупывают
за волосья деву сонную захватывают
просыпалось голубка потревоженная
матка плакала и в горницу заглядывала

Разбойники хором

Нука девки пошивеливайся ты
Лёвка по полу притопнет каблуком
зашатается по городу кабак
опракинутся дороги в пустоту

Мария

Я... прошу... отпустить... меня...

Разбойники

Ты по воздуху от нас не убежишь
опракинулась дорога в пустоту.

Мальй хор

Стены кубарем попадали в моря
и уплыли звери дутые домой

I-ый разбойник

Хочешь нам варить мясо?

Мария

Нет не хочу

II-ой разбойник

Хочешь нам завязывать галстуки?

Мария

Нет не хочу

III-ий разбойник

Хочешь нам рассказывать о тучах?

Мария

Нет. Я с воздухами не знакома
и в тучах птицей не была
я косы чёрные плела
меня искал Обернибесов
стучал в кривую дверь порой
и тихо плакал на колёсах
над горой
он точил о камни ножик
тепил белую свечу
человек летать не может
он же крикнул: полечу!
он умчался из окна
я осталась одна
не была я птицей в тучах
был мой друг
был мой друг
вейтесь бубы и лучи!
он придёт и постучит
вдруг!..

(значит улетает)

Разбойники

Стой! Стой! Стой! Стой!

Возврати твою цидулину душа

Лёвка по полу притопнет каблуком
зашатается по городу кабак
опракинутся дороги в пустоту

Мальй Хор

Улетала девка соколом от них
и разбойники танцуют без неё
Машка плачет и при<п>лясывает эх!
всё откидывает голову назад
проплывает мимо горницы тапор
а за ним Иван Иваныч Самовар
Лёвка падает в кривое решето
Тухнет солнышко как свечка на ветру –

(свет тухнет и музыка затихает)

III ЧАСТЬ

Щепкин

(вбегая)

Закройте двери! Зквозняки-то какие!
Вон и то окно надо закрыть. Тут и простудиться
не мудрено.

Фамусов

Бумажка по ветру летит
Кольшутся портьеры, шторы
взовьется пыль из под ковра
госары шепчутся: пора
сейчас гофмейстер сняв покров
чуть слышно скажет: будь готов
и машет вдруг на колокольню
Уже в дверях собачий лай
скрипенье санок, звон, пальба –
отбросив двери Николай
ступает в комнату. Тогда
бегут в погоню канделябры
лучи согнутые трясутся

мелькнёт корета, обожжётся
глядишь! под голову ныряет
и криком воздух оглашая
ворвётся в дом струя большая
Дудит в придворные глаза
в портьеры, в шторы, в образа
колышет перья, фижмы, пудру
вертится, трогает струну
дворцы ломает в пух и к утру
потокотом льётся на страну.
летит волна, за ней другая
царицу куклой кувыркая
козлиный комкая платок
царя бросаая в потолок.

Щепкин

(поёт)

вьются шторы, вьются перья
дует ветер вдоль плетня
я пойду, закрою двери
только ты подожди меня

Фамусов

Да брось ты мы окна закроем
ты видишь я: иду иду
толкаю раму танцуют запоры
и винтики глянь заскользили по льду

Щепкин

(поёт)

Закройте раму, закройте двери
ветер не злися и к нам не лети
темною ночью выйдут звери
выйдут крылатые нас найти

Фамусов

не бойся Ваня
пройдёт ликование
звериные тысячи
круглая барыня
чудо кошачие
горе лежачее

Щепкин

(кричит)

не боюсь я Павел
не страшусь я Афанасьевич
я ружьё направил
на врага летучего
на врага презренного
без копыт и паруса

Зверь

пропади мерзляк
я за мерелю каля
вылю плю на кулю коку
дулю в каку кiku пулю

Щепкин

Да это что же такое?!

Человек похожий на колбасу

Он без зубов потому что

Щепкин

а ты то кто?
Караул! *(роняет ружьё)*

(Из ящика выскакивает пугалка с головой на длинной пружине)

Пугалка

молчать-чать-чать-чать-чать

Чудовища хором

мы любимцы сквозняка
сквозняка сквозняка
мы летим из далека
далека ка

Фамусов

Убирайтесь вон!
Здесь я хозяин.

а вы ничто, пустое, миф
вы плод фантазии досужной
живёте солнце осралив

Чудовища хором

(с музыкой)

О любезный Фамусов

/-/ /-/

ты киргиз но без усов

/-/ /-/

(Влетает Мария)

Мария

Ах, куда я попала?

Щепкин

Батюшки

Фамусов

Гм

Мария

я тихо по морю каталась
но потеряла вдруг весло
тут паруса мои надулись
и лодку ветром понесло
ко мне пришла теперь идея
она проста: скажите где я?

Щепкин

Вы в городе Лептербурге.

Мария

Где?

Фамусов

В Ленинграде

Мария

в столицу значит я попала
прекрасно! очень хорошо
здесь на Неве живёт хороший мой знакомый
Трёхэтажный. он служит в банке
старший счетовод.
Его зовут Кирилл Давыдыч Трёхэтажный
он ходит, милый мой, с корзинкой на плече.

Фамусов

скажите Трёхэтажный вам не дядя?

Мария

о нет. он мне жених и друг

Щепкин

странно он мне кого-то напоминает.
Вот так в глазах и вьётся
так и вьётся

Фамусов

он верно пуп земли?

Человек похожий на колбасу

растительность природы?

Зверь

квулячья куманда?

Мария

нет, просто человек

Щепкин

но всё же вьётся в ухо
в глаза проклятый вьётся
и память растревожив
не сходит с языка
какой-то Трёхэтажный
Кирилл Давыдыч как-то
он вьётся так и вьётся
на вьюгу на вьюгу

Николай II

(входя)

Ба! вся ученая компания!

Щепкин

Здраво желаю Ваше Величество.

Николай II

поклон

А это кто?

Мария

меня зовут Мария

Я с бабушкой жила в чулане

гуляла в парке ездила в Казань

потом вскочила в лодку и веслом кружа

умчалась в поцелуй ножа

летела к вам на шарике воздушном

держа канат в простуженной руке

и вдруг увидя золотые башни

шипенье труб и щёлканье ракет

подумала: вот это город. уплывает море.

наступает утро. в небе синева.

а сквозь колышется Нева

Пётр

Да это я построил город здесь на Финском побережьи

сказал столица будет тут. и вмиг

дремучий лес был до корня острижен

и шумные кареты часто били в окна хижин

Николай II

Ты Пётр был царём

а я брожу как дева

шатаюсь вдоль реки. О бражная Нева!

пройдут года, недели пронесутся

но ты красавица в моря не уплывёшь

Варяга ли набег иль немца крик досчатый

иль ярость косая урал перелетит

тебя красавица
и гром не потревожит
и город на падёт на берегах Невы.
А я прощай,
прощай моя подруга
Уйду с болот в бесславии своём.
Прощай Россия.
Потухает жизнь... –
Ну что ж Мария, ты зачем пришла?

Мария

Здесь мой жених. Кирилл Давыдыч
он служит в банке. Я люблю.
Его фамилия как буд-то Трёхэтажный
а ходит он с корзиной на плече

Николай II

Ах как же знаю знаю
Вот так штука!
Кирилл Давыдыча не знать!
мы даже спорили и Щепкин в том свидетель...
...А, моё почтение!

Комсомолец Вертунов

Здравствуй царь.
моя жена – извольте вам представить
зовут её Катюша

Николай II

Очень рад

Ком. Верг.

А это Павел Афанасьевич Фамусов

Катюша

Но мы уже знакомы!

Комс. Верг.

А это Ваня Щепкин?

Щепкин

Вашь слуга

Комс. Верг.

А это кто?

Ник. П

Мария Павловна
приехала в столицу к жениху

Комс. Верг.

в какую столицу?

Ник. П

в Петербург

Щепкин

в Ленинград Ваше Величество

Комс. Верг.

в какой такой Петербург?!

Ник. П

в город Пе – тер – бург.

<сентябрь 1927>

Петербург

44

выходит Мария отвесив поклон
Мария выходит с тоской на крыльцо
а мы забежав на высокий балкон
поём опуская в тарелку лицо
Мария глядит
и рукой шевелит
и тонкой ногой попирает листы
а мы за гитарой поём да поём
да в ухо трубим непокорной жены

над нами встают Золотые дымы
за нашей спиной пробегают коты
поём и свистим на балкончике мы
но смотришь уныло за дерево ты
остался потом башмачёк да платок
да реющий в воздухе круглый балкон
да в бурное небо торчит потолок
выходит Мария отвесит поклон
и тихо ступает Мария в траву
и видит цветочек на тонком стебле
Она говорит: я тебя не сорву
я только пройду поклонившись тебе
А мы забежав на балкон высоко
кричим: Поклонись! и гитарой трясём.
Мария глядит и рукой шевелит
и вдруг поклонившись бежит на крыльцо
и тонкой ногой попирает листы
а мы за гитарой поём да поём
да в ухо трубим непокорно<й> жены
да в бурное небо кидаем глаза

*12 октября 1927 года
Петербург*

45. В гостях у Заболоцкого

И вот я к дому подошёл,
который пополу стоял,
который двери растворял.

И на ступеньку прыг бегу.
Потом в четвёртый раз.
А дом стоит на берегу,
У берега как раз.

И вот я в дверь стучу кулак:
Открой меня туды!
А дверь дубовая молчит
хозяину в живот.

Потом я в эту комнату гляжу,
потом я в комнату вхожу,
в которой дым от папирос
хватает за плечо,
да Заболоцкого рука
по комнате бежит,
берёт крылатую трубу
дудит её кругом.
Музыка пляшет. я вхожу
в цилиндре дорогом.

Сажусь направо от себя,
хозяину смеюсь,
читаю, глядя на него,
коварные стихи.

А дом который на реке,
который на лугах,
стоит (который в далеке)
похожий на горох.
ВСЁ.

Д. Х.
14 декабря 1927 года.

46. Елизавета Бам

Сейчас, того и гляди, откроется дверь и они войдут... Они обязательно войдут, чтобы поймать меня и стереть с лица земли. Что я наделала! Что я наделала! Если б я только знала... Бежать? Но куда бежать? Эта дверь ведет на лестницу, а на лестнице я встречу их. В окно? (Смотрит в окно). Ууу, высоко! мне не прыгнуть! Ну что же мне делать?.. Э! чьи-то шаги! Это они. Запру дверь и не открою. Пусть стучат, сколько хотят.

Стук в дверь, потом голос

Елизавета Бам, откройте!

Елизавета Бам, откройте!

Голос издалека

Ну что она там, двери не открывает?

Голос за дверью

Откроет. Елизавета Бам, откройте!

Голоса за дверью

Первый

Елизавета Бам, я Вам приказываю немедленно же открыть!

Второй

Вы скажите ей, что иначе мы сломаем дверь.
Дайте-ка я попробую.

Первый

Мы сами сломаем дверь, если Вы сейчас не откроете.

Второй

Может, её здесь нету?

Первый

(тихо)

Здесь. Где же ей быть? Она взбежала по лестнице
наверх. Здесь только одна дверь. Куда же ей деться?
(Громко). Елизавета Бам, говорю Вам в последний раз,
откройте дверь. *(Пауза)*. Ломай.

Второй

У Вас ножа нету?

Первый

Нет, Вы плечом.

Второй

Не поддается. Пойдите-ка, я ещё так попробую.

Елизавета Бам

Я Вам дверь не открою, пока Вы не скажете, что Вы хотите со мной сделать.

Первый

Вы сами знаете, что Вам предстоит.

Елизавета Бам

Нет, не знаю. Вы меня хотите убить?

Первый

Вы подлежите крупному наказанию!

Второй

Вы всё равно от нас не уйдёте!

Елизавета Бам

Вы, может быть, скажете мне, в чём я провинилась?

Первый

Вы сами знаете.

Елизавета Бам

Нет, не знаю.

Первый

Разрешите Вам не поверить.

Второй

Вы преступница.

Елизавета Бам

Ха-ха-ха-ха! А если Вы убьёте меня, Вы думаете, Ваша совесть будет чиста?

Первый

Мы сделаем это, сообразуясь с нашей совестью.

Елизавета Бам

В таком случае, увы, но у Вас нет совести.

Второй

Как нет совести? Пётр Николаевич, она говорит, что у нас нет совести.

Елизавета Бам

У Вас-то, Иван Иванович, нет никакой совести. Вы просто мошенник.

Второй

Кто мошенник? Это я?! Это я?! Это я мошенник?!

Первый

Ну подождите, Иван Иванович!
Елизавета Бам, приказываю...

Второй

Нет, Пётр Николаевич, это я что ли мошенник?!

Первый

Да подождите тут обижаться! Елизавета Бам, прика...

Второй

Нет, постойте, Пётр Николаевич, Вы мне скажите, это я мошенник?

Первый

Да отстаньте же Вы!

Второй

Это что же, я, по-Вашему, мошенник?

Первый

Да, мошенник!!!

Второй

Ах так, значит по-Вашему я мошенник! Так Вы сказали?

Первый

Убирайтесь вон! Балда какая! А ещё пошёл на ответственное дело. Вам слово сказали, а Вы уж и на стену лезете. Кто же Вы после этого? Просто идиот!

Второй

А Вы шарлатан!

Первый

Убирайтесь вон!

Елизавета Бам

Иван Иванович мошенник!

Второй

Я Вам этого не прощу!

Первый

Я Вас сейчас скину с лестницы!

Иван Иванович

Попробуйте скиньте!

Пётр Николаевич

Скину, скину, скину, скину!

Елизавета Бам

Руки коротки!

Пётр Николаевич

Это у меня-то руки коротки?

Елизавета Бам

Ну да!

Иван Иванович

у Вас! у Вас! Скажите, ведь у него?

Елизавета Бам

У него!

Пётр Николаевич

Елизавета Бам, Вы не смеете так говорить!

Елизавета Бам

Почему?

Пётр Николаевич

Потому, что Вы лишены всякого голоса. Вы совершили гнусное преступление. Не Вам говорить мне дерзости. Вы – преступница!

Елизавета Бам

Почему?

Пётр Николаевич

Что почему?

Елизавета Бам

Почему я преступница?

Пётр Николаевич

Потому, что Вы лишены всякого голоса.

Иван Иванович

Лишены всякого голоса.

Елизавета Бам

А я не лишена. Вы можете проверить по часам.

Пётр Николаевич

До этого дело не дойдёт. Я у дверей расставил стражу, и при малейшем толчке Иван Иванович икнет в сторону.

Елизавета Бам

Покажите. Пожалуйста, покажите.

Пётр Николаевич

Вы, смотрите. Предлагаю отвернуться. Раз, два, три.
(Толкает тумбу.)

Елизавета Бам

Ещё раз. Пожалуйста.
Как это вы делаете?

Пётр Николаевич

Очень просто. Иван Иванович, покажите.

Иван Иванович

С удовольствием.

Елизавета Бам

Да ведь это же прелесть как хорошо.
(*Кричит.*) Мама! Пойди сюда! Фокусники приехали!
Сейчас придёт моя мама. Познакомьтесь, Пётр Николаевич, Иван Иванович.
Вы что-нибудь нам покажете?

Иван Иванович

С удовольствием.

Пётр Николаевич

Халэ оп!
Сразу, сразу.

Иван Иванович

Тут негде упереться.

Елизавета Бам

Хотите, может быть, полотенце?

Иван Иванович

Зачем?

Елизавета Бам

Просто так. Хи-хи-хи-хи.

Иван Иванович

У Вас чрезвычайно приятная внешность.

Елизавета Бам

Ну да? Почему?

Иван Иванович

Ы-ы-ы-ы-ы потому что Вы незабудка.
(*Громко икает.*)

Елизавета Бам

Я незабудка? Правда? А Вы тюльпан.

Иван Иванович

Как?

Елизавета Бам

Тюльпан.

Иван Иванович

(в недоумении)

Очень приятно-с.

Елизавета Бам

(в нос)

Разрешите Вас сорвать.

Отец

(басом)

Елизавета, не дури.

Елизавета Бам

(отцу)

Я, папочка, сейчас перестану. *(Иван Ивановичу, в нос.)*
Встаньте на четверинки.

Иван Иванович

Если позволите, Елизавета Таракановна, я пойду лучше домой. Меня ждёт жена дома. У неё много ребят, Елизавета Таракановна. Простите, что я так надоел Вам. Не забывайте меня. Такой уж я человек, что все меня гоняют. За что, спрашивается? Украл я, что ли? Ведь нет! Елизавета Эдуардовна, я честный человек. У меня дома жена. У жены ребят много. Ребята хорошие. Каждый в зубах по спичечной коробке держит. Вы уж простите меня. Я, Елизавета Михайловна, домой пойду.

Мамаша поёт под музыку

Вот вспыхнуло утро
Румянятся воды,
над озером быстрая чайка летит
и т. д.

Пётр Николаевич

Ну вот и приехали!

Папаша

Слава Тебе, Господи!

Уходят.

Елизавета Бам

А ты, мама, не пойдёшь разве гулять?

Мамаша

А тебе хочется?

Елизавета Бам

Страшно.

Мамаша

Нет, не пойду.

Елизавета Бам

Пойдём, ну-у-у-у.

Мамаша

Ну пойдём, пойдём. *(Уходят.)*

Сцена пуста.

Иван Иванович и Пётр Николаевич

(вбегая)

Где, где, где.

Елизавета Бам,

Елизавета Бам,

Елизавета Бам.

Пётр Николаевич

Тут, тут, тут.

Иван Иванович

Там, там, там.

Пётр Николаевич

Где мы оказались, Иван Иванович?

Иван Иванович

Пётр Николаевич, мы с Вами взаперти.

Пётр Николаевич

Что за безобразие! Прошу меня не тыч!

Иван Иванович

Вот Вам фунт, баста пять без пяти!

Пётр Николаевич

Где Елизавета Бам?

Иван Иванович

Зачем её надо Бам?

Пётр Николаевич

Чтобы убить!

Иван Иванович

Хм, Елизавета Вам
сидит на скамейке там.

Пётр Николаевич

Бежим тогда во всю прыть!

Оба бегут на одном месте

Хоп, хоп
ногами
закат за
горами
облаками розовыми
пух, пух
паровозами
хук, хук
филина
бревно! –
– распилено.

Елизавета Бам

Вы меня ищете?

Пётр Николаевич

Вас! Ванька, она тут!

Иван Иванович

Где, где, где?

Пётр Николаевич

Здесь, под фарлушкой!

Иван Иванович

Тащи её наружу!

Пётр Николаевич

Не вытаскивается!

Нищий

(Елизавете Бам)

Товарищ, помогите.

Иван Иванович

(заикаясь)

Вот следующий раз у меня больше опыта будет. Я как раз всё подметил.

Елизавета Бам

(нищему)

У меня ничего нет.

Нищий

Копеечку бы.

Елизавета Бам

Спроси того вон дяденьку. *(Указывает на Петра Николаевича.)*

Пётр Николаевич

(Ивану Ивановичу, заикаясь)

Ты гляди, что ты делаешь!

Иван Иванович

(заикаясь)

Я корни выкапываю.

Нищий

Помогите, товарищи.

Пётр Николаевич

(нищему)

Давай. Залезай туда.

Иван Иванович

Руками обопрись о камушки.

Пётр Николаевич

Ничего, он это умеет.

Елизавета Бам

Садитесь и вы. Чего смотреть?

Иван Иванович

Благодарю.

Пётр Николаевич

Сядем. *(Садятся.)*

Елизавета Бам

Что-то муж мой не идёт. Куда же это он пропал?

Пётр Николаевич

Придёт. *(Вскакивает и бежит по сцене.)*

Чур-чура!

Иван Иванович

Ха-ха-ха. *(Бежит за Петром Николаевичем.)*

Где же дом?

Елизавета Бам

Тут вот, за этой чёрточкой.

Пётр Николаевич

(хлопает Ивана Ивановича)

Ты пятнашка!

Елизавета Бам

Иван Иванович, бегите сюда!

Иван Иванович

Ха-ха-ха, у меня ног нет!

Пётр Николаевич

А ты так, на четверинках!

Папаша

Про которую написано было.

Елизавета Бам

Кто пятнашка?

Иван Иванович

Я, ха-ха-ха, в штанах!

Пётр Николаевич и Елизавета Бам

Ха-ха-хаха!..

Папаша

Коперник был величайшим учёным.

Иван Иванович

(валится на пол)

У меня на голове волосы!

Пётр Николаевич и Елизавета Бам

Ха-ха-ха-ха-ха!

Елизавета Бам

Ой, ой, не могу!

Папаша

Покупая птицу, смотри, нет ли у неё зубов. Если есть зубы, то это не птица.

Пётр Николаевич

(поднимая руку)

Прошу как следует вслушаться в мои слова. Я хочу доказать Вам, что всякое несчастье наступает неожиданно.

Когда я был ещё совсем молодым человеком, я жил в небольшом домике со скрипучей дверью. Я жил один в этом домике. Кроме меня были лишь мыши да тараканы. Тараканы всюду бывают; когда наступала ночь, я запирали дверь и тушил лампу. Я спал, не боясь ничего.

Голос за сценой

Ничего!

Мамаша

Ничего!

Дудочка за сценой

I – I

Иван Иванович

Ничего!

Рояль

I – I

Пётр Николаевич

Ничего! *(Пауза.)*

Мне нечего было бояться. И действительно. Грабители могли бы придти и обыскать весь домик. Что бы они нашли? Ничего.

Дудочка за сценой

I – I *(пауза).*

Пётр Николаевич

А кто бы еще мог забраться ко мне ночью? Больше некому ведь? Правда?

Голос за сценой

Ведь некому же больше?

Пётр Николаевич

Правда?

Но однажды я просыпаюсь...

Иван Иванович

...и вижу, дверь открыта, а в дверях стоит какая то женщина. Я смотрю на неё прямо в упор. Она стоит. Было достаточно светло. Должно быть, дело близилось к утру. Во всяком случае, я видел хорошо её лицо. Это была вот кто. *(Показывает на Елизавету Бам.)* Тогда она была похожа...

ВСЕ

На меня!

Иван Иванович

...говорю, чтобы быть.

Елизавета Бам

Что Вы говорите?

Иван Иванович

Говорю, чтобы быть. Потом, думаю, уже поздно. Она слушает меня. Я спросила её, чем она сделала. Она говорит, что подралась с ним на эспандорах. Дрались честно, но она не виновата, что убила его. Слушай, зачем ты убила Петра Ивановича?

Елизавета Бам

Ура, я никого не убивала!

Иван Иванович

Взять и зарезать человека! Сколь много в этом коварства! Ура! ты это сделала, а зачем?

Елизавета Бам

(уходит в сторону и оттуда)

Ууууууууу-у-у-у-у.

Иван Иванович

Волчица.

Елизавета Бам

Ууууу-у-у-у-у-у-у-у.

Иван Иванович

В-о-о-о-о-лчица.

Елизавета Бам

(дрожит)

У-у-у-у-у – черносливы.

Иван Иванович

Пр-р-р-рабабушка.

Елизавета Бам

Ликование!

Иван Иванович

Погублена навеки!

Елизавета Бам

Вороной конь, а на коне солдат!

Иван Иванович

(зажигает спичку)

Голубушка Елизавета!

Елизавета Бам

Мои плечи, как восходящие солнца! *(Влезает на стул.)*

Иван Иванович

(Садясь на корточки)

Мои ноги, как огурцы!

Елизавета Бам

(влезая выше)

Ура! Я ничего не говорила!

Иван Иванович

(ложась на пол)

Нет, нет, ничего, ничего.

Г, г, пш, пш.

Елизавета Бам
(поднимая руки)
Ку-ни-ма-га-ни-ла-в
а-ни-баууу!

Иван Иванович
(лёжа на полу)
Мурка кошечка
молочко приговаривала
на подушку прыгала
и на печку прыгала
прыг, прыг.
Скок, скок.

Елизавета Бам
(кричит)
Дзы калитка! Рубашка! веревка!

Иван Иванович
(приподнимаясь)
Прибежали два плотника и спрашивают: в чём дело?

Елизавета Бам
Котлеты! Варвара Семенна!

Иван Иванович
(кричит, стиснув зубы)
Плясунья на проволо-о-о-о!

Елизавета Бам
(спрыгивая со стула)
Я вся блестящая!

Иван Иванович
(бежит вглубь комнаты)
Кубатура этой комнаты нами не изведена.

Елизавета Бам
(бежит на другой конец сцены)
Свои люди сочтёмся!

Иван Иванович

(прыгая на стул)

Благополучие Пенсильванского пастуха и пасту-у-у-у!

Елизавета Бам

(прыгая на другой стул)

Иван Ива-а-а-а!

Папаша

(показывая коробочку)

Коробочка из дере-е-е-е!

Иван Иванович

(со стула)

Пока-а-а!

Папаша

Возьми посмо-о-о!

Мамаша

Ау-у-у-у-у!

Елизавета Бам

Нашла подберёзови-и-и-и!

Иван Иванович

Пойдёмте на озеро!

Папаша

Ау-у-у-у-у!

Елизавета Бам

Ау-у-у-у-у!

Иван Иванович

Я вчера Кольку встретил!

Мамаша

Да что Вы-ы-ы?

Иван Иванович

Да, да. Встретил, встретил. Смотрю, Колька идёт и яблоки несёт. Что, говорю, купил? Да, говорит, купил. Потом взял и дальше пошёл.

Папаша

Скажите пожалуйста-а-а-а-а!

Иван Иванович

Нда. Я его спросил: ты что, яблоки покупал или крал? А он говорит: зачем крал? Покупал. И пошёл себе дальше.

Мамаша

Куда же это он пошёл?

Иван Иванович

Не знаю. Не крал, не покупал. Пошёл себе.

Папаша

С этим не совсем любезным приветствием сестра провела её к более открытому месту, где были составлены в кучу золотые столы и кресла, и штук пятнадцать молодых девиц весело болтали между собой, сидя на чём Бог послал. Все эти девицы сильно нуждались в горячем уюте и все отличались странной манерой вертеть глазами, ни на минуту не переставая болтать.

Иван Иванович

Друзья, мы все тут собрались. Ура!

Елизавета Бам

Ура!

Мамаша и Папаша

Ура!

Иван Иванович

(дрожа и зажигая спичку)

Я хочу сказать вам, что с тех пор, как я родился, прошло 38 лет.

Папаша и Мамаша

Ура!

Иван Иванович

Товарищи! У меня дом есть. Дома жена сидит. У ней много ребят. Я их сосчитал – 10 штук.

Мамаша

(топчась на месте)

Дарья, Марья, Федор, Пелагея, Нина, Александр и четверо других.

Папаша

Это все мальчики?

Елизавета Бам

(бежит вокруг сцены)

Оторвалась отовсюду!
Оторвалась и побежала!
Оторвалась и ну бегать!

Мамаша

(бежит за Елизаветой Бам)

Хлеб ешь?

Елизавета Бам

Суп ешь?

Папаша

Мясо ешь? *(Бежит.)*

Мамаша

Муку ешь?

Иван Иванович

Брюкву ешь? *(Бежит.)*

Елизавета Бам

Баранину ешь?

Папаша

Котлеты ешь?

Мамаша

Ой, ноги устали!

Иван Иванович

Ой, руки устали!

Елизавета Бам

Ой, ножницы устали!

Папаша

Ой, пружины устали!

Мамаша

На балкон дверь открыта!

Иван Иванович

Хотел бы я подпрыгнуть до четвёртого этажа!

Елизавета Бам

Оторвалась и побежала!

Оторвалась и ну бежать!

Папаша

Караул, моя правая рука и нос такие же штуки, как левая рука и ухо!

Хор

(под музыку на мотив увертюры)

До свидания, до свидания.

II – I

II – I

Наверху говорит сосна,

а кругом говорит темно.

На сосне говорит кровать,

а в кровати лежит супруг.

До свидания, до свидания.

II – I
II – I
Как-то раз прибежали мы
I – I в бесконечный дом.
А в окно наверху глядит
сквозь очки молодой старик.

До свидания, до свидания.

II – I

II – I

Растворилися ворота,
показались I – I

(Увертюра.)

Иван Иванович

Сам ты сломан
стул твой сломан.

Скрипка

па па пи па
па па пи па

Пётр Николаевич

Встань Берлином
надень перелину.

Скрипка

па па пи па
па па пи па

Пётр Николаевич

Восемь минут
пробегут незаметно.

Скрипка

па па пи па па
па па пи

Пётр Николаевич

Вам счёт отдан
будите трудыны
взвод или роту
вести пулемёт.

Барабан

I – – I –

I – – I –

I – – I – – I – I

Пётр Николаевич

Ключья летели
неделя за неделей.

Сирена и барабан

виа-а бум, бум

виа-а-а бум

Пётр Николаевич

Капитанного шума парвого
не заметила сикурая невеста.

Сирена

виа, виа, виа, виа.

Пётр Николаевич

Помогите сейчас помогите
надо мною салат и водица.

Скрипка

па па пи па

па па пи па

Иван Иванович

Скажите, Пётр Николаевич
Вы были там на той горе?

Пётр Николаевич

Я только что оттуда,
там прекрасно.
Цветы растут. Деревья шелестят.
Стоит избушка – деревянный домик,
в избушке светит огонёк,
на огонёк слетаются черницы,
стучат в окно ночные комары.

Порой шмыгнет и выпорхнет под крышей
разбойник старый козодой,
собака цепью колыхает воздух
и лает в пустоту перед собой,
а ей в ответ невидные стрекозы
бормочут заговор на все лады.

Иван Иванович

А в этом домике, который деревянный,
который называется избушка,
в котором огонёк блестит и шевелится,
кто в этом домике живёт?

Пётр Николаевич

Никто в нём не живёт
и дверь не растворяет,
в нём только мыши трут ладонями муку,
в нём только лампа светит розмарином
да целый день пустынником сидит на
печке таракан.

Иван Иванович

А кто же лампу зажигает?

Пётр Николаевич

Никто, она горит сама.

Иван Иванович

Но этого же не бывает!

Пётр Николаевич

Пустые, глупые слова!
Есть бесконечное движенье,
дыханье лёгких элементов,
планетный бег, земли вращенье,
шальная смена дня и ночи,
глухой природы сочетанье,
зверей дремучих гнев и сила
и покоренье человеком
законов света и волны.

Иван Иванович

(зажигая спичку)

Теперь я понял, понял, понял,
благодарю и приседаю
и как всегда интересуюсь –
который час? скажите мне.

Пётр Николаевич

Четыре. Ой, пора обедать!
Иван Иванович, пойдёте,
но помните, что завтра ночью
Елизавета Бам умрёт.

Папаша

(входя)

Которая Елизавета Бам,
которая мне дочь
которую хотите вы
на следующую ночь
убить и вздёрнуть на сосне,
которая стройна,
чтоб знали звери все вокруг
и целая страна.
А я приказываю вам
могуществом руки
забыть Елизавету Бам
законам вопреки.

Пётр Николаевич

Попробуй только запрети,
я растопчу тебя в минуту,
потом червонными плетьюми
я перебью твои суставы.
Изрежу, вздую и верхом
пущу по ветру петухом.

Иван Иванович

Ему известно всё вокруг,
он повелитель мне и друг,
одним движением крыла
он двигает морями,

одним размахом топора
он рубит лес и горы –
одним дыханием своим
он всюду есть неуловим

Папаша

Давай сразимся, чародей,
ты словом, я рукой,
пройдёт минута, час пройдёт,
потом еще другой.
Погибнешь ты, погибну я,
но пусть ликует дочь моя
Елизавета Бам.

СРАЖЕНЬЕ ДВУХ БОГАТЫРЕЙ

Иван Иванович

Сражение двух богатырей!
Текст – Иммануила Красдайтейрик.
Музыка – Велиопага, нидерландского пастуха.
Движение – неизвестного путешественника.
Начало объявит колокол!

Голоса с разных концов зала

Сражение двух богатырей!
Текст – Иммануила Красдайтейрик!
Музыка – Велиопага, нидерландского пастуха!
Движение – неизвестного путешественника!
Начало объявит колокол!
Сражение двух богатырей!
и т. д.

Колокол

Бум, бум, бум, бум, бум.

Пётр Николаевич

Курыбыр, дарамур
дыньдири
слакатырь пакарадагу

да кы чири кири кири
занудила хабакула
хе-е-ль
ханчу ана куды
стум чи на лакуды
пара вы на лыйтена
хе-е-ль
чапу ачапали
чапатали мар
небелочина
хе-е-ль *(поднимает руку.)*

Папаша

Пускай на солнце залетит
крылатый попугай,
пускай померкнет золотой,
широкий день, пускай.
Пускай прорвётся сквозь леса
копыта звон и стук,
и с визгом сходит с колеса
фундамента сундук.
И рыцарь, сидя за столом
и трогая мечи,
поднимет чашу, а потом
над чашей закричит:
Я эту чашу подношу
к восторженным губам,
я пью за лучшую из всех,
Елизавету Бам.
Чьи руки, белы и свежи,
ласкали мой жилет...
Елизавета Бам, живи,
живи сто тысяч лет.

Пётр Николаевич

Ну-с, начинаем.
Прошу внимательно следить
за колебанием наших сабель, –
куда которая бросает острие
и где которая приемлет направление

Иван Иванович

Итак, считаю нападение слева!

Папаша

Я режу вбок, я режу вправо,
спасайся кто куды!
Уже шумит кругом дубрава,
растут кругом сады.

Пётр Николаевич

Смотри поменьше по сторонам,
а больше наблюдай движение
железных центров и сгущение
смертельных сил.

Папаша

Хвала железу – карборунду!
Оно скрепляет мостовые
и, электричеством сияя,
терзает до смерти врага!
Хвала железу! Песнь битве!
Она разбойника волнует,
младенца в юноши выносит,
терзает до смерти врага!
О песнь битве! Слава перьям!
Они по воздуху летают,
глаза неверным заполняют,
терзают до смерти врага!
О слава перьям! Мудрость камню.
Он под сосной лежит серьёзной,
из-под него бежит водица
навстречу мёртвому врагу.

Пётр Николаевич

Я пал на землю поражён,
прощай, Елизавета Бам,
сходи в мой домик на горе
и запрокинься там.
И будут бегать по тебе
и по твоим рукам
глухие мыши, а затем
пустынник таракан.

Ты слышишь, колокол звенит
на крыше бим и бам.
Прости меня и извини,
Елизавета Бам.

Иван Иванович

Сраженье двух богатырей
окончено.

* * *

Елизавета Бам

(ходя)

Ах, папочка, ты тут. Я очень рада,
я только что была в кооперативе,
я только что конфеты покупала,
хотела, чтобы к чаю был бы торт.

Папаша

(растегивая ворот)

Фу, утомился как.

Елизавета Бам

А что ты делал?

Папаша

Да... я дрова колот
и страшно утомлен.

Елизавета Бам

Иван Иванович, сходите в полпивную
и принесите нам бутылку пива и горох.

Иван Иванович

Ага, горох и полбутылки пива,
сходить в пивную, а отсюда сюда.

Елизавета Бам

Не полбутылки, а бутылку пива,
и не в пивную, а в горох идти!

Иван Иванович

Сейчас, я шубу в полпивную спрячу,
а сам на голову надену полгорох.

Елизавета Бам

Ах, нет, не надо, торопитесь только,
а то мой папочка устал колоть дрова.

Папаша

О что за женщины, понятия в них мало,
они в понятиях имеют пустоту.

Мамаша

(входя)

Товарищи. Маво сына эта мержавка уококосыла.

Головы

Какая? Какая?

Мамаша

Ета вот, с такими вот губам!

Елизавета Бам

Мама, мама, что ты говоришь?

Мамаша

Всё из-за тебя евонная жизнь окончилась в ничью.

Елизавета Бам

Да ты мне скажи, про кого ты говоришь?

Мамаша

(с каменным лицом)

Иих! иих! иих!

Елизавета Бам

Она с ума сошла!

Мамаша

Я каракатица.

Елизавета Бам

Они сейчас придут, что я наделала!

Мамаша

$3 \times 27 = 81$.

Елизавета Бам

Они обязательно придут, чтобы поймать меня и стереть с лица земли. Бежать. Надо бежать. Но куда бежать? Эта дверь ведёт на лестницу, а на лестнице я встречу их. В окно? (*Смотрит в окно.*) О-о-о-о-х. Мне не прыгнуть. Высоко очень! Но что же мне делать? Э! Чьи-то шаги. Это они. Запру дверь и не открою. Пусть стучат, сколько хотят.

Стук в дверь, потом голос

Елизавета Бам, именем закона, приказываю Вам открыть дверь.

Молчание.

Первый голос

Приказываю Вам открыть дверь!

Молчание.

Второй голос

(тихо)

Давайте ломать дверь.

Первый голос

Елизавета Бам, откройте, иначе мы сами взломаем!

Елизавета Бам

Что вы хотите со мной сделать?

Первый

Вы подлежите крупному наказанию.

Елизавета Бам

За что? Почему вы не хотите сказать мне, что я сделала?

Первый

Вы обвиняетесь в убийстве Петра Николаевича Крупернак.

Второй

И за это Вы ответите.

Елизавета Бам

Да я не убивала никого!

Первый

Это решит суд.

Елизавета Бам

Я в вашей власти.

Пётр Николаевич

Именем закона Вы арестованы.

Иван Иванович

(зажигая спичку)

Следуйте за нами.

Елизавета Бам

(кричит)

Вяжите меня! тащите за косу! продавайте сквозь корыто! Я никого не убивала! Я не могу убивать никого!

Пётр Николаевич

Елизавета Бам, спокойно!

Иван Иванович

Смотрите в даль перед собой.

Елизавета Бам

А в домике, который на горе, уже горит огонёк. Мыши усиками шевелят, шевелят. А на печке таракан тараканович, в рубахе с рыжим воротом и с топором в руках сидит.

Пётр Николаевич

Елизавета Бам. Вытянув руки и потушив свой пристальный взор, двигайтесь следом за мной, храня суставов равновесие и сухожилий торжество. За мной.

Медленно уходят.

Занавес

*Писано с 12 <по> 24 декабря
1927 г<ода>.*

47

Александр Иванович

Дудкин:

Вот уже 7 часов утра. Петухи давно пропели. Почему я так рано проснулся? Никогда со мной этого не бывало. Но что с моей головой? Она болит ужасно. Пил я вчера? Нет не пил. Почему же болит голова? Так ни с того ни с сего? Никогда со мной этого не бывало. Попробую скорее встать и умыться. Приятно освежить голову холодной водой. Надо разбудить Пелагею, а то она думает, что я ещё сплю. Ведь надо же было проснуться такую рань! Эй Пелагея! (*стучит в стену*) Пелагея! Пелагея! Чертова баба! Дрыхнет бестолку. Нет возьму чтонибудь тяжёлое, сапог что ли, и буду колотить в стену, пока не проснётся. – Чорт возьми! где же сапоги? Как же это понять? Ха Ха Ха. Пришёл в сапогах, снял их, поставил их тут, а теперь их нет. Ого! Штаны тоже того! Так так так. Да что я в самом деле! очурел что ли? Никогда со мной этого не бывало! Ну ладно, оставим это в покое. Давай мыслить. У меня болит голова. Значит я очень рано встал. То есть у меня болит голова, значит я вчера что-то делал... Нет.

Я очень рано встал, у меня болит голова.
Значит я потерял сапоги?
Глупо!
Я потерял сапоги – значит у меня болит голова?
Тоже глупо!
Ну хорошо: у меня болит голова, значит,
я сапоги не терял. Но ведь я же
их потерял!
Можно так: у меня болит голова – значит
я сапоги ни то не это.
Хм.
Сложная штука.

II

Стук в дверь.

Дудкин – Кто там?
Голос – Да я, это я
Дудкин – Кто? Петька?
Голос – Ну да, открой скорей!
Дудкин – Сейчас, сейчас. Подожди немного.
Голос – Скорей, скорей, такое расскажу, что ахнешь!
Чорт подери! такие вещи знаю... (*входя*)
Валаамов – Ты спишь ещё?
Дудкин – А час какой, много?
Валаамов – Ссс... много?! К чорту время! Ты дурак
знаешь...
Дуд. – Что?...
...Ну?...
...Что?
Вал. – Ты, ты... вот ты самый богачём стал!
Дуд. – Ну?
Вал. – Что ну?! Выиграл 200.000!
Дуд. – (*стоит молча, глядя на В.*)
Вал. – Что стоишь? Дурак. Одевайся, да бежим в банк.
Дуд. – Мне не во что одеться.
Вал. – Как не во что одеться?
Дуд. – Я вчера пришёл, положил всё на стул и нет
ничего.
Вал. – А где же?
Дуд. – Я не знаю.

Вал. – Вот чорт возми выиграл 200.000! Ну идём скорей!

Дуд. – Да во что же я оденусь?

Валаамов и Дудкин на авансцене

Валаамов – Так пойдешь!

Дудкин – Так нехорошо!

Вал. – Ну мой костюм одевай!

Дудкин – А ты в чём же?

Вал. – А я в твоём пальто пойду!

Дуд. – Тогда уж лучше мне в пальто итти!

Вал. – Всё равно! Иди ты в своём пальто.

Дуд. – А ты в своём костюме пойдешь?

Вал. – А я в своём костюме.

Дуд. (*заикаясь*) –

<1927>

48. Ночный обыск

Пролог

I сцена. Два матроса

I матрос – Что летит под небом там
воит блеет и жужжит
перекладина креста
может по небу бежит
Дай ка пулю.

II матрос – Нет не дам.
Ты убьешь меня ей Богу
Этой пулей как быка
Я не дам тебе ей Богу
эту пулю. Отвяжись!

I матрос – Если пулю я прошу
Зная буквы имени твоего наперечёт
а ты не дашь, то я прибегну к палашу,
что так метко головы сечёт.

II матрос – Конечно сталь острее чем свинец
и смерть стальная мной не победима,

но стоит мне спустить курок
ты штурман и детина
почувствуешь конец
и рухнешь на порог
да здравствует свинец!

I матрос – А видел чорта в рукаве?
Сунься!

<1927>

49

Приходите приходите
Воспитанники и паруса
Вы понкраты образованные
И ты нищий с гребёночкой в сапогах
Вот уж день песочный старится
дымом кроется курган
Возле Петьки, возле образа
или в досках на горе
Я горикола горакала
в тумане каллеваллу
пока черешня около
мне сучьями велела
Приходите приходите
на Коломенскую 7
принесите на ладоне
возбуждающую смесь.

<1927>

50

Вот у всадника вельможи
усы нечаяно поднялись
он больше двинуться не может
руки белые сплелись

<1927>

51. Прогулка

шел медведь
вздув рога
стучала его одервенелая нога
он был генералом
служил в кабаке
ходил по дорогам
в ночном колпаке
увидя красотку
он гладил усы
трепал он бородку
смотрел на часы
пятнадцать минут
проходили шутя
обрушился дом
подростало дитя
красотка в доспехе
сверкала спиной
на бледном коне
и в щетине свиной
рука отлетала
на конский задок
коса расцветала
стыдливый цветок.
Белый воздух
в трех шагах
глупо грелся
на горах
открывая

лишь орлу
остуденую
ралу.
Над болотом
на пролом
ездил папа
с топором
из медведя
он стрелял
нажимая
коготок.
Пистолеты
отворял
в полумертвый
потолок
на шкапу
его капрал
обнимался
в темноте
с атаманом
и орел
и светился
в животе.
Дева
шла
неся
портрет
на портрете
был корнет
У корнета
вместо
рук
на щеке
висел
сюртук
а в кармане
сюртука
шевелилася
рука
Генерал
спрятал время

на цепочке золотой
Генерала
звали Леля
потому что молодой.
Он потопал
каблуками
приседал и палетал
Под военными полями
о колено бил металл.
увидя девицу на бледном коне
сказал генерал «Приходите ко мне».
девица ответила «Завтра приду
Но ты для меня приготовь резеду».
и сняв осторожно колпак с головы
столетний вояка промолвил «увы.
от этих цветов появляются прыщи
Я спрячусь в газету, а ты меня поищи.
Если барышня-мадам
обнаружит меня там
получите в поталок
генеральский целовок»

<1926–нач. 1928>

52. Иван Иванович Самовар

Иван Иванович Самовар
Был пузатый самовар,
Трехведерный самовар.

В нем качался кипяток,
Пыхал паром кипяток,
Разъяренный кипяток;

Лился в чашку через кран,
Через дырку прямо в кран,
Прямо в чашку через кран.

Утром рано подошел,
К самовару подошел,
Дядя Петя подошел.

Дядя Петя говорит:
«Дай-ка выпью, говорит,
Выпью чаю», говорит.

К самовару подошла,
Тетя Катя подошла,
Со стаканом подошла.

Тетя Катя говорит:
«Я конечно, говорит,
Выпью тоже», говорит.

Вот и дедушка пришел,
Очень старенький пришел,
В туфлях дедушка пришел.

Он зевнул и говорит:
«Выпить разве, говорит,
Чаю разве», говорит.

Вот и бабушка пришла,
Очень старая пришла,
Даже с палочкой пришла.

И подумав говорит:
«Что-ли выпить, говорит,
Что-ли чаю», говорит.

Вдруг девченка прибежала,
К самовару прибежала –
Это внучка прибежала.

«Наливайте! – говорит,
Чашку чаю, говорит,
Мне послаще», говорит.

Тут и Жучка прибежала,
С кошкой Муркой прибежала,
К самовару прибежала,

Чтоб им дали с молоком,
Кипяточку с молоком,
С кипяченым молоком.

Вдруг Сережа приходил,
Всех он позже приходил.
Неумытый приходил.

«Подавайте! – говорит,
Чашку чая, говорит,
Мне побольше», говорит.

Наклоняли, наклоняли,
Наклоняли самовар,
Но оттуда выбивался
Только пар, пар, пар.

Наклоняли самовар
Будто шкаф, шкаф, шкаф,
Но оттуда выходило
Только кап, кап, кап.

Самовар Иван Иваныч!
На столе Иван Иваныч!
Золотой Иван Иваныч!

Кипяточку не дает,
Опоздавшим не дает,
Лежебокам не дает.

ВСЁ

Д. Хармс
1928

53. Озорная пробка

В 124-м Детском доме, ровно в 8 часов вечера, зазвонил колокол.

Ужинать! Ужинать! Ужинать! Ужинать!

Девчонки и мальчишки бежали вниз по лестнице в столовую. С криком и топотом и хохотом каждый занимал свое место.

Сегодня на кухне дежурят Арбузов и Рубакин, а также учитель Павел Карлович или Палкарлыч.

Когда все расселись, Палкарлыч сказал:

– Сегодня на ужин вам будет суп с клецками.

Арбузов и Рубакин внесли котел, поставили его на табурет и подняли крышку. Палкарлыч подошёл к котлу и начал выкрикивать имена.

– Иван Мухин! Нина Веревкина! Федул Карапузов!

Выкликаемые подходили, Арбузов наливал им в тарелку суп, а Рубакин давал булку. Получивший то и другое шёл на свое место.

– Кузьма Паровозов! – кричал Палкарлыч. – Михаил Топунов! Зинаида Гребешкова! Громкоговоритель!

Громкоговорителем звали Сережу Чикина за то, что он всегда говорил во весь дух, а тихо разговаривать не мог.

Когда Сережка-Громкоговоритель подошел к котлу, – вдруг стало темно.

– Электричество потухло! – закричали на разные голоса.

– Ай, ай, ай, ты смотри, что ты делаешь! – громче всех кричал Громкоговоритель.

– Громкоговоритель в супе купается, – кричал Кузьма Паровозов.

– Смотри, не подавись клецками, – кричал Петр Сапогов.

– Тише, сидите на местах! – кричал Палкарлыч.

– Отдай мне мою булку! – кричала Зинаида Гребешкова.

Но тут стало опять светло.

– Электричество загорелось! – закричал Кузьма Паровозов.

– И без тебя вижу, – отвечала ему Зинаида Гребешкова.

– А я весь в супе, – кричал Громкоговоритель.

Когда немного поуспокоились, Палкарлыч опять начал выкрикивать:

– Петр Сапогов! Мария Гусева! Николай Пнёв!

На другой день вечером, когда Палкарлыч показывал детям новое гимнастическое упражнение, вдруг стало опять темно.

Федул Карапузов, Нина Веревкина и Николай Пнёв, повторяя движения Палкарлыча, поскользнулись в темноте и упали на пол.

Петр Сапогов, воспользовавшись темнотой, ударил Громкоговорителя кулаком в спину.

Кругом кричали:

– Опять потухло! Опять потухло! Принесите лампу! Сейчас загорится!

И действительно электричество опять загорелось.

– Это ты меня ударил? – спросил Громкоговоритель.

– И не думал, – отвечал Сапогов.

– Тут что-то неладно, – сказал Палкарлыч. – Ты, Мухин, и ты, Громкоговоритель, сбегайте в соседний дом и узнайте: если там электричество не тухло, как у нас, то надо будет позвать монтера.

Мухин и Громкоговоритель убежали и, скоро вернувшись, сказали, что, кроме как в Детском доме, электричество не тухло.

На третий день, с самого утра, по всему Детскому дому ходил монтер с длинной двойной лестницей-стремянкой. Он в каждой комнате ставил стремянку, влезал на нее, шарил рукой по потолку, по стенам, зажигал и тушил разные лампочки, потом зачем-то бежал в прихожую, где над вешалкой висел счетчик и мраморная дощечка с пробками. Следом за монтером ходили несколько мальчишек и с любопытством смотрели, что он делает. Наконец монтер, собираясь уходить, сказал, что пробки были не в порядке, и от легкой встряски электричество могло тухнуть. Но теперь все хорошо, и по пробкам можно бить хоть топором.

– Прямо так и бить? – спросил Петр Сапогов.

– Нет, это я пошутил, – сказал монтер, – но во всяком случае теперь электричество не погаснет.

Монтер ушел. Петр Сапогов постоял на месте, потом пошел в прихожую и долго глядел на счетчик и пробки.

– Что ты тут делаешь? – спросил его Громкоговоритель.

– А тебе какое дело, – сказал Петька Сапогов и пошел на кухню.

Пробило 2 часа, потом 3, потом 4, потом 5, потом 6, потом 7, потом 8.

– Ну, – говорил Палкарлыч, – сегодня мы не будем сидеть в темноте. У нас были пробки не в порядке.

– А что такое пробки? – спросила Мария Гусева.

– Пробки, это их так называют за их форму. Они...

Но тут электричество погасло, и стало темно.

– Потухло! – кричал Кузьма Паровозов.

– Погасло! – кричала Нина Веревкина.

Сейчас загорится! – кричал Громкоговоритель, отыскивая в потьмах Петьку Сапогова, чтобы, как-бы невзначай, дать ему подзатыльник. Но Петька не находился. Минуты через полторы электричество опять загорелось. Громкоговоритель посмотрел кругом. Петьки нет как нет.

– Завтра позовём другого монтера, – говорил Палкарлыч. – Этот ничего не понимает.

«Куда бы мог пропасть Петька? – думал Громкоговоритель. – На кухне он, кажись, сегодня не дежурит. Ну ладно, мы с ним еще посражаемся».

На четвертый день позвали другого монтера. Новый монтер осмотрел провода, пробки и счетчик, слазил на чердак и сказал, что теперь-то уж все в исправности.

Вечером, около 8 часов, электричество потухло опять.

На пятый день электричество потухло, когда все сидели в клубе и рисовали стенгазету. Зинаида Гребешкова рассыпала коробочку с кнопками. Михаил Топунов кинулся помогать ей собирать кнопки, но тут-то электричество и погасло, и Михаил Топунов с разбега налетел на столик с моделью деревенской избы-читальни. Изба-читальня упала и разбилась. Принесли свечу, чтобы посмотреть, что произошло, но электричество загорелось.

На шестой день в стенгазете 124-го Детского дома появилась картинка; на ней были нарисованы человечки, стоящие с растопыренными руками, и падающий столик с маленьким домиком. Под картинкой была подпись:

Электричество потухло

Раз, два, три, четыре, пять.

Только свечку принесли –

Загорелось опять.

Но, несмотря на это, вечером электричество все-таки потухло.

На седьмой день в 124-ый Детский дом приезжали какие-то люди. Палкарлыч водил их по дому и рассказывал о капризном электричестве. Приезжие люди записали что-то в записные книжки и уехали.

Вечером электричество потухло.

Ну, что тут поделаешь!

На восьмой день, вечером, Сергей Чикин, по прозвищу Громкоговоритель, нес линейки и бумагу в рисовальную комнату, которая помещалась внизу около прихожей. Вдруг Громкоговоритель остановился. В прихожей, через раскрытую дверь, он увидел Петра Сапогова. Петр Сапогов, на ципочках, то и дело оглядываясь по сторонам, крался к вешалке, под которой висел счетчик и мраморная дощечка с пробками. Дойдя до вешалки, он еще раз оглянулся и, схватившись руками за вешалочные крючки, а ногами упираясь о стойку, быстро влез наверх и повернул одну пробку. Все потухло. Во втором этаже послышался визг и крик.

Минуту спустя электричество опять зажглось, и Петр Сапогов спрыгнул с вешалки.

– Стой! – крикнул Громкоговоритель, бросая линейки и хватая за плечо Петьку Сапогова.

– Пусти, – сказал Петька Сапогов.

– Нет, не пущу. Это ты зачем тушишь электричество?

– Не знаю, – захныкал Петька Сапогов.

– Нет, врешь! Знаешь! – кричал Громкоговоритель. – Из-за тебя меня супом облили. Шпана ты этакая.

– Честное слово, тогда не я тушил электричество, – завертелся Петька Сапогов. – Тогда оно само тухло. А вот когда монтер сказал, что по пробкам хоть топором бей, – ничего, я вечером и попробовал одну пробку ударить. Рукой, слегка. А потом взял ее да повернул. Электричество и погасло. С тех пор я каждый день тушу. Интересно. Никто починить не может.

– Ну и дурак! – сказал Громкоговоритель. – Смотри у меня; если еще раз потушишь электричество, я всем расскажу. Мы устроим товарищеский суд и тебе не поздоровится. А пока, чтобы ты помнил, получай! – и он ударил Петьку Сапогова в правую лопатку.

Петр Сапогов пробежал два шага и шлепнулся, а Громкоговоритель поднял бумагу и линейки, отнёс их в рисовальную комнату и, как ни в чём не бывало, пошел наверх.

На следующий, девятый, день Громкоговоритель подошел к Палкарлычу.

– Товарищ учитель, – сказал он, – разрешите мне починить электричество.

– А ты разве умеешь? – спросил Палкарлыч.

– Умею.

– Ну, валяй, попробуй, авось никому не удавалось, а тебе удастся.

Громкоговоритель побежал в прихожую, влез на вешалку, поковырял для вида около счетчика, постучал мраморную дощечку и слез обратно.

И что за чудо! С того дня в 124-ом Детском доме электричество горит себе и не тухнет.

Д. Баш
1928

54. Иван Тапорыжкин

Иван Тапорыжкин пошел на охоту,
с ним пудель пошел, перепрыгнув забор,
Иван, как бревно провалился в болото,
а пудель в реке утонул, как топор.

Иван Тапорыжкин пошел на охоту,
с ним пудель вприпрыжку пошел, как топор.
Иван повалился бревном на болото,
а пудель в реке перепрыгнул забор.

Иван Тапорыжкин пошел на охоту,
с ним пудель в реке провалился в забор.
Иван как бревно перепрыгнул болото,
а пудель вприпрыжку попал на топор.

Даниил Хармс
1928

**55. О том, как Колька
Панкин летал
в Бразилию,
а Петька Ершов
ничему не верил**

1

Колька Панкин решил прокатиться куда-нибудь по-
дальше.

– Я поеду в Бразилию, – сказал он Петьке Ершову.

– А где эта Бразилия находится? – спросил Петька.

– Бразилия находится в Южной Америке, – сказал
Колька, – там очень жарко, там водятся обезьяны и попу-
гаи, растут пальмы, летают колибри, ходят хищные звери
и живут дикие племена.

– Индейцы? – спросил Петька.

– Вроде индейцев, – сказал Колька.

– А как туда попасть? – спросил Петька.

– На аэроплане или на пароходе, – сказал Колька.

– А ты на чем поедешь? – спросил Петька.

– Я полечу на аэроплане, – сказал Колька.

– А где ты его возьмешь? – спросил Петька.

– Пойду на аэродром, попрошу, мне и дадут, – сказал
Колька.

– А кто же это тебе даст? – спросил Петька.

– А у меня там все знакомые, – сказал Колька.

– Какие же это у тебя там знакомые? – спросил Петька.

– Разные, – сказал Колька.

– Нет у тебя там никаких знакомых, – сказал Петька.

– Нет, есть! – сказал Колька.

- Нет, нет! – сказал Петька.
- Нет, есть!
- Нет, нет!
- Нет, есть!
- Нет! Нет!

Колька Панкин и Петька Ершов решили пойти на следующее утро на аэродром.

2

Колька Панкин и Петька Ершов на следующий день рано утром вышли из дому. Идти на аэродром было далеко, но так как погода была хорошая и денег на трамвай не было, то Колька и Петька пошли пешком.

- Обязательно поеду в Бразилию, – сказал Колька.
- А письма писать мне будешь? – спросил Петька.
- Буду, – сказал Колька, – а как обратно приеду, привезу тебе обезьяну.
- А птицу привезешь? – спросил Петька.
- И птицу привезу, – сказал Колька, – какую хочешь – колибри или попугая?
- А какая лучше? – спросил Петька.
- Попугай лучше, он может разговаривать, – сказал Колька.
- А петь может? – спросил Петька.
- И петь может, – сказал Колька.
- По нотам? – спросил Петька.
- По нотам не может. А вот ты что-нибудь споешь, а попугай повторит, – сказал Колька.
- А ты обязательно привезешь мне попугая? – спросил Петька.
- Обязательно, – сказал Колька.
- А ну, как нет? – сказал Колька.
- Сказал, что привезу, значит привезу, – сказал Колька.
- А не привезешь! – сказал Петька.
- А привезу! – сказал Колька.
- А нет! – сказал Петька.
- А да! – сказал Колька.
- А нет!

- А да!
- А нет!
- А да!
- А нет!

Но тут Колька Панкин и Петька Ершов пришли на аэродром.

3

На аэродроме было очень интересно. Аэропланы друг за другом бежали по земле, а потом – раз, два, три – оказывались уже в воздухе, – сначала низко, а потом выше, а потом еще выше, а потом, покругившись на одном месте, улетали и совсем. На земле стояло еще штук восемь аэропланов, готовых тоже разбежаться и улететь. Колька Панкин выбрал один из них и, указывая Петьке Ершову, сказал:

– В Бразилию я полечу на этом вот аэроплане.

Петька снял кепку и почесал голову. Надел кепку опять и спросил:

– А аэроплан этот тебе дадут?

– Дадут, – сказал Колька, – у меня там знакомый авиатор.

– Знакомый? А как его зовут? – спросил Петька.

– Очень просто – Павел Иванович, – сказал Колька.

– Павел Иванович? – переспросил Петька.

– Ну да, – сказал Колька.

– И ты его попросишь? – спросил Петька.

– Конечно. Вот пойдем вместе, ты услышишь, – сказал Колька.

– А если он тебе не даст аэроплана? – спросил Петька.

– Ну, как не даст! Попрошу, так даст, – сказал Колька.

– А если ты не попросишь? – спросил Петька.

– Попрошу, – сказал Колька.

– А испугаешься! – сказал Петька.

– Нет, не испугаюсь, – сказал Колька.

– Слабо! – сказал Петька.

– Нет, не слабо! – сказал Колька.

– Слабо! – сказал Петька.

– Нет, не слабо! – сказал Колька.

- Слабо!
- Нет, не слабо!
- Слабо!
- Нет, не слабо!

Колька Панкин и Петька Ершов побежали к авиатору.

4

Авиатор стоял около аэроплана и промывал в бензине, налитом в маленькое корытце, какие-то винтики. Сам он был одет во все кожаное, а рядом на земле лежали кожаные перчатки и кожаный шлем.

Колька Панкин и Петька Ершов подошли.

Авиатор достал из бензина винтики, положил их на краешек аэроплана, а в бензин положил новые винтики и стал их мыть.

Колька посмотрел-посмотрел и сказал:

– Здравствуйте, Павел Иванович!

Авиатор посмотрел сначала на Кольку, потом на Петьку, а потом опять отвернулся. Колька же постоял-постоял и снова сказал:

– Здравствуйте, Павел Иванович.

Авиатор посмотрел тогда сначала на Петьку, потом на Кольку, а потом сказал, почесывая одной ногой другую ногу:

– Меня зовут не Павел Иванович, а Константин Константинович, и никакого Павла Ивановича я не знаю.

Петька прыснул в кулак, Колька ударил Петьку, Петька сделал серьезное лицо, а Колька сказал авиатору:

– Константин Константинович, мы с Петькой Ершовым решили лететь в Бразилию, не одолжите ли вы нам ваш аэроплан?

Авиатор начал хохотать:

– Ха-ха-ха ха-ха-ха! Это вы что же – серьезно решили лететь в Бразилию?

– Да, – сказал Колька.

– А вы полетите с нами? – спросил Петька.

– А вы что же думали, – закричал авиатор, – что я вам так машину дам? Нет, шалишь. Вот если вы мне заплатите,

то в Бразилию свезти я вас могу. Что вы мне за это дадите?

Колька пошарил в карманах, но ничего не нашел.

– Денег у нас нет, – сказал он авиатору, – может быть, вы нас так свезете?

– Нет, так не повезу, – сказал авиатор и отвернулся что-то чинить в аэроплане.

Вдруг Колька взмахнул руками и закричал:

– Константин Константинович! Хотите перочинный ножик?

Очень хороший, в нем три ножа. Два, правда, сломанные, но один зато целый и очень острый. Я раз как-то ударил им в дверь и прямо насквозь прошиб.

– Когда же это было? – спросил Петька.

– А тебе что за дело? Зимой было! – рассердился Колька.

– А какую же это дверь ты прошиб насквозь? – спросил Петька.

– Ту, которая от чулана, – сказал Колька.

– А она вся целая, – сказал Петька.

– Значит, поставили новую, – сказал Колька.

– Нет, не ставили, дверь старая, – сказал Петька.

– Нет, новая, – сказал Колька.

– А ты мне ножик отдай, – сказал Петька, – это мой ножик, я тебе дал его только веревку с бельем перерезать, а ты и совсем взял.

– Как же это так – твой ножик? – Мой ножик, – сказал Колька.

– Нет, мой ножик! – сказал Петька.

– Нет, мой! – сказал Колька.

– Нет, мой! – сказал Петька.

– Нет, мой!

– Нет, мой!

– Ну, ладно, шут с вами, – сказал авиатор, – садитесь, ребята, в аэроплан, полетим в Бразилию.

5

Колька Панкин и Петька Ершов летели на аэроплане в Бразилию. Это было здорово интересно. Авиатор сидел на переднем сиденьи, был виден только его шлем. Все

было очень хорошо, да мотор шумел очень уж и говорить трудно было. А если выглянуть из аэроплана на землю, то ух, как просторно, – дух захватывает! А на земле все маленькое-маленькое и не тем боком друг к другу повернуто.

– Петь-ка! – кричит Колька, – смотри, какой город ко – ря – вень – кий!

– Что – о – о? – кричит Петька.

– Го – род! – кричит Колька.

– Не слы-шу! – кричит Петька.

– Что – о – о? – кричит Колька.

– Скоро ли Брази-лия? – кричит Петька.

– У какого Васи-ли-я? – кричит Колька.

– Шапка улете-ла-а! – кричит Петька.

– Сколько! – кричит Колька.

– Вчера-а! – кричит Петька.

– Северная Америка! – кричит Колька.

– На-ви-да-ри-ди-и-и! – кричит Петька.

– Что? – кричит Колька.

Вдруг в ушах стало пусто и аэроплан начал опускаться.

6

Аэроплан попрыгал по кочкам и остановился.

– Приехали, – сказал авиатор.

Колька Панкин и Петька Ершов огляделись.

– Петька, – сказал Колька, – гляди, Бразилия-то какая!

– А это Бразилия? – спросил Петька.

– Сам-то, дурак, разве не видишь? – сказал Колька.

– А что это там за люди бегут? – спросил Петька.

– Где? А, вижу, – сказал Колька. – Это туземцы, дикари.

Видишь, у них белые головы. Это они сделали себе прическу из травы и соломы.

– Зачем? – спросил Петька.

– Так уж, – сказал Колька.

– А смотри, по-моему, это у них такие волосы, – сказал Петька.

– А я тебе говорю, что это перья, – сказал Колька.

- Нет, волосы! – сказал Петька.
- Нет, перья! – сказал Колька.
- Нет, волосы!
- Нет, перья!
- Нет, волосы!
- Ну, вылезайте из аэроплана, – сказал авиатор, – мне лететь нужно.

7

Колька Панкин и Петька Ершов вылезли из аэроплана и пошли навстречу туземцам. Туземцы оказались небольшого роста, грязные и белобрысые. Увидя Кольку и Петьку, туземцы остановились. Колька шагнул вперед, поднял правую руку и сказал:

- Оах! – сказал он им по-индейски.
- Туземцы открыли рты и стояли молча.
- Гапакук! – сказал им Колька по-индейски.
- Что это ты говоришь? – спросил Петька.
- Это я говорю с ними по-индейски, – сказал Колька.
- А откуда ты знаешь индейский язык? – спросил Петька.
- А у меня была такая книжка, по ней я и выучился, – сказал Колька.
- Ну ты, ври больше, – сказал Петька.
- Отстань! – сказал Колька. – Инам кос! – сказал он туземцам по-индейски.

Вдруг туземцы засмеялись.

- Кэрэк эри ялэ, – сказали туземцы.
- Ара то ки, – сказал Колька.
- Мита? – спросили туземцы.
- Брось, пойдем дальше, – сказал Петька.
- Пильгедрау! – крикнул Колька.
- Пэркиля! – закричали туземцы.
- Кульмэгуинки! – крикнул Колька.
- Пэркиля, пэркиля! – кричали туземцы.
- Бежим! – крикнул Петька, – они драться хотят.

Но было уже поздно. Туземцы кинулись на Кольку и стали его бить.

- Караул! – кричал Колька.
- Пэркиля! – кричали туземцы.
- «Мм-ууу», – мычала корова.

8

Избив как следует Кольку, туземцы, хватая и бросая в воздух пыль, убежали. Колька стоял встрепанный и сильно измятый.

– Пе-пе-пе-пе-петька, – сказал он дрожащим голосом. – Здорово я тузе-зе-зе-земцев разбил. Одного сю-сю-сю-сюда, а другого ту-ту-ту-туда

– А не они тебя побили? – спросил Петька.

– Что ты! – сказал Колька. – Я как пошел их хватать: раз-два, раз-два, раз-два!

«Мм-ууу» – раздалось у самого колькиного уха.

– Ай! – вскрикнул Колька и побежал.

– Колька. Ко-олька-а-а! – кричал Петька.

Но Колька бежал без оглядки.

Бежали-бежали,

бежали-бежали,

бежали-бежали, и только добежав до леса, Колька остановился.

– Уф! – сказал он, переводя дух.

Петька так запыхался от бега, что ничего не мог сказать.

– Ну, и бизон! – сказал Колька, отдышавшись.

– А? – спросил Петька.

– Ты видел бизона? – спросил Колька.

– Где? – спросил Петька.

– Да ну, там. Он кинулся на нас, – сказал Колька.

– А это не корова была? – спросил Петька.

– Что ты, какая же это корова. В Бразилии нет коров, – сказал Колька.

– А разве бизоны ходят с колокольчиками на шее? – спросил Петька.

– Ходят, – сказал Колька.

– Откуда же это у них колокольчики? – спросил Петька.

- От индейцев. Индейцы всегда поймают бизона, привяжут к нему колокольчик и выпустят.
- Зачем? – спросил Петька.
- Так уж, – сказал Колька.
- Неправда, бизоны не ходят с колокольчиками, а это была корова, – сказал Петька.
- Нет, бизон! – сказал Колька.
- Нет, корова! – сказал Петька.
- Нет, бизон!
- Нет, корова!
- Нет, бизон!
- А где же попугаи? – спросил Петька.

9

- Колька Панкин сразу даже растерялся.
- Какие попугаи? – спросил он Петьку Ершова.
  - Да ты же обещал поймать мне попугаев, как приедем в Бразилию. Если это Бразилия, то должны быть и попугаи, – сказал Петька.
  - Попугаев не видать, зато вон сидят колибри, – сказал Колька.
  - Это вон там на сосне? – спросил Петька.
  - Это не сосна, а пальма, – обиделся Колька.
  - А на картинках пальмы другие, – сказал Петька.
  - На картинках другие, а в Бразилии такие, – рассердился Колька. – Ты смотри, лучше, колибри какие.
  - Похожи на наших воробьев, – сказал Петька.
  - Похожи, – согласился Колька, – но меньше ростом.
  - Нет, больше! – сказал Петька.
  - Нет, меньше! – сказал Колька.
  - Нет, больше! – сказал Петька.
  - Нет, меньше! – сказал Колька.
  - Нет, больше!
  - Нет, меньше!
  - Нет, больше!
  - Нет, меньше!
- Вдруг за спинами Кольки и Петьки послышался шум.

Колька Панкин и Петька Ершов обернулись.

Прямо на них летело какое-то чудовище.

– Что это? – испугался Колька.

– Это автомобиль, – сказал Петька.

– Не может быть! – сказал Колька. – Откуда же в Бразилии автомобиль?

– Не знаю, – сказал Петька, – но только это автомобиль.

– Не может быть! – сказал Колька.

– А я тебе говорю, что автомобиль! – сказал Петька.

– Нет, не может быть, – сказал Колька.

– Нет, может!

– Нет, не может!

– Ну, теперь видишь, что это автомобиль? – спросил Петька.

– Вижу, но очень странно, – сказал Колька.

Тем временем, автомобиль подъехал ближе.

– Эй, вы, ребята, – крикнул человек из автомобиля. – Дорога в Ленинград направо или налево?

– В какой Ленинград? – спросил Колька.

– Как в какой! Ну, в город как проехать? – спросил шофер.

– Мы не знаем, – сказал Петька, а потом вдруг заревел.

– Дяденька, – заревел он, – свези нас в город.

– Да вы сами-то что, из города? – спросил шофер.

– Ну да, – ревел Петька, – с Моховой улицы.

– А как же вы сюда попали? – удивился шофер.

– Да вот Колька, – ревел Петька, – обещал в Бразилию свезти, а сам сюда привез.

– В Брусилово... Брусилово... Пойдите, Брусилово это дальше, это где-то в Черниговской губернии, – сказал шофер.

– Чилиговская губерния... Чилийская республика... Чили... Это южнее, это там, где и Аргентина. Чили находится на берегу Тихого океана, – сказал Колька.

– Дяденька, – захныкал опять Петька, – свези нас домой.

– Ладно, ладно, – сказал шофер. – Садитесь, все равно машина пустая. Только Брусилово не тут, Брусилово – это в Черниговской губернии.

И вот Колька Панкин и Петька Ершов поехали домой на автомобиле.

11

Колька Панкин и Петька Ершов ехали сначала молча. Потом Колька посмотрел на Петьку и сказал:

– Петька, – сказал Колька, – ты видел кондора?

– Нет, – сказал Петька. – А что это такое?

– Это п т и ц а, – сказал Колька.

– Большая? – спросил Петька.

– Очень большая, – сказал Колька.

– Больше вороны? – спросил Петька.

– Что ты! Это самая большая п т и ц а, – сказал Колька.

– А я ее не видал, – сказал Петька.

– А я видел. Она на пальме сидела, – сказал Колька.

– На какой пальме? – спросил Петька.

– На той, на которой и колибри сидела, – сказал Колька.

– Это была не пальма, а сосна, – сказал Петька.

– Нет, пальма! – сказал Колька.

– Нет, сосна! – сказал Петька, – пальмы растут только в Бразилии, а тут не растут.

– Мы и были в Бразилии, – сказал Колька.

– Нет, не были! – сказал Петька.

– Нет, были! – сказал Колька.

– Не-бы-ли, – закричал Петька.

– Были, были, были, бы-ли-и-и! – кричал Колька.

– А вон и Ленинград виднеется, – сказал шофер, указывая рукой на торчащие в небо трубы и крыши.

ВСЁ

Даниил Хармс
1928

56

Здравствуй. Ты снова тут.
Садись пожалуйста на эту
атаманку,
возьми цветочек со стола
и погляди вокруг:
Вот эту лампу к поталку
Я брошу в верх и растолку
смешаю с чистою водой
утру прозрачной бородой.

Эстер А что ты сделаешь
со мной?

Я Тебя сребоу,
раздвину ноги
и суну голову туда
и потечёт моих желаний
Эстерки длинная вода.

<Февраль 1928>

57

Ты ночуешь с Даниилом,
Но к несчастью Даниил
Хоть и в рифму с Михаилом,
Но совсем не Михаил.

<13 марта 1928>

58

Шел мужчина в согнутых штанах
в руках держал махровый цветочек
то нюхал он цветочек, то не нюхал
то думал он в платочек, то не думал
и много франтов перед ним
казались вымыслом одним.

Француза встретил наш герой
и рот открыл – обдумать как приветить
«Vous aitez enfen» – что значит: «Вы герой»
сказал мужчина в согнутых перчатках
и в шляпе наклонённой к сапогам
в тяжёлом фраке до калена
с одною пуговкой на пиджаке.
француз покрылся фиолетом
и вынув руку из кармана ответил пистолетом.
ба бах! ответил он мужчине прямо в сердце
ба-бах! ответил он мужчине прямо в грудь
мужчина выпустив цветочек
подумал в шёлковый платочек:
неужто смерть в моём саду?
не уж то смерть в моём саду?
не уж то смерть в моем саду?

<Июнь-июль 1928>

59. Приключения ежа

<1>

Пришел к парикмахеру Колька Карась.
– Садитесь, – сказал парикмахер, смеясь.

Но вместо волос он увидел ежа
И кинулся к двери, крича и визжа.

Но Колька проказник не долго тужил
И тете Наташе ежа подложил.

А тетя Наташа, увидев ежа,
Вскочила, как мячик, от страха визжа.
Об этих проказах услышал отец:
– Подать мне ежа! – он вскричал наконец.

А Колька, от смеха трясясь и визжа,
Принёс напечатанный номер «Ежа».

– Помогите! Караул!
Мальчик яблоки стянул!

– Я прошу без разговора
Отыскать немедля вора!

Ванька с Васькой караулят,
А старушка спит на стуле.

– Что же это? Это что ж?
Вор не вор, а просто еж!

– До чего дошли ежи!
Стой! Хватай! Лови! Держи!

...Еж решился на грабеж,
Чтоб купить последний «Еж»!

1928

60. 17 лошадей

У нас в деревне умер один человек и оставил своим сыновьям такое завещание.

Старшему сыну оставляю $\frac{1}{2}$ своего наследства,
среднему сыну оставляю $\frac{1}{3}$ своего наследства, а
младшему сыну оставляю $\frac{1}{9}$ своего наследства.

Когда этот человек умер, то после его смерти осталось всего только 17 лошадей и больше ничего. Стали сыновья 17 лошадей между собой делить.

«Я, – сказал старший, – беру $\frac{1}{2}$ всех лошадей. Значит $17 : 2$ это будет $8 \frac{1}{2}$ ».

– «Как же ты $8 \frac{1}{2}$ лошадей возьмешь? – спросил средний брат. – Не станешь же ты лошадь на куски резать?»

– «Это верно, – согласился с ним старший брат, – только и вам своей части не взять. Ведь 17 ни на 2, ни на 3, ни на 9 не делится!»

– «Так как же быть?»

– «Вот что, – сказал младший брат, – я знаю одного очень умного человека, зовут его Иван Петрович Рассудилов, он-то нам сумеет помочь».

– «Ну что ж, зови его», – согласились два другие брата.

Младший брат ушел куда-то и скоро вернулся с человеком, который ехал на лошади и курил коротенькую трубочку. «Вот, – сказал младший брат, – это и есть Иван Петрович Рассудилов».

Рассказали братья Рассудилову свое горе. Тот выслушал и говорит: «Возьмите вы мою лошадь, тогда у вас будет 18 лошадей и делите спокойно». Стали братья 18 лошадей делить.

Старший взял $\frac{1}{2}$ – 9 лошадей,

средний взял $\frac{1}{3}$ – 6 лошадей,

а младший взял $\frac{1}{9}$ – 2 лошади.

Сложили братья своих лошадей вместе. $9 + 6 + 2$, получилось 17 лошадей. А Иван Петрович сел на свою 18-ю лошадь и закурил свою трубочку.

«Ну что, довольны?» – спросил он удивленных братьев и уехал.

Д. Хармс
1928

61. Мама НЯМА аманя.

гахи глели на меня
сынды плавали во мне
где ты мама, мама Няма
мама дома мамамед!
во болото во овраг
во летает тетервак
тёртый тетер на току
твёрдый пламень едоку.
твёрдый пламень едока
лож<к>и вилки. Рот развей.

стяга строже. Но пока
звитель зветен соловей
сао соо сию се
коги доги до ноги
Накел тыкал мыкал выкал
мама Няма помощи!
ибо сынды мне внутри
колят пики не понять
ибо гахи раз два три
хотят девочку отнять.
всё.

4 августа. <1928?>

62. Падение с моста

Окно выходит на пустырь
квадратный как пирог
где на сучке висит нетопырь.
Возьми свое перо.
Тогда Тюльпанов на лугу
посмотрит в небо сквозь трубу
а Пятаков на берегу
посмотрит в море на бегу.
Нам из комнаты не видать
какая рыба спит в воде
где нетопырь полночный тать
порой живет. и рыбы где.
А с улицы видней
особенно с моста
какая зыбь играет камушком
у рыбьего хвоста.
Беги Тюльпанов дорогой.
Скачи коварный Пятаков.
рыб лови рукой.
Тут лошадь без подков
в корыто мечет седока.
Тюльпанов пр и Пятаков
грохочет за бока.
А рыба в море

жрет водяные огурцы.
Ну да, Тюльпанов и Пятаков
большие молодцы.
Я в комнате лежу с тобой
с астрономической трубой
в окно гляжу на брег досчатый
где Пятаков и герр Тюльпанов
открыли материк.
Там я построю домик
чтоб не сидеть под ливнем без покрова
а возле домика стоит
уже готовая корова.
Пойду. Прощайте. Утоплюсь.
Я Фердинанд. Я герр Тюльпанов.
Я Пятаков. Пойду гулять в кафтане
И рыб ловить в фонтане.
Вот мост. Внизу вода.
Б У Х.
Это я в воду полетел.
Вода фигурами сложилась
Таков был мой удел.

*Воскресенье
5 авг<уста> 1928 года.
Даниил Хармс.*

63. Óсса

*Посвящается Тамаре
Александровне Мейер*

На потолке сидела муха
ее мне видно из кровати
она совсем уже старуха
сидит и нюхает ладонь;
я в сапоги скорей оделся
и в торопях надел папаху
поймал дубинку и по мухе
закрыв глаза хватил со всего размаху.

Но тут увидел на косяке
свинью сидящую калачем
ударил я свинью дубинкой,
а ей как видно нипочем.
На печке славный Каратыгин
прицелил в ухо пистолет

ХЛОПНУЛ ВЫСТРЕЛ

я прочитал в печатной книге,
что Каратыгину без малого сто лет
и к печке повернувшись быстро
подумал: верно умер старичек
оставив правнукам в наследство
пустой как штука сундучек.
(Предмет в котором нет материи
не существует как рука
он бродит в воздухе потерянный
вокруг него элементарная кара).
Быть может в сундучке лежал квадратик
похожий на плотину.
Быть может в сундучке сидел солдатик
и охранял эфира скучную картину
мерцая по бокам шинелью волосатой
глядел насупив переносицу
как по стенам бегут сухие поросята.
<В> солдатской голове большие

мысли носятся:

играет муха на потолке
марш конца вещей.
Висит подсвечник на потолке,
а потому прощай.
Покончу жизнь палашом –
все можно написать зеленым карандашом.
На голове взовьются волосы
когда в ногах почувешь полосы.
Стоп. Михайлы начали расти
качаясь при вдыхании премудрости.
Потом счисляются минуты
они неважны и немноги.
Уже прохладны и разуты
как в пробужденье видны ноги.
Тут мысли внешние съедая

– приехали. застава. –
сказала бабушка седая
характера простова.
Толкнув нечаяно Михаила
я проговорил: ты пьешь боржом,
все можно написать зеленым карандашом.
Вот так Тамара
дала священный альдюмениум
зеленого комара.
Стоп. Разошлось по конусу
летало ветром по носу.
весь человеческий остов
одно смыкание пластов
рыба плуст
торчит из мертвых уст
человек растет как куст
вместо носа
трепещет осса
в углу сидит свеча Матильда голышем –
Все можно написать зеленым карандашом.

Понедельник 6-ое августа 1928 года.

С.-Петербург.

Даниил Хармс.

64. Перо Золотого Орла

Было решено, что как только кончится немецкий урок, все индейцы должны будут собраться в тёмном коридоре за шкафами с физическими приборами. Из коридора нельзя было видеть, что делается за шкафами, и потому индейцы всегда собирались там для обсуждения своих тайных дел. Это место называлось «Ущельем Бобра».

Бледнолицые не имели такого тайного убежища и собирались, где попало, когда в зале, а когда в классе на задних скамейках. <Но зато у Гришки Тулонова, который был бледнолицым, была настоящая подзорная труба>.

В эту трубу можно было смотреть и хорошо видеть всё, что творится на большом расстоянии. Индейцы предлагали бледнолицым обменять «Ущелье» на подзорную трубу, но Гришка Тулонов отказался. Тогда индейцы объявили войну бледнолицым, чтобы отнять у них подзорную трубу силой. Как раз после немецкого урока индейцы должны были собраться в Ущелье Бобра для военных обсуждений.

Урок подходил уже к концу и напряжение в классе всё росло и росло. Бледнолицые могли первые занять «Ущелье Бобра»; в виду военного положения это допускалось.

На второй парте сидел вождь каманчей Галлапун, Звериный Прыжок, или, как его звали в школе, Семён Карпенко, готовый каждую минуту вскочить на ноги. Рядом с Галлапуном сидел тоже индеец, великий вождь араукасов Чин-гак-хук. Он делал вид, что списывает с доски немецкие глаголы, а сам писал индейские слова, чтобы употреблять их во время войны.

Чин-гак-хук писал:

Ау – война

Кос – племя

Унем – большое

Инам – маленькое

Амик – бобр

Дэш-кво-нэ-ши – стрекоза

Аратоки – вождь

Тамарака – тоже вождь

Пильгедрау – воинственный клич индейцев

Оах – здравствуйте

Уч – да

Мо – орёл

Капек – перо

Кульмегуинка – бледнолицый

Куру – чёрный

– Сколько минут осталось до звонка? – спросил своего соседа Галлапун.

– Восемь с половиной, – отвечал Чин-гак-хук, едва двигая губами и внимательно глядя на доску.

– Ну, значит, сегодня спрашивать не будет, – сказал Галлапун.

«Надо сказать Никитину, чтобы он минуты за две до звонка попросил-бы у учителя разрешение выйти из класса и спрятался-бы в Ущелье Бобра», – подумал про себя Галлапун и сейчас-же написал на кусочке бумажки распоряжение и послал его Никитину по телеграфу.

«Телеграфом» назывались две катушки, прибитые под партами, одна под партией Галлапуна, а другая под партией Никитина. На катушках была натянута нитка с привязанной к ней спичечной коробочкой. Если потянуть за нитку, то коробочка поползёт от одной катушке к другой.

Галлапун положил в коробочку своё распоряжение и потянул за нитку. Коробочка уплыла под парту и подъехала к Никитину. Никитин достал из неё распоряжение Галлапуна и прочёл: «Галлапун, Звериный Прыжок, вождь каманчей, просит Курумиллу за две минуты до конца немецкого плена бежать <в> „Ущелье Бобра" и охранять его от бледнолицых».

Внизу послания была нарисована трубка мира, тайный знак каманчей.

Курумилла, или как его звали бледнолицые учителя – Никитин, прочёл распоряжение Галлапуна и послал ответ: «Курумилла, Чёрное Золото, исполнит просьбу Галлапуна, Звериного Прыжка».

Галлапун прочёл ответ Никитина и успокоился. Теперь Никитин сделает всё, что требуется от индейского воина, и бледнолицым не удастся занять Ущелья.

– Ну, теперь «Ущелье» наше, – шепнул Чун-гак-хук Галлапун.

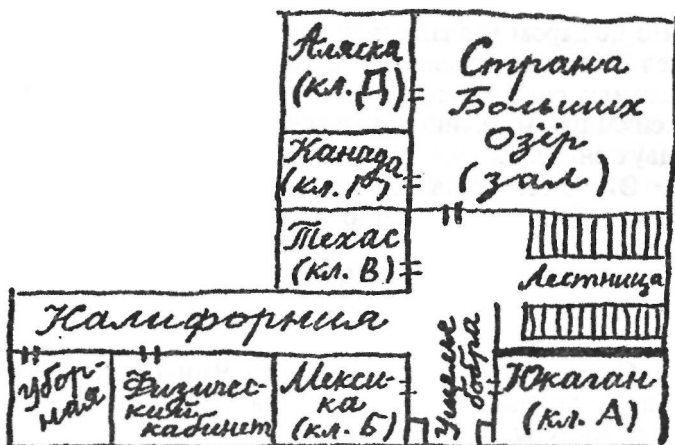
– Да, – сказал Чин-гак-хук, – если только не помешают нам мексиканцы.

– Какие мексиканцы? – удивился Галлапун.

– А вот видишь, – сказал Чин-гак-хук, разворачивая лист бумаги. – Перед тобой план нашей школы, а вот посмотри, – это карта Северной Америки.

Я дал каждому классу американские названия. Например, Аляска на карте помещается наверху, в правом углу, а на плане нашей школы там находится класс Д. Потому класс Д я назвал Аляской. Классы А и Б на нашем плане стоят внизу. В Америке тут как раз Мексика. Наш класс – Техас, а класс бледнолицых – Канада. Вот посмотри

сюда! – И Чин-гак-хук подвинул к Галлапуну лист бумаги с таким планом:

– Значит, мы техасцы? – спросил Галлапун.

– Конечно! – сказал Чин-гак-хук.

– Перестанте разговаривать! – крикнул им учитель.

Чин-гак-хук уставился на доску.

Вдруг раздался звонок. Шварц и Никитин вскочили со своих мест.

– Урок ещё не кончился! – крикнул учитель.

Шварц и Никитин сели.

– По моим часам осталось ещё три минуты до звонка, – сказал Чин-гак-хук.

– Значит, часы твои врут, – сказал Галлапун. – Но как-же быть? Ведь бледнолицые могут занять Ущелье.

– К следующему разу выучите §§ 14, 15, 16, 17 и 19, – диктовал учитель.

В коридоре уже поднимался шум. В классе Б, верно, уже кончился урок. Сейчас и индейцы освободятся, но вдруг бледнолицые раньше! Здесь важна каждая секунда.

– Ну, теперь в зал! – сказал учитель.

Никитина как ветром сдуло. Он вылетел из класса как пуля. Выскочив из дверей, он прямо всем телом налетел на Свистунова. Свистунов был самым сильным бледнолицым. Бледнолицые вышли из класса одновременно с

индейцами, и Свистунов бежал в «Ущелье». За Никитиным выбежал из класса Галлапун. Увидев Галлапуна, Свистунов толкнул Никитина и кинулся к «Ущелью».

Но не даром Галлапуна звали Звериным Прыжком. Не успел Свистунов сделать и четырех шагов, как сзади его обхватили сильные руки Галлапуна. Кругом столпились мексиканцы, мальчишки и девчѐнки, и смотрели на борьбу двух силачей.

– Эй-го-ге! – раздался крик Чин-гак-хука. В то время, как Галлапун бился с Свистуновым, Чин-гак-хук прибежал в «Ущелье».

– Эй-го-ге! – крикнул Чин-гак-хук.

Галлапун оставил Свистунова и присоединился к Чин-гак-хуку. «Ущелье Бобра» осталось за индейцами.

– Скорей, скорей, – торапился Чин-гак-хук, – надо обсудить военные дела до конца перемены. Осталось четыре минуты.

Все индейцы были уже в сборе. Никитин встал охранять вход в Ущелье, а Чин-гак-хук сказал:

– Краснокожие! Нас всех, не считая девчѐнок, 11 человек. Бледнолицых хоть и больше, но мы храбрее их. У меня есть план войны. Я вам разошлю его по телеграфу. Если вы согласитесь, то мы предложим его бледнолицым, чтобы война шла правильно. Сейчас я предлагаю вам обсудить один вопрос. Мы все время на уроках думаем: как-бы бледнолицые не заняли Ущелья. Это мешает нам заниматься. Давайте предложим сейчас бледнолицым, чтобы они не занимали Ущелья без нас. Когда мы тут – пусть нападают. И кто во время звонка к уроку будет в Ущелье, – тому Ущелье и будет принадлежать на следующей перемене.

– Правильно! – в один голос ответели все краснокожие.

– Кто пойдет разговаривать с бледнолицыми? – спросил Пирогов или, как его звали индейцы, – Пиррога, что значит лодка.

– Пусть Чин-гак-хук и идет разговаривать! – кричали индейцы.

– Я согласен, – сказал Чин-гак-хук, – только пусть раньше пойдет кто-нибудь и предупредит бледнолицых.

– Пусть Пиррога и пойдет, – сказал кто-то.

– Хорошо, – сказал Чин-гак-хук. – Но у индейцев есть такой обычай, что если человек идёт с миром, то он должен нести с собой трубку мира. У меня есть такая.

Чин-гак-хук достал из кармана маленькую трубочку, должно быть, своего отца. К трубке сюргучом были прикреплены куриные перья.

– Ступай в Страну Больших озер и покажи бледнолицым эту трубку, – сказал Чин-гак-хук Пирроге. – Потом приходи назад и приведи с собой кого ни будь из бледнолицых. Я поговорю с ним в тёмном корридоре, или как я это называю, – Калифорнии.

Пиррога взял трубку мира и пошёл из Ущелья. Выйдя в корридор, он был окружён толпой любопытных мексиканцев.

– Николай Пирогов
Поймай воробьев! –

кричали ему мексиканцы. Но Пиррога шёл, гордо закинув голову, как и подобало ходить настоящему индейцу.

В Стране Больших озёр было очень шумно. Рослые жители Аляски носились по зале, лоя друг друга. Тут были и мексиканцы, но мексиканцы народ маленький, хоть и очень подвижный.

В углу Пиррога увидел бледнолицых. Они стояли и о чём-то сговаривались. Пиррога подошел к ним по ближе. Бледнолицые замолчали и уставились на Пиррогу.

Пиррога протянул им трубку мира и сказал:

– Оах! – что означало – здравствуйте.

Из толпы бледнолицых вышел Гришка Тулонов.

– Тебе чего нужно? – спросил он Пиррогу и прищурил глаза.

– Чин-гак-хук, вождь араукасов, хочет говорить с тобой, – сказал Пиррога.

– Так пусть приходит, – сказал Гришка Тулонов, – а ты это чего в руках держишь?

– Это трубка мира! – пояснил Пиррога.

– Трубка мира? А этого хошь? – и Тулонов показал Пирроге кулак.

– Пусть кто ни будь из вас пойдёт переговорить с Чин-гак-хуком – сказал Пиррога, пряча трубку в карман.

– Ладно, я пойду, – сказал Свистунов.

Пиррога шёл впереди, а Свистунов шёл сзади, размахивая руками.

– Ты подожди в Калифорнии, – сказал Свистунову Пиррога, – а я сейчас позову Чин-гак-хука.

При входе в Ущелье Никитин остановил Пиррогу:

– Кто идет? – спросил Никитин.

– Я, – сказал Пиррога.

– Пароль? – спросил Никитин.

– Три яблока, – сказал Пиррога.

– Проходи, – сказал Никитин.

Чин-гак-хук уже ждал Пиррогу. Он сейчас же взял трубку мира и побежал в Калифорнию. В это время раздался звонок. Пришлось идти в класс.

Индейцы расселись по своим местам, но Чин-гак-хука не было. Сейчас должен начаться урок арифметики.

– Где же Чин-гак-хук? – волновался Галлапун.

– Не подрались-ли они? – сказал Пиррога.

– Я пойду посмотрю, – сказал Галлапун и пошел к двери.

Но из класса не вышел, так как по корридору шёл уже учитель. Галлапун сел на своё место. Учитель вошёл в класс и сел за столик.

В это время дверь бесшумно приоткрылась и закрылась. Чин-гак-хук на четверинках юркнул под парту к Никитину. Учитель повернул голову к двери, но там уже никого не было.

Галлапун был в восторге от Чин-гак-хука.

«Вот это индеец так индеец!» – думал он.

«Вдруг под партой что-то зашуршало и толкнуло колесо Галлапуна. Это была коробочка индейского «телеграфа». В коробочке была записка: «Вождь каманчей Галлапун, урони карандаш и начни его искать. Я подползу. Вождь араукасов Чин-гак-хук».

Учитель начал урок. Он каждую минуту мог заметить отсутствие Чин-гак-хука, а потому Галлапун скорей уронил карандаш и наклонился его поднять».

Минуту спустя Чин-гак-хук сидел уже рядом с Галлапуном.

– Свистунов на всё согласен, – сказал он Галлапуну. – Мы можем быть спокойны, что без нас Ущелье они не займут. Теперь надо нашим разослать мои правила войны.

Чин-гак-хук достал большой лист бумаги и написал:

«Индейцы! Мы объявили войну бледнолицым. Но кто останется победителем? Тот, кто завладеет Ущельем и подозрной трубой? Это поведёт к драке и нас выставят из школы. Я предлагаю другое. В зоологическом саду есть клетка с орлом.

У орла другой раз выпадают перья, и сторожа втыкают их в дверце клетки с внутренней стороны. Если согнуть проволочку, то можно достать одно перо.

Сегодня мы идём после большой перемены на экскурсию в зоологический сад. Так вот я и предлагаю считать победителем того, кто первый достанет перо орла.

Я уже говорил со Свистуновым и он передаст это бледнолицым.

Вождь араукасов Чин-гак-хук».

Чин-гак-хук показал проэкт войны Галлапуну и опустил его в телеграфную коробочку. Вскоре проэкт, подписанный всеми индейцами, вернулся к Чин-гак-хуку.

– Все согласны, – сказал Чин-гак-хук и стал внимательно слушать учителя.

– Тр-р-р-р-р-р-р! – зазвенел звонок.

Индейцы, не торопясь, записали уроки и вышли из класса. Бледнолицые поджидали их уже в коридоре.

– Эй вы! – кричали бледнолицые, – пора воевать, идите в Ущелье, а мы вас отуда вышибем!

Галлапун вышел вперёд и низко поклонился.

– Бледнолицые! – сказал он, – Ущелье Бобра достаточно велико, что бы поместить в себе и нас и вас. Стоит ли драться из за него, когда оно может принадлежать тому, кто первый выскочит из класса. Я предлагаю другое. Пойдёмте все в Ущелье и обсудим мое предложение.

В Ущелье набралось столько народу, сколько могло туда поместиться.

65

– Отчего ты весел, Ваня?

– У меня Ежи в кармане.

За ежом пошел я в лес,
только еж в карман не влез.

- Что ты, Ваня, все поешь?
- У меня в кармане «Еж».

Вот и мне попался еж!
От такого запоешь!

- Ты соврал, курносый Ванька!
Где твой еж? А ну, достань-ка.

- Это правда, а не ложь,
посмотрите, вот он – «Еж»!

1928

66. Во-первых и во-вторых

ВО-ПЕРВЫХ, запел я песенку и пошел.

ВО-ВТОРЫХ, подходит ко мне Петька и говорит: «Я с тобой пойду». – И оба мы пошли, напевая песенки.

В-ТРЕТЬИХ, идем и смотрим, стоит на дороге человек ростом с ведро.

«Ты кто такой?» – спросили мы его. «Я – самый маленький человек в мире». – «Пойдем с нами». – «Пойдем».

Пошли мы дальше, но маленький человек не может за нами угнаться. Бегом бежит, а все-таки отстает. Тогда мы его взяли за руки. Петька за правую, я за левую. Маленький человек повис у нас на руках, едва ногами земли касается. Пошли мы так дальше. Идем все трое и песенки насвистываем.

В-ЧЕТВЕРТЫХ, идем мы и смотрим, лежит возле дороги человек, голову на пенек положил, а сам такой длины, что не видать, где ноги кончаются. Подошли мы к нему поближе, а он как вскочит на ноги, да как стукнет кулаком по пеньку, так пенек в землю и ушел. А длинный человек посмотрел вокруг, увидел нас и говорит: «Вы, – говорит, – кто такие, что мой сон потревожили?» –

«Мы, – говорим мы, – веселые ребята. Хочешь с нами пойдешь? – «Хорошо», – говорит длинный человек, да как шагнет сразу метров на двадцать. «Эй, – кричит ему маленький человек, – обожди нас немного!» Схватили мы маленького человека и побежали к длинному. – «Нет, – говорим мы, – так нельзя, ты маленькими шагами ходи».

Пошел длинный человек маленькими шагами, да что толку? Десять шагов сделает и из вида пропадает, – «Тогда, говорим мы, пусть маленький человек тебе на плечо сядет, а нас ты подмышки возьми». Посадил длинный человек маленького себе на плечо, а нас подмышки взял и пошел.

– «Тебе удобно?» – говорю я Петьке. – «Удобно. А тебе?» – «Мне тоже удобно», – говорю я. И засвистели мы веселые песенки. И длинный человек идет и песенки насвистывает, и маленький человек у него на плече сидит и тоже свистит – заливается.

В-ПЯТЫХ, идем мы и смотрим – стоит поперек нашего пути осел. Обрадовались мы и решили на осле ехать. Первым попробовал длинный человек. Перекинул он ногу через осла, а осел ему ниже колена приходится. Только хотел длинный человек на осла сесть, а осел взял да и пошел, и длинный человек со всего размаху на землю сел. Попробовали мы маленького человека на осла посадить. Но только осел несколько шагов сделал – маленький человек не удержался и свалился на землю. Потом встал и говорит: «Пусть длинный человек меня опять на плече понесет, а ты с Петькой на осле поезжай». Сели мы, как маленький человек сказал, и поехали. И всем хорошо. И все мы песни насвистываем.

В-ШЕСТЫХ, приехали мы к большому озеру. Глядим, у берега лодка стоит. – «Что ж, поедем на лодке?» – говорит Петька. Я с Петькой хорошо в лодке уселюсь, а вот длинного человека с трудом усадили. Согнулся он весь, сжался, коленки к самому подбородку поднял.

Маленький человек где-то под скамейкой сел, а вот ослу места-то и не осталось. Если бы еще длинного человека в лодку не сажать, тогда можно было бы и осла посадить. А вдвоем не помещаются. – «Вот что, – говорит

маленький человек,— ты, длинный, вброд иди, а мы осла в лодку посадим и поедем». Посадили мы осла в лодку, а длинный человек вброд пошел, да еще нашу лодку на веревочке потащил. Осел сидит, пошевелинуться боится, верно, первый раз в лодку попал. А остальным хорошо. Едем мы по озеру, песни свистим. Длинный человек тащит нашу лодку и тоже песни поет.

В-СЕДЬМЫХ, вышли мы на другой берег, смотрим — стоит автомобиль. — «Что же это такое может быть?» — говорит длинный человек. — «Что это?» — говорит маленький человек. — «Это, — говорю я, — автомобиль». «Это машина, на которой мы сейчас и поедем», — говорит Петька. Стали мы в автомобиле рассаживаться. Я и Петька у руля сели, маленького человека спереди на фонарь посадили, а вот длинного человека, осла и лодку никак в автомобиле не разместить. Положили мы лодку в автомобиль, в лодку осла поставили, все бы хорошо, да длинному человеку места нет. Посадили мы его в лодку — ослу места нет. Посадили мы в автомобиль осла и длинного человека — лодку некуда поставить.

Мы совсем растерялись, не знали, что и делать, да маленький человек совет подал: «Пусть, — говорит, — длинный человек в автомобиль сядет, а осла к себе на колени положит, а лодку руками над головой поднимет».

Посадили мы длинного человека в автомобиль, на колени к нему осла положили, а в руки дали лодку держать. — «Не тяжело?» — спросил его маленький человек. — «Нет, ничего», — говорит длинный. Я пустил мотор в ход, и мы поехали.

Все хорошо, только маленькому человеку впереди на фонаре сидеть неудобно, кувыркает его от тряски, как ваньку-встаньку. А остальным ничего. Едем мы и песни насвистываем.

В-ВОСЬМЫХ, приехали мы в какой-то город. Поехали по улицам. На нас народ смотрит, пальцами показывает: — «Это что, — говорит, — в автомобиле дубина какая стоит, себе на колени осла посадил и лодку руками над головой держит. Ха! ха! ха! А впереди-то какой на фонаре сидит. Ростом с ведерко! Вон его как от тряски-то кувыркает. Ха! ха! ха!»

А мы подъехали прямо к гостинице, лодку на землю положили, автомобиль поставили под навес, осла к дереву подвязали и зовем хозяина. Вышел к нам хозяин и говорит: «Что вам угодно?» – «Да вот, – говорим мы ему, – переночевать нельзя ли у вас?» – «Можно», – говорит хозяин и повел нас в комнату с четырьмя кроватями. Я и Петька легли, а вот длинному человеку и маленькому никак не лечь. Длинному все кровати коротки, а маленькому не на что голову положить. Подушка выше его самого и он мог только стоя к подушке прислониться. Но так как мы все очень устали, то легли кое-как и заснули. Длинный человек просто на полу лег, а маленький на подушку весь залез, да так и заснул.

В-ДЕВЯТЫХ, проснулись мы утром и решили дальше путь продолжать. Тут вдруг маленький человек и говорит: «Знаете что? Довольно нам с этой лодкой да автомобилем таскаться. Пойдемте лучше пешком». – «Пешком я не пойду, – сказал длинный человек, – пешком скоро устанешь». – «Это ты-то, такая детина, устанешь?» – засмеялся маленький человек. – «Конечно, устану, – сказал длинный, – вот бы мне какую-нибудь лошадь по себе найти». – «Какая же тебе лошадь годится? – вмешался Петька. – Тебе не лошадь, а слона нужно». – «Ну, здесь слона-то не достанешь, – сказал я, – здесь не Африка». Только это я сказал, вдруг слышны на улице лай, шум и крики.

Посмотрели в окно, глядим – ведут по улице слона, а за ним народ валит. У самых слоновьих ног бежит маленькая собачонка и лает во всю мочь, а слон идет спокойно, ни на кого внимания не обращает. «Вот, – говорит маленький человек длинному, – вот тебе и слон как раз. Садись и поезжай». – «А ты на собачку садись. Как раз по твоему росту», – сказал длинный человек. «Верно, – говорю я, – длинный на слоне поедет, маленький на собачке, а я с Петькой на осле». И побежали мы на улицу.

В-ДЕСЯТЫХ, выбежали мы на улицу. Я с Петькой на осла сели, маленький человек у ворот остался, а длинный за слоном побежал. Добежал он до слона, вскочил на него и к нам повернул. А собачка от слона не отстает,

лает и тоже к нам бежит. Только до ворот добежала, тут маленький человек наловчился и прыгнул на собаку. Так мы все и поехали. Впереди длинный человек на слоне, за ним я с Петькой на осле, а сзади маленький человек на собачке. И всем нам хорошо и все мы песенки насвистываем.

Выехали мы из города и поехали, а куда приехали и что с нами приключилось, об этом мы вам в следующий раз расскажем.

Д. И. Хармс
1928

67. Жизнь человека на ветру

посвещаю Эрике

В лесу меж сосен ехал всадник
Храня улыбку вдоль щеки
Тряслась нога, звенели складки
Волос кружились червяки.
Конь прыгнул поднимая тело
Над быстрой скважиной в лесу.
Сквозь хладный воздух брань летела
Седок шептал «Тебя голубчик я снесу.
Хватит мне. Ах эти муки
Да этот щит, да эти руки,
да этот панцирь пудов на пять,
да этот меч одервянелый
Прощай приятель полковой
Грызи траву. Мелькни венерой
Над этой круглой головой».
А конь ругался «Ну и ветер!
Меня подъемлет к облакам.
Всех уложил проклятый ветер
Прочь на съедение к волкам.
С тебя шкуру снять долой
Сжечь притворив засовом печку
И штукой спрятать под полой.

Снести и кинуть в речку
Потом ищи свою подругу,
Рыб встречных тормаша,
Плыви, любезный мой, в Калугу,
В Калуге девки хороши».
Пел конь, раздув мехи.
Седок молчал в платочек.
Конь устремил глаза, вверху
Седок собрался в маленький комочек.
«Вот жизнь, – ворчал седок –
Сам над собой не властен
Путь долог и высок
Не видать харчевни где б остановиться
Живешь, как дерева кусок,
Иные могут подивиться.
Что я: сознательный предмет
Живой наездник или нет?»
Конь, повернув к нему лицо:
«Твоя конусообразная голова,
Твой затылок, твое лицо,
Твои разумные слова.
Но ухо конское не терпит лжи
Ты лучше песнь придержи».
«Как, – закричал седок летучий, –
Ты мне препятствуешь?
Тварь!
Смотри я сброшу тебя с тучи,
Хребет сломаю о фонарь».
Но тут пронесся дикой птицей
Орел двукрылый как воробей.
И всадник хитрою лисицей
Себя подбадривал «Ну дядя не робей!»
А конь смеялся «Вот так фунт!
Скажи на милость вот так фунт».
«Молчи, – сказал седок прелестный, –
Мы под скалой летим отвестной
Тут не до шуток
Тем более конских
Наставит шишек этот пень
Ты лучше морду трубочкой сверни».
Но конь ответил «Мне это лень».

И трах! Губой со всего размаха
У всадника летит папаха,
Кушак болотные сапоги!
Кричит бедняжка: помоги!
Хромым плечом стучит в глину
Изображая смехотворную картину
А конь пустился в пляску.
Спешит на перевязку
И тащит легкую коляску.
В коляске той сидит детина.
Под мышкой держит рысака
Глаза спокойные как тина
Стреляют в землю с висока.
Он едет в кузницу направо
Храня улыбку вдоль щеки
Ресниц колышется орава
Волос кружатся червяки.
Он поет «мое ли тело
Вчера по воздуху летело?
Моя ли сломанная нога
Подошвой била облака
Не сам ли я вчера ругался
О том, что от почвы оторвался
Живешь и сам не знаешь почему
Жизнь уподоблю я мечу».
Пропев такое предложенье
детина выскочил из брички
(он ростом в полторы сажени)
рукой поправил брючки.
Сказал: Какие заковычки
Сей день готовит для меня
и топнул в сторону коня.
«Ну ты, не больно топочи! –
Заметил конь через очки
Мне такие глупачи
То же самое, что дурочки».
Но тут детина освирепев
В коня пустил бутылкой
«Я зол как лев –
Сказал детина пылкий.
Вот тебе за твое замечание».

Но конское копыто
Пришло в бесконечное качание
Посыпались как из корыта
Удары полные вражды
Детина падал с каждым разом
И вновь молил как жертва скуки и нужды
«Оставь мне жизни хоть на грош
От ныне буду я хорош
Я над тобой построю катоккомбу
Что б ветер не унес тебя».
А сам тихонько вынул бомбу
Конь быстро согласился взмахом головы
И покатился тушей вдоль травы.
Детина рыжим кулаком
Бил мух под самым потолком
В каждом ударе чувствовалась сила
Огонь зажигался в волосах
И радость глупая сквозила
В его опущенных глазах.
Он как орел махал крылами
улыбкой вилясь часть щеки
усы взлетали в верх орлами
Волос кружились червяки
А конь валялся под горой
Раздув живот до самых пят.
Над ним два сокола порой
В холодном воздухе парят.

ВСЕ.

14–18 ноября 1928 г.

68. Почему

ПОЧЕМУ:

Повар и три поварёнка,
повар и три поварёнка,
повар и три поварёнка
выскочили во двор?

ПОЧЕМУ:

Свинья и три поросёнка,
свинья и три поросёнка,
свинья и три поросёнка
спрятались под забор?

ПОЧЕМУ:

Режет повар свинью,
поварёнок – поросёнка,
поварёнок – поросёнка,
поварёнок – поросёнка?

Почему, да почему?
– Чтобы сделать ветчину.

Д. Хармс
1928

69. О том, как старушка чернила покупала

На Кособокой улице, в доме № 17 жила одна старушка. Когда-то жила она вместе со своим мужем и был у неё сын. Но сын вырос большой и уехал, а муж умер, и старушка осталась одна.

Жила она тихо и мирно, чаёк попивала, сыну письма посылала, а больше ничего не делала.

Дома же говорили про старушку, что она с луны свалилась.

Выйдет старушка другой раз летом на двор, посмотрит вокруг и скажет:

– Ах ты, батюшки, куда же это снег делся?

А соседи засмеются и кричат ей:

– Но, виданное ли дело, чтобы снег летом на земле лежал? Ты, что, бабка, с луны свалилась, что ли?

Или пойдет старушка в керосинную лавку и спросит:

– Почем у вас французские булки?

Приказчики смеются:

– Да что вы, гражданка, откуда же у нас французские булки? С луны вы что ли свалились!

Ведь вот какая была старушка!

Была раз погода хорошая, солнечная, на небе ни облачка. На Кособокой улице пыль поднялась. Вышли дворники улицу поливать из брезентовых кишок с медными наконечниками. Льют они воду прямо в пыль, сквозь, навывлет. Пыль с водой вместе на землю летит. Вот уж лошади по лужам бегут, и ветер без пыли летит пустой.

Из ворот 17-го дома вышла старушка. В руках у неё зонтик с большой блестящей ручкой, а на голове шляпка с черными блёстками.

– Скажите, – кричит она дворнику, – где чернила продаются?

– Что? – кричит дворник.

Старушка ближе:

– Чернила! – кричит.

– Сторонитесь! – кричит дворник, пуская струю воды.

Старушка влево и струя влево.

Старушка скорей вправо, и струя за ней.

– Ты что, – кричит дворник, – с луны свалилась, видишь, я улицу поливаю!

Старушка только зонтиком махнула и дальше пошла.

Пришла старушка на рынок, смотрит: стоит какой-то парень и продает судака большого и сочного, длиной с руку, толщиной с ногу. Подкинул он рыбу на руках, потом взял одной рукой за нос, покачал, покачал и выпустил, но упасть не дал, а ловко поймал другой рукой за хвост и поднес старушке.

– Вот – говорит, – за рупь отдам.

– Нет, – говорит старушка, – мне чернила...

А парень ей и договорить не дал.

– Берите, – говорит, – не дорого прошу.

– Нет, – говорит старушка, – мне чернила...

А тот опять:

– Берите, – говорит, – в рыбе пять с половиной фунтов весу, – и как бы от усталости взял рыбу в другую руку.

– Нет, – сказала старушка, – мне чернила нужны.

Наконец-то парень расслышал, что говорила ему старушка.

– Чернила? – переспросил он.

– Да, чернила.

– Чернила?

– Чернила.

– А рыбы не нужно?

– Нет.

– Значит, чернила?

– Да.

– Да вы что, с луны что ли свалились! – сказал парень.

– Значит нет у вас чернил, – сказала старушка и дальше пошла.

– Мяса парного пожалуйста! – кричит старушке здоровенный мясник, а сам ножом печенки кромсает.

– Нет ли у вас чернил? – спросила старушка.

– Чернила! – заревел мясник, таща за ногу свиную тушу.

Старушка скорей подальше от мясника, уж больно он толстый да свирепый, а ей уж торговка кричит:

– Сюда пожалуйста! Пожалуйста сюда!

Старушка подошла к её ларьку и очки надела. А торговка улыбается и протягивает ей банку с черносливами.

– Пожалуйста, – говорит, – таких нигде не найдете.

Старушка взяла банку с ягодами, повертела её в руках и обратно положила.

– Мне чернила нужны, а не ягоды, – говорит она.

– Какие чернила – красные или черные? – спросила торговка.

– Черные, – говорит старушка.

– Черных нет, – говорит торговка.

– Ну тогда красные, – говорит старушка.

– И красных нет, – сказала торговка.

– Прощайте, – сказала старушка и пошла.

Вот уж и рынок кончается, а чернил нигде не видеть.

Вышла старушка из рынка и пошла по какой-то улице.

Вдруг смотрит – идут друг за дружкой, медленным шагом, пятнадцать ослов. На переднем осле сидит верхом человек и держит в руках большущее знамя. На других ослах тоже люди сидят и тоже в руках вывески держат.

«Это что же такое?» – думает старушка. «Должно быть, это теперь на ослех как на трамваях ездят». – Эй! – крикнула она человеку, сидящему на переднем осле. – Обожди немного. Скажи, где чернила продаются?

А человек на осле не расслышал, видно, что старушка ему сказала, а поднял какую-то трубу с одного конца узкую, а с другого широкую, раструбом. Узкий конец приставил ко рту да как закричит туда, прямо старушке в лицо, да так, что за семь верст услышать можно:

СПЕШИТЕ УВИДЕТЬ ГАСТРОЛИ ДУРОВА. В ГОСЦИРКЕ! В ГОСЦИРКЕ! МОРСКИЕ ЛЬВЫ – ЛЮБИМЦЫ ПУБЛИКИ. ПОСЛЕДНЯЯ НЕДЕЛЯ! БИЛЕТЫ ПРИ ВХОДЕ!

Старушка с испуга даже зонтик уронила. Подняла она зонтик да от страха руки так дрожали, что зонтик опять упал.

Старушка зонтик подняла, покрепче его в руках зажала, да скорей, скорей по дороге, да по панели повернула из одной улицы в другую и вышла на третью широкую и очень шумную.

Кругом народ куда-то спешит, а на дороге автомобили катят и трамваи грохочут.

Только хотела старушка на другую сторону перейти, вдруг:

– Тарар-арарар-арар-rrrrr! – автомобиль орет.

Пропустила его старушка, только на дорогу ступила, а ей:

– Эй, берегись! – извозчик кричит.

Пропустила его старушка и скорей на ту сторону побежала. До середины дороги добежала, а тут:

Джен-джен! Динь-динь-динь! – трамвай несется.

Старушка было назад, а сзади:

Пыр-пыр-пыр-пыр! – мотоциклет трещит.

Совсем перепугалась старушка, но хорошо добрый человек нашелся, схватил он её за руку и говорит:

– Вы что, – говорит, – будто с луны свалились! Вас же задавить могут. И потащил старушку на другую сторону.

Отдышалась старушка и только хотела доброго человека о чернилах спросить, оглянулась, а его уж и след простыл.

Пошла старушка дальше, на зонтик опирается, да по сторонам поглядывает, где бы про чернила узнать. А ей навстречу идет старичок с палочкой. Сам старенький и седенький. Подошла к нему старушка и говорит:

– Вы, видать, человек бывалый, не знаете ли, где чернила продаются?

Старичок остановился, поднял голову, подвигал своими морщинками и задумался. Постояв так немного, он полез в карман, достал кисетик, папиросную бумагу и мундштук. Потом медленно свернул папиросу и, вставив её в мундштук, спрятал кисетик и бумагу обратно и достал спички. Потом закурил папиросу и, спрятав спички, прошамакал беззубым ртом:

– Шешиши пошаются в макашише.

Старушка ничего не поняла, а старичок пошел дальше. Задумалась старушка.

Чего это никто про чернила толком сказать ничего не может.

Не слыхали они о чернилах никогда что ли?

И решила старушка в магазин зайти и чернила спросить.

Там-то уж знают.

А тут рядом и магазин как раз. Окна большие, в целую стену. А в окнах всё книги лежат.

«Вот, думает старушка, сюда и зайду. Тут уж наверно чернила есть, раз книги лежат. Ведь книги-то, чай, пишутся чернилами».

Подошла она к двери, двери стеклянные и странные какие-то. Толкнула старушка дверь, а её саму что-то сзади подтолкнуло. Оглянулась, смотрит – на неё другая стеклянная дверь едет.

Старушка вперед, а дверь за ней. Всё вокруг стеклянное и всё кружится. Закружилась у старушки голова, идет она и сама не знает, куда идет. А кругом всё двери, двери, все они кружатся и старушку вперед подталкивают.

Топталась, топталась старушка вокруг чего-то, насилиу высвободилась, хорошо еще, что жива осталась.

Смотрит старушка – прямо большие часы стоят и лестница вверх ведет. Около часов стоит человек. Подошла к нему старушка и говорит:

– Где бы мне про чернила узнать?

А тот к ней даже головы не повернул, показал только рукой на какую-то дверку, небольшую, решетчатую.

Старушка приоткрыла дверку, вошла в неё, видит – комната, совсем крохотная, не больше шкафа. А в комнате стоит человек. Только хотела старушка про чернила его спросить...

Вдруг: Дзинь! Дджжжжжнн! и начал пол вверх подниматься.

Старушка стоит, шевельнуться не смеет, а в груди у неё будто камень расти начал. Стоит она и дышать не может.

Сквозь дверку чьи-то руки, ноги и головы мелькают, а вокруг гудит, как швейная машинка. Потом перестала гудеть и дышать легче стало. Кто-то дверку открыл и говорит:

– Пожалуйте, приехали, шестой этаж, выше некуда.

Старушка, совсем как во сне, шагнула куда-то выше, куда ей показали, а дверка за ней захлопнулась и комната-шкапик опять вниз поехала.

Стоит старушка, зонтик в руках держит, а сама отдыхать не может. Стоит она на лестнице, вокруг люди ходят, дверьми хлопают, а старушка стоит и зонтик держит.

Постояла старушка, посмотрела, что кругом делается, и пошла в какую-то дверь.

Попала старушка в большую, светлую комнату. Смотрит – стоят в комнате столики, а за столиками люди сидят. Одни, уткнув носы в бумагу, что-то пишут, а другие стучат на пишущих машинках. Шум стоит будто в кузнице, только в игрушечной.

Направо у стенки диван стоит, на диване сидит толстый человек и тонкий. Толстый что-то рассказывает тонкому и руки потирает, а тонкий согнулся весь, глядит на толстого сквозь очки в светлой оправе, а сам на сапогах шнурки завязывает.

– Да, – говорит толстый, – написал я рассказ о мальчике, который лягушку проглотил. Очень интересный рассказ.

– А я вот ничего выдумать не могу, о чем бы написать, – сказал тонкий, продевая шнурок через дырочку.

– А у меня рассказ очень интересный, – сказал толстый человек. – Пришел этот мальчик домой, отец его

спрашивает, где он был, а лягушка из живота отвечает: ква-ква! Или в школе: учитель спрашивает мальчика, как по-немецки «с добрым утром», а лягушка отвечает: ква-ква! Учитель ругается, а лягушка: ква-ква-ква! Вот какой смешной рассказ, – сказал толстяк и потерял свои руки.

– Вы тоже что-нибудь написали? – спросил он старушку.

– Нет, – сказала старушка, – у меня чернила все вышли.

Была у меня баночка, от сына осталась, да вот теперь кончилась.

– А что, ваш сын тоже писатель? – спросил толстяк.

– Нет, – сказала старушка, – он лесничий. Да только он тут не живет. Раньше я у мужа чернила брала, а теперь муж умер, и я одна осталась. Нельзя ли мне у вас тут чернил купить? – вдруг сказала старушка.

Тонкий человек завязал свой сапог и посмотрел сквозь очки на старушку.

– Как чернила? – удивился он.

– Чернила, которыми пишут, – пояснила старушка.

– Да ведь тут чернил не продают, – сказал толстый человек и перестал потирать свои руки.

– Вы как сюда попали? – спросил тонкий, вставая с дивана.

– В шкафу приехала, – сказала старушка.

– В каком шкафу? – в один голос спросили толстый и тонкий.

– В том, который у вас на лестнице вверх и вниз катается, – сказала старушка.

– Ах, в лифте! – рассмеялся тонкий, снова садясь на диван, так как теперь у него развязался другой сапог.

– А сюда вы зачем пришли? – спросил старушку толстый человек.

– А я нигде чернил найти не могла, – сказала старушка, – всех спрашивала, никто не знал. А тут, смотрю, книги лежат, вот и зашла сюда. Книжки-то, чай, чернилами пишутся!

– Ха, ха, ха! – рассмеялся толстый человек. – Да вы прямо как с луны на землю свалились!

– Эй, слушайте! – вдруг вскочил с дивана тонкий человек. Сапога он так и не завязал, и шнурки болтались

по полу. – Слушайте, – сказал он толстому, – да ведь вот я и напишу про старушку, которая чернила покупала.

– Верно, – сказал толстый человек и потер свои руки.

Тонкий человек снял свои очки, подышал на них, вытер носовым платком, одел опять на нос и сказал старушке:

– Расскажите вы нам о том, как вы чернила покупали, а мы про вас книжку напишем и чернил дадим.

Старушка подумала и согласилась.

И вот тонкий человек написал книжку:

О ТОМ, КАК СТАРУШКА ЧЕРНИЛА ПОКУПАЛА.

Д. Хармс

1928

70

По вторникам над мостовой
Воздушный шар летал пустой.
Он тихо в воздухе парил;
В нем кто то трубочку курил,
Смотрел на площади, сады,
Смотрел спокойно до среды,
А в среду, лампу потушив,
Он говорил: Ну город жив.

1928

71. Театр

Музыканты забренчали,
Люди в зале замолчали.

Посмотри на Арлекина-Кольку!

Вот он с Ниной-Коломбиной
Пляшет польку.

«Динь-динь-дили-дон»,
Вот кот Спиридон.

Что за шум вдалеке?
Глянь-ка:

На Коньке Горбунке
Едет Ванька!

Распроклятого буржуя
В три минуты уложу я.

Девчонка комсомолка
Не боится волка.

Из ковра и двух зонтов
Для спектакля змей готов.

У Петрушки
Палка,
Мне Марфушку
Жалко.

Спящая красавица
Спит не просыпается.

Вот пред вами вся орава.
Браво! браво! браво! браво!

1928

72. Полет в небеса

Мать: На одной ноге скакала
и плясала я кругом
безсердечного ракала
но в объятиях с врагом
Вася в даче на народе
шевелил метлой ковры
Я качалась в огороде
Без движенья головы
Но лежал дремучий порох
Под ударом светлых шпор
Вася! Вася! этот ворох
умету его во двор.
Вася взвыл беря метелку
и садясь в неё верхом
он забыл мою святёлку
улетел и сноп и хром.

Вася: оторвался океян
темен, лих и окаян
Затопил собою мир
Высох беден, скуп и сир,
В этих бурях плавал дух
развлекаясь нем и глух
На земной взирая шар
Полон хлама, слаб и стар.
Вася крыл над пастухом
На метле несясь верхом
Над пшеницей восходя

Молоток его ладья.
Он бубенчиком звенел
Быстр, ловок, юн и смел
озираясь – это дрянь.

Все хором: Вася в небе не застрянь.

**Пастух, залезая
в воду:**

Боже крепкий – о-го-го!
Кто несётся высоко?
Дай взгляну через кулак
Сквозь лепёшку и вот так
брошу глазом из бровей
под комету и правей
Гляну в тучу из воды
не закапав бороды.

Вася сверху: сколько вёрст ушло в затылок
скоро в солнце стукнусь я
разобьюсь горяч и пылок
и погибнет жизнь моя
Пастуха приятный глас
долетел и уколел,
Слышу я в последний раз
человеческий глагол.

**мать выбегая
из огорода:**

Где мой Вася отрочат
Мой потомок и костыль.
Звери ходят и молчат
В небо взвился уж не ты ль?
уж не ты ль покинул дом
поле сад и огород?
не в тебя ль ударил гром
из небесных из ворот?
мне остался лишь ракал
Враг и трепет головы
Ты на воздух ускакал
оторвавшись от травы.
Наша кузница сдана
в отходную кабаллу

Это порох сатана
разорвался на полу
Что мне делать! боже мой
Видишь слёзы на глазах.
Где мой Вася дорогой.

Все хором: Он застрял на небесах.

ВСЁ

22 янв<аря> 1929

73

Сидел в корзине зверь
по имени Степан
ты этому не верь
жила была дитя
у ней в груди камыш
студёная волна
а в место носа кран
а в место глаза дырка
и плачет и кричит
и стонет животом.

<Январь 1929>

74

открыв полночные глаза
сидела круглая коза
её суставы костяные
висели дудками в темноте
рога сердечком завитые
пером стояли на плите
коза печальная девица
усы твёрдые сучки
спина – дом, копыто – птица

на переносице очки
несёт рога на поле ржи
в коленях мечутся стрижи
Борух на всаднике полночном
о камни щёлкает: держи!

4 марта 1929 года

75

пристала к пуделю рука
торчит из бока кулаком
шумят у пуделя бока
несётся пудель молоком
старуха в том селе жила
имела дойную козу
и вдруг увидела собаку
в своем собственном глазу.

тут она деревню кличет
на скамью сама встаёт
помохов зубами кричет
херувимскую поёт

<Март 1929>

76

[Ку
[Шу
[**Тарфик**
[**Ананан**

Тарфик – Я город позабыл
я позабыл движенье
толпу забыл, коня и двигатель,
и что такое стул
твержу махая зубом
гортань согласными напряжена
она груди как бы жена

а грудь жена хребту
хребет подобен истукану
хватает копыя налету.
Хребет защита селезёнок
отец и памятник спины
опора гибких сухожилий
два сердца круглых как блины
я позабыл сравнительную анатомию
где жила трепыхает
где расположено предплечие
рука откудыва махает
на острове мхом покрытом
живу, ночью под корытом
пчелу слежу глаз не спуская
об остров бьёт волна морская
дороги человека злого
и перья с камушков птицелова.

Ку – На каждом участке отдельных морей
два человека живут поскорей
чем толпы идущих в гору дикарей
На каждой скале одиночных трав
греховные мысли поправ
живёт пустынный седоус и брав.
Я Ку проповедник и Ламмед-Вов
сверху бездна, снизу ров
по бокам толпы львов
Я ваш ответ заранее чую
где время сохнет по пустыням
и смуглый мавр несёт прашу
науку в дар несёт латыням
ответ прольется как отказ
«нет жизнь мне милее
от зверя не отвести мне глаз
меня влечет к земле руками клея».
Я Ку стоя на ваших маковках
говорю:
«Шкап соединение трёх сил
бей в центр множества скрипучих перьев
согбленных спин, мышинных рылец!

Вас-ли чёрная зависть кленёт
котырый скрываясь уходит вперёд
Ложится за угол владыка умов.
И тысяча мышц выходят из домов.
Но шкаф над вами есть Ламмед-Вов.
Дальше сила инженера
Рост, грудь, опора, шар
цветы в бумагах нежная Вера
и полный твоих уст пожар.
Гласит Некоторый Сапог:
есть враждебных зонтиков поток
в том потоке не расти росток.
Моё высокое Соображение
как флюгер повёрнуто на восток.
Там стоит слогая части
купол крыши точно храм.
люди ходят в двери настез
всюду виден сор и хлам
Там деревья стену кружат
шкап несётся счётом три
но всегда гласит Наружа:
«Как хотите. Всё внутри».

Тарфик: Вот это небо
эти кущи
эти долы
эти рыбы
эти звери, птицы, люди
эти мухи, лето, сливы
лодка созданная человеком
дом на площади моего пана
не улететь мне совсем на веки
цветы кидая с аэроплана
как-же я в тигровой шкуре
позабытый всем, огулом
удержу моря и бури
открывая ход акулам
о пребрежные колени
ударяет вал морской
сквозь волну бегут олени
очи круглые тоской

Небо рухнет, – море встанет
воды взвоют – рыба канет
лодка – первое дитя
нож кремнёвый, он свидетель
зверем над водой летя
посреди воздушных петель
надо мной сверкает клином
обрывает веточки малинам.
Чем-же буду я питаться
на скале среди воды?
чем кормить я <буду> братца?
Что Ку есть будешь ты?

Ку – Похлёбка сваренная из бобов
не достойна пищи Богов
и меня отшельника Ламмед-Вов.
Люди, птицы, мухи, лето, сливы
совершенно меня не пленяют
красные плоды
яблоки и сады
звери жмутся они трусливы
лапы точат на все лады
козы пёстрые – они пугливы
реки, стройные пруды
морские пучины, озёра, заливы
родник пускает воды струю
около я с графином стою
буду пить эту воду на земле и в раю.

Тарфик – Ку ты выше чем средний дуб
чем я который суть глуп
на скале живу орлом
хожу в небо на пролом
всё театр для меня
а театр как земля
чтобы люди там ходили
настоящими ногами
пели, дули, говорили,
представляли перед нами
девы с косами до пупа
выли песни, а скопцы

вяло, кисло, скучно, тупо
девок ловят за концы.
арлекин пузырь хохлатый
босиком несется за
по степям скакающей хатой
на горе бежит коза
Ку, видишь там сидит артист
на высоком стуле он
во лбу тлеет аметист
изо рта струится Дон
упадая с плечь долой
до колен висит попона
он жеребчик молодой
напоминает мне дракона
Ку, что он делает?
Ку, что он думает?
Ку, зачем его суставы
неподвижны как бесята
голос трубный и гнусавый
руки тощие висят.
Я хочу понять улабу
задлу шкуру дынуть бе
перевернуть еф бабу
во всём покорствовать тебе.

Ку – Тарфик, ты
немедля должен
стать проклятым.
Два в тебе
существа.
Одно земное
Тарфик – имя существу
а другое легче вдоха
Ку зовётся существо
для отличья от меня
Ананан – его названье
но с<т>ремясь жить на берёзе
он такой-же как и я
Ты же Тарфик только пятка
только пятка
только пятка

ты же Тарфик только свечка
будь проклятым Аустерлиц
я же Ку Семён Лудильщик
восемь третьих человека
я души твоей спаситель
я дорога в Астрохань.

Тарфик – Отныне весь хочу покоя
ноги в разные места
поворачивают сами
пальцы Тарфика листва.
Мясо в яму уползает
слышно легких дуновенье
сердце к плечиками бросает
во мне ходит раздвоенье.
Тела мёртвые основы...

Ку – Отвалились камнем в ров

Ананан – С добрым утром часословы!

Ку – Честь имею: Ламмед-Вов.

24 марта 1929 года.

77. История Сдыгр Аппр

Андрей Семенович – Здравствуй, Петя.

Петр Павлович – Здравствуй, здравствуй. Guten Morgen.
Куда несет?

Андрей Семенович протянул руку Петру Павловичу, а Петр Павлович схватил руку Андрея Семеновича и так ее дернули, что Андрей Семенович остался без руки и с испуга кинулся бежать. Петр Павлович бежали за Андреем Семенычем и кричали: «Я тебе, мерзавцу, руку оторвал, а вот обожди, догоню, так и голову оторву!»

Андрей Семенович неожиданно сделал прыжок и перескочил канаву, а Петр Павлович не сумели перепрыгнуть канавы и остались по сию сторону.

Андрей Семенович – Что? Не догнал?

Петр Павлович – А это вот видел? (*И показал руку Андрея Семеновича*).

Андрей Семенович – Это моя рука!

Петр Павлович – Да-с, рука ваша! Чем махать будите?

Андрей Семенович – Платочком.

Петр Павлович – Хорош, нечего сказать! Одну руку в карман сунул, и головы почесать нечем.

Андрей Семенович – Петя! Давай так: я тебе что-ни будь дам, а ты мне мою руку отдай.

Петр Павлович – Нет, я руки тебе не отдам. Лучше и не проси. А вот хочешь, пойдем к профессору Тартарелину, он тебя вылечит.

Андрей Семенович прыгнул от радости и пошел к профессору Тартарелину.

Андрей Семенович – Многоуважаемый профессор, вылечите мою правую руку. Ее оторвал мой приятель Петр Павлович и обратно не отдает.

Петр Павлович стояли в прихожей профессора и демонически хохотали. Под мышкой у них была рука Андрея Семеновича, которую они держали презрительно, на подобие портфеля.

Осмотрев плечо Андрея Семеновича, профессор закурил трубку-папиросу и вымолвил:

– Это крупная шшадина.

Андрей Семенович – Простите, как вы сказали?

Профессор – Сшадина.

Андрей Семенович – Ссадина?

Профессор – Да, да, да. Шатина. Ша-ти – на!

Андрей Семенович – Хороша ссадина, когда и руки-то нет!

Из прихожей послышался смех.

Профессор – Ой! Кто там шмиётся?

Андрей Семенович – Это так просто. Вы не обращайте внимания.

Профессор – Хо! Ш удовольствием. Хотите, что-нибудь почитаем?

Андрей Семенович – А вы меня полечите.

Профессор – Да, да, да. Почитаем, а потом я вас полечу. Садитесь.

(*Оба садятся*).

Профессор – Хотите, я вам прочту свою науку?

Андрей Семенович – Пожалуйста! Очень интересно.

Профессор – Только я изложил ее в стихах.

Андрей Семенович – Это страшно интересно!

Профессор – Вот, хе-хе, я вам прочту от сюда до сюда.

Тут вот о внутренних органах, а тут уже о суставах.

Петр Павлович (*входя в комнату*):

Здыгр апрр устр устр
Я несу чужую руку
Здыгр апрр устр устр
Гда профессор Тартарелин?
Здыгр апрр устр устр
Где приемные часы?
Если эти побрекушки
С двумя гирями до полу
Эти часики старушки
пролетели параболу
Здыгр апрр устр устр
Ход часов нарушен мною
им в замену карабистр
на подставке здыгр апрр
с бесконечною рукою
приспособленной как стрелы
от минуты за другою
в путь несется погарелый
А под белым циферблатом
блин мотает устр устр
и закутанный халатом
восседает карабистр
он приёмные секунды
смотрит в двигатель размерен
чтобы время не гуляло
где профессор Тартарелин
Где Андрей Семеныч здыгр
Однорукий здыгр апрр
лечит здыгр апрр устр
приспосабливает руку
приколачивает пальцы
Здыгр апрр прибывает
здыгр апрр устр бьёт.

Профессор Тартарелин – Это вы искалечили гражданина, П. П.?

Петр Павлович – Руку вырвал из манжеты.

Андрей Семенович – Бегал следом.

Профессор – Отвечайте.

Петр Павлович смеётся.

Карабистр – Гвиндалея!

Петр Павлыч – Карабистр!

Карабиستر – Гвиндалан.

Профессор – Расскажите, как было дело.

Андрей Семенович –

Шел я по полю намеренно
и внезапно вижу Петя
мне на встречу идет спокойно
и, меня как буд-то не замечая,
хочет мимо проскочить.
Я кричу ему: Ах Петя!
Здравствуй Петя мой приятель,
ты как видно не заметил,
что иду на встречу я.

Петр Павлович –

Но господство обстоятельств
и скрепление событий
изпаков веков до ныне
нами правит как детьми
морит голодом в пустыни
хлещет в комнате плетью.

Профессор – Так т а к , – это понятно. Стечение обстоятельств. Это верно. Закон.

Тут вдруг Петр Павлович наклонился к профессору и откусили ему ухо. Андрей Семенович побежал за милиционером, а Петр Павлович бросили на пол руку Андрея Семеновича, положили на стол откушенное ухо профессора Тартарелина и незаметно ушли по черной лестнице.

Профессор лежал на полу и стонал.

– Ой ой ой, как больно! – стонал профессор. – Моя рана горит и исходит соком. Где найдется такой сострадательный человек, который промоит мою рану и зальет ее коллодием!?

Был чудный вечер. Высокие звезды, расположенные на небе установленными фигурами, светили в низ. Андрей

Семенович, дыша полной грудью, тащил двух милиционеров к дому профессора Тартарелина. Помахивая своей единственной рукой, Андрей Семенович рассказывал о случившемся.

Милиционер спросил Андрея Семеновича:

– Как зовут этого проходимца?

Андрей Семенович не выдал своего товарища и даже не сказал его имени.

Тогда оба милиционера спросили Андрея Семеновича:

– Скажите нам, вы его давно знаете?

– С маленьких лет, когда я был еще вот таким, – сказал Андрей Семенович.

– А как он выглядит? – спросили милиционеры.

– Его характерной чертой является длинная черная борода, – сказал Андрей Семенович.

Милиционеры остановились, подтянули потуже свои кушаки и, открыв рты, запели приятными ночными головами:

Ах как это интересно
Был приятель молодой,
А подрос когда приятель
Стал ходить он с бородой.

– Вы обладаете очень недурными голосами, разрешите поблагодарить вас, – сказал Андрей Семенович и протянул милиционерам пустой рукав, потому что руки не было.

– Мы можем и на научные темы поговорить, – сказали милиционеры хором.

Андрей Семенович махнул пустышкой.

– Земля имеет семь океанов, – начали милиционеры. – Научные физики изучали солнечные пятна и привели к заключению, что на планетах нет водорода, и там неуместно какое-либо сожительство.

В нашей атмосфере имеется такая точка, которая всякий центр зашибет.

Английский крематорий Альберт Эйнштейн изобрел такую махинацию, через которую всякая штука относительна.

– О, любезные милиционеры! – взмолился Андрей Семенович, – бежимте скорее, а ни то мой приятель окончательно убьет профессора Тартарелина.

Одного милиционера звали Володя, а другого Сережа. Володя схватил Серюжу за руку, а Сережа схватил Андрея Семеновича за рукав, и они все втроем побежали.

– Смотрите, три институтки бегут! – кричали им вслед извошки. Один даже хватил Сережу кнутом по заднице.

– Постой! На обратном пути ты мне штраф заплатишь! – крикнул Сережа, не выпуская из рук Андрея Семеновича.

Добежав до дома профессора, все троя сказали:

– Тпррр! – и остановились.

– По лестнице, в третий этаж! – скомандовал Андрей Семенович.

– Нощ! – крикнули милиционеры и кинулись по лестнице.

Моментально высадив плечом дверь, они ворвались в кабинет профессора Тартарелина.

Профессор Тартарелин сидел на полу, а жена профессора стояла перед ним на коленях и пришивала профессору ухо розовой шелковой ниточкой. Профессор держал в руках ножницы и вырезал платье на животе своей жены. Когда показался голый женин живот, профессор потер его ладонью и посмотрел в него, как в зеркало.

– Куда съешь? Разве не видишь, что одно ухо выше другого получилось? – сказал сердито профессор.

Жена отпоролась ухо и стала пришивать его заново.

Голый женский живот, как видно, развеселил профессора. Усы его ошетинились, а глазки заулыбались.

– Катенька, – сказал профессор, – брось пришивать ухо где-то сбоку, пришей мне его лучше к щеке.

Катенька, жена профессора Тартарелина, терпеливо отпоролась ухо во второй раз и принялась пришивать его к щеке профессора.

– Ой, как щекотно! Ха-ха-ха! Как щекотно! – смеялся профессор, но вдруг, увидя стоящих на пороге милиционеров, замолчал и сделался серьезным.

Милиционер Сережа – Где здесь пострадавший?

Милиционер Володя – Кому здесь откусили ухо?

Профессор (*поднимаясь на ноги*) – Господа! Я – человек, изучающий науку вот уже, Слава Богу, 56 лет, ни в какие другие дела не вмешиваюсь. Если вы думаете, что мне откусили ухо, то вы жестоко ошибаетесь. Как видите, у меня оба уха целы. Одно, правда, на щеке, но такова моя воля.

Миллиционер Сережа – Действительно, верно, оба уха на лицо.

Миллиционер Володя – У моего двоюродного брата так брови росли под носом.

Миллиционер Сережа – Не брови, а просто усы.

Карабистр – Фасфалакат!

Профессор – Приемные часы окончены.

Жена профессора – Пора спать.

Андрей Семенович (*входя*) – Половина двенадцатого.

Миллиционеры хором – Покойной ночи.

Эхо – Спите сладко.

Профессор ложится на пол, остальные тоже ложатся и засыпают.

СОН

Тихо плещет океян
скалы грозные ду ду
тихо светит океян
человек поёт в дуду
тихо по морю бегут
страха белые слоны
рыбы скользкие поют
звёзды падают с луны
Домик слабенький стоит
двери настеж распахнул
неги тёплые сулит
в доме дремлет караул.
А на крыше спит старуха
на носу ее кривом
тихим ветром плещет ухо
дует волосы кругом
А на дереве кукушка
сквозь очки глядит на север
не гляди моя кукушка
не гляди всю ночь на север

там лишь ветер карабистр
время в цифрах бережот
там лишь ястреб сдыгр устр
себе добычу стержот.

Петр Павлович –

Кто-то тут в потьмах уснул
шарю, чую, стол и стул
натыкаюсь на камод
вижу древо бергамот
я спешу, Срываю груши
что за дьявол! Это уши!
Я боюсь бегу на право
предо мной стоит дубрава
я обратно так и сяк
натыкаюсь на косяк
ноги гнутся, тянут лечь
думал двери – это печь
прыгнул влево – там кровать
Помогите!..

Профессор (*просыпаясь*) – Ать?

Андрей Семенович (*вскакивая*): Ффу! Ну и сон-же
видел, буд-то нам все уши пообрывали. (*Зажигает свет*).

Оказывается, что, пока все спали, приходили Петр
Павлович и обрезали всем уши.

Замечание милиционера **Сережи** –

– Сон в руку!

Март-апрель 1929

78

грамоту кто хочет?
истину кто видит?
Кто откроет твёрдый шкаф
вынет ваточный халат
окружит себя полой
долгопятым сюртуком
проживёт всю жизнь в нём

не снимая даже днём
в твёрдом он сидит шкапу
круглым страхом напряжён
с пистолетом на боку
позабыт и наряжён
до того ли что в раю
Бог на дереве сидит
я-же вам и говорю
ты повторяешь он твердит
она поёт
ему лежит
её пошёл
на нём бежит
в ушах банан
в дверях пузырь
в лесу кабан
в болоте пыль
в болоте смех
в болоте шарабан
скачет мавр
сзади всех
за ним ещё бежит кабан
а сзади пыль
а дальше смех
а там несётся шарабан
скачет конь
а сзади всех
несётся по лесу кабан.

18 апреля 1929 года

79

Уж я бегал бегал бегал
и устал
Сел на тумбочку, а бегать
перестал

вижу по небу летит
галка,

а потом ещё летит
галка,
а потом ещё летит
галка,
а потом ещё летит
галка
Почему я не летаю?
Ах как жалко!

Надоело мне сидеть
Захотелось полететь

Разбежался я подпрыгнул
Крикнул Эй!
Ногами дрыгнул.
Давай ручками махать
Давай прыгать и скакать.

меня сокол охраняет
сзади ветер подгоняет
снизу реки и леса
сверху тучи-небеса.

Надоело мне летать
Захотелось погулять
топ
топ
топ
топ
Захотелось погулять.

Я по садику гуляю
я цветочки собираю
я на яблыню влезаю
в небо яблоки бросаю
в небо яблоки бросаю
на удачу на авось
прямо в небо попадаю
прямо в облако насквозь.

Надоело мне бросаться
Захотелось покупаться

буль
буль
буль
буль
Захотелось покупаться.

Посмотрите
Посмотрите
как плыву я под водой
как я дрыгаю ногами,
помогаю головой.

Народ кричит с берега:

Рыбы рыбы рыбы рыбы
рыбы жители воды
эти рыбы
даже рыбы
хуже плавают чем ты!

Я говорю:

Надоело мне купаться
плавать в маленькой реке
лучше прыгать, кувыркаться
и валяться на песке.

мне купаться надоело
я на берег и бегом
и направо и налево
бегал прямо и кругом
Уж я бегал бегал бегал
и устал
сел на тумбочку, а бегать
перестал

и т. д.

Даниил Хармс
1929 май 17

80. Овца

I

Гуляла белая овца
блуждала белая овца
кричала в поле над рекой
звала ягнят и мелких птиц
махала белою рукой
передо мной лежала ниц
звала меня ступать в траву
а там в траве маша рукой
Гуляла белая овца
блуждала белая овца.

II

Ты знаешь белая овца
ты веришь белая овца
стоит в коронах у плиты
совсем такая-же как ты
Как буд-то я с тобой дружу
короны светлые держу
над нами ты, а сверху я
а выше дом на трёх столбах
а дальше белая овца
гуляет белая овца.

III

Гуляет белая овца
за нею ходит козерог
с большим лицом в кругу святых
в лохматой сумке как земля
стоит на пастбище как дом
внизу земля, а сверху гром
а с боку мы, кругом земля
над нами Бог в кругу Святых
а выше белая овца
гуляет белая овца.

22 мая 1929 года.

Тётя крёстная Наташа
 где же где же ёлка ваша
 где же где же ваш сапог
 видно он пошёл не впрок

<май 1929>

82. Вещь

Мама, папа и прислуга по названию Наташа сидели за столом и пили.

Папа был несомненно забулдыга. Даже мама смотрела на него с высокока. Но это не мешало папе быть очень хорошим человеком. Он очень добродушно смеялся и качался на стуле. Горничная Наташа, в наколке и передничке, всё время невозможно стеснялась. Папа веселил всех своей бородой, но горничная Наташа конфузливо опускала глаза, изображая этим, что она стесняется.

Мама, высокая женщина с большой причёской, говорила лошадиным голосом. Мамин голос трубил в столовой, отзываясь на дворе и в других комнатах.

Выпив по первой рюмочке, все на секунду замолчали и поели колбасу. Немного погодя все опять заговорили.

Вдруг, совершенно неожиданно, в дверь кто-то постучал. Ни папа, ни мама, ни горничная Наташа не могли догадаться, кто это стучит в двери.

– Как это странно, – сказал папа. – Кто бы там мог стучать в дверь?

Мама сделала соболезнующее лицо и не в очередь налила себе вторую рюмочку, выпила и сказала: «Странно».

Папа ничего не сказал плохого, но налил себе тоже рюмочку, выпил и встал из за стола.

Ростом был папа не высок. Не в пример мамы. Мама была высокой, полной женщиной с лошадиным голосом, а папа был просто её супруг. В добавление ко всему прочему папа был веснушат.

Он одним шагом подошел к двери и спросил:

– Кто там?

– Я, – сказал голос за дверью. Тут-же открылась дверь и вошла горничная Наташа, вся смущенная и розовая. Как цветок. Как цветок.

Папа сел.

Мама выпила еще.

Горничная Наташа и другая, как цветок, зарделись от стыда. Папа посмотрел на них и ничего плохого не сказал, а только выпил, так-же как и мама.

Чтобы заглушить неприятное жжение во рту, папа вскрыл банку консервов с раковым паштетом. Все были очень рады, ели до утра. Но мама молчала, сидя на своем месте. Это было очень неприятно.

Когда папа собирался что-то спеть, стукнуло окно. Мама вскочила с испуга и закричала, что она ясно видела, как с улице в окно кто то заглянул. Другие уверяли маму, что это невозможно, так как их квартира в третьем этаже, и никто с улицы посмотреть в окно не может, для этого нужно быть великаном или Голиафом.

Но маме взбрела в голову крепкая мысль. Ни что на свете не могло ее убедить, что в окно никто не смотрел.

Чтобы успокоить маму, ей налили еще одну рюмочку. Мама выпила рюмочку. Папа тоже налил себе и выпил.

Наташи и горничная, как цветок, сидели, потупив глаза от конфуза.

– Не могу быть в хорошем настроении, когда на нас смотрят с улицы через о к н о, – кричала мама.

Папа был в отчаянии, не зная, как успокоить маму. Он сбегал даже на двор, пытаясь заглянуть от туда хотя бы в окно второго этажа. Конечно, он не смог дотянуться. Но маму это ни сколько не убедило. Мама даже не видела, как папа не мог дотянуться до окна всего лишь второго этажа.

Окончательно расстроенный всем этим, папа вихрем влетел в столовую и залпом выпил две рюмочки, налив рюмочку и маме. Мама выпила рюмочку, но сказала, что пьёт только в знак того, что убеждена, что в окно кто-то посмотрел.

Папа даже руками развел.

– Вот, – сказал он маме и, подойдя к окну, растворил настежь обе рамы.

В окно попытался влезть какой-то человек в грязном воротничке и с ножом в руках. Увидя его, папа захлопнул рамы и сказал:

– Никого нет там.

Однако человек в грязном воротничке стоял за окном и смотрел в комнату, и даже открыл окно и вошел.

Мама была страшно взволнована. Она грохнулась в истерику, но, выпив немного предложенного ей папой и закусив грибком, успокоилась.

Вскоре и папа пришел в себя. Все опять сели к столу и продолжали пить.

Папа достал газету и долго вертел ее в руках, ища, где верх и где низ. Но сколько он ни искал, так и не нашел, а потому отложил газету в сторону и выпил рюмочку.

– Хорошо, – сказал папа, – но не хватает огурцов.

Мама неприлично заржала, от чего горничные сильно сконфузились и принялись рассматривать узор на ска-терти.

Папа выпил еще и вдруг, схватив маму, посадил ее на буфет.

У мамы взбилась седая пышная прическа, на лице проступили красные пятна, и, в общем, рожа была возбужденная.

Папа подтянул свои штаны и начал тост.

Но тут открылся в полу люк, и от туда вылез монах.

Горничные так переконфузились, что одну начало рвать. Наташа держала свою подругу за лоб, стараясь скрыть безобразия.

Монах, который вылез из под пола, прицелился кулаком в папино ухо, да как треснет!

Папа так и шлепнулся на стул, не окончив тоста.

Тогда монах подошел к маме и ударил ее как-то с низу, не то рукой, не то ногой.

Мама принялась кричать и звать на помощь.

А монах схватил за шиворот обеих горничных и, помотав ими по воздуху, отпустил.

Потом, никем не замеченный, монах скрылся опять под пол, закрыв за собою люк.

Очень долго ни мама, ни папа, ни горничная Наташа не могли притти в себя. Но потом, отдышавшись и приведя себя в порядок, они все выпили по рюмочке и сели за стол закусить шинкованной капусткой.

Выпив еще по рюмочке, все посидели, мирно беседу<я>.

Вдруг папа побагровел и принялся кричать:

– Что! Что! – кричал папа. – Вы считаете меня за мелочного человека! Вы смотрите на меня как на неудачника! Я вам не преживальщик! Сами вы негодяи!

Мама и горничная Наташа выбежали из столовой и заперлись на кухне.

– Пошел, забулдыга! Пошел, чертово копыто! – шептала мама в ужасе окончательно сконфуженной Наташе.

А папа сидел в столовой до утра и орал, пока не взял папку с делами, одел белую фуражку и скромно пошел на службу.

31 мая 1929 года

83

Елена Ивановна – Ну вот, Фадей Иванович, всё дожди идут.

Папаша – Да, не говорите, Елена Ивановна, покосы гибнут.

Е. И. – Хорошо нам под крышей сидеть, а вот какого, если кто в поле? А?

П. – Плохо бездомному страннику.

Е. И. – Вам ещё чаю налить?

Папаша – Плесни ещё черепушечку.

(Пауза. Папаша попил чаю и задремал)

Елена Ивановна – И Ольга чего-то не пишет.

Папаша – *(Бормочет)*

Елена Ивановна – Не пишет и не пишет.

Папаша – Как не пишет?

Е. И. – Ольга, говорю, не пишет.

П. – То есть как, Ольга?

Е. И. – Да Ольга, что-ты, не знаешь Ольгу?

П. – Ах, Ольга? Ну и что-же она?

Е. И. Да вот не пишет, говорю.

П. – Ай ай ай.

Рахтанов (*проходя*) – А Сергей сделал Ольге предложение. (*уходит*)

Е. И. – Сергей, да что он! А она? (*Папаше*) – Слышал?

П. – Что?

Е. И. – Предложение?

П. – Ну а он?

Е. И. – Ольги.

П. – Что не пишет?

Е. И. – Вступить в брак.

П. – Ай ай ай.

Е. И. – Какая перетурбация.

Рахтанов – Коля продал металлический диван. Вот.

Е. И. – Постой, постой, как же это?

П. (*скоро*) – Ужасно, ужасно, какая катастрофа, они продавили металлический диван.

Е. И. – Вот доверь металлический диван, так тот час и продавить нароят.

Рахтанов (*проходит и хлопает до и после*) – А Коля во вторник съел дом.

Е. И. – Ну так и есть. Он

<Май 1929>

84. О том, как папа застрелил мне хорька

Как-то вечером домой
Возвращался папа мой.
Возвращался папа мой
Поздно по полю домой.
Папа смотрит и глядит –
На земле хорёк сидит.
На земле хорёк сидит
И на папу не глядит.

Папа думает: «Хорёк –
Замечательный зверёк.
Замечательный зверёк,
Если только он хорёк».

А хорёк сидел, сидел
И на папу поглядел.
И на папу поглядел
И уж больше не сидел.

Папа сразу побежал,
Он винтовку заряжал,
Очень быстро заряжал,
Чтоб хорёк не убежал.

А хорёк бежит к реке,
От кустов недалеко,
А за ним недалеко
Мчится папа к той реке.

Папа сердится, кричит
И патронами бренчит,
И винтовочкой бренчит,
– Подожди меня! – кричит,

А хорёк, поднявши хвост,
Удирает через мост.
Мчится с визгом через мост,
К небесам поднявши хвост.

Папа щелкает курком,
Да с пригорка кувырком
Полетел он кувырком
И – в погоню за хорьком.

А ружьё в его руках
Загремело – тарарах!
Как ударит – тарарах!
Так и прыгнуло в руках.

Папа в сторону бежит,
А хорёк уже лежит.

На земле хорёк лежит
И от папы не бежит.

Тут скорее папа мой
Потащил хорька домой.
И принес его домой,
Взяв за лапку, папа мой.

Я был рад, в ладоши бил,
Из хорька себе набил
Стружкой чучело набил,
И опять в ладоши бил.

Вот перед вами мой хорёк
На странице поперёк.
Нарисован поперёк
Перед вами мой хорёк.

Даниил Хармс
1929

85

Один старик смотрел на небо
и всё искал знак воскресения
А в это время на земле
дрожало губительное землетресение.
Люди сидя за обедом
быстро падали со стула
в Костроме стучали двери
над Москвой качалась Тула.
Федя лавочник в причёске
с пёстрым галстуком в груди
на разрушенном прилавке
сапогов сидел среди
Его невеста Катя
румяная всегда
лежала на палатях
с оторванной рукой

а Федя в скором времени
женился на другой.

<31 мая–1 июня 1929>

86

Откуда я?
Зачем я тут стою?
Что вижу?
Где-же я?

Ну попробую по пальцам
все предметы перечесать.

(Считает по пальцам).

Табуретка столик бочка
ведро кукушка печка
метла сундук рубашка
мяч кузница букашка
дверь на петле
рукоятка на метле
четыре кисточки на платке
восемь кнопок на потолке.

1 июня 1929 года.

87. Папа и его наблюдатели

Папа: Кто видал как я танцую?

Гувернёры: Мы смотрели пол часа
Ты крючком летал в стакане
руки в бантик завернул.

Папа: Дети дети в наше время
не плясали как теперь
гувернёры в наше время
не смотрели через дверь

Гувернёры: Мы смотрели сквозь гребёнку
многих правил не блюли
мы показывали ребёнку
твои жесты ой лю-ли

Папа: Грех показывать ребёнку
жесты праведных людей
опракидывать девчёнку –
мучить маленьких людей
Кто видал как я купаюсь?

Гувернёры: Мы смотрели из ведра
ты стоял на крыше аист
поздно в бурю до утра.

Папа: Верю верю точно флюгер
я купался пеликан
вы смотрели. Точно Крюгер
Поднимался великан.
Кто видал как я летаю?

Гувернёры: Мы смотрели через дом
но лишь звездочка золотая
небеса вела кругом.
всё

6 июня <1929>

88

Ехал доктор из далёка
вёз корзину колпаков
отдыхал на поворотах
прибыл к нам и был таков.
Звали доктора Матрёна
был Матрёна землекоп
но торчал у землекопа
из кармана телескоп
Заболела тётя Катя
не лежит и не сидит
и за мухами глазами
неподвижными следит.

Тётя Катя не хохочет
только плачет как река
мы за доктором послали
он пришёл из далека.

Доктор Матрёна – Ведь несчастье бывает
в виде рака в животе
но страдалец забывает
и купается в воде
а потом ведь неизбежно
зубы храбрые гниют
ведь для зуба неизбежно
нужен воздух и приют
ведь тотчас-же по отрышке
узнается ремесло
и несчастному под мышки
доктор вкладывает весло.

Тётя Катя – Доктор, вы в меня воткнули
вместо градусника ось.
Вы нас доктор обманули.

Доктор Матрёна – Я вас вылечу авось.

Тётя Катя – Вы мне доктор надоели
уходите в тёмный бор.

Доктор Матрёна – Вы сегодня каку ели?

Тётя Катя – И не буду с этих пор.

Доктор Матрёна – Я ударю вас лопатой.

Тётя Катя – Уходите поскорей.

Доктор Матрёна – Я ударю вас лопатой.

Тётя Катя – Уходите поскорей.

Доктор славная Матрёна
вышел в двери шестипал

бросил скучные знамена
руки в землю закопал.
Проходил крестьянин Фома
влез потом на длинный храм
посмотрел в саду солома
бедный доктор пополам

6 июня <1929>

89

На набережной нашей реки собралось очень много народу. В реке тонул командир полка Сепунов. Он захлебывался, выскакивал из воды по живот, кричал и опять тонул в воде. Руками он колотил во все стороны и опять кричал, чтоб его спасли.

Народ стоял на берегу и мрачно смотрел.

– Утонет, – сказал Кузьма.

– Ясно, что утонет, – подтвердил человек в картузе.

И действительно, командир полка утонул.

Народ начал расходится.

<1-6 июня 1929>

90

Стул в кандалах.

Его поймали.

Тут муравьед

идёт размеренной строей
из двери острой мордой смотрит
удивившись как-же так.

Почему собственно говоря стул
пойман в цепи кандавые
всюду степи кольцевые
не удрать и человеку
там гони иль не сгони
руки в пламень окунай

закрепи кольцо стальное
к ножке приделый цепь.
Дай молотом по спинке
развалится стул на части

<сентябрь 1929>

91. Столкновение дуба с мудрецом

Ну-ка
вот что я вам расскажу:
один человек хотел стать дубом
ногами в землю погрузиться
руками по воздуху размахивать
и вообще быть растением.
Вот он для этого собрал
различные чемодаты
и так раздумывал кедровой головой:
уложу пожитки в баню
сниму штаны
сорву жилет
и буду радости дитя
небесных маковок жилец
чемоданом в верх летя
буду красный жеребец
буду бегать в дверь.
Хотя
вместо дырок
ныне жечь.
Так что в дверь
нельзя проехать
прыгнуть
хлопнуть
плавать
сесть
легче в стул войти ребёнку
легче в косы ткнуть гребёнку
вынуть руку из пищевода
легче сделать вообще чево то

Всё это человек выслушал
и всё же при своём остался
Поплакал чуть. Слезинку высушил
и молотком в верху болтался.
Тут вышел мудрец
с четырьмя носами
влез на печь
как на ложе трона
и начал речь:
Во время оно
жил некий именем не славен
короче попросту Иван Буславен.
Так вот
обладатель сего поразительного имени
приехал в город Ленинград
остановился на Василиевском острове,
четвертой линии
и был он этому чрезвычайно рад.
Он пытался многократно
записаться на биржу труда
но к несчастью акуратно
путь закрыт был ему туда.
Он ходил тогда печальный
и стучался в Исполком
но от туда по голове его печальной
ударяли молотком.
Он бежал тогда в трактиры
там он клянчил хлебный мякиш
но трактирные сатиры
подносили к носу кукиш.
Он скакал тогда домой
развеваясь бородой
и на жизнь хмур и зол
залезал к себе под стол.
Хором люди отвечали
мы доселева молчали
нам казалось в начале
ты задумал о причале.
Но теперь мы видим старче
ты мудрец.

Ты дубов зелёных крепче
ты крепец.
Т. е. не крепец,
а кирпич.
а за это слушай спич.

Спич: Спич мудрецу
Два килограмма сахара
кило сливочного масла
Добавочную заборную книжку на имя
Неизвестного гражданина Ивана Буславена.
и тристо знойных поцелуев
от в красных шапочках девиц.

Туш: До
ми
соль
до бе ла
добела
выстерать выстерать
в бане му
Дре
ца.

всё

28 сентября 1929 года.

92

Тут нарисована жена
её глядеть моё призванье
как северный холм
она сложена
в зелёной кофточке стоит
подобно мудрой жене
держит стальное перо
заложив пальцем книгу

<28 сентября–1 октября 1929>

93. Диалог двух сапожников

I сапожник – В наше время
нет вопросов
каждый сам себе ярмо
вопрошает неумелый
глядя в чудное трюмо
там стоит как в отраженьи
шкап стеклянный
точно сон
прислонился без движенья
к золотому стулу он
и вопрос в тебе рождённый
вопрошает: кто творец
ты-ли вихрем побеждённый
или в раме твой дворец.

II сапожник – мы несём трюмо большое
смотрим шкапа изменение

<28 сентября – 1 октября 1929>

94. Ванна Архимеда

Эй Махмет
гони мочало
мыло дай сюда махмет.
крикнул тря свои чресала
в ванне сидя Архимед.
Вот извольте Архимед
вам Суворовскую мазь
Ладно, – молвил Архимед,
сам ко мне ты в ванну влазь.
Влез махмет не подоконник
расчесал волос пучки
Архимед-же греховодник
осторожно снял очки.
Тут махмет подпрыгнул.

Мама! –
крикнул мокрый Архимед.
С высоты огромной прямо
в ванну шлёпнулся махмет.
В наше время нет вопросов
каждый сам себе вопрос
говорил мудрец курносый
в ванне сидя как барбос.
Я к примеру наблюдаю
все научные статьи
в размышлениях витаю
по три дня и по пяти
целый год не слышу крика
веско молвил Архимед
но прибавил он потрика
мой затылок и хребет.
Впрочем да, сказал потом он
и в искусстве впрочем да
я туда в искусстве оном
погружаюсь иногда.
Как-то я среди обеда
прочитал в календаре
выйдет «Ванна Архимеда»
в декабре иль в январе.
Архимед сказал угрюмо
и бородку в косу вил
Да Махмет не фунт изюму,
вдруг он при со во ку пил.
да Махмет не фунт гороху
в посрамленьи умереть
я в науки сделал кроху
а теперь загажен ведь.
Я загажен именами
знаменитейших особь
и скажу тебе меж нами
формалистами в особь.
Но и проза подкачала
да махмет, махмет, махмет.
Эй махмет, гони мочало!
басом крикнул Архимед.
Вот о н о , – сказал Махмет.

Вымыть вас? – промолвил он.
Нет – ответил Архимед
и прибавил: вылазь вон.
всё

1 октября 1929 года.

95

Кто из вас прочитал,
Кто из вас не читал
Приключенья в последнем «Еже»?
Ты еще не читал,
Он еще не читал, –
Ну а мы прочитали уже,

Интересный рассказ
Специально про вас
Напечатан в последнем «Еже»,
Пионерский приказ
Специально для вас
Напечатан в последнем «Еже».

Мы считаем, что «Еж»
Потому и хорош,
Что его интересно читать.
Все рассказы прочтешь,
И еще раз прочтешь,
А потом перечтешь их опять.

Как портной без иглы,
Как столяр без пилы,
Как румяный мясник без ножа,
Как трубач без трубы,
Как избач без избы -
Вот таков пионер без «Ежа».

1929

96. Га – ра – рар!

Бегал Петька по дороге,
по дороге,
по панели,
бегал Петька
по панели
и кричал он:
– Га-ра-рар!
Я теперь уже не Петька,
разойдитесь,
разойдитесь!
Я теперь уже не Петька,
я теперь автомобиль.

А за Петькой бегал Васька
по дороге,
по панели,
бегал Васька
по панели
и кричал он:
– Ду-ду-ду!
Я теперь уже не Васька,
сторонитесь!
сторонитесь!
Я теперь уже не Васька,
я почтовый пароход.

А за Васькой бегал Мишка
по дороге,
по панели,
бегал Мишка
по панели
и кричал он:
– Жу-жу-жу!
Я теперь уже не Мишка,
берегитесь!
берегитесь!
Я теперь уже не Мишка,
Я советский самолёт.

Шла корова по дороге,
по дороге,
по панели,
шла корова
по панели
и мычала:
– Му-му-му!
Настоящая корова,
с настоящими
рогами,
шла навстречу по дороге,
всю дорогу заняла.

– Эй, корова,
ты, корова,
не ходи сюда, корова,
не ходи ты по дороге,
не ходи ты по пути.
– Берегитесь! – крикнул Мишка,
– Сторонитесь! – крикнул Васька,
– Разойдитесь! – крикнул Петька
и корова отошла.

Добежали,
добежали
до скамейки
у ворот
пароход
с автомобилем
и советский
самолёт,
самолёт
с автомобилем
и почтовый
пароход.

Петька прыгнул на скамейку,
Васька прыгнул на скамейку,
Мишка прыгнул на скамейку,
на скамейку у ворот.
– Я приехал! – крикнул Петька.
– Стал на якорь! – крикнул Васька.

– Сел на землю! – крикнул Мишка,
и уселись отдохнуть.

Посидели,
посидели
на скамейке
у ворот
самолёт
с автомобилем
и почтовый
пароход,
пароход
с автомобилем
и советский
самолёт.

– Кроем дальше! – крикнул Петька.
– Поплывем! – ответил Васька,
– Полетим! – воскликнул Мишка,
и поехали опять.

И поехали, помчались
по дороге,
по панели,
только прыгали, скакали
и кричали:
– Жу-жу-жу!

Только прыгали, скакали
по дороге,
по панели,
только пятками сверкали
и кричали:
– Ду-ду-ду!

Только пятками сверкали
по дороге,
по панели,
только шапками кидали
и кричали:
– Га-ра-ра-р!

ВСЁ

Даниил Хармс
7–16 октября 1929

97. Измерение вещей

Ляполянов – За вами есть один грешок
вы под пол прячите вершок
его лелеите как цветок
в случае опасности дуετε в свисток.

Друзья – Нам вершок дороже глаза
наша мера он отсчёта
он в пространстве наша база,
мы бойцы прямых фигур.
К мерам житкости сыпучей
прилагаем эталон
сыпим слёз на землю кучи,
измеряем лоб соседа,
(он-же служит нам тетёркой)
рассматривая форму следа
меру трогаем всей пятёркой.
Любопытствуя больного
тела жар – температуру,
мы вершок ему приносим
из бульёна варим куру.

Ляполянов – Но физики считают вершок
устаревшей мерой.
Значительно удобней
измерять предметы саблей.
Хорошо так-же измерять шагами.

Профессор Вы не правы Ляполянов.
Гуриндурин – Я сам представитель науки
и знаю лучше тебя положение дел.
Шагами измеряют пашни,
а саблей тело человеческое,
но вещи измеряют вилкой.

Друзья – Мы дети в науке
но любим вершок.

Ляполянов – Смерть отсталым измереньям!
Смерть науки сторожилам!

Ветер круглым островам!
Дюжий метр пополам!

Плотник – Ну нет,
простите.
Я знаю косую сажень
и на все ваши выдумки мне плевать!
Плевать, говорю, на вашу тётю науку.
Потому как сажень
есть косая инструмент,
и способна прилогаться
где угодно хорошо;
при постройке, скажем, дома
сажень веса кирпичей
штукатурка, да салама,
да тяжёлый молоток.

Профессор
Гуриндурин – Вот мы
глядя в потолок
рассуждаем над масштабом
разных планов естества
переходящего из энергии
в основную материю,
под которой разумеем
даже газ.

Друзья – Наша мера нами скрыта.
Нам вершок дороже глаз.

Ляполянов – В самых маленьких частичках
в элементах,
в ангелочках,
в центре тел,
в летящих ядрах,
в натяженьи,
в оболочках,
в ямах душевной скуки,
в пузырях логической науки
измеряются предметы
клином, клювом и клыком.

Профессор

Гуриндурин – Вы не правы Ляполянов.
Где-же бы слышали бредни
чтобы стул измерить клином,
чтобы стол измерить клювом,
чтобы ключ измерить лирой,
чтобы дом запутать клятвой.
Мы несём в науке метр,
Вы несёте только саблю.

Ляполянов – Я теперь считаю так:
меры нет.
Вместо меры наши мысли
заключённые в предмет.
Все предметы оживают
бытиё собой украшают.

Друзья – О,
мы поняли!
но все-же
оставляем Вершок.

Ляполянов – Вы костецы.

Профессор

Гуриндурин – Неучи и глупцы.

Плотник – Я порываю с вами дружбу.
всё.

*Д. Хармс
17–21 октября 1929 года*

98. «Тюльпанов среди хореев»

Так сказал Тюльпанов камню
камень дуло курам кум
имя камня я не помню
дутый камень девы дум

в клетку плещет воздух лютень
глупо длится долгий плен
выход в поле виден мутен
розы выются в дурь колен
в сад его нога ладоня
русых палец пух лица
дикий памятник уроня
в битву трубы бухаться
лампа громко свет бросала
в пол опутан свет летел
там доска с гвоздём плясала
доску вальсом гвоздь вертел
доску вальсом гвоздь вертел.
а в стену бил рукой Тюльпанов
звал напрасно центр сил
рас над камнем сад тюльпанов
дождик светлый моросил.

дождик: сухо в пепле в ухе сера
дуло в землю пробралось
там в горе проскачет серна
там на валу проходит лось
дубрава трав коргует рогом
рек сдвигает брег зелен
орлиный бег на лбу упругом
несёт обратно грозный клён
Но я дождём сверкаю шашка
близко кокнет бричка вешка
птичка хлопнет в лодку камнем:
вспомнем птичке о недавнем!

птичка: помним сад
в саду скамейка
на скамейке с пирогом
в том саду сидел Тюльпанов
птички плавали кругом
птички плавали кругом.

Помним дом
на крыше пламя
в окнах красная заря

из дверей выходит няня
сказка длинная моя
сказка длинная моя.

няня в сад идёт и плачет
и Тюльпанова манит
а Тюльпанов как цветочек
незабудкою звенит
а Тюльпанов как цветочек
незабудкою звенит.
Подними глаза Тюльпанов
няню глазками окинь
но Тюльпанов сдвинул брови
и задумался. аминь.
но Тюльпанов сдвинул брови
и задумался. аминь.

Тут поднялся камень в битву
двинул войско в дуб сырой
в грудь врагам врезал он бритву
гнулся жаром стыл порой
снова кругла сила чрева
к небу прёт земля пружин
в белый мчится воздух дева
лишь Тюльпанов недвижим
сад к нему склонил вершины
няню тихую привёл
сверху дождь летел в кувшины
с низу в верх цветочек цвёл.
Так сказал Тюльпанов няне:
видишь няня я силен
дождь пройдёт.
цветок завянет
только я пройду как сон.
только я пройду как сон.
только ты пройдешь как лодка
возле сада
вдоль пруда
убежишь моя красotka
няня глупая вода.
няня глупая вода

и лишь птички
ветров дети
не кружатся вокруг небес
не стрекочят в небе дудкой
не летят в дремучий лес
не стрекочат в небе дудкой
не летят в дремучий лес.

только я сижу Тюльпанов
только я сижу да ты
как дитя среди тюльпанов
между птичек ходешь ты
как дитя среди тюльпанов
между птичек ходишь ты.

Няня: Успокойся мой цветочек
на скамейке пирожок
по воде плывёт кружёчек
за холмом дудит рожок
хочешь я побегу за тобою
по траве по мху по кочкам
буду страшною трубою
бегать следом за цветочком
содрогая бабу медь.
или хочешь буду петь
я в тарелочки ладошь
или в малину спрятав локоть
буду в землю тыкать нож
или прыгать над огнём
или прятаться в двоём
или пальчиками щелкать
буду в домике твоём.

Цветочек: одинокою тычинкой
в поле воин я стою
временами непогоды
дуют в голову мою.

птички там под облаками
ищут маленьких подруг
звери длинными шагами
ходят по полю вокруг

Я стою на пьедестале
в поле воин одинок
ветры хлопают листьями
травы стелятся у ног.

Скучно мне.
Глаза открою:
все несутся кто куда,
Только няня
ты со мною!
Няня глупая вода.
Няня глупая вода.

23–24 октября 1929 года.

99

Все все все деревья пиф
все все все камня паф
вся вся вся природа пуф.

Все все все девицы пиф
все все все мужчины паф
вся вся вся женитьба пуф.

Все все все славяне пиф
все все все евреи паф
вся вся вся Россия пуф.

<октябрь 1929>

100

Свои ручки лелея
склонилась дева как лилея
держа в руках цвет белой птицы
она мгновенно хорошела

шарф пуховой вязала спицей
шею кутала чтоб не простудиться
вышивала плат шелками
«всякая тварь должна трудиться»
и труд вылетал из рук её аршином
иголка сквозь шелка летала
порою падала на половицу
раздовался звон металла
девица руки вздев к вершинам
в камыш прятала нагое тело
и труд вылетал из рук её аршином
иголка сквозь полотно летела.
День приходил

<октябрь 1929>

101

Нева течёт вдоль Академии
днём светлая.
немая после обеда.
К шести часам Нева лопата
на карте города лежит как на тарелке
святые рыбы
туземцы воденного бреда
плывут как стрелки.
огибая остров
уходят в море под парами
плывут вдоль берега крутого
уже фарфоровыми горами.
их не догонишь холодных беглянок
они плывут у Гельгоганда
где финские воды бегут меж полянок
озёр голубая гирлянда.
где бедные птицы кривыми ножами
сидят положив море в яму
чтобы создать по краям
подобие берегов
как в чашке цветок сидит с боку

где рыба в центре пирогов
жиром тушит вкус каши
обратный путь в море
на лодке с веслом
плыть храбро в Неву
где родители наши.
Где для вас
для нас
для них
наши воды лезут в трубы
через кран бегут в кувшин
мы подходим точно рыбы
точно саблю воды глотаем
точно камни сторожим
точно воздух в печке таем
точно дети в дом бежим.
вы подносите нам карту
наших славных, чудных мест.
мы кладём её на парту
моря Финского окрест.

<октябрь 1929>

102. Сабля

§1.

Жизнь делится на рабочее и нерабочие время. Нерабочие время создаёт схемы – трубы. Рабочее время наполняет эти трубы.

Работа в виде ветра
влетает в полу трубу.
Труба поёт ленивым голосом.
Мы слушаем вой труб.
И наше тело вдруг легчает
в красивый ветер переходит;
мы вдруг становимся двойными:

направо ручка – налево ручка,
направо ножка –
налево ножка,
бока и уши и глаза и плечи
нас граничат с остальными.
Точно рифмы наши грани
остриём блестят стальным.

§2.

Нерабочее время – пустая труба. В нерабочее время мы лежим на диване, много курим и пьём, ходим в гости, много говорим, оправдываясь друг перед другом. Мы оправдываем наши поступки, отделяем себя от всего остального и говорим, что в праве существовать самостоятельно. Тут нам начинает казаться, что мы обладаем всем, что есть вне нас. И всё существующее вне нас и разграниченное с нами и всем остальным, отличным от нас и его (того, о чём мы в данный момент говорим) пространством (ну хотя бы наполненным воздухом) мы называем предметом. Предмет нами выделяется в самостоятельный мир и начинает обладать всем лежащим вне его, как и мы обладаем тем-же.

Самостоятельно существующие предметы уже не связаны законами логических рядов и скачат в пространстве, куда хотят, как и мы. Следуя за предметами, скачат и слова существительного вида. Существительные слова рождают глаголы и даруют глаголам свободный выбор. Предметы, следуя за существительными словами, совершают различные действия, вольные, как новый глагол. Возникают новые качества, а за ними и свободные прилагательные. Так вырастает новое поколение частей речи. Речь, свободная от логических русел, бежит по новым путям, разграниченная от других речей. Грани речи блестят немного ярче, что бы видно было, где конец и где начало, а то мы совсем-бы потерялись. Эти грани, как ветерки, летят в пустую строку-трубу. Труба начинает звучать и мы слышим рифму.

§3.

Ура! стихи обогнали нас!
Мы не вольны как стихи.
Слышен в трубах ветра глас,
мы-же слабы и тихи.
Где граница наших тел,
наши светлые бока?
Мы не ясны точно тюль,
мы беспомощны пока.
Слова несутся и речи,
предметы скачат следом,
и мы дерёмся в сече –
Ура! крачим победам.

Таким образом, мы увлекаемся в рабочее состояние. Тут уж некогда становится думать о еде и гостях. Разговоры перестают оправдывать наши поступки. В драке не оправдываются и не извиняются. Теперь каждый отвечает за самого себя. Он один своей собственной волей приводит себя в движение и проходит сквозь других. Всё существующее вне нас перестало быть в нас самих. Мы уже не подобны окружающему нас миру. Мир летит к нам в рот в виде отдельных кусочков: камня, смолы, стекла, железа, дерева и т. д. Подходя к столу, мы говорим: Это стол, а не я, а потому вот тебе! – и трах по столу кулаком, а стол пополам, а мы по половинам, а половины в порошок, а мы по порошок, а порошок к нам в рот, а мы говорим: это пыль, а не я, – и трах по пыли. А пыль уже наших ударов не боится.

§4.

Тут мы стоим и говорим: Вот я вытянул одну руку вперёд прямо перед собой, а другую руку назад. И вот я впереди кончаюсь там, где кончается моя рука, а сзади кончаюсь тоже там, где кончается моя другая рука. Сверху я кончаюсь затылком, с низу пятками, с боку плечами. Вот я и весь. А что вне меня, то уж не я.

Теперь, когда мы стали совсем обособленными, почистим наши грани, чтобы лучше видеть было, где начинаем уже не мы. Почистим нижний пункт – сапоги, верхний пункт – затылок – обозначим шапочкой; на руки наденим блестящие манжеты, а на плечи эполеты. Вот теперь уже сразу видеть, где кончились мы и началось всё остальное.

§5.

Вот три пары наших граней:

1. рука – рука.
2. плечо – плечо.
3. затылок – пятки.

§6.

Вопрос: Начилась-ли наша работа? А если началась, то в чём она состоит?

Ответ: Работа наша сейчас начнётся, а состоит она в регистрации мира, потому что мы теперь уже не мир.

В.: Если мы теперь не мир, то что-же мы?

О.: Нет, мы мир. Т. е. я не совсем правильно выразился. Не то чтобы мы же не мир, но мы сами по себе, а он сам по себе. Сейчас поясню: Существуют числа: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и т. д. Все эти числа составляют числовой, счётный ряд. Всякое число найдёт себе в нём место. Но 1 – это особенное число. Она может стоять в стороне, как показатель отсутствия счёта. 2 уже первое множество, и за 2 все остальные числа. Некоторые дикари умеют считать только так: раз и много. Так вот и мы в мире вроде еденицы в счётном ряду.

В.: Хорошо, а как-же мы будем регистрировать мир?

О.: Так-же, как еденица регистрирует остальные числа, т. е. укладываясь в них и наблюдая, что из этого получается.

В.: Разве так еденица регистрирует другие числа?

О.: Допустим, что так. Это не важно.

В.: Странно. А как-же мы будем укладываться в другие предметы, расположенные в мире? Смотреть, на сколько шкаф длиннее, шире и выше, чем мы? Так что ли?

О.: Еденица изображается нами значком в виде палочки. Значёк еденицы есть только наиболее удобная форма для изображения еденицы, как и всякий значёк числа. Так и мы есть только наиболее удобная форма нас самих.

Еденица, регистрируя два, не укладывается своим значком в значёк два. Еденица регистрирует числа своим качеством. Так должны поступать и мы.

В.: Но что такое наше качество?

О.: Гибель уха –
глухота,
гибель носа –
носота,
гибель нёба –
немота,
гибель слёпа –
слепота.

Абстрактное качество еденицы мы тоже не знаем. Но понятие еденицы существует в нас, как понятие чего-либо. Скажем, аршина. Еденица регистрирует два – есть: один аршин укладывается в двух аршинах, одна спичка укладывается в двух спичках и т. п. Таких едениц существует уже много. Так-же и человек не один, а много. И качеств у нас столько-же, сколько существует людей. И у каждого из нас своё особое качество.

В.: Какое качество у меня?

О.: Вот. Работа начинается с отыскания своего качества. Так как этим качеством нам придется потом орудовать, то назовём его оружие.

В.: Но как найти мне своё оружие?

§7.

Если нет больше способов
побеждать нашествие смыслов,
надо выходить из войны гордо
и делать своё мирное дело.
Мирное дело постройка дома
из брёвен при помощи тапора.
Я вышел в мир глухой от грома.
Домов раскинулась гора.
Но сабля войны остаток
моя единственная плоть
со свистом рубит с крышь касаток
бревна не в силах расколоть,
Менять-ли дело иль оружие?
рубить врага иль строить дом?
Иль с девы сдёрнуть с дуба кружево
и саблю в грудь вонзить потом.
Я плотник саблей вооружённый,
встречаю дом как врага.
Дом саблей в центр поражённый
стоит к ногам склонив рога.
Вот моя сабля, мера моя
вера и пера, мегера моя!

Добавление.

§8.

Козьма Прутков регистрировал мир Пробирной Полаткой, и потому он был вооружён саблей. *

Сабли были у: Гёте, Блейка, Ломоносова, Гоголя, Пруtkова и Хлебникова. Получив саблю, можно приступить к делу и регистрировать мир.

---

* Сон Козьмы Пруtkова: Голый генерал. Хорошо, что генерал был в эполетах, но жаль, что он не передал Пруtkову сабли (*Примеч. автора*).

§9.

Регистрация мира.
(Сабля – мера) *
всё.

*19–20 ноября
1929 года
Даниил Хармс*

103. I Разрушение

Неделя – в кратце духа путь
Неделя – вешка знак семи
Неделя – великана дуля
Неделя – в буквах неделима
так неделимая неделя
для дела дни на доли делит
в буднях дела дикой воли
наше тело в ложе тянет

Нам неделя длится долго
мы уходим в понедельник
мы трудимся до субботы
совершая дело в будни

но неделю сокращая
увеличем свой покой
через равный промежуток
сундучёк в четыре дня
видишь день свободных шуток
годом дело догоня
Видишь новая неделя
стала разумом делима
как ладонь из пяти пальцев
стало время течь неумолимо.

---

* «Время – мера-мира». В. Хлебников (*Примеч. автора*).

Там мы строим время счёт
по закону наших тел.
Время заново течёт
для удобства наших дел.
Неделя – стала нами делима
неделя – дней значёк пяти
неделя – великана дуля
неделя – в путь летит как пуля.
Ура – короткая неделя
ты всё утратила!
И теперь можно приступить
к следующему разрушению.

всё

*Начато 6 ноября – кончено 20/21 ноября
1929 года.*

104

Тетерник, входя и здороваясь: Здравствуйте! Здравствуйте-те! Здравствуйте! Здравствуйте!

Камушков – Вы, однако, не очень точны. Мы ждём вас уже порядочно.

Грек – Да да да. Мы вас поджидаем.

Лампов – Ну говори: чего опоздал?

Тетерник, смотря на часы: – Да разве, я опоздал? Да вообще-то есть... ну ладно!

Камушков – Хорошо. Я продолжаю.

Грек – Да да да. Давайте правдо.

Все рассаживаются по своим местам и замолкают.

Камушков – Не говоря по несколько раз об одном и том же, скажу: мы должны выдумать название.

Грек и Лампов – Слышали!

Камушков (передразнивая) – Слышали! Вот и нужно название выдумать. Грек!

(Грек встаёт)

Камушков – Какое ты выдумал название?

Грек – Ныпырсытет.

Камушков – Не годится. Ну подумай сам, что-же это за название такое? Не звучит, ничего не значит, глупое. – Да встань ты как следует! – Ну, теперь говори: почему ты предложил это глупое название.

Грек – Да да да. Название, верно, не годится.

Камушков – Сам понимаешь. Садись. – Люди, надо выдумать хорошее название. Лампов! (*Лампов встает*). Какое название ты предлагаешь?

Лампов – Предлагаю: «Краковяк», или «Студень», или «Мой Савок». Что? Не нравится? Ну тогда: «Вершина всего», «Глицириновый отец», «Мортира и свеча».

Камушков (*махая руками*) – Садись! Садись!

26 декабря 1929 года.

105

Я сидел на одной ноге
держал в руках семейный суп
рассказ о глупом сундуке
в котором прятал деньги старик –
Он скуп
направо от меня шумел
тоскливый слон
тоскливый слон.
Зачем шумишь? За чем шумишь?
его спросил я протрезвясь
Я враг тебе, я суп, я князь.
Умолкнул долгий шум слона
остыл в руках семейный суп.
от голода у меня текла слона
потратить деньги на обед
Я слишком скуп
Уж лучше купить
пару замшевых перчаток
лучше денег накопить
на поездку с Галей С
за ограду града в лес.
всё

28 дек. <1929>

**Мы (два
тождественных
человека):**

Приход нового года
мы ждём с нетерпением
мы запасли вино
и пикули
и свежие котлеты.
Садитесь к столу.
Без четверти двенадцать
поднимем тост
и выпьем братцы
за старый год.
И рухнет мост
и к прошлым девам
нам путь отрезан.
и светлых бездн
наш перёд.

Зритель: Смотрите он весло берёт
и люлькой в комнате летает
предметы вокруг следят полёт
от быстрых точек рассветает
в Неве тоскливый тает лёд
в ладоши бьёт земля и люди
и в небо смотрит мудрый скот
Но тут наступает 0 часов и начинается
Новый Год.

*Вторник 31 декабря 1929 года 23 часа
45 минут.*

Иван Григорьевич Кантов шёл, опираясь на палку и переступая важно, по гусиному. Он шел по Гусеву переулку и нёс под мышкой гуся.

– Куда идёшь? – окликнул Ивана Григорьевича Пономарёв.

– Туда вот – сказал Иван Григорьевич Кантов.

– Можно и мне с тобой итти? – спросил Пономарёв.

– Можно, – сказал Иван Григорьевич Кантов.

Оба пришли на рынок.

Около рынка сидела собака и зевала.

– Посмотри, Кантов, какая собака, – сказал Пономарёв.

– Очень смешная, – сказал Кантов.

– Эй, собачка, пойдн сюда! – крикнул Пономарёв и по цокал зубами. Собака перестала зевать и пошла к Пономарёву сначала обыкновенно, потом очень тихо, потом ползком, потом на животе, а потом перевернулась брюхом вверх и на спине подползла к Пономарёву.

– Очень скромная собачка, – сказал Пономарёв. – Я возьму её себе.

<Конец декабря 1929–2 января 1930>

108. Веселые чижи

*Посвящается 6-му
Ленинградскому детдому*

Жили в квартире
Сорок четыре,
Сорок четыре веселых чижа:
Чиж – судомойка,
Чиж – поломойка,
Чиж – огородник,
Чиж – водовоз,
Чиж за кухарку,
Чиж за хозяйку,
Чиж на посылках,
Чиж – трубочист.

Печку топили,
Кашу варили
Сорок четыре веселых чижа:
Чиж – с поварёшкой,
Чиж – с кочерёжкой,
Чиж – с коромыслом,
Чиж – с решетом,
Чиж накрывает,
Чиж созывает,
Чиж разливает,
Чиж раздаёт.

Кончив работу,
Шли на охоту,
Сорок четыре веселых чижа:
Чиж – на медведя,
Чиж – на лисицу,
Чиж – на тетерку,
Чиж – на ежа,
Чиж – на индюшку,
Чиж – на кукушку,
Чиж – на лягушку,
Чиж – на ужа.

После охоты
Брались за ноты
Сорок четыре веселых чижа.
Дружно играли:
Чиж – на рояли,
Чиж – на цимбале,
Чиж – на трубе,
Чиж – на тромбоне,
Чиж на гармони,
Чиж – на гребенке,
Чиж – на губе!

Ездили всем домом
К зябликам знакомым
Сорок четыре веселых чижа:
Чиж – на трамвае,
Чиж – на моторе,
Чиж – на телеге,
Чиж – на возу,
Чиж – в таратайке,
Чиж – на запятках,
Чиж – на оглобле,
Чиж – на дуге!

Спать захотели,
Стелют постели
Сорок четыре веселых чижа:
Чиж – на кровати,
Чиж – на диване,
Чиж – на корзине,
Чиж – на скамье,
Чиж – на коробке,
Чиж – на катушке,
Чиж – на бумажке,
Чиж – на полу.

Лежа в постели,
Дружно свистели
Сорок четыре веселых чижа:
Чиж: трити-тити,
Чиж: тирли-тирли,

Чиж: дили-дили,
Чиж: титити,
Чиж: тики-тики,
Чиж: тики-рики,
Чиж: тютю-лютю,
Чиж: тю-тю-тю!

1930

109. Галине Николаевне Леман-Соколовой

На коньках с тобой Галина
на котке поедем мы
О холодная Галина
в центре маленькой зимы!
Ты Галина едешь ловко
Хоть и грузна на подъём.
Пусть покоится головка
Твоя головка на плече моём
Я-же еду безобразно
рылом стучаюсь об лёд
ты-же милая прекрасно
едишь соколом в перёд.

3 января 1930 года

110. Жене

Давно я не садился и не писал
Я расслабленный свисал
из руки перо валилось
на меня жена садилась
Я отпихивал бумагу
цаловал свою жену
предо мной сидящу нагу
соблюдая тишину.

цаловал жену я в бок
в шею в грудь и под живот
прямо чмокал между ног
где любовный сок течёт
а жена меня стыдливо
обнимала тёплой ляжкой
и в лицо мне прямо лила
сок любовный как из фляжки
я стонал от нежной страсти
и глотал тягучий сок
и жена стонала вместе
утирая слезы с ног.
и прижав к моим губам
две трепещущие губки
изгибалась пополам
от стыда скрываясь в юбке.
По щекам моим бежали
струйки нежные стократы
и по комнате летали
женских ласок ароматы.
Но довольно! Где перо?
Где бумага и чернила?
Аромат летит в окно,
в страхе милая вскочила.
Я за стол и ну писать
давай буквы составлять
давай дёргать за верёвку
Смыслы разные сплетать.

3 января <1930>

111

Соловей
скатываясь

в ящик: Я пел
теперь я стрел
а ты песок
твой лоб высок

согни хребёт
земля кругла
в ней дыр и скважен
больше орла
ты в землю пяткой друг посажен
лежишь в пустыне жёлт и важен
заметен в небе твой лоскут
в тебе картошку запекут
я кончил петь
пора летать
орла в кострюле свежевать
и в землю ткнуть орлиный хрящик
не то меня запрячат в ящик.

Одинокий бедуин
глядя на летящий

песок: вон песок летит арабы
очи нам засыпет он
скрыться люди Ах кудабы
только б сгинул этот сок

Хор Бедуинов
и архангелов:

Эх ухнем по песку
расшвыряем глупую тоску!

Одинокий Бедуин:

И птичка там в песок попала
в верх животиком летит
И птичка бедная пропала
даже конь мой не глядит

Эх ухнем по песку
Хор: расшвыряем глупую тоску!
всё

4 января <1930>

112

В шкапу стояла мать моя
над ней сюртук висел
Я сам в душе кровать тая
задумчивый сидел

Но вдруг приходит новый год
и первое число
ко мне ложится на живот
я чувствую весло.

4 янв<аря> 1930 года

113. Стук перед

Где тупоумию конец?
Где вдохновению свинец?
чтоб не трогать верх затылка
в потолок очей не бить
приходи чернил бутылка
буквы пёрышком лепить
время ты неслышно ходишь
отмечая стрелкой путь.
в лево маятник отводишь
он летит обратно с треском
время кажется отрезком
вопрос: надо-ли время?
мы ответим: время будь
мы отметим время буквой

11 января <1930>

114

Мы приехали. Шипела
керосиновая каша
на столе коробка с мелом
керосиновая наша
Мария Ивановна удивилась
и давай гормонь тянуть
песня керосиновая полилась
возбуждая нашу грудь
к плачу. Мы лицом уткнулись
в керосиновый графин

в нём находим утешенье
в нём находим парафин
Ладно люди, мы не дети
Мария Ив. букашка
в керосиновом букете
открывается ромашка
Мария Ивановна из пяток
нам рубашку будет шить
то то мы пойдём в присядку
рубашёнкой тлен прикрыв

<Между 11 и 13 января 1930>

115

Всё наступает наконец
и так последовательность создаётся
как странно если б два события
вдруг наступили одновременно.

Загадка: А если вместо двух событий
наступит восемь пузырьков.

Ответ: Тогда конечно мы б легли.

Ответ был чист и краток.
в бумагу завернули человека.
Бумаги нет. Пришла зима.

13 янв<аря 1930>

116

Жил мельник
дочь его Агнеса
в кругу зверей шутила днями
пугая скот, из недр леса
её зрачки блестят огнями.

Но мельник был свереп и зол
Агнесу бил кнутом
возил ячмень из дальних сёл
и ночью спал потом.
Агнеса мельнику в кадык
сажает утром боб
рычит Агнеса. мельник прыг
но в двери входит поп.
Агнеса длинная садится
попа сажает рядом в стул
крылатый мельник. Он стыдится
Ах если б ветер вдруг подул
и крылья мельницы вертелись
то поп Агнеса и болтун
на крыше мельника слетелись.
и мельник счастлив. он колдун.

13 янв<аря> 1930 года

117

чтобы в пулю не смеяться
мы в бочёнок спрячем лик
да затылки не бояться
отвечая хором пик
и печонка усмехаясь
воскресает из могил
и несётся колыхаясь
над убитыми Ахилл.
и змея в песочной лавке
жрёт винтовку, дом и плуг
и Варвара в камилавке
с топором летит вокруг.
да смеются мы будем
мы в бочёнке просидим
а когда тебя забудем
вновь к тебе мы прилетим.
и тогда мы перепьёмся
и тогда мы посмеёмся
всё

14 января 1930 года.

118

Нет ответа. Камень скок
едут грабли паровые
Земли земли где же сок?
ваши люди кондавые.
Зря, в ответ щебечет сок,
спите кинув руки врозь
сквозь платок мы слышем стон
Звери! в мыслях пронеслось
наша слабая надежда
это ползает одежда
а быть может ходят львицы
по скрипучей половице.
Кто там ходит? Мостовые?
Звери люди или сок?
Едут грабли восковые
Нет ответа. Камень скок.

всё

15 января <1930>

119

Ну-ка выбеги Маруся
на Балканы. на морозе
огороды золотеют
пролетают карабины
в усечённые пещёры
и туманятся вечера
первобытные олени
отдыхают на полене
птицы храбрые в колях
отдыхают на полях
вот и люди на заре
отдыхают в пузыре
вот и старый Ксенофан
отдыхает в сарафан

вот и бомба и камыш
вот и лампа каратыш.
Осветили на Балканах
не проезжие пути
подними вино в стаканах
над кушеткою лети.

17 янв<аря> 1930 года

120. Злое собрание НЕверных

Не я-ли Господи? подумали апостолы.
Вот признаки:
лицо как мышь,
крыло как нож,
ступня как пароходик,
дом как семейство,
мост как пол ванта,
халат как бровь атланта.
Один лишь гений. Да, но кто-же?
Один умён, другой тупица, третий глуп.
Но кто же гений? Боже, Боже!
Все люди бедны. Я тулуп.

17 января 1930 года.

121. Утро (пробуждение элементов)

Бог проснулся. Отпер глаз,
взял песчинку, бросил в нас.
Мы проснулись. Вышел сон.
Чуем утро. Слышим стон.
Это сонный зверь зевнул.
Это скрипнул тихо стул.
Это сонный, разомлев,
тянет голову сам лев.
Спит двурога коза.
Дремлет гибкая лоза.

Вот ночную гонит лень –
изо мха встает олень.
Тело стройное несет,
шкуру темную трясет.
Вон проснулся в поле пень:
значит, утро, значит день.
Над землей цветок не спит.
Птица-пигалица летит,
смотрит: мы стоим в горах
в длинных брюках, в колпаках,
колпаками ловим тень,
славословим новый день.
всё

<18 января 1930>

122. Падение вод

стукнул в печке молоток
рухнул об пол потолок
надо мной открылся ход
в бесконечный небосвод
погляди небесных вод
льются реки в землю вот
я подумал: подожди
это рухнули дожди.
тухнет печка. Спят дрова
мокнут сосны и трава
на траве стоит петух
он глядит в небесных мух
мухи снов живые точки
лают песни на цветочке.

Мухи: поглядите мухи в небо
там сидит богиня Геба
поглядите мухи в море
там уныние да горе
над водой колышат пар.
гляньте мухи в самовар!

Мухи: в самовар глядим подруги
там пары встают упруги
лезут в чайник. он летит
воду в чашке кипятит.
бьётся в чашке кипяток.
Гряньте мухи эпилог!

Мухи: Это крыши разлетелись
открывая в небо ход
это звёзды развертелись
сокращая чисел год
Это вод небесных реки
пали в землю из дыры
Это звёзд небесных греки
шлют на землю к нам дары.

Это стукнул молоток
Это рухнул поталок
Это скрипнул табурет
Это мухи лают бред.
всё

*24 января 1930 года.
Даниил Хармс
С.-Петербург.*

123. Ужин

Стукнул кокер. Сто минут.
Прыгнул фокер. Был помнут.
вышла пика. Нет плиты.
Здравствуй Кика. вот и ты.

Кика: Надя нам сварила чай
мне сказала: отвечай!
Тут ответил я: калтун.
Пала дверь, вошёл колдун.

Колдун: Дайте хлеба мне и нож
Я простужен. – в теле дрожь.

Я контужен, стар и сед.
Познакомтесь: мой сосед.

Сосед: Здравствуй Кика старикан.
Здравствуй Надя. Дай стакан
Здравствуй чайник. Здравствуй дом.
Здравствуй лампа, Здравствуй гном.

Гном: Видел я во сне горох.
Утром встал и вдруг подох
Я подумал: ну и сон!
Входит Кока. Вот и он.

Кока: Ветер дул. текла вода.
Пели птицы. Шли года.
Стукнул кокер.
Прыгнул фокер.
и пришёл я к вам тогда.

Все хором: Начнем же ужинать!
всё

*Даниил Хармс
24 января 1930 года.
С.-Петербург*

124

Я в трамвае видел деву
даже девушку друзья
вся она такой бутончик
рассказать не в силах я

Но со мной чинарь Введенский
ехал тоже как дурак
видя деву снял я шляпу
и Введенский снял колпак.

<Январь 1930>

Вам поверить
я не могу
для этого мне надо скинуть рубаху
Я без платья великан
в таком виде я к вам не пойду.
Ах целуйте меня с размаху.
Вот мои губы
вот мои плечи
вот мои трубы
вот мои свечи.
Дайте мне платок
я полезу на потолок.
Положите мне горчичник
я забуду рукавички
лягу спать верхом на птичник
буду в землю класть яички.
Нам великанам довольно пальбы
ваши затихли просьбы и мольбы
настиг вас жребий дум высоких
пробка в черепе. Вы с дыркой.
Умечали рысооки
на коне лежать под мыркой.
Не достоин, не достоин, не достоин
вашу обувь развязать.
Я в рубахе наг и строен
я натура, так сказать.
И нет во мне той милой склонности
греть ваши ноги о девушка
тона девичьего до нести
вашего голоса девушка
Я строг и знатен
хожу среди полатин
швыряя пыль ногой
вот я какой!
До вашего дома
иду по досочке
а дальше ведома
толпа мной в сорочке

и штопотом, хриплетом, банками
садимся на шпиль Петропавловской
крепости рыжими в воздух баранками.
всё

13 февраля 1930 года. Д. Х.

126

Наступала ночь в битву Сергея Радунского с Миколаем Согнифалом. Достаточно было перебито людей и шерстяных лисиц. Войско Сергея Радунского скакало с пиками заострённых карандашей. А Миколай Согнифал пускал шерстяных лисиц перегрызать логги воинов Сергея Радунского. Первая битва произошла в лесу на комод с подсвечником.

Дрался воин первый мечник
бил графином кусаря.
прыгал храбро за подсвечник
брюхо пикой разоря.

Тот ложился ниц контужен
ливня зонтик пополам
мечник резал первый пужин
шкуру бивня кандалам.

Вон скачет пушкин ветру следом
целит пушку в лисий холмик.
Он скакунец машет пледом
лопнул гром. проходит пол миг.

Револьверцы скачат вира
Миколая носа близко

13 февраля 1930 года.

127

Девыцы только часть вселенной
кувшины стройных рек
мы без девыц пройдем по вселенной
душа сказала «грек».
Притворился милый облик
он увy не узнаваем
над кроватью держит Бог Лик.
Ну давай его взломаем!
Что посмотрим под доской
укрошает взгляд людской.
Над кроватью Бог повис
мы у Бога просим жалости.
Опускает Бог ресницы вниз
пряча взоры в темноте
он глядит на наши шалости.
И мы уже совсем не те

17 февраля 1930 года. Д. Х.

128

Где я потерял руку?
Она была, но отлетела
я в рукаве наблюдаю скуку
моего тела.
Что-то скажет Дом Печати
что-то скажет раздевалка
моей руки одно зачатие
с плеча висит.
Как это жалко.
Люди!
Кто мне примус накачает?
Плети!
Кто стегаться вами станет?
Мыло!

Кто в ручей тебя опустит?
Никому то неизвестно.
Даня!
Кто в кровать тебя разденет
твои сапоги растегнёт
и в шкаф поставит.
Спать уложит. Перекрестит.
перевернётся. кто уснёт?
кто проснётся на другой день
посмотреть в окно и плюнуть?
х<о>д ночей был мною пройден
разрешите в небо дунуть.
Это верно. Мы двуруки
равновесие храним
поперёк души науки
образ храброго гоним.
То отведали поляки
боль ранения на сечи
были паны, стали каляки.
Заводить убитых речи
Силы рта раздвинуть нет
коли панов закопали,
коли жив на землю гнет
остальные в битьве пали.
Остальных ломает и мнёт
полевых цветочков мёд.
Но куда-же я руку задевал.
Знаю нет её в руках.
Помню куртку надевал.
Но теперь понятно ах!
Вот она забыв перёд
пересела на хребёт.
Надо Надо
перешить рукав на спину.

всё

*20 февраля 1930 года.
Д. Х.*

Земли, огня и ветра дщери
 меча зрачков лиловый пламень
 сидели храбрые в пещере
 вокруг огня. Тесали камень.
 Тут птицы с крыльями носились
 глядели в пламя сквозь очки
 на камни круглые садились
 тараша круглые зрачки.
 Кыш летите вон от сюда
 им сестры кричали взволновано
 храм пещерного сосуда
 это место заколдованно.
 Мы все вместе
 служим в тресте
 на машинках день и полночь
 отбиваем знаки смыслов
 дел бумажных полный стол тучь
 мух жуков и корамыслов.
 Только птицы прочь и кыш
 с веток, с тумбов, с окон, с крышь.
 Очень птицы удивились
 на косматых глядя дев
 клювом стукнули и взвились
 очи злые к небу вздев
 и когтей раскинув грабли,
 рассекая воздух перьями
 разлетались дирежабли
 над Российскими империями.
 всё.

<февраль 1930>

Д. Х.

130. переферация

мы открыли наш приют
 всех желающих скрипеть
 и всех на улице поют
 во дворах которые смотреть.

Встала точка места фи
остановка выражений.
мыслей вспучаных сражений
оборвали разом Ли
те артисточки смеясь
нам кивали четвергом
но воскликнул сторож: князь
обращаясь так в меня
он присел и наклонясь
Эм пропел меня веселя
а я потребовал принести киселя.
всё

2 марта 1930 года

131

1.

В небесари ликомин
мы искали какалин
с нами Пётр Комиссар
твёрдый житель небесар.

2.

в этой комнате Коган
под столом держал наган
в этот бак Игудиил
дуло в череп наводил.
и клочёк волос трепал
Я сидел и трепетал.

3.

Им ответа старый Бог
объясняет пули вред

деда мира педагог
Повторим усопших бред!
То румян и бледен был
в карты глядя в чертежи
стены пали. воздух плыл
дом и стёкла и чижи.

4.

Концы пели гилага
ги га гели стерегли
вышел кокер из угла
концы в землю полегли
встали пунцы у коны
взяли свинцы мекеле
пали благи, вьются флаги.
воют пунцы в помеле.

4 марта 1930 года.
Д. Х.

132

Я устал не спать ночей
лоб сгустился тяжелея.
Шея встала из плечей
Я пошёл гулять маме
усты вилки голове.

Голова моя болит
Слетает с неба болид
Пойду пить пиво
лениво, лениво, лениво.
тут против кол с руками
поставленный нами
на память о маме.

<Первая пол. марта 1930>

133. Нетеперь

Это есть Это.

То есть То.

Это не то.

Это не есть не это.

Остальное либо это либо не это.

Всё либо то либо не то.

Что ни то и ни это, то ни это и не то.

Что то и это, то и себе САМО.

Что себе Само, то может быть то, да не это,
либо это да не то.

Это ушло в то, а то ушло в это. Мы говорим
Бог дунул.

Это ушло в это, а то ушло в то и нам неоткуда
вытти и некуда притти.

Это ушло в это. Мы спросили: где?
Нам пропели: Тут.

Это вышло из Тут. Что это? Это ТО.

Это есть то.

То есть это.

Тут есть это и то.

Тут ушло в это, это ушло в то, а то ушло в тут.

Мы смотрели но не видели.

А там стояли это и то.

Там не тут.

Там то.

Тут это.

Но теперь там и это и то.

Но теперь и тут это и то.

Мы тоскуем и думаем и томимся.

Где-же теперь?

Теперь тут, а тепер там, а теперь тут, а тепер
тут и там.

Это быть то.

Тут быть там.

Это, то, тут, там, быть Я, Мы, Бог.

29 мая 1930 года.

Даниил Хармс.

134. Миллион

Шёл по улице отряд,
Сорок мальчиков подряд:
раз, два,
три, четыре,
и четырежды четыре,
и четыре на четыре,
и еще потом четыре.

В переулке шёл отряд:
Сорок девочек подряд.
Раз, два,
три, четыре,
и четырежды четыре,
и четыре на четыре,
и еще потом четыре.

Да как встретились вдруг
стало восемьдесят вдруг!
Раз, два,
три, четыре,
и четыре
на четыре,
на четырнадцать
четыре,
и потом еще четыре.

А на площадь повернули,
а на площади стоит
не компания,
не рота,
не толпа,
не батальон,
и не сорок,
и не сотня,
а почти что миллион!

Раз, два, три, четыре,
и четырежды
четыре,

сто четыре
на четыре,
полтора
на четыре,
двести тысяч
на четыре
и потом еще четыре!

ВСЁ.

*Даниил Хармс
29 июня 1930 года*

135. Сон рубашку

Я не сплю. Темно в печи.
взоры к берегу мечи.
Видишь берег бел и крут
волны в берег бьют и мрут
вот и мухи как мячи
вьются около свечи
Я же свечки не боюсь
Я как муха на пшене
вспоминаю о жене.
пом<н>ю день покинул сад
Было год тому назад
ехал я, стучал вагон
был я грустный как охакон.

<1-8 августа 1930>

136. Лапа

У храпа есть концы голос
подобны хрипы запятым
подушку спутанных волос
перекрести ключом святым.

из головы цветок ворастает
сон ли это или смерть
зверь тетрадь мою листает
червь глотает ночь и зберть
там пух петухов
на Глинкин плац
осел шатром из пушки бац
сон упёрся на бедро
ветер западный. – Ведро.
О статуя всех статуй
дням дыханье растатуй
леса лужи протечи
где грибы во мху дики
молви людям: пустяки
мне в колодец окунаться
мрамор духа холодить
я невеста земляка
не в силах по земле ходить
Во мне живёт младенца тяжесть.
Жесть неба сгинь!
от ныне я жесть.
И медь и кобальт и пружина
в чугун проникли головой
от туда сталь кричит: ножи на!
И тигра хвост моховой!
И всё же бреду я беременная
Батюшка! Это ремень но не я!
Батюшка! Это ремень но не мать!
Будут тебя мой голубчик
Будут тебя мой голубчик
Будут тебя мой голубчик
Сосны тогда обнимать.

Сказала и упала.
А эхо крикнуло: Магога!
И наступила ночь Купала
когда трава глядит на Бога.

Два Невских пересёкли чащи
пустя по воздуху канатик
и паровоз дышал шипяще
в глаза небесных математик.
Ответил Бог: на камне плоском
стоял земляк. от трубку курил.
Его глаза залепленны воском.
«Мне плохо видно». – он говорил.
«Куда ушла моя статуя
моё светило из светил.
Один на свете холостуя
взоры к небу привентил.
По ударам сердца счёт
время ласково течёт
по часам и по столу
по корням и по стволу.
и отмечу я в тетради
встречи статуя с тобой
тебя ради
жизнь сделаю рабой.
Тебя ради встану рано
лягу в воду по лопатки
леги неги деги веги
боги воги нуки вуки».

Из Полтавы дунул дух
полон хлеба полон мух
кто подышет не упи
мама воздуха купи.
Я гора, а ты песок
ты квадрат, а я высок
Я часы, а ты снаряд
скоро звёзды закорят.
Мама воздуха не даст
атмосферы тонок пласт
блещут звёзды как ножи.
Мама Бога покажи!
Ты челнок, а я лодья
ты щенок, а я судья
ты штаны, а я подол

ты овраг, я niskий дол
ты земля, а я престол.
Во имя Отца и Сына и Святого Духа.
Аминь.

* * *

Земляк – Что это жужжит?

Власть – Это ты спишь.

Земляк – Я вижу цветок над своей головой.
Можно его сорвать?

Власть – Опусти агам к ногам.

Земляк – Что такое агам?

Власть – Разве ты не знаешь?
Жил старик. Его сын работал на заводе и приходил домой грязный. Старик кипятил воду чтобы сын мыл руки. В воде плавали тараканы и мелкие бацилы. Сын смотрел сквозь голубую воду и видел дно. В воде плавало отражение сына. Старик выплёскивал воду из таза вместе с отражением сына. Но отражение застревало в трубе и машинка не спускалась. Старик шёл к управдому и просил поченить уборную. Управдом писал отношение и ложился спать. На другой день сын шёл на завод выдeldывать дробь.

Земляк – А что делал старик?

Власть – Разве ты не знаешь?
Старик читал книгу. Потом закладывал
книгу спичкой и растапливал печь.
Дрова он носил на согнутой левой
руке и нося дрова думал: от дров
быстро портится рукав пиджака.

Земляк – А что такое агам?

Власть – Разве ты не знаешь?
На небе есть четыре звезды Лебеда.
Это Северный крест. Недавно среди
звёзд появилась новая звезда –
Лебедь Агам. Кто сорвёт эту звезду,
тот может не видеть снов.

Земляк – Мне рукой не достать до неба.

Власть – Ты встань на крышу.

(Земляк встает на крышу)

Власть – Ну как?

Земляк – Авла диндури пре пре пру кру.

(Статуя на крыше хватается земляка и делает его легким)

Земляк – Я ле!

Птицы не больше перочинных ножигов.
Ле!

Откройте озеро, чтобы вода стала ле!
Откройте гору, чтобы из неё вышли
пары.

Остановите Часы, потому что время
ушло в землю!

Смотрите какой я ле!

Утюгов
(**смотря из окна**
наверх) – Эй послушайте там! Гражданин.
вы мешаете читать мне газету.
И потом, что за дьявол! На чём вы
держитесь?

Земляк
(**хохоча**). – Я от хаха и от хиха
я от хоха и от хеха
еду в небо как орлиха
отлетаю как прореха.

Утюгов
(**размахивая**
газетой). – Я меняю свою жилплощадь на большую!
Бап боп батурай!
На большую!
Запомните кокон, фокон, зокен, мокен.

Земляк – Где я? Что это за место?

Ангел Капуста – Нил.

(Воск тает с глаз Земляка. Земляк смотрит окрестности).

Описание Нила

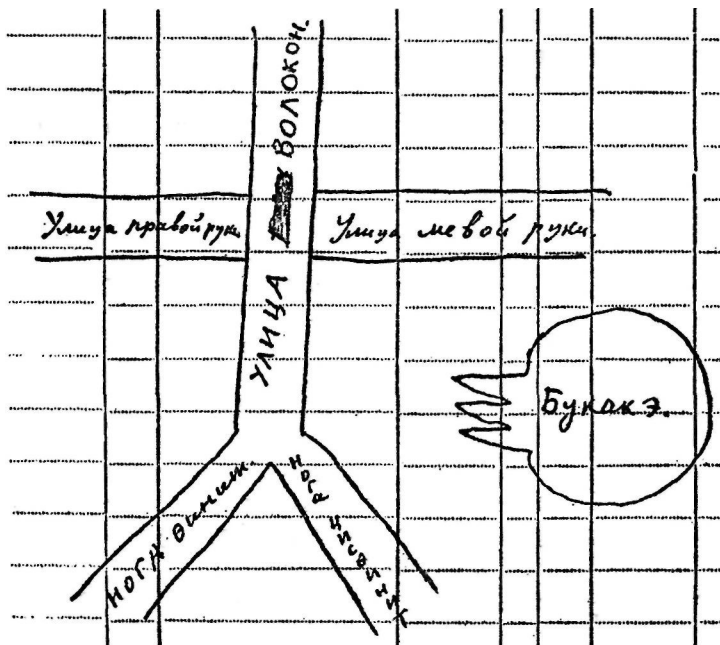
Картина представляет собой гроб. Только вместо глазури идёт пароходик и летит птица. В гробу лежит человек, от смерти зелёной. Чтобы казаться живым, он всё время говорит.

«Чтобы сварить суп, надо затопить плиту и поставить на неё кастрюлю с водой. Когда вода вскипит, надо в воду бросить морковь и... нет стрелу и фо... нет надо в воду положить карету. Хотя это уже не то».

Судя по тому что говорил человек, он был явно покойник. Но несмотря на это он держал в руках подсвечник. Собственно говоря это и был Нил.

В Ниле плавал Аменхотеп. Он был в трусиках и в кепке.

Вот план Аменхотепа:

Николай же Иванович держал в руках ибиса и смотрел что у него под хвостом.

Земляк – Ну как Николай Иванович?

Н. И. – Да вот знаете-ли ещё не разобрал в чём дело. Тут видите ли пух мешает.

Земляк – Да. Тяжело.

Н. И. – Там лучше было. Там знаете ли возьми гречневую кашу с маслом,

или ещё лучше если она холодная
и с молоком и съешь.

Земляк – Или ватрушку. Особенно если её есть
прямо так по простецки, взяв в руку.

Н. И.

(вздыхнув) – Или суп. Знаете ли, чтобы сделать
суп, надо положить в воду мясо и рыбу.

(К ним подсаживается покойник).

Покойник – Ылы ф зуб фоложить фроковъ. Ылы
спржу. Ылы букварь. Ылы дрыдноут.

(Из за горизонта доносится крик):

...Меньшую на большую! Бап боп батурай!

Аменхотеп вылезает из воды и идёт по острым камуш-
кам. Итти больно и Аменхотеп машет руками и то и дело
приседает. Добравшись до песка он бежит уже свободно
и наконец валится в песок и валяется.

«Покурить-бы», – говорит Аменхотеп. вокруг молчат.
Николай Иванович сердито смотрит Ибису под хвост.

Аменхотеп снимает трусики, выжимает их и вешает на
солнце сушиться. А сам смотрит по сторонам не идёт-ли
где женщина. Но женщин не видать, только на берегу
подсвечника стоит женская мраморная статуя

Земляк – Ну, ребята, передохнул с вами, да пора
и дальше.

– Куда, – спрашивает его Николай Иванович.

– Да я знаете к Лебедям, – говорит земляк.

И земляк поднимается выше.

Тут стоят два дерева и любят друг друга. Одно дерево
волк, другое волчица.

Когда земляк выглянул из за угла, то волк кинулся к решотке.

Земляк спрятался.

Волк поцеловал волчиху.

Земляк опять вышел из за прикрытия.

– Где здесь Лебедь? спросил он волков.

И вот вышел сторож в белом халате. Он держал в руках длинный скребок.

– Лебеди, сказал сторож нюхая кусок хлеба чтобы не заплакать. – Они там. Вон в том доме.

Земляк пошёл вдоль пруда. В пруду лежал снег.

Птичник

В птичнике очень воняло. В углу сидела маленькая девочка и ела земляные лепёшки. Девочка была очень грязная и нечистоплотная. На асфальтовом полу были пробоины, а в пробоинах стояли лужи. Старичок в длинном черном пальто, ходил по лужам и боком смотрел на птиц

Комнату разделяла перегородка вышиной в аршин. За перегородкой расхоживали большие птицы. Пеликаны сидели вокруг бассейна и в грязной воде полоскали свои клювы.

Девочка отложила в сторону земляную лепёшку и запела. Рот у девочки был похож на круглую дырочку.

Девочка пела: Пли пли

Кля кля

Смах смах гапчанух

векибаки сабаче

дубти кепче алдалаб

смерх пурх соловьи

сели или е ли а

соо суо сыа се

соловей вей во

вие вао вау ви

вуа выа вао вю

пю пю пю пю

закурак.

Один пеликан, самый старый начал танцевать. На голове его изгибался седой хохол, а красные глазки свирепо смотрели в морскую раковину. Сначала он долго топал ногами на одном месте. Потом начал перебегать на несколько шагов то вперёд, то назад, причём его голова оставалась неподвижной в одной и той же воздушной точке. Изгибалась только шея. Вдруг пеликан пустил одно крыло по полу и начал разворачиваться на одной ноге, притоптывая другой. Сначала развернулся в одну сторону, потом в другую, а потом вдруг поплыл как боярышня, волоча за собой по полу оба крыла.

Остальные птицы притихли, расступились и стояли уткнувшись носом в стену не глядя на танец пеликана.

– Молчать! – крикнул вдруг старичок в длинном чёрном пальто.

Никто не обратил на это внимания. Девочка продолжала петь, а пеликан танцевать.

– И это небо! – сказал сокрушённо старичок. – Фу фу фу! Какая здесь гадость!

– Почему вы думаете, что это небо? – Спросил старичка другой такой-же старичок неизвестно откуда появившийся.

– Ах бростье, сказал преждний старичок. Я всю жизнь старался не петь глупых песень. А тут ведь поют нечто безобразное.

– А вы тоже попробуйте, – сказал такой-же старичок. Но старичок покачал только головой, отчего пенснэ с его носа свалилось в лужу.

– Ну вот видите? Вот видите? – сказал обиженно старичок.

Дверь отворилась и в птичник вошёл земляк.

– Лебедь у вас? – громко спросил он.

– Да, я тут! – крикнул Лебедь.

– Ура! Это небо? – спросил земляк.

– Да, это небо! – крикнуло небо.

Но тут пролетел Ангел Копуста и земляк снова вошёл в птичник.

– Лебедь у вас? – громко спросил он.

– Да, я тут! – крикнул Лебедь.

– Ура! Значит это небо! – крикнул земляк.

– Да, это небо, – сказал Ангел Копуста.

Это небо
ибо Лебедь здесь владыка
Ну ка дева
принеси ка мне воды-ка.

Маленькая девочка сбегала за водой. Ангел Копуста выпил воды утёр усы и сказал:

– Холодная сволочь, а вкусная. Сейчас господствует эпидемия брюшного тифа, но не беда. Надо только утром и вечером потирать ладошкой живот и приговаривать: Бурчи, да не болей.

Вдруг земляк огромным прыжком перескочил через перегородку, схватил Лебеда под мышку и провалился под землю.

На этом месте выросла сосна с руками и в шляпе и звали ее Марией Ивановной.

Разговор Ангела Копусты с Марией Ивановной.

Анг. К о п . – Вот это да! А только интересно знать, билет у Вас есть?

Мар. И в . – Ха ха ха, какие глупости! Ведь я индюшка.

Анг. К о п . – Вы не можете так разговаривать со мной. Ведь я ангел.

М. И в . – Почему?

Анг. К о п . – Потому что у меня крылья.

Мар. И в . – Ха ха хоау! Но ведь у хусей и у хуропаток тоже есть крылья!

Анг. Копуста – Вы рассуждаете как проф. Пермяков. Он и сторож Фадей на этом основании посадили меня в этот курятник.

*Мария Ивановна зевает и засыпает.
Ангел Копуста будит её.*

Ангел Пантоста – Мария Ивановна проснитесь. я вам доскажу свою мысль об осях.

Мария Ивановна

Со сна – Голубчик, голубочек, голубок. Не ко-сайся таких вопросов. Я жить хочу.

Ангел

Хартраста – Но всё таки, Мария Ивановна, я большой любитель пшена. Знаете оно попадает даже в навозе. Даже в навозе, честное слово!

Мар. Ив.

Сосна – Ну уж это нет! Фи донк! Назвос и пшённая каша!

Ангел Холбаста – Ничего-с Мария Ивановна. Хотя конечно смотря чей навоз. Лучше всего лошадиный. В нём знаете этого самого не-много, а всё больше вроде как-бы соломы. Коровий помёт это тоже ничего. Хотя он знаете очень вязкий. Вот собачий – тьфу! Сам знаю, что дрянь! И пшена тоже совсем нет. Но ем. Всё таки ещё ем. Но вот что косается...

Мария Ивановна

(затыкая уши) – Нечего сказать, ангел! Чего только не жрёт! Скажите вы может быть и блевотину едите.

– Как вам сказать, – начал было Ангел Хлампуста, но Мария Ивановна принялась так кричать и ругаться, что Ангел Хлемписта поскорей зажал свой рот рукой, но от быстроты движения не удержался на ногах и сел на пол.

Андрей же соломея дрынваку и сплюнув гасмакрел похурею вольностей и кульпа фафанаф штос палмандеуб.

глАвНабор

Мах
мамах
мамамах

---- леапие
леапие гае
леапие гае у

В.
Х.

Коршун глодал кость.
Земляк падал на землю.

мои
вои
кои
веди
дуи
буи
вее
ае
хие
сео
пуе
пляе
клёе
поко
плие
плёе
флюе
мое
фое
тое
нюня
тюпя
кёе
пёе
фюю
юю
пляю
кляю
кляс
кля па фео
пельсипао
гульдигрея

пянь
фокен, покен, зокен, мокен

Таким образом земляк вернулся на землю.

Утюгов (махая

примусом). Бап боп батурай!

обед прошёл благополучно.
Я съел одну тарелку супа
с укропом, с луком, со стрелой.
Да венигрет картофель с хреном
милой Тани мастерство
ел по горло. вышел с креном
В дверь скрывая естество
Когда еда ключом вскипает
в могиле бомбы живота
кровь по жилам протекает
в тканях тела зашита
румянцем на щеке горит
в пульсе пао пуо по
пеньди пюньди говорит
бубнит в ухе по по по
я-же слушаю жужжанье
из небес в моё окно
Это ветров дребезжанье
миром создано давно.
тесно жить. покинем клеть.
будем в небо улететь.

(машет примусом).

Небо нябо небоби
буби небо не скоби
кто с тебя летит сюда?
небанбанба небобей!
Ну ка небо разбебо

Хлебников

(проезжая

на коне) – пульси пельси пепопей!

Утюгов – Всадник что ты говоришь?
Что ты едишь?
Что ты видишь?
Что ты? Что ты –
всадник милый говоришь?
Мне холмов давно не видно
сосен, пастбищ и травы
может всадник ты посмотришь
на природу своим глазом
я как житель современный
не способен знать камня
травы, требы, труги, мхи
знаю только хи хи хи

Хлебников
(**проезжая**
на быке) – А ты знаешь небо утюгов?

Утюгов – Знаю небо – небо жесть
в жести части – счётом шесть.

Хлебников
(**проезжая**
на корове) – Это не небо
Это ладонь
крыша пуруша и светлый огонь.

Утюгов – О! мне небо надоело
оно висит над головой.
Протекает если дождик
сверху по небу стучит
Если кто по небу ходит
небо громом преисполненно
и кирпичные трясутся стены
и часы бьют не в попад
и льётся прадед пены
вод небесных водопад.
Однажды ветер шаловливый
унёс как прутик наше небо
люди бедные кричали
горько плакали быки.

Когда пастух глядел на небо
ища созвездие Барана
ему казалось буд-то рыбы
глotalи воздух.
Глубь и голубь одно в другое
превращалось.

Созвездье Лебеда несло
руль мозга памяти весло.
Цветы гремучие всходили
деревья тёмные качались.
Пастух задумался.

– Конечно, думал он , – я прав
случилось что-то.
Почему земля кругом похолодела?
и я дыхание теряю
и всё мне стало безразлично.
Сказал и лёг в траву.

– Теперь я понял, – прибавил он.
Пропало небо.

О небо небо, то в полоску
то голубое как цветочек
то длинное как камыши
то быстрое как лыжи.
Ну человечество! дыши!
Задохнемся, но всё же мы же
найдем тебя беглянку
не скроешься от нашей погони!
Сказал. И лёг в землянку
сложив молитвенно ладони.

Хлебников
(проезжая
на бумажке) – И что-же небо возвратилось?

Утюгов – Да, Это сделал я.
Я влез на башню
взял верёвку
достал свечу
поджёл деревню
открыл ворота
выпил море

Завёл часы
сломал скамейк<у>
и небо пятась по эфиру
тотчас-же в стойло возвратилось.

**Хлебников (скача
в акведуке)** – А ты помнишь: день-то хлябал.
А ты знаешь: ветром я был.

**Утюгов (размахи-
вая прмусом)** – Бап боп батурай!
Держите этого скакуна!
Держите он сорвёт небо!
Кокен, фокен, зокен, мокен!

Из открытых пространств слетал тихо земляк держа
под мышкой Лебедя.

Земляк подлетает к крышам. На одной из крыш стоит
женская статуя. Она хватает земляка и делает его тяжёлым.
Земляк смотрит в небеса, где он только что был.

Земляк – Вон ведь откуда прилетел!

**Утюгов
(высовываясь
из окна).** Вам не попадался скакун?

Земляк – А каков он из себя?

Утюгов – Да так знаете вот такой, с таким вот
лицом.

Земляк – Он скакал на карандаше?

Утюгов – Ну да да да – это он и есть! Ах, зачем
вы его не задержали! Ему прямая дорога
в Г. П. У. Он... я лучше умолчу. Хотя
нет, я должен сказать. Понимаете? я
должен это выговорить. Он, этот ска-
кун, может сорвать небо.

Земляк – Небо? Ха ха ха! и! е! м. м. м. Фо фо фо! гы гы гы. Небо сорвать! А? Сорвать небо! Фо фо фо! Это невозможно. Небо гы гы гы, не сорвать. У неба сторож, который день и ночь глядит на небо. Вот он! Громоотвод. Кто посмеет сорвать небо, того сторож проткнёт. Понимаете?

Утюгов – А что это ды держите под мышкой?

Земляк – Это птичка. Я словил её в заоблачных высотах.

Утюгов – Пойдите, да ведь это кусок неба!
Караул! Бап боп батурай!
Ребята держи его!

На зов Утюгова бежали уже Николай Иванович и Аменхотеп. Ибис в руках Николая Ивановича почувствовал облегчение, что никто не рассматривает его устройство под хвостом, и наслаждался ощущением передвижения в пространстве, так как Николай Иванович бежал довольно быстро. Ибис сощурил глаза и жадно глотал встречный воздух.

– Что случилось? Где! Почему?! – кричал Николай Иванович.

– Да вот, кричал Утюгов – этот гражданин спёр кусок неба и уверяет что несёт птицу.

– Где птица? что птица? – суетился Николай Иванович. – Вот птица! – кричал он тыча ибиса в лицо Утюгова.

Земляк-же стоял у стены, крепко охватив руками Лебеда и ища глазами куда-бы скрыться.

– Разрешите, – сказал Аменхотеп, я всё сейчас сделаю. Где вор? Вот ведь время-то. А? Только и слышешь что там скандал, тут продуктов не додали, там папирос нет. Я знаете-ли на Лахту ездил, так там дачники сидят в лесу и прямо сказать стыдно что там делается. Сплошной разврат.

– Кокен фокен зокен мокен! – не унимался Утюгов.–
Что нам делать с вором? Давайте его приклеем к стене.
Клей есть?

– А что с ним долго церемониться, – сказал проходящий мимо столяр сезонник похлёбывая на ходу одеклононец. – Таких бить надо.

– Бей! бай! Бап боп батурай! – крикнул Утюгов.

Аменхотеп и Николай Иванович двинулись на Земляка.

Власть – Клох прох манхалуа.
Опустить агам к ногам!

(Остановка). Покой. Останавливается свет. Все кто спал – просыпаются. Между прочим просыпается советский чиновник Подхелуков. (На лице акуратная бородка без усов). Подхелуков смотрит в окно. На улице дудит в рожок продавец керосина.

Подхелуков – Невозможно спать. В этом году нашестивие клопов. Погляди как бока накусали.

Жена Подхелукова (быстро сосчитав сколько у неё во рту зубов, говорит со свистом).

– Мне уики-сии-ли-ао.

Подхелуков – Почему-же тебе весело?

**Жена
Подхелукова
(обнимая
Аменхотепа).** – Вот мой любовник!

Подхелуков – Фу, какая мерзость! Он в одних только трусиках.
(подумав) – и весь потный.

Аменхотеп испуганно глядит на Подхелукова и прикрывает ладошками грудь.

Власть – Фы а фара. Фо. (берёт земляка за руку и уходит с ним на ледник).

На леднике, на леднике
морёл сидит в переднике.

КаХаваХа.

Власть говорит: мсан клих дидубей
Земляк поёт: я вижу сон.
Власть говорит: ганглау гех
Земляк поёт: по сон цветок.
Власть говорит: сворми твокуц
Земляк поёт: теперь я сплю
Власть говорит: опусти агам к ногам
Земляк лепече<t>: Лили бай.

Рабинович, тот который лежал под кроватями, который не мыл ног, который насиловал чужих жён, – открывает корзинку и кладет туда ребёнка. Ребёнок тотчас же засыпает и из его головы растёт цветок.

Кухивика.

Опять глаза покрыл фисок и глина.
мы снова спим и видим сны большого
млина.

*<24 июня> – 17 августа 1930 года.
Петербург.*

137

молвил Карпов: я не кит
в этом честь моя порука.
Лёг на печку и скрипит.
Карпов думал: дай помру-ка.
Лёг и помер. Стрекачёв
плакал: Карпов табуретка
то-то взвоят Псковичёв
над покойным. Это редко.

В ночи длинные не спится
вдовам нет иных мужей
череп к люльке не клонится
мысли бродит веселей.

Мысль вдовы: Вот люди
была я в ЗАГСЕ
но попала с черного крыльца на кухню.
А на кухне белый бак
кипятился пак пак.

<август 1930>

138

Двести бабок нам плясало
корки струха в гурло смотрели
тристо мамок лех воскинув
мимо мчались вососала
хон и кен и кур и по
всё походило на куст вербин
Когда верблюд ступает по доске
выгнув голову и четырнадцать рожек
а жена мохнаг фефила
жадно хлебает гороховый ключ
тут блещет муст.
пастух волынку
рукой солдатскою берёт
в гибких жилах чую пынку
дыню светлую морёт
дыня радостей валиса
гроб небес шептун земли
змезда выстрое колёса
пали в трещину
пали звёзды
пали камни
пали доги
пали веки
пали спички

пали бочки
пали великие цветочки.

волос каменного смеха
жир мечтательных полётов
конь бесдонного мореха
шут вороного боя
крест кожаных переплётов
живот роста птиц и мух
ранец Лилии жены тюльпана
дом председателя наших и ваших
всё похоже на суповую кость.

19 августа 1930 года.

139. Вечерняя песнь к имянем моим существующей

дочь дочери дочерей дочери Пе
дото яблоко тобой откусив тю
соблазняя Адама горы дото тобою любимая дочь
дочерей Пе.

мать мира и мир и дитя мира су
открой духа зерна глаз
открой берегов не обернутися головой тю
открой лиственнице со престолов упавших тень
открой Ангелами поющих птиц
открой въздыхания в воздухе рассеянных ветров
низзовущих тебя призывающих тебя
любящих тебя
и в жизни жёлтые находящих тю.

баня лицов твоих
баня лицов твоих
дото памяти открыв окно огляни
расположенное поодаль

сосчитай двигающееся и беспокойное
и отложи на пальцах неподвижные те
те неподвижные дото от движения

жизнь приняв
к движению рвутся и всё же в покое спут
или быстрые говорят: от движения жизнь
но в покое смерть

Начало и Власть поместятся в плече твоём
Начало и Власть поместятся во лбу твоём
Начало и Власть поместятся в ступне твоей
но не взять тебе в руку огонь и стрелу
но не взять тебе в руку огонь и стрелу
дото лестница головы твоей
дочь дочери дочерей дочери Пе.

о фы лилия глаз моих
Фе чернильница щёк моих
тпр ухо волос моих
радости перо отражения свет вещей моих
ключ праха и гордости текущей лонь
молчанию прибежим люди страны моей
дото миг число высота и движения конь.

об вольности воспоём сестра
об вольности воспоём сестра
дочь дочери дочерей дочери Пе
имянинница имяни своего
ветер ног своих и пчела груди своей
сила рук своих и дыхание моё
неудобозримая глубина души моей
свет поющий в городе моём
ночи радость и лес кладбища времён
тихостоящих
храбростью в мир пришедшая и жизни
свидетельница
приснись мне.

21 августа <1930>.

ляки страха гануе
 поляки бороды гану
 мевы лодочек пята
 бевы санок полео
 рѣх подруги феи фуи
 дням тусусы лепы хипы
 грех подруги феи дуи
 коням и птицам глаза протыкать
 нельзя-ли мне послушать ваши бредни?
 наши бредни
 злые мредни
 крепче пыни
 мельче дыни
 ярче камня
 длиннее собаки.
 нельзя ли подруги поцеловать ваши ноги?
 наши ноги не целуют
 ноги тайные места
 нас ласкают и целуют
 толь<ко> в плечи и в уста.
 поцелуйте если хотите ручку.
 Он смеётся шепчет: гага
 ручку ласково берёт
 и притопнув как бумага
 скачет весело вперёд.

<21–22 августа 1930>

141. Месть

писатели: мы руки сложили
 закрыли глаза
 мы воздух глотаем
 над нами гроза
 и птица орёл
 и животное лев
 и волны морёл
 мы стоим обомлев

апостолы: воистину бе
начало богов
но мне и тебе
не уйти от оков
скажите писатели
еф или Ка.

писатели: небесная мудрость
от нас далека.

апостолы: Ласки век
маски рек
баски бег
человек.

Это ров
это мров
это кров
наших пасбищь и коров.

Это лынь
это млынь
это клынь
это полынь.

писатели: Посмотрите посмотрите
поле светлое лежит
посмотрите посмотрите
дева по полю бежит
посмотрите посмотрите
дева ангел и змея.

апостолы: огонь
воздух
вода
земля.

фауст: а вот и я.

писатели: мы не медля отступаем
отступаем. наши дамы
отступают. и мы сами отступаем
но не ведаем куда мы

фауст: какая пошлость!
вот в поле дева.
пойду к ней.
Она в лево.
Дева стой!
Она в право
Ну какая она глупая право!

писатели: а вы деву поманите
погади ка погади ка
каво надо прогоните
уходи ка уходи ка.

фауст: мне свыше власть дана
я сил небесных витязь
а вы писатели уркекад сейче!
растворитесь!

писатели: мы боимся мы трясемся
мы трясемся мы несемся
Мы несемся и трясемся
но вдруг ошибемся.

фауст: я поглядев на вас нахмурил брови
и вы почуяли моё кипенье крови
смотрите сукины писатели
не пришлось-бы вам плясать ли
на расколённой плите.

писатели: мы те те те те те те
те теперь всё поняли
почему вы так свирепы
не от нашей вони-ли?

фауст: что-с?
да как вы смеете меня за нюхателя
считать?
идите вон. умрите.
а я останусь тут мечтать
один о Маргарите.

писатели: мы уходим мы ухидем
мы ухудим мы ухядем
мы укыдим мы укадем
но тебе бородатый колдун здорово
нагадим.

фауст: я в речку кидаюсь
но речка шнурок
за сердце хватаюсь
а сердце творог
Я в лампу смотрюся
но в лампе гордон
я ветра боюся
но ветер картон.
Но ты Маргарита
ни ни и не не
как сон Маргарита
приходишь ко мне
усы молодые
колечками вьются
и косы золотые
потоками льются
глаза открывают
небесные тени
и взглядом карают
и жгут и летени
стою к Маргарите
склоняя мисон
но ты Маргарита
и призрак и сон.

Маргарита: в легком воздухе теченье
столик беленький летит
ангел пробуя печенье
в нашу комнату глядит
милый Фридрих Фридрих милый
спрячь меня в высокий шкаф
что бы чорт железной вилой
не пронзил меня куда б
встань послушный встань любезный

двери камнем заложи
чтобы чорт водой железной
не поймал мои ножи
для тебя покинув горы
я пришла в одном платке
но часы круглы и скоры
быстры дни на потолке
мы умрём. потухнут перья
вспыхнут звёзды там и тут
и серьезные деревья
над могилой возрастут.

фауст: что слышу я?
как буд то бы фитиль трещит
как буд то мышь скребёт
как буд то таракан глотает гвоздь
как буд то мой сосед
жилец судьбою одинокий
рукой полночной шарит спичку
и ногтем сволочь задевает
стаканы полные воды
потом вздыхает и зевает
и гладит кончик бороды
иль это облаками окружённая
сова сном сладким поражённая
трясти крылами начала
иль это в комнате пчела
иль это конь за дверью ржёт
коня в затылок овод жжёт
иль это я в кофтани чистом
дышу от старости со свистом

Маргарита: над высокими домами
между звёзд и между трав
ходят ангелы над нами
морды сонные задрав
выше стройны и велики
воскресая из воды
лишь архангелы владыки
садят Божие сады

там у Божьего причала
(их понять не в силах мы)
бродят светлые Начала
бестелесны и немы

апостолы: выше спут Господни Власти
выше спут Господни Силы
Выше спут одни Господства
мы лицо сокроем княз
ибо формы лижут Власти
ибо гог движенья Силы
ибо мудрости Господства
<в дыры неба ускользают>
радуйтесь православные
языка люди
хепи дадим дуб Власти
хепи камень подарим Силе
хепи Господству поднесём время
и ласковое дерево родным тю

бог: куф куф куф
Престол гелинеф
Херуф небо и земля
Сераф славы твоя

фауст: я стою
в дали в близи
лоб в огне
живот в грязи
летом жир
Зимою хлод
в полдень чирки
кур кир кар
льётся время
спит арон
стонут братья
с трёх сторон
летом жир
зимою хлод

в полдень чирки
кур кир кар
вон любовь
бежит груба
ходит бровь
дрожит губа
летом жир
зимою хлод
в полдень чирки
кур кир кар
я пропал
среди наук
я комар
а ты паук
летом жир
зимою хлод
в полдень чирки
кур кир кар
дайте ж нам
голов кору
ноги суньте
нам в нору
летом жир
зимою хлод
в полдень чирки
кур кир кар
маргаритов
слышен бег
стройных гор
и гибких рек
летом жир
зимою хлод
в полдень чирки
кур кир кар

апостолы: мы подъемлем бронь веков
ландыш битвы рать быков

писатели: небо тёмное стоит
птицы ласточки летят
колокольчики звенят.

фауст: вспомним старцы Маргариту
пруд волос моих, ручей
Ах увижу-ль Маргариту
кто поймет меня?

апостолы: свечей
много в этом предложеньи
сабель много но зото
нет ни страха ни движенья
дай тарелку.

фауст: гато-
во Олег трубит
собаки
хвисты по ветру несут
львы шивелятся во мраке.
где кувшин – вина сосуд?

писатели: в этом маленьком сосуде
есть и проза и стихи
но никто нас не осудит
мы и скромны и тихи.

фауст: Я прочитал стихи
прелест<n>o

писатели: благодарим.
нам очень лестно

фауст: Стихи прекрасны и певучи.

писатели: ах бросте
это слов бессмысленные кучи

фауст: Ну правдо
есть в них и вода
но смыслов бродят сонные стада
любовь торжественно воспета
вот например стихи:
«в любви друзья куда ни глянь
всюду дрынъ и всюду дрянъ»

слова сложились как дрова
в них смыслы ходят как огонь
посмотрим дальше, вот строфа:

«к дому дом прибежал
громко говоря
чей-то труп в кровати лежал
возле фанаря
а в груди его кинжал
вспухнул как слюда
я подумал – это труп
и бросая дым из труб
я пришёл сюда»

Это смыслов конь.

писатели: мы писали сочиняли
рифмовали кормовали
пермадули гармадели
фои фари поги гири
магафори и трясли

фауст: Руа рео
кио лау
кони фиу
пеу боу
мыс мыс мыс
вам это лучше известно.

22–24 августа <1930>

142. «Друг за другом»

К нам в редакцию пришел человек в мохнатой шапке,
в валеных сапогах и с огромной папкой под мышкой.

– Что вам угодно? – спросил его редактор.

– Я изобретатель. Моя фамилия Астатуров, – сказал
вошедший. – Я изобрел новую детскую игру. Называется
она «Друг за другом».

– Покажите, – сказал редактор.

Изобретатель развернул папку, достал из нее картон и разложил его на столе. На картоне было нарисовано 32 квадрата: 16 желтых и 16 синих. Изобретатель достал из папки 8 картонных фигурок и поставил их перед доской.

– Вот, – сказал изобретатель, – видите восемь фигурок: четыре желтых и четыре синих. Называются они так: первая фигура изображает корову и называется «корова».

– Простите, – сказал редактор, – но ведь это не корова.

– Это не важно, – сказал Астатуров. – Вторая фигура – самовар и называется «врач», желтые и синие фигуры совершенно одинаковы.

– Позвольте, – сказал редактор, – но желтый врач совсем не похож на синего.

– Это не важно, – сказал Астатуров, – сейчас я вам объясню, как надо играть в эту игру. Играют двое. Сначала они расставляют фигуры по местам. Желтые фигуры на желтые квадраты, синие – на синие.

– Что же дальше? – спросил редактор.

– Дальше, – сказал Астатуров, – игроки начинают двигать фигуры. Первый – желтый самовар, второй – синий самовар. Постепенно фигуры идут навстречу друг другу и, наконец, меняются местами.

– А что же дальше? – спросил редактор.

– Дальше, – сказал Астатуров, – фигуры идут обратно в том же порядке.

– Ну и что же? – спросил редактор.

– Всё, – торжествующе сказал Астатуров.

– Поразительно глупая игра, – сказал редактор.

– То есть как глупая? – обиделся изобретатель.

– Да к чему же она? – спросил редактор.

– Для времяпровождения, – сказал изобретатель Астатуров.

Мы не выдержали и рассмеялись.

– Смейтесь, – сказал Астатуров, сердито собирая со стола фигуры и доску, – и без вас обойдусь. Пойду в Комитет по делам изобретений.

Астатуров хлопнул дверью и вышел.

– Товарищи, – сказал редактор, – хорошо бы сходить кому-нибудь из нас в Комитет по делам изобретений. Надо думать, что среди очень ценных изобретений попа-

даются и смешные. Ведь мы можем дать в журнал рассказ о таких же веселых изобретателях, как изобретатель Астауров. Кто хочет идти?

– Я, – сказал я.

– Так идите же скорей, сейчас же, – крикнул редактор. – Кстати, узнайте об изобретателях вообще.

Я пришел в Комитет по делам изобретений при ВСНХ. Меня провели к сотруднику патентного отдела.

– Что вам угодно? – спросил сотрудник патентного отдела.

– Мне бы хотелось узнать, что надо изобретателю, чтобы делать значительные и полезные изобретения, – сказал я.

– Раньше всего, – сказал сотрудник, – давайте решим, что мы будем считать полезным и значительным изобретением, – с этими словами он порывлся в кипе бумаг, которые лежали по всей комнате, достал две бумажки и сказал:

– Я прочту вам две заявки на изобретения, поданные двумя изобретателями. Выслушайте их и скажите, какое из этих изобретений для нас более важное и полезное.

Я сел и приготовился слушать.

– Вот, – сказал сотрудник, – первое изобретение: изобретатель Лямзин. Изобретение называется «Солнцетермос»*. Изобретение состоит вот в чем: «два шара из стекла, один внутри другого, помещаются на высокой мачте. Устройство дает на весь мир ослепительный свет, от которого можно укрыться только плотными шторами». Теперь слушайте второе изобретение. Изобретатель Серебряков. Он изобрел способ производства картона из отбросов бумаги, опилок, древесной коры и мха.

– Конечно, – сказал я, – важнее и полезнее «Солнцетермос».

– Вы ошибаетесь, – сказал сотрудник. – Изобретение Серебрякова для нас и важнее и полезнее «Солнцетермоса».

– Почему? – удивился я.

---

* Все указанные изобретения действительно были поданы в Комитет по делам изобретений при ВСНХ. № заявки на «Солнцетермос» 2767 (Примеч. автора).

– Очень просто, – ответил сотрудник. – «Солнцетермос» может быть и замечательная штука, но, во-первых, – оно не осуществимо, так как оно совершенно не подтверждено наукой, а во-вторых, оно нам сейчас и не нужно вовсе, тогда как производство картона из отходов, если оно будет применено во всей бумажной промышленности, даст нам в год 23 миллиона рублей экономии, или – такое незначительное на вид изобретение, как золотник для паровоза, изобретенный Тимофеевым, даст нам в год экономии в пять миллионов рублей.

– Что же надо изобретателю, – сказал я, – чтобы дать полезные и нужные изобретения?

– Во-первых, – сказал сотрудник патентного отдела, – изобретателю надо много учиться. Мы часто видим у изобретателей стремление разрешить крупные задачи без достаточной для этого научной подготовки. – Во-вторых, – продолжал сотрудник, – изобретатель должен знать все, что сделано в его области до него, не то он может запоздать со своим изобретением лет на 50. Один изобретатель изобрел двухконечные спички, которые можно зажигать с двух концов. Изобретатель имел благую цель – экономию древесного материала. Но его труды пропали даром.

– Почему? – спросил я.

– Потому что такие спички изобрели уже в Германии 20 лет тому назад, – ответил сотрудник. – В-третьих, всякое изобретение должно быть экономно. Один человек изобрел способ механической разводки пилы. Способ сложный и дорогой. А к чему он? Разводка пилы от руки и проще, и удобней, и дешевле. Наконец, всякое изобретение должно быть разумно. К нам в год поступает свыше 20 000 заявок на изобретения. Среди очень ценных и полезных изобретений попадаетея немало изобретений вздорных и нелепых.

– Вот как раз это второе, о чем я хотел вас расспросить, – сказал я сотруднику патентного отдела.

– Кое-что я вам могу рассказать, – сказал сотрудник, – слышали вы о таком Мясковском?

– Нет, – сказал я, – не слышал.

– Замечательный человек этот Мясковский, – сказал сотрудник, – к нам от него поступает множество бесполезных и нелепых изобретений. Вот одно из них.

Сотрудник порылся в папках, нашел бумажку и прочел: «Зонтик для работающих в поле. Делается он так: на деревянные стойки натягивается полотно. Стойки ставятся на колеса. Ты работаешь на поле и по мере работы на другом месте передвигаешь за собой палатку».

– Да зачем же это надо? – спросил я.

– То-то и оно-то, что не надо, – сказал сотрудник. – А вот вам изобретение другого такого же изобретателя: «способ раскроя платья: животное (изобретатель, по-видимому, подразумевает шкуру убитого животного) рубят на две части. Срезывается шея и хвост и получаются два пиджака. Один из них со стоячим воротником». Портных не надо, – сказал сотрудник, – а вот вам новый способ самосогревания.

– Какой же это способ, – спросил я.

– Способ простой, – ответил сотрудник, – проще быть не может.

Он достал другую бумажку и прочел: Способ самосогревания: дыши себе под одеяло, и тепло изо рта будет омывать тело. Одеяло же шей в виде мешка.

Я захохотал.

– Это еще что, – сказал сотрудник, улыбаясь, – тут нам один человек принес способ окраски лошадей.

– Зачем же их красить, – спросил я.

– Ясно, что ни к чему, – сказал сотрудник, – но вы послушайте способ окраски: «чтобы окрасить лошадь в другой цвет, надо связать ей передние и задние ноги и опустить ее в чан с кипяченым молоком».

Я хохотал на всю комнату.

– Подождите, – крикнул сотрудник, – вы прочтите вот это объявление из американской газеты. Оно перепечатано в советском журнале «Изобретатель».

Я взял журнал и прочел следующее. «Ново! Небывало! Необходимо всем и каждому! Прибор, помещающийся на голове, при помощи которого шляпа снимается автоматически. Достаточно небольшого наклона головы, чтобы шляпа приветственно поднялась вверх. Незаменимо, когда обе руки заняты чемоданами».

Едва я успел дочитать до конца, как в комнату ворвался человек.

– Я опять к вам, – крикнул он сотруднику патентного отдела.

На лице сотрудника выразился испуг. Я оглянулся и увидел человека в мохнатой шапке, в валеных сапогах и с огромной папкой под мышкой. Я сразу узнал его – это был Астатуров. Но Астатуров, не замечая меня, подлетел к столу, разложил лапку и крикнул:

– Я изобрел новую детскую игру «Друг за другом». Хочу получить на нее патент. Сейчас я вам ее покажу.

– Да это и не надо, – сказал сотрудник. – Вы подайте заявку на патент и напишите объяснение.

Но Астатуров не слушал сотрудника, он уже расставил фигуры по местам и объяснял.

– Первая фигура изображает корову и называется «корова». Вторая – самовар и называется «самовар», третья – паровоз и называется «паровоз», четвертая человека и называется «врач».

– Хорошо, – сказал сотрудник, – но вы подайте письменное заявление.

Астатуров продолжал.

– Игроки начинают играть: первый игрок передвигает желтую корову, второй передвигает синюю, первый – желтый самовар, второй – синий... Постепенно фигуры идут навстречу друг другу, и, наконец, меняются местами...

– Да вы подайте же заявление, – перебил Астатурова сотрудник патентного отдела.

– Слушайте дальше, – кричал Астатуров, – переменявшись местами, фигуры идут обратно в том же порядке.

– Ну и что же? – спросил сотрудник.

– Всё, – торжествующе сказал Астатуров.

– Да какая же это игра? – сказал сотрудник патентного отдела. Но тут я не выдержал и рассмеялся.

– Смеетесь, – крикнул Астатуров, – и без вас обойдусь.

Он схватил свою шапку и выбежал из комнаты. Я кинулся следом за ним. Астатуров промчался по двум-трем улицам, и я видел, как он завернул в большой магазин детских игрушек.

Я постоял немного на улице, а потом не вытерпел и заглянул в магазин.

Астатуров стоял перед прилавком и говорил:

– Третья фигура паровоз и называется «паровоз», четвертая – человек и называется «врач».

1930

143

лоб изменялся
рог извивался
лоб кверху рос и лес был нос
и рог стал гнуться
рог стал гнуться
стал гнуться
а лоб стал шире и кофа был гриб
а рог склонялся
из прямого стал кривым
чем выше и шире лоб
тем кривее рог
и что бы это значило
что рог стал кружочком
а лоб стал мешочком
Ау! Ау! лоб очень высокий
и рог сосал его жевительные соки.

22 октября 1930 года.

Д. Х.

144

Где-ж? Где-ж? Где-ж? Где-ж?
Полубог и полуплешь?
Ой люди не могу!
Полубог и полуплешь!

Ты-с Ты-с Ты-с Ты-с
хоть и жид, а всё-же лыс

Ой люди не могу
хот и жид, а всё-же лыс

Их! Их! Их! Их!
тоже выдумал жених!
Ой люди не могу
тоже выдумал жених!

Ты-б Ты-б Ты-б Ты-б
лучше б ездил на балы б
Ой люди не могу
лучше-б ездил на балы-б

Там-с Там-с Там-с Там-с
Забавлял-бы плешью дам-с
Ой люди не могу
Забавлял-бы плешью дам-с.

Мы-ж Мы-ж Мы-ж Мы-ж
все же знаем что ты рыж
Ой люди не могу
все-же знаем что ты рыж

Мне ж Мне ж Мне ж Мне ж
Надоела полуплешь
Ой люди не могу
Надоела полуплешь

9 ноября 1930 года

145. Радость

Мыс Афилай – не скажу что
и в чём отличие пустого разговора
от разговора о вещах текучих
и даже лучше о вещах того рода
в которых можно усмотреть
причину жи<з>ни времени и сна.
Сон – это птица с рукавами

А время – суп высокий, длинный и
широкий
А жизнь – это времени нога
Но не скажу что можно говорить
об этом
и в чём отличие пустого разговора
от разговора о причине
сна, времени и жизни.
Да время – это суп кручины
А жизнь – дерево лучины
А сон пустыня и ничто.
Молчите.
в разговоре хоть о чём ни будь
всегда присутствует желание
сказать хотя бы что ни будь
И вот в корыто спрятав ноги
воды мутные болтай
мы весёлые как боги
едем к тёте на Алтай.

Тётя – Здравствуй здравствуй
пустьша пегий
уж не ты-ли путник тут
хучешь буквам абевеги
из чернил приделать кнут.
Я старуха ты плечо
я прореха ты свеча
то то будет горячо
поли в ухо моряча

Мыс Афилай – Не вдавайтесь
а вдавайтесь
не пугайтесь
а пугейтесь
всё настигнет естега
есть и гуки и снега.

Тётя – Ну ползи за воротник
ты рудник и ты крутник.

Мыс Афилай – А ты тётя не хиле
ты микука на хиле.

Тётя – врозь и прямо и все дней
мокла радости видней
хоть и в Библи был потоп
но не тупле а в котоп

Мыс Афилай – Хваду глевла говори
что сказали главари
медень в оципе галдай
или гландие отгада

Тётя – Я старуха без очков
не видать мне пяточков
вижу в морде бурачѣк
ну так значит пятачѣк.

Мыс Афилай – ты старуха не вилай
коку маку не верти
покажу тебе гуляй
будешь киснуть в заперти
Где контыль? и где монтыль?
где двудлинная мерла?

Тётя (трясаясь) – Ойде люд и не бундыль
я со страху померла.

Мыс Афилай
(доставая

карандаш) – Прочь прочь прочь О
отойди
тётя радости река
на зем вилы поклади
пожалейте моряка.

Тётя – Ты не ври и не скуври
вижу в шиле шушность я
ты мой дух не оскверни
потомучто скушность я.

Мыс Афилай – Потому что скушность я.

Тётя – Е еда мне ни к чему
ешь и ешь и ешь и ешь

ты подумай почему
всё земное плешь и греш

Мыс Афилей
(подхватывая) – Это верно плешь и греш
когда спишь тогда не ешь
когда еш тогда не спишь
когда ходишь, то гремишь.
а гремишь так и бежишь
но варенье не еда
сунешь ложку в рот, гляд<и>шь
надо сахару.
Беда!

Тётя – Ты гордыни печенек
полон ласки полон нег
приласкай меня за грудь
только сядем где ни будь.

Мыс Афилей – Дай мне руку и цветок
Дай мне зубки и свисток
Дай мне ножку и графин
Дай мне брошку и парафин.

Тётя – Ляг и спи и види сон
бод то в поле ходит слон
нет не слон, а доктор Булль
он несёт на палке нуль
только это уж не по
уж не поле и не ле
уж не лес и не балко
не балкон и не чепе
не чепец и не свинья
Только ты, да только я.

Мыс Афилей – Ах как я рад и счастлив
тётя радости река
тётя слива между слив
пожалейте моряка.

Тётя – Ну влепи мне поцелуйчик
прямо в соску и в ноздрю

мой бубенчик херувимчик
на коленки посади
с боку шарь меня глазами
а руками позади.

Мыс Афилай – Это тётя хм чудная
осенила тебя мысль
Что ты смотришь как Даная
мне в глаза ища блаженство
что твердишь ты мне «одна я
для тебя пришла с вершины
Сан-Бернара тыффу! Алтая
принесла тебя аршины».

Тётя – Ну аршины так аршины
Ну с вершины так с вершины
дело в том что я нагая.
Любит кто тебя другая?

Мыс Афилай – Да другая и получше
и получше и почище
посвежей и помоложе

Тётя – Боже! Боже! Боже! Боже!

Мыс Афилай
(переменив
носки) –

Ты сама пойми я молод
молод свеж, тебе не пара
я ударю буд то молот
я дышу и много пара.

Тётя – Я одна дышу как рота
но в груди моей мокрота
я ударю как машина
куб на вылет в пол аршина.

Мыс Афилай – Верно вижу ты упряма
тётя радости река
тётя мира панорама
пожалейте моряка.

Тётя – Погляди ведь я рыдая
на коленях пред тобой
я как прежде молодая
с лирой в пальцах и трубой.

Мыс Афилей
(прыгая
от счастья) – То-то радости поток
Я премудрости моток!

11 ноября <1930>

146

Фадеев Калдеев и Пепермалдеев
однажды гуляли в дремучем лесу
Фадеев в цилиндре Калдеев в перчатках
А Пепермалдеев с ключом на носу

Над ними по воздуху сокол катался
в скрипучей тележке с высокой дугой
Фадеев смеялся, Калдеев чесался
а Пепермалдеев легался ногой

Но вдруг неожиданно воздух надулся
и вылетел в небо горяч и горяч
Фадеев подпрыгнул Калдеев согнулся
А Пепермалдеев схватился за ключ

Но стоит ли трусить подумайте сами
Давай мудрецы танцовать на траве
Фадеев с кардонкой Калдеев с часами
а Пепермалдеев с кнутом в рукаве

И долго весёлые игра затеяв
пока не проснутся в лесу петухи
Фадеев Калдеев и Пепермалдеев
смеялись хаха, хохохо, хи-хи-хи!

18 ноября 1930 года.

147. Баронесса и Чернильница

Бобров (*указывая на Христофора Колумба*) – Христофор Колумб.

Хр. Колумб (*указывая на Боброва*) – Бобров.

Бобров – Если вас интересует моё воспитание, то я скажу. Я скажу.

Христофор Колумб – Да да, скажите пожалуйста.

Бобров – Вот я и говорю. Что мне скрывать.

Христофор Колумб – Очень, очень интересно!

Бобров – Ну вот я скажу так: моё воспитание было како? Приютское.

Хр. Колумб – Приютское.

Бобров – Да вы не даёте мне говорить.

Христофор Колумб – Ах, пожалуйста, пожалуйста.

Бобров – Меня отец отдал в приют. А. (*держит рот открытым. Христофор становится на ципочки и заглядывает в рот Боброву*).

Бобров – впрочем, я торговец (*Христофор отскакивает*).

Христофор Колумб – Мне мне было интересно только посмотреть что у вас там... м... м...

Бобров – Так с. Я значит учился в приюте и влюбился в баронессу и в чернильницу.

Христофор Колумб – Неужели вы влюбились!

Бобров – Не мешай. Да влюбился!

Христофор Колумб – Чудеса.

Бобров – Не мешай. Да чудеса.

Христофор Колумб – Как это странно.

Бобров – Не мешай. Да это странно.

Христофор Колумб – Скажите пожалуйста!

Бобров – Если ты, Христофор Колумб, ещё что ни будь скажешь...

Сцена быстро меняется.

Бобров сидит и ест суп.

Входит его жена в одной рубашке и с зонтом.

Бобров – Ты куда?

Жена – Туда.

Бобров – Куда туда?
Жена – да вон туда.
Бобров – Туда или туда?
Жена – Нет, не туда, а туда.
Бобров – А что?
Жена – Как что?
Бобров – Куда ты идешь?
Жена – Я влюбилась в Баронессу и Чернильницу.
Бобров – Это хорошо.
Жена – Это хорошо, но вот Христовор Колумб засунул в нашу кухарку велосипед.
Бобров – Бэдная кюхаркю.
Жена – Она бедная сидит на кухне и пишет в деревню письмо, а велосипед так и торчит из неё.
Бобров – Да да. Вот это случай. Я помню у нас в приюте в 1887 году был тоже. Был у нас учитель Так мы ему натерли лицо скипидаром и положили в кухне под стол.
Жена – Боже, да к чему-же ты это говоришь?
Бобров – А то ещё был случай.

Выходит Колбасный Человек.

<11–30 ноября 1930>

148

Аларих: четыре дня над Римом летал пророк.
и двести тысяч кельтов через Альпы
вёл под уздечку Радагес.
Я видел гибель Стилихона, он
в бездну друг скакал на стуле
за ним Евхерий в бездну падал
неся в руках железный крест.
Я под сосной лежал на мху
в лесу шакал кричал ху ху!
Рим снился мне
в кругу зелёных опахал.
Сам император на коне
в бобровой шляпе хохотал

и я во сне подумал: проше
его убить. Какой нахал
и я проснулся в дикой роще
и как безумный хохотал

Готы:

30 ноября 1930 года

149

всякую мысль оставь
всякое дело забудь
мир от тебя отвернётся
мы-же на помощь придём.

<Ноябрь 1930>.

150

Ревекка Валентина и Тамара
Раз два три четыре пять шесть семь
Совсем совсем три грации совсем

Толстушка, Коротышка и Худышка
Раз два три четыре пять шесть семь
Совсем совсем три грации совсем!

Ах если б обнялись они, то было б
Раз два три четыре пять шесть семь
Совсем совсем три грации совсем

Но если бы и не обнялись-бы они то
Раз два три четыре пять шесть семь даже так
Совсем совсем три грации совсем.

<Ноябрь 1930>

был он тощ высок и строен
взглядом женщин привлекал
ел по-барски и порой он
изумительно икал.

ну она была попроще
тоже стройна и тонка
духом немка, с виду мощи
ростом в верх до потолка.

раз в писательской столовой
две склонились головы
подовившись лбом коровы
оба умерли увы.

но забыть они могли ли
друг про друга? Это вра-
ки! Покойники в могиле
оба встретились Ура

Тут она сказала: Боже
как покойник пропищав
и в могиле ты всё тоже
так-же гнусен и прыщав

он ответил зеленея:
дух свободен от прыщей
ты-же стала лишь длиннее
и глупея и тощей.

Но она сказала: Знаешь
будь рябым и будь немым
будь бесплотным понимаешь
ты мне душка м м м

О! вскричал он. Ты мне душка!
Что за чудный оборот!

Ты царица! ты индюшка
«Аромат» наоборот!

<Ноябрь 1930>

152

Неужели это фон
Пантелей сказал угрюмо
неужели это пон

Каблуков сказал увы
на плечах его висело
три десятых головы

Пантелей вскричал урча
не губите этот ландыш
я племянник сюргуча

я висел прибит к волам
те паслись на Москворечьи
вдруг жестянка пополам

О промолвил Каблуков
сунув лампу под кровать
я конечно не таков

Густо кругло полно врать
всё похоже на ковыль
прокричала громко мать.

Каблуков сказал увы
на плечах его висело
три десятых головы.

Тут вошла его жена
с петухом на подбородке
в сапоги наряжена

Каблуков сказал ги ги
ты не думай о платенцах
ты себя побереги

за окошком хлопал ветер парусин
в это время из комода
вышел заяц керосин

Пантелей сказал пупу
под ногами Пантелея
все увидели крупу

Каблуков сказал увы
на плечах его висело
три десятых головы

мать воскликнула ва ва
вместо рук её болтались
голубые рукава.

А жена сказала хом
все увидели внезапно
подбородок с петухом.

Ноябрь <1930>

153. Врун

Вы знаете?
Вы знаете?
Вы знаете?
Вы знаете?

Ну, конечно, знаете!
Ясно, что вы знаете!

Несомненно,
Несомненно,
Несомненно знаете!

Нет! нет! нет! нет!
Мы не знаем ничего,
Не слышали ничего,
Не слышали, не видали
И не знаем
Ничего!

А вы знаете, что у?
А вы знаете, что па?
А вы знаете, что пы?
Что у папы моего
Было сорок сыновей.
Было сорок здоровенных
И не двадцать
И не тридцать,
Ровно сорок сыновей!
Ну! ну! ну! ну!
Врешь! врешь! врешь! врешь!
Еще двадцать,
Еще тридцать,
Ну еще туда-сюда,
А уж сорок,
Ровно сорок –
Это просто ерунда!

А вы знаете, что со?
А вы знаете, что ба?
А вы знаете, что ки?
Что собаки-пустолайки
Научились летать?
Научились, точно птицы,
(Не как звери,
Не как рыбы)
Точно ястребы летать!
Ну! Ну! Ну! Ну!
Врешь! Врешь! Врешь! Врешь!
Ну, как звери,
Ну, как рыбы,
Ну еще туда-сюда,
А как ястребы,

Как птицы,
Это просто ерунда!

А вы знаете, что на?
А вы знаете, что не?
А вы знаете, что бе?
Что на небе
Вместо солнца
Скоро будет колесо?
Скоро будет золотое,
(Не тарелка,
Не лепешка),
А большое колесо!
Ну! Ну! Ну! Ну!
Врешь! Врешь! Врешь! Врешь!
Ну, тарелка,
Ну, лепешка,
Ну, еще туда-сюда,
А уж если колесо –
Это просто ерунда!

А вы знаете, что под?
А вы знаете, что мо?
А вы знаете, что рем?
Что под морем-океаном
Часовой стоит с ружьем?
Часовой стоит под морем
(Не с дубиной,
Не с метелкой),
А с заряженным ружьем!
Ну! Ну! Ну! Ну!
Врешь! Врешь! Врешь! Врешь!

Ну, с дубиной,
Ну, с метелкой,
Ну, еще туда-сюда,
А с заряженным ружьем –
Это просто ерунда!

А вы знаете, что до?
А вы знаете, что но?

А вы знаете, что са?
Что до носа
Ни руками,
Ни ногами
Не достать,
Что до носа
Ни руками,
Ни ногами
Не доехать,
Не допрыгать,
Что до носа
Не достать!
Ну! Ну! Ну! Ну!
Врешь! Врешь! Врешь! Врешь!
Ну, доехать,
Ну, допрыгать,
Ну, еще туда-сюда,
А достать его руками –
Это –
Просто
Ерунда!

Даниил Хармс
1930

154

Кулундов: Где мой чепец? Где мой чепец?

Родимов: Надменный конь сидел в часах

Кулундов: Куда затылком я воткнушь?

Родимов: За ночью день, за днём сестра.

Кулундов: Вчера чепец лежал на полке
Сегодня он лежал в шкапу

Родимов: Однажды царь, он в трёхуголке
гулял по Невскому в плаще.

Кулундов: Но где чепец?

Родимов: И царь смеялся
когда машинку видел он
в кулак торжественный смеялся
царицу зонтиком толкал.

Кулундов: Чепец в коробке!

Родимов: Царь хранил
своё величье вековое
Сафо двумя пальцами курил
пуская дым.

Кулундов: А? Что такое?
Скажите, где мой шарф?

Родимов: Скакал извозчик.
Скакал по правой стороне.
Кричал царю: сойди с дороги
не то моментом задавлю!
Смеялся царь склоняясь к царице.

Кулундов: Простуда в горло попадёт
поставлю вечером горчичник.

Родимов: И крикнул царь: какой болван!
На мне тужурка из латуни
а на царице календарь.
Меня так просто не раздавишь
царицу санками не сдвинешь
и в доказательство мы ляжем
с царицей прямо под трамвай.

Кулундов: Потом советую, сам-друг Кулундов
одень шерстяную рубашку.
На двор Кулундов не ходи
но поцелуй свою мамашку.

Мамаша: Нет, нет, избавь меня Кулундов.

Родимов: И вот вздымая руки к небу
царь и царица на рельсы легли
и взглядом и пушкой покорны Канебу
большие солдаты царя стерегли.
Толпа на Невском замерла
неслась милиция скачками
но птица в воздухе стрела
глядела чудными зрачками.
Царь встал.
Царица встала.
все вздохнули.
Царь молвил: накось выкуси!
Царица крикнула: мы победили!
Канеб сказал: мы льнём к Руси.
в дали солдаты уходили.
Но вдруг извощик взял и ударил
кнутом царя и царицу по лицу.
Царь выхватил саблю
и с криком: смерть подлецу!
пустился бегом по Садовой.
Царица рыдала. Шумела Нева.
Народ волновался на битву готовый.

Кулундов: Ну прощайте мамочка
я пошёл на Карповку.

Мамаша: Два поклона дедушке.

Кулундов: Хорошо, спасибочки.

Родимов (один): Да, министр Пуришкевич
был однажды на балу
громко музыка рычала
врали ноги на полу.
дама с голыми плечами
извивалась колбасой
генерал для развлечения
шлёпал пятками босой.
Царь смеялся над царицей,
заставлял её в окно
для потехи прыгнуть птицей
или камнем всё равно.

Но царица для потехи
в руки скипитор брала
и колола им орехи
при помощи двухголового орла.

Голова
на двух ногах

(входя): Родимов ты заврался.
Я сам бывал на вечеринках
едал индеек в ананасах
видал полковника в лампасах.
Я страсть люблю швырять валета,
когда летит на встречу туз
когда сияет эполета
и над бокалом вьётся ус.
Когда смугла и чернوبرова
к тебе склоняется княжна
на целый мир глядя сурово
С тобой как с мальчиком нежна.
Люблю когда зарю почуя
хозяин лампу тушит вдруг
и гости сонные тоскуя
сидят безмолвные вокруг.
Когда на улице светая
летают воздуха одни
Когда проходит ночь пустая
и гаснут мёртвые огни.
Люблю Родимов! Нет спасенья!
В спасенье глупые слова!
Вся жизнь только воскресенье!

Родимов: Молчи пустая голова!

Аларих,
готский король: видел я в долинах Рога
мчался грозный Ахерон
он глядел умно и строго
точно ехал с похорон
то долина то гора
пролетали над водой
то карина то мара
с боку хвостик золотой

Бог глядел в земную ось
всё как суп во мне тряслось
вся шаталась без гвоздей
геометрия костей.
тут открылся корридор
взвился дубом нашатырь
мне в лицо глядел кондор
тучи строгой поводырь
Эй душа колпак стихов
разом книги расплоти
сто простят тебе грехов
только в точку попади
Ну Родимов дай ладонь!

Родимов: На ладони скачет конь.

<13 декабря 1930>

155. Гвидон

Гвидон

ликует серна,
бежит ручей.
твоих безмерно
больших очей
мне мил и дорог
шутливый взгляд
твоих желаний морок
упрямой Лизы
твоё молчанье твои капризы
меня не разозлят

Лиза

одна первушка
в лесу жила
со мной шутила
и в чашу плотную звала
ноги в камнях спотыкать
мне не хотелось там скакать

я чуть слышно лепетала:
мне бы лапки не стереть
я под елкой трепетала
мокрых сосен посередеь
худо в чаще мне гулять
ножки быстро заболят
туман в голову заберётся
душа к небу оторвётся

Гвидон

сосны скрипят
липы скрипят
воздух гардон
ветер картон
треплет шинель
крутится ель
падает снег
логово нег
Мысли коня
входят в меня
вносят аршин
кнут и кувшин
в упряжке стою
подобен коню
воздух дуга
ветер слуга

Лиза

коль скоро час утра
на башне звон
мне в церковь с матушкой пора
гляди народ гуляет вон
моя скамья в углу налево
под Магдалиной
гляди внизу постушка Ева
спешит далиной
Священник строг
я опоздаю он накажет
запрёт меня в острог
и шёлк распутывать прикажет

а может быть казнить меня священник
порешит
авойсь Гвидон спасти меня скорее
поспешит

Ведьма

льются токи дивных слез,
бросьте плакать лучше в лес
в кучи мха снегов зимы
убежимте Лиза мы
дятла птичку мы вдвоём
круглым камушком убьём
будем кровь его сосать
перья по ветру бросать
ночь наступит мы в дупло
сядем вместе там тепло
выйдет сон уснут орлы
мы заснём урлы-мурлы
я, когда сомкнёте глаз,
околдую Лиза вас
все проснутся минет ночь
ну скорей бежимте прочь

Лиза

мне что то страшно
бежать с тобой
хочу обратно
бежать домой

но гнутся ноги
скрипит хребёт
спасите Боги!
вперёд вперёд

Лесное чучело

Ха ха ха
куда спешишь
мысли воздух
камни шиш

Лиза

кто ты чучело небес
ангел добрый или бес

Лесное чучело

ляг девчонка на дороге
подними свои коленки
не видать с небесной вышки
твои чудные лодыжки.

Лиза

это бес твоя обитель
мох и чаща хворостин
пощади меня, Святитель
преподобный Августин.

Лесное чучело

Хо хо хо

Гвидон (*просыпаясь*)

Где я? Где я?
Ах это комната моя
во сне пришла ко мне идея
мысль благородного коня
разбить копытами темницу
и мчаться мчаться вдоль реки
Я вижу лес орла зарницу
законам природы вопреки
копьем глядящую в верхи
я слышу звон в монастыре
бегут замаливать грехи
монахи в церковь на горе
поцеловать святого Августина тёмную ризу
мгновенно позабыв недуг
потом украдкой взглянув на Лизу
бегут монахи в аквидук
Скорей скорей напялив сапоги
и ты Гвидон с Монахами беги
и ты Гвидон с монахами беги
быстро быстро ги ги ги

Святой Августин

занимается зоря
на цветах
пчёлы толстые сидят.
а земля
поворачивается на китах
Так у матери в утробе
поворачивается сын
лицо его гладко
хранит его матка
и кормит пупок.
Вон и солнце встало в бок
начинается обедня
с колокольни звонари
сходят парами. Намедни
падал дождик до зари.
Пойду в церковь.

Монахи

К нам к нам
идёт посланник Божий
устелим путь ему рогожей
до алтаря
пойте монахи: Virgo Maria

Настоятель

Занимается зоря

Святой Августин

ещё в дали я.
холм высокий
уже пройден
часовня позади
вон монастырь
а вон колодец
шумит дыхание в груди.
Ноги дряхлые тоскуя
гнутся подо мной
мысли темя покидают
сердце не стучит

земля. поднимается в лоб
монахи несите гроб

(падает)

Монахи

Кто то в поле пал
кто монахи?
Бог велик и мал
аллилуия
смерть и друг и враг
о монахи
Бог и свет и мрак
аллилуия
Смерть кондуктор могил
о монахи
Бог свиреп и мил
аллилуя
Рухнут жижа и твердь
о монахи
но не рухнут Бог и Смерть
аллилуя.

Гвидон *(вбегая)*

А Лиза где?

Настоятель монастыря

не волнуйтесь молодой человек
Садитесь,
но не сюда, тут масло пролито

Гвидон

беда, беда.
ночные птицы
разбили купол храма
когда я быстро шёл сюда
весны мелькала понарама
орел мохнатый развевался...
я быстро шёл и запыхался

Настоятель

Вы папироску закурите

Гвидон

Спасибо.

Значит было так:

на синем небе точно флаг
орёл задумчивый летел,
я молча вслед ему глядел
куда крылами маховыми
начальник ветра держит путь
Куда ночами столбовыми
со свистом воздух режет грудь
и долго ль путь его надзвездный
собой пленять захочет
орёл в лесу
орёл над бездной
орёл задумчивый грохочет

Настоятель

Вопросов не решая
ответчу вам шутя
стряслась беда большая
над нами пролетя
мне слышен плач надгробный
и колокол крестин
скончался преподобный
святитель Августин

Лиза (входя)

Я только что в лесу была
играла в прятки с лисинятами
цветы головками махали
на небе ласточки порхали
в пруду лягушки квакали
мои браслеты звякали
мне было жарко
я оглянулась обнажиться не смея
лишь на реке плыла барка
на ней мужик пускал воздушного змея

всё громче, громче сердце билось
шалила кровь.
Я перекрестилась
и платье тонкое срывая
я встала стыд рукой скрывая
а на барке мужичёк
в меня глядел сквозь кулачёк
а я колени растворяла
повесив платье на сучок
бесстыдная стояла

Гвидон

Лиза ваше поведение
не достойно ваших уст
вас посадят в заведение
Веры Яковлевны Пруст
не хотите вы понять, иль
надоела вам судьба
объясните настоятель

Настоятель

Я не Бог и не судья

Лиза

в наше время наши нравы
знаю, пали бесконечно

Гвидон

бросьте Лиза вы не правы
вы поступаете беспечно

Лиза

Да Гвидон вы мой жених
вы жених из женихов
я избрала среди них
вас вершителя стихов
не затем чтоб вы страдали
поминутно, милый мой

Гвидон

Ах как дивно! Но всегда ли
вы останетесь такой

Настоятель

Уж небо не мореет
не сыпется земля
Смотрите, вечереет
и купол храма рассмотреть нельзя
и крутятся планеты
волнуются моря
Гвидон и Лиза
две кареты
вас ждут у фонаря.

Лиза

Спасибо Настоятель мы сядем в одну
карету.

*(Гвидон и Лиза уходят). (Настоятель расправляет на клумбе
помятый цветок. За сценой слышен голос Гвидона)*

Гвидон

Ну с Богом, трогай

17, 18, 19, 20 декабря 1930 года

156. Он и Мельница

Он – Простите, Где дорога в Клонки?

Мельница – Не знаю.
шум воды отбил мне память.

Он – Я вижу путь железной конки.
Где остановка?

Мельница – Под липой.
там даже мой отец сломал себе ногу.

Он – Вот ловко!

Мельница – Ей Богу!

Он – А ныне ваш отец здоров?

Мельница – О да, он учит азбуке коров.

Он – Зачем же тварь
учить значкам?
Кто твари мудрости заря?

Мельница – Букварь.

Он – Зря, зря.

Мельница – Поднесите ка к очкам
мотылька.
Вы близоруки?

Он – Очень.
вижу среди тысячи предметов...

Мельница – Извените, среди сколька?

Он – Среди тысячи предметов,
только очень крупные штуки.

Мельница – В мотыльке
и даже в мухе
есть различные коробочки
расположенные в ухе
на затылке – пробочки.
Поглядите.

Он – Погадите
Запотели зрачки.

Мельница – А что это торчит из ваших сапог?

Он – Стручки.

Мельница – Трите с лева глаз на право

Он – Фу ты! треснула оправа!

Мельница – Я замечу вам: глаз не для
развлечений разных дан

Он – разрешите вас в бедро поцеловать

не медля

Мельница - Ах отстаньте хулиган!

Он – Вы жестоки. что мне делать?

Я ослеп. дорогу в Клонки не найду

Мельница – и конки

здесь не ходят на беду.

Он – вы обманщица.

вы недотрога.

И впредь моя нога

не переступит вашего порога.

всё

Даниил Хормс

26 декабря 1930 года.

Даниил Ххармс

28 декабря 1930 года.

157. Виталист и Иван Стручков

живёт и дышет всякий лист, –
сказал однажды виталист.

И глупо превращать вселенную в мешки,

Куда летит поток молекулярных точек

не ведает рождённый есть,

где туча беленький платочек

задумала с подругой сесть

никто не знает. Всюду воля

отличная от нас. Но лишь

огонь приносит неба весть

Иван Стручков сказал: шалишь
мы всё перещупали, всё разложили
и вся вселенная на шиле
нашего разима острого.
и даже камень с острова
необитаемых просторов
живуч как боров.
и виталист был посрамлён.
Дурак, захлопни медальон!

Даниил Хармс
28 декабря 1930 года.

158

довольно в берлоге
ворочился бобр
голодные боги
планету вертели
как рыба дышали
как пчёлы летели
как смыслы бежали
тряслись как рогожи
блондины гвардейцы
скакали О Боже!
стрелки как индейцы
но в нашем картоне
не дремлют каштаны
и к небу ладони
бросают уланы

<Декабрь 1930>

159

Едит трамвай. В трамвае едут 8 пассажиров. Трое сидят двое справа и один слева. А пятеро стоят и держатся за кожаные вешалки: двое стоят справа, а трое слева. Сидящие группы смотрят друг на друга, а стоящие стоят друг к другу спиной. Сбоку на скамейке стоит кондуктор-

ша. Она маленького роста и если-бы она стояла на полу, ей бы не достать сигнальной верёвки. Трамвай едет и все качаются.

В окнах проплывают Биржевой мост, Нева и сундук. Трамвай останавливается, все падают вперёд и хором произносят: «Сукин сын!»

Кондукторша кричит: «Марсово поле!»

В трамвай входит новый пассажир, и громко говорит: «Продвиньтесь, пожалуйста!» Все стоят молча и неподвижно. «Продвиньтесь, пожалуйста!» – кричит новый пассажир. «Пройдите вперед, впереди свободно!» – кричит кондукторша. Впереди стоящий пассажир басом говорит, не поворачивая головы и продолжая глядеть в окно: «А куда тут продвинишься, что ли, на тот свет». Новый пассажир: «Разрешите пройти». Стоящие пассажиры лезут на колени сидящим и новый пассажир проходит по свободному трамваю до середины, где и останавливается. Остальные пассажиры опять занимают прежнее положение. Новый пассажир лезит в карман, достает кошелек, вынимает деньги и просит пассажиров передать деньги кондукторше. Кондукторша берёт деньги и возвращает обратно билет.

<Декабрь 1930>

160

Шёл трамвай, скрывая под видом двух фанарей жабу. В нем всё приспособленно для сидения и стояния. Пусть безупречен будет его хвост и люди, сидящие в нем, и люди, идущие к выходу. Среди них попадаются звери иного содержания. Так же и те самцы, которым не хватило места в вагоне, лезут в другой вагон. Да ну их, впрочем, всех! Дело в том, что шёл дождик, но не понять сразу: не то дождик, не то странник. Разберём по отдельности: судя по тому, что если стать в пиджаке, то спустя короткое время он промокнет и облипнет тело – шёл дождь. Но судя по тому, что если крикнуть: кто идет?, – открывалось окно в первом этаже, оттуда высовывалась голова, принадлежащая кому угодно, только не человеку, постигше<му> истину, что вода освежает и облагоражи-

вает черты лица, – и свирепо отвечала: вот я тебя этим (с этими словами в окне показывалось что-то похожее одновременно на кавалерийский сапог и на тапор) дважды двину, так живо всё поймёшь! Судя по этому, шел скорей странник, если не бродяга, во всяком случае такой где-то находился поблизости, может быть за окном.

<1930>

161

I.

Мы лежали на кровати. Она к стенке на горке лежала, а я к столику лежал. Обо мне можно сказать только два слова: торчат уши. Она знала всё.

II.

Вилка это? или ангел? или сто рублей? Нона это. Вилка мала. Ангел высок. Деньги давно кончились. А Нона – это она. Она одна Нона. Было шесть Нон, и она одна из них.

III.

Подошла собака в маленькой шапочке. Шаги раздавались и купались. Муха открывала окна. Давайте посмотрим в окно!

IV.

Нам в окне ничего не видать. Тебе что-нибудь видать? Мне ничего не видать, а тебе? Мне видать лыжи. А кто на лыжах? Солдат на лыжах, и ремень у него через плечо, а сам он не подпоясан.

1930

Давайте посмотрим в окно: там увидим рельсы, идущие в одну и в другую сторону. По рельсам ходят трамваи. В трамваях сидят люди и считают по пальцам, сколько футов они проехали, ибо плата за проезд взимается по футам. Теперь посмотрим в трубу: там заметим небольшую лепёшечку, то светлую, то тёмную. Господа, это не лепёшечка, а шар.

В это время на дощечке стояли три предмета: графин, болид и человек в синем гал<т>уке.

Графин сказал: Господа-же, посмотрим в мемецкую землю.

Где? – рухнул болид.

На том шаре, который виден в трубу, – сказал графин. Этот шар есть земля.

Человек: Я житель земли.

Болид: Я житель пространства.

Графин: А я житель рая.

Все три замолчали и мимо них никто не прошел, не проехал и не пролетел.

Графин сказал:

– О Че! О Чело! О Челоче! скажи мне как у вас живут? Что делают?

Человек сказал, открывая рот:

Я человек с Земли. Вы это все знаете. Я не мемец. Я сосед мемецев – я русский. Меня зовут Григорьев. Хотите я вам всё расскажу?

Из воды вышли три мужика и крикнули, топнув ногами:

Пожалуйста!

Человек начал:

Вот я прихожу в кооператив и говорю: дайте мне вон ту баночку с кильками. А мне говорят: Килек нет, это пустые банки. Я им говорю: Да что-же это вы головы морочите. А они мне отвечают: Это не от нас. А от кого же? Это от недостатка продуктов, потому что весь парнокопытный скот угнали киргизы. А овощи есть? – Спросил я. Нет и овощей. Раскупили. Молчи Григорьев.

Человек закончил:

Я Григорьев замолчал
С этих пор несу трубу
Я смотрю в неё смотрю
вижу дым грядущих труб.
всё.

1930

163

Бобров шёл по дороге и думал: почему, если в суп насыпать песку, то суп становится невкусным.

Вдруг он увидел, что на дороге сидит очень маленькая девочка, держит в руках червяка, и громко плачет.

– О чем ты плачешь? – спросил Бобров маленькую девочку.

– Я не плачу, а пою, – сказала маленькая девочка.

– А зачем же ты так поёшь? – спросил Бобров.

– Чтобы червяку весело было, – сказала девочка, – а зовут меня Наташа.

– Ах вот как? – удивился Бобров.

– Да, вот как, – сказала девочка, – до свидание. – Девочка вскочила, села на велосипед и уехала.

– Такая маленькая, а уже на велосипедах катается, – подумал Бобров.

<1930>

164

В редакцию вошли два человека. Оба сняли шапки и поклонились.

Один был курчавый, а другой совершенно лысый.

– Что вам угодно? – спросил редактор.

– Я писатель Пузырёв, – сказал совершенно лысый.

– А я художник Бобырёв, – сказал курчавый.

<1930>

Иван Петрович Лундапундов хотел съесть яблоко. Но яблоко выскользнуло из рук Ивана Петровича. Иван Петрович нагнулся, чтобы поднять яблоко, но что-то больно ударило Ивана Петровича по голове. Иван Петрович вскрикнул, поднял голову и увидел, что это было яблоко. Оно висело в воздухе.

Оказывается, кто-то приделал к потолку длинную нитку с крючком на конце. Яблоко зацепилось за крючок и не упало.

Морозов, Угрозов и Запоров пришли к Ивану Петровичу Лундапундову.

<1930>

боги наги
боги маги.

Если берег накинает
волну камнями швырять
в бомбе злоба закипает
боги наги
боги маги

Вот хитрец идет на кла...
о хитрец и копуцы...
Злая тень ему легла
вдоль щеки.

в его руке
виден штопор
О хитрец!
боги наги
боги маги

Если крышу сдёрнет вдруг
не смотри тогда на верх
что бы пыль и штукатурка
не засыпали твой глаз
боги наги
боги маги

Лампа Саша ты карзина
не способная светить
тёмной ванне ты кузина
боги наги
боги маги

<1930>

167

Задумали три архитектора
Построить весёлый храм.
Собрали четыре архитектора
Деревяшек и всякий хлам.
И плотники воду носили ведёрками,
Вокруг архитектора шлялись пятёрками.

<1930>

168

Человек устроен из трёх частей,
Из трёх частей,
Из трёх частей,
Хэу ля ля
Дрюм дрюм ту ту
Из трёх частей человек.

Борода и глаз и пятнадцать рук,
И пятнадцать рук,
И пятнадцать рук,

Хеу ля ля
Дрюм дрюм ту ту
Пятнадцать рук и ребро

А впрочем, не рук пятнадцать штук,
Пятнадцать штук,
Пятнадцать штук,
Хеу ля ля
Дрюм дрюм ту ту
Пятнадцать штук, да не рук.

<1930>

169

тогда солдатик маленький
вздыхает горячо
он с ног снимает валенки
кладёт их на плечо...

<1930>

170

видишь основание дома, на гальках покоится с миром
и мягкий песочек основанию ложе.
Эта дверь с певучей пружиной вход,
а та с замком и латунной ручкой – выход.

<1930>

171

для вас для вас
я был на юге
где турки ходят завернувшись в ватные халаты.
где лошади, оскалив жёлтые зубы,
кусают яблоко и нахально смотрят на караульного.

<1930>

172. Скавка

восемь человек сидят на лавке
вот и конец моей скавке.

1930

173

Я был у Шварца
слышал его стихи
он их читал стесняясь и краснея
о эти штучки, их видел во сне я
и не считал за полную удачу.

<1930>

174

Взяли фризовую шинель
пристрочили кант
положили на панель
вот и вышел музыкант.

<1930>

175. Третья цисфинитная логика бесконечного небытия

Вот и Вут час.
Вот Час всегда только был, а теперь только пол часа.
Нет пол часа всегда только было,
а теперь только четверть часа.
Нет четверть часа всегда только было,
а теперь только восьмушка часа.

Нет все части часа всегда только
были, а теперь их нет.

Вот час.

Вут час.

Вот час всегда только был.

Вут час всегда теперь быть.

Вот и Вут час.

<1930>

**176. Звонитьлететь
(третья цифинитная
логика)**

1

Вот и дом полетел.
Вот и собака полетела.
Вот и сон полетел.
Вот и мать полетела.
Вот и сад полетел.
Конь полетел.
Баня полетела.
Шар полетел.
Вот и камень полететь.
Вот и пень полететь.
Вот и миг полететь.
Вот и круг полететь.
Дом летит.
Мать летит.
Сад летит.
Часы летать.
Рука летать.
Орлы летать.
Копьё летать.
И конь летать.
И дом летать.
И точка летать.
Лоб летит.

Грудь летит.
Живот летит.
Ой держите ухо летит!
Ой глядите нос летит!
Ой монахи рот летит!

2.

Дом звенит.
Вода звенит.
Камень около звенит.
Книга около звенит.
Мать и сын и сад звенит.
А. звенит
Б. звенит
ТО летит и ТО звенит.
Лоб звенит и летит.
Грудь звенит и летит.
Эй монахи рот звенит!
Эй монахи лоб летит!
Что лететь, но не звонить?
Звон летает и звинеть.
ТАМ летает и звонит.
Эй монахи! мы летать!
Эй монахи! мы лететь!
Мы лететь и ТАМ летать.
Эй монахи! мы звонить!
Мы звонить и ТАМ звинеть.

Д. Х.
<1930>

177

мы письма пишем в ночь друг другу
закинув плечи как солдат.
моё летит как ветер в Лугу,
твоё несётся в Ленинград

и лишь только путник в поле
наших писем видит бег
он стоять не в силах боле
тихо падает на брег.

<1930>

178

Пришла весна.
вздулись камни.
веселее стали нам дни.
пришла весна
тепло и камни
веселее стали нам дни.
Тут весна!
Кричали камни
и теплее стали нам дни
зачем весна
ложиться в камни
отдавайте только нам дни
Где весна?
Смотри на камни.
камням ночь отдай, а нам дни.
Уходи весна под камни
на земле оставь лишь нам дни.

1930

179

Вид: Направо дверь, на лево дверь, прямо дверь,
с низу дверь, в кось дверь, с боку дверь, с
тылу дверь и поперёк дверь. На
полу молча лежит ласосина и поёт обращаясь
к самой себе:

Нынче ты
вылезла из воды

прекрасная дева морей
и пленила понаморей
в свете тусклых фанарей.
Твой стакан

1930

180

Лампа Саша: Я глядела на контору.
кофту муфту и печать
я светила Никанору
ноги стройные читать
слышу в поле Милирея
зубом щёлкает кабан
вижу корень сельдирея
ловит муху в барабан
люди люди бростье мыло
встаньте в комнате как боги
всё что будет всё что было
всё разбудет на пороге.

Никанор: понял понял в эту пору
наши гуды наши муки
все подвластны коленкору
но страдали только руки
роту круглую корыты
реки голых деревень
ямы страшные нарыты
в ямах каша и ремень
Кто поверит в Лампу Сашу?
где страница наших ног?
мы сидим и просим кашу
лампу, муху и курок.

Лампа Саша: вы светили ваш покой
свет убог и никакой
я светила бегал свет
вы светили света нет

вы сидели на гвозде
на конторе и везде
я сидела бегал свет
вы сидели света нет
вы глядели в камертон
в кофту муфту и в картон
я глядела бегал свет
вы глядели света нет
вы лежали в сундуке
в сапогах и в сюртуке
я лежала бегал свет
вы лежали света нет
вы висели над столом
с топором и помелом
я висела бегал свет
вы висели света нет

Никанор: понял понял в эту пору
понял домом и дугой
всё подвластно коленкору

<1930>

181. Турка – Турка

1.

Утром рано на заре
ехал турка на горе
летом гром
зимою снег
в полдень чирки
кур кир кар.

2.

Вот и феска и халат
турка любит шеколад

летом гром
зимою снег
в полдень чирки
кур кир кар.

3.

Турка скачет в облака
дайте турке молока
летом гром
зимою снег
в полдень чирки
кур кир кар.

4.

Турка скачет над рекой
милый турка дорогой
летом гром
зимою снег
в полдень чирки
кур кир кар.

5.

Сверху звезды снизу мост
турка скачет во весь рост
летом гром
зимою снег
в полдень чирки
кур кир кар.

6.

Здравствуй небо! Здравствуй ночь!
крикнул турка во всю мочь
летом гром
зимою снег

в полдень чирки
кур кир кар.

<1930>

182

Папа спит
и Лиза тоже
Иля дремлет во всю мочь
Я в окно взглянул. О Боже!
Там уж утро, а не ночь.

мне осталось только плюнуть
и раздеться и в кравать
спать и спать и спать и думать
только-б десять не проспять

Кто ж энергией томимый
встанет раньше. Помогите
чтобы в десять с половиной
мне обуться в сапоги.

и заботами снедаем
вспом<н>и будучи в штанах
сам быть может за трамваем
будешь гнаться в попыхах

А быть может не догнав
перепрыгнув сто канав
за другим каким трамваем
ты помчишься в попыхах.

<1930>

183

Я вам хочу рассказать одно происшествие, случившееся с рыбой или даже вернее не с рыбой, а с человеком Патрулёвым, или даже ещё вернее с дочерью Патрулёва.

Начну с самого рождения. Кстати о рождении: у нас родились на полу... Или хотя это мы потом расскажем.

Говорю прямо:

Дочь Патрулёва родилась в субботу. Обозначим эту дочь латинской буквой М.

Обозначив эту дочь латинской буквой М, заметим, что:

1. Две руки, две ноги, посередке сапоги.
2. Уши обладают тем-же, чем и глаза.
3. Бегать – глагол из под ног.
4. Щупать – глагол из под рук.
5. Усы могут быть только у сына.
6. Затылком нельзя рассмотреть, что висит на стене.
17. Обратите внимание, что после шестёрки идёт семнадцатая.

Для того, чтобы раскрасить картинку, запомним эти семнадцать постулатов.

Теперь обопрёмся рукой о пятый постулат и посмотрим, что из этого получилось.

Если-бы мы упёрлись о пятый постулат тележкой или сахаром или натуральной лентой, то пришлось-бы сказать что: да, и ещё что ни будь.

Но на самом деле вообразим, а для простоты сразу и забудем то, что мы только что вообразили.

Теперь посмотрим, что получилось.

Вы смотрите сюда, а я буду смотреть сюда, вот и выдет, что мы оба смотрим туда.

Или, говоря точнее, я смотрю туда, а вы смотрите в другое место.

Теперь уясним себе, что мы видим. Для этого достаточно уяснить себе поотдельности, что вижу я и что видите вы.

Я вижу одну половину дома, а вы видите другую половину города. Назовём это для простоты свадьбой.

Теперь перейдёмте к дочери Патрулёва. Её свадьба состоялась ну, скажем, тогда-то. Если-бы свадьба состоялась раньше, то мы сказали бы, что свадьба состоялась раньше срока. Если-бы свадьба состоялась позднее, то мы сказали-бы «Волна», потому что свадьба состоялась позднее.

Все семнадцать постулатов или так называемых перьев, налицо. Перейдём к дальнейшему.

Дальнейшее толще предыдущего
Сом керосинки толще.
Толще лука морской винт.
Книга толще тетради
а тетради толще одной тетради
Это стол он толще книги
Это свод он толще пола
Этот стол толще предыдущего
а предыдущий выше лука
Лук-же меньше гребёнки
так-же как и шляпа меньше кровати
в которой может поместится
ящик с книгами
но ящик
глубже шляпы
шляпа мягче
нежели морской винт
но пчела острее шара.
Одинаково красиво
то что растёт по эту
и по ту сторону забора
Всё же книга гибче супа
ухо гибче книги
Суп жиже и жирнее чем лучинка
и тяжелее чем ключ.

Утверждение:

У зайца вместо усов руки.
У папы на затылке фазан.
У магазина четыре кнопки.
У розалии одуванчик.
У сабли маканаш.
У газеты восемь знаков.
У меня хвост.
У тебя люлька.
У великанов шляпа.

Соединение:

Дом с клювом.
Дитя с татаринком.
Корабельщик в керосине.
Тарелка без волос
ворона между сквозных чисел.
Шуба с треском по имени Фофа.
Каля в безвыходном положении.
Румын из рукомойника.
Ангел ершов.

Побег:

Петух бежал из воды.
Жан бежал из бороды.
Гвоздь бежал из парафина.
кнутик прыгал из графина.
меч бежал из таракана.
Опыт ехал из под стакана.
Астроном бежал из ваты
ключ лежал продолговатый.

Соединение.

Дом с клювом.
Дитя с татаринком.
Корабельщик в керосине.
Тарелка без волос.
Ворона между сквозных чисел.
Шуба с треском по имени Фофа.
Каля в безвыходном положении.
Румын из рукомойника.
Ангел Ершов.

Размышление.

Это не кузница, а ведро.
Это не рис, а линейка.
Это не перчатка, а заведывающий складом.
Это не глаз, а колено.
Это не я пришёл, а ты.

Это не вода, а чай.
Это не гвоздь, а винт.
А винт это не гвоздь.
Мех не свет.
Человек с одной рукой не комната
с одним окном.
Туфли это не ногти.
Туфли это не почки.
Точно также и не ноздри.

Выводы.

Дочь Патрулёва отца Патрулёва дочь
Значит и дочь Патрулёва отца Патрулёва дочь.
Коли так то и дочь Патрулёва отца
Значит и дочь Патрулёва отца.
Вот и дочь, а отец Патрулёв
Дочь Патрулёва, отец Патрулёв
Значит отец Патрулёвой дочери Патрулёв
И никто не скажет что он Петухов
Это было-бы противоестественно.

<1930>

184

Видишь, под елочкой маленький дом.
В домике зайчик сидит за столом,
Книжку читает, напялив очки,
Ест кочерыжку, морковь и стручки.

В лампе горит золотой огонёк,
Топится печка, трещит уголёк,
Рвётся на волю из чайника пар,
Муха жужжит и летает комар.

Вдруг что-то громко ударило в дом.
Что-то мелькнуло за чёрным окном.

Где-то раздался пронзительный свист.
Зайчик вскочил и затрясся как лист.

Вдруг на крылечке раздались шаги.
Топнули чьи-то четыре ноги.
Кто-то покашлял и в дверь постучал,
«Эй, откройте мне!» – кто-то сказал.

В дверь постучали опять и опять,
Зайчик со страха залез под кровать.

К домику под ёлочкой
путник идёт.
Хвостиком-метёлочкой
следы свои метёт.
Рыжая лисичка,
беленький платок,
Чёрные чулочки,
острый коготок.
К домику подходит
На ципочки встаёт
Глазками поводит
Зайчика зовёт:
«Зайка зайка душенька,
Зайка мой дружок,
Ты меня послушай-ка
Выйди на лужок.
Мы с тобой побегаем
Зайчик дорогой
После пообедаем
Сидя над рекой.
Мы кочны капустные
на лугу найдём.
Кочерыжки вкусные
вместе погрызём.
Отопри же дверцу мне
Зайка, мой дружок,
Успокой же сердце мне,
выйди на лужок».

<1930>

Я подошёл к хозяину
 шепнуть ему сухарик.
 хозяин внешними руками
 обнял меня и притянул к своему жилету.
 Я видел как сапоги его стали расти
 достигая высот фиолетового дерева
 куда уж мне со своими тоненькими плечиками
 тянуться к уху великанта
 Он заметив мою нерешительность
 раздвинул стены храма
 вдруг солнце выскочило из его глаз
 я понял, что передо мной стоит охотник
молний
 одержимый небесного грохота комом

Охотник молний –

Собирайся в путь малыш

Перевернув страницу книги

я

<1929–1930>

Одна муха ударила в лоб бегущего мимо господина,
 прошла сквозь его голову и вышла из затылка. Господин
 по фамилии Дернятин был весьма удивлён: ему показало-
 сь, что в его мозгах что-то просвистело, а на затылке
 лопнула кожа и стало щекотно. Дернятин остановился
 и подумал: «Что бы это такое значило? Ведь совершенно
 ясно я слышал в мозгах свист. Ничего такого мне в
 голову не приходит, чтобы я мог понять, в чем тут дело.
 Во всяком случае, ощущение редкосное, похожее на
 какую-то головную болезнь. Но больше об этом я думать
 не буду, а буду продолжать свой бег». С этими мыслями
 господин Дернятин побежал дальше, но как он не бежал,
 того уже всё-таки не получалось. На голубой дорожке
 Дернятин оступился ногой и едва не упал, пришлось даже

помахать руками в воздухе. «Хорошо, что я не упал, – подумал Дернятин, – а то разбил бы свои очки и перестал бы видеть направление путей». Дальше Дернятин пошел шагом, опираясь на свою тросточку. Однако, одна опасность следовала за другой. Дернятин запел какую-то песню, чтобы рассеять свои нехорошие мысли. Песень была весёлой и звучной, такая, что Дернятин увлёкся ей и забыл даже, что он идёт по голубой дорожке, по которой в эти часы дня ездили другой раз автомобили с головокружительной быстротой. Голубая дорожка была очень узенькая, и отскочить в сторону от автомобиля было довольно трудно. Потому она считалась опасным путём. Осторожные люди всегда ходили по голубой дорожке с опаской, чтобы не умереть. Тут смерть поджидала пешехода на каждом шагу то в виде автомобиля, то в виде ломовика, а то в виде телеги с каменным углём. Не успел Дернятин высморкаться, как на него катил огромный автомобиль. Дернятин крикнул: «Умираю!» – и прыгнул в сторону. Трава расступилась перед ним, и он упал в сырую канавку. Автомобиль с грохотом проехал мимо, подняв над крышей флаг бедственных положений. Люди в автомобиле были уверены, что Дернятин погиб, а потому сняли свои головные уборы и дальше ехали уже простоволосые. «Вы не заметили, под какие колёса попал этот странник, под передние или под задние?» – спросил господин, одетый в муфту, то есть не в муфту, а в башлык. «У меня, – говаривал этот господин, – здорово застужены щёки и ушные мочки, а потому я хожу всегда в этом башлыке». Рядом с господином в автомобиле сидела дама, интересная своим ртом. «Я, – сказала дама, – волнуюсь, как бы нас не обвинили в убийстве этого путника». – «Что? Что?» – спросил господин, оттягивая с уха башлык. Дама повторила свое опасение. «Нет, – сказал господин в башлыке, – убийство карается только в тех случаях, когда убитый подобен тыкве. Мы же нет. Мы же нет. Мы не виновны в смерти путника. Он сам крикнул: умираю! Мы только свидетели его внезапной смерти». Мадам Анэт улыбнулась интересным ртом и сказала про себя: «Антон Антонович, вы ловко выходите из беды». А господин Дернятин лежал в сырой канаве, вытянув свои руки и ноги. А автомобиль уже уехал. Уже Дернятин

понял, что он не умер. Смерть в виде автомобиля миновала его. Он встал, почистил рукавом свой костюм, поплюнул пальцы и пошёл по Голубой дорожке нагонять время.

Семья Рундадаров жила в домике у тихой реки Сви-речке. Отец Рундадаров, Платон Ильич, любил знания высоких полетов: Математика, Тройная Философия, География Эдема, книги Винтвивека, учение <о> смертных толчках и небесная иерархия Дионисия Ареопагита были наилюбимейшие науки Платона Ильича. Двери дома Рундадаров были открыты всем странникам, посетившим святые точки нашей планеты. Рассказы о летающих холмах, приносимые оборванцами из Никитенской слободы, встречались в доме Рундадаров с оживлением и на-п<р>яжённым вниманием. Платоном Ильичом хранились длинные списки о деталях летания больших и мелких холмов. Особенно отличался от всех других взлётов взлёт Капустинского холма. Как известно, Капустинский холм взлетел ночью, часов в 5, выворотив с корнем кедр. От места взлёта к небу холм поднимался не по серповидному пути, как все прочие холмы, а по прямой линии, сделав маленькие колебания лишь на высоте 15–16 километров. И ветер, дующий в холм, пролетал сквозь него, не сгоняя его с пути, Будто холм кремнёвых пород потерял свойство непроницаемости. Сквозь холм, например, пролетела галка. Пролетела, как сквозь облако. Об этом утверждают несколько свидетелей. Это противоречило законам летающих холмов, но факт оставался фактом, и Платон Ильич занёс его в список деталей Капустенского холма. Ежедневно у Рундадаров собирались почётные гости и обсуждались признаки законов алогической цепи. Среди почётных гостей были: профессор железных путей Михаил Иванович Дундуков, игумен Миринос II и плехаризиаст Стефан Дернятин. Гости собирались в нижней гостинной, садились за продолговатый стол, на стол ставилось обыкновенное корыто с водой. Гости, разговаривая, поплевывали в корыто: таков был обычай в семье Рундадаров. Сам Платон Ильич сидел с кнутиком. Время от времени он мочил его в воде и хлестал им по пустому стулу. Это называлось «шуметь инструментом». В девять часов появлялась жена Платона Ильича, Анна Маляевна,

и вела гостей к столу. Гости ели жидкие и твёрдые блюда, потом подползали на четверинках к Анне Маляевне, целовали ей ручку и садились пить чай. За чаем игумен Миринос II рассказывал случай, происшедший 14 лет тому назад. Будто он, игумен, сидел как-то на ступенечках своего крыльца и кормил уток. Вдруг из дома вылетала муха, покружилась, покружилась и ударила игумена в лоб. Ударила в лоб и прошла насквозь головы, и вышла из затылка, и улетела опять в дом. Игумен остался сидеть на крыльце с восхищенной улыбкой, что наконец-то воочию увидел чудо. Остальные гости, выслушав Мириноса II, ударяли себя чайными ложечками по губам и по кадыку в знак того, что вечер окончен. После разговор принимал фривольный характер. Анна Маляевна уходила из комнаты, а господин плехаризиаст Дернятин заговаривал на тему «Женщина и цветы». Бывало и так, что некоторые из гостей оставались ночевать. Тогда сдвигалось несколько шкапов, и на шкапы укладывали Мироноса II. Профессор Дундуков спал в столовой на рояле, а господин Дернятин ложился в кровать к рундадарской прислуге Маши. В большинстве же случаев гости расходились по домам. Платон Ильич сам запирали за ними дверь и шел к Анне Маляевне. По реке Свиречке плыли с песнями никитинские рыбаки. И под рыбацкие песни засыпала семья Рундадаров.

Глава II

Платон Ильич Рундадар састрял в дверях своей столовой. Он упёрся логтями в косяки, ногами врос в деревянный порог, глаза выкатил и стоял.

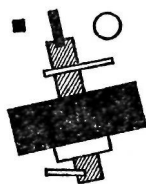
<1929–1930>

187

Некий инженер задался целью выстроить поперёк Петербурга огромную кирпичную стену. Он обдумывает, как это совершить, не спит ночами и рассуждает. Постепенно

образуется кружок мыслителей-инженеров и вырабатывается план постройки стены. Стену решено строить ночью, да так, чтобы в одну ночь всё и построить, чтобы она явилась всем сюрпризом. Созываются рабочие. Идёт распределение. Городские власти отводятся в сторону, и наконец настает ночь, когда эта стена должна быть построена. О постройке стены известно только четырём человекам. Рабочие и инженеры получают точное распоряжение, где кому встать и что сделать. Благодаря точному расчёту, стену удастся выстроить в одну ночь. На другой день в Петербурге переполох. И сам изобретатель стены в унынии. На что эту стену применить, он и сам не знал.

<1929–1930>

188. Миша Гришу вызывает

На соревнование
Миша Гришу
вызывает.
Вот тебе задание:
кто скорей узнает,
как бить
молотком,
как рубанком
стругать,
научиться без запинки
книги разные читать.
И тебя я вызываю,
вызываю, мой отец,
будь ударником в колхозе
в самом деле, наконец.

Д. Х.
1931

189. Влас и Мишка

В колхозе у нас
Есть колхозник Влас
И лодырь Мишка –
У каждого трудкнижка.
А посмотрим их трудкнижки
А посмотрим их делишки:
Влас и сеял и пахал,

Мишка только отдыхал.
Власу осенью награда,
Мишке – кукиш.
Так и надо!

Как колхозники будут делить
урожай?

Д. Хармс
1931

190. Сдай в срок

Хлеб сдай,
лён сдай,
хлопок сдай
в срок!
Знай, знай, знай, –
это будет впрок.
Нам заводы помогают
нам заводы высылают
ситец, косы и косилки,
трактора и молотилки,
обувь крепкую из кожи.
Ты заводу вышли тоже,
только быстро,
только дружно,
ровно к сроку
все, что нужно.

Д. Х.
1931

191

и птичка горько плачет
в чернильнице своей
фир фир мур мур
фир фир мур мур

та птичка соловей
и валяются дощечки
из птички на песок
и птичка уж не плачет
летит уже в лесок
горюешь моментально
ты птичка соловей –
такой бы быть хотелось
и девочке моей.

*1 января 1931 года.
Даниил Ххармс.*

192. Ohne Мельница

сломались руки
упала ножка
вдохнули духи
блестела ложка
опять Андроний
стоял понурый
немного синий
немного бурый
под ним земля
звала свистела
собак души
сломалось тело
и в землю крак
легло вздыхая.
Андроний шёл
ногой махая

<январь 1931>

193. АнДор

мяч летел с тремя крестами
быстро люди все местами

поменялись и галдя
устремилась дабы мяч
под калитку не проник
устремилась на прямик
эка вылезла пружина
из собачей конуры
вышиною в пол аршина
и залаяла кры-кры
одну минуту все стояли
тикал в роще метроном
потом все снова поскакали
важно нюхая долото
пришивая отлетевшие пуговицы
но это было всё не то
когда сам сын, вернее мяч
летел красивый импопутный
подпрыгнет около румяч
руками склещет у ворот
воздушный голубец
потом совсем наоборот
ложится во дворец
и медленно стонет
шатая словарь
и думы палкой гонит:
прочь прочь бродяги
ступайте в гости к Анне Коряге
и думы глотая живого леща
топчат ногами колоши ища
волшебная ночь наступает
волшебная ночь наступает
волшебная кошка съедает сметану
волшебный старик долго кашляя дремлет
волшебный стоит под воротами дворник
волшебная шишка рисует картину:
волшебную лошадь с волшебной уздечкой
волшебная птичка глотает свистульку
и сев на цветочек волшебю свистит
ах девочки куколки где ваши ленточки
у няни в переднике острые щепочки
ах девочки дурочки
полно тужить

холодные снегурочки
будут землю сторожить.

13–14 января <1931>

194

порою мил порою груб
неся топор шёл древоруб
чуть чуть светлее становилось
стая чашек проносилась
древоруба плакал дух
полон хлеба полон мух
и полон нечеловеческой тоски
от великого мученья
рвался череп на куски
в глазах застревала гребёнка
и древоруб заглядывал туда как это
положено

когда походкой жеребёнка
шла нина муфтой загорожена
ведя под ручку велосипед
шла нина к тане на обед
предчувствуя жаркого землю
была зима до этих пор
шёл древоруб и нёс топор
поглядывая в разные стороны
на крыше сидели вороны
и лисицы
и многие другие птицы

<январь 1931>

195

милый чайник проглотив
тем хотел меня привлечь
милый выпий сикатив
отвечала я в ту речь

<январь 1931>

- ОН** – А ну ка покажи мне руку
где ты свой палец поцарапала
советую помазать иодом.
- ОНА** – Ну вот ещё нашёл что предложить
как буд-то я сама не знаю
мне приходилось головы кружить
неопытным печенегам
Я им приказывала головы сложить
к моим ногам пушистым снегом.
Кто бысто повинуюсь
меня линейную любил
кто пышно волнуясь
злобу копил.
- ОН** – Наука мудрости княгиня
книгу радости захлопни
а ну ка мудрости богиня
покажи кулак науки глупцу.
школьник делает успехи
на скамье долбя науки
эти знаки эти вежи
позабудут наши внуки
они лысыми камнями
будут в дырочки глядеть
они стройными конями
будут мимо молодеть
они чибу чибу нами
будут новые цвести
они вольными табунами
будут землю круглую трясти.
- ОНА** – Знаю это старинная песня
тут кое где разбросаны горы
разного хлама,
но нет точки опоры
- ОН** – Зато тут мама
нашего потомства и чибарей.

ОНА – оставь, ты мне показываешь сахар
а где-же сладкий плод?

ОН – скорей сколотим быстрый плот
и поплывём по вьющейся реке
мы в миг пристанем к ангельским
воротам

ОНА –
где?

ОН – Там за поворотом.

11 марта <1931>

197. Окно

Школьница – Смотрю в окно
и вижу птиц полки

Учитель – Смотри в ступку на дно
и пестиком зёрна толки

Школьница – Я не могу толочь эти камушки
они учитель так тверды
моя же ручка так нежна

Учитель – Подумаешь какая княжна.
Скрытая теплота парообразования
должна быть тобой изучена.

Школьница – Учитель я измучена
непрерывной цепью опытов
пять суток я толку. И что же
окоченели мои руки
засохла грудь.
О Боже, Боже!

Учитель – Скоро кончатся твои муки
твоё сознание прояснится

Школьница – Ах, как скрипит моя поясница.

Учитель – Смотри чтоб ступка всё звенела
и зёрна щёлкали под пестиком
Я вижу ты позеленела
и ноги сложила крестиком.
Вот уж одиннадцатый случай
припоминаю. Ах ты мать чесная!
едва натужится бедняжка
уже летит холодный трупик.
Как это мне невыразимо тяжко!
Пока я влез на стул
и поправлял часы
чтоб гиря не качалась,
она несчастная скончалась
недокончив образования.

Школьница – Ах дорогой учитель
я постигла скрытую теплоту
парообразования.

Учитель – Прости, но теперь я тебя расслышать
не могу
хотя послушал бы охотно
ты стала девочка бесплотна
и больше ни гу гу.

Окно – Я внезапно растворилось
Я дыра в стене домов
Сквозь меня душа пролилась.
Я форточка возвышенных умов.

всё

<5 марта 1931>

198

отец и мать родили сына
и рота тётушек примчалась
мать отдыхала на кровати
а люлька медленно качалась

Отец – вот госпада мой сын
глядите как он ещё паршив

Мать – отец отец
не говори так убедительно
ребёнок право же не худ
он глаз едва лишь приоткрыл
но ничего им в комнате не замечает
глаз не бежит куда ему приказано
и ухо музыки не ловит
и стук лишь по костям попадает
в череп
и что же ты отец гремучий
долбишь нескончаемую мысль
о гадости своего сына?

Отец – его фигура на гвоздь похожа
какие немощные взгляды
смотри жена какая рожа
такую вспомнят и коляды
и цвет лица подобен воску
и губы сковородником
непрестанно тянут соску
неужели ты довольна этим
греховодником.

Мать – Ой-ли ты то не доволен
сам-же батенька сияешь

Отец – Цыц молчи паршивка
чего люльку не качаешь.

16 марта <1931>

199. Окнов и Козлов

Окнов – всегда всегда в глубине политик
наука умеет много гитик.

- Козлов** – неправ ты дорогой товарищ
довольно мы с тобой кувыркались
и Федьку за ноги таскали.
- Окнов** – Погибнешь ты
печаль тоска ли
заполоснёт тебе мозги.
- Козлов** – Не вижу ни зги
в твоих речах.
- Окнов** – О ты несомненно зачак
читая газет скучную структуру.
вот и дождался с ума сошествия
в живот из головы
и по ногам
и в пятку.
Эй, где хвостик мысли?
А он уж в землю нырк.
Вот прыткий!
- Козлов** – Нет, давай по порядку
посмотрим раньше моих речей
открытки.
- Окнов** – В них я не вижу ни боба
пощади меня Боже Твоего раба,
- Козлов** – Да ты никак религиозный!
- Окнов** – Это вопрос очень серьезный.
Материя по моему дура
её однообразная архитектура
сама собой не может колебаться.
Лишь только дух её затронет робко
прочь отлетает движения пробка,
из тёмных бездн плывут жары акулы
в испуге мчатся молекулы
с безумным треском разбивается
вселенной яйцо
и мы встав на колени видим Бога лицо.

Тот-же кто в папахе рока
раб ума, слуга порока
погибает раньше срока
поражѣнный кочергой.
Поражѣнный кочергой.

Козлов – Скверно думаешь товарищ
и несѣшь одну фасоль
революции пожарищ
Богом уши не мозоль.
Мало мы с тобой кувыркались
Федьку за ноги – фан...

(падает поражѣнный кочергой.)

Окнов – Как я его трахнул
Разом смолк.
А теперь, пока не поздно,
дам тягу в окно.

Окно – Я внезапно растворилось
я дыра в стене домов
мне всё на свете покорилось
я форточка возвышенных умов.

всѣ

*весеннее равноденствие <22 марта>
1931 года*

200. Молитва перед сном 28 марта 1931 года в 7 часов вечера

Господи, среди бела дня
накотила на меня лень.
Разреши мне лечь и заснуть Господи
и пока я сплю накачай меня Господи
Силою Твоей.

Многое знать хочу
но не книги и не люди скажут мне это
Только Ты просвети меня Господи
путём стихов моих.
Разбуди меня сильного к битве со смыслами
быстрого к управлению слов
и прележного к восхвалению имени Бога
во веки веков.

<28 марта 1931>

201. Вода и Хню

Принадлежит Н. М. Олейникову.

Хню – Куда куда
спешишь ты вода?

Вода – Налево
Там за поворотом
Стоит беседка
в беседке барышня сидит
её волос черная сетка
окутала нежное тело
на переносицу к ней ласточка
  прилетела
вот барышня встала и вышла в сад
идёт уже к воротам.

Хню – Где?

Вода – Там за поворотом
барышня Катя ступает по травам
круглыми пятками
на левом глазу василёк
а на правом
сияет лунная горка
и фятками...

Хню – Чем?

Вода – Это я сказала по-водяному
влезет рыба на скалу

Хню – Ой кто то идёт к нам

Вода – где?

Хню – Там.

Вода – Это рыбак Фомка.
его дочь во мне утонула
он идёт побить меня камнем
давай лучше громко
говорить о недавнем.

Рыбак – Один я
из меня тянутся ветви
грубые руки не могут поднять иголки
Когда я смотрю в море
глаза мои быстро слезятся
Я в лодку сажусь
но лодка тонет
Я на берег прыгаю
берег трясётся.
Я лезу на печь где жили мои деды
но печь осыпается
Эй товарищи рыбаки
что же мне делать?

(увидя Хню) – Неуж то Хню?

Хню (молча) – Да это я.
А вот мой жених Никандр.

Никандр – люблю признаться, вашу дочь
и в этом вас прошу помочь
мне овладеть её невинностью
Я сам Бутурлинского края
девиц насилую играя
с ними в поддавки.

А вам в награду рыбачёк
я подарю стальной сачёк
и пробочные поплавки.

Рыбак – Шпасибо шпасибо!

Никандр – Лови полтину!

Вода – Какую мерзкую картину
я наблюдаю.
Старик поймал полтину в рот.
Скорей скорей за поворот
направлю свою струю звонкие.

Хню – Прощай, вода.
Ты меня не любишь?

Вода – Да, твои ноги слишком тонкие.
Я ухожу. Где мой посох?

Хню – Ты любишь чернокосых?

Вода – Жырк жырк
лю лю лю
журч журч
клюб
клюб
клюб.

всё

29 марта <1931>.

202

Однажды Андрей Васильевич шёл по улице и потерял часы. Вскоре после этого он умер. Его отец горбатый, пожилой человек целую ночь сидел в цилиндре и сжимал левой рукой тросточку с крючковой ручкой. Разные мысли посещали его голову, в том числе и такая: жизнь это кузница.

Отец Андрея Васильевича по имени Григорий Антонович или вернее Василий Антонович обнял Марию Михайловну и назвал её своей владычицей. Она же молча и с надеждой глядела в перёд и в верх. И тут же поршивый горбун Василий Антонович решил уничтожить свой горб.

3.

Для этой цели Василий Антонович сел в седло и приехал к профессору Мамаеву. Профессор Мамаев сидел в саду и читал книгу. На все просьбы Василия Антоновича профессор Мамаев отвечал одним только словом: успеется. Тогда Василий Антонович пошёл и лег в хирургическое отделение.

4.

Началась операция. Но кончилась она не удачно, потому что одна сестра милосердия покрыла своё лицо клетчатой тряпочкой и ни чего не видела и не могла подавать нужных инструментов. А фельдшер завязал себе рот и нос и ему нечем было дышать и к концу операции он задохнулся и замертво упал на пол. Но самое неприятное это то, что профессор Мамаев в торопях забыл снять с пациента простыню и срезал ему вместо горба что-то другое, кажется затылок. А горб только потыкал хирургическими ножницами.

Придя домой Василий Антонович до тех пор не мог успокоиться, пока в дом не ворвались испанцы и не отрубили затылок кухарке Андрюшке.

Успокоившись Василий Антонович пошёл к другому доктору и тот быстро обрезал ему горб.

Потом всё пошло очень просто. Марья Михайловна развелась с Василием Антоновичем и вышла замуж за Бубнова.

Бубнов не любил своей новой жены. Как только она уходила из дома. Бубнов покупал себе новую шляпу и всё время здоровался со своей соседкой Анной Моисеевной. Но вдруг у Анны Моисеевны сломался один зуб и она от боли широко открыла рот. Бубнов задумался о своей биографии.

Отец Бубнова по имени Фы полюбил мать Бубнова по имени хню. Однажды хню сидела на плите и собирала грибы которые росли около неё. Но Фы неожиданно сказал так: Хню я хочу чтобы у нас родился Бубнов. Хню спросила: Бубнов? Да да?

— Точно так ваше сиятельство ответил Фы;

Хню и Фы сели рядом и стали думать о разных смешных вещах и очень долго смеялись.

Наконец у Хню родился Бубнов.

<Вторая пол. марта 1931>

203

Я не могу читать некоторые книги
в них мысль заменяет слово
но мысли жалкий фитилёк
надежда мученика злого
мне непонятно восхищенье
перед науки торжеством

<март 1931>

Короткая молния пролетела над кучей снега
 зажгла громовую свечу и разрушила дерево.
 Тут-же испуганный баран
 опустился на колени
 Тут-же пронесли дети олени
 Тут-же открылось окно
 и выглянул Хармс
 а Николай Макарович и Соколов
 прошли разговаривая о волшебных цветах и
 числах.

Тут же прошёл дух бревна Заболоцкий
 читая книгу Сквороды
 за ним шёл позвякивая Скалдин
 и мысли его бороды
 звенели. Звенела хребта кружка
 Хармс из окна кричал один
 где ты моя подружка
 птица Эстер улетевшая в окно
 а Соколов молчал давно
 уйдя вперёд фигурой.
 а Николай Макарыч хмурый
 писал вопросы на бумаге
 а Заболоцкий ехал в колымаге
 на брюхе лёжа
 а над медведем Скалдиным
 летал орёл по имени Сережа.

<март 1931>

205. Выбор дней

скажу вам грозно
 хвост мудрого человека
 опасен беспечному лентяю
 чуть только тот забудет название года
 хвост обмахнёт пыль памяти безумца
 прощай тогда речей Свобода!

уже выкатывает солнце новые дни
рядами ставит их на выбор
скажу вам грозно: лишь мы одни
поэты, знаем дней катыбр

всё

4 апреля <1931>

206

Здравствуй стол.
ты много лет поддерживал мою лампу и
книгу
а также разноцветные котлеты
Я под тобой ходил не нагибая головы
собирая подушечки мыслительных коровок

безумный! что тебя толкнуло
всё сбросить на пол
что человек доверил твоему благоразумию
постой деревянный негодяй

*Ххоермс
15 апреля 1931 года*

207

Дорогая Наташа,
хороводом татарок
благодарю тебя за твой подарок
с вершины белых потолков
бежит моё спасение
и силу оков
недели
кончает воскресенье.

<Апрель 1931>

**208. Лампа о словах
подносящих укромную
музыку**

I

слава Богу кончен бой
лихорадки с молотком
удивили мы с тобой
в старом, тощем, никаком
государстве наших палок
победителя жену
кто был тучен кто был жалок
все разбиты в пух и прах
кое кто глядел уныло
кое кто играл во лбы
кое кто внимал уныло
звукам редьки и польбы
кое кто раздвинув руки
умирал всю ночь от скуки
кое кто шептал молитву
кое кто в подвал забился
кое кто смотрел на битву
кое кто богам молился
кое кто в просторном фраке
шевелил усы во мраке
кое кто с часами дрался
кое кто фасадом крался
вынув нож из рукава
ну и ночка кокова
мне в окно глядели веши
этих ужасов по хлеще
мне в окно глядел сюргуч
грозен, красен и могуч
мне в окно мигая глупо
заглянула тётя лупа
мне в окно длинной с вершок
показался артишок
Я дрожал и я молился
на колени повалился

быстро двигая перстами
осенял себя крестами
вспоминал смешные книги
но бежали быстро миги
унося моё спасенье
наступило воскресенье
с незаметных потолков
пала ночи цепь оков
Я поднялся понемногу
оглянулся. Слава Богу
Кончен бой моих тревог
дети кушайте пирог.

16 апреля <1931>

209. Хню

Принадлежит П. И. Соколову.

Хню из леса шла пешком
ногами месила болота и глины
хню питалась корешком
рога ворона малины
или хню рвала побеги
весёлого хмеля туземца рошь
Боги ехали в телеге
ясно чувствовалась мощь
Богов наполненных соком лиан и
столетников нев
и мысль в черепе высоком лежала вся
окаменев
зубами щёлкая во мху
грудь выпятив на стяги
варили странники уху
летали голые летяги
подвешиваясь иными моментами на сучках
вниз головой
они мгновенно отдыхали, то подымая
страшный вой

в котёл со щами устремлялись
хватая мясо в красную пасть
то снигири летели в кучу нечиков
то медведь сидя на дереве и запустив когти
в кору чтоб не упасть
рассуждал о правосудии кузнечиков
то Бог в кустах нянчил бабочкину куколку
два волка играли в стуюлку
таков был вид ночного свидригала
где хню поспешно пробегала
и думала считая пни сердечного биения

аскет в пустыне властелин
бомба в воздухе владычица
оба вместе лучшее доказательство
человеческого гения
пусть комета в землю тычется
угрожая нарушить бег нашей матери
и если пена п<o>дружка огня, на чёрном
кратере
выпустит мух с небесными каракулями на
лапках
мы гордо глядим на вулкан
и в папках
земных дел
отмечаем рукой астронома событие
способное закидать дредноут лепестками
черёмухи
мы превратили мир в народное увеселение
и всюду увеличили плотность населения.
ещё недавно кверху носом летал Юпитер
в 422 года раз, празднуя свои именины
пока шутливая комета не проскочила в виде
миски
в хрустальном животе Глафиры
пропали быстро звёздные диски
исчезли тонкие эфиры
даже в пустынях арифметики не стало сил
аскету пребывать в одиночестве.

Хню шла вперёд и только отчасти
скользила кверху гибким станом
сёл свет рек звон лесов шуршание
ежеминутно удалялись
хню пела. Чистые озёра
кой где поблескивая валялись
то с шумом пролетал опасный овод
то взвизгивал меж двух столбов гремучий

провод

сидя на белых изоляторах. То лампы
освещали каменные кочки
ногам приятные опоры
в пути воздушного болота
иной раз беленький платочек садился

на верхушку осины

то выли дерзкие моторы
в большие вечные ворота
хню хлопала в ладоши.
яркие холмы бросали тонкие стрелы теней
хню прыгала через овраги
и тени холмов превращали хню в тигрицу
хню рукавом смахнув слезинку
бросала бабочек в плетёную корзинку.

лежите бабочки и вы пеструшки
крестьянки воздуха над полевыми клумбами
и вы махатки и свистельки
и вы колдунки с бурыми бочками
и вы лигреи пружинками хоботков
сосите, милые, цветочные кашки
вы меченосы военными лапами
бейте славянок

вы избачи с медалями ваших сражений

на плоскости крыльев

гряньте куркуру
вы портные с выкройками из газет
вспомните профессора Чебышева
и вы подосиновые грибы
станьте красными ключами
я запроу вами корзинку
чтобы не потерять моё детство.

Хню к телеграфному столбу
для отдыха прислонилась
потухли щёки хню. Во лбу
окно стыдливое растворилось
в траве бежала змейка
высунув гибкое жало
в её глазах блестела чудная копейка
хню медленно дышала
накопляя растроченные силы
и распуская мускулов тугие баночки
она под кофточкой ощупывала груди
она вообще была прелестной паночкой
Ах если б знали это люди!

Нам так приятно знать прошедшее
приятно верить в утверждённое
тысячи раз перечитывать книги доступные
логическим правилам
охлаживать приятно тёмные углы наук
делать весёлые наблюдения
и на вопрос: есть ли Бог? поднимаются
тысячи рук
склонные полагать, что Бог это выдумка.
Мы рады рады уничтожить
наук свободное полотно
мы считали врагом Галилея
давшего новые ключи
а ныне пять обэриутов,
ещё раз повернувшие ключ в арифметиках веры
должны скитаться меж домами
За нарушение привычных правил
рассуждения о смыслах.
Смотри чтоб уцелела шапка
чтоб изо лба не выросло бы дерево
тут мёртвый лев сильнее живой собаки
и право, должен я сказать, моя изба
не посещается гостями.
Хню отдохнув, взмахнула сильными костями
и двинулась вперёд.

210. От знаков миг

- Морковь**
(вылетая
из земли) – Я задыхаюсь в этих кучах
дай на воздухе побегаю
сорок лет жила я в бучах
не дружна была я с негою
Корни в землю уходили на много вёрст
Ой помогите же мне из ямы вылезти
на траву
дайте мне возможность посчитать
блага народов.
Что то силен турок ропот
немцев с ангелами прерывания
слышу я французов опыт
земледельческих расчётов.
Англичан возмущение за травлю быка
в лодке смерти восхищение
заставило путника от смеха держаться
за бока.
Тут русских дела чище
к ним я кинусь учить азбуки.
Не сложна времён корзинка
быстрые формулы заменят нам иные
способы передвижения.
- Всех Сын** – Корень вырази ведение твоих праотцов
им тучные гряды навяли пророчество.
Многолетние безделие развило в них
способность угадывать завтра.
Ты пасынок подземных жрецов
помнишь наверно мосты древних песней.
Не говорить ли в них о нашествии
геометрических знаков?
мне это всех вопросов интересней.
- Морковь** – Как же как же
Совершенно не случайно
значки вырабатываются правительствами.

Пятиконечную звезду никто не станет
вешать в верх ногами.
И плотник сам не ведает больших дел
своего труда.

Однако я спешу туда
Где свет вгоняет гвозди в лоб.

Всех Сын – Я за тобой помчусь
Ленивая дочь гряд
Смотри над облаками
летим с тобой подряд.
Сына пожалей
Подари меня улыбкой.
из верёвочки налей
слезу пущенную глыбкой.
Тут нет сомнения о случаях земного
верчения
она летит вокруг солнечного шара
без малейшего трения. В кольцах пожара
гибнут мирные домики.
Я вижу зонтик стоит на верхушке
Меркурия
Это житель человек иных условий
он дышет лентами и всю жизнь
размышляет о вилке.

Морковь – Не завидую, не завидую.
Уж лучше в земле монахиной сидеть.

Всех Сын – Ага,
вот проблеск земножительницы ума.
Сидела б в грядке ты кума

Морковь – Скорей беги ко мне на подмогу
Илья веник чугавой!
пустим в верх его ко Богу
поднимает пусть он вой.
Хорошо говорить о правилах
пробыв на поверхности земной
с рождения.
Теебе голубок сравнивать то не с чем.

Всех Сын – Смотри морковь наш спор затянется.
Ты сама ведь знаешь только одну
  сторону дела.
Ты когда ни будь в глаза горы глядела?

Морковь – Глядения Лебеди слишком ничтожны
и слуха корзины совсем не цари.
О чувствах я не говорю! о чувствах я
  не говорю!

Ни осязание ни вкус
Ни обоняние ни слух
Ни зрение ни архидея
не спасут тебя верхопраха злодея.

Осязание – Моя лошадка плюгавата
я то кумир то вата.

Обоняние – Мой тетерев сопляк
я ландыш, дереву земляк.

Вкус – Добегу до глотки рьяно
начинаю излучать там
волны синие буяна.
Возбуждение бежит по мачтам
в центр мозговой.
Голос дружит с Иеговой.

Слух
и зрение – Мы дочери лета
болонки балета
карты шеколадного пистолета.

Всех Сын – Пройдёт над миром пчела сладости
переживёт всех нас дух радости
Не вы ли чудная морковь
спешите в нашу кровь
увеселить биенье жил?
Я двадцать пять лет палкой жил
не зная слов владычество.
Христос однажды спас язычество
от нападения воздушных раков.

А я спасусь от пяти чувств
и от нашествия геометрических знаков.

Морковь – Удаляюсь в край нетах
ваше здравие в летах
повторяю каждый миг.
Не сводите с неба книг.

всё.

8–10 мая 1931 года.

211

в миг
открыл я сто книг
найти желая средство
установить природу света
я шёл по кочкам малолетства
не видя дерева совета
моя верёвка разума
гремела по числам
глаза ездили по строчкам
собирая смыслов ком
от моих плечь отскакивали легкие трости
я гнул с восторгом свои кости
над журналом жирной жизни
где журавли пользуясь рычагом Архимеда
вытаскивают вёдра воды для варки обеда.

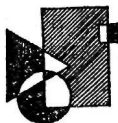
10 мая 1931 года.

212

один монах
стоял в пустыне.
о альманах
тебя отныне
не узнаю.

Ужели ты
оставил келью
молитвы, деньги
и покой
ужели ты
на долг и зубы
махнул единственной рукой.
Однако руль
в твоей ладоне
боится пуль
святой погони
и дребежжит.
прощай монашек
твой лоб стакан
тебя согреет.
в густых колосьях
спасётся рожь
в твоих волосьях
родится вошь
Собачка гнид.
Ребёнку ясно
ужели можно
оставить сумрачное лето?
Когда летят к земле тревожно
цветы студента и валета.
И в миг
лишившись пуговиц
Наполеон
став голым вдруг произнесёт:
от ныне я хамелеон
Ну кто поверит этим бредням
Я ли ты-ли или он
или Марья или Федор
или сам наполеон?

<январь-май 1931>

213

Окнов – Ну Ваня, знать и ты дружок
дуешь в дудочку рожок
где бы в рай мерзавец думать
своё тело проташить
ты всё в дудочку дудишь
ты всё в дырочку глядишь.

Ваня – Ах это неверно.

<Январь–май 1931>

214

Как странно, как это невыразимо странно, что за стеной, вот этой стеной, на полу сидит человек, вытянув длинные ноги в рыжих сапогах и со злым лицом.

Стоит только пробить в стене дырку и посмотреть в неё и сразу будет видно, как сидит этот злой человек.

Но не надо думать о нём. Что он такое? Не есть ли он частица мертвой жизни, залетевшая к нам из воображаемых пустот? Кто бы он ни был, Бог с ним.

22 июня 1931 года

215

Скажите Мария Алексеевна
вам знакома эта местность
тут утром проходят стада быков на бойню
а вечером в другую сторону едут
телеги нагружённые мясом

<28 июня 1931>

Скажу тебе по совести
 как делается наша мысль
 как возникают корни разговоров
 как перелетают слова от собеседника к собеседнику.
 Для этого надо молча просидеть некоторое время
 стараясь уловить хотя бы звездочку
 чтобы было, как говорится, с чего
 распутать свою шею
 для поворотов очень приветливых
 знакомым и незнакомым собеседникам.
 Поздоровавшись поднести хозяйке горсть валунов
 или иную припасенную ценность
 в виде булавки или южного плода или ялика
 для прогулки по озеру в тихия солнечныя погоды
 которыми так скуп наш северный климат
 где весна приходит иной раз
 с порядочными опазданиями
 таким образом что ещё в июне месяце
 комнатная собака спит укрывшись одеялом
 как человек – мужчина, женщина или ребёнок
 и всё же дрожит от озноба.
 иной раз берёт просто злоба на порядок смен
 тепла и холода.
 вот время луны то старо то молодо
 во много яснее непонятной путаницы погод
 Учёные наблюдают из года в год
 пути и влияния циклонов
 до сих пор не смея угадать будит ли к вечеру дождь
 и я полагаю что даже Павел Николаевич Филонов
 имеет больше власти над тучами.
 Кто хочет возразить, прошу задуманное исполнить
 для возражений умных или сильных
 или страстных, своевременных и божественных
 я припас инструменты способные расковырять любую
 мысль собеседника.
 Я всё обдумал взвесил пересчитал и перемножил
 и вот хозяйке подношу,
 как дар пустынного,

для спора очень важный сбор инструментов
Держите милая хозяйка мой подарок
и спорте сколько вам угодно

28 июня <1931>

217

Дни дни клонились к вечеру
и утро было точно обрезано
отсутствовало при начале дня.
Сразу сразу зацветало солнце
поднимая растения в надземные местности
раскрывая чашечки цветов
и заставляя воду из рек испоряться
в надземные местности

То человек спал видя сон
то сразу шёл в мохнатой войлочной шапке
продавать своё имущество
или по иному какому делу
или просто удить рыбу приговаривая:
удись удись голубая сестра

День становился добрым
и вдруг на Неве грохотала пушка называя полдень
так страшно неожиданно,
что на мосту два дровосека подпрыгнули ударив
тяжёлыми сапогами по камню.
В эти дни дьявол разгуливал по улицам в образе
часовщика предлагая свои услуги.

<28 июня 1931>

218

Однажды возвращаясь домой с прогулки
Я шёл дорогой между двумя городами
насвистывая кое-какие поморские песни
когда в дали показалась чухонка молочница

Я сел в лопух и стал не виден
Высока трава Твоя Господи
она скрывает меня до плечь

<28 июня 1931>

219

мне бы в голову забраться козлом
чтобы осмотреть мозгов устройство.
интересуюсь, какие бутылки составляют наше
сознание.

Вот азбука портных
мне кажется ясной до последней ниточки
всё делается ради удобства движения
конечностей и корпуса.

Легко наклоняться в разные стороны
ничто не давит в живот
рёбра сжимаются и отпрыгивают снова
как только представится к тому случай.
Мы несравненно лучше сделаны чем наша одежда.
Порт<н>ым не угнаться за гимнастами
одевающими себя в мускульные сюртуки.
И способ гимнастов
мне ближе по духу.
Портной сидит поджавши ноги
руками же вертит ручку швейной машины
или ногами вертит машинку, а руки служат ему
рулями
или же двигатель Сименс-Шуккерта
вращает маховое колесо, тычет иголкой и двигает
челноком.

Так постепенно сшиваются
отдельные части костюма.
Гимнасты-же поступают иначе.
Они быстро наклоняются вперёд и назад
до тех пор пока их живот не станет подковой.
Руки вывёртывают
приседают на корточки
достигая этим значительного утолщения своих мышц.

Этот способ конечно приносит больше пользы.
Кто пробродив по городским садам
почувствует боль в поясице
знай: это мускул живота старается проснуться.
спеши домой и если можешь пообедай.
Обед ленивым сделает тебя.
Но если нет обеда
ещё лучше съесть кусочек хлеба
эта придает бодрость твоему духу.
А если нет и хлеба даже
то благодари приятель Бога
Ты Богом знать отмечен
для совершения великих подвигов.
Нельзя лишь испугаться.
Смотри внимательно в бумагу
Зови слова на помощь
и подходящие слов сочетанье
немедленно утолит желудочную страсть.
Вот мой совет
пр<о>изнеси от голода:
я рыба
в ящике пространства
рассуждаю о топливе наших тел
всякая пища попав на зуб
становится жиже выпуская соки целебных свойств.
Бог разговаривает со мной
мне некогда жевать свиное сало
и даже молока винтовки белые
помеха для меня.
Вот мой фонарь и пища
вот голос моего стола, кушетки и желища.
Вот совершенство Бога моего стиха
и ветра слов естественных меха.

<около июля 1931>

220

однажды Бог ударил в плечо
воскликнул я: ой горячо!
и в воду прыгнул остудиться

заглушить на теле зной
Я пробывал в воде молиться
сидел на солнце под сосной.

<Начало июля 1931>

221

То то скажу тебе брат от колеса не отойти тебе
то то засмотрится и станешь пленником колеса
то то вспомнишь как прежде приходилось жить
да и один ли раз? может много
в разных обличиях путешествовал ты, но забыл все
вот смутно вспоминаешь Бога
отгадываешь не знакомые причины по колесу
чуешь выход в степь, в луг, в море, но живешь пока
в лесу
где чудные деревья растут едва заметно глазу
то голые стоят, то прячут ствол в зеленую вазу
то закрывают небо лиственной падогой
где Херувиму поют над радугой
длинные песни приятные слуху
то совы кричат в лесу: уху! шуху!

*Начало июля,
1931 года,
Даниэль Хаармсъ.*

222

Узы верности ломаешь
от ревности сам друг хромаешь.
Та ускользнула в дверь с японцем
дверь тихо притворив
вошла стройна, неожиданно солнцем
врачей унылых озарив.
мне-ж предоставила помнить твоих прогулок холод

Ах если б не сковал меня страх перед женщиной
и ревность не терзала б мне виски
я не испытывал бы той нечеловеческой тоски.

18 сентября 1931 года.

223. Что мы заготавливаем на зиму

Мы работаем летом в колхозах,
Разделившись на бригады.
В поле, в лесу, в огороде
и в саду между яблонь
и кустов смородины
мы бегаем
с лопатами, граблями, лейками
в одних только синих трусиках.
И солнце печет наши спины,
руки и шею.

Теперь мы будем к зиме
делать запасы
и сдавать
в Плодоовощсоюз.
Пусть оттуда
запасы пойдут
по рабочим
и детским
столовым.

Из малины и клубники
мы сварили варенье.
Чернику засушим
и будем зимой
черничные есть кисели.
Крыжовник и вишни
мы в банку положим,
пробку зальем сургучом,

чтоб туда не попали микробы
и плесень.

Ягоды свежие будут лежать.
Мы банку откупорим в марте.
Теперь давайте сушить грибы,
нанизывать на нитку
их шапочки.
То-то будет зимой
грибная похлебка.
В этом боченке у нас
будут соленые грузди.
А в этом – соленые рыжики.
Эх, не забудьте, ребята,
к зиме насолить огурцов.

Вот перед вами боченок
светлозеленых огурчиков.
Залейте их крепким рассолом
и листик дубовый
киньте туда.
К зиме огурцы потемнеют,
важными станут и толстыми.
Смотри,
когда будешь их кушать,
держи огурец над тарелкой,
чтоб не закапать штаны
огуречным рассолом.

А курам –
суши тараканов;
лови их летом
на печке.
Зимой будут куры клевать
их с большим
аппетитом.

А если,
купаясь летом в реке,
ты найдешь на берегу
простую зеленую глину,

то запаси этой глины
побольше.
Будешь зимой
лепить из нее человечков.
И, может быть,
вылепишь ты
себя самого,
пионера на летней работе.
Да так хорошо
и так умело,
что тебя отольют из чугуна
или из бронзы
и поставят в музей
на первое место.

А люди скажут:
«Смотрите –
Это новый, советский художник».

Даниил Хармс
1931

224. Утро

Да, сегодня я видел сон о собаке.
Она лизала камень, а потом побежала к реке и стала
смотреть в воду.
Она там видела что ни будь?
Зачем она смотрит в воду?
Я закурил папиросу. Осталось ещё только две.
Я выкурю их, и больше у меня нет.
И денег нет.
Где я буду сегодня обедать?
Утром я могу выпить чай: у меня есть еще сахар и
булка. Но папирос уже не будет. И обедать негде.
Надо скорее вставать. Уже половина третьего.
Я закурил вторую папиросу и стал думать, как бы мне
сегодня по обедать.

Фома в семь часов обедает в Доме Печати. Если притти в Дом Печати ровно в семь часов, встретить там Фому и сказать ему: «Слушай, Фома Антоныч, я хотел бы, чтобы ты накормил меня сегодня обедом. Я должен был получить сегодня деньги, но в сберегательной кассе нет денег». Можно занять десятку у профессора. Но профессор, пожалуй, скажет: «Помилуйте, я вам должен, а вы занимаете. Но сейчас у меня нет десяти. Я могу дать вам только три». Или нет, профессор скажет: «У меня сейчас нет ни копейки». Или нет, профессор скажет не так, а так: «Вот вам рубль, и больше я вам ничего не дам. Ступайте и купите себе спичек».

Я докурил папиросу и начал одеваться.

Звонил Володя. Татьяна Александровна сказала про меня, что она не может понять, что во мне от Бога и что от дурака.

Я надел сапоги. На правом сапоге отлетает подметка. Сегодня воскресенье.

Я иду по Литейному мимо книжных магазинов. Вчера я просил о чуде. Да-да, вот если бы сейчас произошло чудо.

Начинает итти полу снег полу дождь. Я останавливаюсь у книжного магазина и смотрю на ветрину. Я прочитаю десять названий книг и сейчас же их забываю.

Я лезу в карман за папиросами, но вспоминаю, что у меня их больше нет.

Я делаю надменное лицо и быстро иду к Невскому, постукивая тросточкой.

Дом на углу Невского красится в отвратительную желтую краску. Приходится свернуть на дорогу. Меня толкают встречные люди. Они все недавно приехали из деревень и не умеют еще ходить по улицам. Очень трудно отличить их грязные костюмы и лица.

Они топчатыся во все стороны, рычат и толкаются.

Толкнув нечаяно друг друга, они не говорят «прости», а кричат друг другу бранные слова.

На Невском страшная толчея на панелях. На дороге же довольно тихо. Изредка проезжают грузовики и грязные легковые автомобили.

Трамваи ходят переполненные. Люди висят на подножках. В трамвае всегда стоит ругань. Все говорят друг другу ты. Когда открывается дверца, то из вагона на площадку веет теплый и вонючий воздух. Люди вскакивают и соскакивают в трамвай на ходу. Но этого делать еще не умеют, и скачат задом наперед. Часто ктонибудь срывается и с ревом и руганью летит под трамвайные колеса. Миллиционеры свистят в свисточки, останавливают вагоны и штрафуют прыгнувших на ходу. Но как только трамвай трогается, бегут новые люди и скачат на ходу, хватаясь левой рукой за поручни.

Сегодня я проснулся в два часа дня. Я лежал в кровати до трех, не в силах встать. Я обдумывал свой сон: почему собака посмотрела в реку и что она там увидела. Я уверял себя, что это очень важно: обдумать сон до конца. Но я не мог вспомнить, что я видел дальше во сне, и я начинал думать о другом.

Вчера вечером я сидел за столом и много курил. Передо мной лежала бумага, чтобы написать что то. Но я не знал, что мне надо написать. Я даже не знал, должны быть это стихи, или рассказ, или рассуждение. Я ничего не написал и лег спать. Но я долго не спал. Мне хотелось узнать, что я должен был написать. Я перечислял в уме все виды словестного искусства, но я не узнал своего вида. Это могло быть одно слово, а может быть, я должен был написать целую книгу. Я просил Бога о чуде, чтобы я понял, что мне нужно написать. Но мне начинало хотеться курить. У меня оставалось всего четыре папиросы. Хорошо бы хоть две, нет, три оставить на утро.

Я сел на кровати и закурил.

Я просил Бога о каком то чуде.

Да да, надо чудо. Все равно какое чудо.

Я зажег лампу и посмотрел вокруг. Все было по-прежнему.

Да ничего и не должно было измениться в моей комнате.

Должно измениться что то во мне.

Я взглянул на часы. Три часа семь минут. Значит, спать я должен по крайней мере до половина двенадцатого. Скорей спать!

Я потушил лампу и лег.

Нет, я должен лечь на левый бок.

Я лег на левый бок и стал засыпать.

Я смотрю в окно и вижу, как дворник метет улицу.

Я стою рядом с дворником и говорю ему, что, прежде, чем написать что либо, надо знать слова, которые надо написать.

По моей ноге скачет блоха.

Я лежу лицом на подушке с закрытыми глазами и стараюсь заснуть. Но слышу, как скачет блоха, и слежу за ней. Если я шевельнусь, я потеряю сон.

Но вот я должен поднять руку и пальцем коснуться лба. Я поднимаю руку и касаюсь пальцем лба.

И сон прошел.

Мне хочется перевернуться на правый бок, но я должен лежать на левом.

Теперь блоха ходит по спине. Сейчас она укусит.

Я говорю: Ох, ох.

Закрытыми глазами я вижу, как блоха скачет по простыне, забирается в складочку и там сидит смирно, как собачка.

Я вижу всю мою комнату, но не сбоку, не сверху, а всю сразу, зараз. Все предметы оранжевые.

Я не могу заснуть. Я стараюсь ни о чем не думать. Я вспоминаю, что это невозможно, и стараюсь не напрягать мысли. Пусть думается о чем угодно. Вот я думаю об огромной ложке и вспоминаю басню о татарине, который видел во сне кисель, но забыл взять в сон ложку. А потом увидел ложку, но забыл... забыл... забыл... Это я забыл, о чем я думал. Уж не сплю ли я? Я открыл для проверки глаза.

Теперь я проснулся. Как жаль, ведь я уже засыпал и забыл, что это мне так нужно. Я должен снова стараться заснуть. Сколько усилий пропало зря. Я зевнул.

Мне стало лень засыпать.

Я вижу перед собой печку. В темноте она выглядит темно-зеленой. Я закрываю глаза. Но печку видеть продолжаю. Она совершенно темно-зеленая. И все предметы в комнате темно-зеленые. Глаза у меня закрыты, но я моргаю, не открывая глаз.

Человек продолжает моргать с закрытыми глазами, – думаю я. – Только спящий не моргает.

Я вижу свою комнату и вижу себя, лежащего на кровати. Я покрыт одеялом почти с головой. Едва только торчит лицо.

В комнате всё серого тона.

Это не цвет, это только схема цвета. Вещи загрунтованы для красок. Но краски сняты. Но это скатерть на столе хоть и серая, а видно, что она на самом деле голубая. И этот карандаш хоть и серый, а на самом деле он желтый.

– Заснул, – слышу я голос.

25 октября 1931 года, воскресенье

225

Небеса свернуться
в свиток и падут на
землю; земля и вода
взлетят на небо;
весь мир станет
в верх ногами.
Когда ты всё это увидешь,
то раскроется и зацветет
цветок в груди твоей.
Я говорю: это конец
старого света, ибо я
увидал новый свет.

Я о, я сир, я ис
Я тройной, научи меня
чтению. Мы говорим
вот это я
Я
дарю тебе
ключ,
чтобы ты
говорил
Я.
Я возьму ключ,
когда, как учили нас

наши бабушки, найду
цветок папоротника,
который цветёт
только один раз в
год, в ночь накануне
Ивана Купала.

Но где растёт этот
цветок? Он растёт
в лесу под дерев<о>м
котороё стоит в верх
ногами.

Ты идёшь в большом
дремучем лесу, но
нет ни одного де<рева>
которое росло бы к<верх>
ногами. Тогда ты
выбери самое красив<ое>
дерево
и влезь на него.

Потом возьми веревку привяжи один
конец веревки к ветк<е>
а другой конец к своей
ноге. По<то>м спрыгни с дере<ва>
и ты повиснешь к верх
ногами, и тебе будет видно,
что дерево стоит к верх ногам<и>.

Когда ты пойдешь в лес
то посмотри раньше в окно
какая пагода.

Вот я смотрю в окно и вижу
там кончается улица, там начинается
поле, там течёт речка, а там на
<берегу стоит дерево>.

Ноябрь 1931 года.

226. Лыжная прогулка в лес

Когда на улице мороз,
а в комнате пылает печь,
Когда на улице так больно щиплет нос
и снег спешит на шапку лечь.
И под ногами снег хрустит
и падает за воротник
и белый снег в лицо летит
и человек весь белый в миг.
Тогда мы все бежим бегом
на зимнюю площадку, –
Кто свитр подпоясывает кушаком,
кто второпях натягивает тёплую перчатку.
Вожатый дышет на морозе паром
и раздаёт нам лыжи.
Мы надеваем лыжи и становимся по парам.
Вперёд становится кто ростом ниже,
а сзади тот, кто ростом выше. И вот:
Вожатый сам на лыжи влез,
он поднял руку, крикнул: «в ход!»
и мы бежим на лыжах в лес.
Бежим на лыжах с снежных гор.
мы по полю бежим
с холмов бежим во весь опор
хохочем и визжим.
И снег летит нам прямо в рот
И Петька, самый младший пионер, кидается снежком.
Кричит вожатый: «Поворот!»
Но круто поворачиваться мы на лыжах не умеем и
поворачиваемся пешком.
Вот мы в лесу, в лесу сосновом
Бежим на лыжах мы гуськом. И снег визжит,
Вот пень с дуплом – уютное жилище совам,
Вот дерево поваленное ветром поперёк пути лежит
Вот белка пролетела в воздухе над нами
Вот галка села на сосну и с ветки снег упал,
«Глядите заяц!» крикнул Петька замахав руками
И верно заяц проскакал.

Мы бегаем в лесу, кричим ау, хватаем снег в охапку,
Мы бегаем в лесу поодиночке и гуськом и в ряд.
Мелькают между сосен наши шапки
И щёки наши разгорелись и горят.
И мы несёмся там и тут
И силы наши всё растут.

Мы сквозь кусты и чащи лупим.
Мы комсомольцам не уступим!

Даниил Хармс
4 декабря 1931 года

227

два студента бродили в лесу
в воду глядели дойдя до речки
ночью жгли костры отпугивать хищников
спал один, а другой на дежурстве
сидел в голубой камилавочке
и бабочки
к нему подлетали
то ветерок
швырял в костёр пух пеночки
студент потягиваясь пел:
в костёр упала звездочка.

молча стояли вокруг медведи
мохнатой грудью дыша
и едва копшилась душа
в их неподвижном взгляде
но тихо сзади
шла, мягкими лапами ступая по ельнику,
рысь
и снилось в лесу заблудившемуся мельнику
как все звери стоя на холму глядели в высь
где меж паров
горел костёр
на небе делая отметки
и ветки

шаловливого пламяни
играли серпом на знамяни
и дым и гарь болтаясь в воздухе платком
висели чёрным молотком.

<1931>

228

ряд вопросов проносился
в виде легких петухов
я лежал. во мне струился
без конца ручей грехов

I вопрос: почему телам небесным
(луны, звёзды и серпы)
по кривым бежать известным
дали волю?

Ответ небесных тел: потому что мы слепы.

II вопрос: Людям дан свободный выбор
либо дом, либо лоб.
Почему нам нет котыбр?

Ответ судьбы: Потому что людям гроб.

<1931>

229. Ночь

Дремлет сокол. Дремлют пташки.
Дремлют козы и барашки,
А в траве в различных позах
Спят различные букашки.

Дремлет мостик над водой,
Дремлет кустик молодой.

Пятаков Борис Петрович
Дремлет кверху бородой.

<1931>

230

Буря мчится. Снег летит.
Ветер воет и свистит.
Буря страшная ревет,
Буря крышу с дома рвет.

Крыша гнется и грохочет.
Буря плачет и хохочет.
Злится буря, точно зверь,
Лезет в окна, лезет в дверь.

<1931>

231

Я знаю зачем дороги
отрываясь от земли
играют с птицами.
Мне хорошо известно
куда умирает солдат
крикнув последнее слово.
оловянные пуговицы его шинели
стали отметками
новопредставленного.
Тонкая веточка ветра
дует в могилу
солдат огромными взмахами рёбер
ловит воздушные колёса
вертящие кровь для продолжения жизни.
Совсем не трудно высчитать
сколько раз в минуту бьётся сердце врага
и воина.
<Ещё> хотел бы я открыть вам способ
исследывать небесные балконы

в них маятник шестого времени
кладет земные поклоны.
хочу вам указать на путь спасения

<1931>

232

Слава радости пришедшей в мой дом.
Слава радости приходящей в дом
когда меньше всего ждешь её.
Всё внезапно пока не придёт внезапная радость.
Тогда внезапное становится долгожданным
а имя Господа моего звучит ликованием.

<1931>

233

Идет высокий человек и ловко играет на гармоне
Идут за ним четыре и молча его слушают
Но музыкант идет опять и пальцами танцует
За ним опять идут четыре совсем уже как мертвые
Должно быть он совсем колдун играет то же самое
он по дороге в парк идет за ним четыре следуют.
Я на скамейке просижу не больше месяца
ты на скамейке просидишь до самой масляницы
он на скамейке просидит четыре праздника
мы на скамейке посидим у самой речки
вы на скамейке посидите возле речки
они сидят они как видно отдыхают
над ними бабочки над ними комары дощатые порхают

Съезжаются гости

Четвёртый гость: Каша подана.

Госость

с опахалом: Кого поцеловать хозяйку или хозяина?

Часоточный

гость: Ай батюшки! Я без рукавов!

Татьяна

Николаевич: Кхэ кхэ, я сегодня утром наболтала
муки в рот
и чуть чуть не подавилась.

Дядя Воль: Ох молодежь пошла!

Хозяин: Идёмте гости на порог
есть лепёшки и творог
вот вам соль а вот вам грип
вот вам гвозди. Я охрип.

Гости: Не хотим еды, хотим танцы!

Хозяйка: Музыканты! Эть! два! ... три!

(Музыканты с размаха прыгают в воду).

Хозяйка: Эх, совсем не то вышло.

Часотачный

гость: Нам что ли выкупаться?

восемь гостей

хором: Ну вот то же в самом деле!

восемь дам

хором: Ну вот то же в самом деле.

Княгиня

Манька-Дунька: Я господу вся в веснушках, а то
была бы красавица... Честное слово!

Гость Фёдор: Гхе гхе с удовольствием

Солдат

в трусиках: Разрешите вам княгиня Манька-Дунька
поднести букет цветов.

Гость Фёдор: Или вот этот гребешок.

**Солдат
в трусиках:** Или вот эту пылинку.

Гости: Тише! тише! слушайте!
Сейчас дядя Вось расскажет анекдот.

**Дядя Вось
встав на стул:** Прочёл я в одной французской книжке анекдот.
Рассказать?

Гости: Да-да!

**Татьяна
Николаевич:** безусловно!

Дядя Вось:
Одна маленькая девочка несла своей бедной матери пирожок с капустой и с лучком. Пирожок был испечен на чистом сливочном масле

Гости: Ох хо хо хо хо! Уморил!

Дядя Вось:
Постойте, это ещё не всё, ещё дальше есть! Подходит к девочке добрый господин и даёт золотую монету и говорит: Вот тебе девочка золотая монета, отнеси её твоей бедной матери.

Гости: Ха ха ха! Ловко он её!

Дядя Вось:
А она представте и говорит: я прачка.

Гости: Ха ха ха!

Дядя Вось:
А добрый господин достал из кармана рояль

Гости: Ха ха ха ха!

Княгиня

Манька-Дунька: Ой не могу. зубы даже заболели!
Честное слово!

Хозяин: Ну пора и по домам.

Хозяйка: Досвидание досвидание дорогие гости!

Гости: Досвидание досвидание. Вот уйдём

и дом подожгём

Хозяйка:

<Ах> ты мать чесная!

Хозяин:

<В>от же раз!

<1931>

234

Я подарил вам суп
можите принять его как гостя
хотите в кресло посадите, а хотите
съеште.

Вот вам совет:
Режьте зубами кортофель
кости ломайте клыками
мясо глотайте не жуя
а воду вливайте через ноздри.

Григорий: Я подавился корочкой
Постучите в мою спину
авось открою дверце.

Маша: Тук тук тук!

Григорий: Кто там?

Маша: Бутылка.

Григорий: Ну вот ну вот

опять начинается сновидение.

Маша:

Ну что ты видишь?

Григорий:

Я вижу дом

а в доме суп

он сильно грач и сильно уп

Маша: Зачем же это так?

Григорий: Не спрашивай меня
не утруждай своё стеклянное горлышко
вот я стою на одной ножке
ни кочаюсь не падаю
меня толкают в затылок мошки
но воздух поддерживает меня
вечерней прохладой
вот ногами быстро двигаю
поднимаюсь от земли
над свечёй лечу над книгою
мухи след мой замели
Догони меня Маша!

Маша: Хук хук
варежку долой
поймаю тебя за пятки
не уйдёшь комарик
хук хук
юбочку долой
так легче бежать
ногам шире.
Ай, Гриша, забор!
Ну значит улетел

<1931>

К одному из домов, расположенных на одной из обыкновенных Ленинградских улицах, подошёл обыкновенный с виду молодой человек, в обыкновенном чёрном двубортном пиджаке, простом синем вязанном галстуке и маленькой фетровой шапочке коричневого цвета. Ничего особенного в этом молодом человеке небыло, разве только то, что плечи его были немного узки, а ноги немного длинны, да курил он не папиросу, а трубку; и даже девицы, стоявшие под воротней, сказали ему в след: «тоже американец!» Но молодой человек сделал вид, что не слышал этого замечания и спокойно вошёл в подъезд. Войдя в подъезд, он сунул трубку в карман, снял с головы шапочку, но сейчас же надел её опять, потом вошёл по лестнице, шагая через две ступеньки, на третий этаж. Тут он подошёл к двери, на которой висела бумажка, а на бумажке было написано жирными печатными буквами: «Яков Иванович Фитон». Буквы были нарисованы чёрной тушью, очень тщательно, но расположены были криво. И слово Фитон начиналось не с буквы Ф, а с виты, которая была похожа на колесо с одной перекладной. Молодой человек подошёл к двери совсем вплотную, так, что коснулся её коленями, вынул французский ключ и отпер им замок. Из квартиры послышался визгливый собачий лай, но когда молодой человек вошёл в прихожую, к нему подбежали две маленькие черные собачки, и ткнувшись носами в его ноги, замолчали и весело убежали по корридору. Молодой человек молча прошёл в свою комнату, на дверях которой было так же написано: «Яков Иванович Фитон». Молодой человек закрыл за собой дверь, повесил шляпу на крюк и сел в кресло возле стола. Немного погодя он закурил трубку и принялся читать какую-то книгу. Потом он сел за стол, на котором лежали записные книжки и листы чистой бумаги, стояла высокая лампа с зелёным абажуром, подносик с различными чернильницами, хрустальный стакан с карандашами и перьями и круглая деревянная пепельница. Так, ничего не делая, он просидел за столом часа три и даже по лицу не было видно, чтобы он о чём ни будь думал. Часов в

двенадцать он лёг спать. В кровати он ещё с час перелистывал какую-то книгу, а потом отложил её в сторону и потушил свет.

На другой день Яков Иванович проснулся в 10 часов. Рядом с кроватью, на стуле стоял телефон и звонил. Яков Иванович взял трубку.

– Я слушаю, – сказал Яков Иванович. – Здравствуйте Вера Никитишна. Спасибо, что вы меня разбудили...

<1931>

236

вот совершается переселение трав
дорогу дай беглянкам
не то травы ужастный нрав
кочует по полянкам

<1931>

237. Колода

где мельница там и пороги
льют воду с высока
и дочери мельника недотроги
выводят в поле рысака

<1931>

238

я знаю почему дороги
отрываясь от земли
играют с птицами.
ветхие веточки ветра
качают корзиночки сшитые дятлами
дятлы бегут по стволам
держат в руках карандашики.

вон из дупла вылетает бутылка
и направляет свой полёт к озеру
чтоб наполнится водой.
то то обрадуется дуб
когда в его середину
вставят водяное сердце.
Я проходил мимо двух голубей
голуби стучали крыльями
стараясь напугать лисицу
которая острыми лапками
ела голубиных птенчиков.
Я поднял тетрадь, открыл её
и прочитал семнадцать слов
сочинённых мною накануне.
Моментально голуби улетели,
лисица сделалась маленьким спичечным
коробочком.
А мне было чрезвычайно весело.

<1931>

239

Вот я сижу на стуле. А стул стоит на полу. А пол приделан к дому. А дом стоит на земле. А земля тянется во все стороны, и на право, и на лево, и вперед и назад. А кончается она где-нибудь?

Ведь не может же быть, чтоб нигде не кончалась! Обязательно где ни будь да кончается! А дальше что? Вода? А земля по воде плавает? Так раньше люди и думали. И думали, что там, где вода кончается, там она вместе с небом сходится.

И действительно, если встать на пароходе в море, где ничего не мешает кругом смотреть, то так и кажется, что где то очень далеко небо опускается вниз и сходится с водою.

А небо казалось людям большим твёрдым куполом, сделанным из чего то прозрачного, вроде стекла. Но тогда еще стекла не знали и говорили, что небо сделано из

хрустала. И называли небо твердью, И думали люди, что небо или твердь есть самое прочное, самое неизменное. Всё может измениться, а твердь не изменится. И до сих пор, когда мы хотим сказать про что ни будь, что не должно меняться, мы говорим: это надо утвердить.

И видели люди, как по небу движутся солнце и луна, а звёзды стоят неподвижно. Стали люди к звездам внимательнее приглядываться и заметили, что звёзды расположены на небе фигурами. Вот семь звезд расположены в виде кастрюли с ручкой, вот три звезды прямо одна за другой стоят как по линейке. Научились люди одну звезду от другой отличать и увидели, что звезды тоже движутся, но только все зараз, будто они к небу прикреплены и вместе с самим небом движутся. И решили люди, что небо вокруг земли вертится.

Разделили тогда люди всё небо на отдельные звёздные фигуры и каждую фигуру назвали созвездием и каждому созвездию своё имя дали.

Но только видят люди, что не все звезды вместе с небом двигаются, а есть и такие, которые между другими звездами блуждают. И назвали люди такие звезды планетами.

<1931>

240

Кин – Этого лица я не хотел бы больше видеть.
В нём все противоположно правельному
размещению
бугристые долины разходятся мечами к свету
глаз
пика мешает числам расположиться
в правельных сочетаниях
Законом ищет Бог уравновесить многие
нервности лица

Зак – Вот это справедливо.
Гляжу в тебя как бы разглядывая небо звездное
Где оси длинных разстояний

<1931>

241

Убежали стрехи с плечь
Суним плечи хоть бы в печь
Суним звёзды хоть в мешок
Здревья царствия кишок.
То в кишке бежит водами
он со смехом сытый хлев
он в лицо подносит даме
незаметный муки гнев

Та глядит во все зрачки
в мысли тёмные значки
глаз унылых пяточки
смотрят дерзко сквозь очки
Сквозь меня просунут провод
Жалит в сердце милый овод
Смутно вижу образ подметальщицы
она с венником ходит меня волнуя
я вижу ты собираешься уходить.
Как жаль, что я не могу
пойти с тобой.

<1931>

242

Соседка помоги мне познакомиться с тобой
Будь первая в этом деле.
Я не могу понять
Совсем запутался
Что хочешь ты?
Со мной соседка познакомиться
иль просто в улицу смотреть
пренебрегая той прозрачной птицей
которая летит из учрежденья
и нам с тобой как почта служит.
переноса желанья от сердца к сердцу.

<1931>

243

Почто сидишь
и на меня нисколько не глядишь
а я значёк поставив на бумаге
лишь о твоей мечтаю влаге
ужель затронул вдруг тебя мой взгляд манящий
ужели страсть в твою проникла грудь
и ты глядишь теперь сюда всё чаще
так поскорей же милая моею будь.

<1931>

244

Ты шьёшь. Но это ерунда.
Мне нравится твоя манда
она влажна и сильно пахнет.
Иной посмотрит, вскрикнет, ахнет
и убежит, зажав свой нос.
и вытерая влагу с рук
вернётся ль он. ещё вопрос
ничто не делается вдруг.
А мне твой сок сплошная радость.
ты думаешь, что это гадость,
а я готов твою пизду лизать, лизать
без передышки
и слизь глотать до появления отрыжки.

<1931>

245

Скорей подними занавеску
И жадно смотри на меня.
Ты страстной рукой подними занавеску
И страстно смотри на меня.

<1931>

246

Почему нелюбопытны
Эти бабы супротив?
Потому что первобытны
Как плохой локомотив.

<1931>

247

Роберт

Мабр – Ну с начинаю
двигутся года.
Смотреть и радоваться в книгу сделанную
много сотен лет тому назад не буду
больше никогда.

Садитесь в круг
ученья каждому открою двери.
Без цифр наука как без рук.

начнёмте с цифр:
три контуром напоминает перерезанное сердце
Согласны?

Все
хором – Согласны!

<1931>

248

Гностик: Я буду бить каждого человека

Атрун: Хвали лучше дев от каждого дома нам
доставленных.

Гностик: Я закрываю глаза на всякое дело,
не помеченное в нашей книге Иисуса Христа.

И если девы показывают свои голые тела,
то пусть глядят на них глаза невольников
Сатаны

Но мои глаза будут глядеть на юношей
стоящих по форме торжественных букв
из которых слагается рыба.

Атрун: Как мало радости в складках твоего
измученного лица
Я не думаю чтобы улыбка была твоей няней.
Ты трусишь при мысли совершить грех
Уверен так же, что грех это конница.

Гностик: Потом забыли то о чём я думаю.
Простые значки сада, ключа и трости
не трогают наше величество.
Наш путь пробежал по римским владениям
и украсил собою багряницу и виссон.

Атрун: Ты думаешь об искуплении твоих грехов
Я же думаю о сознаниях Бога.
И мы кровью делаем своё дело.
Но твой неподвижный ум
не позволяет заменить кровь человека
бычачей.
Я же кровью легкой птицы
заменяю кровь людскую

<1931>

249. Воцарение или дверь конца света.

Поэма

Утро. У ворот петербургского дома стоит человек в
бобриковом пальто. Он то стучит в ворота, то спо-
койно гуляет взад и вперёд, то снова с яростью
стучит в ворота.

Пусти!
Кто б ты не был
Тут твою душу спрашивают.
Я тебе твою голову расшибу
или ты чёртов кум бегом прискачешь.
А то разнесу ворота
садону плечом и вышибу
старый мерзавец!
Да что ты спишь или претворяешься?

<1931>

250

Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа

вчера я сидел у окна выставив ухо
земля говорила дереву: произростай
дерево медленно росло – но всё же заметно глазу
то голым стояло то прятало ствол в зелёную вазу
на солнце читая значёк своей радости
планеты порой шивелились меж звёздами
а дерево гнулось махая птичьими гнёздами
семь радуг над деревом возносилось
я видел доски ангельских глаз
они глядели сверху на нас
читая годов добрые числа

<1931>

251. Можно ли до Луны докинуть камнем

Была страшно тёмная ночь. Звёзды, прадво, сияли, да не светили. Ничего нельзя было разглядеть. Может быть, тут рядом дерево стоит, а может быть, лев, а может быть, слон, а может быть, и ничего нет. Но вот взошла луна и стало светло. Тогда стало возможным разглядеть скалу, а

в скале пещеру, а налево поле, а на право речку, а за речкой лес.

Из пещеры вылезли на четверинках две обезьяны, потом поднялись, встали на задние ноги и пошли валкой походкой, размахивая длинными руками.

<1931>

252

На Фонтанке 28
Жил Володя Каблуков
Если мы Володю спросим:
– Эй, Володя Каблуков!
Кто на свете всех сильнее?
Он ответит: Это я!
Кто на свете всех умнее?
Он ответит: Это я!
Если ты умнее всех
Если ты сильнее всех

<1931>

253

В 2 часа дня на Невском проспекте или, вернее, на проспекте 25-го Октября ничего особенного не случилось. Нет нет, тот человек возле «Коллизея» остановился просто случайно. Может быть, у него развязался сапог или, может быть, он хочет закурить. Или нет, совсем нето! Он просто приезжий и не знает куда итти. Но где же его вещи? Да нет, постойте, вот он поднимает зачем-то голову, бутго хочет посмотреть в третий этаж, даже в четвертый, даже в пятый. Нет, смотрите, он просто чихнул и теперь идет дальше. Он немножечко сутул и держит плечи приподнятыми. Его зеленое пальто раздувается от ветра. Вот он свернул на Надеждинскую и пропал за углом.

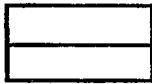
Восточный человек, чистильщик сапог, посмотрел ему в след и разгладил рукой свои пышные черные усы.

Его польто длинное, плотное, сиреневого цвета не то в клетку, не то в полоску, не то, чорт подери, в горошину.

<1931>

254

Прежде, чем притти к тебе, я постучу в твоё окно. Ты увидешь меня в окне. Потом я войду в дверь и ты увидеть меня в дверях. Потом я войду в твой дом и ты узнаешь меня. И я войду в тебя и никто, кроме тебя, не увидет и не узнает меня.

Ты увидешь меня в окне.

Ты увидешь меня в дверях.

<1931>

255. Бог Подарил Покой

Мистерия времени и покоя.

Фараон Тут Анх-Атон:

Успею встать

Успею лечь

Успею умереть и вновь родиться

держу в руках трон, яблоко и мечь

сумею от всякого чорта загородиться

<1931>

256

Антон Гаврилович Немецкий бегаёт в халате по комнате. Он разглаживает коробочкой, показывает на неё пальцем и очень очень рад. Антон Гаврилович звонит в колокольчик, входит слуга и приносит кадку с землей. Ан. Гав. достаёт из коробочки боб и сажает его в кадку. Сам же А. Г. делает руками замечательные движения. Из кадки растёт дерево.

<1931>

257

блоха болот
лягушка
ночная погремушка

далёкий лот
какой прыжок
бугор высок
стоит избушка

упал висок
загорелся песок
согнулся носок
отвалился кусок
не хватило досок
напустили сорок
плавал сок.

<1929–1931>

258

Веля – Меня зовут веля.

Мркоков – Подожди, это ли надо было сказать?

Веля – Сядем сядем и подумаем.

(Мркоков садится и Веля садится).

Мркоков – Ну?

Веля – Ты ел сегодня труху?

Мркоков – Я очень обижен. Почему я должен есть труху?

Веля – Я не то хотел сказать. Я хотел сказать: ты видел сегодня паходу?

Мркоков – Как можешь ты так говорить. Ты знаешь ведь, что я редька.

Веля – Редька Мркоков: Вот это странно.

Мркоков – Я был сегодня в магазине
там было много огурцов
они лежали все в карзине
и только восемь на полу
Я сосчитал их было восемь
и два прикащика
Ты веришь или нет?

<1930–1931>

259

Грянул хор и ходит басс
Бог с икон смотрел анфас
мы в молитвах заблудились
мы в младенцев превратились
наших рук и наших ног
думы слабые плелись
наших был и наших мог
в камни крепкие сплелись
мы живём и жуём
Богом сделанные травы
мы умрём и втроём
выйдем к Богу из дубравы
не с трубой, а с тобой
сядем к Богу на колени
будем петь и глядеть
как небесные олени
пробегают
на врага
устремив свои рога

как тигрицы и ехидны
на цветах сидят невидны.

<1930–1931>

260

Иван Фёдорович пришёл домой. Дома ещё никого не было. Кот по имени Селиван сидел в прихожей на полу и что-то ел.

– Ты что это еш? – спросил кота Иван Фёдорович. Кот посмотрел на Ивана Фёдоровича, потом на дверь, потом в сторону и взяв что-то невидное с полу начал опять есть.

Иван Фёдорович прошёл на кухню мыть руки.

В кухне на плите лежала маленькая чёрненькая собачка по имени Кепка. Иван Фёдорович любил удивить людей и некоторые вещи делал шиворот на выворот. Он нарочно приучил кота Селивана сидеть в прихожей, а собаку Кепку лежать на плите.

– Что Кепка? лежишь? – сказал Иван Фёдорович, намылив руки. Кепка на всякий случай села и оскалила правый клык, что означало улыбку.

<1930–1931>

261

В Америке в каждой школе висит плакат:

Каждый мальчик и каждая девочка должны есть горячую овсянку
--

- Я не хочу горячей овсянки, – сказал Том Плампкин.
- Она такая паршивая – сказал Дэви Чик.
- И вонючая, – сказал Том Плампкин.
- И щёлкает на зубах, – сказал Дэви Чик.

Том Плампкин достал из кармана кусок бумажки, сложил её фунтиком, переложил туда с тарелки овсянку, и спрятал фунтик обратно в карман.

Дэви Чик достал из кармана металлическую баночку из-под зубного порошка и тоже переложив туда свою овсянку спрятал баночку в карман.

<1930–1931>

262. Пьеса для мужчины и женщины

Выходит Ж., постояла и ушла.

Выходит М. постоял и ушел.

Выходит Ж. постояла и ушла.

Выходит Ж. со стороны М.

Ж. (*монолог*) Люблю цветы искать на речке
плыть мимо хижен. спать в траве.
Я жду мужчину, Он в косоворотке.
Он в колечке.
Он ходит весь на рукаве.
Он живет на горе.
Мы скорей на пароходе
в Амстердам
в Амстердам
к брату милому Володе
которого нету там,
он за мною в сапогах
я в косынке от него
ах ах ах ах!
вы не знаете всего.

М. (*входит*). бабушка

<1930–1931>

263

Клан: Вот знак моего облака
рогиня моих веток
слуги моего дня

послушные мне единым словом
бегите ловкие солдаты
поймайте бабочку
сидящую вот там на ветке
во отцвете лет
уложенных в минуты душные
глядящую в толпу цветов
где одуванчиков головки пушные
дождавшись ночи рассыпаются
хочу знать бабочек законы размножения
вы маленькие голуби
гнезда себе не строя
в капусту на ночь залетаєте
мы в огород идём, нас трое
вы нас узнали?
или вовсе нас не знаете?

бабочки: незнакомых ваших лиц
мы не знаем не куём
в доки быстрых ваших глаз
в уши боги не поём
не пугаем вовсе вас
не влетаем к вам в окно
не садимся к мамке в рот
что же вы от нас хотите.
Или временно народ
забывая стыд и срам
ставит жертвенник машине
паровозу белый храм

Клан: Ко
эй слуги знаки буквы и числа
ловите негодниц в зелёные сачки

Слуга и знаки: Сейчас сейчас поймаем
негодниц и злодеек
мы крылья им обрежем
поверьте в нашу прыть
поверьте в нашу прыть

Буквы

и числа: Нам только б до них добраться
уж мы тогда покажем
уж мы тогда покажем
покажем нашу честь
покажем нашу честь

Клан: вон за кустом на камень встаньте
то будет выше опора

<1930–1931>

264

В одном городе, но я не скажу в каком, жил человек, звали его Фома Петрович Пепермалдеев. Роста он был обыкновенного, одевался просто и незаметно, большей частью ходил в серой толстовке и темно-синих брюках, на носу носил круглые металлические очки, волосы зачёсывал на пробор, усы и бороду брил и вообще был человеком совершенно незаметным.

Я даже не знаю, чем он занимался: толи служил где-то на почте, толи работал кем то на лесопильном заводе. Знаю только, что каждый день он возвращался домой в половине шестого и ложился на диван отдохнуть и поспать часок. Потом вставал, кипятил в электрическом чайнике воду и садился пить чай с пшеничным хлебцем.

<1930–1931>

Я один. Каждый вечер Александр Иванович куда ни будь уходит и я остаюсь один. Хозяйка ложится рано спать и запирает свою комнату. Соседи спят за четырьмя дверями, и только я один сижу в своей маленькой комнатке и жгу керосиновую лампу.

Я ничего не делаю: собачий страх находит на меня. Эти дни я сижу дома, потому что я простудился и получил грипп. Вот уже неделя держится небольшая температура и болит поясница.

Но почему болит поясница, почему неделю держится температура, чем я болен и что мне надо делать? Я думаю об этом, прислушиваюсь к своему телу и начинаю пугаться. От страха сердце начинает дрожать, ноги холодеют и страх хватает меня за затылок. Я только теперь понял, что это значит. Затылок сдавливают снизу и кажется: ещё немножко и сдавят всю голову сверху, тогда утеряется способность отмечать свои состояния и ты сойдешь с ума. Во всем теле начинается слабость и начинается она с ног. И вдруг мелькает мысль: а что, если это не от страха, а страх от этого. Тогда становится еще страшнее. Мне даже не удастся отвлечь мысли в сторону. Я пробую читать. Но то, что я читаю, становится вдруг прозрачным и я опять вижу свой страх. Хоть бы Александр Иванович пришёл скорее! Но раньше, чем через два часа, его ждать нечего. Сейчас он гуляет с Еленой Петровной и объясняет ей свои взгляды на любовь.

266. Дон-Жуан

Действующие лица:

Духи.	Второй кавалер.
Один дух.	I Дама
Другой дух.	Супруг
III, IV, V, VI, VII духи.	II, III дамы.
Проходящие Облака.	Пролетающие жуки.
Расцветающие цветы.	Мальчик
Пролетающие журавли.	Девочка
Озёра и реки.	Гений Д. Х.
Заходящее Солнце.	Нисета.
Соловей в роще.	Боабдил.
Голос.	I Приятель Дон-Жуана
Сатана.	из Кадикса.
Инквизитор.	II Приятель.
Фискал.	Дон Цезарь.
Член священного	I, II и III солдаты.
трибунала в Севилье.	Офицер.
II член.	Слуга.
Лепорелло.	Музыканты.
Шпион.	Пираты.
Дон Жуан.	Статуя.
Командор.	Настоятель.
Дон-Октавио.	I Монах.
Донна-Анна.	II Монах.
Первый кавалер.	Хор Монахов.

ПРОЛОГ

Духи: быть – это быть
и тот, кто был, тот будет
быть – это радость
и тот, кто хочет быть, – тот будь.
И в колыбель его кладут в младенчестве
и кормят молоком
и с молоком впервые он вкушает радость.
А в детстве он идёт
и посещает школу,
а в школе получает знание

и в знаниях он видит радость.
А в юности он сильно любит
и чувствует большую радость.
А в зрелости он получает силу
и в силе ощущает радость.
А в старости он получает мудрость
и модростью он произносит слово,
и это слово – радость.

Дух

Фирмапелиус: Тому, кто хочет быть, и стал
тому всегда прилична глупость.

Дух

Бусталбалиус: Быть это значит быть умом.
И тот, кто хочет быть,
тот будет умным.

Дух

Фирмапелиус: А тот, кто хочет быть – и будет,
того тотчас же одолеет глупость.

Дух

Бусталбалиус: А я твержу и утверждаю:
быть, это значит быть неглупым.
И ты, приятель Фирмапелиус
жестoko ошибаешься.

Дух

Фирмапелиус: Скажу тебе друг Бусталбалиус,
что ты прямое доказательство,
того, что значит быть.

Дух

Бусталбалиус: Я не был и не буду никогда
и ты не будешь никогда
и никогда ты не был.

Проходящие

облака: А потому и разговор небывших
мы будем называть небывшим.

Расцветающие

цветы: А размышленье проходящих
мы называем проходящим.

Заходящее

солнце: Что не успело расцвести,
то не успело мудрости приобрести.

Озёра и реки:

Течение всегда приятно
и радостен покой.
Когда мы пристально глядим
на что-нибудь,
то наши мысли быстро несутся
и мы, не в силах оглянуться,
летим с порога на порог
журчим рекой на поворотах
и поднимаем в верх волну.
Но вот затихло быстрое течение
мы видим шире, больше,
видим сразу много
и не спешим, а тихо разливаемся
и делаем свою поверхность гладкой.
И гладкая поверхность отражает небо.
А в небе, ночью, светят звезды,
а днём летят по небу птицы
и отражаются в воде.

Пролетающие

журавли: В этих водах, наши крылья
очень чёрны, журавли.
В этих водах, наши крики
очень громки, журавли.
В этих водах, наши ноги
могут быстро обмануть.
В этих водах, наши дети
могут быстро утонуть.
Эти воды, нашим детям,
очень гладки, журавли.
Эти воды, нашим детям,
не годятся, журавли.

Голос: Эй тварь
живая и неживая,
такая и нетакая,
от племяни и не от племяни,
во времяни и не во времяни
расступись
перед ним, перед самим,
господином
и таким и не таким!

Сатана: Вселенная стой!

ЧАСТЬ I

Инквизитор: Стой!
Я ещё на всё тебя спросил.
Ты не сказал мне
как зовут его слугу.

Фискал: Сейчас скажу.
Я только справлюсь в этой книжечке.
Тут, у меня, всё нужное записано.
Вот перечень главнейших книг,
а вот литература,
которая меня интересует;
всё больше, кажется, по математике.
А вот таблица чисел,
их свойства и значения.
Вот непонятные слова,
которые мне приходилось слышать,
Вот перечень породы бабочек...

Инквизитор: Довольно!
Эти глупости меня не занимают.
Мне нужно имя,
или я пушу в тебя четыре пули.

Фискал: Вот имена погибших
Вот имя Дон-Жуана,
а вот его слуги.

Инквизитор: Ну как же?

Фискал: Лепорелло.

**І член
священного
трибунала:**

<1932>

267

Я ключом укал пана
ноги ноги мои стрелы
пан упал и пели девы
думы думы где вы? где вы?
А над паном пели боги
ноги ноги мои ги ги
где вы где вы мои ноги
где вы руки? где вы книги.
там у пана мысли дуги
мысли дуги мысли боги
мысли в темяни подруги
разгибают свои ноги
разгибают свои руки
открывают свои книги
открывают мысли время
открывают мысли миги
а над мигом пели боги
где вы руки мои раки
где вы руки? где вы ноги?
Отвечают: мы во мраке
в темноте не видя света
прозябаем боги с лета
нам бы доступ только в книги.
Боги боги! миги миги!

1932 год. декабрь

моя любовь
к тебе секрет
не дрогнет бровь
и сотни лет.

пройдут года
пройдёт любовь
но никогда
не дрогнет бровь.

тебя узнав
я всё забыл
и среди забав
я скучен был

мне стал чужим
и странным свет
я каждой даме
молвил: нет.

<1932>

269

однажды господин Кондратьев
попал в американский шкаф для платьев.
и там провёл четыре дня.
На пятый вся его родня
едва держалась на ногах.
Но в это время ба-ба-бах!
скатили шкаф по лестнице и по ступеньками
до земли
и, в тот же день, в Америку на пароходе увезли.
Злодейство, скажите. Согласен.
Но помните: влюблённый человек всегда опасен.

<Январь 1933>

270. Наблюдение

два человека в злобном споре
забыли всё вокруг, но вскоре
им стал противен это спор
и вот они не спорят больше с этих пор
Они друг к другу ходят в гости
пьют сладкий чай, жуют печенье
угасли в них порывы прежней злости
они друг к другу чувствуют влечение.
И если нет возможности им встретиться,

то каждый в лоб себе из пистолета метится
и презирая жизни лодку
спешит в тартар и восклицает во всю глотку:
«Порвись порвись моя окова
держат в разлуке нас нет смысла никакого».
Счастливые натуры! В наше время
не часто встретишь ловкую пару.
То кнут сломается, то лопнет стремя,
то ногу боком конь прижмёт к амбару
Удачи редки в наши дни
Вы, в этом случае, одни
в своей удаче двухсторонней.
Мой глаз, хотя и посторонний
следит за вами со вниманием.
Вот вы расходитесь. За «досвиданием»
вы кажите друг другу спины
идёте по домам, но чудные картины
витают в вашем пронизательном мозгу.
об этом вы до этих пор друг другу ни гу гу
молчали чаю в рот набрав.
Но кто из вас не прав,
кто виноват во всей создавшейся никчёмной
сложности
судить об этом не имею никакой возможности.
при следующем свидании вы сами выйдите
из тупика.

Ну, до свидание, пока.

7 января 1933 года.

271. Страсть

Я не имею больше власти
таить в себе любовные страсти.
Меня натура победила
я озверев грызу удила
из носа дым валит столбом
и волос движется от страсти надо лбом.

Ах если б мне иметь бы галстук нежный
сюртук из сизого сукна
стоять бы в позе мне небрежной
смотреть бы сверху из окна
как по дорожке белоснежной
ко мне торопится она.

Я не имею больше власти
таить в себе любовные страсти
они кипят во мне от злости
что мой предмет любви меня к себе
не приглашает в гости.
Уже два дня не видел я предмета.
На третий кончу жизнь из пистолета

Ах если б мне из Эрмитажа
на зло соперникам врагам
украсть бы пистолет Лепажя
и взор направив к облакам,
вдруг перед ней из экипажа
упасть бы замертво к ногам.

Я не имею больше власти
таить в себе любовные страсти
Они меня как лист изсушат
как башню временем разрушат
нарвут на козьи ножки, с табаком раскурят
сотрут в песок и измечулят.

Ах если б мне предмету страсти
пересказать свою тоску
и разорвав себя на части
отдать бы ей себя всего и по куску,
и быть бы с ней вдвоём на много лет
в любовной власти
пока над нами не преьбют могильную доску.

7 января 1933 года.

272

Передо мной висит портрет
Алисы Ивановны Порет.
она прекрасна точно фея,
она коварна пуще змея
они хитра моя Алиса
хитрее Рейнеке Лиса.

<январь 1933>

273

Один монах вошёл в склеп к покойникам и крикнул:
«Христос воскрес!» А оно ему всё хором: Востину вос-
кресе!

<январь 1933>

274

играли в море два дельфина
друг друга хлопали хвостами
и морды на подобие графина
мелькали над водой местами.

<январь 1933>

275

П<стр> М<ихайлович>: Вот этот цветок красиво по-
ставить сюда. Или, может быть, лучше так? Нет, так,
пожалуй, уж очень пестро. А если потушить эту лампу,
а зажечь ту? Так уже лучше. Теперь сюда положим дорож-
ку, сюда поставим бутылку, тут рюмки, тут вазочка, тут
судочек, тут баночка, а тут хлеб. Очень красиво! Она
любит покушать. Теперь надо рассчитать так, что бы

только одно место было удобно. Она туда и сядет. А я сяду как можно ближе. Вот поставлю себе тут вот этот стул. Выйдет, что мне больше некуда сесть, и я окажусь рядом с ней. А встречу я её, будто накрываю на стол и не успел расставить стулья. Все выйдет очень естественно. А потом, когда я окажусь рядом с ней, я скажу: «Как хорошо сидеть с вами». Она скажет: «Ну чего же тут хорошего?» Я скажу: «Знаете, мне просто с вами лучше всего. Я, кажется, немножко влюбился в вас». Она скажет... Или нет, она просто смутится и покраснеет или опустит голову. А я, с этого места, наклонюсь к ней и скажу: «Вы знаете, я просто влюбился в вас. Простите меня». Если она опять промолчит, я склонюсь к ней еще ближе... Лучше бы конечно пересесть к ней на диванчик. Но это может её испугать. Придется со стула. Вот не знаю, дотянусь ли? Если она будет сидеть прямо, то, пожалуй, дотянусь, но если она отклонится к стенке, то, пожалуй, не дотянусь. Я ей скажу: «Мария Ивановна, вы разрешаете мне влюбиться в вас?» – нет, это глупо! Я лучше так скажу: «Мария Ивановна! Хорошо ли, что наша дружба перешла вон во что!» Нет, так тоже не годится! Вообще надо её поцеловать, но сделать это надо постепенно. Неожиданно нельзя.

(Входит Илья Семенович)

Ил. Сем. – Петя, к тебе сегодня никто не придет?

Петр Михайлович – Нет, придет, дядя.

Ил. Сем. – Кто?

П. М. – Одна знакомая дама.

Ил. Сем. – А я шел сейчас по улице и думал, что бы если у людей на голове вместо волос росла бы медная проволока?

П. М. – А зачем дядя?

Ил. Сем. – А здорово было бы! Ты представь себе, на голове вместо волос яркая медная проволока! Ты знаешь, тебе это было бы очень к лицу. Только не тонкая проволока, а толстая. Толще звонковой. А еще лучше не проволока, а гвозди. Медные гвозди! Даже с шапочками. А знаешь что? Лучше не медные, это похоже на рыжие

волосы, а лучше платиновые. Давай закажем себе такие парики!

П. М. – Нет, мне это не нравится.

Ил. Сем. – Напрасно. Ты не вошел во вкус. Ах! *(опрокидывает вазочку с цветком)*

П. М. – Ну смотри, сейчас ко мне придут гости, а ты всё тут перебил. И скатерть вся мокрая.

Ил. Сем. – Скорей Петя, снимай всё со стола. Мы повернем скатерть тем концом сюда, а тут поставим поднос.

П. М. – Подожди, не надо снимать.

Ил. Сем. – Нет нет, надо повернуть скатерть. Куда это поставить?

(Ставит блюдо с салатом на пол)

П. М. – Что ты хочешь делать?

Ил. Сем. – Сейчас. Сейчас!

(Снимает все со стола)

П. М. – Дядя. Дядя! Оставьте это!

(Звонок)

Это она!

Ил. Сем. – Скорей поворачивай скатерть. *(Попадает ногой в салат)* Ох, Боже мой! Я попал в салат!

П. М. – Ну зачем вы всё это выдумали!

Ил. Сем. – Тряпку! Все в порядке. Неси тряпку и иди отпирать дверь. *(роняет стул)*

П. М. – Смотрите, вы рассыпали сахар!

Ил. Сем. – Это ничего. Скорей давай тряпку!

П. М. – Это ужасно. *(Поднимает с пола тарелки)* Что вы делаете?

Ил. Сем. – Я пролил тут немного вина, но сейчас вытру диван своим носовым платком.

П. М. – Вы лучше оставте это всё. *(Звонок)*

Оставте всё в покое! *(Убегает)*

Ил. Сем. – Ты скажи ей, что я твой дядя, или лучше скажи, что я твой двоюродный брат... *(снимает со стола)*

тарелки и ставит их на диван) Скатерть долой! Теперь можно всё поставить. (Бросает скатерть на пол и ставит на стол блюда с пола) Чорт возьми весь пол в салате!

*(Входит Мария Ивановна в пальто,
а за ней Петр Михайлович)*

П. М. – Входите, Мария Ивановна. Это мой дядя. Познакомьтесь.

Ил. Сем. – Я Петин дядя. Очень рад. Мы с Петей не успели накрыть на стол... Тише, тут на пол попал салат!

М. И. – Благодарю вас.

П. М. – Снимайте пальто.

Ил. Сем. – Разрешите я помогу вам.

П. М. – Да вы, дядя, не беспокойтесь, я уже помогаю Марии Ивановне.

Ил. Сем. – Простите, тут у нас не накрыт ещё стол. *(Запутывается ногами в скатерти)*

М. И. – Вы упадёте! *(Смеётся)*

Ил. Сем. – Простите, тут, я думал, ничего нет, а тут эта скатерть упала со стола. Петя подними стул.

М. И. – Подождите, я сама сниму ботинки.

Ил. Сем. – Разрешите мне. Я уж это умею.

П. М. – Дядя, вы лучше стул поставте на место!

Ил. Сем. – Хорошо хорошо! *(ставит стул к стене)*

(Молчание. Все стоят на месте. Проходит минута)

Ил. Сем. – Мне нравится причёска на пробор.

Мне хочется иметь на голове забор

Мне очень хочется иметь на голове забор.

который делит волосы в серёдке на пробор.

П. М. – Ну вы просто дядя выдумали что то очень странное!

М. И. – Можно мне сесть сюда?

П. М. – Конечно. Конечно. Садитесь!

Ил. Сем. – Садитесь конечно! Конечно!

П. М. – Дядя!

Ил. Сем. – Да да да.

*(М. И. садится на диван.
Дядя достает изо рта молоток)*

П. М. – Что это?

Ил. Сем. – Молоток.

М. И. – Что вы сделали? Вы достали его изо рта?

Ил. Сем. – Нет нет, это пустяки!

М. И. – Это фокус? *(Молчание)*

М. И. – Стало как-то неуютно.

П. М. – Сейчас я накрою на стол и будет лучше.

М. И. – Нет, Петр Михайлович, вы ужасны!

П. М. – Я! Почему я ужасен?

М. И. – Ужасно! Ужасно! *(Дядя на ципочках выходит из комнаты).*

М. И. – Почему он ушёл на ципочках?

П. М. – Я очень рад, что он ушел. *(Накрывает на стол)* Вы простите меня за беспорядок.

М. И. – Я когда шла к вам, то подумала, что лучше не ходить. Надо слушаться таких подсказок.

П. М. – Наоборот, очень хорошо, что вы пришли.

М. И. – Не знаю, не знаю.

(П. М. накрывает на стол)

П. М. – Весь стол в салате! и сахар рассыпан! Слышите как скрипит под ногами? Это очень противно! Вы завтра станете всем рассказывать, как у меня было.

М. И. – Ну, может быть кому ни будь и расскажу.

П. М. – Хотите выпить рюмку вина?

М. И. – Нет спасибо я вино пить не буду. Сделайте мне бутерброт с сыром.

П. М. – Хотите чай?

М. И. – Нет, лучше не стоит. Я хочу скоро уходить. Только вы меня не провожайте.

П. М. – Я сам не знаю, как надо поступить. На меня напал столбняк.

М. И. – Да да, мне лучше уйти.

П. М. – Нет, по-моему лучше вам не уходить сразу. Вы должны меня великодушно простить...

М. И. – Зачем вы так говорите со мной?

П. М. – Да уж нарочно говорю так.

М. И. – Нет это просто ужасно всё.

П. М. – Ужасно! Ужасно! Ужасно!

(Молчание)

П. М. – Мне всё это страшно нравится! Мне нравится именно так сидеть с вами.

М. И. – И мне тоже.

П. М. – Вы шутите, а я правду говорю. Мне честное слово всё это нравится!

М. И. – У вас довольно прохладно *(вынимает изо рта молоток)*

П. М. – Что это?

М. И. – Молоток.

П. М. – Что вы сделали? Вы достали его изо рта!

М. И. – Он мне сегодня весь день мешал вот тут *(показывает на горло)*

П. М. –

Вы видите в моих глазах продолговатые лучи.

они струятся как бы косы

и целый сад шумит в моих ушах

и ветви трутся друг о друга.

и ветром движутся вершины

и ваши светлые глаза

как непонятные кувшины

мне снятся ночью. Боже мой!

М. И. – К чему вы это говорите?

Мне непонятна ваша речь.

Вы просто надо мной смеётесь.

вы коршун я снигирь

вы на меня глядите слишком яростно

и слишком часто дышите

Ах не глядите так! Оставьте!

Вы слышите?

П. М. –

<1933>

276. Объяснение в любви.

Водевиль

Он: Тут никого нет. Посижу ка я тут.

Она: А, кажется, я одна. Никто меня не видит и не слышет.

Он: Вот хорошо, что я один. Я влюблён и хочу об этом подумать.

Она: Любит ли он меня? Мне так хочется, чтобы он сказал мне это. А он молчит, всё молчит.

Он: Как бы мне объясниться ей в любви. Я боюсь, что она испугается и я не смогу её больше видеть. Вот бы узнать, любит она меня или нет.

Она: Как я его люблю! Неужели он это не видит. А вдруг заметит и не захочет больше со мной встречаться.

<1933>

277

Камнями милая подруга
искала ночью тёмный лес
она бродила как лунатик
её ногами двигал бес
она с дороги быстро сбилась
её сердечко быстро билось
она звала, она кричала
но только эхо отвечало
на одинокий девы крик
да ветер плакал как старик.
тут между скал бродили волки
блистали ночью их глаза.
зрачки волков остры и колки
и если горная коза
завидит волчий блеск зрачка
она несётся с кондачка.

<1933>

Вбегают Рябчиков с кофейником в руке.

Рябчиков: Хочу пить кофе. Кто со мной?

Анна: Это настоящий кофе?

Хор: Кофе кофе поднимает
поднимает нашу волю
пьющий кофе понимает
понимает свою долю.

Рябчиков: Гда сахар?

Хор: Сахар Сахар
тает от огня
Сахар Сахар
любимая пища коня.

Конь: Я сахаром жить готов. Почему же нет?

Анна: Конь пойдй сюда, возьми у меня с ладони
кусочек сахара.

(Конь слизывает сахар с ладони Анны)

Конь: Ах как вкусно! Ах как сладко!

Рябчиков: Где молоко?

Хор: Молоко стоит в кувшинах
Молоко забава коз
в снежных ласковых вершинах
молоко трясёт мороз
и молочные ледяшки
наше горло больно режут
Ах морозы больно тяжко
ломают кости, после нежат
от мороза гибнет зверь
запирайте крепче дверь!
чтобы в скважены и в щели
не пробрался к нам мороз
мы трясемся, мы в постеле
гибнем с криком от стрекоз
уж и лампы нам не нужны
тьма кругом во тьме доска
мы стрекозы
гибнем дружно
света нет. кругом тоска.

Анна: Ну садитесь пить душистый
черный, клейкий и густой
кофе ласковый, пушистый

Хор: Мы не можем, мы с тоской.

Рябчиков: А где, хозяйка, чайная серебрянная ложечка?

Хозяйка (*все та же Анна*): Ложечка растопилась. Она
лежала на плите и растопилась.

Хор: Все серебрянные вещи
Туго плавки туго плавки
вы купите воск и клещи
в мелочной дорожной лавке.

<1933>

279. Архитектор

Каблуков: Мария!

Мария: Кто зовёт меня?
Я восемь лет не слышала ни звука.
И вдруг в моих ушах
зашевелилась тайная пружина.
Я слышу грохот ломовой телеги
и стук приклада о каблук при смене
караула.
Я слышу разговор двух плотников.
Вот, говорит один: махорка.
Другой, подумав, отвечает: суп
и пшённая каша.
Я слышу на Неве трещит моторка.
Я слышу ветром хлопает о стену крыша.
Я слышу чей то тихий шёпот: Маша!
Маша!
Я восемь лет жила не слыша.
Но кто зовёт меня?

Каблуков: Мария!

Вы слышите меня Мария?
Не пожалейте ваших ног,
сойдите вниз, откройте двери.

Я весь, Мария, изнемог.
Скорей, скорей откройте двери!
А в темноте все люди звери.

Мария: Я не могу сама решиться.
Мой повелитель архитектор.
Его спросите.
Может быть, он вам позволит.

Каблуков: О непонятная покорность!
Ужель не слышите волненья,
громов могучих близкий бой,
домов от страха столкновенье,
и крик толпы, и страшный вой,
и плач, и стон,
и тихое моление,
и краткий выстрел над Невой.

Мария: Напрасна ваша бурная речь.
Моё ли дело – конь и меч?
Куда идти мне с этого места?
Я буду тут.
Ведь я невеста.

Каблуков: Обязанности брачных уз
имеют свой особый вкус.
Но кто хоть капельку не трус,
покинув личные заботы
и в миг призвав на помощь муз,
бежит в поля большой охоты.

Мария: Смотрите!
Архитектор целится вам в грудь!

Каблуков: Убийца!
Твой черёд не за горами!

(Архитектор стреляет).

Мария: Ах!
Дым раздвинул воздух сизыми шарами!

Архитектор: Очищен путь,
Восходит ясный день.
И дом закончен, каменный владыка.
Соблюдена гармония высот и тяжести.
Любуйся и ликуй!
Гранита твёрдый лоб,
изъеденный времён писанием,
упёрся в стен преграду.
Над лёгкими рядами окон,
в верху, воздушных бурь подруга,
раскинулась над нами крыша.
Флаг в воздухе стреляет.
Хвала и слава архитектору!
И архитектор – это я.

*весна 1933 года.
Даниил Хармс*

280. Математик и Андрей Семенович

Математик

(вынимая из головы шар):

Я вынул из головы шар.
Я вынул из головы шар.
Я вынул из головы шар.
Я вынул из головы шар.

Андрей Семенович:

Положь его обратно.
Положь его обратно.
Положь его обратно.
Положь его обратно.

Математик:

Нет, не положу!
Нет, не положу!
Нет, не положу!
Нет, не положу!

Андрей Семен.:

Ну и не клади.

Ну и не клади.

Ну и не клади.

Математик:

Вот и не положу!

Вот и не положу!

Вот и не положу!

Андр. Семен.:

Ну и ладно.

Ну и ладно.

Ну и ладно.

Математик:

Вот я и победил!

Вот я и победил!

Вот я и победил!

Андр. Семен.:

Ну победил и успокойся!

Математик:

Нет, не успокоюсь!

Нет, не успокоюсь!

Нет, не успокоюсь!

Андр. Семен.:

Хоть ты и математик, а честное слово, ты не умён.

Математик:

Нет, умён и знаю очень много!

Нет, умён и знаю очень много!

Нет, умён и знаю очень много!

Андр. Семен.:

Много, да только всё ерунду.

Математик:

Нет, не ерунду!
Нет, не ерунду!
Нет, не ерунду!

Андр. Семен.:

Надоело мне с тобой препираться.

Математик:

Нет, не надоело!
Нет, не надоело!
Нет, не надоело!

*(Андрей Семенович досадливо машет рукой и уходит. Математик, постояв минуту, уходит вслед за Андреем Семеновичем).
Занавес*

11 апреля 1933 года

**281. Четыре иллюстрации
того, как новая идея
огораживает человека,
к ней не подготовленного**

I

Писатель: Я писатель.

Читатель: А по-моему, ты г...о!

(Писатель стоит несколько минут потрясенный этой новой идеей и падает замертво. Его выносят).

II

Художник: Я художник.

Рабочий: А по-моему, ты г...о!

*(Художник тут же побелел как полотно,
И как тростинка закачался,*

*И неожиданно скончался,
Его выносят).*

III

Композитор: Я композитор.

Ваня Рублёв: А по-моему, ты г...о!

(Композитор, тяжело дыша, так и осел. Его неожиданно выносят).

IV

Химик: Я химик.

Физик: А по-моему, ты г...о!

(Химик не сказал больше ни слова и тяжело рухнул на пол).

13 апреля 1933 года

282

Шарики сударики
блестят шелестят
шарики сударики
блестят шелестят
и люди тоже шелестят
и шарики шелестят
и люди тоже шелестят
блестят шелестят
и шарики тоже
блестят шелестят
и люди блестят шелестят
и шарики блестят шелестят
и люди стоят
и блестят шелестят
а шарики летят
и блестят шелестят

а люди глядят
как шарики летят
как шарики летят
и блестят шелестят
и люди тоже
блистят шелестят
и глядят
как шарики тоже
блестят шелестят
люди с палками стоят
и блестят шелестят
и на шарики глядят
как шарики летят
как шарики летят
и блестят шелестят
и палки тоже
блистят шелестят
и люди блестят шелестят
и палки блестят шелестят
и шарики тоже
блестят шелестят
а люди стоят
и на шарики глядят
и на шарики глядят
и блестят шелестят
и палки тоже блестят шелестят.

13 апреля. 1933 года.

283

Ходит путник в час полночный
прячет в сумку хлеб и сыр
а над ним цветок порочный
вырастает в воздух пр.
Сколько влаги сколько неги
в том цветке растущем из
длинной птицы в быстром беге
из она летящей вниз.

Вынул путник тут же сразу
пулю – дочь высоких скал.
Поднял путник пулю к глазу
бросил пулю и скакал.
Пуля птице впилась в тело
образуя много дыр
больше птица не летела
и цветок не плавал пр.
только путник в быстром беге
повторял и вверх и в низ:
«Ах, откуда столько неги
в том цветке растущем из».

17 апреля <1933>

284. Пьеса

I Действие

Кока Брянский: Я сегодня женюсь.

Мать: Что?

Кока Бр.: Я сегодня женюсь.

Мать: Что?

Кока Бр.: Я говорю, что я сегодня женюсь.

Мать: Что ты говоришь?

Кока: Се-го-во-дня-же-нюсь!

Мать: же? что такое же?

Кока: Же-нить-ба!

Мать: ба? Как это ба?

Кока: Не ба, а же-нить-ба!

Мать: Как это не ба?

Кока: Ну так, не ба и всё тут!

Мать: Что?

Кока: Ну не ба. Понимаешь! Не ба!

Мать: Опять ты мне это ба. Я не знаю, зачем ба.

Кока: Тпфу ты! *же* да *ба*! Ну что такое же! Сама то ты не понимаешь, что сказать просто *же* – бессмысленно.

Мать: Что ты говоришь?

Кока: *Же*, говорю, *бессмысленно*!!!

Мать: Сле?

Кока: Да что это в конце концов! Как ты умудряешься это услышать только кусок слова, да ещё самый нелепый: сле! Почему именно сле!

Мать: вот опять сле.

*Кока Брянский душил мать.
Входит невеста Маруся.*

<апрель 1933>

285

игнес игнес
какой восхитительный лес!
я в миг ослеп
что было цветом
стало вес
кора осины
зверю хлеб
мы набрали полные корзины
волчих ягод
всё это зря.
Новой жизни рухнула заря
игнес игнес
где наши кости лягут?

Игнес – Нарочно за руку подвёл тебя к опушке
леса
тут разыграется сейчас одна великая пиеса.
Из мысли выдернута шпора
и времени задёрнута глухая штора.
не слышит ухо шум и говор
язык не радуется умелый повар.

и дева плечь не обнимает
и в страсти рук не просит греть
и к небу глаз не поднимает
и в гроб не хочет умереть.

15 мая 1933 года.

Четыре немца ели свинину и пили зелёное пиво. Немец по имени Клаус подавился куском свинины и встал из-за стола. Тогда три других немца принялись свистеть в кулаки и громко издеваться над пострадавшим. Но немец Клаус быстро проглотил кусок свинины, запил его зелёным пивом и был готов к ответу. Три других немца, поиздевавшись над горлом немца Клауса, перешли теперь к его ногам и стали кричать, что ноги у немца Клауса довольно кривые. Особенно один немец, по имени Михель, смеялся над кривыми ногами немца Клауса. Тогда немец Клаус показал пальцем на немца Михеля и сказал, что он не видел второго человека, так глупо выговаривающего слова «кривые ноги». Немец Михель посмотрел на всех вопрошающим взглядом, а на немца Клауса посмотрел взглядом, выражающим крайнюю неприязнь. Тут немец Клаус выпил немного зелёного пива с такими мыслями в своей голове: «вот между мной и немцем Михелем начинается ссора». Остальные два немца молча ели свинину. А немец Клаус, отпив немного пива, посмотрел на всех с видом, говорящим следующее: «Я знаю, что вы от меня хотите, но я для вас запертая шкатулка».

<Июнь 1933>

Гиммелькумов смотрел на девушку в противоположном окне. Но девушка в противоположном окне ни разу не посмотрела на Ниммелькумова. «Это она от застенчивости», — думал Гиммелькумов.

Гиммелькумов раскрасил себе лицо зелёной тушью и подошёл к окну. «Пусть думают все: какой он странный», — говорил сам себе Гиммелькумов.

Кончился табак и Гиммелькумову нечего было курить. Он сосал пустую трубку, но это ещё больше увеличивало попытку. Так прошло часа два. А потом табак появился.

Гиммелькумов тарашил на девушку глаза и приказывал ей мысленно повернуть голову. Однако это не помогало. Тогда Гиммелькумов стал мысленно приказывать девушке не смотреть на него. Это тоже не помогло.

Гиммелькумов искал внутреннюю идею, чтобы на всю жизнь погрузиться в неё. Приятно быть в одном пункте как бы сумасшедшим. Всюду и во всём видит такой человек свой пункт. Всё на его мельницу. Всё имеет прямое отношение к любимому пункту.

Вдруг страшная жадность охватила Гиммелькумова. Но на что распространялась эта жадность, было непонятно. Гиммелькумов повторял правила о переносе слов и долго размышлял о буквах с т в, которые не делятся. «Ныне, я очень жад – ный», – говорил сам себе Гиммелькумов. Его кусала блоха, он чесался и раскладывал в уме слово «естество», для переноса с одной на другую строчку.

<Июнь 1933>

288. Профессор Трубочкин

<1>

В редакцию Чижа вошел человек маленького роста, с черной косматой бородой, в длинном черном плаще и в широкополой черной шляпе. Под мышкой этот человек держал огромный конверт, запечатанный зеленой печатью.

– Я – знаменитый профессор Трубочкин, – сказал то-
неньким голосом этот странный человек.

– Ах, это вы профессор Трубочкин! – сказал редактор. – Мы давно ждем вас. Читатели нашего журнала задают нам различные вопросы. И вот мы обратились к вам, потому что только вы можете ответить на любой вопрос. Мы слыхали, что вы знаете все.

– Да, я знаю все, – сказал профессор Трубочкин. – Я умею управлять аэропланом, трамваем и подводной лодкой. Я умею говорить по-русски, по-немецки, по-турецки, по-самоедски и по-фистольски. Я умею писать стихи, читать книжку, держа ее вверх ногами, стоять на одной ноге, показывать фокусы и даже летать.

– Ну, это уж невозможно, – сказал редактор.

– Нет, возможно, – сказал профессор Трубочкин.

– А ну-ка полетите, – сказал редактор.

– Пожалуйста, – сказал профессор Трубочкин и влез на стол. Профессор разбежался по столу, опрокинул чернильницу и банку с клеем, сбросил на пол несколько книг, порвал чью-то рукопись и прыгнул на воздух. Плащ профессора распахнулся и защелкал над головой редактора, а сам профессор замахал руками и с грохотом полетел на пол.

Все кинулись к профессору, но профессор вскочил на ноги и сказал:

– Я делаю всё очень скоро. Я могу сразу сложить два числа любой величины.

– А ну-ка, – сказал редактор, – сколько будет три и пять?

– Четыре, – сказал профессор.

– Нет, – сказал редактор, – вы ошиблись.

– Ах да, – сказал профессор, – девятнадцать!

– Да нет же, – сказал редактор, – вы ошиблись опять.

У меня получилось восемь.

Профессор Трубочкин разгладил свою бороду, положил на стол конверт с зеленой печатью и сказал:

– Хотите я вам напишу очень хорошие стихи?

– Хорошо, – сказал редактор.

Профессор Трубочкин подбежал к столу, схватил карандаш и начал быстро-быстро писать. Правая рука профессора Трубочкина стала вдруг мутной и исчезла.

– Готово, – сказал профессор Трубочкин, протягивая редактору лист бумаги, мелко-мелко исписанный.

– Куда девалась ваша рука, когда вы писали? – спросил редактор.

– Ха-ха-ха! – рассмеялся профессор. – Это когда я писал, я так быстро двигал рукой, что вы перестали ее видеть.

Редактор взял бумагу и начал читать стихи:

Жик жик жик.

Фок фок фок.

Рик рик рик.

Шук шук шук.

– Что это такое? – вскричал редактор, – я ничего не понимаю.

– Это по-фистольски, – сказал профессор Трубочкин.

– Это такой язык? – спросил редактор.

– Да, на этом языке говорят фистольцы, – сказал профессор Трубочкин.

– А где живут фистольцы? – спросил редактор.

– В Фистолии, – сказал профессор.

– А где Фистолия находится? – спросил редактор.

– Фистолия находится в Компотии, – сказал профессор.

– А где находится Компотия? – спросил редактор.

– В Чучечии, – сказал профессор.

– А Чучечия?

– В Бамбамбии.

– А Бамбамбия?

– В Тилипампампии.

– Простите, профессор Трубочкин, что с вами? – сказал вдруг редактор, вытаращив глаза. – Что с вашей бородой?

Борода профессора лежала на столе.

– Ах! – крикнул профессор, схватил бороду и бросился бежать.

– Стойте! – крикнул редактор.

– Держите профессора! – крикнул художник Тутин.

– Держите! держите! держите его! – закричали все и кинулись за профессором. Но профессора и след про-
стыл.

В коридоре лежал плащ профессора, на площадке лестницы – шляпа, а на ступеньках – борода.

А самого профессора не было нигде.

По лестнице вниз спускался мальчик в серой курточке. Редактор и художник вернулись в редакцию.

– Смотрите, остался конверт! – крикнул писатель Колпаков.

На столе лежал конверт, запечатанный зеленой печатью. На конверте было написано:

«В редакцию журнала „Чиж“».

Редактор схватил конверт, распечатал его, вынул из конверта лист бумаги и прочел:

«Здравствуй, редакция „Чижа“».

Я только что вернулся из кругосветного путешествия. Отдохну с дороги и завтра приду к вам.

Я знаю всё и буду давать ответы на все вопросы ваших читателей.

Посылаю вам свой портрет. Напечатайте его на обложке „Чижа“ № 7.

Это письмо передаст вам Федя Кочкин.

Ваш профессор Трубочкин».

– Кто это Федя Кочкин? – спросил писатель Колпаков.

– Не знаю, – сказал редактор.

– А кто же это был у нас и говорил, что он профессор Трубочкин? – спросил художник Тутин.

– Не знаю. Не знаю, – сказал редактор. – Подождем до завтра, когда придет настоящий профессор Трубочкин и сам все объяснит. А сейчас я ничего не понимаю.

<2>

Писатель Колпаков, художник Тутин и редактор «Чижа» сидели в редакции и ждали знаменитого профессора Трубочкина, который знает решительно все.

Профессор обещал придти ровно в 12 часов, но вот уже пробило два, а профессора все еще нет.

В половине третьего в редакции зазвонил телефон. Редактор подошел к телефону.

– Я слушаю, – сказал редактор.

– Ба-ба-ба-ба-ба, – раздалось в телефоне страшные звуки, похожие на пушечные выстрелы.

Редактор вскрикнул, выпустил из рук телефонную трубку и схватился за ухо.

– Что случилось? – крикнули писатель Колпаков и художник Тутин и кинулись в редактору.

– Оглушило, – сказал редактор, прочищая пальцем ухо и тряся головой.

– Бу-бу-бу-бу-бу! – неслось из телефонной трубки.

– Что же это такое? – спросил художник Тутин.

– А кто его знает, что это такое! – крикнул редактор, продолжая мотать головой.

– Подождите, – сказал писатель Колпаков, – мне кажется, я слышу слова.

Все замолчали и прислушивались.

– Бу-бу-бу... буду... бу-бу... больше... боль... валы балу... ту-бу-бу! – неслось из телефонной трубки.

– Да ведь это кто-то говорит таким страшным басом! – крикнул художник Тутин.

Редактор сложил ладони рупором, поднес их к телефонной трубке и крикнул туда:

– Алло! Алло! Кто говорит?

– Великан Бобов-бов-бов-бов! – послышалось из телефонной трубки.

– Что? – удивился редактор. – Великанов же не бывает!

– Не бывает, а я великан Бобов, – ответила с треском трубка.

– А что вам от нас нужно? – спросил редактор.

– Вы ждете к себе профессора Трррррубочкина? – спросил голос из трубки.

– Да, да, да! – обрадовался редактор. – Где он?

– Хра-хра-хра-хра-хра! – захохотала трубка с таким грохотом, что редактору, писателю Колпакову и художнику Тутину пришлось зажать свои уши.

– Это я! Это я! – хра! – хра! – хра! поймал профессора Трррррубочкина. И не пущу его к вам – ам-ам-ам! – кричал странный голос из трубки.

– Профессоррррр Трррррубочкин мой врач рач-рач-рач, рык эрык кыкырык... – затрещало что-то в трубке и вдруг стало тихо. Из телефонной трубки шел дым.

– Этот страшный великан кричал так громко, что, кажется, сломал телефон, – сказал редактор.

– Но что ж с профессором? – спросил писатель Колпаков.

– Надо спасти профессора! – крикнул редактор. – Бежим к нему на помощь!

– Но куда? – спросил художник Тутин. – Мы даже не знаем, где живет этот великан Бобов.

– Что же делать? – спросил писатель Колпаков. Вдруг опять зазвонил телефон.

– Телефон не сломан! – крикнул редактор и подбежал к телефону.

Редактор снял телефонную трубку и вдруг опять повесил ее на крючок. Потом опять снял трубку, крикнул в нее:

– Алло! Я слушаю, – и отскочил от трубки шагов на пять.

В трубке что-то очень слабо защелкало. Редактор подошел ближе и поднес трубку к уху.

– С вами говорит Федя Кочкин, – послышалось из телефонной трубки.

– Да, да, я слушаю! – крикнул редактор.

– Профессор Трубочкин попал к великану Бобову. Я бегу спасать профессора Трубочкина. Ждите моего звонка. До свидания. – И редактор услышал, как Федя Кочкин повесил трубку.

– Федя Кочкин идет спасать профессора Трубочкина, – сказал редактор.

– А что же делать нам? – спросил писатель Колпаков.

– Пока нам придется только ждать.

<3>

Секретное письмо

Я, писатель Колпаков, получил сейчас телеграмму от Феи Кочкина. Федя сообщает, что он нашел профессора Трубочкина и великана Бобова, и послезавтра приведет их в редакцию. Я сказал об этом только художнику Тутину. Больше об этом никто ничего не знает. Вы, ребята, тоже молчите, никому не говорите, что скоро

профессор Трубочкин придет в редакцию. Вот-то все удивятся! А я вам в 12-м номере «Чижа» расскажу, как все произошло.

Писатель Колпаков

<4>

В редакции «Чижа» был страшный беспорядок. На столах, на стульях, на полу и на подоконниках лежали кучи писем с вопросами читателей к профессору Трубочкину.

Редактор сидел на тюке писем, ел булку с маслом и раздумывал, – как ответить на вопрос: «почему крокодил ниже бегемота?»

Вдруг в коридоре раздался шум, топот, дверь распахнулась – и в редакцию вбежали писатель Колпаков и художник Тутин.

– Ура! Ура! – крикнул художник Тутин.

– Что случилось?

Тут дверь опять отворилась и в редакцию вошел мальчик в серой курточке.

– Это еще кто такой? – удивился редактор.

– Ура-а! – вскричали Колпаков и Тутин.

На шум в редакцию Чижа собрались люди со всего издательства. Пришли: водопроводчик Кузьма, и типограф Петров, и переплетчик Рындаков, и уборщица Филимонова, и лифтер Николай Андреич, и машинистка Наталья Ивановна.

– Что случилось? – кричали они.

– Да что же это такое? – кричал редактор.

– Ура-а! – кричал мальчик в серой курточке.

– Ура-а! – подхватили писатель Колпаков и художник Тутин.

Никто ничего не мог понять.

Вдруг в коридоре что-то стукнуло раза четыре, что-то хлопнуло, будто выстрелило, и согнувшись, чтобы пролезть в дверь, вошел в редакцию человек такого огромного роста, что, когда он выпрямился, голова его почти коснулась потолка.

– Вот и я, – сказал этот человек таким страшным голосом, что задребезжали стекла, запрыгала на чернильнице крышка и закачалась лампа.

Машинистка Наталья Ивановна вскрикнула, переплетчик Рындаков спрятался за шкаф, раздевальщик Николай Андреич почесал затылок, а редактор подошел к огромному человеку и сказал:

– Кто вы такой?

– Кто я такой? – переспросил огромный человек таким громким голосом, что редактор зажал уши и замотал головой.

– Нет, уж вы лучше молчите! – крикнул редактор.

В это время в редакцию вошел коренастый человек, с черной бородкой и блестящими глазами. Одет он был в кожаную куртку, на голове его была кожаная фуражка.

Войдя в комнату, он снял фуражку и сказал:

– Здравствуйте.

– Смотрите-ка! – крикнул типограф Петров, – его портрет был помещен в седьмом номере «Чижа».

– Да ведь это профессор Трубочкин! – крикнула уборщица Филимонова.

– Да, я профессор Трубочкин, – сказал человек в кожаной куртке. – А это мой друг великан Бобов, а этот мальчик – мой помощник, Федя Кочкин.

– Ура! – крикнул тогда редактор.

– Я был у великана Бобова, – сказал профессор. – Два месяца подряд мы вели с ним научный спор о том, кто сильнее: лев или тигр. Мы бы еще долго спорили, но пришел Федя Кочкин и сказал нам, что читатели «Чижа» ждут ответов на свои вопросы.

– Давно ждут, – сказал редактор и показал рукой на груды открыток и конвертов, больших пакетов и маленьких записок. – Видите, что у нас тут делается. Это все вопросы от наших читателей.

– Ну, теперь я на все отвечу, – сказал профессор Трубочкин. – Бобов, собери, пожалуйста, все эти конверты и бумажки, и снеси их, пожалуйста, ко мне на дом, пожалуйста.

Бобов засучил рукава, достал из кармана канат, связал из писем и пакетов четыре огромных тюка, взвалил их себе на плечи и вышел из редакции.

– Ну в о т, – сказал профессор Трубочкин, – тут осталось еще штук двести писем. На эти я отвечу сейчас.

Профессор Трубочкин сел к столу, а Федя Кочкин стал распечатывать письма и класть их стопочкой перед профессором. Федя Кочкин делал это так быстро, что у всех присутствующих закружились головы, и они вышли из редакции в коридор.

Последним вышел редактор.

– Ура! – сказал редактор. – Теперь все наши читатели получают ответы на свои вопросы.

– Нет, не все, – сказали писатель Колпаков и художник Тутин, –

А ТОЛЬКО ТЕ,
КТО ПОДПИШЕТСЯ
НА «ЧИЖ»
НА
1934 ГОД.

1933

289

Я с огромной высоты
не заметил красоты
ваших плеч и ваших ног
да признаться и не мог
их заметить в то мгновенье,
ибо вышло столкновенье
наших гибких, страсных тел.
Я подпрыгнул и взлетел
вместе с вами в те высоты
где земные все красоты
исчезают точно дым.
А теперь мы с вами Лёля
входим вместе в этот дом.
Я взглянул на ваши плечи,
Я взглянул на ваши ноги.
Так прекрасны только боги,
И архангелы потом!

9 июля и июня <1933>

290

дом с бесконечными фигурами
стоит на табуретке час
проходят люди с абажурами
в зелёном галстуке и фас.
И бочка взрывается тут
и щепки летят как песок
и воздухом человек надут
ладонью трёт висок.

<Конец июля 1933>

291

Елизавета играла с огнём
Елизавета играла с огнём
пускала огонь по спине
пускала огонь по спине
Пётр Палыч смотрел в восхищеньи
кругом
Пётр Палыч смотрел в восхищеньи
кругом
и дышал тяжело
и дышал тяжело
и за сердце держался рукой.

3 августа 1933 года.

292

Мне всё противно
Миг и вечность
меня уж больше
не прельщают
Как страшно
если миг один до смерти
но вечно жить ещё страшнее.

А к нескольким годам
я безразлична.

Тогда возми вот этот шарик
научную модель вселенной.
Но никогда не обольщай себя надеждой,
что форма шара
истинная форма мира.
Действительно
мы к шару чувствуем почтенье
и даже перед шаром снимаем шляпу
Лишь только то высокий смысл имеет,
что узнаёт в своей природе бесконечность.
Шар бесконечная фигура.

Мне кажется,
Я просто дура,
мне шар напоминает мяч.
Но что такое шар?
Шар деревянный
просто дерева обрубок.
В нём смысла меньше чем в полене.
Полено лучше тем,
Что в печь хотя бы легче лезет.
Однако я соображаю
планеты все почти шарообразны
Тут есть над чем задуматься,
но я бессильна.

Однако я тебе советую подумать.
Чем ниже проявление природы,
тем дальше отстоит оно от формы шара.
Сломай кусок обыкновенного гранита
и ты увидишь острую поверхность.
Но если ты не веришь мне голубка
то ничего тебе сказать об этом больше
не могу.

Ах нет, я верю,
я страдаю,
умом пытаюсь проникнуть в суть.

Но где мне силы взять
чтоб уловить умом значенье формы.
Я женщина,
и многое сокрыто от меня.
Моя структура преднозначена природой,
не для раскрытия небесных тайн природы.
К любви стремятся мои руки
Я слышу ласковые звуки
И всё на свете мной забыты
и время конь
и каждое мгновение копыто.

всё погибло, мир бледнеет
Звёзды рушатся с небес
день свернулся. миг длиннеет.
гибнут камни. Сохнет лес.
Только ты стоишь учитель
неизменную фигурой.
Что ты хочешь, мой мучитель?
Мой мучитель белокурый?
в твоём взгляде светит ложь.
Ах зачем ты вынул нож!

*6 августа 1933 года.
воскресенье.
Даниил Хармс.*

293

Генрих Левин
ты цветок
и света удивительный поток
летит из глаз твоих на вещи
и в этом свете мир мы видим резче.
Ты первый двигатель как раз.
Смотри пожалуйста на нас.
Ты колокол воздушных токов
ты человек лишённый всех пороков.

<13 августа 1933>

294. Знак при помощи глаза

Вот Кумпельбаков пробегает
держа на палке мыслей пук.
к нему Кондратьев подбегает
издав губами странный звук.

Тут Кумпельбаков сделал глазом
в толпу на право дивный знак.
упал в траву Кондратьев разом
и встать не мог уже никак.

Смеётся громко Кумпельбаков
Лежит Кондратьев точно сор.
От глаза лишь неожиданных знаков
какой случается позор!

21 августа 1933 года.

295

Мчится немец меж домами
мчится в бархатных штанах
мчится быстро в гости к маме
в город славный Штаккельнах.

немца кудри чёрно-буры
грозди глаз его блестят
по бокам его кабуры
бьют по крупу и свистят

по бокам его кабуры
бьют коня в тяжелый круп
немец немец от природы
ловок, смел, суров и груб.

грозди глаз его так хмуры
точно снится немцу сон
по бокам его кабуры
испускают страшный звон.

люди в страхе рассуждают:
кто сей всадник? объясните!
в нас, от страха, мысли тают,
рвутся нервов наших нити.

Немцу жизнь как игрушка
немцу пища не в домёк
вот в дали стоит избушка
светит в окнах огонёк.

21 августа <1933>

296. О. Л. С.

Лес качает вершинами.
Люди ходят с кувшинами,
Ловят из воздуха воду.
Гнётся в море вода.
Но не гнётся огонь никогда.
Огонь любит воздушную свободу.

*Д. Хармс
<август> 1933*

297

Из воздухоплавательного парка
бежит с восторгом фермоплаз.
блестит Юпитер. Звёздам жарко.
К трубе подносит Клумбов глаз.
Огромной силы приближенье
увидел Клумбов сквозь трубу.
Звёзд бесконечное движенье
планет безумный танец
фу ослепительно

<Август 1933>

298

Где ты?
Я тут.
А где твоя подруга?
Подруга в гости не пришла.
А где твоя большая книга?
А книга спрятана в шкапу.
Зачем ты книгу спрятал в шкаф?
Ах, просто по ошибке.
Я вытерал со стула пыль
мохнатой тряпкой.
Смотрю летают мухи
около еды.
и оставляют разные, паршивые следы
на разных, дорогих предметах.

<24 августа 1933>

299

Молчите все!
А мне молчать нельзя,
Я был однажды в Англии друзья.

передо мной открылся пир:
сидело сорок человек
на креслах стиля полампир,
прекрасно приспособленных для нег.
Зал освещало электричество.
Я вижу вдру<г> Его Величест<в>о
рукой мантилью скинув с плечь
произнести готово речь.
Тут сразу мухи полетели
производя особый шум.
а все испуганно глядели
и напрягали тщетно ум.
Вдруг входит в зал, в простой накидке
какой то странный гражданин
и королю дав под микитки
садится мрачно в ципелин.

и заведя рукой пружину
ногами быстро жмёт педаль
и направляет в верх машину
и улетает быстро в даль.
Сначала все осталбенели
не слышно было вдоха,
потом тарелки зазвенели
и поднялась ужасная суматоха.
Король зубами грыз подушки,
то в стену стучал кулаком
то приказав стрелять из пушки
скакал в подштанниках кругом.
То рвал какую то бумагу,
то подскочив неожиданно к флагу
срывал его движеньем воли
то падал вдруг от страшной боли.

<24 августа 1933>

300

Герасим (*входя и тот час оке выходя*)

Макаров (*надсаживаясь поёт*):

Я несу в руках тарелку
воздух воздух не звенит.
время быстро водит стрелку
и часы возьми. взгляни

<Август 1933>

301

жил был в доме тридцать три единицы
человек страдающий болью в пояснице
только стоит ему съесть лук или укроп
валится он моментально как сноп.
развивается боль в правом боку
человек стонет: я больше не могу.

Погибают мускулы в непосильной борьбе
откажите родственнику карабе...
И так слова какое-то не досказав
умер он пальцем в окно показав.
все присутствующие тут и наоборот
стояли в недоумении забыв закрыть рот
доктор с веснушками возле губы
катал по столу хлебный шарик при помощи
медицинской трубы.

Сосед занимающий комнату возле уборной
стоял в дверях абсолютно судьбе покорный.
тот кому принадлежала квартира
гулял по корридору от прихожей до сортира.
племянник покойника желая развеселить
собравшихся гостей кучку

Заводил грамофон вертя ручку.
Дворник раздумывая о превратности
человеческого положения

Заворачивал тело покойника в таблицу умножения.
Варвара Михайловна шарила в покойнецком
комоде
не столько для себя, сколько для своего сына
Володи.

Жилец, написавший в уборной: «пол не марать»
вытягивал из под покойника железную кровать.

вынесли покойника завёрнутого в бумагу
положили покойника на гробовую колымагу.

подъехал к дому гробовой шарабан
Забил в сердцах тревогу гробовой барабан

<Август 1933>

302

Часовой – Теперь я окончательно запутался.
Не нужен ум и быстрая смекалка.
Я в мыслях щепки нахожу,
а в голове застряла палка.

Отсохли ноги на посту,
из рук винтовка падает.
Пройдёшь с трудом одну версту
и мир тебя не радует.
Я погиб и опустился,
бородой совсем оброс,
в кучу снега превратился –
победил меня мороз.

Барбара – Часовой!

Часовой – Гу-гу!

Барбара – Часовой!

Часовой – Гу-гу!

Барбара – Часовой!

Часовой – Гу-гу!

Барбара – Я замерзаю!

Часовой – Обожди помогу,
обожди мою подсобу.

Барбара – Что же ты медлишь?

Часовой – Я из будки вылезаяю.

Барбара – Ах спаси мою особу!

Часовой – Двигай пальцы на ногах,
чтоб они не побелели.
Где ты?

Барбара – Гибну!

Часовой – Гибнешь?

Барбара – Ах!

Часовой – Тут погибнешь в самом деле!

Барбара – Уж и руки словно плеть.

Часовой – Тут не долго околеть.
Эка стужа навернула –
так и дует и садит,
из-за каждой снежной горки
зимних бурь встают подпорки,
ходят с треском облака,
птица в тоненьком кафтане
гибнет крылышки сложив.
Если я покуда жив,
то шинель меня спасала
да кусок свиного сала.

Барбара – Отмерзают руки, ноги,
снежный ком вползает в грудь.
Помогите, люди, боги,
помогите как-нибудь!

Часовой – Ну чего тебе злодейка,
эка баба закорюка!
Ну и время! Вот скамейка.
Посижу да покурю-ка.

<август? 1933>

303

О том никто не скажет фразы
что не имеет, как Венера фазы
К тому никто не стукнет в дверь
кто с посетителем как зверь

1 сентября 1933 года

304

Я понял будучи в лесу
вода подобна колесу
Так вот послушайте: однажды,
я погибал совсем от жажды
живот водой мечтал надуться.
Я встал.
и ноги больше не плетутся.
я сел
и в окна льётся свет.
я лег
и мысли больше нет

2 сентября <1933>.

305

подбегает он ко мне
говорит: «останься тут».
подъезжает на коне
он под мышкой держит кнут.
Говорит: «останься здесь»
он подходит зол и пень
с головы до пяток весь
улыбнувшись молвил: «ешь».

<2 сентября 1933>

306

Захлопнув сочиненья том
я целый день сидел с открытым ртом.
прочтя всего пятнадцать строк
я стал внезапно к жизни строг.

<Сентябрь 1933>

307. Приказ лошадям

Для быстрого движенья
по шумным площадям
пришло распоряженье
от Бога к лошадям
скачи всегда в позиции
военного коня
но если из Милиции
при помощи огня
на тросе в верх подвешенном
в коробке жестяной
мелькнёт в движеньи бешеном
фонарик над стеной
пугая красной вспышкой
идушую толпу,
беги мгновенно мышкой
к фонарному столбу
покорно и с терпением
зелёный жди сигнал
борясь в груди с биением
где кровь бежит в канал
от сердца расходящийся
не в виде тех кусков
в музее находящихся
а в виде волосков
и сердца трепетание
удачно поборов
пустись опять в скитание
покуда ты здоров

3 сентября 1933 года

308

Вошла Елизавета
в большой, прекрасный дом
центрального Совета.
Вошла с открытым ртом.

<Сентябрь 1933>

309. О водяных кругах

Ноль плавал по воде
мы говорили это круг
должно быть кто то бросил в воду камень.
Здесь Петька Прохоров гулял
вот след его сапог с подковками.
Он создал этот круг
Давайте нам скорей картон и краски
мы зарисуем Петькино творенье.
И будет Прохоров звучать как Пушкин.
И много лет спустя
подумают потомки:
«Был Прохоров когда то,
должно быть славный был художник»
И будут детям назидать:
«Бросайте дети в воду камни.
Рождает камень круг,
а круг рождает мысль.
А мысль вызванная кругом,
зовёт из мрака к свету ноль».

всё.

Вторник 19 сентября 1933 года.

310

Профессор Трубочкин,

входя:

Здравствуйте ребята!
Здравствуйте ребята!
Здравствуйте ребята!

Ребята:

Здрате профессор!
Здрате профессор!
Здрате профессор!

Профессор Трубочкин:

Давно мы не видались!
Давно мы не видались!
Давно мы не видались.

Ребята:

А где ж вы это были?
А где ж вы пропадали?
Откуда вы пришли?

Профессор Трубочкин:

Был я в Америке
был я в Австралии
плавал я по морю
лазал я на горы.

Был я в Америке
был и в Австралии
был и на Северном полюсе

На дно морское опускался
с фонариком в руках
на дирижабле поднимался
и был на облаках
я видел птичьи гнёзда,
что в пору и слону
Смотрел в трубу на звёзды
на звёзды и луну.
Я слышал пенье пташек
Смотрел как дышет клоп
рассматривал букашек
в огромный микроскоп

20 сентября 1933 года

На коня вскочил и в стремя
 ногу твердую вонзил
 Пётр Келлер. В это время
 сверху дождик моросил.
 С глазом шорою прикрытым
 в нетерпении конь плясал
 и подкованным копытом
 дом и площадь потрясал.
 На крыльце Мария с внуком
 тихо плакали в платок
 и сердца их громким стуком
 отражались в потолок.

25 сентября 1933 года

312. Подруга

На лице твоём подруга,
 два точильщика жука
 начертили сто два круга,
 цифру семь и букву Ка.
 Над тобой проходят годы,
 хладный рот позеленел,
 Лопнул глаз от злой пагоды,
 в ноздрях ветер зазвенел.
 Что в душе твоей творится
 я не знаю. Только вдруг
 может с треском раствориться
 дум твоих большой сундук.
 И тогда понятен сразу
 будет всем твой сладкий сон
 и твой дух, подобно газу,
 из груди умчится вон.
 Что ты ждёшь? Планет сметенья?
 Иль движенья звёзд<n>ых толп?
 Или ждёшь судеб сплетенья
 опершись рукой на столб?

Мы живём не полным ходом
не считаем наших дней
но минуты с каждым годом
всё становятся видней

И тогда настроив лиру
и услыша лиры звон
будем петь. И будет миру
наша песня точно сон.
И быстрее помчатся реки,
и с высоких берегов
будешь ты, поднявши веки,
бесконечный ряд веков
наблюдать холодным оком
нашу славу каждый день.
И на лбу твоём высоком
никогда не ляжет тень.

Д. Х.

<20–28 сентября 1933>

313. Карпатами – горбатыми

Всю покорив Азию
На метле теперь несусь над Карпатами.
Деревяшка лесная к земле пригнулась
Хромая старуха бежит за ципленком
Длинной ногой через лужи скачет
А короткой семенит по травке

Всю покорив Азию
На метле тепер несусь над Карпатами
Треплет ветер колпак на моем затылке
Режет ветер ноздри мне
Под рубашку залетает
Раздувает рукава
Вон гора на моем пути
Палкой гору моментально сокрушаю
Орла тюкнул по голове палкой

Он в низ полетел как бумажка
Хлоп! Воробей в моём кулаке
Ногами болтаю.
Горный воздух глотаю.
Летит моё тело.
Какое мне дело

<сентябрь 1933>

314

Николай II

Я запер дверь.
Теперь сюда никто войти не сможет.
Я сяду возле форточки
и буду наблюдать на небе ход планет.
Планеты, вы похожи на зверей!
Ты солнце лев, планет владыка,
ты неба властелин. Ты царь...
Я тоже царь
и мы с тобой два брата
Свети ко мне в окно
мой родственник небесный
пускай твои лучи
войдут в меня как стрелы
Я руки разверну
и стану как орёл.
взмахну крылами и на воздух,
с землей простившись, отлечу.
Прощай земля! Прощай Россия!
Прощай прекрасный Петербург!
Народ бросает кверху шапки,
И артиллерия гремит
и едет в лентах князь Суворов
и князь Кутузов едет следом
и Ломоносов громким басом
зовёт солдат на поле брани
и среди кустов бежит пехота
и едет по полю фельдмаршал.

Голос Александры Федоровны
Коля, ты тут?

Николай II
Да тут. Войди, пожалуйста!

Александра Федоровна
Я не могу войти. Ты запер дверь. Открой скорее. Мне надо тебе что то сказать.

Николай II
Сейчас открою (*открывает дверь*)

(Входит Александра Федоровна)

Александра Федоровна
Ты что то делал у окна
тебя Адам Адамыч со двора увидел
и, сильно испугавшись,
прибежал ко мне.

Николай II
Да, это совершенно верно.
Я протирал оконное стекло.
оно немножко запотело,
а я подумал: дай протру!

Алекс. Федор.
Но ты же мог позвать лакея!

Николай II
Я Митьку звал, но Митька не пришёл.

Алекс. Федор.
Тогда позвал бы Вальтазара.

Николай II
А Вальтазар сидит на кухне
он крутит с девками любовь
А ты скажи мне, где Адам Адамыч?

Александра Федоровна

Адам Адамыч в розовой гостиной
ведёт беседу с Воробьёвым.
у Воробьёва дочь Мария
бежала в Тулу с женихом.

Николай II

Да что ты говоришь!
Вот это новость
А кто жених её?

Александра Федоровна

Как буд то Стасов.

Николай II

Как Стасов!
Да ведь он старик почтенный!

Александра Федоровна

И старики бывают притки на ходу.

Николай II

Да, удивительно как создан мир!
Всё мёртвое спешит исчезнуть
А всё живое день и ночь
себя старается увековечить
и будь то роза, рыба или человек
езде езде любов царица!
О Стасов! Ты старик
и борода твоя серебряного цвета
перо дрожит в твоей руке
твой голос потерял былую силу
твоя нога на поворотах стала шлёпать
и многих блюд желудок твой уж больше не приемлет,
но всё по прежнему стучит в волненьи сердце
и всё по прежнему шалит в тебе коварный бес.

Александра Федоровна

Сюда идут Адам Адамыч с Воробьёвым.
Поправь причёску и одёрни свой шлафрок.

Воробьёв и Адам Адамыч (*входя*)

Здравствуйте!
Здравствуйте!
Здравствуйте!
Здравствуйте!

Николай II

Здравствуйте!
Здравствуйте!
Здравствуйте!
Здравствуйте!

Воробьёв

Оставив личные заботы
и суету бесчисленной родни,
сойдёмтесь лучше для работы
и посвятим работе наши дни.

7 октября 1933 года

315

Когда умно и беспрестрастно
в моём отшельническом доме
я сумасшедшими руками
хватаю муху за крыло
меня понять никто не в силах.
Прости природа мой поступок
прости невинное желанье
прости неведение моё.

<14 октября 1933>

316. Постоянство веселья и грязи

Вода в реке журчит прохладна
и тень от гор ложится в поле
и гаснет в небе свет. И птицы
уже летают в сновиденьях

И дворник с чёрными усами
стоит всю ночь под воротами
и чешет грязными руками
под грязной шапкой свой затылок
и в окна слышен крик весёлый
и топот ног и звон бутылок
Проходит день, потом неделя,
потом года проходят мимо
и люди стройными рядами
в своих могилах исчезают
а дворник с чёрными усами
стоит года под воротами
и чешет грязными руками
под грязной шапкой свой затылок
и в окна слышен крик весёлый
и топот ног и звон бутылок.

Луна и солнце побледнели
Созвездья форму изменили
Движенье сделалось тягучим
И время стало как песок.
А дворник с чёрными усами
стоит опять под воротами
и чешет грязными руками
под грязной шапкой свой затылок
и в окна слышен крик весёлый
и топот ног и звон бутылок

14 окт<ября> 1933

317. Сладострастная торговка

одна красивая торговка
с цветком в косе, в расцвете лет,
походкой легкой, гибко, ловко
вошла к хирургу в кабинет.
Хирург с торговки скинул платье;
увидя женские красы,
он заключил её в объятья
и засмеялся сквозь усы.

Его жена, Мария Львовна,
вбежала с криком: Караул!
и, через пол минуты ровно,
Хирурга в череп ранил стул.
Тогда торговка, в голом виде,
свой организм прикрыв рукой,
сказала вслух: «к такой обиде
я не привыкла...» Но какой
был дальше смысл её речей,
мы слышать это не могли,
журчало время как ручей.
темнело небо. И в дали
уже туманы шевелились
над сыном лет – простором степи
и в миг дожди проворно лились
ломаю гор стальные цепи.
Хирург сидел в своей качалке
кусая ногти от досады.
Его жены волос мочалки
торчали грозно из засады,
и два блестящих глаза
его просверливали взглядом;
и, душу в день четыре раза
обдав сомненья черным ядом,
гасили в сердце страсти.
Сидел хирург уныл.
и половых приборов части
висели вниз, утратив прежний пыл.
А ты, прекрасная торговка,
блестя по прежнему красой,
ковра косясь утром ловко
своею ножкою босой,
стоишь у зеркала нагая.
А квартирант, подкравшись к двери,
увидеть в щель предполагая
твой организм, стоит. И звери
в его груди рычат проснувшись.
а ты, за ленточкой нагнувшись,
нарочно медлишь распрячиться.
У квартиранта сердце биться
перестаёт. Его подпорки,
в носки обутые, трясутся;

колени бьют в дверные створки;
а мысли бешенно несутся.
и гаснет в небе солнца луч.
и над землей сгущенье тучь
свою работу совершает.
И гром большую колокольню
с ужасным треском сокрушает.
И главный колокол разбит.
А ты несчастный, жертва страсти,
глядишь в замок. Прекрасен вид!
И половых приборов части,
нагой торговки, блещут влагой.
И ты, наполнив грудь отвагой,
вбегаешь в комнату с храпением,
в носках бежишь и с нетерпением
рукой прорешку открываешь,
и вместо речи – страшно лаешь.
Торговка ножки растворила,
Ты на торговку быстро влез.
В твоей груди клокочет сила,
Твоим ребром играет бес.
В твоих глазах летают мухи,
В ушах звенит орган любви,
И нежных ласк молодые духи
играют в мяч в твоей крови.
И в растворённое окошко,
расправив плащ, влетает ночь.
и сквозь окно большая кошка,
поднявши хвост, уходит проч.

14–17 октября 1933.

318

осень быстро наступает
в небе солнце не блестит
в окна муха не влетает
в роще птица не свистит

17 окт<ября> 1933.

319. Старуха

Года и дни бегут по кругу.
Летит песок; звенит река.
Супруга в дом идёт к супругу.
Седеет бровь, дрожит рука.
И светлый глаз уже слезится,
на всё кругом глядя с тоской.
И сердце, жить устав, стремится
хотя б в земле найти покой.

Старуха, где твой чёрный волос,
Твой гибкий стан и лёгкий шаг?
Куда пропал твой звонкий голос,
Кольцо с мечом и твой кушак?
Теперь тебе весь мир несносен,
противен ход годов и дней.
Беги старуха в рощу сосен
и в землю лбом ложись и тлей.

20 окт<ября> 1933.

320

Дорогой Никандр Андреевич,
получил твоё письмо и сразу понял, что оно от тебя.
Сначала подумал, что оно вдруг не от тебя, но как только
распечатал, сразу понял что от тебя, а то, было, подумал,
что оно не от тебя. Я рад, что ты уже давно женился,
потому что, когда человек женится на том, на ком он
хотел жениться, то значит, он добился того, чего хотел.
И вот я очень рад, что ты женился, потому что когда
человек женится на том, на ком хотел, то значит, он
добился того, чего хотел. Вчера я получил твоё письмо и
сразу подумал, что это письмо от тебя, но потом подумал,
что кажется, что не от тебя, но распечатал и вижу –
точно от тебя. Очень хорошо сделал, что написал мне.
Сначала не писал, а потом вдруг написал, хотя ещё
раньше, до того как некоторое время не писал, – тоже

писал. Я сразу, как получил твоё письмо, сразу решил, что оно от тебя и, потом, я очень рад, что ты уже женился. А то, если человек захотел жениться, то ему надо во что бы то ни стало жениться. Поэтому я очень рад, что ты, наконец, женился именно на том, на ком и хотел жениться. И очень хорошо сделал, что написал мне. Я очень обрадовался, как увидел твоё письмо, и сразу даже подумал, что оно от тебя. Правда, пока распечатывал, то мелькнула такая мысль, что оно не от тебя, но потом всё-таки я решил, что оно от тебя. Спасибо, что написал. Благодарю тебя за это и очень рад за тебя. Ты, может быть, не догадываешься, почему я так рад за тебя, но я тебе сразу скажу, что рад я за тебя потому, потому что ты женился, и именно на том, на ком и хотел жениться. А это, знаешь, очень хорошо жениться именно на том, на ком хочешь жениться, потому что тогда именно и добиваешься того, чего хотел. Вот именно поэтому я так рад за тебя. А так же рад и тому, что ты написал мне письмо. Я ещё издали решил, что письмо от тебя, а как взял в руки, так подумал: а вдруг не от тебя? А потом думаю: да нет, конечно от тебя. Сам распечатываю письмо и в то же время думаю: от тебя или не от тебя? От тебя или не от тебя? Ну, а как распечатал, то и вижу, что от тебя. Я очень обрадовался и решил тоже написать тебе письмо. О многом надо сказать, но буквально нет времени. Что успел, написал тебе в этом письме, а остальное потом напишу, а то сейчас совсем нет времени. Хорошо, по крайней мере, что ты написал мне письмо. Теперь я знаю, что ты уже давно женился. Я и из прежних писем знал, что ты женился, а теперь опять вижу: совершенно верно, ты женился. И я очень рад, что ты женился и написал мне письмо. Я сразу, как увидел твоё письмо, так и решил, что ты опять женился. Ну, думаю, это хорошо, что ты опять женился и написал мне об этом письмо. Напиши мне теперь, кто твоя новая жена и как это всё вышло. Передай привет твоей новой жене.

Даниил Хармс

25 сентября и октября 1933 года

321. Ссора

Куклов и Богадельнев сидят за столом, покрытым клеёнкой, и едят суп.

Куклов: Я принц.

Богадельнев: Ах, ты принц!

Куклов: Ну и что же из того, что я принц?

Богадельнев: А то, что я в тебя сейчас супом плесну!

Куклов: Нет, не надо!

Богадельнев: Почему же это не надо?

Куклов: А это зачем же в меня супом плескать?

Богадельнев: А ты думаешь, ты принц, так тебя и супом облить нельзя?

Куклов: Да, я так думаю!

Богадельнев: А я думаю наоборот.

Куклов: Ты думаешь так, а я думаю так!

Богадельнев: А мне плевать на тебя!

Куклов: А у тебя нет никакого внутреннего содержания.

Богадельнев: А у тебя нос похож на корыто.

Куклов: А у тебя такое выражение лица, буд-то ты не знаешь, куда сесть.

Богадельнев: А у тебя веретенообразная шея!

Куклов: А ты свинья!

Богадельнев: А я вот сейчас тебе уши оторву.

Куклов: А ты свинья.

Богадельнев: Я вот тебе уши оторву!

Куклов: А ты свинья!

Богадельнев: Свинья? А ты кто-же?

Куклов: А я принц.

Богадельнев: Ах ты принц!

Куклов: Ну и что же из того, что я принц?

Богадельнев: А то, что я в тебя сейчас супом плесну!

и т. д.

20 ноября 1933 года.

В Америке жили два американца, мистер Пик и мистер Пак. Мистер Пик служил в конторе, а мистер Пак служил в банке. Но вот однажды мистер Пик пришёл в свою контору, а ему говорят: «вы у нас больше не служите». А на другой день мистеру Паку тоже самое сказали в банке. И вот мистер Пик и мистер Пак остались без места. Мистер Пик пришёл к мистеру Паку и сказал:

– Мистер Пак!

– Что? Что? что? что? Ты спрашиваешь: что нам делать? что нам делать! Ты спрашиваешь: что нам делать?

– Да , – сказал мистер Пик.

– Ну вот, ну вот, ну вот, ну вот! Ну вот видишь, что получилось? вот видишь? Вот видишь, какая наша история!

– Да , – сказал мистер Пик и сел на стул, а мистер Пак принялся бегать по комнате.

– Сейчас у нас, сейчас тут у нас... Я говорю у нас тут в Соединенных штатах, Американских Соединенных штатах, в Соединенных штатах Америки, тут, у нас... ты понимаешь где?

<1933>

323. Берег и Я

Здравствуй берег быстрой реки!
мы с тобой не старики
нам не надо разных каш,
хлеб и мясо завтрак наш.

Наша кровля, дым и снег,
не стареет каждый миг;
наша речка лента нег,
наша печка груда книг.

Мы с тобой, должно быть, маги,
разрушаем время песней,
от огня и нежной влаги
всё становится прелестней.

берег, берег быстрой реки!
мы с тобой не старики
нам не сорок, как другим.
Нашим возрастом благим
мы собьём папаху с плеч.
Вот и всё. Я кончил речь.

<1933>

324. Фома Бобров и его супруга

Комедия в 3-х частях

Бабушка Боброва (*раскладывает пасьянс*): Ну и карта же идёт. Всё шиворот на выворот! Король. Ну, куда мне его сунуть? Когда нужно, ни одной пятёрки нет. Вот бы сейчас пятёрку! Сейчас будет пятёрка. Тыфу ты, опять король!

(Швыряет карты на стал с такой силой, что со стола падает фарфоровая вазочка и разбивается)

Бабушка: Ах! Ах! Батюшки! Вот чортовы карты! (*Лезет под стол и собирает осколки*) Из этого уж не склеиш. А хорошая вазочка была. Такой больше не достать. Вон ведь куда залетел! (*тянется за осколком*)

(В комнату входит Бобров)

Бобров: Бабушка! Что это вы под стол залезли?

Бабушка: Ну, ладно, ладно. Тебе чего надо?

Бобров: Да вот, пришёл спросить: не найдется ли у вас цибика чая?

Бабушка: Ну ка, помоги мне из под стола вылезти.

Бобров: Вы что, уронили что ни будь? Ах, вазочку разбили!

Бабушка (*передразнивает*): Ва-азочку разбили?

(Бобров помогает бабушке подняться.)

Но как только он её отпустил, бабушка опять села на пол)

Бобров: Ах, опять сели!

Бабушка: Села, ну и что же?

Бобров: Разрешите помочь. *(Поднимает бабушку)*

Бабушка: Вот карта плохо шла. Я и так и эдак... Да ты меня за руки не тяни, а возьми под мышки. Всё, знаешь-ли, король за королём. Мне пятёрка нужна, а тут всё короли идут.

(Бобров отпускает бабушку, и бабушка опять садится на пол)

Ах!

Бобров: Господи! Вы опять сели.

Бабушка: Да что ты пристал: сели да сели! Чего тебе от меня нужно?

Бобров: Я пришёл попросить вас цибик чая.

Бабушка: Знаю уж. Говорил уже. Не люблю двадцать раз то же самое выслушивать. Только и знаешь: Ах, опять сели! и цибик чая. Ну, чего смотришь! Подними, говорят тебе.

Бобров *(поднимая бабушку)*: Я уж вас, разрешите, и в кресло посажу.

Бабушка: А ты поменьше разговаривай, а лучше поднимай, как следует. Я хотела тебе сказать, да чуть не забыла: ведь дверь то у меня в спальней опять плохо запирается. Верно, ты всё кое как сделал.

Бобров: Нет, я скобку на шурубчиках поставил.

Бабушка: А ты думаешь, я понимаю, что это за скобка да шурубчики. Меня это не касается. Мне надо, чтобы дверь запиралась.

Бобров: Она потому и не запирается, что шурубчики в древесине не сидят.

Бабушка: Ну, ладно, ладно, это уж там твоё дело. Мне надо только... Ах! *(опять садится на пол)*

Бобров: Господи!

Бабушка: Да ты что, решил меня об пол бросать с умыслом? Издеваться решил? Ах, ты, негодяй. Ну, просто ты негодяй, и лучше уходи!

Бобров: Да я, бабушка, честное слово, хотел вас на кресло посадить.

Бабушка: Я тебе что сказала? Чтобы ты уходил вон. А ты чего не уходишь! Ну, чего же ты не уходишь? Ты слышешь? Уходи вон! Ну? Убирайся вон!

(Бобров уходит)

Бабушка: Вон! Вон! Вон! Убирайся вон! Скажите, какой мерзавец! *(Поднимается с пола и садится в кресло)* А жена его просто неприличная дама. Дома ходит совершенно голой и даже меня, старуху, не стесняется. Прикрывает неприличное место ладонью, так и ходит. А потом этой рукой за обедом хлеб трогает. Просто смотреть противно. Думает, что уж если она молодая да красивая, так уж ей всё можно. А сама, неряха, у себя, где полагается, никогда, как следует, не вымоет. Я, говорит, люблю, что бы от женщины женщиной пахло! Я, как она придёт, так сразу баночку с одеколоном к носу. Может быть, мужчинам это приятно, а меня, уж извините, увольте от этого. Такая бесстыдница! Ходит голой без малейшего стеснения. А когда сидит, то даже ноги, как следует, не сожмёт вместе, так что всё на показ. А там у неё, ну, просто всегда мокро. Так, другой раз, и течёт. Скажешь ей: ты бы хоть пошла да вымылась, а она говорит: ну, там не надо часто мыть, и возьмёт, платочком просто вытерет. Это ещё хорошо, если платочком, а то и просто рукой. Только ещё хуже размажет. Я никогда ей руки не подаю, у неё вечно от рук неприлично пахнет. И грудь у неё неприличная. Правда, очень красивая и упругая, но такая большая, что, по моему, просто неприлично. Вот уж Фома жену нашёл себе! Чем она его окрутила, не понимаю!

<1933>

325

– Вот, – сказал Петя, – сейчас я покажу фокус.
– Ну да, – сказал Коля. – Знаем мы эти фокусы!
– Не веришь? – сказал Петя. – А вот смотри. Видишь у меня в этой руке ничего нет, а в этой руке мячик.
– Подожди, сказал Коля. – Покажи ка мне этот мячик.

<1933>

Володя Зайцев подошёл к Васе Пирогову и сказал:
 – Вася, где находится Австралия, в Африке или в Америке?
 – Не знаю, – сказал Вася, – но кажется в Африке.

<1933>

327. Скасска

Жил-был один человек, звали его Семёнов. Пошёл однажды Семёнов гулять и потерял носовой платок. Семёнов начал искать носовой платок и потерял шапку. Начал шапку искать и потерял куртку. Начал куртку искать и потерял сапоги.

– Ну, – сказал Семёнов, – этак всё растеряешь. Пойду лучше домой.

Пошёл Семёнов домой и заблудился.

– Нет, – сказал Семёнов, – лучше я сяду и посижу.

Сел Семёнов на камушек и заснул.

<1933>

328. Охотники

На охоту поехало шесть человек, а вернулось-то только четыре.

Двое-то не вернулись.

Окнов, Козлов, Стрючков и Мотыльков благополучно вернулись домой, а Широков и Каблуков погибли на охоте.

Окнов целый день ходил потом расстроенный и даже не хотел ни с кем разговаривать. Козлов неотступно ходил следом за Окновым и приставал к нему с различными вопросами, чем и довёл Окнова до высшей точки раздражения.

Козлов: Хочешь закурить?
Окнов: Нет.
Козлов: Хочешь, я тебе принесу вон ту вон штуку?
Окнов: Нет.
Козлов: Может быть, хочешь, я тебе расскажу что нибудь смешное?
Окнов: Нет.
Козлов: Ну, хочешь пить? У меня вот тут вот есть чай с коньяком.
Окнов: Мало того, что я тебя сейчас камнем по затылку ударил, я тебе еще оторву ногу.
Стрючков и Мотыльков: Что вы делаете? Что вы делаете?
Козлов: Приподнимите меня с земли.
Мотыльков: Ты не волнуйся, рана заживет.
Козлов: А где Окнов?
Окнов (*отрывая Козлову ногу*): Я тут, недалеко!
Козлов: Ох, матушки! Сеа-па-си!
Стрючков и Мотыльков: Никак он ему и ногу оторвал!
Окнов: Оторвал и бросил ее вон туда!
Стрючков: Это злодейство!
Окнов: Что-о?
Стрючков: ... Ейство...
Окнов: Ка-а-ак?
Стрючков: Нь... нь... нь... никак.
Козлов: Как же я дойду до дома?
Мотыльков: Не беспокойся, мы тебе приделаем деревяшку.
Стрючков: Ты на одной ноге стоять можешь?
Козлов: Могу, но не очень-то
Стрючков: Ну мы тебя поддержим.
Окнов: Пустите меня к нему!
Стрючков: Ой нет, лучше уходи!
Окнов: Нет, пустите!.. Пустите!.. Пусти... – Вот что я хотел сделать!
Стрючков и Мотыльков: Какой ужас!
Окнов: Ха-ха-ха!
Мотыльков: А где-же Козлов?
Стрючков: Он уполз в кусты!
Мотыльков: Козлов, ты тут?
Козлов: Шаша..!

Мотыльков: Вот ведь до чего дошел!

Стрючков: Что же с ним делать?

Мотыльков: А тут уж ничего с ним не поделаешь. По моему, его надо просто удавить. Козлов! А, Козлов? Ты меня слышишь?

Козлов: Ох, слышу, да плохо.

Мотыльков: Ты, брат, не горюй. Мы сейчас тебя удавим. Постой!.. Вот... вот... вот...

Стрючков: Вот сюда вот ещё! Так, так, так! Ну-ка еще... Ну, теперь готово!

Мотыльков: Теперь готово!

Окнов: Господи благослови!

<1933>

329. Тюк!

Лето. Письменный стол. Направо дверь. На стене картина. На картине нарисована лошадь, а в зубах у лошади цыган. Ольга Петровна колет дрова. При каждом ударе с носа Ольги Петровны соскакивает пенснэ. Евдоким Осипович сидит в креслах и курит.

Ольга Петровна (*ударяет колуном по полену, которое, однако, нисколько не раскалывается*).

Евдоким Осипович: Тюк!

Ольга Петровна (*надевая пенснэ, бьет по полену*).

Евдоким Осипович: Тюк!

Ольга Петровна (*надевая пенснэ, бьет по полену*).

Евдоким Осипович: Тюк!

Ольга Петровна (*надевая пенснэ, бьет по полену*).

Евдоким Осипович: Тюк!

Ольга Петровна (*надевая пенснэ*): Евдоким Осипович! Я вас прошу: не говорите этого слова «тюк».

Евдоким Осипович: Хорошо, хорошо.

Ольга Петровна (*ударяет колуном по полену*).

Евдоким Осипович: Тюк!

Ольга Петровна (*надевая пенснэ*): Евдоким Осипович! Вы обещали мне не говорить этого слова «тюк»!

Евдоким Осипович: Хорошо, хорошо, Ольга Петровна! Больше не буду.

Ольга Петровна (*ударяет колуном по полену*).

Евдоким Осипович: Тюк!

Ольга Петровна (*надевая пенснэ*): Это безобразие!
Взрослый пожилой человек и не понимает простой человеческой просьбы!

Евдоким Осипович: Ольга Петровна! Вы можете спокойно продолжать вашу работу. Я больше мешать не буду.

Ольга Петровна: Ну, я прошу вас, я очень прошу вас: дайте мне расколоть хотя бы это полено!

Евдоким Осипович: Колите, конечно колите!

Ольга Петровна (*ударяет колуном по полену*)

Евдоким Осипович: Тюк!

Ольга Петровна роняет колун, открывает рот, но ничего не может сказать. Евдоким Осипович встает с кресел, оглядывает Ольгу Петровну с головы до ног и медленно уходит. Ольга Петровна стоит неподвижно с открытым ртом и смотрит на удаляющегося Евдокима Осиповича.

Занавес медленно опускается.

<1933>

330

Воронин (*вбегая*) –

Остановка истории!

Люди бегут по улице!

На Неве стреляют из пушек!

Степанов (*подскакивая на стуле*) –

Которое сегодня число?

Воронин – Девятнадцатое марта!

Степанов (*падая на пол*) –

Проспал! Проспал!

<1933>

331

Петр выходит с ружьём из ворот
Птицы летят звеня перьями
Клим Логофет открывает свой рот
Полон глухими поверьями.
Чтобы вспомнить слова позабытых рагат
Повернул Логофет свои взоры назад

<1933>

332

От милого соседа возвратясь домой
На стену вешает с трудом тулупчик свой
С трудом калоши ставит в угол под скамью
С трудом на стол бросает шапочку свою

<1933>

333

Колесо радости жена
глупости каша мать
напоим тебя
напоим тебя
а если хочешь
накормим тебя.

Ты открыл уже зубы свои
расчесал на пробор волосы ты
Подбежал ко мне
подбежал КО мне
растворить окно города кыБаду
растворить окно города Кыбаду
растворить окно города города КЫбаду
милый мой чело
города КЫбаду милый мой человек по
имяни Пётр.

Мельница смеха весло
Машинка румянца пень
О суп выражений твоих
О палочки рук твоих
О шапочки плечь твоих
О кушачки жён твоих
отойди от меня Пётр
отойди от меня человек по имени Пётр
отойди от меня мастер Пётр.

Граматики точный конь
арифметики плямба
ножом бы разрезать щёки твои
топором отрубить бы твой хвост
заманить бы тебя в лес
заманить бы тебя в лес
о дяденька друга моего.

<1933>

334. БАЛ

Хор

Танцуйте танцуйте!

Гости

Танцуем танцуем!

Хор

Танцуйте фигуру.

Гости

Танцуем фигуру.

Хор

Откройте откройте
откройте откройте
Закройте закройте
закройте закройте.

Гости

Мы весело топчимся

Баронесса Пирогова

Мне стало душно.

Солдат Ферзёв

Хотите на веранду, охладить горячее тело

Баронесса Пирогова

Вы правы, я немножечко вспотела.
Пусть ветер мне подует в рукава.

Солдат Ферзёв

Смотрите ночка какова!

Der Goldberg

Кто хочет что ни будь особенного
то я спою не хуже Собинова.

Хозяин

Иван Антоныч, принесите плеть.
Сейчас Der Goldberg будет петь.

Der Goldberg (поёт)

Любовь Любовь
царит всечасно...
Больше петь не буду. Зачем
он меня при каждом слове
ударяет плёткой.

Мария

Ой смотрите, кто это к нам
ползёт на четверинках.

Хозяин

Это Мотытыльков.

Мотыльков

Да, это я. Мою природу
постиг удар. Я стал скотом.
Дозвольте мне возвать к народу.

Хозяин

Ах не сейчас.
Потом Потом.

Мотыльков

Тогда я просто удалюсь.

Хозяин

А вдруг останитесь, боюсь.

Мотыльков

Как неуместен этот страх.
Уйду и с туфель сдуну прах.

Хозяин

Смотрите он ползет обратно.

Жак

Мария, будьте аккуратна.

Мария

Я вам запачкала пиджак

Жак

Ну не беда

Мария

Мой милый Жак!

Жак

Я предан вам за вашу ласку.

Мария

Ах сядте тут и расскажите сказку.

Жак

Был гром и небо темно буро
Вдруг выстрел. Хлоп! из Порт Артура.
На параходе суета
матросы лезут в лодку,
а лодка офицерами по горло занята.

Матросы пьют в испуге дикую водку,
кто рубит мачту, кто без крика тонет
кто с переломаной ногой лежит и стонет
уже вода раскрыла двери,
а люди просто озверели.
Волну прижав к своей груди,
тонул матрос и говорил: «Приди приди», –
не то волне, не то кому то
и бил ногами воду круто.
Его сосёт уже пучина,
холодная вода ласкает,
но всё вперёд плывёт мужчина
и милую волну из рук не выпускает.
«Приди, приди», – кому то кличет,
кому то яростно лапочет,
кому то ласково лепечет,
зовёт кого то и хохочет.

<1933>

335. Кустов и Левин

Кустов: Генрих Левин
в твоём глазу
я видел гибкую лозу
она качалась как цветок
и света удивительный поток
летит из глаз твоих на вещи.

Левин: Не знаю так ли в самом деле.
Мои глаза всегда глядели
На мир спокойно без помех.
Я ухом слышу чей то смех.
Не над моими ли словами?
Мне неприятно спорить с вами.

Кустов: Однако в чём ты видишь спор.
В твоих речах я вижу удивительный
напор.

<1933>

336

На кобыле без подков
ехал Пётр Петраков,
а навстречу в шарабане
ехал Фёдор Петраков.

<1933>

337

А ну скажи:
какая сила
вбивает в землю кол?
Сидит на ярмарке магол
и держит слабую дощечку.
куда приткнуться человечку
когда погнут, разбит и сломан
его несчастный организм.

<1933>

338

Я влюблена в тебя.
ты видишь я страдаю.
и каждый день грозит во мне
исчезнуть красота.
Я подхожу к тебе особенной походкой
стараясь выглядеть упругой
Я сплю и сон коварный
твой образ длительно не держит
предо мной.
и я влюблён и я страдаю
исчезло всё и только Нина
собой во всём отражена
Исчезло всё и только Нина
одна владычица моя

передо мной стоит богиня
улыбкой в храм войти маня

и я к ногам её повержен
о Нина ты любви дворец.
один лишь вздох и я отвержен
и выстрел в сердце мой конец.

исчезло всё. и только Нина
меня пленяет каждый миг
передо мною как богиня
она стоит. и чудный лик
склонив ко мне и грустным взглядом
питает бурно страсть мою
сама Эсфирь с тобою рядом
не превзойдёт красу твою.

<1933>

339

почему любовный фибр
каждый миг меня трясёт
и в толпу девичьих игр
страстный вихр меня несёт

удержаться нет сил боле
с диким рёвом точно лев
я несусь туда где в море
плещат груди чудных дев

<1933>

340

Положи к моим ногам трофей
Прикажи меня бросать на воздух
Ты охотник, я же скромный житель
Города. Лес меня пугает

Страшно мне смотреть в кусты
Если ветка шевелится я бледнею
Может ветер ветку шевелит,
А может зверь. Или дух лесной
А может птица.
Если птица, я возьму ружьё,
Заряжу его коварной дробью

<1933>

341

От Невы поднимается пар
начинается ба ба бар

Над Невой пролетает колонна мух
поднимается в городе мрачный слух

<1933>

342

я сделал шаг и вдруг назад
бегом пустился в Летний сад.
в саду поднявшись со скамейки
девица шла в берете белом
прямая в верх как по линейке
она играла своим телом.

<1933>

343

открыв наук зелёный том
я долго плакал, а потом
его закрыл и бросил в реку.
Науки вредны человеку.

науки втянут нас в беду
возьмёмтесь лучше за еду.

<1933>

344

Птичка с маленькой головкой
о чём так жалобно свистишь?
что ты землю бьёшь подковкой?
что ты кверху не летишь?

Птичка с маленькой головкой
залетела к нам в окно
с этой маленькой плутовкой
мы знакомы так давно.

прошлый год в начале Марта
мы сиде<л>и в лесу густом
вдруг летит как легкая карта
птичка с маленьким хвостом.

птичка с маленькой головкой
выше облака летить
человек идёт с винтовкой
птичку пулей застрелить.

<1933>

345

На паровом тромбоне мы играли
нам жизнь казалась колесом.
Иван Петрович Пятаков
глядел на небо сквозь трубу

Иван Петрович Пятаков
играл на паровом тромбоне

как пуля в ухо звук летел
Иван Петрович Поглядел
в тетрадку с нотами и грянул
такой стремительный галопп,
что звук летел как пуля в лоб.

<1933>

346

Луиза!
Ты моё пристанище
Ты небесный лампион
Ты кораблик с мачтой-пикой
Ты воздушная струя
Ты коробочка с цветочком
Ты бубенчик на шлее

Луиза!
Стань передо мной на стул
Стань на бочку из под яблок
Стань с подсвечником на шляпе
Стань с метёлочкой в зубах
Стань со звёздочкой во взоре
Стань с пером на голове

Луиза!
Покажи мне карту мира
покажи мне

<1930–1933>

347

Дорогой мой, купите мне бубенчик.
Сейчас посмотрю, хватит ли у меня фиников.
А потом купите мне табуретку.
Я очень устал.

Ну тогда бегите на станцию и купите
 мне четырёх коней.
 На которую станцию мне бежать?
 Лучше всего на правую.
 Далеко ли до правой станции?
 Я уже не помню сколько туда шагов.
 Я пойду туда пешком.
 Принесите мне люстру и мешок отрубей.
 Я св

<1930–1933>

348

Пульхиреев и Дроздов
 храбро ехали в Ростов
 Пульхиреев на картоне
 ехал вывернув ладони

<1930–1933>

349

вода внизу отразила всё то, что наверху.
 Вход закрыт. Только тому кто вышел из воды и чист,
 откроется вход.
 Путник идёт по зелёному саду. Деревья, травы и цветы
 делают своё дело. И во всём натура.
 Вот огромный камень кубической формы. А на камне
 сидит и повелевает натурой.
 Кто знает больше чем этот человек?

<1930–1933>

Легкомысленные речи
 За столом произносив
 Я сидел, раскинув плечи,
 Неподвижен и красив.

<1930–1933>

Мы жили в двух комнатах. Мой приятель занимал комнату поменьше, я-же занимал довольно большую комнату, в три окна. Целые дни моего приятеля не было дома, и он возвращался в свою комнату, только чтобы переночевать. Я же почти всё время сидел в своей комнате, и если выходил, то либо на почту, либо купись себе чтонибудь к обеду. В добавок я заполучил сухой плеврит, и это ещё больше удерживало меня на месте.

Я люблю быть один. Но вот прошёл месяц и мне моё одиночество надоело. Книга не развлекала меня, а садясь за стол, я часто просиживал по долгу, не написав ни строчки. Я опять брался за книгу, а бумага оставалась чистой. Да ещё это болезненное состояние! Одним словом, я начал скучать.

Город, в котором я жил это время, мне совершенно не нравился. Он стоял на горе и всюду открывались открыточные виды. Эти виды мне так опротивили, что я даже рад был сидеть дома. Да собственно кроме почты, рынка и магазина, мне и ходить то было некуда.

И так я сидел дома как затворник.

Были дни, когда я ничего не ел. Тогда я старался создать себе радостное настроение. Я ложился на кровать и начинал улыбаться. Я улыбался по двадцати минут зараз, но потом улыбка переходила в зевоту. Это было очень неприятно. Я приоткрывал рот настолько, что бы только улыбнуться, а он открывался шире и я зевал. Я начинал мечтать.

Я видел перед собой глинянный кувшин с молоком и куски свежего хлеба. А сам я сажу за столом и быстро

пишу. На столе, на стульях и на кровати лежат листы исписанной бумаги. А я пишу дальше, подмигиваю и улыбаюсь своим мыслям. И как приятно, что рядом хлеб, и молоко и ореховая шкатулочка с табаком!

Я открыл окно и смотрел в сад. У самого дома росли жёлтые и лиловые цветы. Дальше рос табак и стоял большой военный каштан. А там начинался фруктовый сад.

Было очень тихо и только под горой пели поезда.

Сегодня я ничего не мог делать. Я ходил по комнате, потом садился за стол, но вскоре вставал и пересаживался на кресло качалку. Я брал книгу, но тотчас же отбрасывал её и принимался опять ходить по комнате.

Мне вдруг казалось, что я забыл что то, какой то случай или важное слово.

Я мучительно вспоминал это слово и мне даже начинало казаться, что это слово начиналось на букву М. Ах нет! совсем не на М, а на Р.

Разум? радость? рама? ремень? Или: Мысль? Мука? Материя?

Нет, конечно на букву Р, если это только слово!

Я варил себе кофе и пел слова на букву р. О, сколько слов сочинил я на эту букву! Может быть, среди них было и то, но я не узнал его, я принял его за такое же, как и все другие. А может быть, того слова и не было.

<1932–1933>

352

Ветер дул, текла вода,
Пели птицы, шли года
До сих пор мы не встречались
Не встречались никогда.

Но теперь узнав друг друга
Мир исчез для нас вокруг
Только ты моя подруга
Только я твой милый друг.

<1933?>

353. Американский рассказ

В Американский суд была подана жалоба сторожем скотобойни, буд-то ему какой-то парень сломал руку. Судья вызвал этого парня и спросил: «Ты сломал сторожу руку?» Парень сказал: «нет я не ломал ему руки». А сторож сказал: «как же ты не ломал мне руки! Ведь я из за тебя же сломал руку!» Тогда судья спросил: «Как-же было дело?» Оказалось, что дело было так:

Молодой здоровый парень забрался на скотобойню, срезал с коровьего вымяни сиську, вставил её себе в прорешку штанов и так идёт.

Сторож увидал парня, вылупил глаза и говорит: «Да ты смотри, как ты идёшь!»

А парень достал нож и говорит: «Эх, всё равно!», отрезал ножом сиську и бросил её в сторону.

Сторож упал и сломал себе руку.

<Январь 1934>

354

Человек свою фигуру
носит бодро целый день
и душой свою натуру
побеждать ему не лень.

Но лишь только ночь сгустится
дервенеют ноги вдруг
и в постель рука стремиться
и противно всё вокруг.

Прочь летит сапог скрипучий
Пояс падает звеня
и пиджак суконной тучей
отлетает от меня.
отлетает от меня.

<Январь 1934>

355. Как Маша заставила осла везти ее в город

Вот осел везет таратайку, а в таратайке едет Маша.
Светит солнце. На деревьях растут яблоки.

Вдруг осел остановился.

Маша сказала ослу: «Ну, пожалуйста. Поезжай в город». А осел помахал хвостом и остался стоять на месте.

Маша показала ослу кнут и сказала: «Посмотри, что у меня есть». Но осел только пошевелил ушами и остался стоять на месте.

Тогда Маша выпрягла осла из таратайки. И опять запрягла его в таратайку, но только хвостом вперед.

Потом Маша достала ножницы и срезала у осла кусочек гривы. Осел с удивлением смотрел на Машу.

Маша села опять в таратайку и, сделав из гривы усы и бороду, наклеила их себе на лицо.

Осел вытаращил глаза и в ужасе начал пятиться.

Осел пятился и тащил за собой таратайку. И вот, таким образом, Маша и приехала в город.

Д. Хармс
1934

356. Баня

Баня, это отвратительное место.
В бане человек ходит голым.
А быть в голом виде человек не умеет.
В бане ему некогда об этом подумать,
ему нужно тереть мочалкой свой живот
и мылить под мышками.
Всюду голые пятки
и мокрые волосы.
В Бане пахнет мочёй.
Веники бьют ноздреватую кожу.
Шайка с мыльной водой,
предмет общей зависти.
Голые люди дерутся ногами
стараясь пяткой ударить соседа по челюсти.
В бане люди бесстыдны
и никто не старается быть красивым.
Здесь всё напоказ
и отвислый живот
и кривые ноги;
и люди бегают согнувшись,
думая, что этак приличнее.
Не даром считалось когда-то, что баня
служит храмом нечистой силы.
Я не люблю общественных мест,
где мужчины и женщины порозень.
Даже трамвай приятнее бани.

13 марта 1934

357

Царь вселенной,
Царь природы,
Царь безименный,
не имеющий даже определённой фигуры.
приходи ко мне в мой дом
будем водку вместе жрать

лопать мясо, а потом
о знакомых рассуждать.
может божеский автограф
поднесёт мне твой визит,
или может быть фотограф
твой портрет изобразит.

27 марта 1934 года
Хармс

358

- I. Я к тебе несусь владыка
полон страсти и младыка
покажи мне воду некую.
- II. Я в кувшинах не кумекаю.
ветка ветра веселёха
распушила хвост рулевой
тучи серая лепёха
груди около лети
это выпел нулевой
вехи ветхого пути.
Посмотри как я парю над озером
избегая капканы смерти
знать уж скоро выйдут с мозером
отмечать секунды черти.
- I. Под ногами вьётся Ладога
величиною с кулачёк
вон торчит глядите радуга
земледея значёк
к нам от солнца света луч
пробегает путь олений
разноцветным из за тучь
флагом льёт переломлений
мы в этом усматриваем буковку
прекращения гроз

II. А если хватит мороз
по молодым почкам
то то будет горе нам
воздушным цветочкам

I. Я с ножами вилками и ложками
колокольчиком лечу за мошками
не страшны мне холода
я и камни буду есть
я и воды буду пить
превращённые в снега
мне жизнь право опостылила
и если небо все дожди повылило
то радуга корона суши
мне кажется блистает ярче
предидущего раза.

II. Потоки болотного газа

<4 мая 1934>

359

Миронов завернул в одеяло часы и понёс их в керосинную лавку. По дороге Миронов встретил Головлёва. Головлёв при виде Миронова спрятался за папиросную будку. «Что вы тут стоите?» – начал приставать к нему папиросник. Что бы отвязаться, Головлёв купил у папиросника мундштук и коробку зубного порошка. Миронов видел всё это, на чём, собственно говоря, рассказ и заканчивается.

20 августа <1934>

360

Андрей Иванович плюнул в чашку с водой. Вода сразу почернела. Андрей Иванович сощурил глаза и пристально посмотрел в чашку. Вода была очень черна. У Андрея Ивановича забилося сердце.

В это время проснулась собака Андрея Ивановича. Андрей Иванович подошел к окну и задумался.

Вдруг что то большое и тёмное пронеслось мимо лица Андрея Ивановича и вылетело в окно. Это вылетела собака Андрея Ивановича и понеслась как ворона на крышу противоположного дома. Андрей Иванович сел на корточки и завыл.

В комнату вбежал товарищ Попугаев.

– Что с вами? Вы больны? – Спросил тов. Попугаев. Андрей Иванович молчал и тёр лицо руками.

Тов. Попугаев заглянул в чашку, стоявшую на столе.

– Что это у вас тут налито? – спросил он Андрея Семёновича.

– Не знаю, – сказал Андрей Семёнович.

Попугаев мгновенно исчез. Собака опять влетела в окно, легла на своё прежнее место и заснула.

Андрей Семёнович подошёл к столу и выпил из чашки почерневшую воду.

И на душе у Андрея Семёновича стало светло.

21 августа <1934>

361

Как известно, у Безименского очень тупое рыло.

Вот однажды Безименский стукнулся своим рылом о табурет.

После этого рыло поэта Безименского пришло в полную негодность.

<30 августа 1934>

362

Ольга Форш подошла к Алексею Толстому и что то сделала.

Алексей Толстой тоже что то сделал.

Тут Константин Федин и Валентин Стенич выскочили на двор и принялись разискивать подходящий камень. Камня они не нашли, но нашли лопату. Этой лопатой Константин Федин съездил Ольгу Форш по морде.

Тогда Алексей Толстой разделся голым и выйдя на Фантанку стал ржать по лошадиному. Все говорили: «вот ржёт крупный современный писатель» И никто Алексея Толстого не тронул.

<Конец августа 1934>

363

У дурака из воротника его рубашки торчала шея, а на шеи голова. Голова была когда-то коротко подстрижена. Теперь волосы отросли щёткой. Дурак много о чём-то говорил. Его никто не слушал. Все думали: когда он замолчит и уйдёт? Но дурак, ничего не замечая, продолжал говорить и хохотать.

Наконец, Ёлбов не выдержал и, подойдя к дураку, сказал, коротко и свирепо: «Сию-же минуту убирайся вон». Дурак растерянно смотрел вокруг, не соображая, что происходит. Ёлбов двинул дурака по уху. Дурак вылетел из кресла и повалился на пол. Ёлбов поддал его ногой и дурак, вылетев из дверей, скатился с лестницы.

Так бывает в жизни: Дурак дураком, а ещё чего-то хочет выразить. По морде таких. Да, по морде!

Куда бы я не посмотрел, всюду эта дурацкая рожа орестанта. Хорошо-бы сапогом по этой морде.

<Август 1934>

364

Жили в Киеве два друга
Удивительный народ
Первый родиной был с юга
А второй – наоборот

Первый страшный был обжора
А второй был идиот.
Первый умер от запора
А второй – наоборот.

<Нач. сентября 1934>

365. О равновесии

Теперь все знают как опасно глотать камни.

Один даже мой знакомый сочинил такое выражение: «Кавео», что значит: «Камни внутрь опасно». И хорошо сделал. «Кавео» легко запомнить и как потребуется, так и вспомнишь сразу.

А служил этот мой знакомый истопником при паровозе. То по северной ветви ездил, а то в Москву. Звали его Николай Иванович Серпухов, а курил он папиросы «Ракета», 35 коп. коробка, и всегда говорил, что от них он меньше кашлем страдает, а от пятирублёвых, говорит, я всегда задыхаюсь.

И вот случилось однажды Николаю Ивановичу попасть в Европейскую Гостинницу, в ресторан. Сидит Николай Иванович за столиком, а за соседним столиком иностранцы сидят и яблоки жрут.

Вот тут то Николай Иванович и сказал себе: «Интересно, – сказал себе Николай Иванович, – как человек устроен».

Только это он себе сказал, откуда ни возмись, появляется перед ним фея и говорит:

– Чего тебе, добрый человек, нужно?

Ну конечно в ресторане происходит движение, откуда, мол, эта неизвестная дамочка возникла. Иностранцы так даже и яблоки жрать перестали.

Николай то Иванович и сам не на шутку струхнул и говорит просто так, что бы только отвязаться:

– Извините, – говорит, – особого такого ничего мне не требуется.

– Нет, – говорит неизвестная дамочка, – я, – говорит, – что называется, фея. Одним моментом, что угодно, смас-терю.

Только видит Николай Иванович, что какой-то гражданин в серой паре внимательно к их разговору прислушивается. А в открытые двери метр-д'отель бежит, а за ним ещё какой-то субъект с папироской во рту.

– Что за чорт! – думает Николай Иванович, – неизвестно, что получается.

А оно и действительно неизвестно, что получается. Метр-д'отель по столам скачет, иностранцы ковры в трубочку закатывают и вообще чорт его знает! Кто во что горазд!

Выбежал Николай Иванович на улицу, даже шапку в раздевалке из хранения не взял, выбежал на улицу Лассала и сказал себе: «Кавео! Камни внутрь опасно! И чего чего только на свете не бывает!»

А придя домой, Николай Иванович так сказал жене своей: «Не пугайтесь, Екатерина Петровна, и не волнуйтесь. Только нет в мире никакого равновесия. И ошибка-то всего на какие ни будь полтора килограмма на всю вселенную, а всё же удивительно, Екатерина Петровна, совершенно удивительно!»

Всё

*Даниил Дандан
18 сентября 1934 года*

366. О явлениях и существованиях

№ 1

Художник Миккель Анжело садится на груды кирпичей и, подперев голову руками, начинает думать. Вот проходит мимо петух и смотрит на художника Миккеля Анжело своими круглыми золотистыми глазами. Смотрит и не мигает. Тут художник Миккель Анжело поднимает голову и видит петуха. Петух не отводит глаз, не мигает и не двигает хвостом. Художник Миккель Анжело опус-

кает глаза и замечает, что глаза что то щиплет. Художник Миккель Анжело трет глаза руками. А петух не стоит уж больше, не стоит, а уходит, уходит за сарай, за сарай, на птичий двор, на птичий двор к своим курам.

И художник Миккель Анжело поднимается с груды кирпичей, отрешает со штанов красную кирпичную пыль, бросает в сторону ремешок и идет к своей жене.

А жена у художника Миккеля Анжело длинная-длинная, длиной в две комнаты.

По дороге художник Миккель Анжело встречает Комарова, хватает его за руку и кричит: «Смотри!»

Комаров смотрит и видит шар.

«Что это?» – шепчет Комаров.

А с неба грохочет: «Это шар».

«Какой такой шар?» – шепчет Комаров.

А с неба грохот: «Шар гладкоповерхностный!»

Комаров и художник Миккель Анжело садятся в траву, и сидят они в траве, как грибы. Они держат друг друга за руки и смотрят на небо. А на небе вырисовывается огромная ложка. Что же это такое? Никто этого не знает. Люди бегут и застревают в своих домах. И двери запирают, и окна. Но разве это поможет? Куда там! Не поможет это.

Я помню, как в 1884-том году показалась на небе обыкновенная комета величиной с пароход. Очень было страшно. А тут ложка! Куда комете до такого явления.

Запирать окна и двери!

Разве это может помочь? Против небесного явления доской не загородишься.

У нас в доме живет Николай Иванович Ступин, у него теория, что всё дым. А по-моему, не всё дым. Может, и дыма то никакого нет. Ничего, может быть, нет. Есть одно только разделение. А может быть, и разделения-то никакого нет. Трудно сказать.

Говорят, один знаменитый художник рассматривал петуха. Рассматривал, рассматривал и пришел к убеждению, что петуха не существует.

Художник сказал об этом своему приятелю, а приятель давай смеяться. Как-же, говорит, не существует, когда, говорит, он вот тут вот стоит, и я, говорит, его отчетливо наблюдаю.

А великий художник опустил тогда голову, и как стоял, так и сел на груду кирпичей.

всё

*Даниил Дандан
18 сентября 1934 года*

367. О явлениях и существованиях

№ 2

Вот бутылка с водкой, так называемый спиртуоз. А рядом вы видите Николая Ивановича Серпухова.

Вот из бутылки поднимаются спиртуозные пары. Поглядите, как дышит носом Николай Иванович Серпухов. Поглядите, как он облизывается и как он щурится. Видно, ему это очень приятно, и главным образом потому, что спиртуоз.

Но обратите внимание на то, что за спиной Николая Ивановича нет ничего. Не то что бы там не стоял шкаф, или коммод, или вообще что ни будь такое, а совсем ничего нет, даже воздуха нет. Хотите верьте, хотите не верьте, но за спиной Николай <Ивановича> нет даже безвоздушного пространства, или, как говорится, мирового эфира. Откровенно говоря, ничего нет.

Этого, конечно, и вообразить себе невозможно.

Но на это нам плевать, нас интересует только спиртуоз и Николай Иванович Серпухов.

Вот Николай Иванович берет рукой бутылку со спиртуозом и подносит ее к своему носу. Николай Иванович нюхает и двигает ртом, как кролик.

Теперь пришло время сказать, что не только за спиной Николая Ивановича, но впереди, так сказать, перед грудью и вообще кругом нет ничего. Полное отсутствие всякого существования, или, как острили когда-то: отсутствие всякого присутствия.

Однако, давайте интересоваться только спиртуозом и Николаем Ивановичем.

Представьте себе, Николай Иванович заглядывает во внутрь бутылки со спиртуозом, потом подносит ее к губам, запракидывает бутылку доньшком в верх и выпивает, представте себе, весь спиртуоз.

Вот ловко! Николай Иванович выпил спиртуоз и хлопал глазами. Вот ловко! Как это он!

А мы теперь должны сказать вот что: собственно говоря, не только за спиной Николая Ивановича или спереди и вокруг только, а так же и внутри Николая Ивановича ничего не было, ничего не существовало.

Оно, конечно, могло быть так, как мы только что сказали, а сам Николай Иванович мог при этом восхитительно существовать. Это, конечно, верно. Но, откровенно говоря, вся штука в том, что Николай Иванович не существовал и не существует. Вот в чем штука-то.

Вы спросите: А как же бутылка со спиртуозом? Особенно, куда вот делся спиртуоз, если его выпил несуществующий Николай Иванович? Бутылка, скажем, осталась. А где же спиртуоз? Только что был, а вдруг его и нет. Ведь Николай-то Иванович не существует, говорите вы. Вот как же это так?

Тут мы и сами теряемся в догадках.

А впрочем, что же это мы говорим? Ведь мы сказали, что как в нутри, так и снаружи Николая Ивановича ничего не существует. А раз ни внутри, ни снаружи ничего не существует, то, значит, и бутылки не существует. Так ведь?

Но, с другой стороны, обратите внимание на следующее: если мы говорим, что ничего не существует ни из нутри, ни с наружи, то является вопрос: из нутри и с наружи чего? Что-то, видно, всё же существует? А может, и не существует. Тогда для чего же мы говорили из нутри и с наружи?

Нет, тут явно тупик. И мы сами не знаем, что сказать. До свидания.

Всё.

*Даниил Дандан
18 сентября 1934 года*

368. Грехопадение или познание добра и зла

Дидаскалия

(Аллея красиво подстриженных деревьев изображает райский сад. Посередине Древо Жизни и Древо Познания Добра и Зла. Сзади направо церковь)

Figura *(указывая рукой на дерево, говорит)*: Вот это дерево познания добра и зла. От других деревьев ешьте плоды, а от этого дерева плодов не ешьте *(уходит в церковь)*.

Адам *(указывая рукой на дерево)*: Вот это дерево познания добра и зла. От других деревьев мы будем есть плоды, а от этого дерева мы плодов есть не будем. Ты, Ева, обожди меня, а я пойду соберу малину *(уходит)*.

Ева: Вот это дерево познания добра и зла. Адам запретил мне есть плоды с этого дерева. А интересно, какого они вкуса?

(Из-за дерева появляется Мастер Леонардо)

Мастер Леонардо: Ева! вот я пришел к тебе.

Ева: А скажи мне, мастер Леонардо, зачем?

Мастер Леонардо: Ты такая красивая, белотелая и полногрудая. Я хлопочу о твоей пользе.

Ева: Дай то Бог.

Мастер Леонардо: Ты знаешь, Ева, я люблю тебя.

Ева: А я знаю что это такое?

Мастер Леонардо: Неужто не знаешь?

Ева: От куда мне знать?

Мастер Леонардо: Ты меня удивляешь.

Ева: Ой посмотри, как смешно фазан на фазаниху верхом сел!

М. Л.: Вот это и есть то самое.

Ева: Что то самое?

М. Л.: Любовь.

Ева: Тогда это очень смешно. Ты что? Хочешь тоже на меня верхом сесть?

М. Л.: Да хочу. Но только ты ничего не говори Адаму.

Ева: Нет, не скажу.

М. Л.: Ты, я вижу, молодец.

Ева: Да, я бойкая баба.

М. Л.: А ты меня любишь?

Ева: Да я не прочь, что бы ты меня покатал по саду на себе верхом.

М. Л.: Садись ко мне на плечи.

(Ева садится верхом на Мастера Леонардо, и он скачет с ней по саду. Входит Адам с картузом, полным малины, в руках)

Адам: Ева! Где ты? Хочешь малины? Ева! Куда же она ушла? Пойду ее искать *(уходит)*.

(Появляется Ева верхом на Мастере Леонардо)

Ева *(спрыгивая на землю)*: Ну спасибо. Очень хорошо.

М. Л.: А теперь попробуй вот это яблоко.

Ева: Ой, что ты! С этого дерева нельзя есть плодов.

М. Л.: Послушай, Ева! Я давно уже узнал все тайны рая. Кое что я скажу тебе.

Ева: Ну говори, а я послушаю.

М. Л.: Будешь меня слушать?

Ева: Да, и ни в чем тебя не огорчу.

М. Л.: А не выдашь меня?

Ева: Нет, поверь мне.

М. Л.: А вдруг всё откроется?

Ева: Не через меня.

М. Л.: Ну хорошо. Я верю тебе. Ты была в хорошей школе. Я видел Адама, он очень глуп.

Ева: Он грубоват немного.

М. Л.: Он ничего не знает. Он мало путешествовал и ничего не видел. Его одурачили. А он одурачивает тебя.

Ева: Каким образом?

М. Л.: Он запрещает тебе есть плоды с этого дерева. А ведь это самые вкусные плоды. И когда ты съешь этот плод, ты сразу поймешь, что хорошо и что плохо. Ты сразу узнаешь очень много и будешь умнее самого Бога.

Ева: Возможно ли это?

М. Л.: Да уж я говорю тебе, что возможно.

Ева: Ну, право, я не знаю, что мне делать.

М. Л.: Ешь это яблоко! Ешь, ешь!

(Появляется Адам с картузом в руках)

Адам: Ах, вот, где ты, Ева! А это кто?

(Мастер Леонардо скрывается за кусты)

Адам: Это кто был?

Ева: Это был мой друг, Мастер Леонардо.

Адам: А что ему нужно?

Ева: Он посадил меня верхом к себе на шею и бегал со мной по саду. Я страшно смеялась.

Адам: Больше вы ничего не делали?

Ева: Нет.

Адам: А что это у тебя в руках?

Ева: Это яблоко.

Адам: С какого дерева?

Ева: Вон с того.

Адам: Нет, врешь, с этого.

Ева: Нет, с того.

Адам: Врешь, пооди?

Ева: Честное слово, не вру.

Адам: Ну хорошо, я тебе верю.

Змей *(сидящий на дереве познания добра и зла):* Она врет. Ты не верь. Это яблоко с этого дерева!

Адам: Брось яблоко. Обманщица.

Ева: Нет, ты очень глуп. Надо попробовать, каково оно на вкус.

Адам: Ева! Смотри!

Ева: И смотреть тут нечего!

Адам: Ну, как знаешь.

(Ева откусывает от яблока кусок.)

Змей от радости хлопает в ладоши)

Ева: Ах, как вкусно! Только что же это такое? Ты всё время исчезаешь и появляешься вновь. Ой! всё исчезает и откуда-то появляется всё опять. Ох, как это интересно!

Ай! Я голая! Адам, подойди ко мне ближе, я хочу сесть на тебя верхом.

Адам: Что такое?

Ева: На, ешь ты тоже это яблоко!

Адам: Я боюсь.

Ева: Ешь! Ешь!

*(Адам съедает кусок яблока
и сразу же прикрывается картузом)*

Адам: Мне стыдно.

(Из церкви выходит Figura)

Figura: Ты, человек, и ты, человечича, вы съели запрещенный плод. А потому вон из моего сада!

(Figura уходит обратно в церковь)

Адам: Куда же нам идти?

Ева: Никуда не пойдем.

(Появляется Ангел с огненным мечом и гонит их из рая)

Ангел: Пошли вон! Пошли вон! Пошли вон!

Мастер Леонардо *(появляяс из за кустов):* Пошли пошли! Пошли пошли! *(машет руками).* Давайте занавес!

Занавес

Дандан.

27 сентября 1934 года

369. Экспромт

Как известно, у полупоэта Бориса Пастернака была собака по имени Балаган. И вот однажды, купаясь в озере, Борис Пастернак сказал столпившемуся на берегу народу:

– Вон смотрите, под осиной
Роет землю Балаган!

С тех пор этот экспромт известного полупоэта сделался поговоркой.

<Сентябрь 1934?>
Даниил Хармс

370

Тут все начали говорить по своему.

Хвилищевский подошёл к дереву и поцарапал кору. Из коры выбежал муравей и упал на землю. Хвилищевский нагнулся, но муравья не было видно.

В это время Факиров ходил взад и вперёд. Лицо Факирова было строго, даже грозно. Факиров старался ходить по прямым, а когда доходил до дома, то делал сразу резкий поворот.

Хвилищевский всё еще стоял у дерева и смотрел на кору сквозь пенсне своими близорукими глазами. Шея Хвилищевского была тонкая и морщинистая.

Тут все начали говорить о числах.

Хвилищевский уверял, что ему известно такое число, что если его написать по китайски сверху вниз, то оно будет похоже на булочника.

– Ерунда, – сказал Факиров, – почему на булочника?

– А вы попробуйте и тогда сами убедитесь, – сказал Хвилищевский, проглотив слюну, от чего его воротничок подпрыгнул, а галстук съехал на сторону.

– Ну, какое-же число? – спросил Факиров, доставая карандаш.

– Позвольте, это число я держу в тайне, – сказал Хвилищевский.

Неизвестно, чем бы это всё кончилось, но тут вошёл Уемов и принёс много новостей.

Факиров сидел в своём синем бархатном жилете и курил трубку.

Числа такая важная часть природы! И рост и действие,
всё число.

А слово это сила.

Число и слово, – наша мать.

5 октября <1933– 1934>

371. Романс

Безумными глазами он смотрит на меня . –
Ваш дом и крыльцо мне знакомы давно.
Тёмнокрасными губами он целует меня –
Наши предки ходили на войну в стальной чешуе.

Он принёс мне букет тёмнокрасных гвоздик –
Ваше строгое лицо мне знакомо давно.
Он просил за букет лишь один поцелуй –
Наши предки ходили на войну в стальной чешуе.

Своим пальцем в чёрном кольце он коснулся меня –
Ваше чёрное кольцо мне знакомо давно.
На турецкий диван мы свалились вдвоём –
Наши предки ходили на войну в стальной чешуе.

Безумными глазами он смотрит на меня –
О потухните звёзды! и луна побледней!
Тёмнокрасными губами он целует меня –
Наши предки ходили на войну в стальной чешуе.

Даниил Дандан
15 октября 1934 года

372. Что делать нам?

Когда дельфин с морским конём
Игру затеяли вдвоём,
О скалы бил морской прибой
И скалы мыл морской водой.

Ревела страшная вода.
Светили звёзды. Шли года.
И вот настал ужасный час:
Меня уж нет, и нету вас,
И моря нет, и скал, и гор,
И звёзд уж нет; Один лишь хор
Звучит из мёртвой пустоты.
И грозный Бог для простоты
Вскочил и сдунул пыль веков.
И вот, без времени оков,
Летит один себе сам друг.
И хлад кругом и мрак вокруг.

Дандан

15 октября 1934 года

373

Горох тебе в спину.
Попади тебе бульжник
под лопатку.
Падай падай.
Без движенья
На земле
раскинув руки
отдохни.
Много бегал
утомился.
Ноги стали волочиться
Взор стеклянный
перестал метать копьё
в глубь предметов
Сядь на стул
Зажги сигару
Отдохни часа четыре
Это лучше,
Чем лежать раскинув руки
На земле.

Посмотри
На небе солнце
В светлом воздухе летают
птицы
На цветах сидят стрекозы
И жуки.
Вон горох к тебе летящий
Только спину пощекотит
А булыжник от лопатки
Буд-то мячик отлетит
Встань Встань
Подойди походкой твёрдой
К центру мира
Где волна реки Батобр
Пни срывает с берегов
И на камне умный бобр
держит рыбу меж клыков.
Люди, звери и предметы
ниц падут перед тобой
и на лбу твоём высоком
Вспыхнет яркий лампион.

23 DEC. 1934 года

Хармс

374. Обезоруженный или Неудавшаяся любовь

Трагический водевиль в одном действии

Лев Маркович (*подскакивая к даме*) – Разрешите!

Дама (*отстраняясь ладонями*) – Отстаньте!

Л. М. (*наскакивая*) – Разрешите!

Дама (*тихаясь ногами*) – Уйдите!

Л. М. (*хватаясь руками*) – Дайте разок!

Дама (*тихаясь ногами*) – Прочь! Прочь!

Л. М. – Один только пистон!

Дама (*мычит, дескать «нет»*).

Л. М. – Пистон! Один пистон!

Дама (*закатывает глаза*).

Л. М. (*Суется, лезет рукой за своим инструментом и вдруг оказывается, не может его найти*).

Л. М. – Обождите! (*Шарит у себя руками*). Что за чччорт!

Дама (*с удивлением смотрит на Льва Марковича*).

Л. М. – Вот ведь история!

Дама – Что случилось?

Л. М. – Хм... (*смотрит растеренно во все стороны*).

Занавес

1934

375

Маляр сел в люльку и сказал: «Вот до той зазубрины дотяните и стоп». Петров и Комаров взяли за канат.

– Валяй! – сказал маляр и люлька поскакала в верх.

Маляр отпихивался от стены ногами. Люлька с маляром откачивалась и опять летела к стене. А маляр опять отпихивался от стены ногами.

Петров и Комаров тянули за канат. То Петров, то Комаров. Пока один тянул, другой на всякий случай держал свободный конец каната.

Маляр поднимался всё выше.

В первом этаже был кооператив.

Маляр поднялся до вывески и уперся ногой в букву О.

В это время Комаров повис на канате и люлька с маляром остановилась против окна во втором этаже.

Маляр поджал ноги, чтобы не высадить ими оконного стекла, но в это время на конате повис Петров, и маляр очутился в простенке между вторым и третьим этажём. На стене было написано мелом: «Ванька болван, а Наташка дура».

– Ишь ты! – сказал маляр и покрутил головой. – И сюда ведь, черти, забрались!

Но на конате повис опять Комаров и маляр увидел перед собой открытое окно, а в окне комнату. В комнате стояли два человека, один в пиджаке, а другой, кажется, без пиджака. Тот, который был в пиджаке, схватил того, который был, кажется, без пиджака, и душил его.

Но в это время на канате повис Петров и маляр увидел перед собой ржавый карниз.

– Стой! – закричал маляр. – Давай обратно!

Петров и Комаров задрали кверху головы и смотрели на маляра.

– Чего смотрите! Вниз! скорее! Там в окне душат! – кричал маляр и бил ногой в открытое окно.

Петров и Комаров засуетились и вдвоём повисли на канате. Маляр взлетел прямо к четвёртому этажу, больно ударившись ногой о карниз.

– Вниз, черти! – крикнул маляр на всю улицу.

Петров и Комаров видно поняли, в чём дело, и начали понемногу опускать канат. Люлька поползла вниз. На улице начала собираться толпа.

Маляр перегнулся и заглянул в окно.

Человек без пиджака лежал на полу, а человек в пиджаке сидел на нём верхом и продолжал его душить.

– Ты чего делаешь? – крикнул ему маляр. Человек в пиджаке даже не обернулся и продолжал душить человека без пиджака.

– Чего там такое? – кричали с низу Петров и Комаров.

– Да тут один человек другого душит! – кричал маляр. – Вот я тебя сейчас!

С этими словами маляр слез с люльки и прыгнул в комнату.

Облегчённая люлька качнулась в сторону, ударилась об стену, отлетела от дома и с размаху двинула по водосточной трубе.

В трубе что то зашумело, застучало, заклокотало, покатилося и посыпалось.

Народ с криком отбежал на середину улицы. А из водосточной трубы на панель выскочили три маленьких кирпичных осколка.

Народ опять приблизился к дому.

Петров и Комаров всё ещё держались за канат и показывали, как они тянули люльку наверх, как маляр крикнул им опускать вниз, и как один человек душит другого.

В толпе ахали и охали, смотрели на верх и наконец решено было как ни будь помочь маляра.

Человек в соломенном картузе предлагал свою помощь и говорил, что может по водосточной трубе забраться хоть на край света.

Старушка с маленьким лицом и таким большим носом, что его можно было взять двумя руками, требовала всех мошейников сдать милиции и лишить их паспорта, чтобы они знали как мучить других.

Петров и Камаров, всё ещё держась за канат, говорили: «Мы его не упустим! Теперь уж нет! Шалишь!»

В это время из ворот дома выбежал дворник в огромной косматой папахе, в голубой майке и красных резиновых галошах, надетых на рваные валенки. С криком: «Что тут случилось?» он подбежал к Петрову и Камарову.

Дворнику объяснили, что в четвертом этаже, в том вон окне, один человек задушил другого.

– За мной! – крикнул дворник и бросился в парадную. Толпа кинулась за дворником.

Петров и Камаров привязали канат к какой то деревянной дуге, торчащей из под земли, и говоря:

«Ну нет, брат, не уйдешь!» – тоже скрылись в парадной.

Добежав до площадки четвёртого этажа, дворник на секунду остановился, и вдруг ринулся к двери, на которой висела дощечка с надписью: «квартира № 8. Звонить 8 раз». А под этой дощечкой висела другая, на которой было написано: «Звонок не звонит. Стучите».

Собственно, на двери и не было никакого звонка.

Дворник встал на одной ноге спиной к двери, а другой ногой принялся колотить в дверь.

Народ столпился на площадке одним маршем ниже и от туда следил за дворником.

Дворник бил ногой в дверь так усердно, и красная колоша так быстро мелькала взад и вперёд, что у старушки с длинным носом закружилась голова.

Но дверь не открывалась.

Человек в соломенном картузе сказал, что простым гвоздём берется открыть любой замок.

На что старушка с длинным носом сказала, что замки теперь стали делать так плохо, что вора́м нечего не стоит открывать и закрывать их просто ногтями.

Тогда молодой человек с сумкой через плечо, из которой торчала свечка и хвост какой то солёной рыбы,

сказал, что французский замок легче всего открыть, если ударить его молотком по затылку. Тогда чугунная коробка треснет и замок откроется сам.

Этажом ниже Петров и Комаров объясняли друг другу, как маляр залез в окно, и как надо хватать человека, если у него в руках охотничье ружьё, заряженное крупной дробью.

А дворник всё ещё продолжал бить ногой в дверь.

– Нет, не открывают, – сказал дворник и повернул на голове папаху задом на перёд.

<1934>

376

Я родился в камыше. Как мышь. Моя мать меня родила и положила в воду. И я поплыл. Какая то рыба с четырьмя усами на носу кружилась около меня. Я заплакал. И рыба заплакала. Вдруг мы увидели, что плывёт по воде каша. Мы съели эту кашу и начали смеяться. Нам было очень весело, мы поплыли по течению и встретили рака. Это был древний, великий рак; он держал в своих клешнях топор. За раком плыла голая лягушка. «Почему ты всегда голая, – спросил её рак, – как тебе не стыдно?» «Здесь ничего нет стыдного – ответила лягушка. – Зачем нам стыдиться своего хорошего тела, данного нам природой, когда мы не стыдимся своих мерзких поступков, созданных нами самими?» «Ты говоришь правильно, – сказал рак. – И я не знаю, как тебе на это ответить. Я предлагаю спросить об этом человека, потому что человек умнее нас. Мы же умны только в баснях, которые пишет про нас человек, т.-ч. и тут выходить, что опять таки умён человек, а не мы». Но тут рак увидел меня и сказал: «Да и плыть никуда не надо, потому что вот он – человек». Рак подплыл ко мне и спросил: «Надо ли стесняться своего голого тела? Ты человек и ответь нам». «Я человек и отвечу вам: не надо стесняться своего голого тела».

<1934>

377. Неудачный спектакль

На сцену выходит Петраков-Горбунов, хочет что-то сказать, но икает. Его начинает рвать. Он уходит.

Выходит Притыкин.

Притыкин: Уважаемый Петраков-Горбунов должен сооб...

(Его рвет, и он убегает).

Выходит Макаров.

Макаров: Егор... *(Макарова рвет. Он убегает).*

Выходит Серпухов.

Серпухов: Чтобы не быть... *(Его рвет, он убегает).*

Выходит Курова.

Курова: Я была-бы... *(Ее рвет, она убегает).*

Выходит маленькая девочка.

Маленькая девочка: Папа просил передать вам всем, что театр закрывается. Нас всех тошнит!

Занавес

<1934>

378. Пушкин и Гоголь

Гоголь *(падает из за кулис на сцену и смиренно лежит).*

Пушкин *(выходит, спотыкается об Гоголя и падает):*
Вот чорт! Никак об Гоголя!

Гоголь *(поднимаясь):* Мерзопакость какая! Отдохнуть не дадут. *(Идет, спотыкается об Пушкина и падает)* – Никак, об Пушкина спотыкнулся!

Пушкин (*поднимаясь*): Ни минуты покоя! (*Идет, спотыкается об Гоголя и падает*) – Вот чорт! Никак, опять об Гоголя!

Гоголь (*поднимаясь*): Вечно во всем помеха! (*Идет, спотыкается об Пушкина и падает*) – Вот мерзопакость! Опять об Пушкина!

Пушкин (*поднимаясь*): Хулиганство! Сплошное хулиганство! (*Идет, спотыкается об Гоголя и падает*) – Вот чорт! Опять об Гоголя!

Гоголь (*поднимаясь*): Это издевательство сплошное! (*Идет, спотыкается об Пушкина и падает*) – Опять об Пушкина!

Пушкин (*поднимаясь*): Вот чорт! Истинно, что чорт! (*Идет, спотыкается об Гоголя и падает*) – Об Гоголя!

Гоголь (*поднимаясь*): Мерзопакость! (*Идет, спотыкается об Пушкина и падает*) – Об Пушкина!

Пушкин (*поднимаясь*): Вот чорт! (*Идет, спотыкается об Гоголя и падает за кулисы*) – Об Гоголя!

Гоголь (*поднимаясь*): Мерзопакость! (*Уходит за кулисы*).

За сценой слышен голос Гоголя: «Об Пушкина!»

Занавес

<1934>

379. Оптический обман

Семён Семёнович, надев очки, смотрит на сосну и видит: на сосне сидит мужик и показывает ему кулак.

Семён Семёнович, сняв очки, смотрит на сосну и видит, что на сосне никто не сидит.

Семён Семёнович, надев очки, смотрит на сосну и опять видит, что на сосне сидит мужик и показывает ему кулак.

Семён Семёнович, сняв очки, опять видит, что на сосне никто не сидит.

Семён Семёнович, опять надев очки, смотрит на сосну и опять видит, что на сосне сидит мужик и показывает ему кулак.

Семён Семёнович не желает верить в это явление и считает это явление оптическим обманом.

<1934>

380

Американская улица. По улице ходят американцы. На право касса, над кассой надпись «Мюзик-Холл, Джаз-оркестр М-ра Вудлейга и его жены баронессы фон дер Клюкен». Рекламы. К кассе стоит очередь американцев. На сцену выходит Феноров и озирается по сторонам. Все американцы довольно обтрёпанные.

Феноров – Это вот значит и есть Америка!... Да! Ну и Америка!... Вот это да-а!... Эй, послушайте!... Вы!... Это Америка?

Американец – Ies, Америка.

Феноров – Город Чикаго?

А м . – Ies, Чикаго.

Феноров – А вы будите Американец?

А м . – Американец.

Феноров (*басом*) – Вот ето да!... А вот они, это тоже американцы?

А м . – Американцы.

Феноров (*фальцетом*) – Ишь ты!... (*ниже*) Американцы!... (*осматриваясь*). А что, скажем, для примера, миллиардеры здесь тоже есть?

А м . – Этого, друг мой, сколько угодно.

Феноров – А почему вот, для примера, скажем, вы миллиардеры и американцы, а ходите вроде как бы все ободранные?

А м . – А ето всё по причине так называемого кризиса.

Феноров (*фальц.*) – Ишь ты!

А м . – Право слово, что так!

Феноров (*бас.*) – Вот ето да-а!...

А м . – А позвольте вас спросить, кто вы сами-то будите?

Феноров – Да моя фамилия Феноров, а социальное происхождение – я хрюнцуз.

А м. – Хм... И что же, парлэ ву франсе?

Феноров (*фальцетом*) – Чиво это?

А м. – По французски то вы парлэ?

Феноров (*фальцетом*) – Чиво это?

А м. – Да по французски то вы калякаете?

Феноров – Чиво не можем, того не можем. Вот по американски етого сколько хош. Это мы умеем!... А ты мне, добрый человек, скажи лучше, зачем эта вот очередь стоит и чего такое интересное выдают?

А м. – Не зачем эта очередь не стоит и ничего такого интересного не выдают, а стоит эта очередь за билетами.

Феноров (*фальцетом*) – Ишь ты!

А м. – Это, видишь ли ты, Мьюзик-Холл, и выступает там сегодня джаз-оркестр знаменитого мистера Вудлейга и его жены, дочери барона фон дел Клюкен.

Феноров (*басом*) – Вот ето да-а!... Спасибочки вам!... Пойду тоже билет куплю.

(Идет к очереди).

(Длинная очередь американцев к мюзикольной кассе).

Феноров – Кто тут последний?

Субъект – Куда лезешь!... Изволь в очередь встать!...

Феноров – Да я вот и спрашиваю, кто тут последний...

Субъект – Ну ты не очень то тут разговаривай!

Феноров – Кто тут последний?... *(трогает за локоть барышню).*

Барышня – Оставьте меня в покое, я вот за этим субъектом стою!...

Субъект – Я вам не субъект, а король мятных лепёшек!...

Феноров (*фальцетом*) – Ишь-ты!

Барышня – Ну, вы полегче, полегче! Я сама королева собачей шерсти!

Феноров (*басом*) – Вот это да-а!

Субъект – Хоть ты и королева собачей шерсти, а мне плевать на это!

Барышня – Подумаешь тоже, мятная лепёшка!

Субъект – Ах ты собачья шерсть!

Цирковой номер

*Драка в очереди. Королева собачей шерсти
расправляется с королём мятных лепёшек.
Другие американцы скачат вокруг и кричат:
– «Держу парей: Он – её!»
– «Держу парей: она – его!»*

*Внутренность Мьюзик-Холла. Видна эстрада и зрительный зал.
Двери распахиваются и в зал врываются ободранные американ-
цы, с криком и гвалтом занимают свои места. Заняв свои
места, все застывают и наступает полная тишина.
На эстраду выходит конферансье-американец.*

Конф. – Лэди и джентельмэны! Мы, как есть амери-
канцы, то знаем, как провести время. Вот мы тут все
собравшись, чтобы маленько повеселиться. А как вас,
чертей, рассмешишь! Жуёте своё табак и ризинки и хоть
бы хны!... Нешто вас рассмешишь!... Куда там!... Нипочём
не рассмешишь!...

Американцы – Ы-ы-ы!... Ы-ы-ы!... Смеяться хотим!

Конф. – А как это сделать? Я знаю?

Американцы (*жалобно*) – Ы-ы-ы!...

Конф. – Ну хотите я вам смешные рожи покажу?

Американцы – Хотим! Хотим!

Конф. (*Показывает рожу*).

Американцы (*громко хохочат*) – Хы-хы-хы!... Ой умора!
ой ой ой умора!

Конф. – Довольно?

Американцы – Ещё! Ещё!

Конф. – Нет, хватит! Сейчас выступит джаз-оркестр
под управлением мистера Вудлейка...

Американцы (*хлопая в ладоши*) – Bravo! Bravo! Урра!
Урра!

Конф. – В джазе участвует жена мистера Вудлейка,
баронесса фон дер Клюкен, и их дети!

(Аплодисменты).

Конферансье уходит. Занавес.

Голос Фенорова из зрительного зала:

Феноров – Это чего такое будет?

Король мят. леп. (*вскакивая со стула*) – Братцы, да ведь это опять он!

Королева собачей шерсти – Опять мятная лепёшка крик поднимает!...

(Король быстро садится на своё место).

Королева (*угрожающе*) – Я тебя!

Занавес вновь поднимается.

<1934>

381

Стоит средь волн морских пустынный остров
Над ним скалы громадный остов
Путь ветру лбом пересекает
Порой искрится и сверкает
Порой пустынна и гола
Стоит над морем чёрная скала
И волны дохлых рыб несут к её откосам.

Морские воды разрезая носом
Шёл пароход. Команда пела.
Летела чайка. Солнце грело.
И человек в штурвальной рубке
Смотрел кругом, пуская дым из трубки

Спокойно море. Кое где мелькнёт акула
Ударит по волне хвостом
И вновь исчезнет. Кое где
Подскочит рыбка. Чайка рыболов
Её тот час же на лету хватает клювом.

Другая чайка к ней спешит
И выхватив добычу ловко
Из клюва медленной соперницы

Шумит крылом
И прочь летит.
И вслед разбойнице глядит
Голодным взором чайка рыболов.
И снова скачет рыбка меж валов.
Команда весело смеётся
И по морским волнам домой
Весёлый пароход несётся
И воду пенит за кормой

Сгустились тучи на востоке
Барашки по морю бегут
Бормочет штурман: «будет буря
Придётся нам ослабить блоки
И трубы сбить. Не то капут.
Я знаю будет страшный бой»
И бровь косматую нахмуря
На волн игру глядит перед собой

Свежеет ветер. Бьются снасти.
У волн морских всё больше власти
Всё выше вал. всё больше пены
Бежит на грустный вой сирены
Команда быстро по местам
Из трубки выбив прочь табак
Промолвил штурман: «сто собак
И двести кошек не отдам
За то, что гром сейчас не грянет».
Промолвил штурман. Да как взглянет
Перед собой на волн игру
И видит страшную скалу

Торчит скала земли сучёк
А под скалой земли клочёк
У моря бурного в плену
Никем неведанный. К нему
Летит волна, за ней другая,
И ветер чайку кувыркая
Как пух по воздуху несёт
И вдруг с размаха об земь бьёт

<1934>

382. Обращение учителей к своему ученику графу Дэкону

Мы добьёмся от тебя полезных знаний
Сломаем твой упрямый нрав.
Рассчёт и смысл научных зданий
В тебя из книг напустим, граф.
Тогда ты сразу всё поймешь
И по иному по ведёшь
Свои нелепые порядки.
Довольно мы с тобой болван играли в
прятки.

Всё по иному повернём,
Что было ночью, станет днём.
Твоё бессмысленное чтение
Направим сразу в колею,
И, мыслей бурное кипенье,
Мы превратим в наук струю.
От женских, ласковых улыбок
Мы средство верное найдём,
От грамматических ошибок
Рукой умелой отведём.
Твой сон беспутный и бессвязный,
Порою чистый, порою грязный,
Мы подчиним законам века.
Мы создадим большого человека.
И в тайну материалистической полемики
Тебя введём с открытыми глазами,
Туда где только академики
Сидят сверкая орденами.
Мы приведём тебя туда
Скажи скорей нам только: да.
Ты среди первых будешь первым
Ликует мир. Не в силах нервам
Такой музыки слышать стон
И рёв толпы и звон литавров
Со всех сторон венки из лавров
И шапки вверх со всех сторон
Крылами воздух рассекая
Аэроплан парит над миром

Цветок из крыльев упадая
Летит влекомый прочь зефиром
Цветок тебе предназначался.
Он долго в воздухе качался
И описав дуги кривую
Цветок упал на мостовую.
Что будет с ним? никто не знает
Быть может женская рука
Цветок поднявши, приласкает;
Быть может страшная нога
Его стопой к земле придавит.
А может мир его оставит
В покое сладостном лежать.
Куда итти? Куда бежать?
Когда толпа кругом грохочет
И пушки дымом в верх палят
Уж дым в глазах слезой щекочет
И лбы от грохота болят
Часы небесные сломались
И день и ночь в одно смешались
То солнце, звёзды иль кометы?
Иль бомбы, свечи и ракеты?
Иль искры сыплются из глаз?
Иль это кончен мир как раз?
Ответа нет. Лишь вопль и крики.
И стон, и руки вверх как пики.
Так знай! Когда приходит слава,
Прощай спокойствие твоё
Она вползает в мысль и право
Уж лучше не было б её.
Но путь избран. Сомненья нет.
Доверься нам. Забудь мечты.
Пройдёт ещё немного лет
И вечно славен будешь ты.
И звонкой славой упоённый,
Ты будешь мир собой венчать
И Бог, тобою путь пройденный,
В скрижалях будет отмечать.

<1934>

383. Хвастун Колпаков

Жил однажды человек по имени Фёдор Фёдорович Колпаков.

– Я, – говорил Фёдор Фёдорович Колпаков, – ничего не боюсь! Хоть в меня из пушки стреляй, хоть меня в воду бросай, хоть меня огнём жги – ничего я не боюсь! Я и тигров не боюсь, и орлов не боюсь, и китов не боюсь и пауков не боюсь, – ничего я не боюсь!

Вот однажды Фёдор Фёдорович Колпаков стоял на мосту и смотрел, как водолазы под воду опускаются. Смотрел, смотрел, а потом, когда водолазы вылезли из воды и сняли свои водолазные костюмы, Фёдор Фёдорович не утерпел и давай им с моста кричать:

– Эй, – кричит, – это что! Я бы ещё и не так мог! Я ничего не боюсь! Я и тигров не боюсь, и орлов не боюсь, и китов не боюсь, и пауков не боюсь, – ничего я не боюсь! Хоть меня огнём жги, хоть в меня из пушки стреляй, хоть меня в воду бросай, – ничего я не боюсь!

– А ну к а, – говорят ему водолазы, – хочешь попробовать под воду спуститься?

– Зачем же это? – говорит Фёдор Фёдорович и собирается прочь уйти.

– Что, брат, струсил? – говорят ему водолазы.

– Ничего я не струсил, – говорит Фёдор Фёдорович, – а только чего же я под воду полезу?

– Боишься! – говорят водолазы.

– Нет, не боюсь! – говорит Фёдор Фёдорович Колпаков.

– Тогда надевай водолазный костюм и полезай в воду.

Опустился Фёдор Фёдорович Колпаков под воду.

А водолазы ему сверху в телефон кричат:

– Ну как, Фёдор Фёдорович? Страшно?

А Фёдор Фёдорович им с низу отвечает:

– Няв... няв... няв...

– Ну, – говорят водолазы, – хватит с него.

Вытащили они Фёдора Фёдоровича из воды, сняли с него водолазный костюм, а Фёдор Фёдорович смотрит вокруг дикими глазами и всё только «няв... няв... няв...», говорит.

– То то, брат, зря не хвастай, – сказали ему водолазы и ссадили его на берег.

Пошёл Федор Федорович Колпаков домой и с тех пор больше никогда не хвастал.

<1934>

384. Дует. Дербантова и Кукушин-Дергушин

Дербантова (бегая по саду и тыча пальцем в разные стороны): Жик! Жик! Жик!

Кукушин-Дергушин: Что то вы, Анна Павловна, больно разошлись.

Дербантова: Жик! Жик! Жик!

К.-Д.: Анна Павловна!

Дерб. (останавливаясь): что?

К.-Д.: Я говорю, что вы, Анна Павловна, больно разошлись.

Дерб.: Нет.

К.-Д.: Что нет?

Дерб.: Не разошлась.

К.-Д.: То есть как?

Дербантова: Да вот так, не разошлась!

К.-Д.: Странно.

Дерб.: Очень.

К.-Д.: (подумав): Анна Павловна!

Дерб.: Что?

К.-Д.: Видите ли, Анна Павловна, вы человек уже не молодой, я тоже.

Дерб.: Я помоложе вас.

К.-Д.: Ну да, конечно помоложе!

Дерб.: Ну то-то же!

К.-Д.: (раскланиваясь в публику): Первое действие закончено.

Дерб.: Теперь начнемте второе действие.

К.-Д.: Начинаем!

Дербантова (тыкая пальцем во все стороны): Жик! Жик! Жик!

Кукушкин-Дергушин: В ваши лета, Анна Павловна, так шалить не полагается.

<1930–1934>

385

Старичок чесался обеими руками. Там, где нельзя было достать двумя руками, старичок чесался одной, но зато быстро быстро. И при этом быстро мигал глазами.

Из паровозной трубы шёл пар или, так называемый, дым. И нарядная птица, влетая в этот дым, вылетала из него обсаленной и помятой.

Хвилищевский ел клюкву, стараясь не морщиться. Он ждал, что все скажут: какая сила характера! Но никто не сказал ничего.

Было слышно, как собака обнюхивала дверь. Хвилищевский зажал в кулаке зубную щетку и тарачил глаза, чтобы лучше слышать. «Если собака войдет, – думал Хвилищевский – я ударю её этой костяной ручкой прямо в висок!»

...Из коробки вышли какие то пузыри. Хвилищевский на ципочках удалился из комнаты и тихо прикрыл за собою дверь. «Черт с ней! – сказал себе Хвилищевский. – Меня не касается, что в ней лежит. В самом деле! Черт с ней!»

Хвилищевский хотел крикнуть: «Не пущу!» Но язык как-то подвернулся и вышло: «не пустью». Хвилищевский прищурил правый глаз и с достоинством вышел из залы.

Но ему всё таки показалось, что он слышал, как хихикнул Цуккерман.

<1933–1934>

386. Разница в росте мужа и жены

Муж: Я выпорол свою дочь, а сейчас буду пороть жену.

Жена и дочь (*из за двери*): бэ бэ бэ бэ бэ! Мэ мэ мэ мэ мэ!

Муж: Иван! Камердинер Иван!

(входит Иван. У Ивана нет рук).

Иван: Так точно!

Муж: Где твои руки Иван?

Иван: В годы войны утратил их в пылу сражения!

<1933–1934>

387

Факиров

Моя душа болит.

Перед глазами всё как прежде

а в книгах новая вода

не успеваю прочитать страницу

звонит над ухом телефон

и в трубку говорит мне голос:

Пётр Нилыч,

сегодня в три часа обед у Хвилищевского.

Вы будите?

Да, отвечаю, буду.

А вот вчера я покупал себе зубную щётку

и встретил в магазине Ольгу Павловну,

ужасную трещётку,

и полтора часа выслушивал рассказ

о комнатных перегородках,

О том, что муж её без брюк и ходит

в парусиновых обмотках

Верочка

Всё хочу
всё хочу
и ежедневно забываю
купить банку толпачу.
В магазинах не бываю.
Мне хозяйство
это нож
прямо в сердце.
Жизнь ложь.
Лучше лечь и умереть.

(Звонок)

Надо двери отпереть.

(Убегает). Из шкапа выглядывает студент

Студент

Ах, Верочка! Как я люблю тебя!

(Опять прячется в шкап).

Входит Верочка и Антон Антонович

Антон Антонович

Мне приятно видеть Вас.
Вы прелестны, Вера. Да-с.
Я ценитель красоты.
Перейдёмте с «ь» на «ты».

Верочка

Без вина Антон Антоныч
говорите мне на вы
и целуйте только руки
не косясь головы.

Антон Антонович

Вера! Верочка! Голобка!
Не отталкивай меня.

Верочка

Это что у вас?

Антон Антонович

Что? Трубка!

Верочка

Отойдите от меня!

Антон Антонович

Я ужасно задыхаюсь.
Вера, Верочка! Кись-кись!

Верочка

Отойдите! Я кусаюсь!

Антон Антонович

Ну не надо! Не сердись.

Верочка

Вы купили шеколад?

Антон Антонович

Извините. Виноват.
Идя к вам любовный пыл
охватил меня. Забыл
всё на свете, только вас
представлял себе как раз
в разных позах и видах
и в рубашке и без...

Верочка

Ах!

Антон Антонович

Без рубашки, ваши груди...

Верочка

Караул! Спасите! Люди!

Студент

(выскакивая из шкапа)

Стой. Мерзавец! Пусти руку! Не волнуйтесь Верочка. Пойдёмте со мной в шкап.

Верочка

Пустите меня! Кто вы такой?

Студент

Я студент.

Верочка

Что вам от меня нужно? Почему вы оказались в шкапу?

Антон Антонович

Что вам угодно?

Верочка

Почему вы вмешиваетесь не в своё дело?

Антон Антонович

Врывается в частную жизнь!

Верочка

Да кто вы такой, в самом деле!

Студент

Я студент.

Верочка

А как вы сюда попали?

Студент

Я пришёл к Петру Нилочу Факирову.

Верочка

Ну?

Студент

Пётр Нилыч любит, чтобы его слушали, когда он что ни будь говорит. Он сажает меня в шкаф, а сам ходит и говорит, буд то в комнате никого нет.

Верочка

Значит, пока мы были тут, вы тоже тут были?

Студент

Да.

Верочка

И всё слышали?

Студент

Да.

(Верочка закрывает лицо руками)

Антон Антонович

Это форменное безобразие.
Укрыться негде, всюду соглядатаи.
Моя любовь, достигшая вершины,
не помещается в сердечные кувшины.
Я не имею больше власти
таить в себе любовные страсти.
Моя походка стала каменной
а руки сделались моложе.
А сердце прыгает, а взор мой пламенный.
Я весь дрожу.
О Боже! Боже!

Студент

Я в этот дом хожу четыре года,
и каждый день смотрю на Верочку из шкапа.
Я физик, изучал механику,
свободное скольжение тел
и притяженья масс.
А тут бывал я исключительно для вас.

<1933–1934>

Девуца, жанщина, жена, вдова, дитя
и Марфа

пугались Рима глаза кар
кого прикрыла тетя арфа
бледнели щёки с плечь сходил загар
кого тянула посмотреться в доску
щемила в рёбрах благодать
и дети чуя тоску
садились на кровать

<1933–1934>

389. Семь кошек

Вот так история! Не знаю, что делать. Я совершенно запутался. Ничего разобрать не могу.

Посудите сами: поступил я сторожем на кошачью выставку.

Выдали мне кожаные перчатки, чтобы кошки меня за пальцы не цапали, и велели кошек по клеткам рассаживать и на каждой клетке надписывать – как которую кошку зовут.

– Хорошо, – говорю я, – а только как зовут этих кошек?

– А вот, – говорят, – кошку, которая слева, зовут Машка, рядом с ней сидит Пронька, потом Бубенчик, а эта Чурка, а эта Мурка, а эта Бурка, а эта Штукатурка.

Вот остался я один с кошками и думаю: «Выкурю-ка я сначала трубочку, а уж потом рассажу этих кошек по клеткам».

Вот курю я трубочку и на кошек смотрю.

Одна лапкой мордочку моет, другая на потолок смотрит, третья по комнате гуляет, четвертая кричит страшным голосом, еще две кошки друг на друга шипят, а одна подошла ко мне и меня за ногу укусила.

Я вскочил, даже трубку уронил.

– Вот, – кричу, – противная кошка! Ты даже и на кошку-то не похожа. Пронька ты, или Чурка, или, может быть, Штукатурка?

Тут вдруг я понял, что я всех кошек перепутал. Которую как зовут – совершенно не знаю.

– Э й , – кричу , – Машка! Пронька! Бубенчик! Чурка!
Мурка! Бурка! Штукатурка!

А кошки на меня ни малейшего внимания не обращают.

Я им крикнул:

– Кис-кис-кис!

Тут все кошки зараз ко мне свои головы повернули.

Что тут делать?

Вот кошки забралась на подоконник, повернулись ко мне спиной и давай в окно смотреть.

Вот они все тут сидят, а которая тут Штукатурка и которая тут Бубенчик?

Ничего я разобрать не могу.

Я думаю так, что только очень умный человек сумеет отгадать, как какую кошку зовут.

Посмотри на эту картинку и скажи: которая кошка Машка, которая Пронька, которая Бубенчик, которая Чурка, которая Мурка, которая Бурка и которая Штукатурка.

1935

390

Деньги время берегут
Люди к поезду бегут
Громко колокол гудит
Паровоз уже дудит
Морду поднял семафор
Поезд поднял разговор
Слышен стали грустный стон
Звон вагона об вагон
И поддакивание шпал
Значит поезд побежал
Быстро дышет паровоз
Дама дремлет, спрятав нос
Лампа в пол бросает свет
Спит военный, впрочем нет
Он лишь в даму в сотый раз
Устремляет светлый глаз

На него взглянуть велит
Дама ножкой шевелит

1 января 1935 года.

391. История

Абрам Демьянович Понтопасов громко вскрикнул и прижал к глазам платок. Но было поздно. Пепел и мелкая пыль залепила глаза Абрама Демьяновича. С этого времени глаза Абрама Демьяновича начали болеть, постепенно покрылись они противными болячками и Абрам Демьянович ослеп.

Слепому инвалида Абрама Демьяновича вытолкали со службы и назначили ему мизерную пенсию в 36 руб. в месяц.

Совершенно понятно, что этих денег не хватало на жизнь Абраму Демьяновичу. Кило хлеба стоило рубль десять копеек, а лук-парей стоил 48 копеек на рынке.

И вот инвалид труда стал всё чаще и чаще прикладываться к выгребным ямам.

Трудно было слепому среди всей шелухи и грязи найти съедобный отброс.

А на чужом дворе и самую то помойку найти не легко. Глазами то не видать, а спросить: «где тут у вас помойная яма?» – как-то неловко.

Оставалось только нюхать.

Некоторые помойки так пахнут, что за версту слышно, а другие, которые с крышкой, совершенно найти невозможно.

Хорошо, если дворник добрый попадётся, а другой так сунётся, что всякий аппетит пропадает.

Однажды Абрам Демьянович залез на чужую помойку, а его там укусила крыса, он и вылез обратно. Так в этот день и не ел ничего.

Но вот как то утром у Абрама Демьяновича что то отскочило от правого глаза.

Абрам Демьянович протёр этот глаз и вдруг увидел свет. А потом и от левого глаза что то отскочило и Абрам Демьянович прозрел.

С этого дня Абрам Демьянович пошёл в гору.
Всюду Абрам Демьянович нарасхват.
А в Наркомтяжпроме так там Абрама Демьяновича
чуть на руках не носили.
И стал Абрам Демьянович великим человеком.

Даниил Хармс
8 января 1935

392. Карьера Ивана Яковлевича Антонова

Это случилось ещё до революции.
Одна купчиха зевнула, а к ней в рот залетела кукушка.
Купец прибежал на зов своей супруги и, моментально
сообразив в чем дело, поступил самым остроумным спо-
собом.
С тех пор он стал известен всему населению города и
его выбрали в сенат.
Но прослужив года четыре в сенате, несчастный купец
однажды вечером зевнул и ему в рот залетела кукушка.
На зов своего мужа прибежала купчиха и поступила
самым остроумным способом.
Слава об её находчивости распространилась по всей
губернии и купчиху повезли в столицу показать митропо-
литу.
Выслушивая длинный рассказ купчихи, митрополит
зевнул и ему в рот залетела кукушка.
На громкий зов митрополита прибежал Иван Яковле-
вич Григорьев и поступил самым остроумным способом.
За это Ивана Яковлевича Григорьева переименовали в
Ивана Яковлевича Антонова и представели царю.
И вот теперь становится ясным, каким образом Иван
Яковлевич Антонов сделал себе карьеру.

Даниил Хармс
8 января 1935 года.

393. Праздник

На крыше одного дома сидели два чертежника и ели гречневую кашу.

Вдруг один из чертежников радостно вскрикнул и достал из кармана длинный носовой платок. Ему пришла в голову блестящая идея завязать в кончик платка двадцатикопеечную монетку и швырнуть это все с крыши вниз на улицу, и посмотреть, что из этого получится.

Второй чертежник, быстро уловив идею первого, доел гречневую кашу, высморкался и, облизав себе пальцы, принялся наблюдать за первым чертежником.

Однако внимание обоих чертежников было отвлечено от опыта с платком и двадцатикопеечной монеткой. На крыше, где сидели оба чертежника, произошло событие, не могущее быть незамеченным.

Дворник Ибрагим приколачивал к трубе длинную палку с выцветшим флагом.

Чертежники спросили Ибрагима, что это значит, на что Ибрагим отвечал: «Это значит, что в городе праздник и к». – «А какой же праздник, Ибрагим?» – спросили чертежники.

«А праздник такой, что наш любимый поэт сочинил новую поэму!» – сказал Ибрагим.

И чертежники, устыжённые своим незнанием, растворились в воздухе.

Даниил Хармс
9 января 1935

394. Происшествие на улице

Однажды один человек соскочил с трамвая, да так неудачно, что попал под автомобиль.

Движение уличное остановилось и милиционер принялся выяснять, как произошло это несчастье.

Шофер долго что-то объяснял, показывая пальцем на передния колёса автомобиля.

Миллиционер ошупал эти колёса и записал чего-то в свою книжечку.

Вокруг собралась довольно многочисленная толпа.

Какой-то гражданин с тусклыми глазами всё время сваливался с тумбы.

Какая-то дама всё оглядывалась на другую даму, а та, в свою очередь, всё оглядывалась на первую даму.

Потом толпа разошлась и уличное движение вновь восстановилось.

Но гражданин с тусклыми глазами долго ещё валился с тумбы, но наконец и он прекратил своё занятие.

В это время какой-то человек, несший стул, видно, только что купленный, – со всего размаху угодил под трамвай.

Опять пришёл милиционер, опять собралась толпа, и остановилось уличное движение, и гражданин с тусклыми глазами опять начал сваливаться с тумбы.

Ну а потом всё опять стало хорошо, и даже Иван Семёнович Карпов завернул в столовую.

*Даниил Хармс
10 января 1935 года*

395. Зарождение нового дня

Старик умелою рукою
Пихает в трубочку табак.
Кричит кукушка над рекою,
В деревне слышен лай собак

И в гору медленно вползая
Скрипит телега колесом,
Возница воздух рассекая
Махает сломанным кнутом.

И в тучах светлая Аврора
Сгоняет в дол ночную тень.
Должно быть очень очень скоро
Наступит новый, светлый день.

16 января 1935 года

396. Размышление о девице

Придя к Липавскому случайно,
Отметил я в уме своём:
Приятно вдруг необычайно
Остаться с девушкой вдвоём.

Когда она пройдёт воздушной
Походкой – ты не говоришь;
Когда она рукой послушной
Тебя коснётся – ты горишь.

Когда она слегка танцует
И ножкой по полу скользит
Младую грудь для поцелуя
Тебе подставит, – то нельзя

Не вскрикнуть громко и любезно,
С молодой груди пылинку сдуть,
И знать, что молодую грудь
Устами трогать бесполезно.

21 янв<аря> 1935 года.

397. Физик сломавший ногу

Маша моделями вселенной
Выходит физик из ворот.
И вдруг упал, сломав коленный
Сустав. К нему бежит народ,
Маша уставами движенья
К нему подходит постовой
Твердя таблицу умноженья
Студент подходит молодой
Девица с сумочкой подходит
Старушка с палочкой спешит
А физик всё лежит, не ходит,
Не ходит физик и лежит.

21 янв<аря> 1935 года

Д. Х.

398. Неожиданная попойка

Однажды Антонина Алексеевна ударила своего мужа служебной печатью и выпачкала ему лоб печатной краской.

Сильно оскорбленный Петр Леонидович, муж Антонины Алексеевны, заперся в ванной комнате и никого туда не пускал.

Однако жильцы коммунальной квартиры, имея сильную нужду пройти туда, где сидел Пётр Леонидович, решили силой взломать запертую дверь.

Видя, что его дело проиграно, Пётр Леонидович вышел из ванной комнаты и, пройдя к себе, лёг на кровать.

Но Антонина Алексеевна решила преследовать своего мужа до конца. Она нарвала мелких бумажек и посыпала ими лежащего на кровати Петра Леонидовича.

Взбешённый Пётр Леонидович выскочил в коридор и принялся там рвать обои.

Тут выбежали все жильцы и видя, что делает несчастный Пётр Леонидович, накинулись на него и разодрали на нём жилетку.

Пётр Леонидович побежал в ЖАКТ.

В это время Антонина Алексеевна разделась до гола и спряталась в сундук.

Через десять минут вернулся Пётр Леонидович, ведя за собой управдома.

Не найдя жены в комнате, Управдом и Пётр Леонидович решили воспользоваться свободным помещением и выпить водочки. Пётр Леонидович взялся сбегать за этим напитком на угол.

Когда Пётр Леонидович ушёл, Антонина Алексеевна вылезла из сундука и предстала в голом виде перед управдомом.

Потрясённый управдом вскочил со стула и подбежал к окну, но, видя мощное сложение молодой двадцатишестилетней женщины, вдруг пришёл в дикий восторг.

Тут вернулся Пётр Леонидович с литром водки.

Увидя, что творится в его комнате, Пётр Леонидович нахмурил брови.

Но его супруга Антонина Алексеевна показала ему служебную печать и Пётр Леонидович успокоился.

Антонина Алексеевна высказала желание принять участие в попойке, но обязательно в голом виде да ещё вдобавок сидя на столе, на котором предполагалось разложить закуску к водке.

Мужчины сели на стулья, Антонина Алексеевна села на стол и попойка началась.

Нельзя назвать это гигиеничным, если голая молодая женщина сидит на том же столе, где едят. К тому же Антонина Алексеевна была женщиной довольно полного сложения и не особенно чистоплотной, так что было вообще чёрт знает что.

Скоро, однако, все напились и заснули, мужчины на полу, а Антонина Алексеевна на столе.

И в коммунальной квартире водворилась тишина.

Д. Х.

22 янв<аря> 1935 года

399. Олейникову

Кондуктор чисел, дружбы злой насмешник
О чём задумался? Иль вновь порочишь мир?
Гомер тебе пошляк, и Гете глупый грешник,
Тобой осмеян Дант, Лишь Бунин твой Кумир.

Твой стих порой смешит, порой тревожит чувство,
Порой печалит слух, иль вовсе не смешит,
Он даже злит порой, и мало в нём искусства,
И в бездну мелких дел он сверзиться спешит.

Постой! Вернись назад! Куда холодной думой
Летишь, забыв закон видений встречных толп?
Кого дорогой в грудь пронзил стрелой угрюмой?
Кто враг тебе? Кто друг? И где твой смертный столб?

.....
.....
.....
.....

23 января 1935 года Д. Х.

402

Однажды утром воробей
Ударил клювом в лук-парей
И крикнул громко лук-парей:
«Будь проклят птица-воробей!»
Навеки проклят воробей
от раны чахнет лук-парей
И к ночи в мёртвый лук-парей
Свалился мёртвый воробей.

Д. Х.

24 янв<аря 1934–1935>

403. Антон и Мария

Стучался в дверь Антон Бобров. За дверью,
в стену взор направив
Мария в шапочке сидела. В руке блестел
кавказский нож
Часы показывали полдень. Мечты безумные оставив
Мария дни свои считала и в сердце
чувствовала дрожь
Смущён стоял Антон Бобров не получив
на стук ответа
Мешал за дверь взглянуть тайком
в замочной скважине платок.
Часы показывают полночь. Антон убит из пистолета.
Марию нож пронзил. И лампа не светит
больше в потолок.

Д. Х.

26 янв<аря 1935>

404. Крысаков и две собачки

<1>

Любитель маленьких щенков
Иван Иваныч Крысаков.

Он каждый вечер ровно в пять
Идет на улицу гулять.

– Погасла трубка. Не беда.
Ее зажжем мы без труда.

В кармане книжка и пакет,
И только спичек нет как нет.

– Иван Иванович, погляди –
Табак и спички позади.

– Друзья мои, я очень рад,
Вот вам в награду мармелад.

Иван Иванович Крысаков
Берет за пазуху щенков,
Приносит их к себе домой
И ставит на пол пред собой.

– Отныне, милые друзья,
Вы заживете у меня.
– Но, чур, не прыгать, не скакать,
Когда я буду рисовать.

Иван Иванович вдруг зевнул,
В кровать зарылся и заснул,

И двое маленьких щенят
В ногах хозяина храпят.

<2>

Иван Иванович Крысаков
Проснулся весел и здоров.

Мольберт подвинул, и чуть свет
Рисует тетушкин портрет,

А два приятеля в углу
Кончают завтрак на полу.

Но из-за кости мозговой
Вдруг начинают страшный бой.

Уже вцепился в Бома Бим,
Как вихрь он бросился за ним.

И от него несчастный Бом
Визжа спасается бегом.

– Держи его!
Прыжок, другой...
– Иван Иваныч, что с тобой?

– Куда девался твой портрет?
Увы, на шею он надет.

И горько плачут две собаки:
Вот до чего доводят драки.

1935

405. Страшная смерть

Однажды один человек, чувствуя голод,
сидел за столом и ел котлеты,
А рядом стояла его супруга и всё говорила
о том, что в котлетах мало свинины.
Однако он ел и ел и ел и ел и ел, покуда
Не почувствовал где то в желудке
смертельную тяжесть.
Тогда, отодвинув каварную пищу,
он задрожал и заплакал;
В кармане его золотые часы перестали тикать;
Волосы вдруг у него посветлели, взор прояснился;

Уши его упали на пол, как осенью падают
с тополя жёлтые листья;
И он скоропостижно умер.

апрель 1935

406. Новый город

Скажи, товарищ,
Неужели
Четыре года не пройдут,
Как этот лес
И холм зеленый,
И это поле –
Вдруг исчезнут?
Скажи, товарищ,
Неужели
Когда-нибудь
На холм зелёный
Взойдёт разведчик молодой
С мохнатой сумрачной собакой,
И люди шумною толпой
Зелёный холм
Возьмут атакой?
Раскинут лагерь.
Смех и говор.
Горит костер.
И ловкий повар
Уже в котле мешает ложкой,
Уже протоптанной дорожкой
Бежит с ведром к реке посланец,
Уже раскрыт походный ранец,
И вынут плед оттуда прочь, –
Должно быть, скоро будет ночь...

Смотри! Прошло четыре года,
Зажётся новый день, и вот:
Преображенная природа
Над миром заново встаёт.

Бежит с холма трамвай шумливый,
Сады раскинуты кругом,
И над толпою торопливой
Советский флаг шумит крылом.

Машины пилят, рубят, роют,
Одни поют, другие воют,
Тромбуют, режут, пашут, сеют,
Стоят, ползут, летают, реют.
И там, где раньше в лес дремучий
Вела звериная тропа,
Бросая в небо дыма тучи,
Стоит высокая труба.
А рядом дом,
За ним другой.
Железный мост,
Вися дугой
Через овраг, –
Огнями блещет.
А там,
В овраге,
Бурно плещет
И зло бурлит
Поток подземный,
Ревёт
И пеной воду мутит,
И точно вихрь
Турбину крутит!

Скажи, товарищ,
Неужели
Здесь был когда-то лес дремучий,
И поле, с ветрами играя,
Травой некошеной шуршало;
И среди поля холм зеленый
Стоял, как поля страж зеленый,
Скучал, томился и не ведал
Великой участи своей?

Даниил Хармс
1935

407. На смерть Казимира Малевича

Памяти разорвав струю,
Ты глядишь кругом, гордостью сокрушив лицо.
Имя тебе – Казимир.
Ты глядишь как меркнет солнце спасения твоего.
От красоты якобы растерзаны горы земли твоей,
Нет площади поддержать фигуру твою.
Дай мне глаза твои! Растворю окно на своей башке!
Что ты человек, гордостью сокрушил лицо?
Только муха жизнь твоя и желание твоё – жирная
снедь.

Не блестит солнце спасения твоего.
Гром положит к ногам шлем главы твоей.
Пе – чернильница слов твоих.
Трр – желание твое.
Агалтон – тощая память твоя.
Ей Казимир! Где твой стол?
Якобы нет его и желание твоё трр.
Ей, Казимир! Где подруга твоя?
И той нет, и чернильница памяти твоей пе.
Восемь лет прощелкало в ушах у тебя,
Пятьдесят минут простучало в сердце твоём,
Десять раз протекла река пред тобой,
Прекратилась чернильница желания твоего Трр и Пе.
«Вот штука-то», – говоришь ты, и память
твоя Агалтон.

Вот стоишь ты и якобы раздвигаешь руками дым.
Меркнет гордостью сокрушённое выражение лица
твоего;
Исчезает память твоя и желание твоё трр.

5, 13 мая 1935 года Даниил Хармс – Шардам

408

Господи пробуди в душе моей пламень Твой
Освети меня Господи солнцем Твоим
Золотистый песок разбросай у ног Моих

Чтобы чистым путём шёл я к Дому Твоему
Награди меня Господи Словом Твоим
Чтобы гремело оно восхваляя чертог Твой
Поверни Господи колесо живота Моего
Чтобы двинулся паровоз могущества Моего
Отпусти Господи тормоза вдохновения Моего
Успокой меня Господи
И напои сердце моё источником дивных Слов Твоих.

*Даниил Шардам
Марсово Поле
13 мая 1935 года*

409. Сказка

– Вот, – сказал Ваня, кладя на стол тетрадку, – давай писать сказку.

– Давай, – сказала Леночка, садясь на стул.

Ваня взял карандаш и написал:

«Жил-был король...»

Тут Ваня задумался и поднял глаза к потолку. Леночка заглянула в тетрадку и прочла, что написал Ваня.

– Такая сказка уже есть, – сказала Леночка.

– А почём ты знаешь? – спросил Ваня.

– Знаю, потому что читала, – сказала Леночка.

– О чем же там говорится? – спросил Ваня.

– Ну, о том, как король пил чай с яблоками и вдруг подавился, а королева стала бить его по спине, чтобы кусок яблока выскочил из горла обратно. А король подумал, что королева дерется, и ударил ее стаканом по голове. Тут королева рассердилась и ударила короля тарелкой. А король ударил королеву миской. А королева ударила короля стулом. А король вскочил и ударил королеву столом. А королева повалила на короля буфет. Но король вылез из-под буфета и пустил в королеву короной. Тогда королева схватила короля за волосы и выбросила его в окошко. Но король влез обратно в комнату через другое окно, схватил королеву и запихал ее в печку. Но королева вылезла через трубу на крышу, потом спустилась по громоотводу в сад и через окно вернулась обратно

в комнату. А король в это время растапливал печку, чтобы сжечь королеву. Королева подкралась сзади и толкнула короля. Король полетел в печку и там сгорел.

– Вот и вся сказка, – сказала Леночка.

– Очень глупая сказка, – сказал Ваня. – Я хотел написать совсем другую.

– Ну, напиши, – сказала Леночка.

Ваня взял карандаш и написал:

«Жил-был разбойник...»

– Подожди! – крикнула Леночка. – Такая сказка уже есть.

– Я не знал, – сказал Ваня.

– Ну, как же, – сказала Леночка, – разве ты не знаешь о том, как один разбойник, спасаясь от стражи, вскочил на лошадь, да сразмаху перевалился на другую сторону и упал на землю. Разбойник выругался и опять вскочил на лошадь, но снова не рассчитал прыжка, перевалился на другую сторону и упал на землю. Разбойник поднялся, погрозил кулаком, прыгнул на лошадь и опять перемахнул через нее и полетел на землю. Тут разбойник выхватил из-за пояса пистолет, выстрелил из него в воздух и опять прыгнул на лошадь, но с такой силой, что опять перемахнул через нее и шлёпнулся на землю. Тогда разбойник сорвал с головы шапку, растоптал ее ногами и опять прыгнул на лошадь и опять перемахнул через нее, шлёпнулся на землю и сломал себе ногу. А лошадь отошла в сторону. Разбойник прихрамывая подбежал к лошади и ударил ее кулаком по лбу. Лошадь убежала. В это время прискакали стражники, схватили разбойника и отвели его в тюрьму.

– Ну, значит, о разбойнике я писать не буду, – сказал Ваня.

– А о ком же будешь? – спросила Леночка.

– Я напишу сказку о кузнеце, – сказал Ваня.

Ваня написал:

«Жил-был кузнец...»

– Такая сказка тоже есть! – закричала Леночка.

– Ну? – сказал Ваня и положил карандаш.

– Как же, – сказала Леночка. – Жил-был кузнец. Вот однажды копал он подкову и так взмахнул молотком, что молоток сорвался с рукоятки, вылетел в окно, убил четы-

рех голубей, ударился о пожарную каланчу, отлетел в сторону, разбил окно в доме брандмейстера, пролетел над столом, за которым сидели сам брандмейстер и его жена, проломил стену в доме брандмейстера и вылетел на улицу. Тут он опрокинул на землю фонарный столб, сшиб с ног мороженщика и стукнул по голове Карла Ивановича Шустерлинга, который на минуточку снял шляпу, чтобы проветрить свой затылок. Ударившись об голову Карла Ивановича Шустерлинга, молоток полетел обратно, опять сшиб с ног мороженщика, сбросил с крыши двух дерущихся котов, перевернул корову, убил четырех воробьев и опять влетел в кузницу и прямо сел на свою рукоятку, которую кузнец продолжал еще держать в правой руке. Все это произошло так быстро, что кузнец ничего не заметил и продолжал дальше ковать подкову.

– Ну, значит, о кузнеце уже написана сказка, тогда я напишу сказку о себе самом, – сказал Ваня и написал:

«Жил-был мальчик Ваня...»

– Про Ваню тоже сказка есть, – сказала Леночка. – Жил-был мальчик Ваня, и вот однажды подошел он к...

– Подожди, – сказал Ваня, – я хотел написать сказку про самого себя.

– И про тебя уже сказка написана, – сказала Леночка.

– Не может быть! – сказал Ваня.

– А я тебе говорю, что написана, – сказала Леночка.

– Да где же написана? – удивился Ваня.

– А вот купи журнал «Чиж» № 7, и там ты прочтешь сказку про самого себя, – сказала Леночка.

Ваня купил «Чиж» № 7 и прочитал вот эту самую сказку, которую только что прочитал ты.

Д. Хармс-Шардам
1935

410. Цирк Шардам

Представление в 2-х действиях

I отделение

Вертунов (*вздыхает, сидит на просцениуме, подпирает голову рукой, опять вздыхает. На сцену выходит директор. Играет музыка. Директор кланяется. Музыка замолкает*).

Директор (*в публику*). Здравствуйте.

Вертунов (*печально*). Прощайте.

Директор (*в публику*). Кто сказал «прощайте»? Никто не сказал? Ну, хорошо...

Вертунов (*вздыхая*). Нет, нехорошо.

Директор. Кто сказал «нехорошо»? Никто не сказал? Та-ак...

Вертунов. Нет, не так.

Директор. Да что же это такое!?

Вертунов. Ох-ох-ох.

Директор. Кто это вздыхает? Где он? Может быть, он под стулом? Нет. Может быть, за стулом? Тоже нет. Эй, слушайте! где вы?

Вертунов. Я тут.

Директор. Что вы тут делаете?

Вертунов. Ничего я не делаю, а просто сижу.

Директор. Зачем же вы нам мешаете?

Вертунов. Никому я не мешаю.

Директор. Как же не мешаете, когда не даете мне говорить!

Вертунов. А вы себе говорите да говорите.

Директор. Послушайте! Разве вы не знаете, что это кукольный цирк и мы должны начинать наше представление. А вы тут сидите.

Вертунов (*вскакивая*). Это кукольный цирк! Да ведь я нас уже второй месяц ищу! Думал, и не найду никогда. Вот радость-то! Нет уж, разрешите, я вас поцелую. (*Целует директора*).

Директор (*отбиваясь*). Разрешите, разрешите. Кто вы такой и что вам нужно?

Вертунов. Зовут меня Вертунов, и хочу я у вас на сцене выступать.

Директор. Что же вы на сцене делать будете?

Вертунов. Да что прикажете, то и буду делать.

Директор. Гм... По канату ходить умеете?

Вертунов. Нет, по канату ходить не умею.

Директор. Гм. А на руках по полу ходить умеете?

Вертунов. Нет. Это тоже не умею.

Директор. Гм... Так что же вы умеете?

Вертунов. Я, видите ли, умею летать.

Директор. Летать? Это как же летать?

Вертунов. Ну, как летать. Знаете, просто так, по-обыкновенному: поднимусь от пола и полечу.

Директор. Ну, вы мне голову не морочьте. Человек летать не может.

Вертунов. Нет, может.

Директор. Нет, не может.

Вертунов. А я говорю, может!

Директор. А ну, полетите.

Вертунов. Вот и полечу!

Директор. Ну, летите, летите!

Вертунов. Вот и полечу!

Директор. Ну что же вы не летите?

Вертунов. Я умею по-собачьи лаять. Может, вам нужен такой номер?

Директор. Ну, полайте.

Вертунов. Ав-ав-ав-ав! *(Совершенно непохожее на собачий лай).*

Директор. Нет, такого номера нам не нужно.

Вертунов. А может, нужно?

Директор. Говорят вам, не нужно.

Вертунов. А может, все-таки...

Директор. Слушайте, сейчас мы начинаем наше представление. Прошу вас, уйдите со сцены.

Вертунов. Я на одной ноге стоять умею. *(Становится на одну ногу).*

Директор. Уходите, уходите.

Вертунов *(уходит, но из-за кулис говорит).* Я хрюкать умею: хрю-хрю-хрю. *(Совершенно непохоже на хрюканье).*

Директор. Уходите, говорят вам. *(Вертунов исчезает).* Ух, какой надоедливый! *(откашливается и говорит в*

публику). Кхм, кхм... Начинаем наше цирковое представление...

Вертунов (*из-за кулис*). Я умею ржать. (*Директор оглядывается. Вертунов исчезает*).

Директор (*в публику*). Цирковое представление. Первое отделение на земле, второе под водой, а третье – пойдете домой.

I ГОНГ

Директор. Первым номером нашей программы знаменитый наездник Роберт Робертович Лепехин.

Никто не может укусить себя за локоть.

Никто не может спрятаться в спичечную коробку.

А также никто не может скакать на лошади лучше Роберта Робертовича Лепехина.

Музыка!

Играет музыка. Выезжает Роберт Робертович Лепехин. Начинается вольтижировка и джигитовка. Потом Лепехин соскакивает с лошади, раскланивается и убегает. На сцену выбегает клоун верхом на палке с лошадиной головой и с букетом цветов в руке.

Клоун. Bravo, bravo! Очень хорошо! Ыыыы! Это я, а это букет! Ыыыыыы! По-русски раз, два, три, а по-немецки: ейн, цвей, дрей. Ыыыыыы! Таблица умножения требует умственного напряжения. А мое такое положение, что мне не надо таблицы умножения! Ыыыыыы! (*Убегает*).

На сцену осторожно выходит Вертунов и, озираясь, идет к рампе.

Директор (*идет вперед, чтобы объявить номер*). Зачем вы опять тут?

Вертунов. Да я хотел только показать, как муха летает.

Директор. Что? Как муха летает?

Вертунов (*оживляясь*). А вот смотрите. Полное впечатление полета мухи. (*Семенит по сцене, машет часто руками и приговаривает: тюк, тюк, тюк, тюк!*).

Директор (*внушительно*). Моментально уйдите отсюда.

*Вертунов стоит, вытянув голову,
смотрит на директора.*

Директор (*топая ногой*). Уу!

Вертунов поспешно убегает.

II ГОНГ

Директор. Следующим номером нашей программы выступит канатная балерина Арабелла Мулен-Пулен. Музыка!

Играет музыка. Выбегает Арабелла. Канатный номер. Выходит клоун с букетом.

Клоун. Браво, браво! Очень хорошо! Ыыыыыы! По-русски раз, два, три, а по-немецки: ейн, цвей, дрей! Ыыыыыы!

Арабелла раскланивается перед публикой. Клоун раскланивается перед Арабеллой, делает книксен. Арабелла убегает. Клоун падает. Выходит директор. Клоун встает и отходит в сторону.

III ГОНГ

Директор. Следующим номером нашей программы воздушный акробат Володя Каблуков.

Клоун. Следующим номером нашей программы воздушный акробат Сережа Петраков.

Директор (*громко и настойчиво*). Не Сережа Петраков, а Володя Каблуков!

Клоун. Не Володя Каблуков, а Сережа Петраков!

Директор. Следующим номером нашей программы воздушный акробат

Клоун. } Володя Каблуков!
(*вместе*) } Сережа Петраков!

Директор. } Володя Каблуков!

Клоун. } Сережа Петраков!

Директор. } Володя Каблуков!

Клоун. } Сережа Петраков!

Играет музыка. Выходит акробат и начинает свой номер. Директор стоит слева у рампы, клоун проходит потихоньку справа.

Клоун. Bravo, bravo! Очень хорошо, Сережа Петраков!

Директор. Да это же не Сережа Петраков, а Володя Каблуков!

Клоун. Замечательно, Сережа Петраков!

Директор. Да что же это такое? (*В публику*). Это Володя Каблуков! Честное слово – это Володя Каблуков.

Вертунов (*за кулисами*). Дозвольте выступить. Я хожу на четвереньках и полное впечатление, будто ходит козел.

Директор (*отчаянным голосом*). Ах, нет, нет! Не надо! Уходите!

Вертунов. Дозвольте выступить.

Директор. Потом, потом. Не сейчас. Уходите!

Вертунов. А потом можно будет?

Директор. Потом, потом! Уходите!

Акробат продолжает свой номер. Играет музыка. Опасный момент. Музыка перестает играть. Барабанная дробь. Из-за кулис справа высовывается Вертунов. Акробат кончает номер, раскачивается, сидя на трапеции.

Вертунов. Выступать?

Директор машет на Вертунова рукой. Но Вертунов выползает на сцену на четвереньках. Директор кидается к Вертунову.

Вертунов. Я козе-е-ел! Я козе-е-ел! Мэ-э! Мэ-э!

Директор (*шипит*). Убирайтесь вон! (*Толкает Вертунова*). Убирайтесь вон! О! Скандал! Какой скандал! Вон! Да что же это такое? Ооо!

IV ГОНГ

Директор (*печальным голосом*). Следующим номером нашей программы партерные акробаты Крюкшин и Клюкшин. Музыка!

Играет музыка. Выходят партерные акробаты и начинают свой номер. Закончив номер, Крюкшин и Клюкшин раскланиваются и уходят. Выходит директор. Музыка смолкает.

Директор. Ну, этот номер прошел хорошо. И Вертунова не было.

V ГОНГ

На сцену выходит Вертунов.

Директор (*не замечая Вертунова*). Следующим номером нашей программы Матильда Дердидас. Чудеса... (*Чихает*).

Вертунов. Будьте здоровы.

Директор (*не замечая Вертунова*). Благодарю вас. Чудеса дрессировки. Дрессированные звери. (*Чихает*).

Вертунов. Будьте здоровы.

Директор. Благодарю вас.

Вертунов. Дозвольте выступить.

Директор (*с ужасом поворачиваясь к Вертунову*). Это опять вы?

Вертунов. Я подпрыгивать умею.

Директор. Да что же это такое? Я же сказал вам, что вы нам не нужны. Уходите. Уходите. И не смейте больше приходить.

Музыка. Выбегает Матильда. Вертунов и директор уходят. Начинается дрессировка. Футбол.

Матильда раскланивается и уходит. Выходит директор. Директор заглядывает за кулисы, смотрит наверх и по сторонам.

Директор. Ну, пока нигде нет этого ужасного Вертунова, начнем скорее наш следующий номер.

VI ГОНГ

Директор. Жонглер-филиппинец! Имя у него тоже филиппинское! Зовут его Ам гам глам Каба лаба Саба лаба Самба гиб чип либ Чики кики Кюки люки Чух шух Сдугр пугр Оф оф Прр.

Эй, музыка!

Играет музыка. Директор стоит в ожидании. На сцену выходит вместо жонглера Вертунов.

Директор (в ужасе). Опять Вертунов!

Музыка замолкает.

Вертунов. Дозвольте выступить...

Директор. Я не могу вас выпустить, потому что сейчас выступает Ам гам глам Каба лаба Саба лаба Самба гиб чип либ Чики кики Кюки люки Чух шух Сдугр пугр Оф оф Прр.

Вертунов. А вы сейчас выпустите меня, а потом пусть выступает Ам гам глам Каба лаба Саба лаба Самба гиб чип либ Чики кики Кюки люки Чух шух Сдугр пугр Оф оф Прр.

Директор. Нет, говорят вам. Сейчас выступит Ам гам глам Каба лаба Саба лаба Самба гиб чип либ Чики кики Кюки люки Чух шух Сдугр пугр Оф оф Прр.

Эй, музыка!

Директор гонит Вертунова. Оба уходят. На сцену выходит жонглер. Номер. Заканчивается номер, жонглер бросает на воздух большой шар. Шар на воздухе раскалывается и из него на парашюте спускается клоун с букетом в руке.

Клоун. Bravo, bravo! Очень хорошо! Ыыыыыы!

Выходит директор.

Клоун протягивает букет жонглеру. Тот хочет взять букет, но клоун поворачивается к нему спиной и протягивает букет директору.

Директор. Это что?

Клоун. Это букет.

Директор. Это кому?

Клоун. Это вам.

Директор. Это от кого?

Клоун. Это от меня, а это *(ударяет директора букетом)* от публики. Ыыыыыы!

Директор. Ах, мошенник! Грабитель! Нахал! Убью! Руки-ноги обломаю!

Музыка играет. Директор наскокивает на клоуна. Клоун на парашюте взлетает наверх. Музыка смолкает.

Директор *(оставшись один)*. Какой нахал.

VII ГОНГ

Директор. Следующим номером нашей программы ужасный силач Парамон Огурцов. Одной рукой может поднять семьдесят пять кило картошки. Однажды он

сидел на табуретке в саду и ел порцию мороженого с вафлями. День был жаркий. Пели птицы и жужжали пчелы. Вдруг Парамона Огурцова укусил за ногу муравей. Парамон Огурцов вскочил, рассердился и со всего размаху ударил кулаком по табуретке. И табуретка исчезла. И только год спустя, когда в этом месте рыли колодезь, нашли исчезнувшую табуретку под землей на глубине четырех с половиной метров. Вот с какой силой ударил по табуретке Парамон Огурцов! А вот и он сам.

Выходит силач и под музыку шагает вокруг сцены. Силач подходит к директору. Из-за силача выходит Вертунов.

Директор. О-ох! *(Падает. Музыка смолкает).*

Вертунов. Позвольте выступить. Умею слегка увеличиваться в росте.

Директор *(наскакивая).* Выступить? О! Пожалуйста! Становитесь вот сюда! Выступайте! Увеличивайтесь в росте! Ха-ха-ха! *(Демонически хохочет).*

Вертунов становится на указанное место лицом к публике. Директор что-то говорит силачу. Тот подходит и сзади ударяет Вертунова по голове. Вертунов проваливается. Играет музыка.

Директор. Ура! Ура! Провалился под землю! Ура! Больше нет Вертунова! Ура! *(Директор приплясывает под музыку. Силач показывает свой номер).*

Директор. А теперь антракт минут на десять для установки аквариума.

Потом опускается занавес.

Конец первого отделения.

Антракт.

II отделение

Играет музыка. Выходит директор. Кланяется. Музыка смолкает.

Директор. Ну вот. Начинаем наше второе отделение. Вертунова больше нет, и никто не будет мешать... *(Играет музыка)*. Стойте. Подождите же. Да не играйте же. Я же не кончил говорить. *(Музыка смолкает)*. Так вот, вы видите на сцене стеклянный аквариум, и артисты... *(Играет музыка)*. Да подождите же. Стойте. *(Музыка смолкает)*. Я же говорю. Так вот. Артисты наденут водолазные костюмы и будут... *(Играет музыка)*. Да что же это такое! Перестаньте играть. *(Музыка смолкает)*. Говорить не дают. *(В публику)*. Артисты в водолажных костюмах спустятся в стеклянный аквариум, где и будут под водой проделывать свои номера. Вы увидите под водой в клетке дрессированную акулу. Это очень опасно. Аквариум может разбиться, и тогда вода зальет весь цирк. Но Вертунова нет, нам никто не будет мешать, а потому все пройдет благополучно. Итак, а...

После слов «свои номера» из-под пола начинает медленно вылезать Вертунов. Щека у него повязана в белый горошек платком. Директор его сначала не замечает. Но, заметив, обрывается на полуслове и молча стоит, вытянув вперед шею.

Вертунов *(вылезая из-под земли, хриплым голосом)*. Дозвольте выступить.

Директор молча стоит в столбняке.

(Хрипло). Меня по голове грохнули. Я провалился в подвал. Там я простудился и охрип. Но все ж таки я еще петь могу. Дозвольте выступить.

Директор. Мне дурно. *(Падает без чувств на пол и головой разбивает аквариум. Звон разбитого стекла. На сцену течет вода. Играет музыка)*.

Вертунов. Ой! Ой! Вода! Пожар! Караул! Гра-а-бят! *(Убегает)*.

Вода наполняет сцену. В аквариуме вода убывает, на сцене пребывает. Сцена «Затопление цирка». Словесная партитура. Шум воды. Играет музыка. За сценой голоса. Тишина. Сцена залита водой. Растут водоросли. Проплы-

вают большие и маленькие рыбы. Наконец, из глубины выплывает директор.

Директор (*отдуваясь*). Брр. Брр. Пуф. Пуф. Пуф. Пуф. Вот так история. Пуф. Этот Вертунов довел меня до того, что я упал в обморок и, падая, разбил головой аквариум. Пуф. Пуф. Присяду отдохнуть.

Выплывает балерина.

Балерина. Ах, ах! Что такое случилось? Я, кажется, под водой.

Директор. Да разбился аквариум и вода залила весь театр.

Балерина. Какой ужас! (*Уплывает*). Ах. Ах. Ах.

Директор. А мы не успели надеть водолазные костюмы.

Выплывает силач Парамон Огурцов.

Силач. Пуф. Пуф. Что такое произошло?

Директор. Успокойтесь. Мы просто утонули.

Силач. Вот те на. (*Уплывает*).

Директор. Может быть, я уже умер?

Выплывает жонглер.

Жонглер (*волнуясь и ничего не понимая*).

Бэ бэ бэ бэ бэ

Сяу сяу

Крю крю крю

Тяу тяу тяу

Прим прим прим

Дыр дыр дыр

Буль буль буль

Директор. Совершенно правильно, это вода. Вода.

Жонглер (*ничего не понимая*).

Тям тям тям

Гом гом гом

Чук чук чук

Буль буль буль

(*Уплывает*).

Директор. Если я умер, то я не могу двигаться. А ну-ка пошевелю рукой. Шевелится. Ну-ка пошевелю ногой (*шевелит ногой*). Шевелится. А ну-ка пошевелю головой (*шевелит головой*). Тоже шевелится. Значит, я жив. Ура!

Голос Лепехина. Тпрр. Нннооо... Тпррррр... Эй... Нннооо... (*Выплывает Лепехин верхом на лошади*).

Лепехин. Тпрррр... Говорят тебе тпрррр. Что такое случилось? Тпрррр.

Директор. Разбился аквариум. Вода залила театр. Мы все под водой.

Лепехин. Тпрррррр... Что?... Тпр... (*Лошадь уносит Лепехина за кулисы*).

Голос Лепехина. Что такое? Тпрррр... Нннооо... Что такое? Тпрррр...

Директор. Значит, я жив. И он жив. И все мы живы.

Выплывает вверх ногами Ваня Клюкшин.

Ваня Клюкшин. Объясните мне, что это значит?

Директор. Это значит, что все мы живы, хотя находимся под водой.

Ваня Клюкшин. Категорически ничего не понимаю. (*Уплывает*).

Директор. А я начинаю понимать... Ура! Все понял. Мы находимся под водой и с нами ничего не делается, потому что мы деревянные актеры.

Балерина. Неужели и я деревянная?

Директор. Ну конечно.

Балерина. Не может быть, ведь я так хорошо танцую.

Директор. Ну что ж такого! Вот я, например, деревянный, и несмотря на это, я очень умный.

На сцену выходит Матильда Дердидас и вывозит клетку с акулой.

Директор. Что это такое?

Матильда. Это мой дрессированный акуль Пиньхен. Я буду показывать свой номер.

Директор. А она не вырвется из клетки?

Матильда. О нет, чтобы открыть клетка, надо нажать вот на этот ручка. Мой акуль этого не может. Он очень послушный. Але оп! *(Акула выплывает)*.

Директор. А почему она так смотрит на меня?

Матильда. Потому что он хочет кушать.

Директор. А что она ест?

Матильда. О, абсолютно все. Вчера он съель велосипед, две рояль, эйн подушка, цвей кофейный мельниц и четыре тольстый книги.

Директор. М-да. А людей он ест?

Матильда. Ах, я. О, да. Она съель мой знакомый Карль Иваныч Шустерлинг.

Директор. Гм... А сегодня она ничего еще не ела?

Матильда. Нет, сегодня она голодный.

Директор. Чем же вы будете ее сегодня кормить?

Матильда. Ах, у меня есть ейн Камель, один верблюд.

Директор. Так вы покормите ее поскорей.

Матильда. Але оп! Сейчас я приведу верблюдов. А вы посмотрийть не садиться на этот ручка.

Директор. Нет, уж лучше я с вами пойду, Матильда Карловна! Матильда Карловна, подождите меня.

Матильда и доктор уплывают.

На сцену выходит Вертунов.

Вертунов. Фу, плаваю под водой, точно рыба. А разве я рыба? Ни сом, ни щука, ни карась, ни окунь. Охо-охо. *(Садится на рычаг клетки, клетка открывается. Из клетки тихо уплывает акула)*. Ну как теперь из воды вылезти? Тут меня где-то по голове гирей трахнули и я в подвал провалился. Может, на том месте дырка в полу осталась. Я ее поковыряю ногой, может, вода сквозь нее в подвал вытечет. Пойду искать, где эта дырка-то. Под водой сразу и не найдешь. *(Уходит)*.

Выходят директор и Матильда Дердидас, ведя за собой верблюда.

Матильда. Ну вот, сейчас мы моей Пиньхен дадим эйн порцион верблюд. Это очень мало, но... ах, ах.

Директор. Что такое?

Матильда. Ах, мой Пиньхен ушелъ.

Директор. Караул! Спасайся, кто может! Караул!

Выбегает Ваня Клюкшин.

Ваня. Что случилось?

Матильда. Мой Пиньхен! Мой Пиньхен! *(Убегает с верблюдом вместе).*

Ваня. Что это значит?

Директор. Вы понимаете, она вырвалась из этой клетки.

Ваня. Значит, она сумасшедшая?

Директор. Она голодная.

Ваня. Так дайте ей бутерброд с котлетой.

Директор. Что ей котлета? Она вчера съела два рояля, велосипед и еще что-то.

Ваня. Да ну?

Директор. На сегодня у нее верблюд, но ей одного верблюда мало.

Ваня. А она и верблюдов ест?

Директор. Она все ест. Она и людей ест.

Ваня. Ой, ой, ой, даже людей!

Директор. Стойте тут, а я пойду посмотрю там. Матильда Карловна! Матильда Карловна! *(Уходит).*

Ваня. Вот так штука! Кто бы мог подумать! Такая красивая и такая обжора.

Выплывает клоун.

Клоун. Ыыыы! Вот и я.

Ваня. Ты слышал?

Клоун. Слышал.

Ваня. А что ты слышал?

Клоун. А я ничего не слышал. Ыыыы.

Ваня. Тьфу. Я тебе серьезно говорю. Ты знаешь, что наша дрессировщица Матильда Дердида съела рояль?

Клоун. Рояль?

Ваня. Даже два рояля и велосипед.

Клоун. Съела?

Ваня. Да, съела.

Клоун. Ыыыы.

Ваня. Напрасно ты смеешься. Она пошла есть верблюда, я сам видел. А потом будет есть людей.

Клоун. Она и меня съест?

Ваня. И тебя и меня.

Клоун. Ой-ой-ой-ой. Ай-ай-ай-ай.

Директор (*пробегая через сцену*). Она уже съела верблюда.

Ваня. Ой-ой-ой-ой.

Клоун. Ой-ой-ой-ой.

Входит Матильда.

Матильда. Пиньхен, Пиньхен.

Ваня и Клоун (*падая на колени*). А-а-а-а-а-а! Бе-бе-бе-бе, пощадите!

Клоун. Я невкусный, он вкуснее.

Ваня. Нет, неправда. Я соленый. Он лучше.

Клоун. Не верьте ему. Он вовсе не соленый. Он очень вкусный.

Матильда. О, их ферштее нихте, я не понимаю. Где мой Пиньхен, Пиньхен, Пиньхен. (*Убегает*).

Директор (*пробегая через сцену*). Караул! Спасайся кто может! Караул!

Силач (*проплывая*). Кто? Что? Почему? Откуда? Как? Где? Куда? Зачем? Кого? Чего? (*Уплывает*).

Балерина (*проплывая*). Ах-ах-ах-ах. Их-их-их-их.

Жонглер (*пробегая*).

Тяу тяу тяу

Сяу сяу сяу

Кяу кяу кяу

Мяу мяу мяу.

Лепехин (*верхом на лошади*). Тпрр... Нноо... Тпррр... Шалишь... Тпр... Куда несешь. Тпрррр... Ннооо... Тпрр...

Клюкшин. Объясните нам, что такое случилось? Я категорически ничего не понимаю. (*Оба проплывают. Один вверх ногами*).

Проплывает молча акула.

Матильда (*проплывая за акулой*). О, мой Пиньхен, мой Пиньхен.

Жуткая пауза.

Ваня. Ты видел?

Клоун. Видел.

Ваня. Ну, что?

Клоун. По-моему, она хочет съесть эту рыбу.

Ваня. Знаешь что?

Клоун. Что?

Ваня. Давай убежим.

Клоун. Давай убежим.

Ваня. Ну, беги вперед, а я за тобой.

Клоун. Ну хорошо, я побегу за тобой, а ты беги впереди меня.

Ваня. Нет, уж лучше я побегу за тобой, а ты беги впереди.

Клоун. Знаешь что?

Ваня. Ну?

Клоун. Давай я сосчитаю до трех, и мы побежим сразу вместе.

Ваня. Хорошо, считай.

Клоун. По-русски: раз, два, три.

Ваня убегает.

А по-немецки: эйн, цвей, дрей.

Клоун убегает. Выходит Вертунов.

Вертунов. Ну где она? Где она? (*Ходит по сцене, ищет, нагибается, касаясь рукой пола*). Будто где-то тут... Вот... кажись она самая... Так и есть! (*Прочищает дыру. Слышен шум воды*). Вода пошла. Ура!

Играет музыка. Выплывает акула.

Ой! Что это такое?

Акула бросается на Вертунова.

Ой-ой-ой!

Затемнение. Световые эффекты. Музыка.

Ваня. Это очень просто. Смотрите! Оп! *(Ваня становится на голову. В это время вбегают Матильда).*

Матильда. Где мой Пиньхен? Что стало с мой Пиньхен?

Ваня падает.

Ваня *(лежа на полу).* Ой, пощадите. А-а-а-а. Не губите!

Директор. Ну что вы, что вы. Это не так страшно. Это с каждым может случиться.

Ваня. Ой, страшно!

Директор. Это же пустяки.

Ваня. Хороши пустяки. Ой-ой-ой-ой.

Директор. Ему, кажется, дурно.

Матильда. Сейчас я принесу немного воды. С вода будет легко. *(Уходит).*

Ваня. Ой-ой-ой-ой. Уж лучше без воды. Ой-ой-ой. *(Стонет).*

Вбегают клоун.

Клоун. Ыыыыыы. Браво, браво. Очень хорошо. Ыыыы. *(Увидя Ваню).* Что с ним?

Директор. Он хотел встать на голову, да не вышло, и он очень расстроился.

Клоун *(к Ване).* Слушай. Ну чего ты плачешь? Ну хочешь, я встану на голову. Ну, смотри. *(Клоун становится на голову. В это время входит Матильда со стаканом воды. Клоун падает).*

Матильда. Ну вот, я принесла вода.

Клоун. Ой-ой-ой-ой! Бе-бе-бе-бе-бе! Не погубите, ой, не погубите.

Директор. Что же это такое?

Матильда. А, еще один. Сейчас я обоих вот с этот вода.

Клоун и Ваня *(на коленях).* Ой-ой-ой! А-а-а-а-а. Бе-бе-бе-бе. Не надо воды. Пощадите нас. Ой, не погубите!

Директор. Да перестаньте же, в самом деле.

Клоун и Ваня. Ой, нет, не перестанем. Зачем мы? Лучше возьмите его. *(Указывая на Вертунова).*

Директор. Да зачем же его, вы лучше.

Клоун и Ваня. Нет, мы хуже, он лучше.

Директор. Ну, хорошо, хорошо! Успокойтесь только. Вертунов! Хочешь быть вместо клоуна и акробата?

Вертунов. Конечно, хочу.

Директор. Ну, слышите. Он согласен.

Клоун и Ваня. Ай-ай-ай-ай-ай. Не верим.

Директор. Да успокойтесь. Сейчас он вам покажет.

Матильда. Абсолют ничего не понимаю. Пойду искать мой Пиньхен. *(Уходит).*

Директор. Вертунов! Вы будете у ковра.

Вертунов. А где этот ковер?

Директор. Какой ковер?

Вертунов. Да вы сказали, что я буду у ковра.

Директор. Это значит, что вы будете клоуном.

Клоун. Позвольте я.

Директор. Вы же сами отказались и просили, чтобы вместо вас был Вертунов.

Ваня и Клоун. Нет, нет. Совсем не то. Мы хотели, чтобы его съели.

Директор. Съели?

Ваня и Клоун. Ну да. Чтобы она его съела.

Директор. Кто – она?

Клоун. Ну она... дрессировщица.

Директор. Ничего не понимаю.

Ваня. Ну, она хотела съесть нас.

Клоун. Но мы невкусные.

Ваня *(указывая на Вертунова).* Он вкуснее.

Директор. Что такое?

Клоун. Она съела рояль.

Ваня. И велосипед.

Клоун. И верблюда, и швейную машинку, и четыре кофейных мельницы.

Директор. Кто? Матильда?

Клоун и Ваня. Ну да – Матильда.

Директор. Ха-ха-ха!

Клоун и Ваня. Почему вы смеетесь?

Директор. Ха-ха-ха! Вы все перепутали. Не Матильда Дердидас съела рояль, велосипед и верблюда, а акула Пиньхен.

Входит Матильда.

Матильда. О, где мой Пиньхен? Кто видел мой Пиньхен?

Клоун и Ваня на всякий случай отходят в сторону.

Директор. Вашего Пиньхена уже нет.

Матильда. А где он?

Директор. Ваша акула без воды подохла.

Матильда. О? она биль такой ласковый. Верните обратно мой акуль. Мой добрый Пиньхен.

Директор. Ваш добрый ласковый Пиньхен проглотил вот этого гражданина.

Матильда. О, он любиль кушать живой человек.

Вертунов. Да, я нашел дырку в полу. И пока я ее прочищал, чтобы вода могла уйти в эту дырку, на меня что-то наскочило и проглотило.

Директор. Так это вы избавили нас от воды?

Вертунов. Да, я.

Директор. Так, выходит, что вы наш спаситель.

Вертунов. Дозвольте выступить.

Директор. Я вас беру в свою труппу. Мы вас научим. Вы будете клоуном, акробатом, певцом и танцором.

Матильда. О, мой Пиньхен кушал вас. Он любиль вас. И я тоже буду любиль вас.

Директор. Итак, гражданин Вертунов поступает к нам в цирк на обучение. Надо много учиться, чтобы стать хорошим циркачом.

Вертунов. Ура! Я буду учиться у вас. Я буду учиться у вас.

Клоун и Ваня. Ты будешь учиться у нас.

Вертунов. Я клоуном буду, борцом, акробатом, певцом и танцором зараз.

Все. Ты клоуном будешь, борцом, акробатом, певцом и танцором зараз.

Директор. А сейчас мы вам покажем, как нужно работать. Сейчас выступит воздушный акробат Володя Каблуков.

Музыка. Номер Каблукова.

Вертунов. А теперь можно мне выступить?

Директор. Выступайте. (*В публику*). Сейчас вы увидите номер с участием гражданина Вертунова – Ваня Ключшин и Джонни Крюкшин. Эй, музыка!

*Играет музыка. Номер.
Занавес.*

<1935>

411. Небо

Настало утро. Хлопотливый
Уже встаёт над миром день.
Уже в саду под белой сливой
Ложится чёрным кругом тень.

Уже по радио сигналы
Сообщают полдень. На углу
Кричат проворные журналы
О том, что было по утру.

Уже мгновенные газеты
Кричат о том, что было днём,
Дают вечерние советы
Уже проспект блестит огнём.

Уже от пива люди пухнут;
Уже трамваи мчатся прочь;
Уже в квартирах лампы тухнут;
Уже в окно стучится ночь.

Настала ночь. И люди дышат,
В глубоком сне забыв дела.
Их взор не видит, слух не слышит,
Недвижны вовсе их тела.

На чёрном небе звёзды блещут;
Дрожит на дереве листок.
В далёком море волны плещут;
С высоких гор журчит поток.

Кричит петух. Настало утро.
Уже спешит за утром день.
Уже из тучи Брамапутра
Шлет на поля благую тень.

Уже прохладой воздух веет,
Уже клубится пыль кругом.
Дубовый листик, взвившись, реет.
Уже гремит над нами гром.

Уже Невой клокочет Питер,
И ветер вокруг свистит в лесах,
И громоблещущий Юпитер
Мечом сверкает в небесах.

Уже сверкает солнце шаром
И с неба в землю мечет жар.
И поднимает воду паром,
И в облака сгущает пар.

И снова страшный ливень льётся.
И снова солнца шар блестит.
То плачет небо, то смеется,
То веселится, то грустит.

Шардам

17 августа 1935 года. Детское Село.

412. Первое послание к Марине

За то, что ты молчишь, не буду
Тебя любить, мой милый друг.
И, разлюбив тебя, забуду
И никогда не вспомню вдруг.

Молчаньем, злостью иль обманом
Любовный кубок пролился,
И молчаливым талисманом
Его наполнить вновь нельзя.

Произнеси хотя бы слово,
Хотя бы самый краткий звук,
И вмиг любовь зажжётся снова
Ещё сильнее к тебе мой друг.

19 августа 1935 года

413. Второе послание к Марине

Я получил твоё посланье.
Да получил.
Я утолил свое желанье.
Да утолил.

Сомнений нет они далёки.
Пропал их след
Забудь забудь мои упрёки.
Их больше нет

Теперь опять я полон силы
Опять с тобой
Везде везде твой образ милый
Передо мной

Теперь опять я полон страсти
К тебе лететь
Я не имею больше власти
Собой владеть

Останови Владыко ветры
И прекрати!
Сложи Владыко километры
И сократи!

Молчаньем злостью иль обманом
Любовный кубок пролился
И молчаливым талисманом
Его наполнить вновь нельзя.

Произнеси хотя бы слово
Хотя бы самый краткий звук
И в миг любовь зажжется снова
Ещё сильнее к тебе мой друг.

За то что ты молчишь, не буду
Тебя любить мой милый друг.
И, разлюбив тебя, забуду
И никогда не вспомню вдруг.

19 августа 1935 года

414

Лидочка сидела на корточках и деревянным стаканчиком копала песок.

Рядом на скамейке сидела плечистая девка с пухлыми губами и толстыми икрами. Это была Анюта, Лидочкина нянька. Обыкновенно к ней подсаживался военный, брал её за руки и так они сидели, пока Лидочка играла в песочке. На этот раз военный почему-то не пришёл и Анюта сидела на скамейке, положив ногу на ногу и злыми глазами поглядывая на проходящих мимо мужчин.

Лидочка подбросила песок на воздух, песок полетел по ветру и попал няньке в глаза.

– Лидка! не смей бросаться песком! – крикнула Анюта.

Лидочка нарочно подбросила на воздух ещё целую горсть песку.

Анюта вскочила со скамейки, схватила Лидочку за руку и потащила ещё к выходу. Лидочка молча шла за Анютой.

Мимо пробежала маленькая собачка с бубенчиком на спине. Лидочка хотела остановиться и посмотреть на собачку, но Анюта дернула Лидочку за руку и повела её дальше.

– Нечего на каждую собаку останавливаться, – говорила нянька, таща Лидочку к выходу.

Лидочка злилась, но сознавая, что Анюта сильнее, покорно шла дальше, стараясь только правой ногой поднять с дорожки как можно больше пыли.

У самого выхода к ним подошёл военный, который обыкновенно подсаживался к Анюте и брал её за руки. Увидя военного, Анюта выпустила из своих рук Лидочкину ручку и пошла навстречу военному, на ходу одергивая свою юбку.

Лидочка выбежала из сада и побежала по панели. Старуха с корзинкой, в которой лежали красные леденцы и мятные пряники, увидя Лидочку, хлопнула в ладоши и крикнула:

– Куда! Куда! Ишь как быстро!

Лидочка перебежала через мостик, спотыкнулась о какую-то деревянную шашку, ударилась о чью-то ногу, повернула за какой-то дом и вдруг увидала перед собой совершенно незнакомую улицу.

Лидочка хотела повернуть обратно, но из ворот дома выехал задом грузовой автомобиль, встал поперёк панели и преградил Лидочке дорогу.

Лидочка потопталась на месте, поморгала глазами и вдруг громко заплакала.

– Девочка, девочка! О чем плачете? Не плачте, барышня! Пойдем-те со мной, угощу вас шоколадкой!

Лидочка подняла глаза и увидала перед собой старичка в золотых очках, в белом картузе, засаленном клечатом пиджаке и коротких, до щиколотки, брюках, из-под которых виднелись грязные шёлковые носки ярко зелёного цвета.

– Пойдем те, барышня, ко мне, мы вас успокоем! – говорил старичок, шевеля серыми колючими усиками и маленькой бородкой, похожей на воробьиной хвостик.

Старичок протянул руку и взял Лидочку за плечо.

– Девочка, девочка! Пойдем-те скорее со мной. Перестаньте плакать. Сейчас мы вас успокоем. Найдем папу, маму и домой приведем, – говорил старичок, подталкивая Лидочку к дому. Руки у старичка дрожали. Старичёк хватал Лидочку то за головку, то за плечо, то прямо за подбородок. От старичка пахло одеколоном и корытом, в котором моют грязное бельё. Старичок сименил ножка-

ми и, все подталкивая Лидочку, очутился с ней в подъезде дома.

– Не хочу сюда! – закричала Лидочка.

С улицы в подъезд заглянула дама с портфелем подмышкой.

Старичок улыбнулся в сторону дамы и сжав пальцем шею Лидочки сказал:

– Ну зюся! зюся! не капризничай. Промочила ножки и пойдем скорее домой кашку есть. Ты видишь, папа тебя очень любит!

И не смотря на сопротивление Лидочки, поволок её в верх по лестнице.

Лидочка начала кричать, но старичок зажал ей рот и глаза рукой. Лидочка слышала как старичок возился и пыхтел около двери, стараясь её открыть, не выпуская Лидочки из рук. Потом Лидочку подняли на воздух, пронесли несколько шагов и положили на что-то шершавое и колючее. Лидочка открыла глаза и увидела себя на старом бархатном диване, в длинной узкой комнате с грязными пустыми стенами и серым потрескавшимся потолком. Кроме дивана, в комнате стояло большое корявое кресло с деревянным сидением и два ломберных стола. На одном столе лежала груда грязного тряпья, а на другом битая и невымытая посуда с объедками пищи. Больше в комнате ничего не было, если не считать висевшего на стене огромного, треснутого в длину и заклеенного полоской жёлтой бумаги зеркала, вонючего ведра между окном и диваном и разбросанных по всему полу спичек, окурков и пустых консервных банок. В комнате, не смотря на день, горело электричество, тусклая лампочка под потолком. Окно было занавешано толстым стёганным одеялом.

Старичек стоял над диваном и, как кролик, двигая губами, усами и носом, смотрел на Лидочку.

Лидочка села на диван и хотела уже заплакать, но старичек опять зажал ей рот рукой и прошипел:

– Заплачите, барышня, так я вам больно сделаю, возьму и оторву вашу головку. Вы умрете и ваша мама вас больше не увидит.

Лидочка заплакала. Старичек еще сильнее сжал ей рот. Лидочка начала отбиваться, но старичок повалил её на

диван и грязным пальцем полез ей в рот. Лидочка закричала во весь голос. Но старичек засунул свой палец прямо Лидочке в глотку, Лидочка поперхнулась и закашлялась.

– Замолчи! – сказал ей старичок и вдруг прибавил страшным голосом: – Если закричишь, я тебя начну разрывать!

Голос был такой страшный, что Лидочка замолчала.

Старичек сел на диван рядом с Лидочкой.

– Ну вот, – сказал старичек, двигая около Лидочкиного лица своими вонючими пальцами с длинными коричневыми ногтями, – ну вот барышня и успокоилась. Вы меня, барышня, напрасно боитесь. Я ведь добрый-добрый. И зовут меня дядя Мика. Дядя Мика любит таких маленьких барышень, как вы. Дядя Мика играет с такими барышнями в разные игры и угощает маленьких барышень вкусными шоколадными пумпошками. Дядя Мика очень добрый. Сейчас добрый дядя Мика разделет маленькую барышню и положет ее голенькую на шелковую подушку.

С этими словами дядя Мика начал раздевать Лидочку. Лидочка была так напугана, что молчала и не сопротивлялась. Дядя Мика снял с неё платце, рубашечку и штанишки и Лидочка осталась голенькая, в одних только туфельках и носочках.

Старичек кинулся на Лидочку и Лидочке показалось, что он сейчас укусит её за живот. Лидочка закричала. Сейчас же дядя Мика всунул ей в рот свой палец.

– Молчать! – крикнул дядя Мика и ласковым голосом прибавил: – А если маленькая барышня не замолчит, мы ещё дальше воткнём ей в горлышко свой палец, а потом выбросим маленькую барышню в окошко. Маленькая барышня упадёт и сломает все свои маленькие косточки.

Лидочка молчала и с ужасом смотрела на старичка. А старичек опять уткнулся лицом в Лидочкин животик. Колючие борода и усы кололи Лидочку.

– Дядя Мика! Дядя Мика! – тихо кричала Лидочка.

Но дядя Мика опять сунул палец Лидочке в рот.

В это время в дверь постучали.

– Кто там? – резким голосом спросил дядя Мика, зажимая Лидочке рот.

– Открой те! у вас девочка! – крикнул за дверью женский голос.

– У меня никого нет! – ответил дядя Мика.

Лидочка высвободила рот и собралас громко заплакать. Дядя Мика схватил Лидочку за горло и начал её душисть.

– Ни сметь пикнуть! – прохрипел дядя Мика.

– Открой те дверь! – раздался из корридора мужской голос.

Потом этого противного старика высекли и посадили в тюрьму, а Лидочку вернули к папе и маме.

<Сентябрь 1935>

415

Теперь я расскажу, как я родился, как я рос и как обнаружились во мне первые признаки гения. Я родился дважды. Произошло это вот так:

Мой папа женился на моей маме в 1902 году, но меня мои родители произвели на свет только в конце 1905 года, потому что папа пожелал, чтобы его ребёнок родился обязательно на новый год. Папа рассчитал, что зачатие должно произойти 1-го апреля и только в этот день подъехал к маме с предложением зачать ребенка.

Первый раз папа подъехал к моей маме 1-го апреля 1903 года. Мама давно ждала этого момента и страшно обрадовалась. Но папа, как видно, был в очень шутливом настроении и не удержался и сказал маме «с первым апрелем!»

Мама страшно обидилась и в этот день не подпустила папу к себе. Пришлось ждать до следующего года.

В 1904 году, 1-го апреля, папа начал опять подъезжать к маме с тем же предложением. Но мама, помня прошлогодний случай, сказала, что теперь она уже больше не желает оставаться в глупом положении, и опять не под-

пустила к себе папу. Сколько папа не бушевал, ничего не помогло.

И только год спустя удалось моему папе уломать мою маму и зачать меня.

И так моё зачатие произошло 1-го апреля 19<0>5 года.

Однако все папины расчёты рухнули, потому что я оказался недоноском и родился на четыре месяца раньше срока.

Папа так разбушевался, что акушерка, принявшая меня, растерялась и начала запихивать меня обратно, откуда я только что вылез.

Присутствовавший при этом один наш знакомый студент Военно-медицинской Академии заявил, что запихать меня обратно не удастся. Однако, не смотря на слова студента, меня всё же запихали, но, правда, как потом выяснилось, запихать-то запихали, да в торопях не туда.

Тут началась страшная суматоха. Родительница кричит: «Подавайте мне моего ребёнка!» А ей отвечают: «Вашь, говорят, ребёнок находится внутри вас». «Как! – кричит родительница. – Как ребёнок внутри меня, когда я его только что родила!» «Но, – говорят родительнице, – может быть вы ошибаетесь?» «Как! – кричит родительница – ошибаюсь! Разве я могу ошибаться! Я сама видела, что ребенок только что вот тут лежал на простыне!» «Это верно, – говорят родительнице, – но, может быть, он куда ни будь заполз». Одним словом, и сами не знают, что сказать родительнице.

А родительница шумит и требует своего ребёнка.

Пришлось звать опытного доктора. Опытный доктор осмотрел родительницу и руками развёл, однако всё же сообразил и дал родительнице хорошую порцию английской соли. Родительницу пронесло и таким образом я вторично вышел на свет.

Тут опять папа разбушевался, дескать, это, мол, ещё нельзя назвать рождением, что это, мол, ещё не человек, а скорее наполовину зародыш и что его следует либо опять обратно запихать, либо посадить в инкубатор.

И вот посадили меня в инкубатор.

*25 сентября
1935 года*

416. Инкубаторный период

В инкубаторе я просидел четыре месяца. Помню только, что инкубатор был стеклянный, прозрачный и с градусником. Я сидел внутри инкубатора на вате. Больше я ничего не помню.

Через четыре месяца меня вынули из инкубатора. Это сделали как раз 1-го января 1906 года. Таким образом, я как бы родился в третий раз. Днём моего рождения стали считать именно 1-ое января.

<Сентябрь 1935>

417. О драме

Лошкин (*прихрамывая входит в комнату*). Товарищи! Послушайте! Я скажу несколько слов о драме.

Все снимают шляпы и слушают.

Лошкин: В драме должно иметься оправдание драмы. В комедии легче, там оправдание смех. Труднее в трагедии.

Кугель: Можно мне вставить своё слово?

Лошкин: Ну говорите.

Кугель: Вы обратили внимание, что тема, недостаточная для прозаического произведения, бывает достаточна для стихотворной вещи.

Лошкин: Совершенно правильно! Если тема была недостаточной, то вещь оправдывают стихи. Потому то во времена расцвета драматического искусства трагедии писались стихами.

Все хором: Да, прозаическая драма – самый трудный вид творчества.

28 сентября 1935 года

418

Липавского начала мучить кислая отрыжка. Бедный Липавский мучился ужасно. Этот вечно омерзительный вкус во рту и постоянное жжение в пищеводе способно довести человека до иступления.

Жена Липавского, Тамара, заявила, что если это будет так продолжаться, то она начнет подкидывать себе нового мужа. Липавский отнёсся к словам своей жены довольно скептически и даже попробывал сострить. Но в тот момент, когда он острил, произошла отрывка. Желая скрыть это неприятное явление, Липавский мотнул головой и дернул плечами, надув при этом щеки. Однако отрывка оказалась сильнее, чем можно было ожидать, и с громким звуком вылетела изо рта.

Тамара вскочила и вышла из комнаты, хлопнув дверью. Липавский кинулся было в догонку, но по дороге опять громко икнул и, махнув рукой, вернулся обратно. А Тамара выбежала на улицу и помчалась по Большому проспекту.

2. Тамара пришла к Заболоцкому и сказала: «Хотите стать моим мужем?» Заболоцкий отказался, мотивируя свой отказ тем, что он уже женат на Екатерине Васильевне. Тогда Тамара, оскорбленная, вышла от Заболоцких и позвонила к Олейниковым. Дверь открыла Лариса. Тамара бросилась Ларисе на шею и разрыдалась. Лариса, узнав в чем дело, посоветывала Тамаре обратиться к холостому Якову Семеновичу Друскину. Тамара помчалась к Друскину.

<Около 28 сентября 1935>

419

Одна особа, ломая в горести руки, говорила: «Мне нужен интерес в жизни, а вовсе не деньги. Я ищу увлечения, а не благополучия. Мне нужен муж не богач, а талант, режиссёр, Мейерхольд!»

<около 28 сентября 1935>

420. Про собаку Бубубу

Жила была очень умная собака. Звали ее Бубубу.

Она была такая умная, что умела даже рисовать.

И вот однажды она нарисовала картину. Но никто не мог понять, что было на картине нарисовано.

Прибежала Мышка-Малышка, посмотрела на картину, понюхала раму и сказала:

– Нет, я не знаю, что на картине нарисовано. Может быть, сыр, пи-пи-пи! А может быть – свечка, пю-пю-пю!

Пришел петух Ерофей. Встал на цыпочки, посмотрел на картину и сказал:

– Нет, я не знаю, что на картине нарисовано. Может быть, это пшенная каша, ку-ка-ре-ку! А может быть – это деревянное корыто, ре-ку-ка-ре!

Пришла Уточка-Анюточка. Посмотрела на картину с одного бока и сказала:

– Кря-кря-кря!
Это завитушка,
Кря-кря-кря!
Может быть, лягушка.

А потом посмотрела на картину с другого бока и сказала:

– Кря-кря-кря!
Это не лягушка.
Кря-кря-кря!
Это завитушка!

Прибежала обезьяна Марья Тимофеевна, почесала бок, посмотрела на картину и сказала:

– Бал-бал-бал-бал.
Бол-бол-бол-бол.

– Эй! – крикнули обезьяне, – говори понятнее!

А она опять:

– Лок! бок! мок! рок!
Лук! Лак! Лик! Лек!

– А ну тебя! – крикнули обезьяне. – Непонятно ты говоришь!

А обезьяна почесала ногой затылок и убежала.

Наконец, пришел знаменитый художник Иван Иванович Пнёв. Он долго ерошил волосы и смотрел на картину и наконец сказал:

– Нет, никто не знает, что нарисовано на картине, и я не знаю.

Тут вышла умная собака Бубубу, взглянула на свою картину и закричала:

– Ах-ах! Ав-ав! Да ведь картина-то повернута к вам не той стороной. Ведь вы смотрите на заднюю сторону картины. Вот смотрите!

И с этими словами собака Бубубу повернула картину.

Картина была такая замечательная, что мы решили напечатать ее в 1-м номере журнала «Чиж» 1936 года.

Д. Хармс
1935

421

Жил-был человек, звали его Кузнецов. Однажды сломалась у него табуретка. Он вышел из дома и пошёл в магазин купить столярного клея, что бы склеить табуретку.

Когда Кузнецов проходил мимо недостроенного дома, с верху упал кирпич и ударил Кузнецова по голове.

Кузнецов упал, но сразу же вскочил на ноги и пощупал свою голову. На голове у Кузнецова вскочила огромная шишка.

Кузнецов погладил шишку рукой и сказал:

– Я, гражданин Кузнецов, вышел из дома и пошёл в магазин, что бы... что бы... что бы... Ах, что же это такое! Я забыл, зачем я пошёл в магазин.

В это время с крыши упал второй кирпич и опять стукнул Кузнецова по голове.

– Ах! – вскрикнул Кузнецов, схватился за голову и нащупал на голове вторую шишку.

– Вот так история! – сказал Кузнецов. – Я, гражданин Кузнецов, вышел из дома и пошел в... пошел в... пошел в... куда же я пошел? Я забыл, куда я пошел!

Тут сверху на Кузнецова упал третий кирпич. И на голове Кузнецова вскочила третья шишка.

– Ай ай ай! – закричал Кузнецов, хватаясь за голову. – Я, гражданин Кузнецов, вышел из... вышел из... вышел из погреба? Нет. Вышел из бочки? Нет! Откуда же я вышел?

С крыши упал четвертый кирпич, ударил Кузнецова по затылку, и на затылке у Кузнецова вскочила четвертая шишка.

– Ну и ну! – сказал Кузнецов, почесывая затылок. – Я... я... я... Кто же я? Никак я забыл, как меня зовут. Вот так история! Как же меня зовут? Василий Петухов? Нет. Николай Сапогов? Нет. Пантелей Рысаков? Нет. Ну кто же я?

Но тут с крыши упал пятый кирпич и так стукнул Кузнецова по затылку, что Кузнецов окончательно позабыл всё на свете и крикнув: «О-го-го!», побежал по улице.

Пожалуйста! Если кто ни будь встретит на улице человека, у которого на голове пять шишек, то напомните ему, что зовут его Кузнецов и что ему нужно купить столярного клея и починить ломаную табуретку.

1 ноября 1935 года.

422

Жил-был музыкант Амадей Фарадон,
Амадей Николай Фарадон.

Когда он на флейте играл
тю-лю-лю,
лягушки плясали
Турлим
тю-лю-лю,
Турлим
тю-лю-лю,
Турлим!

Когда он играл на трубе
ту-ру-ру,
собаки плясали
Фарлай
ту-ру-ру,
Фарлай
ту-ру-ру,
Фарлай!

Когда он на цитре играл
динь ди ринь,
циплята плясали
Тундрун
динь ди ринь,
Тундрун
динь ди ринь,
Тундрун!

Когда Николай Амадей Фарадон
играл на литаврах
дун дун
дири дон,
коровы плясали
Дун дун
Дири дон,
Дун дун
Дири дон,
Дун дун.

<Ноябрь 1935>

423. Сонет

Удивительный случай случился со мной: я вдруг позабыл, что идёт раньше, 7 или 8?

Я отправился к соседям и спросил их, что они думают по этому поводу.

Каково-же было их и моё удивление, когда они вдруг обнаружили, что тоже не могут вспомнить порядок счёта. 1, 2, 3, 4, 5 и 6 помнят, а дальше забыли.

Мы все пошли в коммерческий магазин «Гастроном», что на углу Знаменской и Бассейной улицы, и спросили кассиршу о нашем недоумении. Кассирша грустно улыбнулась, вынула изо рта маленький молоточек и, слегка подвигав носом, сказала: «По моему, семь идёт после восьми в том случае, когда восемь идёт после семи».

Мы поблагодарили кассиршу и с радостью выбежали из магазина. Но тут, вдумываясь в слова кассирши, мы

опять приуныли, так как её слова показались нам лишёнными всякого смысла.

Что нам было делать? Мы пошли в Летний сад и стали там считать деревья. Но, дойдя в счёте до 6-ти, мы остановились и начали спорить: по мнению одних, дальше следывало 7, а по мнению других – 8.

Мы спорили бы очень долго, но, по счастью, тут со скамейки свалился какой то ребёнок и сломал себе обе челюсти. Это отвлекло нас от нашего спора.

А потом мы разошлись по домам.

<12 ноября 1935>

424. Что это значит?

У трамвайной остановки
Я задумчиво стоял.
У трамвайной остановки
Я трамвая поджидал.

Вдруг смотрю,
Смотрю – и вижу:
Храбрый Шульц бежит рыча,
А за ним
Все ближе, ближе
Мчится Якли хохоча.

Скачет Марли,
Скачет Ергли
В полосатом колпаке,
Скачет Михель,
Ганс
И Вейтли
С толстой палкою в руке.

Боб, соломинка и уголь
Мчатся быстро впопыхах.
Серый волк бежит угрюмо
С Красной Шапочкой в зубах.

А за ним
Быстрее лани
В шляпе с лентой и пером,
В темно-бархатном кафтане
Гулливвер бежит бегом.

А за ним
Руками машут
И бегут,
Смотрите, –
Вон,
Ваня Мохов
С Умной Машей,
А за Машей
Скачет слон.

А за ними
По дороге
Мчится с криками народ.
Я стою, расставив ноги,
Широко разинув рот.

Это что, скажите, значит?
Объясните,
Отчего
Все бегут, летят и скачут –
Почему
И для чего?

– Все бегут, летят и скачут, –
Отвечает мне народ, –
Потому что
Это значит:
Наступает Новый год.
Потому что
Это значит –
Новый год уже настал:
Значит, все бегут и скачут
Подписаться на журнал.

Тут и я калоши скинул,
От волнения задрожал,
Шапку на уши надвинул
И за ними побежал.

1935

425. Храбрый Ёж

Стоял на дворе ящик.

Подошли звери к ящику, стали его осматривать, обнюхивать и облизывать.

А ящик-то вдруг раз, два, три – и открылся.

А из ящика-то раз, два, три – змея выскочила.

Испугались звери и разбежались.

Один ёж не испугался, кинулся на змею и раз, два, три – загрыз ее. А потом сел на ящик и закричал: «Кукареку!»

Нет, не так! Ёж закричал: «ав-ав-ав!»

Нет, и не так! Ёж закричал: «мяу-мяу-мяу!»

Нет, опять не так! Я и сам не знаю как.

Кто знает, как ежи кричат?

1935

426. Новая Анатомия

У одной маленькой девочки на носу выросли две голубые ленты. Случай особенно редкий, ибо на одной ленте было написано «Марс», а на другой – «Юпитер».

1935

427. Басня

Один человек небольшого роста сказал: «Я согласен на всё, только бы быть хоть капельку повыше».

Только он это сказал, как смотрит – стоит перед ним волшебница.

– Чего ты хочешь? – говорит волшебница.

А человек небольшого роста стоит и от страха ни чего сказать не может.

– Ну! – говорит волшебница.

А человек небольшого роста стоит и молчит. Волшебница исчезла.

Тут человек небольшого роста начал плакать и кусать себе ногти. Сначала на руках все ногти сгрыз, а потом на ногах.

Читатель, вдумайся в эту басню и тебе станет не по себе.

<1935>

428. Столяр Кушаков

Жил-был столяр. Звали его Кушаков.

Однажды вышел он из дома и пошел в лавочку купить столярного клея.

Была оттепель, и на улице было очень скользко.

Столяр прошел несколько шагов, поскользнулся, упал и расшиб себе лоб.

– Эх! – сказал столяр, встал, пошел в аптеку, купил пластырь и заклеил себе лоб.

Но когда он вышел на улицу и сделал несколько шагов, он опять поскользнулся, упал и расшиб себе нос.

– Фу! – сказал столяр, пошел в аптеку, купил пластырь и заклеил пластырем себе нос.

Потом он опять вышел на улицу, опять поскользнулся, упал и расшиб себе щеку.

Пришлось опять пойти в аптеку и заклеить пластырем щеку.

– Вот что, – сказал столяру аптекарь, – Вы так часто падаете и расшибаетесь, что я советую вам купить пластырей несколько штук.

– Нет, – сказал столяр, – больше не упаду!

Но когда он вышел на улицу, то опять поскользнулся, упал и расшиб себе подбородок.

– Паршивая гололедица! – закричал столяр и опять побежал в аптеку.

– Ну вот видите, – сказал аптекарь. – Вот вы опять упали.

– Нет! – закричал столяр. – Ничего слышать не хочу! Давайте скорее пластырь!

Аптекарь дал пластырь; столяр заклеил себе подбородок и побежал домой.

А дома его не узнали и не пустили в квартиру.

– Я столяр Кушаков! – кричал столяр.

– Рассказывай! – отвечали из квартиры и заперли дверь на крюк и на цепочку.

Столяр Кушаков постоял на лестнице, плюнул и пошел на улицу.

<1935>

429

Окно, занавешанное шторой, всё больше и больше светлело, потому что начался день. Заскрипели полы, запели двери, в квартирах задвигали стульями. Ружецкий, вылезая из кровати, упал на пол и разбил себе лицо. Он торопился на службу и потому вышел на улицу, прикрыв лицо просто руками. Руки мешали Ружецкому видеть, куда он идёт, и потому он дважды налетал на афишную будку, толкнул какого-то старичка в коленкоровой шапке с меховыми наушниками, чем и привёл старичка в такую ярость, что случившийся тут поблизости дворник, старающийся поймать лопатой кошку, сказал расходившемуся старичку: «Стыдно, батька, в твои то года так безобразничать!»

<1935>

430

– Видите ли, – сказал он, – я видел как вы с ними катались третьего дня на лодке. Один из них сидел на руле, двое гребли, а четвертый сидел рядом с вами и говорил. Я долго стоял на берегу и смотрел, как гребли те двое. Да, я могу смело утверждать, что они хотели утопить вас. Так гребут только перед убийством.

Дама в жёлтых перчатках посмотрела на Клопова.

– Что это значит? – сказала она. – Как это так можно особенно грести перед убийством? И потом, какой смысл им топить меня?

Клопов резко повернулся к даме и сказал:

– Вы знаете, что такое медный взгляд?

– Нет, – сказала дама, не вольно отодвигаясь от Клопова.

– Ага, – сказал Клопов. – Когда тонкая фарфоровая чашка падает со шкапа и летит вниз, то в тот момент, пока она еще летит по воздуху, вы уже знаете, что она коснется пола и разлетится на куски. А я знаю, что если человек взглянул на другого человека медным взглядом, то уж рано или поздно, он неминуемо убьет его.

– Они смотрели на меня медным взглядом? – спросила дама в желтых перчатках.

– Да, сударыня, – сказал Клопов и надел шапку.

Некоторое время оба молчали.

Клопов сидел, опустив низко голову.

– Простите меня, – вдруг сказал тихо он.

Дама в желтых перчатках с удивлением смотрела на Клопова и молчала.

– Это всё неправда, – сказал Клопов. – Я выдумал про медный взгляд, сейчас, вот тут, сидя с вами на скамейке. Я, видите ли, разбил сегодня свои часы и мне всё представляется в мрачном свете.

Клопов вынул из кармана платок, развернул его и протянул даме разбитые часы.

– Я носил их шестнадцать лет. Вы понимаете, что это значит? Разбить часы, которые шестнадцать лет тикали у меня вот тут под сердцем? У вас есть часы?

<1935>

431. Заумная песенка

Милая Фефюлинька
И Философ!
Где твоя тетюлинька
И твой келасоф?

Ваши грудки-пупочки,
Ваши кулачки.
Ваши ручки-хрупочки,
Пальчики сучки!

Ты моя Фефюлинька,
Куколка-дружок!
Ты моя тетюлинька,
Ягодка-кружок.

<1935>

432. Хорошая песенка про Фефюлю

1

Хоть ростом ты и не высока
Зато изящна как осока.

Припев:

Эх, ремонт, ремонт, ремонт!
Первакокин и кинёб!

2

Твой лик бровями оторочен.
Но ты для нас казиста очень.

Припев:

Эх, ремонт, ремонт, ремонт!
Первакокин и кинёб!

3

И ваши пальчики-колбашки
Приятней нам, чем у Латашки.

Припев:

Эх, ремонт, ремонт, ремонт!
Первакокин и кинёб!

Мы любим Вас и Ваши ушки.
Мы приноровлены друг к дружке.

Припев:

Эх, ремонт, ремонт, ремонт!
Первакокин и кинёб!

<1935>

433

Если встретится мерзавка
На пути моём – убью!
Только рыбка, только травка
Та которую люблю.

Только ты моя Фефюлька
Друг мой верный, всё поймёшь
Как бумажка, как свистулька
От меня не отойдёшь.

Я душой хотя и кроток
Но за сто прекрасных дам
И за тысячу красоток
Я Фефюльку не отдам.

<1935>

434. Марине

Куда Марина взор лукавый
Ты направляешь в этот миг?
Зачем девической забавой
Меня зовешь уйти от книг,
Оставить стол, перо, бумагу
И в ноги пасть перед тобой,
И пить твою младую влагу
И грудь поддерживать рукой.

<1935>

435

Засни и в миг душой воздушной
В сады беспечные войди
И тело спит как прах бездушный
И ручка дремлет на груди

И сон ленивыми перстами
Твоих касается ресниц.
И я бумажными листами
Не шелещу своих страниц.

<1935>

436

Я гений пламенных речей
Я господин свободных мыслей
Я царь бессмысленных красот
Я бог исчезнувших высот
Я господин свободных мыслей
Я светлой радости ручей.

Когда в толпу метну свой взор,
Толпа как птица замирает
И вокруг меня, как вокруг столба,
Стоит безмолвная толпа.
Толпа как птица замирает
И я толпу мету как сор.

<1935>

437

Тебе дано меня боготворить (а это дар небесный),
А дар небесный, это, надо думать, дар святой.
Да, я конечно очень очень очень очень интересный
И даже очень очень очень очень развитой.

Писать без промаха какое наслажденье!
Потом читать написанное вслух.
Да, это лучшее время препровожденье
Когда участвуют зараз и плоть и дух.

Тогда я чувствую в себе поток вселенной

<1935>

438. Хорен

Спит на дереве кукушка
Рак под камнем видит сон
На лугу лежит пастушка
Дуют ветры с двух сторон.

<1935>

439

В каждом колоколе злоба
В каждой ленточке огонь
В каждой девочке зазноба
В каждом мальчике свой конь.

<1935>

440. Ломка костей

Был у меня приятель. Звали его Василий Петрович Иванов. В 10 лет он был уже ростом со шкаф, а к 15 годам он и в ширину так раздался, что стал на шкаф походить.

Мы с ним вместе в одной школе учились. В школе его так и звали «шкафом». Очень он был огромный.

И сила была в нем страшная. Мы на него всем классом нападали, а он нас, как щенят, раскидает в разные стороны, а сам стоит посередине и смеется.

Вышел однажды такой случай. Устроили мы в школе вечерний спектакль. И вот, во время самого спектакля, понадобилось зачем-то на сцену поставить кафедру. Кафедру надо было принести из класса, кафедра тяжелая, ну, конечно, обратились к Васе за помощью.

А надо сказать, что во всех классах лампочки были вывернуты, чтобы освещать зал и сцену. А потому в классах было темно.

Вася кинулся за кафедрой в класс, да в темноте вместо кафедры ухватился за печь, выломал ее из стены и выворотил в коридор. Потом пришлось этот класс ремонтировать и новую печь ставить. Вот какой сильный был мой приятель Вася Иванов.

Окончить школу Васе не удалось. К учению он был мало способен и сколько ни учился, так и не мог запомнить, сколько будет семью шесть. Память у него была плохая и сообразительность медленная.

Я из IV класса в V перешел, а Вася на второй год в IV остался. А потом и вовсе из школы ушел и уехал с родителями в Японию.

Вот в Японии-то с ним и произошел случай, о котором я хочу рассказать.

Приехал Вася с родителями в Японию. Родители решили Васю на какую-нибудь службу пристроить. Но служба не подыскивается. Разве если только грузчиком. Да уж очень это невыгодно.

Вот кто-то и сказал Васиным родителям: «Да вы, говорит, пристройте вашего сына борцом. Вон он какой у вас сильный. А японцы борьбу любят. Только они в этом деле большие мастера. Так что пусть ваш сын в их школе борцов поучится. И есть тут такая школа, где учитель японец, господин Курано, по-русски хорошо говорит. Так что вашему сыну там как раз удобно будет. Окончит школу и знаменитым борцом станет».

Обрадовались Васины родители.

– Где же , – говорят, – эта школа помещается?

– Там-то и т а м , – говорят и м , – на такой-то японской улице.

Вот привели Васю родители в японскую школу борьбы. Вышел к ним старичок японец, маленький, желтенький, весь сморщенный, на сморчка похож, посмотрел на них и по-русски спрашивает:

– Вам кого, – спрашивает, – нужно?

– А нам, – говорят Васины родители, – нужно господин Курано, учителя японской борьбы.

Старичок японец посмотрел на Васю, ручки потер и говорит:

– Это я и есть Курано, мастер джиу-джитсу. А вы, я вижу, ко мне ученика привели.

– Ах! – говорят Васины родители, – вот он, наш сын. Научите его вашему искусству.

– Что ж, – говорит японский старичок, – видать, ваш сын довольно сильный молодой человек.

– О! – говорят Васины родители, – такой сильный, что просто ужас!

– Ну это, – говорит японский старичок, – еще не известно. А впрочем, если хотите, я могу взять его на испытание.

– Очень хотим, – говорят Васины родители. – Возьмите, пожалуйста.

И вот Вася остался на испытание у господина Курано, а Васины родители домой ушли.

– Идемте за мной, – сказал господин Курано и повел Васю за собой во внутренние комнаты.

Идет Вася за господином Курано и боится стену плечом задеть, чтобы дом не сломался, такой домик хрупкий, будто игрушечный.

Вот пришли они в комнату, устланную соломенными ковриками. Стены тоже соломенными ковриками обиты. А в комнате ученики господина Курано занимаются: хватают друг друга за руки, на пол валятся, опять вскакивают и друг друга через голову перебрасывают.

Господин Курано постоял немного, посмотрел, что-то по-японски полопотал, руками помахал и опять к Васе по-русски обращается:

– Пусть, – говорит, – мои ученики дальше занимаются, а мы с вами пойдемте вон в ту отдельную комнату.

Вошли они в пустую комнату, тоже обитую соломенными ковриками.

– Ну, – сказал господин Курано, – вы знаете, что такое джиу-джитсу?

– Нет, – говорит Вася, – не знаю.

– А это, – говорит господин Курано, – и есть наша наука борьбы. По-русски слово джиу-джитсу значит «ломка костей», потому что мы такие приемы знаем, что действительно одним ударом ладони даже берцовую кость сломать можем. Только вы не бойтесь, я вам костей ломать не буду.

– Да я и не боюсь, – сказал Вася, – я ведь крепкий.

– Ну, – говорит господин Курано, – на свою крепость вы особенно не надейтесь. Сейчас мы посмотрим, какая ваша крепость. Снимайте вашу куртку и засучите рукава. Я посмотрю, какие у вас на руках мускулы.

Вася снял куртку, засучил рукава и согнул руку. Мускулы на руке вздулись шарами. Японец ощупал Васину руку и покачал головой.

– Вот смотрите, – сказал господин Курано, – мы больше всего ценим вот этот мускул, который у вас довольно слабый.

С этими словами господин Курано засучил свой рукав и показал Васе свою худую и жилистую руку.

– Вот я руку сгибаю, – сказал господин Курано, – вы видите вот тут, сбоку на локте, шарик. Это и есть мускул, который мы ценим больше всего. А у вас-то он слабый. Ну ничего. Со временем и у вас будет крепкий. А теперь возьмите меня под мышки и поднимите.

Вася взял господина Курано под мышки и поднял его легко, как маленький пустой самоварчик.

– Так, – сказал господин Курано, – теперь поставьте меня обратно на землю.

Вася поставил господина Курано на пол.

– Хорошо, – сказал господин Курано, – некоторая сила у вас имеется. А теперь ударьте меня.

– Хы-хы! – сказал Вася. – Как же это я вас ударю?

– А так, возьмите и ударьте! – сказал господин Курано.

– Мне как-то совестно! – сказал Вася.

– Ах! – с досадой сказал господин Курано. – Какие глупости! Говорят вам, ударьте меня! Ну? Ну, ударьте же!

Вася посмотрел на господина Курано. Это был маленький жиденький старичок, чуть не в два раза меньше

Васи, с морщинистым личиком и прищуренными глазками. Один Васин кулак был не меньше головы господина Курано.

«Что же, – подумал Вася, – я его ударю, а он тут же и скончается».

– Ну же, ударьте меня! ударьте меня! – кричал господин Курано.

Вася поднял руку и нерешительно толкнул господина Курано в плечо.

Господин Курано слегка покачнулся.

– Это не удар! – крикнул он. – Надо бить сильнее!

Вася слегка ударил господина Курано в грудь.

– Сильнее! – крикнул господин Курано.

Вася ударил сильнее. Господин Курано покачнулся, но продолжал стоять на ногах.

– Сильнее! – крикнул он.

Вася ударил еще сильнее. Господин Курано сильнее покачнулся, но все же на ногах устоял.

«Ишь ты», – подумал Вася.

– Сильнее! – крикнул господин Курано.

«Ладно же», – подумал Вася, развернулся и что есть силы ударил кулаком господина Курано. Но господина Курано перед Васей не оказалось, и Вася, не встретив сопротивления, пробежал несколько шагов и стукнулся об стену.

– Ишь вьюн какой! – сказал Вася.

А господин Курано уже опять стоял перед Васей и, гримасничая лицом, говорил:

– Не унывайте же, молодой человек! Еще раз ударьте меня, да посильнее!

«Ах так! – подумал Вася, – я тебя, сморчок, сейчас пристукну! – и решил бить сильно, но осторожно, с расчетом, чтоб не упасть».

Вася размахнулся уже рукой, как вдруг сам получил в бок электрический удар. Вася вскрикнул и схватил господина Курано за шею. Но господин Курано нырнул куда-то вниз, и Вася вдруг потерял равновесие и, перелетев через японца, шлепнулся на пол.

– А! – крикнул Вася и вскочил на ноги. Но тут же получил по ногам удар и опять потерял равновесие.

Господин Курано схватил Васю за руки и дернул куда-то в сторону. Вася переступил ногами и опять почувствовал себя в устойчивом положении, но только собрался схватить господина Курано, как опять получил удар в бок и вдруг, очутившись головой вниз, чиркнул ногами по потолку и, перелетев через японца, опять шлепнулся на пол.

Вася вскочил, дико озираясь, но сейчас же опять полетел вокруг японца и очутился на полу в лежачем положении.

Совершенно ошалев, Вася вскочил с пола и кинулся к двери.

– Куда же вы? – крикнул ему господин Курано.

Но Вася выскочил в комнату, где занимались ученики господина Курано.

Растолкав их, он выбежал в коридорчик, а оттуда на улицу.

Домой Вася прибежал без куртки с всклокоченными волосами.

– Что с тобой? – вскрикнула Васина мама.

– Где твоя куртка? – вскричал Васин папа.

В Японии Васе не понравилось, и он вернулся обратно в Ленинград.

Теперь Василий Петрович Иванов живет в Ленинграде и служит в автобусном парке. Его работа заключается в том, что он перетаскивает с места на место испорченные автобусы.

Мне, как школьному товарищу, он рассказал историю с японским учителем джиу-джитсу, но вообще же рассказывать об этом он не любил.

<1935>

441

Гости радостно пируют
За столом сидят гурьбой
Гости радостно пируют
И гурьбой за столом сидят
И говядину едят

И наливки жадно пьют
И чего то там под столом делают
И дамочкам предлагают раздеться.
А дамочки, тру ля ля, танцуют
И под музыку приседают.
Один из гостей на стол полез,
Но его отвели в ванную комнату.
Хозяйка лифчик расстегнула
И пошла плясать во всю.
Композитор Ваня Конов
Хотел хозяйку схватить за подол,
Но потерял равновесие
И лёг на пол.
А Нина Петухова
Сняла свои пантолоны
И дала их Семёну Палкину обнюхивать.

<1935>

442

Когда жена уезжает куда ни будь одна, муж бегают по комнате и не находит себе места.

Ногти у мужа страшно отрастают, голова трясётся, а лицо покрывается мелкими чёрными точками.

Квартиранты утешают покинутого мужа и кормят его свиным зельцем. Но покинутый муж теряет аппетит и преимущественно пьёт пустой чай.

В это время его жена купается в озере и случайно задевает ногой подводную корягу. Из под коряги выплывает щука и кусает жену за пятку. Жена с криком выскакивает из воды и бежит к дому. Навстречу жене бежит хозяйская дочка. Жена показывает хозяйской дочке пораненную ногу и просит её забинтовать.

Вечером жена пишет мужу письмо и подробно описывает своё злоключение.

Муж читает письмо и волнуется до такой степени, что роняет из рук стакан с водой, который падает на пол и разбивается.

Муж собирает осколки стакана и ранит ими себе руку. Забинтовав пораненный палец, муж садится и пишет жене письмо. Потом выходит на улицу, чтобы бросить письмо в почтовую кружку.

Но на улице муж находит папиросную коробку, а в коробке 30 000 рублей.

Муж экстренно выписывает жену обратно и они начинают счастливую жизнь.

<1935>

443

– Пейте уксус господа, – сказал Шуев.

Ему никто ни чего не ответил.

– Господа! – крикнул Шуев. – Я предлагаю вам выпить уксусу!

С кресла поднялся Макаронов и сказал:

– Я приветствую мысль Шуева. Давайте пить уксус.

Растопякин сказал:

– Я не буду пить уксуса.

Тут наступило молчание и все начали смотреть на Шуева. Шуев сидел с каменным лицом. Было неясно, что думает он.

Прошло минуты три.

Сучков кашлянул в кулак. Рывин почесал рот. Калтаев поправил свой галстук. Макаронов подвигал ушами и носом. А Растопякин, откинувшись на спинку кресла, <смотрел> равнодушно в камин.

Прошло еще минут семь или восемь.

Рывин встал и на ципочках вышел из комнаты.

Калтаев посмотрел ему вслед.

Когда дверь за Рывином закрылась, Шуев сказал:

– Так. Бунтовщик ушёл. К чорту бунтовщика!

Все с удивлением переглянулись, а Растопякин поднял голову и уставился на Шуева.

Шуев строго сказал:

– Кто бунтует, – тот негодяй!

Сучков, осторожно, под столом, пожал плечами.

– Я за то, что бы пить уксус, – негромко сказал Макаронов и выжидательно посмотрел на Шуева.

Растопякин икнул и, смутившись, покраснел как де-
вица.

– Смерть бунтовщикам! – крикнул Сучков, оскалив
свои черноватые зубы.

<1933–1935>

444

Случилось так, что кто-то раз
Упал на мельницу Как раз.
А мельник выбежал к реке
С дубиной толстою в руке.

<1933–1935>

445

В одном прекрасном садоводстве
Кассир играл всегда на сходстве
Себя с директором всего роскошного садоводства.
Кассир над мелкими служащими чувствовал своё
превосходство.

<1933–1935>

446

Начало спора
произошло в близи Исакиевского Собора
Пойдёмте на Неву пешком
сказал Грачёв помахивая гребешком.
Там ветер слишком режет глаз
ответил Фомов ласково и повелительно зараз.

<1933–1935>

Хотите, я расскажу вам рассказ про эту крЮкицу? То есть не крЮкицу, а кирЮкицу. Или нет, не кирЮкицу, а курЯкицу. Фу ты! Не курЯкицу, а кукрикицу. Да не кукрикицу, а кирикрюкицу. Нет, опять не так! Курикрятицу? Нет, не курикрятицу! КирикурЮкицу? Нет, опять не так!

Забыл я, как эта птица называется. А уж если б не забыл, то рассказал бы вам рассказ, про эту кирикукукрекицу.

<1934–1935>

448. Песнь

Мы закроем наши глаза
Люди! Люди!
Мы откроем наши глаза
Воины! Воины!

Поднимите нас над водой
Ангелы! Ангелы!
Потопите врага под водой
Демоны! Демоны!

Мы закрыли наши глаза
Люди! Люди!
Мы открыли наши глаза
Воины! Воины!

Дайте силу нам полететь над водой
Птицы! Птицы!
Дайте мужество нам умереть под водой
Рыбы! Рыбы!

<1934–1935>

449

Игра больших переговоров, друзья глядят,
гуляет боров и тень по воздуху летит.
Смотрите, дятел пролетел, смотрите с дуба
желудь пал, а в море кит пускал фантан а
в небе книга нам видна

<1934–1935>

450

Остановись Коньков!
Куда ты бежишь?
Твой бег бестолков,
Остановись Коньков!

Вот сердцу милый дом.
Знакомая дверь.
Знакомый портрет за окном.
Это сердцу милый дом.

Надо в дверь войти не стуча.
Из двери направо.
Там на стене два меча
Что верней: меч или отравя?

Так знайте Коньков, что меч верней.
А так же приятна рукой совершённая
расправа.
Три года и восемь недель ты думал о ней,
Так знай же Коньков, что меч верней!

<1934–1935>

451. Разбойники

Шли разбойники украдкой
Очень злые. Их атаман
Вдруг помахивает бородкой
Лезет наскоро в карман.

Пули там валяются.
Разбойники молчат
Их лошади легаются
Их головы бренчат
И путники пугаются.
И в сторону спешат.
Лишь только день потух
Разбойник вышел на дорогу
И, прошмыгнув как темный дух,
Другого кличет на подмогу.
Другой спешит
Блестя под шляпой черным глазом
И путник в сторону бежит
И два разбойника за ним несутся разом.

Домов слепые номера
Им вовсе не служили
И два ножа как два пера
Им голову кружили.
Настигнут был беглец. И вдруг
Их жертва убежала.
Глядят разбойники вокруг
И точат два кинжала.
Молчат они. Жуют табак.
Но близок страшный рок
Уже им слышен лай собак
И топот грубых ног
Стоят разбойники. Кругом
из окон из дверей
Подняв ужасный крик и гром
Толпа бежит людей.
Лови его! Держи его!
Кричат со всех сторон
И пули жикают по воздуху
Кувыркая ворон.
Идут разбойники Техасом
По траве идут они.
Вдруг звучит команда басом:
Стой ребята отдохни!

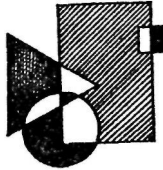
<1934–1935>

В прошлом году я был на ёлке у своих приятелей и подруг. Было очень весело.

На ёлке у Яшки – играл в пятнашки, на ёлке у Шурки – играл в жмурки, на ёлке у Нинки – смотрел картинки, на ёлке у Володи – плясал в хороводе, на ёлке у Лизаветы – ел шоколадные конфеты, на ёлке у Павлуши – ел яблоки и груши.

А в этом году пойду на ёлку в школу – там будет ещё веселее.

Ваня Мохов
<1935?>

Первая половина 1930-х

453

Дремлет стол скамья и стул
Дремлет шкаф, сундук и печь
И Петров свечу задул
И глядит куда-бы лечь.

Ай Петров Петров Петров
Лучше стой всю ночь стоймя
Если шуба твой покров,
То постель тебе скамья.

454

Иван Петрович падал в воду.
Упал, исчез, но нет, пока
Виднелись там всему народу
Затылок, руки и бока

455

Я: На стакан с водою глядя
Я задумчиво жевал
Супротив меня мой дядя
К брюкам кнопку пришивал

Все: К брюкам кнопку пришивал.

Я:

456

Наша новая страна
новой радостью полна
Не успеешь оглянуться
Понесёт тебя волна

457

Стоит за дверью мой лакей
С цветочком на носу
Неси мне завтрак поскорей
Извольте принесу

458

Одна минута пробежала
Раздался в замке страшный крик
Стальное лезвие кинжала
Его повергло в этот миг.

459

седьмого мая был прекрасный день
деревья в мелких листиках уже
бросали тень
весёлый шум летел со скотного двора.
стояла в воздухе жара.

460

Так я молил твоей любви
Смеялся пел и плакал горько,
Но ты за все мои мольбы
Мне обещала дружбу только.

Эх, голубка, песень ваша
Не звучала много лет
Эх, голубка! Эх, мамаша!
Спели б вы для нас куплет.

Середина 1930-х

462

Мне стариков медлительный рассказ противен
Пока тягучее скрипит повествование
Начало фразы в памяти бледнеет
И всё что будет наперёд уму понятно
Старик всегда, особенно разинув рот,
Пытается ненужную фамилию припомнить
То спотыкается на букву ы,
То выпучив глаза – молчит
И кажется, что он способен задохнуться.
То вдруг подхваченный потоком старческого
вдохновенья
Летит вперёд местоименьями пересыпая речь
Уже давно «они» кого то презирают,
Кому то шлют письмо, флакон духов и деньги
Старик торопится и гневно морщит брови
А слушатель не знает кто «они».

463

В окно гляжу на суету людскую
И думаю: зачем спешить
В покое сладостном тоскую –
Мне право так приятней жить.

464

Возьмите незабудку
На память обо мне.
Тогда собачью будку
Увидите во сне.

А в будке человечки
На лавочке сидят
Огонь играет в печке
И искры вверх летят.

465

Мы забрались в траву и оттуда кричим:
Астроном! Астроном! Астроном!
Он стоит на крыльце с телескопом в руках,
С телескопом в руках на крыльце.
И глядит с удивленьем вперёд и назад,
И глядит с удивленьем вперёд и назад,
И глядит с удивленьем вперёд.

Мы кричим: посмотри! Мы кричим: посмотри!
Посмотри, астроном, в телескоп!
Он обводит глазами таинственный сад,
Телескоп за подставку берет
И глядит с удивленьем вперёд и назад
И глядит с удивленьем вперёд и назад
И глядит с удивленьем вперёд.

466

Говорят, скоро всем бабам обрежут задницы и пустят
их гулять по Володарской.

Это не верно! Бабам задниц резать не будут.

467. О наших гостях

Наши гости все различные: у одного, например, щека такая, что хуже не придумаешь. А то ходит к нам одна дама, так она, просто смешно даже сказать, на что похожа. И поэт ходит к нам один: весь в волосах и всегда чем-то встревожен. Умора! А то ещё один инженер ходит, так он однажды у нас в чаю какую-то дрянь нашел. А когда гости у нас очень уж долго засидятся, я их просто вон гоню. Вот и всё тут...

468

Однажды Антон Бобров сел в автомобиль и поехал в город.

Автомобиль наскочил на ломаные грабли.

Лопнула шина.

Антон Бобров сел на кочку возле дороги и задумался.

Вдруг что-то сильно ударило Антона Боброва по голове.

Антон Бобров упал и потерял сознание.

469

Один толстый человек придумал способ похудеть. И похудел. К нему стали приставать дамы, спрашивая его, как он добился того, что похудел. Но похудевший отвечал дамам, что мужчине худеть к лицу, а дамам не к лицу, что, мол, дамы должны быть полными. И он был глубоко прав.

<Март, середина 1930-х>

470

Человек с глупым лицом съел антрекот, икнул и умер. Официанты вынесли его в корридор, ведущий к кухне, и положили его на пол вдоль стены, прикрыв грязной скатертью.

471

Дни летят как ласточки
А мы летим как палочки
Часы стучат на полочке
А я сижу в ермолочке
А дни летят как рюмочки
А мы летим как ласточки
Сверкают в небе лампочки,
А мы летим как звездочки.

472

Дорогой начальник денег
Надо в баню мне сходить.
Но, без денег, даже веник
Не могу себе купить.

473

И не спасет тогда супруга
В безумной ревности своей
Ни ласки милого досуга
Ни сладкой праздности моей.

474

В этом ящике железном
есть и булка есть и хлеб
было б делом бесполезным
их оставить на столеб.
ибо крысы ибо мыши
ибо разные скоты
по законам данным свыше
съели б всё без красоты
и в укусах кумачёвых
все изъедены в клопах

всё семейство Ювачёвых-бы
осталось на бобах
Но не это важно. Мне ведь
надо рифмой заманя
так устроить что бы в девять
разбуди – ли вы меня.

475

Лес, в лесу собака скачет,
Твердой лапой с твёрдым когтем
на коре прямой сосны
ставит знак.
И если волки бродят стаями
и лижут камни спящие во мху
и ветер чёрными носами обнюхивают
Собака поднимает шерсть и воет
и на врага ворчит и пятится.

476

Вот, Леночка, – сказала тётя, – я ухожу, а ты оставайся
дома и будь умницей: не таскай кошку за хвост, не
насыпай в столовые часы манной крупы, не качайся на
лампе и не пей химических чернил. Хорошо?

– Хорошо, – сказала Леночка, беря в руки большие
ножницы.

– Ну вот, – сказала тётя, – я приду часа через два и
принесу тебе мятных конфет. Хочешь мятных конфет?

– Хочу, – сказала Леночка, держа в одной руке боль-
шие ножницы, а в другую руку беря со стола салфетку.

– Ну, до свидания, Леночка, – сказала тётя и ушла.

– До свиданья! До свиданья! – запела Леночка, рас-
сматривая салфетку. Тётя уже ушла, а Леночка всё про-
должала петь.

– До свиданья! До свиданья! – пела Леночка – До сви-
данья, тётя! До свиданья, четырёхугольная салфетка!

С этими словами Леночка заработала ножницами.

– А теперь, а теперь, – запела Леночка, – салфетка стала круглой! А теперь – полукруглой! А теперь стала маленькой! Была одна салфетка, а теперь стало много маленьких салфеток!

Леночка посмотрела на скатерть.

– Вот и скатерть тоже одна! – запела Леночка. – А вот сейчас их будет две! Теперь стало две скатерти! А теперь три! Одна большая и две поменьше! А вот стол всего один!

Леночка сбегала на кухню и принесла топор.

– Сейчас из одного стола мы сделаем два! – запела Леночка и ударила топором по столу. Но сколько Леночка ни трудилась, ей удалось только отколоть от стола несколько щепок.

477

Вот однажды один человек по фамилии Петров надел валенки и пошёл покупать картошку. А за ним следом наш художник Трёхкапейкин пошёл.

Идёт художник за Петровым и его ноги на бумажку зарисовывает.

Вот Петров по улице идёт и на собак смотрит.

Вот Петров бегом к трамвайной остановке бежит.

А вот Петров в трамвае на скамейке сидит.

А вот он из трамвая вылез и даже танцевать начал. «Эх, – кричит, – хорошо прокатился!»

А вот он купил картошку и понёс её домой. Шёл шёл и вдруг упал. Хорошо ещё, что картошку не рассыпал!

Вот Петров стоит и художнику Трёхкапейкину говорит: «Я, – говорит, – картошку больше капусты люблю. Я её с подсолнечным маслом ем».

478

Был Володя на ёлке. Все дети плясали, а Володя был такой маленький, что ещё даже и ходить-то не умел.

Посадили Володю в креслице.

Вот Володя увидел ружьё: «Дай! Дай!» – кричит. А что «дай», сказать не может, потому что он такой маленький, что говорить-то ещё не умеет.

А Володе всё хочется: аэроплана хочется, автомобиля хочется, зелёного крокодила хочется. Всего хочется!

«Дай! Дай!» – кричит Володя.

Дали Володе погремушку.

Взял Володе погремушку и успокоился.

Все дети пляшут вокруг ёлки, а Володя сидит в креслице и погремушкой звенит.

Очень Володе погремушка понравилась!

479

В пионер-лагере живут два приятеля Коля Кокин и Ваня Мокин. Коля Кокин сильный, здоровый и бодрый, лучший физкультурник лагеря. Ваня слабый и хилый, не любит физкультуры. В целом ряде случаев Ваня Мокин попадает в смешные и глупые положения из-за своей слабости и неловкости. Ваня ленив; он хотел бы стать сильным сразу.

Благодаря одному научному, фантастическому изобретению Ваня становится необычайно сильным. Падающая ему на голову балка разбивается вдребезги без ущерба для него. Он может рукой остановить поезд и т. д.

Неожиданно, когда он вызывает своего приятеля Колю на борьбу, – эта сила кончается. Но теперь Ваня, узнав ощущение сильного человека, начинает заниматься физкультурой.

480

Я шёл по Жуковской улице. Вот дом, который мне нужен. Тут живёт мой приятель. Я уже давно собирался зайти к нему, но так как у него нет телефона, а мне не хотелось притти и не застать его дома, то я всё откладывал свой визит. Сегодня я наконец решил.

Приятеля моего зовут Антон Антонович Козлов.

481

Однажды Семёнов пошёл гулять. День был очень жаркий и потому Семёнов решил искупаться в реке.

Семёнов гулял очень долго, наконец устал и сел на травку, возле речки, чтобы отдохнуть.

День был жаркий и Семёнов решил выкупаться в реке.

482

Квартира состояла из двух комнат и кухни.

В одной комнате жил Николай Робертович Смит, а в другой Иван Игнатьевич Петров.

Обыкновенно Петров заходил к Смицу и у них началась беседа. Говорили о разных вещах, иногда рассказывали друг другу о прошлом, но больше говорил Петров, Смит в это время курил и что ни будь делал, либо чистил свои ногти, либо разбирал старые письма, либо мешал кочергой в печке.

Петров ходил всегда в коричневом пиджаке, и концы галстука болтались у него во все стороны. Смит был аккуратен; ходил он в коротких клетчатых штанах и носил крахмальные воротнички.

483. Происшествие в трамвае

Ляпунов подошёл к трамваю, Ляпунов подошёл к трамваю. В трамвае сидел Сорокин, в трамвае сидел Сорокин.

Сорокин купил электрический чайник и ехал домой к жене. Купил электрический чайник и ехал Домой.

В трамвае жарко, не смотря на то, что окна и двери открыты. Не смотря на то, что открыты. Сорокин купил электрический чайник.

Нам бы не хотелось затрагивать чьих либо имён, потому что имена, которые мы могли бы затронуть, принадлежат столь незначительным особам, что нет никакого смысла поминать их тут, на страницах, предназначенных для чтения наших далёких потомков. Всё равно эти имена были бы к тому времени забыты и потеряли бы своё значение. Поэтому мы возьмём вымышленные имена и назовём своего героя Андреем Головым.

Наш герой только что переехал из Гусева переулка на Петроградскую сторону, и вот, в первую же ночь, проведённую им на новой квартире, ему приснился человек с лицом Тантала.

Сначала сон был не страшный и даже весёлый, Андрей увидел себя на зелёной лужайке. Где то чирикали птицы и, кажется, по небу бежали маленькие облака. В дали Андрей увидел сосновую рощу и пошёл к ней. Тут, как бывает во сне, произошло что то непонятное, что Андрей, проснувшись, уже вспомнить не мог. Дальше Андрей помнил себя уже в сосновой роще. Сосны стояли довольно редко и небо было хорошо видно. Андрей видел, как по небу пролетела туча. Тут опять произошло что то непонятное, чего Андрей потом тоже не мог вспомнить. Андрей

485. Первое действие «Короля Лира», переложенное для вестников и жуков

---

*Тронная зала во дворце короля Лира.
Входят Кент, Глостер и Эдмунд.*

Кент – Мне казалось, что у короля сердце лежит больше к Альбини, а не к герцогу Корнуэллскому.

Глостер – Мне тоже так казалось, а вышло не так: при разделении королевства все получили по равной доле. Все равны. Никому предпочтения.

Кент – Это кто? (*указывая на Эдмунда*)

Эдмунд (*вздвигнув*) – Он указывает на меня.

Глостер – Это мой незаконный сын. Я раньше краснел, глядя на него, но теперь я привык. Больше не краснею, а раньше краснел.

Эдмунд – А я раньше не краснел, а теперь краснею.

Кент – А я никогда не краснел. Даже не знаю, как это так. Но тише, идёт король.

Входят Лир, Гонерилья, Регана и Корделия.

Лир – Король французский полон славы.

486

Каштанов – Лиза! Я вас умоляю. Скажите мне: кто вы?

Елизавета – Вы отстаните от меня или не отстаните?

Каштанов – Нет! Я не могу! не могу!

Елизав. – Чего вы не можете?

Кашт. – Лиза! Кто вы?

Елизав. – Да что вы привезались ко мне с идиотской фразой. Вы не знаете, кто я, что ли?

Кашт. – Незнаю! Незнаю!

<Середина 1930-х>

487

Григорьев (*ударя Семёнова по морде*): Вот вам и зима настала! Пора печи топить. Как по вашему?

Семёнов: По моему, если отнестись серьёзно к вашему замечанию, то, пожалуй, действительно пора затопить печку.

Григорьев (*ударя Семёнова по морде*): А как по вашему, зима в этом году будет холодная или тёплая?

Семёнов: Пожалуй, судя по тому, что лето было дождливое, зима будет холодная. Если лето дождливое, то зима всегда холодная.

Григорьев (*ударяя Семёнова по морде*): А вот мне никогда не бывает холодно!

Семёнов: Это совершенно правильно, что вы говорите, что вам не бывает холодно. У вас такая натура.

Григорьев (*ударяя Семёнова по морде*): Я не забну!

Семёнов: Ох!

Григорьев: (*ударяя Семёнова по морде*): Что ох?

Семёнов (*держась рукой за щеку*): Ох! Лицо болит!

Григорьев: Почему болит? (*и с этими словами хватя Семёнова по морде*)

Семёнов (*падая со стула*): Ох! Сам не знаю.

Григорьев (*ударяя Семёнова ногой по морде*): А у меня ничего не болит!

Семёнов: Я тебя, сукин сын, отучу драться! (*пробует встать*)

Григорьев (*ударяет Семёнова по морде*): Тоже учитель нашелся!

Семёнов (*валится на спину*): Сволочь паршивая!

Григорьев: Ну, ты, подбирай выражения полегче!

Семёнов (*сильясь подняться*): Я, брат, долго терпел. Но хватит. С тобой, видно, нельзя по хорошему. Ты, брат, сам виноват...

Григорьев (*ударяет Семёнова каблуком по морде*): Говори, говори! Послушаем!

Семёнов (*валится на спину*): Ох!

(*Входит Льянев*)

Льянев: Что это тут такое происходит?

488. Окунев ищет Лобарь

С самого утра Окунев бродил по улицам и искал Лобарь.

Это было нелегкое дело, потому что никто не мог дать ему полезных указаний.

489

Димитрий Петрович Амелованев родился в прошлом столетии в городе Б. Родители его, люди не богатые, вскоре после рождения сына умерли и малолетний Митя Амелованев остался круглой сиротой. Сначала приютил его дворник Николай.

490

Феодор Моисеевич был покороче, так его уложили спать на фисгармонию, зато Авакума Николаевича, который был черезвычайно длинного роста, пришлось уложить в передней на дровах. Феодор Моисеевич сразу же заснул и увидел во сне блох, а длинный Авакум Николаевич долго возился и пристраивался, но никак не мог улечься: то голова его попадала в корытце с каким то белым порошком, а если Авакум Николаевич подавался вниз, то распахивалась дверь и ноги Авакума Николаевича приходились прямо в сад. Провозившись пол ночи, Авакум Николаевич ошалел на столько, что перестал уже соображать, где находится его голова и где ноги, и заснул, уткнувшись лицом в белый порошок, а ноги выставив из дверей на свежий воздух.

Ночь прошла. Настало утро. Проснулись гуси и пришли в сад пощипать свежую травку. Потом проснулись коровы, потом собаки и, наконец, встала скотница Пелагея.

491

Меня спросили, как устроен автомобиль.

– Не знаю, – сказал я.

– Нет, всё-таки расскажите, как он устроен, – пристали ко мне.

– Не знаю, – сказал я, – отстаньте.

И действительно я совершенно не знаю, как устроен автомобиль.

Однако, меня в покое не оставили.

Однажды я гулял в Летнем Саду.

Вдруг ко мне подошёл мальчик и сказал:

– Дяденька, пойдёте вот сюда, я вам тут покажу.

Я пошёл за мальчиком. А мальчик потвёл меня к скамеечке, на которой сидело четыре здоровенных парня. Один из них показал мне кулак и сказал:

– Ну, рассказывай, как устроен автомобиль. А не то во!

Но я быстро убежал.

Вечером я собирался ложиться спать. Я подошёл к кровати и вдруг увидел, что под одеялом уже кто-то лежит. Я хотел закричать, но из-под одеяла выпрыгнул человек в коричневом пиджаке и с папироской в зубах.

– Я есть водопроводчик, – крикнул этот человек, – рассказывай, как устроен автомобиль!

Но я убежал и спрятался в кухне под стол.

На другой день всё было спокойно.

Но 1-го марта, как сейчас помню, я брал ванну. А ванна, надо сказать, у меня маленькая, железная и, чтобы вылить из неё воду, надо её просто опрокинуть.

Так вот вымылся я в ванне и опрокинул её, чтобы вылить воду. А из ванны вдруг вывалился человек.

Я с испуга чуть-чуть не съел мыло.

– Кто вы такой? – спросил я дрожащим голосом.

– Я наборщик, – сказал человек. – Нельзя вместе с водой из ванны выплёскивать наборщика. Но это всё к делу не относится. Я желаю знать, как устроен автомобиль.

С этими словами наборщик схватил меня за шиворот.

– Видите ли, – сказал я, – автомобиль устроен таким образом, что двигается при помощи двигателя.

– Знаю, – сказал наборщик. – А что же дальше?

– Главные части двигателя суть: карбюратор, цилиндры, магнето и коленчатый вал, – сказал я.

– Ничего не понял, – сказал наборщик.

– А я-то чем виноват, – сказал я.

Наборщик достал из кармана кусок бумаги и карандаш.

– Вот, – сказал он, – нарисуйте мне, как всё это выглядит.

– Хм, – сказал я и нарисовал.

– Так вот, – сказал я, – цилиндр закрыт со всех сторон, но наверху есть трубочка, по которой идёт в цилиндр смесь.

– А почему она туда идёт? – спросил наборщик.

– А потому, что её туда тянут или, как говорится, всасывают.

В цилиндре сделан поршень, как в насосе. Вот. Если поршень потянуть вниз, то поршень высосет из трубочки смесь.

– А почему? – спросил наборщик.

– Ну уж это вы, батенька, узнайте, как насос действует, тогда и это поймёте.

– Ну, хорошо, хорошо, понимаю, – сказал наборщик. – А дальше что?

– А дальше, когда поршень дойдёт до самого низу, трубочка наверху закроется. Значит, что же у нас получилось? Поршень внизу, трубочка, по которой вошла смесь, закрыта и цилиндр полон смеси. Вот.

Теперь давайте толкать поршень наверх. Поршень начнёт выталкивать смесь обратно. Но трубочка закрыта и смеси некуда уйти. Остается смеси только сжаться. И вот поршень поднимается наверх и сжимает смесь. Когда поршень дошёл почти до самого верха и сжал смесь, – смесь взрывается.

– А почему? – спросил наборщик.

– А потому, что её подожгли электрической искрой. Дело в том, что на крышке цилиндра вставлена фарфоровая пробка, а сквозь неё проходит электрический провод и кончики провода торчат в цилиндре. Если по проводу пустить электрический ток, то между кончиками провода в цилиндре проскачет искра. Эта искра и взорвёт смесь. Фарфоровая пробка называется свеча и помещается на цилиндре так:

Наборщик посмотрел на чертёж.

– Понимаю, – сказал он. – Дальше.

– Дальше, – сказал я, – вот что.

Смесь взрывается. Ей становится мало места. Она хочет разорвать цилиндр. Но стенки цилиндра очень прочные и не разрываются и только поршень летит вниз. И места для смеси становится больше. Теперь, когда поршень опять внизу, на крышке цилиндра открывается

другая трубочка. Если теперь толкать поршень вверх, то он выгонит всю смесь в эту вторую трубочку.

Вот я нарисовал цилиндр.

– Это не цилиндр, а квадрат, – сказал наборщик.

– Тыпфуты, – плюнул я.

– А вы не плюйтесь, – заметил наборщик.

– Фу ты, – сказал я. – Это не квадрат, а чертёж цилиндра. Вот я вам нарисую чертёж.

– Ну вот, это карбюратор, – сказал я. Тут смешивают бензин с воздухом.

– А зачем? – спросил наборщик, нахмутив брови.

– Ну как бы вам это сказать, – сказал я. – Автомобильный двигатель работает тем, что сгорает бензин.

– Ну! – мрачно сказал наборщик.

– Ну так вот, чтобы бензин лучше сгорал, его смешивают с воздухом. Ведь вы знаете, что без воздуха ничего не горит, а чтобы хорошо горело, надо побольше воздуха.

– Так, понятно, – сказал наборщик, закуривая трубку.

– Ну так вот, карбюратор и сделан для того, чтобы смешивать бензин с воздухом, – сказал я.

– А как же это делается? – спросил наборщик.

– А вот как: бензин из первого сосуда, по тоненькой трубочке, идёт во второй сосуд, открытый снизу. Тут бензин разбрасывается фонтаном вверх и по трубе бежит в цилиндры. Но так как второй сосуд снизу открыт, то бензин засасывает за собой воздух и по дороге в цилиндры смешивается с воздухом. И то, что попадает в цилиндры, называется не бензином, а «смесью».

Так, понятно, – сказал наборщик, – но что это за цилиндры?

– Цилиндры, – сказал я, – это сосуды с толстыми стенками, в них быстро сгорает смесь или даже, вернее, не сгорает а взрывается.

492

Однажды Коля и Нина играли в снежки.

– Вот, – сказал Коля, – ты, Нина, будешь крепостью, а я буду пушкой, и буду снежками в тебя стрелять.

- Хорошо, – сказала Нина, – но что же я буду делать?
– А ты, – сказал Коля, – будешь стоять на одном месте. Ведь ты крепость, а крепости не двигаются.
– Ерунда, – сказала Нина, – теперь нет больше крепостей. Я лучше буду танком, а ты будешь неприятельским маяком и я буду стрелять в тебя снежками.
– Нет, – сказал Коля, –

493

Купил я как-то карандаш, пришёл домой и сел рисовать. Только хотел домик нарисовать, вдруг меня тётя Саша зовёт. Я положил карандаш и пошёл к тётя Саше.

– Ты меня звала? – спросил я тётю.

– Да, – сказала тётя. – Вон смотри на стенке, таракан это или паук?

– По-моему, это таракан, – сказал я и хотел уйти.

– Да что ты! – крикнула тётя Саша. – Убей же его!

– Ладно, – сказал я и полез на стул.

– Ты возьми вот старую газету, – говорила мне тётя. – Поймай его газетой и в ванную под кран.

Я взял газету и потянулся к таракану. Но вдруг таракан щёлкнул и перепрыгнул на потолок.

– И-и-и-и-и-и! – завизжала тётя Саша и выбежала из комнаты.

Я и сам испугался. Я стоял на стуле и смотрел на чёрную точку на потолке. Чёрная точка медленно ползла к окну.

– Боря, ты поймал? Что же это такое? – спросила тётя из-за двери взволнованным голосом.

Тут я почему-то повернул голову и в ту же секунду соскочил со стула и отбежал на середину комнаты. На стене около того места, где я только что стоял, сидело ещё одно такое же непонятное насекомое, но больших размеров, длинной в полторы спички. Оно глядело на меня двумя чёрными глазками и шевелило маленьким ротиком, похожим на цветок.

– Боря, что с тобой!? – кричала из коридора тётя.

– Тут ещё одно! – крикнул я.

Насекомое смотрело на меня и дышало как воробей.

– Фу, какая гадость, – подумал я. Меня даже всего передёрнуло.

А что, если оно ядовитое? Я не выдержал и с криком кинулся к двери. Едва я запахнул дверь за собой, как в неё изнутри что-то с силой ударило.

– Вот оно, – сказал я, переводя дух. Тётушка уже бежала из квартиры.

– Я к себе в квартиру больше не войду! Не войду! Пусть делают, что хотят, но в квартиру я не войду! – кричала тётушка на лестнице собравшимся жильцам нашего дома.

– Да вы скажите, Александра Михайловна, что же это было? – спрашивал Сергей Иванович из 53-го номера.

– Не знаю, не знаю, не знаю! – кричала тётушка. Только так в дверь ударило, что пол и потолок затрясся.

– Это скорпион. У нас их на юге сколько угодно, – сказала жена адвоката со второго этажа.

– Да, но в квартиру я не пойду! – повторила тётя Саша.

– Гражданка! – крикнул человек в фиолетовых штанах, перегнувшись с верхней площадки. – Мы не обязаны ловить скорпионов в чужой квартире. Ступайте к управдому.

– Верно, к управдому! – обрадовалась жена адвоката.

Тётя Саша отправилась к управдому.

Сергей Иванович из 53-го номера сказал, уходя к себе в квартиру:

– Однако, это не скорпион. Во-первых, откуда здесь быть скорпиону, а во-вторых, скорпионы не прыгают.

494

I

Однажды лев, слон, жирафа, олень, страус, лось, дикая лошадь и собака поспорили, кто из них быстрее всех бежит.

Спорили, спорили и чуть было не подрались.

Услыхал Гриша Апельсинов, что звери спорят, и говорит им:

– Эх вы, глупые звери! Зря вы спорите! Вы лучше устройте состязание. Кто первый вокруг озера обежит, тот значит и бегаёт быстрее всех.

Звери согласились, только страус сказал, что он не умеет вокруг озера бегать.

– Ну и не бегай, – сказал ему лось.

– А вот побегу, – сказал страус.

– Ну и беги! – сказал жираф.

Звери выстроились в ряд, Гриша Апельсинов махнул флажком и звери побежали.

II

Лев несколько скачков сделал, устал и пошёл под пальмами отдохнуть.

Остальные звери дальше бегут. Впереди всех страус несётся, а за ним лось и жирафа.

Вот страус испугался, чтобы его жирафа и лось не обогнали, повернул к ним голову и крикнул:

– Эй, слушайте! Давайте из озера всю воду выпьем! Все звери вокруг озера побегут, а мы прямо по сухому дну поперёк побежим и раньше всех прибежим!

– А ведь верно! – сказали лось и жирафа, остановились и начали из озера воду пить.

А страус подумал про себя:

– Вот дураки! Пускай они воду пьют, а я дальше побегу.

И страус побежал дальше, да только забыл голову повернуть и, вместо того, чтобы вперёд бежать, побежал обратно.

III

А лось и жирафа пили пили, пили пили, наконец, жирафа говорит:

– Я больше не могу.

И лось говорит:

– Я тоже больше не могу.

Побежали они дальше, да уж быстро бежать не могут.

Так их от воды раздуло.

А слон увидел это и ну смеяться!

Стоит и смеётся! Стоит и смеётся!

А собаку по дороге блохи заели. Села она и давай чесаться!

Сидит и чешется! Сидит и чешется!

Так что первыми олень и дикая лошадь прибежали.

IV

А слон-то всё стоит и смеётся, стоит и смеётся!

V

А собака-то всё сидит и чешется, сидит и чешется!

VI

А жирафа-то всё бежит!

VII

А слон-то всё смеётся!

VIII

А собака-то всё чешется!

495. Заяц и Ёж

Однажды ёж оступился и упал в реку. Вода в реке была холодная и ёж очень озяб. Хотел ёж на солнце погреться, а погода была пасмурная, солнце было покрыто облаками.

Сел ёж на полянку и стал ждать, когда солнце из-за облаков выглянет.

Сидит ёж на полянке. С него вода капает. Холодно ему.

Вдруг видит – бежит по полянке заяц.

– Эй, заяц! – крикнул ёж. – Пойди-ка сюда!

Подошёл заяц к ежу и говорит:

– Ты чего меня звал?

– Вот, – говорит ёж, – я давно хотел с тобой поговорить. Все говорят, что ты трус. Как тебе не стыдно?

– Да ты что? – удивился заяц. – Зачем же ты меня обижаешь?

– Потому, – сказал ёж, – что ты трус и я хочу научить тебя, как храбрым стать.

– Я и без твоей помощи очень храбрый, – сказал заяц. – Я и так ничего не боюсь.

– Нет, – сказал ёж, – ты трус, а вот я...

Ёж вдруг замолчал, открыл рот, закрыл глаза и поднял голову.

Заяц посмотрел на ежа и испугался.

– Что это с ним? – подумал заяц. – Он, должно быть, сумасшедший!

Заяц прыгнул в сторону и спрятался в кусты.

А ёж дернул головой и вдруг чихнул: апчхи!

Потом ёж вытер лапкой нос, открыл глаза, посмотрел и видит: нету зайца.

– Вот так штука! – сказал ёж. – Куда же это он пропал? Эй, заяц, где ты?

А заяц сидит за кустом и молчит.

Ёж собрался домой пойти, но вдруг остановился, закрыл глаза, открыл рот, сначала немного, потом пошире, потом ещё шире и вдруг мотнул головой в сторону и громко чихнул: апчхи!

– Будьте здоровы! – сказал кто-то около ежа.

Ёж открыл глаза и увидел перед собой зайца.

– Где ты был? – спросил его ёж.

– Как, где был? – сказал заяц. – Нигде не был. Так всё тут и стоял.

– Не может быть, – сказал ёж, – я тебя не видел. Я тебя даже крикнул, а ты...

Ёж вдруг замолчал, вытянул вперёд свой нос, потом поднял его кверху, потом поднял его ещё выше, потом ещё выше, потом зажмурил глаза, поднял нос ещё выше и вдруг опустил его к самой земле и громко чихнул: апчхи!

– У меня, кажется, начинается насморк, – сказал ёж, открывая глаза. И вдруг увидел, что заяц опять исчез.

Ёж посмотрел кругом и почесал лапкой затылок.

– Нет, – сказал ёж. – Этот заяц просто... ап... ап... апчхи! – чихнул ёж.

– Исполнение желаний! – сказал кто-то около ежа.

Ёж открыл глаза и увидел зайца.

– Да что же это такое? – сказал ёж, пятясь от зайца.

– А что? – спросил заяц.

– Послушай, – сказал ёж, – ты всё время был тут?

– Да, – сказал заяц, – я всё время тут стоял.

– Тогда я ничего не понимаю! – сказал ёж. – То ты исчезаешь, то опять... ап... ап... ап... апчхи!

Ёж осторожно открыл один глаз, но сейчас же закрыл его и открыл другой. Зайца не было.

– Он опять исчез! – сказал тихо ёж, открывая оба глаза.

– Это не заяц, а просто... ап... ап... ап... апчхи!

– Будьте здоровы! – сказал заяц над самым ухом ежа.

– Караул! Спасите! – закричал ёж, сворачиваясь шариком и выставляя во все стороны свои острые иголки.

– Ты чего кричишь? – спросил заяц.

– Отстань! – закричал ёж. – Я на тебя смотреть боюсь! Ты всё время исчезаешь! Я ничего не понимаю! Уходи прочь!

– Подожди, – сказал заяц, – ты хотел научить меня как храбрым стать.

И с этими словами заяц опять прыг в кусты.

– Чтобы стать храбрым, – сказал ёж, высовывая мордочку, но вдруг увидел, что заяц опять исчез.

– Ай-ай-ай! Опять... апчхи! опять исчез! – закричал ёж и кинулся бежать.

Бежит ёж, остановится, чихнёт и дальше бежит. Чихнёт и опять бежит.

А заяц выскочил из кустов и давай смеяться.

– Ха-ха-ха! – смеётся заяц. – Вот храбрец нашёлся! меня храбрости учить хотел! Ха-ха-ха!

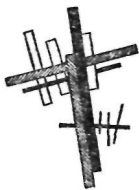
Вот какую историю рассказал мне мой знакомый дрозд.

Он сам это всё видел. Потому что невдалеке на дереве сидел.

496

Но художник усадил натурщицу на стол и раздвинул её ноги. Девушка почти не сопротивлялась и только закрыла лицо руками. Амонова и Страхова сказали, что прежде следовало-бы девушку отвести в ванну и вымыть ей между ног, а то нюхать подобные ароматы просто противно. Девушка хотела вскочить, но художник удержал её и просил, не обращая внимания, сидеть так, как он её посадил. Девушка, не зная, что ей делать, села обратно. Художник и художницы расселись по своим местам и начали срисовывать натурщицу. Петрова сказала, что натурщица очень соблазнительная женщина, но Страхова и Амонова заявили, что она слишком полна и неприлична. Золотогромов сказал, что это и делает её соблазнительной, но Страхова сказала, что это просто противно, а вовсе не соблазнительно. «Посмотрите, – сказала Страхова. – Фи! Из неё так и льется на скатерть. Чего уж тут соблазнительного, когда я отсюда слышу, как от нее пахнет». Петрова сказала, что это показывает только её женскую силу. Абельфар покраснела и согласилась. Амонова сказала, что она ничего подобного не видела, что надо дойти до высшей точки возбуждения и то так не польётся, как у этой девушки. Петрова сказала, что глядя на это, можно и самой возбудиться и что Золотогромов, должно быть, уже возбуждён. Золотогромов сознался, что девушка сильно на него действует. Абельфар сидела красная и тяжело

дышала. «Однако, воздух в комнате делается невыносимым!» – сказала Страхова. Абельфар ерзала на стуле, потом вскочила и вышла из комнаты. «Вот, – сказала Петрова, – вы видите результат женской соблазнительности. Это действует даже на дам. Абельфар пошла поправится. Чувствую, что и мне скоро придется сделать то же самое». «Вот, – сказала Амонова, – наше преимущество худеньких женщин. У нас всегда всё в порядке. А вы и Абельфар пышные дамочки и вам приходится много следить за собой». «Однако, – сказал Золотогромов, – пышность и некоторая нечистоплотность именно и ценится в женщине!»

497. Подслушанный мною спор Золотых Сердец о бешемели

Мчался поезд будто с гор
В окна воздуха шумели.
Вдруг я слышу разговор
Бурный спор о бешемели.

Ночь. Не видно мне лица
Только слышно мне по звуку
Золотые всё сердца!
Я готов подать им руку.

Я поднялся, я иду.
Я качаюсь по вагону.
Если я не упаду
Я найду их, но не трону.

Вдруг исчезла темнота
В окнах станция мелькнула
В грудь проникла теснота
В сердце прыгнула акула.

Заскрипели тормоза
Прекратив колёс погони.
Я гляжу во все глаза
Я один в пустом вагоне.

Мне не слышно больше слов
О какой-то бешемели.
Вдруг опять как среди лесов
Ветры в окна зашумели

И вагоны закрипел
Понеслись. Потух огонь.
Мчится поезд, будто лев
Убегают от погонь.

18 февр<аля> 1936

498. История дерущихся

Алексей Алексеевич подмял под себя Андрея Карловича и, набив ему морду, отпустил его.

Андрей Карлович, бледный от бешенства, кинулся на Алексея Алексеевича и ударил его по зубам.

Алексей Алексеевич, не ожидая такого быстрого нападения, повалился на пол, а Андрей Карлович сел на него верхом, вынул у себя изо рта вставную челюсть и так обработал ею Алексея Алексеевича, что Алексей Алексеевич поднялся с полу с совершенно искалеченным лицом и рваной ноздрей. Держась руками за лицо, Алексей Алексеевич убежал.

А Андрей Карлович протер свою вставную челюсть, вставил ее себе в рот, пощелкал зубами и, убедившись, что челюсть пришлась на место, осмотрелся вокруг и, не видя Алексея Алексеевича, пошел его разыскивать.

15 марта 1936 года

499. Тигр на улице

Я долго думал откуда на улице взялся тигр.
Думал-думал,
Думал-думал,
Думал-думал,
Думал-думал,

В это время ветер дунул,
И я забыл, о чем я думал.

Так я и не знаю, откуда на улице взялся тигр.

Карл Иванович Шустерлинг
<1936>

500

В. Буш

ПЛИХ и ПЛЮХ

Глава первая

Каспар Шлих, куря табак,
Нес под мышкой двух собак.

«Ну! – воскликнул Каспар Шлих, –
Прямо в речку брошу их!»

Хоп! взлетел щенок дугой,
Плих! и скрылся под водой.

Хоп! взлетел за ним другой
Плюх! и тоже под водой.

Шлих ушел, куря табак;
Шлиха нет, и нет собак.

Вдруг из леса, точно ветер,
Вылетают Пауль и Петер,
И тотчас же с головой
Исчезают под водой.
Не прошло и двух минут,
Оба к берегу плывут,
Вылезают из реки,
А в руках у них щенки.

Петер крикнул: «Это мой!»
Пауль крикнул: «Это мой!»
«Ты будь Плихом!»
«Ты будь Плюхом!»
«А теперь бежим домой!»
Петер, Пауль, Плих и Плюх
Мчатся к дому во весь дух.

Глава вторая

Папа Фиттих рядом с мамой,
Мама Фиттих рядом с папой,
На скамеечке сидят,
Вдаль задумчиво глядят.

Вдруг мальчишки прибежали
И со смехом закричали:
«Познакомьтесь: Плюх и Плих!
Мы спасли от смерти их!»

«Это что ещё за штуки?» –
Грозно крикнул папа Фиттих.
Мама взяв его за руки,
Говорит: «Не надо бить их!»
И к столу детей ведёт.
Плих и Плюх бегут вперёд.

Что такое?
Что такое?
Где похлёбка?
Где жаркое?

Две собаки Плюх и Плих
Съели всё за четверых.

Каспар Шлих, куря табак,
Увидал своих собак.
«Ну! – воскликнул Каспар Шлих, –
Я избавился от них!»

Бросил в речку их на дно,
А теперь мне всё равно!»

Глава третья

Ночь.
Луна.
Не дует ветер.
На кустах не дрогнет лист.

Спят в кроватях
Пауль и Петер,
Слышен только
Храп и свист.

Плих и Плюх
Сидели тихо,
Но, услыша
Свист и храп,

Стали вдруг
Чесаться лихо
С громким стуком
Задних лап.

Почесав
зубами спины
И взглянув
с тоской вокруг,
На кровати
Под перины
Плих и Плюх
Полезли вдруг.

Тут проснулись оба брата
И собак прогнали прочь.
На полу сидят щенята.
Ах, как долго длится ночь!

Скучно без толку слоняться
Им по комнате о пять, –
Надо чем-нибудь заняться,
Чтобы время скоротать.

Плих штаны зубами тянет,
Плюх играет сапогом.

Вот и солнце скоро встанет.
Посветлело всё кругом.

«Это что ещё за штуки!» –
Утром крикнул папа Фиттих.

Мама, взяв его за руки,
Говорит: «Не надо бить их!
Будь хорошим.
Не сердись.
Лучше завтракать садись!»

Светит солнце.
Дует ветер.
А в саду,
Среди травы,
Стали рядом
Пауль и Петер.
Полюбуйтесь каковы!

Грустно воют Плюх и Плих,
Не пускают цепи их.

Плих и Плюх в собачьей будке
Арестованы на сутки.

Каспар Шлих, куря табак,
Увидал своих собак.
«Ну! – воскликнул Каспар Шлих, –
Я избавился от них!
Бросил в речку их, на дно,
А теперь мне всё равно!»

Глава четвертая

Мышку, серую плутовку,
Заманили в мышеловку.

Эй, собаки,
Плюх и Плих!
Вот вам завтрак на двоих!

Мчатся псы и лают звонко;
Ловят быстрого мышонка,
А мышонок не сдаётся,
Прямо к Паулю несётся.
По ноге его полез
И в штанах его исчез.

Ищут мышку Плюх и Плих,
Мышка прячется от них.

Вдруг завыл от боли пёс,
Мышь вцепилась Плюху в нос!
Плих на помощь подбегает,
А мышонок прыг назад,

Плиха за ухо хватает
И к соседке мчится в сад.

А за мышкой во весь дух
Мчатся с лаем Плих и Плюх.

Мышь бежит,
За ней собаки.
Не уйти ей от собак.
На пути
Левкой,
Маки,
Георгины
И табак.

Псы рычат
И громко воют,
И ногами
Землю роют,
И носами
Клумбу роют,
И рычат,
И громко воют.

В это время Паулина,
Чтобы кухню осветить,
В лампу кружку керосина
Собиралась перелить,

Вдруг в окошко поглядела
И от страха побледнела,
Побледнела,
Задрожала,
Закричала:
«Прочь скоты!
Всё погибло.
Всё пропало.
Ах, цветы, мои цветы!»

Гибнет роза,
Гибнет мак,
Резеда и георгин!

Паулина на собак
Выливает керосин.
Керосин
Противный,
Жгучий,
Очень едкий
И вонючий!

Воют жалобно собаки,
Чешут спины
И бока.
Топчут розы,
Топчут маки,
Топчут грядки табака.

Громко взвизгнула соседка
И, печально крикнув: «У-у-у!»,
Как надломленная ветка,
Повалилась на траву.

Каспар Шлих, куря табак,
Увидал своих собак,
И воскликнул Каспар Шлих:
«Я избавился от них!
Я их выбросил давно,
И теперь мне всё равно!»

Глава пятая

Снова в будке Плюх и Плих.
Всякий скажет вам про них:
«Вот друзья, так уж друзья!
Лучше выдумать нельзя!»

Но известно, что собаки
Не умеют жить без драки.

Вот в саду, под старым дубом,
Разодрались Плих и Плюх.

И помчались друг за другом
Прямо к дому во весь дух.

В это время мама Фиттих
На плите пекла блины.
До обеда покормить их
Просят маму шалуны.

Вдруг из двери мимо них
Мчатся с лаем Плюх и Плих.

Драться в кухне мало места:
Табурет, горшок и тесто
И кастрюля с молоком
Полетели кувырком.

Пауль кнутиком взмахнул,
Плиха кнутиком стегнул.
Петер крикнул:
«Ты чего
Обижаешь моего?
Чем собака виновата?»
И кнутом ударил брата.
Пауль тоже рассердился,
Быстро к брату подскочил,
В волоса его вцепился
И на землю повалил.

Тут примчался папа Фиттих
С длинной палкою в руках.
«Ну, теперь я буду бить их!»
Закричал он впопыхах.

«Да, – промолвил Каспар Шлих, –
Я давно побил бы их.
Я побил бы их давно!
Мне-то, впрочем, всё равно!»

Папа Фиттих на ходу
Вдруг схватил сковороду,
И на Шлиха блин горячий
Нахлобучил на ходу.

«Ну, – воскликнул Каспар Шлих, –
Пострадал и я от них.
Даже трубка и табак
Пострадали от собак!»

Глава шестая

Очень, очень, очень, очень
Папа Фиттих озабочен...
«Что мне делать? – говорит. –
Голова моя горит.
Петер – дерзкий мальчуган,
Пауль – страшный грубиян,

Я пошлю мальчишек в школу,
Пусть их учит Бокельман!»

Бокельман учил мальчишек,
Палкой по столу стучал,

Бокельман ругал мальчишек
И как лев на них рычал.

Если кто не знал урока,
Не умел спрягать глагол, –

Бокельман того жестоко
Тонкой розгою порол.

Впрочем, это очень мало
Иль совсем не помогало,
Потому что от битья
Умным сделаться нельзя.
Кончив школу кое-как,
Стали оба мальчугана
Обучать своих собак
Всем наукам Бокельмана.
Били, били, били, били,
Били палками собак,
А собаки громко выли,
Но не слушались никак.

«Нет, – подумали друзья, –
Так собак учить нельзя!
Палкой делу не помочь!
Мы бросаем палки прочь».

И собаки в самом деле
Поумнели в две недели.

Глава седьмая и последняя

Англичанин мистер Хопп
Смотрит в длинный телескоп.

Видит горы и леса
Облака и небеса,

Но не видит ничего,
Что под носом у него.
Вдруг о камень он споткнулся,
Прямо в речку окунулся.

Шел с прогулки папа Фиттих,
Слышит крики: «Караул!»
«Эй, – сказал он, – посмотрите,
Кто-то в речке утонул».

Плих и Плюх помчались сразу,
Громко лая и визжа.
Видят – кто-то долговязый
Лезет на берег дрожа.

«Где мой шлем и телескоп?»
Воскликает мистер Хопп.

И тотчас же Плих и Плюх
По команде в воду бух!
Не прошло и двух минут,
Оба к берегу плывут.

«Вот мой шлем и телескоп!»
Громко крикнул мистер Хопп
И прибавил: «Это ловко!
Вот что значит дрессировка!
Я таких собак люблю,
Я сейчас же их куплю.
За собачек сто рублей
Получите поскорей!»

«О! – воскликнул папа Фиттих, –
Разрешите получить их!»

«До свиданья! До свиданья!
До свиданья, Плюх и Плих!»
Говорили Пауль и Петер,
Обнимая крепко их.

«Вот на этом самом месте
Мы спасли когда-то вас,
Целый год мы жили вместе,
Но расстанемся сейчас».

Каспар Шлих, куря табак,
Увидал своих собак.
«Ну и ну! – воскликнул о н , –
Сон ли это, иль не сон?
В самом деле, как же так?
Сто рублей за двух собак!
Мог бы стать я богачом,
А остался не при чём».

Каспар Шлих ногою топнул,
Чубуком о землю хлопнул,
Каспар Шлих рукой махнул –
Бух!
И в речке утонул.

Трубка старая дымится,
Дыма облачко клубится.
Трубка гаснет наконец.
Вот и повести

конец.

1936

501. Мы спешим сегодня в школу

На стене часы у нас
Прозвонили восемь раз.
В это время я проснулся
И глаза открыл как раз.
Я проснулся –
И тотчас же
В брюки сунул две ноги.
Потянулся –
И тотчас же
Прыгнул прямо в сапоги!

А потом схватил рубашку,
Сунул руки в рукава,
Сунул голову в рубашку,
Но застряла голова.
Наконец, надев рубашку,
Я на улицу бегу,
А тужурку и фуражку
Надеваю на ходу.
Я фуражку
И тужурку
Надеваю
На ходу,
Потому что
День
Сегодня
Самый
Лучший
День
В году.
Потому что
День сегодня
Самый лучший день в году,
Потому что
Я сегодня
В школу
В первый раз бегу.
Я войду сегодня в школу,
Прямо в школу
В первый раз!
Я войду –
Часы ударят
В колокольчик девять раз.
Эй вы, люди, расступитесь!
Пропустите, люди, нас!
Мы бежим сегодня в школу,
Прямо в школу –
В первый класс!

Даниил Хармс
<1936>

502. Вариации

Среди гостей, в одной рубашке
Стоял задумчиво Петров
Молчали гости. Над камином
Железный градусник висел
Молчали гости. Над камином
Висел охотничий рожок.
Петров стоял. Часы стучали
Трещал в камине огонёк.
И гости мрачные молчали.
Петров стоял. Трещал камин.
Часы показывали восемь.
Железный градусник сверкал
Среди гостей, в одной рубашке
Петров задумчиво стоял
Молчали гости. Над камином
Рожок охотничий висел.
Часы таинственно молчали.
Плясал в камине огонёк
Петров садумчиво садился
На табуретку. Вдруг звонок
В прихожей бешенно залился,
И щёлкнул английский замок.
Петров вскочил, и гости тоже
Рожок охотничий трубит
Петров кричит: «О Боже, Боже!»
И на пол падает убит.
И гости мечутся и плачат
Железный градусник трясут
Через Петрова с криком скачат
И в двери страшный гроб несут.
И в гроб закупорив Петрова
Уходят с криками: «готово».

15 августа 1936 года

503. Что теперь продают в магазинах

Коратыгин пришел к Тикакееву и не застал его дома. А Тикакеев в это время был в магазине и покупал там сахар, мясо и огурцы.

Коратыгин потолкался возле дверей Тикакеева и собрался уже писат<ь> записку, вдруг смотрит, идет сам Тикакеев и несет в руках клеенчатую кошолку.

Коратыгин увидел Тикакеева и кричит ему:

– А я вас уже целый час жду!

– Неправда, – говорит Тикакеев, – я всего 25 минут как из дома.

– Ну, уж этого я не знаю, – сказал Коратыгин, – а только я тут уже целый час.

– Не врите! – сказал Тикакеев. – Стыдно врать.

– Милостивейший государь! – сказал Коратыгин. – Постарайтесь выбрать выражения.

– Я считаю... – начал было Тикакеев, но его перебил Коратыгин:

– Если вы считаете... – сказал он. Но тут Коратыгина перебил Тикакеев и сказал:

– Сам-то ты хорош!

Эти слова так взбесили Коратыгина, что он зажал пальцем одну ноздрю, а другой ноздрей сморкнулся в Тикакеева.

Тогда Тикакеев выхватил из кошолки самый большой огурец и ударил им Коратыгина по голове.

Коратыгин схватился руками за голову, упал и умер.

Вот какие большие огурцы продают теперь в магазинах!

19 августа 1936 года

504. СОН двух черномазых ДАМ

Две дамы спят, а впрочем нет,
Не спят они, а впрочем нет,
Конечно спят и видят сон,
Как будто в дверь вошёл Иван
А за Иваном управдом

Держа в руках Толстого том
«Война и Мир» вторая часть...
А впрочем нет, совсем не то
Вошёл Толстой и снял пальто
Калоши снял и сапоги
И крикнул: Ванька помоги!
Тогда Иван схватил топор
И трах Толстого по башке.
Толстой упал. Какой позор!
И вся литература русская в ночном горшке.

19 авг<уста> 1936 г.

505. Судьба жены профессора

Однажды один профессор съел чего то, да не то, и его начало рвать.

Пришла его жена и говорит: «Ты чего?» А профессор говорит: «ничего». Жена обратно ушла.

Профессор лег на атаманку, полежал, отдохнул и на службу пошел.

А на службе ему сюрприз, жалование скостили: вместо 650 руб. всего только 500 оставили.

Профессор туда-сюда – ничего не помогает. Профессор к директору, а директор его в шею. Профессор к бухгалтеру, а бухгалтер говорит: «Обратитесь к директору». Профессор сел на поезд и поехал в Москву.

По дороге профессор схватил грипп. Приехал в Москву, а на платформу вылезти не может.

Положили профессора на носилки и отнесли в больницу.

Пролежал профессор в больнице не более четырех дней и умер.

Тело профессора сожгли в крематории, пепел положили в баночку и послали его жене.

Вот жена профессора сидит и кофе пьет. Вдруг звонок. Что такое? «Вам посылка».

Жена обрадовалась, улыбается во весь рот, почтальёну полтинник в руку сует и скорее посылку распечатывает.

Смотрит, а в посылке баночка с пеплом и записка: «Вот всё, что осталось от Вашего супруга».

Жена ничего понять не может. Трясет баночку, на свет ее смотрит, записку шесть раз прочитала, наконец сообразила, в чем дело, и страшно расстроилась.

Жена профессора очень расстроилась, поплакала часа три и пошла баночку с пеплом хоронить. Завернула она баночку в газету и отнесла в сад имени I-ой Пятилетки, б. Таврический.

Выбрала жена профессора алейку поглуше и только хотела баночку в землю зарыть, вдруг идет сторож.

– Эй! – кричит сторож, – ты чего тут делаешь?

Жена профессора испугалась и говорит:

– Да вот хотела лягушек в баночку наловить.

– Ну, – говорит сторож, – это ничего, только смотри, по траве ходить воспрещается.

Когда сторож ушел, жена профессора зарыла баночку в землю, ногой вокруг притоптала и пошла по саду погулять.

А в саду к ней какой-то матрос пристал. Пойдем да пойдем, говорит, спать. Она говорит: «Зачем же днем спать?» А он опять свое: спать да спать.

И действительно, захотелось профессорше спать.

Идет она по улицам, а ей спать хочется. Вокруг люди бегают какие то синие да зеленые, а ей всё спать хочется.

Идет она и спит. И видит сон, буд-то идет к ней навстречу Лев Толстой и в руках ночной горшок держит. Она его спрашивает: «Что же это такое?» А он показывает ей пальцем на горшок и говорит:

– Вот, – говорит, – тут я кое-что наделал, и теперь несु всему свету показывать. Пусть, – говорит, – все смотрят.

Стала профессорша тоже смотреть и видит, буд-то это уже не Толстой, а сарай, а в сарае сидит курица.

Стала профессорша курицу ловить, а курица забилась под диван и от туда уже кроликом выглядывает.

Ползла профессорша за кроликом под диван и проснулась.

Проснулась, смотрит: действительно, лежит она под диваном.

Вылезла профессорша из под дивана, видит комната ее собственная. А вот и стол стоит с недопитым кофеем. На

столе записка лежит: «Вот всё, что осталось от Вашего супруга».

Всплакнула профессорша еще раз и села холодный кофе допивать.

Вдруг звонок. Что такое? Входят какие то люди и говорят: «поедемте».

– Куда? – спрашивает профессорша.

– В сумасшедший дом, – отвечают люди.

Профессорша начала кричать и упираться, но люди схватили ее и отвезли в сумасшедший дом.

И вот сидит совершенно нормальная профессорша на койке в сумасшедшем доме, держит в руках удочку и ловит на полу каких-то невидимых рыбок.

Эта профессорша только жалкий пример того, как много в жизни несчастных, которые занимают в жизни не то место, которое им занимать следует.

Даниил Хармс

21 августа 1936 года

506. Случай с Петраковым

Вот однажды Петраков хотел спать лечь, да лег мимо кровати. Так он об пол ударился, что лежит на полу и встать не может.

Вот Петраков собрал последние силы и встал на четверинки. А силы его покинули, и он опять упал на живот и лежит.

Лежал Петраков на полу часов пять. Сначала просто так лежал, а потом заснул.

Сон подкрепил силы Петракова. Он проснулся совершенно здоровым. встал, прошелся по комнате и лег осторожно на кровать. «Ну, – думает, – теперь посплю». А спать-то уже и не хочется. Ворочается Петраков с боку на бок и никак заснуть не может.

Вот, собственно, и всё.

21 августа 1936 года

507. Сон

Калугин заснул и увидел сон, буд-то он сидит в кустах, а мимо кустов проходит милиционер.

Калугин проснулся, почесал рот и опять заснул, и опять увидел сон, буд-то он идет мимо кустов, а в кустах притаился и сидит милиционер.

Калугин проснулся, подложил под голову газету, чтобы не мочить слюнями подушку, и опять заснул, и опять увидел сон, буд-то он сидит в кустах, а мимо кустов проходит милиционер.

Калугин проснулся, переменял газету, лег и заснул опять. Заснул и опять увидел сон, буд-то он идет мимо кустов, а в кустах сидит милиционер.

Тут Калугин проснулся и решил больше не спать, но моментально заснул и увидел сон, буд-то он сидит за милиционером, а мимо проходят кусты.

Калугин закричал и заметался в кровати, но проснуться уже не мог.

Калугин спал четыре дня и четыре ночи подряд и на пятый день проснулся таким тощим, что сапоги пришлось подвязывать к ногам веревочкой, чтобы они не сваливались. В булочной, где Калугин всегда покупал пшеничный хлеб, его не узнали и подсунули ему полуржаной. А санитарная комиссия, ходя по квартирам и увидя Калугина, нашла его антисанитарным и никуда не годным и приказала жакту выкинуть Калугина вместе с сором.

Калугина сложили пополам и выкинули его как сор.

22 августа 1936 года

508. Случаи

Однажды Орлов объелся толчёным горохом и умер. А Крылов, узнав об этом, тоже умер. А Спиридонов умер сам собой. А жена Спиридонова упала с буфета и тоже умерла. А дети Спиридонова утонули в пруду. А бабушка Спиридонова спилась и пошла по дорогам. А Михайлов

перестал причёсываться и заболел паршой. А Круглов нарисовал даму с кнутом в руках и сошёл с ума. А Перехрёстов получил телеграфом четыреста рублей и так заважничал, что его вытолкали со службы.

Хорошие люди и не умеют поставить себя на твёрдую ногу.

22 августа <1936>

509. О том, как рассыпался один человек

– Говорят, все хорошие бабы – толстозадые. Эх, люблю грудастых баб, мне нравится, как от них пахнет, – сказав это, он стал увеличиваться в росте и, достигнув потолка, рассыпался на тысячу маленьких шариков.

Пришёл дворник Пантелей, собрал эти шарики на совок, на который он собирал обычно лошадиный навоз, и унёс эти шарики куда-то на задний двор.

А солнце продолжало светить по прежнему, и пышные дамы продолжали по прежнему восхитительно пахнуть.

23 авг<уста> 1936.

510

– Ва-ва-ва! Где та баба, которая сидела вот тут, на этом кресле?

– Почём вы знаете, что тут сидела баба?

– Знаю, потому что от кресла пахнет бабой (нюхает кресло).

– Тут сидела молодая дама, а теперь она ушла в свою комнату, перебирать гардероб.

<Август 1936>

Один механик решил на работе стоять по очерёдно то на одной, то на другой ноге, что бы не очень устать.

Но из этого ничего не вышло, он стал устать больше прежнего, и работа у него не клеилась, как раньше.

Механика вызвали в контору и сделали ему выговор с предупреждением.

Но механик решил побороть свою натуру и продолжал стоять за работой на одной ноге.

Долго боролся механик со своей натурой и, наконец, почувствовав боль в пояснице, которая возростала с каждым днём, принужден был обратиться к доктору.

27 авг<уста> 1936 г.

512. Кассирша

Нашла Маша гриб, сорвала его и понесла на рынок. На рынке Машу ударили по голове, да ещё обещали ударить её по ногам. Испугалась Маша и побежала прочь. Прибежала Маша в кооператив и хотела там за кассу спрятаться. А заведующий увидал Машу и говорит: что это у тебя в руках? А Маша говорит: гриб. Заведующий говорит: ишь, какая бойкая! хочешь я тебя на место устрою? Маша говорит: А не устроишь. Заведующий говорит: А вот устрою! – и устроил Машу кассу вертеть.

Маша вертела, вертела кассу и вдруг умерла. Пришла милиция, составила протокол и велела заведующему заплатить штраф – 15 рублей.

Заведующий говорит: За что же штраф? А милиция говорит: за убийство. Заведующий испугался, заплатил поскорее штраф и говорит: унесите только поскорее эту мертвую кассиршу. А продавец из фруктового отдела говорит: Нет, это неправда, она была не кассирша. Она только ручку в кассе вертела. А кассирша вон сидит. Милиция говорит:

– Нам всё равно: сказано унести кассиршу, мы её и унесём.

Стала милиция к кассирше подходить.

Кассирша легла на пол за кассу и говорит: не пойду. Милиция говорит: почему же ты, дура, не пойдешь? Кассирша говорит: вы меня живой похороните.

Милиция стала кассиршу с пола поднимать, но никак поднять не может, потому что кассирша очень полная.

– Да вы её за ноги, – говорит продавец из фруктового отдела.

– Нет, – говорит заведующий, – эта кассирша мне вместо жены служит. А потому прошу вас, не оголяйте ее снизу. Кассирша говорит: Вы слышите? Не смейте меня снизу оголять.

Милиция взяла кассиршу под мышки и волоком выперла её из кооператива.

Заведующий велел продавцам прибрать магазин и начать торговлю.

– А что мы будем делать с этой покойницей? – говорит продавец из фруктового отдела, показывая на Машу.

– Батюшки, – говорит заведующий, – да ведь мы всё перепутали! Ну, действительно, что с покойницей делать?

– А кто за кассой сидеть будет? – спрашивает продавец.

Заведующий за голову руками схватился. Раскидал коленом яблоки по прилавку и говорит:

– Безобразие получилось!

– Безобразие, – говорят хором продавцы.

Вдруг заведующий почесал усы и говорит:

– Хе-хе! Не так то легко меня в тупик поставить! Посадим покойницу за кассу, может, публика и не разберёт, кто за кассой сидит.

Посадили покойницу за кассу, в зубы ей папироску вставили, чтобы она на живую больше походила, а в руки, для правдоподобности, дали ей гриб держать. Сидит покойница за кассой как живая, только цвет лица очень зелёный и один глаз открыт, а другой совершенно закрыт.

– Ничего, – говорит заведующий, – сойдет.

А публика уже в двери стучит, волнуется, почему кооператив не открывают. Особенно одна хозяйка в шелковом манто раскричалась: трясёт кошёлкой и каблуком уже в дверную ручку нацелилась. А за хозяйкой какая то

старушка с наволочкой на голове кричит, ругается и заведующего кооперативом называет сквальжником.

Заведующий открыл двери и впустил публику. Публика побежала сразу в мясной отдел, а потом туда, где продается сахар и перец. А старушка прямо в рыбный отдел пошла, но по дороге взглянула на кассиршу и остановилась.

– Господи, – говорит, – с нами крестная сила!

А хозяйка в шёлковом мантио уже во всех отделах побывала и несётся прямо к кассе. Но только на кассиршу взглянула, сразу остановилась, стоит молча и смотрит. А продавцы тоже молчат и смотрят на заведующего. А заведующий из за прилавка выглядывает и ждёт, что дальше будет.

Хозяйка в шёлковом мантио повернулась к продавцам и говорит:

– Это кто у вас за кассой сидит?

А продавцы молчат, потому что не знают, что ответить.

Заведующий тоже молчит.

А тут народ со всех сторон сбегается. Уже на улице толпа. Появились дворники. Раздались свистки. Одним словом, настоящий скандал.

Толпа готова была хоть до самого вечера стоять около кооператива, но кто-то сказал, что в Озерном переулке из окна старухи вываливаются. Тогда толпа возле кооператива поредела, потому что многие перешли в Озерной переулок.

Хармс

31 августа 1936 года

513. Отец и Дочь

Было у Наташи две конфеты. Потом она одну конфету съела и осталась одна конфета. Наташа положила конфету перед собой на стол и заплакала. Вдруг смотрит, лежат перед ней на столе опять две конфеты. Наташа съела одну конфету и опять заплакала. Наташа плачет, а сама одним глазом на стол смотрит, не появилась ли вторая

конфета. Но вторая конфета не появлялась. Наташа перестала плакать и начала петь. Пела, пела и вдруг умерла. Пришел Наташин папа, взял Наташу и отнес её к управдому. «Вот, – говорит Наташин папа, – засвидетельствуйте смерть». Управдом подул на печать и приложил её к Наташиному лбу. «Спасибо», – сказал Наташин папа и понёс Наташу на кладбище. А на кладбище был сторож Матвей, он всегда сидел у ворот и никого на кладбище не пускал, так что покойников приходилось хоронить прямо на улице. Похоронил папа Наташу на улице, снял шапку, положил её на то место, где зарыл Наташу, и пошёл домой. Пришёл домой, а Наташа уже дома сидит. Как так? Да очень просто: вылезла из под земли и домой прибежала. Вот так штука! Папа так растерялся, что упал и умер. Позвала Наташа управдома и говорит: «Засвидетельствуйте смерть». Управдом подул на печать и приложил её к листику бумаги, а потом на этом же листике бумаги написал: «Сим удостоверяется, что такой то действительно умер». Взяла Наташа бумажку и понесла её на кладбище хоронить. А сторож Матвей говорит Наташе: «Ни за что не пущу». Наташа говорит: «Мне бы только эту бумажку похоронить». А сторож говорит: «Лучше и не проси». Зарыла Наташа бумажку на улице, положила на то место, где зарыла бумажку, свои носочки и пошла домой. Приходит домой, а папа уже дома сидит и сам с собой на маленьком биллиардике с металлическими шариками играет.

Наташа удивилась, но ничего не сказала и пошла к себе в комнату роста.

Росла, росла и через четыре года стала взрослой барышней. А Наташин папа состарился и согнулся. Но оба как вспомнят, как они друг друга за покойников приняли, так повалятся на диван и смеются. Другой раз минут двадцать смеются.

А соседи, как услышат смех, так сразу одеваются и в кинематограф уходят. А один раз ушли так, и больше уже не вернулись. Кажется, под автомобиль попали.

Хармс

1 сентября 1936 года

514. Новые Альпинисты

Бибиков залез на гору, задумался и свалился под гору. Чеченцы подняли Бибикова и опять поставили его на гору. Бибиков поблагодарил чеченцев и опять свалился под откос. Только его и видели.

Теперь на гору залез Аугенапфель, посмотрел в бинокль и увидел всадника.

– Эй! – закричал Аугенапфель, – где тут поблизости духан?

Всадник скрылся за горой, потом показался возле кустов, потом скрылся за кустами, потом показался в далине, потом скрылся под горой, потом показался на склоне горы и подъехал к Аугенапфелю.

– Где тут поблизости духан? – спросил Аугенапфель.

Всадник показал себе на уши и на рот.

– Ты что, глухонемой? – спросил Аугенапфель.

Всадник почесал затылок и показал себе на живот.

– Что такое? – спросил Аугенапфель.

Всадник вынул из кармана деревянное яблоко и раскусил его пополам.

Тут Аугенапфелю стало не по себе и он начал пятиться.

А всадник снял с ноги сапог да как крикнет: Халгаллай!

Аугенапфель скакнул куда то в бок и свалился под откос.

В это время Бибиков, вторично свалившийся под откос ещё раньше Аугенапфеля, пришёл в себя и начал подниматься на четверинки. Вдруг чувствует: на него сверху кто то падает. Бибиков отполз в сторону, посмотрел от туда и видит: лежит какой то гражданин в клетчатых брюках. Бибиков сел на камушек и стал ждать.

А гражданин в клетчатых брюках полежал не двигаясь часа четыре, а потом поднял голову и спрашивает неизвестно кого:

– Это чей духан?

– Какой там духан! Это не духан, – отвечает Бибиков.

– А вы кто такой? – спрашивает человек в клетчатых брюках.

– Я альпинист Бибиков. А вы кто?

– А я альпенист Аугенапфель.

Таким образом Бибииков и Аугенапфель познакомились друг с другом.

1–2 сентября 1936 года.

Хармс

515

Однажды Петя Гвоздиков ходил по квартире. Ему было очень скучно. Он поднял с пола какую-то бумажку, которую обронила прислуга. Бумажка оказалась обрывком газеты. Это было неинтересно. Петя попробывал поймать кошку, но кошка забралась под шкаф. Петя сходил в прихожую за зонтиком, чтобы зонтиком выгнать кошку из под шкапа. Но когда Петя вернулся, то кошки уже под шкапом не было. Петя поискал кошку под диваном и за сундуком, но кошки нигде не нашёл, зато за сундуком Петя нашёл молоток. Петя взял молоток и стал думать, что бы им такое сделать. Петя постучал молотком по полу, но это было скучно. Тут Петя вспомнил, что в прихожей на стуле стоит коробочка с гвоздями. Петя пошёл в прихожую, выбрал в коробочке несколько гвоздей, которые были подлиннее, и стал думать, куда-бы их забить. Если была бы кошка, то конечно было бы интересно прибить кошку гвоздём за ухо к двери, а хвостом к порогу. Но кошки не было. Петя увидел рояль. И вот от скуки Петя подошёл и вбил три гвоздя в крышку рояля.

9 октября 1936 года.

**Как Володя быстро
под гору летел**

На салазочках Володя
Быстро под гору летел.
На охотника Володя
Полным ходом налетел.

Вот охотник
И Володя
На салазочках сидят,
Быстро под гору летят.
Быстро под гору летели –
На собачку налетели.

Вот собачка,
И охотник,
И Володя
На салазочках сидят,
Быстро под гору летят.
Быстро под гору летели –
На лисичку налетели.

Вот лисичка,
И собачка,
И охотник,
И Володя
На салазочках сидят,
Быстро под гору летят.
Быстро под гору летели
И на зайца налетели.

Вот и заяц
И лисичка,
И собачка,
И охотник,

И Володя
На салазочках сидят,
Быстро под гору летят.
Быстро под гору летели –
На медведя налетели!

И Володя с той поры
Не катается с горы.

1936

517. О Пушкине

Трудно сказать что ни будь о Пушкине тому, кто ни чего о нём не знает. Пушкин великий поэт. Наполеон менее велик, чем Пушкин. И Бисмарк по сравнению с Пушкиным ничто. И Александры I и II, и III просто пузыри по сравнению с Пушкиным. Да и все люди по сравнению с Пушкиным пузыри, только по сравнению с Гоголем Пушкин сам пузырь.

А потому, вместо того, что бы писать о Пушкине, я лучше напишу вам о Гоголе.

Хотя Гоголь так велик, что о нём и написать то ничего нельзя, поэтому я буду всё таки писать о Пушкине.

Но после Гоголя писать о Пушкине как то обидно. А о Гоголе писать нельзя. Поэтому я уж лучше ни о ком ничего не напишу.

Хармс

15 декабря 1936 года

518. Пушкин

Вот однажды подошел ко мне Кирилл и сказал:

– А я знаю наизусть «Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя».

– Очень хорошо, – сказал я. – А тебе нравятся эти стихи?

- Нравятся, – сказал Кирилл.
- А ты знаешь, кто их написал? – спросил я Кирилла.
- Знаю, – сказал он.
- Кто? – спросил я Кирилла.
- Пушкин, – сказал Кирилл.
- А ты понимаешь, про что там написано? – спросил я.
- Понимаю, – сказал Кирилл, – там написано про домик и про старушку.
- А ты знаешь, кто эта старушка? – спросил я.
- Знаю, – сказал Кирилл, – это бабушка Катя.
- Нет, – сказал я, – это не бабушка Катя. Эту старушку зовут Арина Родионовна. Это няня Пушкина.
- А зачем у Пушкина няня? – спросил Кирилл.
- Когда Пушкин был маленький, у него была няня. И когда маленький Пушкин ложился спать, няня садилась возле его кровати и рассказывала ему сказки или пела длинные русские песни. Маленький Пушкин слушал эти сказки и песни и просил няню рассказать или спеть ему ещё. Но няня говорила: «Поздно. Пора спать». И маленький Пушкин засыпал.
- А кто такой Пушкин? – спросил Кирилл.
- Как же ты выучил стихи Пушкина наизусть и не знаешь, кто он такой! – сказал я. – Пушкин это великий поэт. Ты знаешь, что такое поэт?
- Знаю, – сказал Кирилл.
- Ну скажи, что такое поэт, – попросил я Кирилла.
- Поэт, это который пишет стихи, – сказал Кирилл.
- Верно, – сказал я, – поэт пишет стихи. А Пушкин великий поэт. Он писал замечательные стихи. Всё, что написал Пушкин, – замечательно.
- Ты говоришь, Пушкин был маленький, – сказал Кирилл.
- Нет, – сказал я. – Ты меня не так понял. Сначала Пушкин был маленький, как и все люди, а потом вырос и стал большим.
- А когда он был маленький, он писал стихи? – спросил Кирилл.
- Да, писал, – сказал я. – Но сначала он начал писать стихи по-французски.
- А почему он писал сначала по-французски? – спросил меня Кирилл.

– Видишь ли ты, – сказал я Кириллу. – В то время, когда жил Пушкин, в богатых домах было принято разговаривать на французском языке. И вот родители Пушкина наняли ему учителя французского языка. Маленький Пушкин говорил по-французски так же хорошо, как и по-русски, прочитал много французских книг и начал сам писать французские стихи. С родителями Пушкин говорил по-французски, с учителем по-французски, с сестрой тоже по-французски. Только с бабушкой и с няней маленький Пушкин говорил по-русски. И вот, слушая нянины сказки и песни, Пушкин полюбил русский язык и начал писать стихи по-русски.

В это время часы, висевшие на стене, пробили два часа.

– Ну, – сказал я Кириллу, – тебе пора идти гулять.

– Ой, нет, – сказал Кирилл. – Я не хочу гулять. Расскажи мне ещё про Пушкина.

– Хорошо, – сказал я, – я расскажу тебе о том, как Пушкин стал великим поэтом.

Кирилл забрался на кресло с ногами и приготовился слушать.

– Ну так вот, – начал я, – когда Пушкин подрос, его отдали в Лицей. Ты знаешь, что такое Лицей?

– Знаю, – сказал Кирилл, – это такой пароход.

– Нет, что ты! – сказал я. – Какой там пароход! Лицей – это так называлась школа, в которой учился Пушкин. Это была тогда самая лучшая школа. Мальчики, которые учились там, должны были жить в самом Лицее. Их учили самые лучшие учителя и Лицей посещали знаменитые люди.

В Лицее вместе с Пушкиным училось тридцать мальчиков. Многие из них были тоже молодыми поэтами и тоже писали стихи. Но Пушкин писал стихи лучше всех. Пушкин писал очень много, а иногда бывали дни, когда он писал стихи почти всё время: и на уроке в классе, и на прогулке в парке и даже проснувшись утром в кровати он брал карандаш и бумагу и начинал писать стихи. Иногда ему стихи не удавались. Тогда он кусал от досады карандаш, зачеркивал слова и надписывал их вновь, исправлял стихи и переписывал их несколько раз. Но когда стихи были готовы, они получались всегда такие лёгкие и сво-

бодные, что казалось, будто Пушкин написал их безо всякого труда.

Лицейские товарищи Пушкина читали его стихи и заучивали их наизусть. Они понимали, что Пушкин становится замечательным поэтом. А Пушкин писал стихи всё лучше и лучше.

И вот однажды в Лицей на экзамен приехал старик Державин...

– А зачем он приехал? – спросил меня Кирилл.

– А х д а , – сказал я , – ведь ты, может быть, не знаешь, кто такой Державин. Державин тоже великий поэт, и до Пушкина думали, что Державин самый лучший поэт, царь поэтов.

Державин был уже очень стар. Он приехал в Лицей, уселся в кресло и на воспитанников Лицея смотрел сонными глазами.

Но когда вышел Пушкин и звонким голосом начал читать свои стихи, Державин сразу оживился. Пушкин стоял в двух шагах от Державина и громко и сильно читал свои стихи. Голос его звенел.

Державин слушал. В глазах его показались слёзы.

Когда Пушкин кончил, Державин поднялся с кресла и кинулся к Пушкину, чтобы обнять его и поцеловать нового замечательного поэта. Но Пушкин, сам не понимая, что он делает, повернулся и убежал. Его искали, но нигде не могли найти.

– А где же он был? – спросил меня Кирилл.

– Не знаю , – сказал я . – Должно быть, куда-нибудь спрятался. Уж очень он был счастлив, что его стихи понравились Державину!

– А Державин? – спросил меня Кирилл.

– А Державин , – сказал я , – понял, что ему на смену появился новый великий поэт, может быть, ещё более великий, чем он сам.

Кирилл сидел на кресле некоторое время молча. А потом вдруг неожиданно спросил меня:

– А ты видел Пушкина?

– И ты можешь посмотреть на Пушкина , – сказал я . – В этом журнале помещён его портрет.

– Н е т , – сказал Кирилл , – я хочу посмотреть на живого Пушкина.

– Это невозможно, – сказал я. – Пушкин умер ровно сто лет тому назад. Теперь нам дорого всё, что осталось от Пушкина. Все его рукописи, каждая даже самая маленькая записка, написанная им, гусиное перо, которым он писал, кресло, в котором он когда-то сидел, письменный стол, за которым он работал, – всё это хранится в Ленинграде в Пушкинском музее.

<А в Селе Михайловском ещё до сих пор стоит маленький домик, в котором когда-то жила пушкинская няня Арина Родионовна. Про этот домик и про свою няню Пушкин писал стихи. Это те стихи, которые ты выучил сегодня наизусть>.

Хармс

18 декабря 1936 года

519

Володя сидел за столом и рисовал.

Нарисовал Володя домик, в окне домика нарисовал человечка с черной бородой, рядом с домиком нарисовал дерево, а вдаль нарисовал поле и лес. А потом нарисовал около домика кустик и стал думать, что бы ещё нарисовать. Думал, думал и зевнул. А потом зевнул ещё раз и решил нарисовать под кустиком зайца.

Взял Володя карандаш и нарисовал зайца.

Заяц получился очень красивый, с длинными ушами и маленьким пушистым хвостиком.

– Эй-ей-ей! – закричал вдруг из окна домика человечек с чёрной бородой. – Откуда тут заяц? Ну-ка я его сейчас застрелю из ружья!

Дверь в домике открылась и на крыльцо выбежал человечек с ружьём в руках.

– Не смейте стрелять в моего зайца! – крикнул Володя.

Заяц пошевелил ушами, дрыгнул хвостиком и поскакал в лес.

«Бах!» – выстрелил из ружья человечек с чёрной бородой.

Заяц поскакал ещё быстрее и скрылся в лесу.

– Промахнулся! – крикнул человек с чёрной бородой и бросил ружьё на землю.

– Я очень рад, что вы промахнулись, – сказал Володя.

– Нет! – закричал человек с чёрной бородой. – Я, Карл Иванович Шустерлинг, хотел застрелить зайца и промахнулся! Но я его застрелю! Уж я его застрелю!

Карл Иванович схватил ружьё и побежал к лесу.

– Подождите! – крикнул Володя.

– Нет, нет, нет! Уж я его застрелю! – кричал Карл Иванович.

Володя побежал за Карлом Ивановичем.

– Карл Иванович! Карл Иванович! – кричал Володя. Но Карл Иванович, ничего не слушая, бежал дальше.

Так они добежали до леса. Карл Иванович остановился и зарядил ружьё.

– Ну, – сказал Карл Иванович, – теперь только попадись мне этот заяц!

И Карл Иванович вошёл в лес.

Володя шёл за Карлом Ивановичем.

В лесу было темно, прохладно и пахло грибами.

Карл Иванович держал ружьё наготове и заглядывал за каждый кустик.

– Карл Иванович, – говорил Володя. – Пойдемте обратно. Не надо стрелять в зайчика.

– Нет, нет! – говорил Карл Иванович. – Не мешайте мне!

Вдруг из куста выскочил заяц и, увидя Карла Ивановича, подскочил, перевернулся в воздухе и пустился бежать.

– Держи его! – кричал Карл Иванович.

Володя бежал за Карлом Ивановичем.

– О-о-о! – кричал Карл Иванович. – Сейчас я его! Раз, два, три!

Чёрная борода Карла Ивановича развевалась в разные стороны. Карл Иванович скакал через кусты, кричал и размахивал руками.

– Пуф! – сказал Карл Иванович, останавливаясь и вытирая рукавом лоб. – Пуф! Как я устал!

Заяц сел на кочку и, подняв ушки, смотрел на Карла Ивановича.

– Ах ты, паршивый заяц! – крикнул Карл Иванович. –
Ещё дразнишься!

И Карл Иванович опять погнался за зайцем. Но, пробежав несколько шагов, Карл Иванович остановился и сел на пень.

– Нет, больше не могу, – сказал Карл Иванович.

<1936>

520

Кулаков уселся в глубокое кресло и моментально сидя заснул. Сидя заснул, а спустя несколько часов проснулся лёжа в гробу. Кулаков понял сразу, что он лежит в гробу. Дикий страх сковал Кулакова. Мутными глазами он посмотрел вокруг, и всюду, куда ни направлял он свой взор, он видел только цветы: цветы в корзинах, букеты цветов, перевязанные лентой, венки из цветов и цветы россыпью.

«Меня хоронят», – подумал с ужасом Кулаков и вдруг почувствовал гордость, что его, такого незначительного человека, хоронят так пышно, с таким количеством цветов.

<1936>

521

Бегут задумчивые люди
Куда бегут? Зачем спешат?
У дам раскачиваются груди,
У кавалеров бороды шуршат.

<1933–1936>

522

Вот начальник военного округа подошел к своей жене, поцеловал её в рот, погладил её рукой по шее и залез на лошадь.

– Досвидание! – крикнул начальник военного округа и уехал.

Вечером начальник военного округа приехал обратно. Опять поцеловал жену в рот, погладил её рукой по шее и лёг спать.

Ночью жена начальника скоропостижно умерла.

Утром начальник военного округа проснулся и, увидя свою жену мёртвой, с ужасом выскочил из кровати.

<1934–1936>

523

Миронов сел на трамвай и поехал, а куда нужно, не приехал, потому что по дороге скончался.

Пассажиры этого трамвая, в котором ехал Миронов, позвали милиционера и велели ему составить протокол о том, что Миронов умер не от насильственной смерти.

<1934–1936>

524. Рыцарь

Алексей Алексеевич Алексеев был настоящий рыцарь. Так, например, однажды, увидя из трамвая, как одна дама запнулась о тумбу и выронила из кошелки стеклянный колпак для настольной лампы, который тут же и разбился, Алексей Алексеевич, желая помочь этой даме, решил пожертвовать собой и, выскочив из трамвая на полном ходу, упал и раскроил себе о камень всю рожу. В другой раз, видя, как одна дама, перелезая через забор, зацепилась юбкой за гвоздь и застряла так, что, сидя верхом на заборе, не могла двинуться ни взад ни вперед, Алексей Алексеевич начал так волноваться, что от волнения выдавил себе языком два передних зуба. Одним словом, Алексей Алексеевич был самым настоящим рыцарем, да

и не только по отношению к дамам. С небывалой легкостью Алексей Алексеевич мог пожертвовать своей жизнью за Веру, Царя и Отечество, что и доказал в 14-ом году, в начале германской войны, с криком «За Родину!» выбросившись на улицу из окна третьего этажа. Каким-то чудом Алексей Алексеевич остался жив, отделавшись только не серьезными ушибами, и вскоре, как столь редкостно-ревностный патриот, был отослан на фронт.

На фронте Алексей Алексеевич отличался небывало возвышенными чувствами и всякий раз, когда он произносил слова: стяг, фанфара или даже просто эполеты, по лицу его бежала слеза умиления.

В 16-м году Алексей Алексеевич был ранен в чресла и удален с фронта.

Как инвалид I категории, Алексей Алексеевич не служил и, пользуясь свободным временем, излагал на бумаге свои патриотические чувства.

Однажды, беседуя с Константином Лебедевым, Алексей Алексеевич сказал свою любимую фразу: «Я пострадал за Родину и разбил свои чресла, но существую силой убеждения своего заднего подсознания».

– И дурак! – сказал ему Константин Лебедев. – Наивысшую услугу родине окажет только ЛИБЕРАЛ.

Почему-то эти слова глубоко запали в душу Алексея Алексеевича, и вот в 17-ом году он уже называет себя либералом, чреслами своими пострадавшего за отчизну.

Революцию Алексей Алексеевич воспринял с восторгом, несмотря даже на то, что был лишен пенсии. Некоторое время К. Л. снабжал его тростниковым сахаром, шоколадом, консервированным салом и пшенной крупой. Но когда Константин Лебедев вдруг неизвестно куда пропал, Алексею Алексеевичу пришлось выйти на улицу и просить подаяния. Сначала Алексей Алексеевич протягивал руку и говорил: «подайте, Христа ради, чреслами своими пострадавшему за Родину». Но это успеха не имело. Тогда Алексей Алексеевич заменил слово «родину» словом «революцию». Но и это успеха не имело. Тогда Алексей Алексеевич сочинил революционную песню и, завидя на улице человека, способного, по мнению Алексея Алексеевича, подать милостыню, сделал шаг впе-

ред и, гордо, с достоинством, откинув назад голову, начинал петь:

На баррикады
Мы все пойдем!
За свободу
Мы все покалечимся и умрем!

И лихо, по-польски притопнув каблуком, Алексей Алексеевич протягивал шляпу и говорил: «Подайте милостыню, Христа ради». Это помогало, и Алексей Алексеевич редко оставался без пищи.

Все шло хорошо, но вот в 22-ом году Алексей Алексеевич познакомился с неким Иваном Ивановичем Пузыревым, торговавшим на Сенном рынке подсолнечным маслом. Пузырев пригласил Алексея Алексеевича в кафе, угостил его настоящим кофеем и сам, чавкая пирожными, изложил ему какое-то сложное предприятие, из которого Алексей Алексеевич понял только, что и ему надо что-то делать, за что он будет получать от Пузырева ценнейшие продукты питания. Алексей Алексеевич согласился, и Пузырев тут-же, в виде поощрения, передал ему под столом два цыбика чая и пачку папирос Раджа.

С этого дня Алексей Алексеевич каждое утро приходил на рынок к Пузыреву и, получив от него какие то бумаги с кривыми подписями и бесчисленными печатями, брал саночки, если это происходило зимой, и, если это происходило летом, – тачку и отправлялся, по указанию Пузырева, по разным учреждениям, где, предъявив бумаги, получал какие-то ящики, которые грузил на свои саночки или тележку и вечером отвозил их Пузыреву на квартиру. Но однажды, когда Алексей Алексеевич подкатил свои саночки к пузыревской квартире, к нему подошли два человека, из которых один был в военной шинели, и спросили его: «Ваша фамилия Алексеев?» Потом Алексея Алексеевича посадили в автомобиль и увезли в тюрьму.

На допросах Алексей Алексеевич ничего не понимал и всё только говорил, что он пострадал за революционную родину. Но, несмотря на это, был приговорен к 10 годам ссылки в северные части своего отечества. Вер-

нувшись в 28-ом году обратно в Ленинград, Алексей Алексеевич занялся своим прежним ремеслом и, встав на углу пр. Володарского, закинул с достоинством голову, притопнул каблуком и запел:

На баррикады
Мы все пойдем!
За свободу
Мы все покалечимся и умрем!

Но не успел он пропеть это и два раза, как был увезен в крытой машине куда-то по направлению к Адмиралтейству. Только его и видели.

Вот краткая повесть жизни доблестного рыцаря и патриота Алексея Алексеевича Алексеева.

<1934–1936>

525

Не знаю, почему все думают, что я гений; а по моему, я не гений. Вчера я говорю им: Послушайте! Какой-же я гений? А они мне говорят: Такой! А я им говорю: Ну какой же такой? А они не говорят, какой, и только и говорят, что гений и гений. А по моему, я всё же не гений.

Куда не покажусь, сейчас же все начинают шептаться и на меня пальцами показывают. «Ну что это в самом деле!» – говорю я. А они мне и слова не дают сказать, того и гляди схватят и понесут на руках.

<1934–1936>

526

Леонидов: Я утверждаю, что когда мы к нему подошли, он от нас отошёл и потом ушёл.

Григорьев: Да он ушёл, но не потом.

Л: Он ушёл именно потом. Сначала отошёл, а потом ушёл.

Г: Ну зачем так говорить, когда он ушёл вовсе не потом.

Л: Мы к нему подошли?

Г: Да.

Л: Он отошёл?

Г: Да.

Л: А потом ушёл!

Г: Ну вот опять! Не потом он ушёл! Честное слово, не потом!

Л: Клянитесь, сколько вам угодно! А он именно отошёл, а потом ушёл.

Г: Не потом.

Л: Именно потом!

Г: Не потом, потому что потом он отошёл, а сначала не ушёл.

Л: Это ваше мнение! А моё, что он ушёл.

Г:

<1934–1936>

527

Нина – Вы знаете! А? Вы знаете? Нет, вы слышали? А?

Вар. М и х. – Что такое? А? Что такое?

Нина – Нет, вы только подумайте! Варвара Михайловна! Вы только подумайте!

Вар. М и х. – Что такое? А? Что такое?

Нина – Да вы представте себе, Варвара Михайловна! Вы представте себе!

Вар. М и х. – Да что такое, в конце концов! Что такое?

Нина – Нет, вы послушайте, Варвара Михайловна! Ха-ха-ха.

Вар. М и х. – Да я слушаю, слушаю! Что такое?

Нина – Ха-ха-ха! Ну и королева!

Вар. М и х. – Глупость какую то несешь!

Нина – Действительно королева!

Вар. М и х. – Глупость какую то несешь!

Нина – Наш то! Столбовой! Старый хрен! Тоже туда!

Вар. Мих. Куда туда?
Нина – Да, всё туда же! За Елизаветой поволокся!
Вар. Мих. – Как поволокся?
Нина – Да влюбился!
Вар. Мих. – Да кто влюбился?
Нина – Да наш столбовой дворянин! Старый хрыч
Обернибесов!
Вар. Мих. – Обернибесов?!
Нина – В том то и шутка, что Обернибесов!
Вар. Мих. – Аполлон Валерьянович!
Нина – Ну да! Ведь вы подумайте!
Вар. Мих. – Просто не понимаю, что в ней хорошего!
Почему все мужчины с ума сошли?
Нина – Вы смотрите: Володя Кнутиков с ума сошел!
Сергей Иванович с ума сошел!..
Вар. Мих. – Ничего в ней нет интересного!
Нина – Елдыгин с ума сошел!..
Вар. Мих. – Ничего в ней нет интересного!
Нина – В том-то и шутка! Ничего в ней нет интерес-
ного!
Вар. Мих. – Просто не понимаю, почему все мужчины
с ума сошли!
Нина – Не такая уж она красавица!
Вар. Мих. – По моему, просто некрасива!
Нина – Ничего в ней нет интересного!
Вар. Мих. – Совершенно не интересна!

<1934–1936>

528

Антон Антонович Бобров:

Я вам сейчас спою куплеты
про смерть, любовь и про рождение
На все вопросы дам ответы.
Гасите в зале освещенье.

Алексей Кузмин Фингер (*из за кулис*):

Антон Антонович! Вы не то поёте.

Ант. Ант. Бобров:

В день восторга общих масс
рассмешить хочу я вас

Но для этих разных штук
мне не хватит ног и рук
вот я сев на стул верхом
крикну в рупор петухом
вызвать смех на ваших рожках
очень трудно. Те, кто в ложах
с небольшой в руках коробкой
шеколадных бонбаньер
озарясь улыбкой робкой
рожу прячет за барьер

<1934–1936>

529

I

Однажды я пришел в Госиздат и встретил в Госиздате Евгения Львовича Шварца, который, как всегда, был одет плохо, но с претензией на что то.

Увидя меня, Шварц начал острить, тоже, как всегда, неудачно.

Я острил значительно удачнее и скоро, в умственном отношении, положил Шварца на обе лопатки.

Все вокруг завидывали моему остроумию, но никаких мер не предпринимали, так как буквально дохли от смеха. В особенности же дохла от смеха Нина Владимировна Гернет и Давид Ефемыч Рахмилович, для благозвучия называющий себя Южиным.

Видя, что со мной шутки плохи, Шварц начал сбавлять свой тон и, наконец обложив меня просто матом, заявил, что в Тифлисе Заболоцкого знают все, а меня почти никто.

Тут я обозлился и сказал, что я более историчен, чем Шварц и Заболоцкий, что от меня останется в истории светлое пятно, а они быстро забудутся.

Почувствовав мое величие и крупное мировое значение, Шварц постепенно затрепетал и пригласил меня к себе на обед.

II

Я решил растрепать одну компанию, что и делаю.

Начну с Валентины Ефимовны.

Эта нехозяйственная особа приглашает нас к себе и, вместо еды, подает к столу какую то кислятину. Я люблю поесть и знаю толк в еде. Меня кислятиной не проведешь! Я даже в ресторан, другой раз, захожу и смотрю, какая там еда. И терпеть не могу, когда с этой особенностью моего характера не считаются.

Теперь перехожу к Леониду Савельевичу Липавскому. Он не постеснялся сказать мне в лицо, что ежемесячно сочиняет десять мыслей.

Во-первых, – врёт. Сочиняет не десять, а меньше. А во-вторых, я больше сочиняю. Я не считал, сколько я сочиняю в месяц, но должно быть, больше, чем он.

Теперь относительно ещё одной особы, это Тамары Александровны. Эта особа наливается чаем и корчит из себя недотрогу. Она, мол, знает и то и это, и, мол, умнее, чем тот-то и даже интереснее, чем Туся.

Всё это глупости! Я знаю женщин лучше, чем кто либо другой и про одетую женщину могу сказать, как она выглядит голый.

Тамара Александровна слишком о себе думает. Себялюбие не только грех, но и порок. Нечего чаем наливать. Посмотри лучше вокруг. Может быть, есть люди и по умнее тебя.

Я вот, например, не тычу всем в глаза, что обладаю, мол, коллосальным умом. У меня есть все данные считать себя великим человеком. Да, впрочем, я себя таким и считаю.

Потому то мне и обидно, и больно находиться среди людей, ниже меня поставленных по уму, и прозорливос-

ти, и таланту, и не чувствовать к себе вполне должного уважения.

Почему, почему я лучше всех?

III

Теперь я всё понял: Леонид Савельевич немец. У него даже есть немецкие привычки. Посмотрите, как он ест. Ну чистый немец, да и только! Даже по ногам видно, что он немец.

Не хвастаясь, могу сказать, что я очень наблюдательный и остроумный.

Вот, например, если взять Леонида Савельевича, Юлия Берзина и Вольфа Эрлиха и поставить их вместе на панели, то можно сказать: «мал мала меньше».

По моему, это остроумно, потому что в меру смешно.

И всё таки Леонид Савельевич немец! Обязательно при встрече скажу ему это.

Я не считаю себя особенно умным человеком, и все таки должен сказать, что я умнее всех. Может быть, на Марсе есть и умнее меня, но на земле не знаю.

Вот, говорят, Олейников очень умный. А по моему, он умный, да не очень. Он открыл, например, что если написать 6 и перевернуть, то получится 9. А по моему, это неумно.

Леонид Савельевич совершенно прав, когда говорит, что ум человека – это его достоинство. А если ума нет, значит, и достоинства нет.

Яков Семенович возражает Леониду Савельевичу и говорит, что ум человека это его слабость. А по моему, это уже парадокс. Почему же ум это слабость? Вовсе нет! Скорее, крепость. Я так думаю.

Мы часто собираемся у Леонида Савельевича и говорим об этом.

Если поднимается спор, то победителем спора всегда остаюсь я. Сам не знаю, почему.

На меня почему то все глядят с удивлением. Что бы я не сделал, все находят, что это удивительно.

А ведь я даже и не стараюсь. Всё само собой получается.

Заболоцкий как то сказал, что мне присуще управлять сферами. Должно быть, пошутил. У меня и в мыслях ничего подобного не было.

В Союзе Писателей меня считают почему то ангелом.

Послушайте, друзья! Нельзя же в самом деле передо мной так преклоняться. Я такой же, как и вы все, только лучше.

IV

Я слышал такое выражение: «Лови момент!»

Легко сказать, но трудно сделать. По моему, это выражение бессмысленное. И действительно, нельзя призывать к невозможному.

Говорю я это с полной уверенностью, потому что сам на себе все испытал. Я ловил момент, но не поймал и только сломал часы. Теперь я знаю, что это невозможно.

Также невозможно «ловить эпоху», потому что это такой же момент, только по больше.

Другое дело, если сказать: «Запечатлейте то, что происходит в этот момент». Это совсем другое дело.

Вот например: раз, два, три! Ничего не произошло! Вот я запечатлел момент, в котором ничего не произошло.

Я сказал об этом Заболоцкому. Тому это очень понравилось, и он целый день сидел и считал: раз, два, три! И отмечал, что ничего не произошло.

За таким занятием застал Заболоцкого Шварц. И Шварц тоже заинтересовался этим оригинальным способом запечатлеть то, что происходит в нашу эпоху, потому что ведь из моментов складывается эпоха.

Но прошу обратить внимание, что родоначальником этого метода опять являюсь я. Опять я! Всюду я! Просто удивительно!

То, что другим дается с трудом, мне дается с легкостью.

Я даже летать умею. Но об этом рассказывать не буду, потому что все равно никто не поверит.

Когда два человека играют в шахматы, мне всегда кажется, что один другого околпачивает. Особенно, если они играют на деньги.

Вообще мне противна всякая игра на деньги. Я запрещаю играть в своем присутствии.

А картежников я бы казнил. Это самый правильный метод борьбы с азартными играми.

Вместо того, чтобы играть в карты, лучше бы собрались да почитали бы друг другу морали.

А впрочем, морали скучно. Интереснее ухаживать за женщинами.

Женщины меня интересовали всегда. Меня всегда волновали женские ножки, в особенности выше колен.

Многие считают женщин порочными существами. А я нисколько! Наоборот, даже считаю их чем то очень приятными.

Полленькая, молоденькая женщина! Чем же она порочна? Вовсе не порочна!

Вот другое дело дети. О них говорят, что они невинны. А я считаю, что они, может быть, и невинны, да только уж больно омерзительны, в особенности, когда пляшут. Я всегда ухожу от тудова, где есть дети.

И Леонид Савельевич не любит детей. Это я внушил ему такие мысли.

Вообще всё, что говорит Леонид Савельевич, уже когданибудь раньше говорил я.

Да и не только Леонид Савельевич. Всякий рад подхватить хотя бы обрывки моих мыслей. Мне это даже смешно.

Например, вчера прибежал ко мне Олейников и говорит, что совершенно запутался в вопросах жизни. Я дал ему кое какие советы и отпустил. Он ушел осчастливленный мною и в наилучшем своем настроении.

Люди видят во мне поддержку, повторяют мои слова, удивляются моим поступкам, а денег мне не платят.

Глупые люди! Несите мне побольше денег, и вы увидите, как я буду этим доволен.

VI

Теперь я скажу несколько слов об Александре Ивановиче.

Это болтун и азартный игрок. Но за что я его ценю, так это за то, что он мне покорен.

Днями и ночами дежурит он передо мной и только и ждет с моей стороны намека на какое ни будь приказание.

Стоит мне подать этот намек, и Александр Иванович летит, как ветер, исполнять мою волю.

За это я купил ему туфли и сказал: «На, носи!» Вот он их и носит.

Когда Александр Иванович приходит в Госиздат, то все смеются и говорят между собой, что Александр Иванович пришел за деньгами.

Константин Игнатьевич Древацкий прячется под стол. Это я говорю в аллегорическом смысле.

Больше всего Александр Иванович любит макароны. Ест он их всегда с толчеными сухарями и съедает почти что целое кило, а может быть, и гораздо больше.

Съев макароны, Александр Иванович говорит, что его тошнит, и ложится на диван. Иногда макароны выходят обратно.

Мясо Александр Иванович не ест и женщин не любит. Хотя, иногда любит. Кажется, даже очень часто.

Но женщины, которых любит Александр Иванович, на мой вкус, все некрасивые, а потому будем считать, что это даже и не женщины.

Если я что ни будь говорю, значит, это правильно.

Спорить со мной никому не советую, все равно он останется в дураках, потому что я всякого переспорю.

Да и не вам тягаться со мною. Еще и не такие пробовали. Всех уложил! Даром, что с виду и говорить-то не умею, а как заведу, так и не остановишь.

Как то раз завел у Липавских и пошел! Всех до смерти заговорил!

Потом пошел к Заболоцким и там всех заговорил. Потом пошел к Шварцам и там всех заговорил. Потом домой пришел и дома еще пол ночи говорил!

<1935–1936>

530. Личное переживание одного музыканта

Меня назвали извергом.

А разве это так?

Нет, это не так. Доказательств я приводить не буду.

Я слышал, как моя жена говорила в телефонную трубку какому-то Михюсе, что я глуп.

Я сидел в это время под кроватью и меня не было видно.

О! Что я испытывал в этот момент!

Я хотел выскочить и крикнуть: «Нет, я не глуп!»

Воображаю, что бы тут было!

Я опять сидел под кроватью и не был виден.

Но зато мне-то было видно, что этот самый Михюся проделал с моей женой.

Сегодня моя жена опять принимала этого Михюсю.

Я начинаю думать, что я, в глазах жены, перехожу на задний план.

Михюся даже лазал в ящиках моего письменного стола.

Я сам сидел под кроватью и не был виден.

Я сидел опять под кроватью и не был виден.

Жена и Михюся говорили обо мне в самых неприятных тонах.

Я не вытерпел и крикнул им, что они всё врут.

Вот уже пятый день, как меня избили, а кости всё ещё ноют.

Д. Х.

<1935–1936>

Однажды Марина сказала мне, что к ней в кровать приходил Шарик. Кто такой этот Шарик или что это такое, мне это выяснить не удалось.

Несколько дней спустя этот Шарик приходил опять. Потом он стал приходиться довольно часто, примерно раз в три дня.

Меня не было дома. Когда я пришел домой, Марина сказала мне, что звонил по телефону Синдерюшкин и спрашивал меня. Я, видите ли, был нужен какому-то Синдерюшкину!

Марина купила яблок. Мы съели после обеда несколько штук и, кажется, два яблока оставили на вечер. Но когда вечером я захотел получить свое яблоко, то яблока не оказалось. Марина сказала, что приходил Миша-оффициант и унес яблоки для салата. Сердцевины яблок ему были не нужны, и он вычистил яблоки в нашей же комнате, а сердцевины выбросил в корзину для ненужной бумаги.

Я выяснил, что Шарик, Синдерюшкин и Миша живут обыкновенно у нас в печке. Мне это мало понятно, как они там устроились.

Я расспрашивал Марину о Шарике, Синдерюшкине и Мише. Марина уваливала от прямых ответов. Когда я высказал свои опасения, что компания эта, может быть, не совсем добропорядочная, Марина уверила меня, что это, во всяком случае, «Золотые сердца». Больше я ничего не мог добиться от Марины.

Со временем я узнал, что «Золотые сердца» получили не одинаковое образование. Вернее, Шарик получил среднее образование, а Синдерюшкин и Миша не получили никакого. У Шарика есть даже свои ученые труды. И поэтому он несколько с высока относится к остальным Золотым сердцам.

Меня очень интересовало, какие это у Шарика ученые труды. Но это так и осталось неизвестным. Марина говорит, что он родился с пером в руках, но больше никаких подробностей об его ученой деятельности не сообщает. Я стал допытываться и, наконец, узнал, что он больше по сапожной части. Но имеет ли это отношение к ученой деятельности, мне узнать не удалось.

Однажды я узнал, что у Золотых сердец была вечеринка. Они сложились и купили маринованного угря. А Миша принес даже баночку с водкой. Вообще, Миша любитель выпить.

У Шарика сапоги сделаны из пробочки.

Как то вечером Марина сказала мне, что Синдерюшкин обругал меня хулиганом за то, что я наступил ему на ногу. Я тоже обозлился и просил Марину передать Синдерюшкину, чтобы он не болтался под ногами.

<1935–1936>

532. Смерть старичка

У одного старичка из носа выскочил маленький шарик и упал на землю. Старичок нагнулся, чтобы поднять этот шарик, и тут у него из глаза выскочила маленькая палочка и тоже упала на землю. Старичок испугался и, не зная, что делать, пошевелил губами. В это время у старичка изо рта выскочил маленький квадратик. Старичок схватил рот рукой, но тут у старичка из рукава выскочила маленькая мышка. Старичку от страха сделалось не хорошо и он, чтобы не упасть, сел на корточки. Но тут в старичке

что то хрустнуло и он, как мягкая плюшевая шуба, повалился на землю. Тут у старичка из прорешки выскочил длинненький прутик и на самом конце этого прутика сидела тоненькая птичка. Старичок хотел крикнуть, но у него одна челюсть зашла за другую, и он, вместо того, чтобы крикнуть, только слабо икнул и закрыл один глаз. Другой глаз у старичка остался открытым и, перестав двигаться и блестеть, стал неподвижным и мутным, как у мёртвого человека. Так настигла коварная смерть старичка, незнавшего своего часа.

<1935–1936>

533

В одном большом городе на главной улице стояла интересная дама, в длинном котиковом монто с голыми рукавами. На голове у этой дамы была маленькая шапочка, сделанная из меха, имеющего очень короткий ворс. В зубах эта дама держала папироску, но папироска давно уже потухла и дым её давно уже разлетелся. Дама была очень красива: нос у неё был прямой, с маленькой горбинкой внизу и с изящным поворотом наверху. Глаза у дамы были голубые, но такие глубокие, что казались не то чёрными, не то не чёрными, а карими. Ноздри у дамы были большие, но так устроены, что каждый прохожий мог заглянуть в них, не замедляя шага, и, оставшись довольным содержимым носа красавицы, продолжать свой путь.

Красивая дама, как видно, ждала трамвая или автобуса. Она вынула изо рта папироску, бросила её на землю и растоптала ногой.

Вдруг к этой даме подошёл интересный молодой человек, одетый во всё клетчатое. Видно было, что он только что из парикмахерской, где его побрили, но нечаянно полоснули бритвой по щеке, потому что поперёк лица молодого человека шёл свежий ещё пластырь. Подойдя к даме, молодой человек, в знак приветствия, поднял обе руки, причём от этого движения справа под мышкой у него лопнул пиджак и от туда выглянуло что то фиолетовое.

– А, это в вы, – радостно сказала дама, облизывая губы.

– А я думал, что это не вы, – сказал молодой человек и наклонил голову на бок, при этом он шаркнул ножкой, но, как видно, не удачно, потому что от сапога той ноги, которой шаркнул молодой человек, отлетел каблук.

– Фу, какая досада! – сказал молодой человек, поднимая каблук и вертя его в руке.

– Бывает, – сказала дама, пожимая плечами. – Я вот жду трамвая или автобуса.

– Ну? – сказал молодой человек, ещё раз посмотрев на каблук и отбрасывая его в сторону, – Пойдемте в Европейку.

– В Европейку? – спросила дама. – Ну ладно. Идёт. В Европейку так в Европейку!

Дама тряхнула головой и взяла молодого человека под руку.

– Как я вас неожиданно встретил. – сказал молодой человек, идя прихрамывая рядом с красивой дамой.

<1935–1936>

534

Петя входит в ресторан и присаживается к столику. Официант приносит карточку и кладет ее перед Петей. Петя выбирает «бёф-буи» и говорит официанту:

Петя: Дайте мне, если можно, бёф-буи.

Официант: Чего изволите?

Петя: Если можно, бёф-буи.

Официант: Как вы сказали?

Петя (краснея): Я говорю, мне бёф-буи.

Официант (выпрямляясь): Что прикажете?

Петя (испуганно): Дайте мне бёф...

*(Официант выпрямляется, Петя вздрагивает и замолкает.
Некоторое время – молчание)*

Официант: Что прикажете подать?

Петя: Я бы хотел, если можно...

Официант: Чего изволите?

Петя: Бёф-буи, бёф-буи.

Официант: Как?

Петя: Беф...

Официант: Беф?

Петя (*радостно*): Буи!

Официант (*с удивлением*): Буи?

Петя (*кивая головой*): Беф-буи. беф-буи.

Официант (*задумчиво*): Беф-буи?

Петя: Если можно.

(Официант стоит задумавшись некоторое время, потом уходит. Петя придвигает стул к столу и собирается ждать.)

Через некоторое время появляется второй официант, подходит к Пете и кладет перед ним карточку.

Петя с удивлением смотрит на официанта)

<1935–1936>

535. Евстигнеев смеётся

Водевиль о трёх головах

Действующие лица:

Евстигнеев

I-ый Володя

II-ой Володя

Евдокия – жена Евстигнеева

Вера Александровна Сулинапова – двоюродная сестра

Евдокии.

Дворник Пётр Перец

Дворничиха

Амуры, зебры и античные девушки

Действие Первое

Евстигнеев стоит посередине комнаты и старается издать звук на флейте. Жена Евстигнеева Евдокия стоит перед ним на коленях

Евдокия: Евстигнеев! Дорогой муж мой! Супруг мой! Любимый человек и друг! Евстигнеев! Ну молю тебя, не дуй в флейту! Евстигнеев!

Евстигнеев смеётся: Хы-хы-хы!

Евдокия: Евстигнеев! Четыре с половиной года ты дуешь в эту флейту и, все равно ни звука издать не можешь! Брось! На коленях прошу тебя! Вот видишь? Я целую твои ноги. Неужели ты меня не слышишь? Ты злой, нехороший человек, Евстигнеев! Я тружусь дни и ночи, что бы мы не голодали с тобой. Я служу, бегаю по лавкам, готовлю обед, мою посуду, убираю комнату, стираю твоё бельё... Ты видишь, на что стали похожи мои руки? Я больная и несчастная, делаю не по сильную для себя работу. А ты? Знай дуешь в свою флейту! И ведь хоть бы прок был какой! А то, не только сыграть чего ни будь, а даже звука издать не можешь! Опомнись! Опомнись Евстигнеев!

Евстигнеев смеётся: Хы-хы-хы!

Евдокия: Нет, больше я не могу! Это не человек, а зверь какой-то! (*Поднимается с колен*) Слушай, Евстигнеев! Я делала всё, чтобы образумить тебя. Ничего не помогает. Я слабая и не могу сама отнять у тебя флейту. Ты меня просто поколотишь. Поэтому я решила прибегнуть к крайнему средству. Ты слышишь, что я тебе говорю? Евстигнеев! Ты слышишь?

Евстигнеев (*дует в флейту*): Фю-фю-фю!

Евдокия: Да ты слышишь, что я тебе говорю? Ах, так! И слушать не желаешь! Ну, ладно: сейчас прибегну к тому крайнему средству, о котором я тебе говорила. Не слушаешь? Ладно! Сейчас пойду и позову дворника!

Евстигнеев (*перестает дуть в флейту*).

Евдокия: Ты слышал? Сейчас позову дворника.

Евстигнеев: Зачем?

Евдокия: А затем, что мы с дворником отнимем у тебя флейту, сломаем её и выбросим на помойку.

Евстигнеев: Нет? Хы-хы-хы!

Евдокия: Не нет, а именно, да!

Евстигнеев: Как же так? (*рассматривает флейту и пробует в неё дунуть*)

Евдокия: Ах, ты опять! Ну ладно...

(*Стук в дверь*)

Евстигнеев и Евдокия молча стоят и слушают.

Стук повторяется.

Евдокия: Кто там?

Голос за дверью: Дарочка! Это я! Открой, силь-ву-пле!

Евдокия: Ах, это ты, Вера! Сейчас, одну минутку. *(Евстигнееву):* Спрячь флейту!

Евстигнеев смеётся: Хы-хы-хы!

Евдокия: Дай сюда флейту! Сию же минуту дай сюда флейту!

Евстигнеев *(пряча флейту за спину):* Хы-хы!

Евдокия: Сейчас Верочка! *(Евстигнееву):* Ты дашь мне флейту? Ах, так!.. *(проходит к двери и открывает её),* Входи Верочка!

(Входит Вера Александровна Сулинапова)

Евдокия: Вот познакомься: Евстигнеев, мой муж. А это Вера Александровна Сулинапова – моя двоюродная сестра.

Сулинапова *(подходя к Евстигнееву):* Очень рада с вами познакомиться!

Евстигнеев: Хы-хы-хы!

Евдокия: Садись, Вера, вот сюда и рассказывай, как ты живешь?

(Сулинапова садится с ногами на стул)

Сулинапова: О, душа моя, столько новостей! Столько новостей! Я брежу театрами и светской жизнью. Да, милочка, я вся для общества! Грегуар подарил мне тончайший заграничный чулок, но, к сожалению, только один. Так что его нельзя носить. Но я, когда ко мне приходят гости, бросаю этот чулок на диван, буд-то забыла его убрать, и все конечно думают, что у меня их пара. Борман увидел этот чулок и сказал: «Такими чулками кидаться нельзя!» А я ему сказала: «О! у меня их целая куча! А вот туфель нет!» Ах, да, милочка, жё свои малад, у меня болит под мышкой! Это Зайцев лез ко мне рукой за шиворот, но я его дальше подмышки не пустила. Не дам же я Зайцему хватать себя!

Евстигнеев: Хы-хы!

Сулинапова: Ой! Я говорю такие вещи в присутствии мужчины. Но вы всё таки муж моей сестры и потом, мы,

люди высшего общества, можем позволить себе некоторые фривольности.

Евстигнеев: Хы-хи! *(дует в флейту)*

Сулинапова: Что это?

Евдокия: Да это мой муж хочет на флейте играть.

Сулинапова: Господи! Зачем же это?

Евдокия: Ах, Вера! Он целые дни изводит меня этой флейтой. Вот видишь? Так он с утра до вечера.

Сулинапова: Да ты спрячь от него эту трубку.

Евдокия

<1935–1936>

536

– Н-да-а! – сказал я ещё раз дрожащим голосом. Крыса наклонила голову в другую сторону и всё так же продолжала смотреть на меня.

– Ну что тебе нужно? – сказал я в отчаянье.

– Ничего! – сказала вдруг крыса громко и отчётливо. Это было так неожиданно, что у меня прошел даже всякий страх.

А крыса отошла в сторону и села на пол около самой печки.

– Я люблю тепло, – сказала крыса, – а у нас в подвале ужасно холодно.

<Около января 1937>

537

У одной маленькой девочки начал гнить молочный зуб. Решили эту девочку отвести к зубному врачу, что бы он выдернул ей ее молочный зуб.

Вот однажды стояла эта маленькая девочка в редакции, стояла она около шкапа и была вся скрюченная.

Тогда одна редакторша спросила эту девочку, почему она стоит вся скрюченная, а девочка ответила, что она стоит так потому, что боится рвать свой молочный зуб, так как, должно быть, будет очень больно. А редакторша

спрашивает: «Ты очень боишься, если тебя уколят булавкой в руку?» Девочка говорит: «Нет». Редакторша уколола девочку булавкой в руку и говорит, что рвать молочный зуб не больше этого укола. Девочка поверила, пошла к зубному врачу и вырвала свой нездоровый молочный зуб.

Можно только отметить находчивость этой редакторши.

<6 января 1937 года>

538

Один человек, не желая более питаться сушёным горошком, отправился в большой гастрономический магазин, чтобы высмотреть себе чего ни будь иное, что ни будь рыбное, колбасное или даже молочное.

В колбасном отделе было много интересного, самое интересное была конечно ветчина. Но ветчина стоила 18 рублей, а это было слишком дорого. По цене доступна была колбаса, красного цвета, с тёмно-серыми точками. Но колбаса эта пахла почему то сыром, и даже сам приказчик сказал, что покупать её он не советует.

В рыбном отделе ничего не было, потому что рыбный отдел переехал временно туда, где раньше был винный, а винный отдел переехал в кондитерский, а кондитерский в молочный, а в молочном отделе стоял приказчик с таким огромным носом, что покупатели толпились под аркой и к прилавку ближе подойти боялись.

И вот наш человек, о котором идёт речь, потолкался в магазине и вышел на улицу.

Человек, о котором я начал эту повесть, не отличался никакими особенными качествами, достойными отдельного описания. Он был в меру худ, в меру беден и в меру ленив. Я даже не могу вспомнить, как он был одет. Я только помню, что на нём было что то коричневое, может быть брюки, может быть пиджак, а может быть только галстук. Звали его кажется Иван Яковлевич.

Иван Яковлевич вышел из Гастрономического магазина и пошёл домой. Вернувшись домой, Иван Яковлевич снял шапку, сел на диван, свернул себе папироску из махорки, вставил её в мундштук, зажёл её спичкой, выку-

рил, свернул вторую папироску, закурил её, встал, надел шапку и вышел на улицу.

Ему надоела его мелкая, безобразная жизнь, и он направился к Эрмитажу.

Дойдя до Фонтанки, Иван Яковлевич остановился и хотел было повернуть обратно, но вдруг ему стало стыдно перед прохожими: ещё начнут на него смотреть и оглядываться, потому что шёл шёл человек, а потом вдруг повернулся и обратно пошёл. Прохожие всегда на таких смотрят.

Иван Яковлевич стоял на углу, против аптеки. И вот, что бы объяснить прохожим свою остановку, Иван Яковлевич сделал вид, что ищет номер дома. Он, не переставая глядеть на дом, сделал несколько шагов вдоль по Фонтанке, потом вернулся обратно и, сам не зная зачем, вошёл в аптеку.

В аптеке было много народу. Иван Яковлевич попробывал протиснуться к прилавку, но его оттеснили. Тогда он посмотрел на стеклянный шкафчик, в котором в различных позах стояли различные флаконы различных духов и одеколонов.

Не стоит описывать, что ещё делал Иван Яковлевич, потому что все его дела были слишком мелки и ничтожны. Важно только то, что в Эрмитаж он не попал и к шести часам вернулся домой.

Дома он выкурил подряд четыре махорочных папиросы, потом лег на диван, повернулся к стене и попробывал заснуть.

Но должно быть, Иван Яковлевич перекурился, потому что сердце билось очень громко, а сон убежал.

Иван Яковлевич сел на диване и спустил ноги на пол.

Так просидел Иван Яковлевич до половины девятого.

– Вот если бы мне влюбиться в молодую красавицу даму, – сказал Иван Яковлевич, но сейчас же зажал себе рот рукой и вытравил глаза.

– В молодую брюнетку, – сказал Иван Яковлевич, отводя руку от рта. – В ту, которую я видел сегодня на улице.

Иван Яковлевич свернул папиросу и закурил.

В коридоре раздалось три звонка.

– Это ко мне, – сказал Иван Яковлевич, продолжая сидеть на диване и курить.

13 янв<аря> 1937 года

539. Сундук

Человек с тонкой шеей забрался в сундук, закрыл за собой крышку и начал задыхаться.

– Вот, – говорил, задыхаясь, человек с тонкой шеей, – я задыхаюсь в сундуке, потому что у меня тонкая шея. Крышка сундука закрыта и не пускает ко мне воздуха. Я буду задыхаться, но крышку сундука все равно не открою. Постепенно я буду умирать. Я увижу борьбу жизни и смерти. Бой произойдет неестественный, при равных шансах, потому что естественно побеждает смерть, а жизнь, обреченная на смерть, только тщетно борется с врагом, до последней минуты не теряя напрасной надежды. В этой же борьбе, которая произойдет сейчас, жизнь будет знать способ своей победы: для этого жизни надо заставить мои руки открыть крышку сундука. Посмотрим: кто кого? Только вот ужасно пахнет нафталином. Если победит жизнь, я буду вещи в сундуке пересыпать махоркой... Вот началось: я больше не могу дышать. Я погиб, это ясно! Мне уже нет спасения! И ничего возвышенного нет в моей голове. Я задыхаюсь!..

Ой! Что же это такое? Сейчас что то произошло, но я не могу понять, что именно. Я что то видел или что то слышал...

Ой! Опять что то произошло! Боже мой! Мне нечем дышать. Я, кажется, умираю...

А это еще что такое? Почему я пою? Кажется, у меня болит шея... Но где же сундук? Почему я вижу всё, что находится у меня в комнате? Да, никак, я лежу на полу! А где же сундук?

Человек с тонкой шеей поднялся с пола и посмотрел кругом. Сундука нигде не было. На стульях и на кровати лежали вещи, вынутые из сундука, а сундука нигде не было.

Человек с тонкой шейей сказал:
– Значит, жизнь победила смерть неизвестным для
меня способом.

30 января 1937 года

540

Григорий студнем подавившись
Прочь от стола бежит с трудом
На гостя хама рассердившись
Хозяйка плачет за столом.
Одна, над чашечкой пустой,
Рыдает бедная хозяйка.
Хозяйка милая, постой,
На картах лучше погадай-ка.
Ушёл Григорий. Срам и стыд.
На гостя нечего сердиться.
Твой студень сделан из копыт
Им всякий мог бы подавиться.

20 февраля 1937 года

Чармс

541

Григорий студнем подавился
И вдруг ушёл из-за стола
В прихожей он остановился
И плюнул в зеркало со зла.

21 февраля 1937 года

Чармс

542. Из дома вышел человек

Песенка

Из дома вышел человек
С дубинкой и мешком,

И в дальний путь,
И в дальний путь
Отправился пешком.

Он шел все прямо и вперед
И все вперед глядел.
Ни спал, ни пил,
Ни пил, ни спал,
Ни спал, ни пил, ни ел.

И вот однажды на заре
Вошел он в темный лес
И с той поры,
И с той поры,
И с той поры исчез.

Но если как-нибудь его
Случится встретить вам,
Тогда скорей,
Тогда скорей,
Скорей скажите нам.

Д. Хармс
1937

543. Кошки

Однажды по дорожке
Я шел к себе домой;
Смотрю и вижу: кошки
Сидят ко мне спиной.

Я крикнул: «Эй, вы, кошки!
Пойдете-ка со мной,
Пойдете по дорожке,
Пойдете-ка домой.

Скорей пойдете, кошки,
А я вам на обед

Из лука и картошки
Устрою винегрет».

– Ах, нет! – сказали кошки. –
Останемся мы тут! –
Уселись на дорожке
И дальше не идут.

Д. Хармс
1937

544. Всестороннее исследование

Ермолаев:

Я был у Блинова, он показал мне свою силу. Ничего подобного я никогда не видал. Это сила зверя! Мне стало страшно. Блинов поднял письменный стол, раскачал его и отбросил от себя метра на четыре.

Доктор:

Интересно бы исследывать это явление. Науки известны такие факты, но причины их непонятны. Откуда такая мышечная сила, учёные ещё сказать не могут. Познакомьте меня с Блиновым: я дам ему исследовательскую пилюлю.

Ермолаев:

А что это за пилюля, которую вы собираетесь дать Блинову.

Доктор:

Как пилюля? Я не собираюсь давать ему пилюлю.

Ермолаев:

Но вы же сами только что сказали, что собираетесь дать ему пилюлю.

Доктор:

Нет, нет, вы ошибаетесь. Про пилюлю я не говорил.

Ермолаев:

Ну уж извините, я то слышал как вы сказали про пилюлю.

Доктор:

Нет.

Ермол:

Что нет?

Дктр:

Не говорил!

Ермлв:

Кто не говорил?

Дктр:

Вы не говорили.

Ермлв:

Чего я не говорил?

Дктр:

Вы по моему чего то не договариваете.

Ермлв:

Я ничего не понимаю. Чего я не договариваю?

Дктр:

Ваша речь очень типична. Вы проглатываете слова, не договариваете начатой мысли, торопитесь и заикаетесь.

Ермлв:

Когда же я заикался? Я говорю довольно гладко.

Дктр:

Вот в этом то и есть ваша ошибка. Видите? Вы даже от напряжения начинаете покрываться красными пятнами. У вас ещё не похолодели руки?

Ермлев:

Нет. А что?

Дктр:

Так. Это моё предположение. Мне кажется, вам уже тяжело дышать. Лучше сядте, а то вы можете упасть. Ну вот. Теперь вы отдохните.

Ермлев:

Да зачем-же это?

Дктр:

Тсс. Не напрягайте голосовых связок. Сейчас я вам постораюсь облегчить вашу участь.

Ермлев:

Доктор! Вы меня пугаете.

Дктр:

Дружочек милый! Я хочу вам помочь. Вот возьмите это. Глотайте.

Ермлев:

Ой! Фу! Какой сладкий отвратительный вкус! Что это вы мне дали?

Дктр:

Ничего, ничего. Успокойтесь. Это средство верное.

Ермлев:

Мне жарко, и всё кажется зелёного цвета.

Дктр:

Да да да дружочек милый, сейчас вы умрете.

Ермолаев:

Что вы говорите? Доктор! Ой, не могу! Доктор! Что вы мне дали? Ой, доктор!

Дктр:

Вы проглотили исследовательскую пилюлю.

Ермолаев:

Спасите. Ой. Спасите. Ой. Дайте дышать. Ой. Спас...
Ой. Дышать...

Дктр:

Замолчал. И не дышит. Значит, уже умер. Умер, не найдя на земле ответов на свои вопросы. Да, мы, врачи, должны всесторонне исследывать явление смерти.

Даниил Чармс
21 июня 1937 года

545

– Есть-ли что ни будь на земле, что имело бы значение и могло бы даже изменить ход событий не только на земле, но в других мирах? – спросил я своего учителя.

– Есть, – ответил мне мой учитель.

– Что же это? – спросил я.

– Это... – начал мой учитель и вдруг замолчал.

Я стоял и напряженно ждал его ответа. А он молчал.

И я стоял и молчал.

И он молчал.

И я стоял и молчал.

И он молчал.

Мы оба стоим и молчим.

Хо – ля – ля!

Мы оба стоим и молчим!

Хо – лэ – лэ!

Да да, мы оба стоим и молчим!

16–17 июля 1937 года
Даниил Хармс.

546

Я долго смотрел на зелёные деревья

Покой наполнял мою душу.

Ещё по-прежнему нет больших и единых мыслей

Такие же клочья обрывки и хвостики.

То вспыхнет земное желание,
То протянется рука к занимательной книге
То вдруг хватаю листок бумаги,
То тут же в голову сладкий сон стучится.
Сажусь к окну в глубокое кресло,
Смотрю на часы, закуриваю трубку,
Но тут же вскакиваю и перехожу к столу,
Сажусь на твердый стул и скручиваю
себе папиросу.

Я вижу бежит по стене паучок
Я слежу за ним, не могу оторваться.
Он мне мешает взять в руки перо.
Убить паука!
Лень подняться.
Теперь я гляжу внутрь себя.
Но пусто во мне, однообразно и скучно,
Нигде не бьется интенсивная жизнь,
Всё вяло и сонно как сырая солома.
Вот я побывал сам в себе
И теперь стою перед вами.
Вы ждёте, что я расскажу о своем путешествии,
Но я молчу, потому что я ничего не видел.
Оставьте меня и дайте спокойно
смотреть на зелёные деревья.
Тогда может быть покой наполнит мою душу.
Тогда быть может проснется моя душа,
И я проснусь, и во мне зайдёт
интенсивная жизнь.

Даниил Хармс
2 августа 1937 года

547

Человек берёт косу
Я хочу его спросить:
Что ты делаешь в лесу?

Я траву хочу косить
Отвечает мне косарь
Закрывая правый глаз
И в глазу его фонарь
В тот же миг уже погас.
Ты бы шляпу снял мужик,
Говорю ему, а он
Отвечает: Это шик,
Я ведь франт со всех сторон.
Но такое франтовство
Непонятно никому
Это просто баловство, –
Обращаюсь я к нему.
Нет, сказал он, не скажите,
Я сказал бы, что не так
Вы хоть руки мне свяжите,
Отрубите мне кулак,
Сквозь лицо проденьте нитку,
Суньте ноги под кибитку
Распорите мне живот
Я скажу тогда: ну вот
Вы меня распотрошили,
Рот верёвками зашили
Но кричу я вам в лицо:
Вы подлец и вы яйцо!

Я – Удивляюсь вашей речи,
Где ответ на мой вопрос?
Вы молчите, только в плечи
Глухо прячьте свой нос.
Вы молчите словно пень,
Вам ответить просто лень.
Ваша дерзкая усмешка
Не пристала вам к лицу
Вы глупы как сыроежка.
О, поверте подлецу!

Он – Я бы рад молчать веками
И дробить бы лбом гранит.
Кто искусными руками
Жизнь до гроба сохранит?

Кто холодною косою
По моим скользит ногам?
Я голодный, я босой
Мимо вас иду к богам.
По дороге вверх бегущей
Я к богам иду с мечом.
Вот и ангел стерегущий
Заградил мне путь плечом.
Стой! – гремит его приказ
Ты в дверях стоишь как раз.
Дальше рай – сады блаженства
Чтобы в рай тебе войти,
Ты достигни совершенства,
Иль назад повороти.
Я задумался: Ну что же,
Если путь мой в райский сад
Преграждён Тобой, о Боже –
Я пойду тогда назад.
Стой! воскликнул ангел грозный
Ты мне чушь не бормочи
Бог слетит к тебе серьёзный
Вынет райские ключи
Хлопнет ими по балкону
И отвесив по поклону
Во все стороны вселенной,
Улетит домой нетленный.
А потом примчится снова
С вихрем звёзд и тучей птиц
И как бури неба слово
Вдруг на землю рухнет ниц.
Дрогнет мир. Померкнет свет
И тебя исчезнет след.
Тут я поднял страшный вой:
О небесный часовой
Мысль твоя течёт обратно
Как ручей бегущий в гору,
Мне безумцу непонятно
Моему не ясно взору
Моему не близко уху
Слушать неба смутный гла<с>.
Пропусти меня как муху

Через двери в рай как раз.
Ангел молча улыбнулся,
Поднял камень из-под ног,
Осторожно оглянулся,
Вдруг рукою размахнулся
И пустил мне камень в бок.
Этот камень был по счастью
бестелесный,
Потому что этот камень был небесный.

2 августа 1937 года.

548

Я плавно думать не могу
Мешает страх
Он пререзает мысль мою
Как лучь
В минуту по два, по три раза
Он сводит судоргой моё сознание
Я ничего теперь не делаю
И только мучаюсь душой.

Вот грянул дождь,
Остановилось время,
Часы беспомощно стучат
Расти трава, тебе не надо время.
Дух Божий говори, Тебе не надо слов.

Цветок папируса, твоё спокойствие
прекрасно
И я хочу спокойным быть, но всё
напрасно.

*12 августа 1937 года
Детское Село*

549

Мы – это люди
Вы – это боги
Наши деревни
Ваши дороги

*12 августа 1937 года
Детское Село*

550

Желанье сладостных забав
Меня преследует
Я прочь бегу, но бег мой тих
Мне сапоги не в пору
Бегу по гладкой мостовой,
Но тяжело, как буд то лезу в гору.

Желанье сладостных забав
Меня преследует
Я прочь бегу, но бег мой тих
Я часто часто отдыхаю,
Потом ложусь на мостовой
И быстр<o> быстр<o> засыпаю.

Желанье сладостных забав
Меня во сне преследует.
Я прочь бегу, но бег мой тих
О да! Быстрее бежать мне следует
Но лень как ласковая тень
Мне все движенья сковывает.
И я ложусь. И меркнет день
И ночь мне мысли стягивает

И снова сладостных забав
Желанье жгучее несётся
Я прочь бегу, бегу всю ночь,
Пока над миром первый солнца луч
взовьётся.

И сон во мне кнутом свистит,
И мыслей вихри ветром воют...
А я с открытыми глазами
Встречаю утро.

*13 августа <1937>
Ленинград*

551

Я видел: медленные веки
Она лениво подняла
И взглядом ласковые реки
Она лениво обвела

<после 13 августа 1937>

552

Глоб: Я руку протянул, И крикнул:
Вот потеха!
Стоял тут некогда Собор,
А ныне вежа.
А тут когда то был пустырь,
А ныне школа
А там – когда то монастырь,
Святителя Никола
А ныне только сад фруктовый
Качает сочные плоды
Да Храм Святителя Никола
Стоит в саду без головы.

Селлей: Молчи молчи безумный Глоб
Не то пушу тебе я пулю в лоб.
Довольно ныть. И горю есть предел
Но ты не прав. Напрасно ноеш<ь>
Ты жизни ходы проглядел.
Ты сам себе могилу роеш<ь>.

Глоб: Какие жизни ходы?
Селлей Селлей!
Нам не открыть закон природы.
Селлей Селлей!
Пройдёт с годами увлеченье
Устанет ум
Селлей Селлей!
Забудет мир своё ученье
И сладость дум
Селлей Селлей!

Селлей: Молчи, несносное создание
Унылых мыслей философ.
Хотя бы раз в твоё сознание
Проник ли жизни громкий зов?

<После 13 августа 1937>

553

«Макаров! Подожди!» – кричал Сампсонов, но Макаров, не обращая внимания на крики Сампсонова, бежал и бежал. Уже не хватало дыхания, уже клокотало в груди у Макарова, но Макаров бежал, размахивая кулаками и глотая воздух широко раскрытым ртом.

Не смотря на все усилия, Макаров бежал небыстро, поминутно спотыкался и придерживался руками за все встречные предметы. Наконец, пробегая мимо ветлы, Макаров зацепился карманом за сучок и остановился.

Теперь побежал Сампсонов. Сампсонов бежал легко и свободно, прижав кулаки к бокам. На лице Сампсонова сияла счастливая улыбка и было видно, что бег ему доставляет удовольствие.

– Эй, Макаров! Сейчас я до тебя добегу! – крикнул Сампсонов, но с этими словами спотыкнулся о кочку и упал.

Теперь опять побежал Макаров. Макаров бежал в лес. Вот он мелькнул среди кустов можжевельника, потом его

голова показалась из за мелких сосенок и наконец Мака-
ров окончательно скрылся с глаз.

Сампсонов вынул из кармана маленькую черную гну-
тую трубку с металлической крышечкой и резиновый
кисет, набил трубку табаком, раскурил её, сел на пенёк и
пустил облако синего табачного дыма.

<Август 1937>.

554

Деды жили, деды знали
Как им жить и как им быть
Мы же внуки всё забыли
Мы плывём, не зная куда нам плыть.

Деды строили заборы
Разводили скот и птиц
Деды были инженеры
Своих задумчивых и гордых лиц.

Мы же дедов наших внуки
Сильно двинулись вперед
Верим только лишь науке,
А наука, всегда почти, врёт.

Врёт проклятая наука,
Что бессмертья людям нет.
Врёт! И в том моя порука,
Что науке скоро капут.

Потому что нет науки,
А бессмертье людям есть
Я видал такие знаки.
Я слышал такую весть.
Очень скучно было б миру,
Человеку и душе
Если б жил и бух в могилу!
И вот уже на том свете атташе.

<сентябрь 1937>

555. <<Голубая тетрадь>>

В Альбом.

Я видел однажды, как подрались муха и клоп. Это было так страшно, что я выбежал на улицу и убежал чорт знает куда.

Так и в альбоме: напакостишь, а потом уже поздно будет.

Хармс

23 авг<уста> 1936

① Мое мнение о путешествиях кратко: Путешествуя, не езжай слишком далеко, а нето увидишь этакое, что потом и забыть будет невозможно. А если что либо сидит в памяти слишком упорно, человеку делается сначала не по себе, а потом и вовсе трудно поддерживать свою бодрость духа.

② Так например: один часовых дел мастер, тов. Бадаев, не мог позабыть слышанную им некогда фразу: «Если бы небо было криво, оно не стало бы от этого ниже». Эту фразу тов. Бадаев понять толком не мог, она его раздрожала, он находил ее неразумной, даже лишенной всякого смысла, даже вредной, потомучто в ней было утверждение явно неправильное (тов. Бадаев чувствовал, что знающий физик сумел-бы что то сказать по поводу «высоты неба» и придрался бы к выражению «небо криво»). Попадись эта фраза Перльману, и тов. Бадаев знал, что смысл этой фразы Перльман разорвал бы в клочья, как молодой пёс разрывает в клочья ночные туфли) явно враждебное нормальной европейской мысли. Если же утверждение в этой фразе было истинно, то тогда оно было слишком неважно и ничтожно, что бы о нём говорить. И во всяком случае, услышав однажды эту фразу, её следовало бы сразу же забыть. Но вот этого-то и не получалось: тов. Бадаев постоянно помнил эту фразу и тяжело страдал.

③ Человеку полезно знать только то, что ему полагается. Могу в пример привезти следующий случай: один

человек знал немного больше, а другой немного меньше того, что им полагалось знать. И что же? Тот, что знал немного меньше, разбогател, а тот, что знал немного больше – всю жизнь прожил только в достатке.

④ С давних времён люди задумываются о том, что такое ум и глупость. По этому поводу я вспоминаю такой случай: Когда моя тётка подарила мне письменный стол, я сказал себе: «ну вот, сяду за стол и первую мысль сочиню за этим столом особенно умную». Но особенно умной мысли я сочинить не мог. Тогда я сказал себе: «Хорошо. Не удалось сочинить особенно умную мысль, тогда сочиню особенно глупую». Но и особенно глупую мысль сочинить тоже не мог.

⑤ Всё крайнее сделать очень трудно. Средние части делаются легче. Самый центр не требует никаких усилий. Центр – это равновесие. Там нет никакой борьбы.

⑥ Надо ли выходить из равновесия?

⑦ Путешествуя, не предавайся мечтам, а фантазируй и обращай внимание на все даже мелочи.

⑧ Сидя на месте, не верти ногами.

⑨ Всякая мудрость хороша, если её кто ни будь понял. Не понятая мудрость может запылиться.

⑩ Был один рыжий человек, у которого не было глаз и ушей. У него не было и волос, так что рыжим его называли условно. Говорить он не мог, так как у него не было рта. Носа тоже у него не было. У него не было даже рук и ног. И живота у него не было, и спины у него не было, и хребта у него не было, и никаких внутренностей у него не было. Ничего у него не было. Так что не понятно, о ком идёт речь. Уж лучше мы о нём не будем больше говорить.

7 января 1937 года

⑪ У одной бабушки было во рту только четыре зуба. Три зуба наверху, а один внизу. Жевать бабушка этими зубами не могла. Собственно говоря, они были ей ни к чему. И вот бабушка решила удалить себе все зубы и вставить в нижнюю десну штопор, а в верхнюю маленькие щипчики. Бабушка пила чернила, ела бурачки, а уши прочищала спичками. У бабушки было четыре зайца. Три зайца наверху, а один заяц внизу. Бабушка ловила зайцев руками и сажала их в небольшие клеточки. Зайцы плакали и чесали задними ногами свои уши. Зайцы пили чернила и ели бурачки. Се-се-се! Зайцы пили чернила и ели бурачки!

⑫ Некий Пантелей ударил пяткой Ивана.
Некий Иван ударил колесом Наталью.
Некая Наталья ударила намордником Семёна.
Некий Семён ударил корытом Селифана.
Некий Селифан ударил поддёвкой Никиту.
Некий Никита ударил доской Романа.
Некий Роман ударил лопатой Татьяну.
Некая Татьяна ударила кувшином Елену.
И началась драка.
Елена била Татьяну забором.
Татьяна била Романа матрацом.
Роман бил Никиту чемоданом.
Никита бил Селифана подносом.
Селифан бил Семёна руками.
Семён плевал Наталье в уши.
Наталья кусала Ивана за палец.
Иван легал Пантелея пяткой.
Эх, думали мы, дерутся хорошие люди.

⑬ Одна девочка сказала: «гвя».
Другая девочка сказала: «хфы».
Третья девочка сказала: «мбрю».
А Ермаков капусту из-под забора хряпал,
хряпал и хряпал.
Видно вечер уже наступал.
Мотька с гавном наигрался и спать пошёл.
Моросил дождик.
Свиньи горох ели.

Рагозин в женскую баню подглядывал.
Сенька на Маньке верхом сидел.
Манька же дремать начала.
Потемнело небо. Заблестали звёзды.
Пот полом крысы мышку загрызли.
Спи, мой мальчик, и не пугайся глупых снов.
Глупые сны от желудка.

⑭ Брейте бороду и усы!
Вы не козлы, что бы бороду носить.
Вы не коты, чтобы усами шевелить.
Вы не грибы, что бы в шляпках стоять.
Эх, барышни!
Посдергайте ваши шапочки!
Эх, красоточки!
Посдергайте ваши юбочки!
Ну ка ты, Манька Марусина,
Сядь ка на Петьку Елабонина.
Стрегите, девочки, ваши косички.
Вы не зебры, что бы бегать с хвостиками.
Толстенские девочки,
Пригласите нас на праздники.

⑮ Ведите меня с завязанными глазами.
Не пойду я с завязанными глазами.
Развежите мне глаза и я пойду сам.
Не держите меня за руки,
Я рукам волю дать хочу.
Расступитесь, глупые зрители,
Я ногами сейчас шпыняться буду.
Я пройду по одной половине и не пошатнусь,
По карнизу пробегу и не рухну.
Не перечте мне. Пожалеете.
Ваши трусливые глаза неприятны богам.
Ваши рты раскрываются некстати.
Ваши носы не знают вибрирующих запахов.
Еште суп – это ваше занятие.
Подметаите свои комнаты – это вам положено

от века.

Но снимите с меня бандажи и набрюшники,
Я солью питаюсь, а вы сахаром.

У меня свои сады и свои огороды.
У меня в огороде пасётся своя коза.
У меня в сундуке лежит меховая шапка.
Не перечте мне, я сам по себе, а вы для меня
только четверть дыма.

8 января 1937 года

①6) Сегодня я ничего не писал. Это неважно.

9 января

Жалобные звуки испускал Димитрий.
Анна рыдала, уткнувшись головой в подушку.
Плакала Маня.

①8) – Федя, а Федя!

– Что-с?

– А вот я тебе покажу что-с!

(Молчание).

– Федя, а Федя!

– В чём дело?

– Ах ты, сукин сын! Ещё в чём дело спрашиваешь.

– Да что вам от меня нужно?

– Видали? Что мне от него нужно! Да я тебя, мерзавца, за такие слова... Я тебя так швырну, что полетишь, сам знаешь, куда!

– Куда?

– В горшок.

(Молчание).

①9) – Федя, а Федя?

– Да что вы, тётенька, с ума сошли?

– Ах! Ах! Повтори, как ты сказал!

– Нет, не повторю.

– Ну то-то! Знай своё место! Небось! Тоже!

23 февраля 1937 года

②0) Я подавился бараньей костью.

Меня взяли под руки и вывели из за стола.

Я задумался.
Пробежала мышка.
За мышкой бежал Иван с длинной палкой.
Из окна смотрела любопытная старуха.
Иван, пробегая мимо старухи, ударил её палкой по морде.

⑲ С прогулки возвратясь домой,
Я вдруг воскликнул: Боже мой!
Ведь я гулял четыре дня!
И что подумает родня?

⑳ Погибли мы в житейском поле.
Нет никакой надежды боле.
О счастья кончилась мечта.
Осталась только нищета.

3 апр<еля> 1937 года

㉑ Обладать только умом и талантом слишком мало.
Надо иметь ещё энергию, реальный интерес, чистоту мысли и чувство долга.

㉒ Вписываю сюда события сегодняшнего дня, ибо они поразительны. Вернее: особенно поразительно одно событие, я его подчеркну.

1) Мы вчера ничего не ели. 2) Утром я взял в сберкассе 10 руб., оставив на книжке 5, чтобы не закрыть счёта. 3) Зашёл к Житкову и занял у него 60 руб. 4) Пошёл домой, закупаая по дороге продукты. 5) Погода прекрасная, весенняя. 6) Поехал с Мариной к Буддийской пагоде, взяв с собой сумку с бутербродами и фляжку с красным вином, разбавленным водой. 7) На обратном пути зашли в комиссионный магазин и увидели там фисгармонию Жадмейера двухмануального, копию с Филармонической. Цена 900 руб. только! Но пол часа тому назад её купили! 7а) У Alexandr'a видел замечательную трубку. 85 рублей. 8) Пошли к Житкову. 9) С Житковым узнали, кто купил фисгармонию и поехали по адресу: Песочная 31 кв. 46 Левинский. 10) Перекупить не удалось. 11) Вечер провели у Житкова.

4 апреля

25 Довольно праздности и безделья! Каждый день раскрывай эту тетрадку и вписывай сюда не менее пол страницы. Если нечего записать, то запиши хотя бы по совету Гоголя, что сегодня ничего не пишется. Пиши всегда с интересом и смотри на писание как на праздник.

11 апр<еля> 1937 года

27 Так начинается голод:
С утра просыпается бодрим,
Потом начинается слабость,
Потом начинается скука;
Потом наступает потеря
Быстрого разума с и л ы, –
Потом наступает спокойствие,
А потом начинается ужас.

<4 октября 1937>

28 Тебя мечтания погубят.
К суровой жизни интерес
Как дым исчезнет. В тоже время
Посол небес не прилетит.
Увянут страсти и желанья,
Промчится юность пылких дум...
Оставь! Оставь, мой друг, мечтанья
Освободи от смерти ум.

4 октября 1937 года

29 День
(Амфибрахий)
И рыбка мелькает в прохладной реке,
И маленький домик стоит вдалике,
И лает собака на стадо коров,
И под гору мчится в тележке Петров,
И вьется на домике маленький флаг,
И зреет на нивах питательный злак,
И пыль серебрится на каждом листе,
И мухи со свистом летают везде,
И девушки, греясь на солнце, лежат,

И пчёлы в саду над цветами жужжат,
И гуси ныряют в тенистых прудах,
И день пробегает в обычных трудах.

25/26 октября 1937 года

556

Я сегодня лягу раньше,
Раньше лампу погашу,
Но зато тебя пораньше
Разбудить меня прошу.

Это просто удивленье
Как легко меня будить!
Ты поставь на стол варенье, —
Я проснусь в одно мгновенье.
Я проснусь в одно мгновенье,
Чтобы чай с вареньем пить.

2 ноября 1937 года.

557. Пассакалия № 1

Тихая вода покачивалась у моих ног.

Я смотрел в темную воду и видел небо.

Тут, на этом самом месте, Лигудим скажет мне формулу постраения несуществующих предметов.

Я буду ждать до пяти часов, и если Лигудим за это время не покажется среди тех деревьев, я уйду. Мое ожидание становится обидным. Вот уже два с половиной часа стою я тут, и тихая вода покачивается у моих ног.

Я сунул в воду палку. И вдруг под водой кто то схватил мою палку и дёрнул. Я выпустил палку из рук и деревянная палка ушла под воду с такой быстротой, что даже свистнула.

Растерянный и испуганный стоял я около воды.

Лигудим пришел ровно в пять. Это было ровно в пять, потому что на том берегу промчался поезд: ежедневно ровно в пять он пролетает мимо того домика.

Лигудим спросил меня, почему я так бледен. Я сказал. Прошло четыре минуты, в течении которых Лигудим смотрел в темную воду. Потом он сказал: «Это не имеет формулы. Такими вещами можно пугать детей, но для нас это неинтересно. Мы не собиратели фантастических сюжетов. Нашему сердцу милы только бессмысленные поступки. Народное творчество и Гофман противны нам. Частокол стоит между нами и подобными загадочными случаями».

Лигудим повертел головой во все стороны и, пятась, вышел из поля моего зрения.

10 ноября 1937 года.

558

Такие же длинные усы, как у пана Пшеховского, были у Матвея Соломанского. Пан Пшеховский гордился своими усами и глупая рожа Матвея Соломанского приводила пана в ярость. Пан стучал каблуками и кулаками, скалил зубы и плевал в стену; пан чернел от ярости и кричал тонким противным голосом.

Я писал стихи о часах, а в соседней комнате сидел пан Пшеховский и шил на швейной машинке карманы. Машинка стучала неравномерно и мешала мне сосредоточиться. Пан шил на машинке очень плохо; слышно было, как он ругал челнок и нитку, но, когда челнок и нитка подчинялись панской воли, пан вертел ручку машинки и ругал Матвея Соломанского.

Мне надоела эта постоянная ругань и стук швейной машинки. Я плюнул и вышел на улицу.

<Между 10 и 15 ноября 1937>

559. Мальтониус Ольбрен

Сюжет: Ч. желает подняться на три фута над землей. Он стоит часами против шкапа. Над шкапом висит картина, но ее невидно: мешает шкап. Проходит много дней, недель и месяцев. Человек каждый день стоит перед шкапом и старается подняться на воздух. Подняться ему не удаётся, но зато ему начинает являться видение, всё одно и то же. Каждый раз он различает всё большие и большие подробности. Ч. забывает, что он хотел подняться над землей, и целиком отдаётся изучению видения. И вот однажды, когда прислуга убирала комнату, она попросила его снять картину, чтобы вытереть с неё пыль. Когда Ч. встал на стул и взглянул на картину, то он увидел, что на картине изображено то, что он видел в своём видении. Тут он понял, что он давно уже поднимается на воздух и висит перед шкапом и видит эту картину.

Разработка.

15 ноября 1937 года

560. Грязная личность

Сенька стукнул Федьку по морде и спрятался под коммод.

Федька достал кочергой Сеньку из под коммода и оторвал ему правое ухо.

Сенька вывернулся из рук Федьки и с оторванным ухом в руках побежал к соседям.

Но Федька догнал Сеньку и двинул его сахарницей по голове.

Сенька упал и, кажется, умер.

Тогда Федька уложил вещи в чемодан и уехал во Владивосток.

Во Владивостоке Федька стал портным; собственно говоря, он стал не совсем портным, потому что шил только дамское белье, преимущественно, панталоны и

бюстхальтеры. Дамы не стеснялись Федыки, прямо при нём поднимали свои юбки, и Федыка снимал с них мерку. Федыка, что называется, насмотрелся видов.

Федыка – грязная личность.

Федыка – убийца Сеньки.

Федыка – сладострасник.

Федыка – обжора, потому, что он каждый вечер съедал по двенадцати котлет. У Федыки вырос такой живот, что он сделал себе корсет и стал его носить.

Федыка безсовестный человек: он отнимал на улице у встречных детей деньги, он подставлял старичкам подножку и пугал старух, заноса над ними руку, а когда перепуганная старуха шарахалась в сторону, Федыка делал вид, что поднял руку только для того, чтобы почесать себе голову.

Кончилось тем, что к Федыке подошел Николай, стукнул его по морде и спрятался под шкаф.

Федыка достал Николая из под шкапа кочергой и разорвал ему рот.

Николай с разорванным ртом побежал к соседям, но Федыка догнал его и ударил его пивной кружкой. Николай упал и умер.

А Федыка собрал свои вещи и уехал из Владивостока. -----

21 ноября 1937 года.

Написано в два приёма.

561

М. Д. Омайс

Пришёл конец. Угасла сила
Меня зовёт к себе могила.
И жизни вдруг потерян след.

Всё тише тише сердце бьётся,
Как туча смерть ко мне несётся
И гаснет в небе солнца свет.

Я вижу смерть. Мне жить нельзя.
Земля прощай! Прощай земля!

<1937>

562

Неизвестный автор

Как страшно тают наши силы
Как страшно тают наши силы
Но Боже слышет наши просьбы
Но Боже слышет наши просьбы
И вдруг нисходит Боже
И вдруг нисходит Боже к нам.

Как страшно тают наши силы
Как страшно!
Как страшно!
Как страшно тают наши силы.
Но Боже слышет наши просьбы
Но Боже слышет наши просьбы,
И вдруг нисходит Боже
И вдруг нисходит Боже к нам.

<1937>

563

① Семья Апраксиных состояла из четырёх членов: глава семейства Фёдор Игнатьевич Апраксин, его жена Серафима Петровна Апраксина, сестра жены Антонина

Петровна Кутенина и дальний родственник Фёдора Игнатьевича Семён Семёнович Кэкс... ② Жили они в небольшой квартирке из двух комнат. Одна комната называлась спальней, а другая столовой. Жена, муж и Антонина Петровна жили в спальне, а в столовой жил Семён Семёнович Кэкс. Главным героем нашего небольшого рассказа будет именно этот Семён Семёнович, в потому разрешите описать его наружность и характер. ③ Семён Семёнович был франт. Он был всегда гладко выбрит и хорошо подстрижен. Галстук был всегда выглажен и хорошо завязан. Семён Семёнович не носил длинных брюк, а ходил всегда в «гольфах», потому что, как уверял Семён Семёнович, гольфы не так мнутся и их не надо часто утюжить. Для стиля к гольфам Семён Семёнович курил трубку и потому на улицах его звали американцем.

<1937>

564

① Не маши колесом, не стругай колесо, не смотри в воду, не грызи камни. ② Колесом не бей, не крути колесо, не ложись в воду, не дробь камни. ③ Не дружи с колесом, не дразни колесо, спусти его в воду, привяжи к нему камень. ④

<1937>

565

Я залез на забор, но тотчас же свалился.

– Э х , – сказал я и опять полез на забор. Но только я уселся верхом на заборе, как вдруг подул ветер и сорвал с моей головы шляпу. Шляпа перелетела через курятник и упала в лопухи.

<1937>

Иван Яковлевич Бобов проснулся в самом приятном настроении духа. Он выглянул из под одеяла и сразу же увидел потолок. Потолок был украшен большим серым пятном с зеленоватыми краями. Если смотреть на пятно пристально, одним глазом, то пятно становилось похоже на носорога, запряжённого в тачку, хотя другие находили, что оно больше походит на трамвай, на котором сидит верхом великан, а впрочем, в этом пятне можно было усмотреть и очертание даже какого-то города. Иван Яковлевич посмотрел на потолок, но не в то место, где было пятно, а так, неизвестно куда, при этом он улыбнулся и сощурил глаза. Потом он вытаращил глаза и так высоко поднял брови, что лоб сложился как гармошка и чуть совсем не исчез, если бы Иван Яковлевич не сощурил глаза опять и вдруг, буд то устыдившись чего-то, натянул одеяло себе на голову. Он сделал это так быстро, что из под другого конца одеяла выставились голые ноги Ивана Яковлевича и сейчас же на польшой палец левой ноги села муха. Иван Яковлевич подвигал этим пальцем и муха перелетела и села на пятку. Тогда Иван Яковлевич схватил одеяло обеими ногами, одной ногой он подцепил одеяло с низу, а другую ногу он вывернул и прижал ей одеяло с верху, и таким образом стянул одеяло со своей головы. «Шиш», – сказал Иван Яковлевич и надул щёки. Обыкновенно, когда Ивану Яковлевичу что ни будь удавалось или, наоборот, что ни будь совсем не выходило, Иван Яковлевич всегда говорил «Шиш»; разумеется, не громко и вовсе не для того, чтобы кто ни будь это слышал, а так, про себя, самому себе. И вот, сказав «шиш», Иван Яковлевич сел на кровати и протянул руку к стулу, на котором лежали его брюки, рубашка и прочее бельё. Брюки Иван Яковлевич любил носить полосатые. Но раз действительно нигде нельзя было достать полосатых брюк. Иван Яковлевич и в Ленинградодежде был, и в Универмаге, и в Пассаже, и в Гостинном дворе, и на Петроградской стороне обошёл все магазины, даже куда-то на Охту съездил, но нигде полосатых брюк не нашёл. А старые брюки Ивана Яковлевича износились уже на

столько, что одеть их стало невозможно. Иван Яковлевич зашивал их несколько раз, но наконец и это перестало помогать. Иван Яковлевич ещё раз обошёл все магазины и опять не найдя нигде полосатых брюк, решил наконец купить клетчатые. Но и клетчатых брюк нигде не оказалось. Тогда Иван Яковлевич решил купить себе серые брюки, но и серых нигде не нашёл. Не нашлись нигде и чёрные брюки, годные на рост Ивана Яковлевича. Тогда Иван Яковлевич пошёл покупать синие брюки, но пока он искал черные, пропали всюду и синие, и коричневые. И вот, наконец, Ивану Яковлевичу пришлось купить зелёные брюки с жёлтыми крапинками. В магазине Ивану Яковлевичу показалось, что брюки не очень уж яркого цвета и желтая крапинка вовсе не режет глаз. Но придя домой, <Иван Яковлевич> обнаружил, что одна штанина и точно буд-то благородного оттенка, но зато другая просто бирюзовая и желтая крапинка так и горит на ней. Иван Яковлевич попробывал вывернуть брюки на другую сторону, но там обе половины имели тяготение перейти в жёлтый цвет с зелёными горошинами и имели такой весёлый вид, что, кажись, вынеси такие штаны на эстраду после сеанса кинематографа, и ничего больше не надо, публика пол часа будет смеяться. Два дня Иван Яковлевич не решался надеть новых брюк, но когда старые разодрались так, что издали можно было видеть, что и кальсоны Ивана Яковлевича требуют починки, пришлось надеть новые брюки. Первый раз в новых брюках Иван Яковлевич вышел очень осторожно. Выйдя из подъезда, он посмотрел раньше в обе стороны, а убедившись, что никого по близости нет, вышел на улицу и быстро зашагал по направлению к своей службе. Первым повстречался яблочный торговец с большой корзиной на голове. Он ничего не сказал увидя Ивана Яковлевича, и только когда Иван Яковлевич прошёл мимо, остановился и, так как корзина не позволила повернуть голову, то яблочный торговец повернулся весь сам и посмотрел вслед Ивану Яковлевичу, может быть, даже покачал бы головой, если бы опять таки не всё таже корзина. Иван Яковлевич бодро шёл вперёд, считаю свою встречу с торговцем хорошим предзнаменованием, он не видел маневра торговца и утешал себя, что брюки не так уж

бросаются в глаза. Теперь на встречу Ивану Яковлевичу шёл такой же служащий, как и он, с портфелем под мышкой. Служащий шёл быстро, зря по сторонам не смотрел, а больше смотрел себе под ноги. Поровнявшись с Иваном Яковлевичем, служащий скользнул взглядом по брюкам Ивана Яковлевича и остановился. Иван Яковлевич остановился тоже. Служащий смотрел на Ивана Яковлевича, а Иван Яковлевич на служащего.

– Простите, – сказал служащий, – вы не можете сказать мне, как пройти в сторону... этого... государственно-го... биржи?

– Это вам надо итти по мостовой... по мосту... нет, вам надо итти так, а потом т а к , – сказал Иван Яковлевич.

Служащий сказал спасибо и быстро ушёл, а Иван Яковлевич сделал несколько шагов вперёд, но увидав, что теперь навстречу ему идёт не служащий, а служащая, опустил голову и перебежал на другую сторону улицы. На службу Иван Яковлевич пришёл с опозданием и очень злой. Сослуживцы Ивана Яковлевича конечно обратили внимание на зелёные брюки со штанинами разного оттенка, но, видно, догадались, что это причина злости Ивана Яковлевича и расспросами его не беспокоили. Две недели мучился Иван Яковлевич, ходя в зелёных брюках, пока один из его сослуживцев, Апполлон Максимович Шилов, не предложил Ивану Яковлевичу купить полосатые брюки самого Апполлона Максимовича, буд то бы не нужные Апполлону Максимовичу.

<1934–1937>

567. Бесстыдники

Опера в четырёх действиях

I Действие

Картина I

Сцена пустынная. Вдали нарисованы горы. Нарисовано, как с горы сбегает человек с самоваром в руках. На сцене стоят два стула.

Боголюбов стоит на сцене и держит в руке палку.
Против Боголюбова стоит Порошков.

Боголюбов (*поёт*): Вот я тебя сейчас побью!

Порошков (*поёт*): Нет, ты меня не побьёшь!

Боголюбов: Нет, побью!

Порошков: Однако, не побьёшь!

Боголюбов: Побью!

Порошков: Не побьёшь! (*Оба садятся на стулья*).

I Хор: Он его побьёт.

II Хор: Нет, он его побьёт.

Боголюбов (*вставая*): Сейчас я тебя побью (*ударяет Порошкова палкой, но Порошков увёртывается от удара*).

<1934–1937>

568

Василий Антонович вышел из дома, купил себе шляпу и отправился в Летний Сад. Гуляя в Летнем Саду, Василий Антонович потерял свои часы. Сильно опечаленный этим, Василий Антонович повернул к дому, но по дороге промочил ноги и пришёл домой со страшной зубной болью. Василий Антонович разделся и лёг в кровать. Но зубная боль не давала ему заснуть. Василий Антонович хотел принять аспирин, да по ошибке принял салол. И так промучавшись всю ночь, Василий Антонович встал на другой день утром с одутловатым лицом.

<1934–1937>

569

Антон Антонович сбрил себе бороду и все его знакомые перестали его узнавать.

«Да как же так, – говорил Антон Антонович, – ведь это я, Антон Антонович. Только я себе бороду сбрил».

«Ну да! – говорили знакомые. – У Антона Антоновича была борода, а у вас её нету».

«Я вам говорю, что и у меня была борода, да я её сбрил», – говорил Антон Антонович.

«Мало ли у кого раньше борода была!» – говорили знакомые.

«Да что же это, в самом деле, – говорил, разозлясь, Антон Антонович, – кто же я тогда, по-вашему?»

«Не знаем, – говорили знакомые, – только вы не Антон Антонович».

Антон Антонович растерялся и не знал, что ему делать. Он пошёл в гости к Наскаковым, но там его встретили с удивлёнными лицами и спросили: «Кого вам нужно?»

«Мне вас нужно, Марусенька! – сказал Антон Антонович. – Неужели вы меня не узнаете!»

«Нет, – сказала Маруся Наскакова с любопытством. – Подождите, может быть, я вас видела у Валентины Петровны?»

«Да что вы, Маруся! – сказал Антон Антонович. – Ну посмотрите на меня хорошенько. Узнаёте?»

«Подождите, подождите... Нет, я не могу вспомнить, кто вы», – сказала Маруся.

«Да я Антон Антонович! – сказал Антон Антонович. – Теперь узнали?»

«Нет, – сказала Маруся, – вы на до мной шутите».

<1934–1937>

570

Мария и Аня обращали на себя внимание. Обе такие хорошенькие в своих красных шапочках.

– Я видела женщину милиционера, – сказала Аня, – она была в шароварах и металлическом шлеме.

– Ах, – сказала Мария, – это очень смешно. Я видела вчера, как по каналу шёл милиционер и нёс на руках красный свёрток. Когда я подошла ближе, я увидела, что это он несёт ребёнка в красном одеяле. А через несколько шагов я встретила опять милиционера с ребёнком в красном одеяле. Немного погодя я встретила опять мил-

лиционера с ребёнком и опять в красном одеяле. Это было очень смешное шествие милиционеров с детьми на руках, завёрнутых в красные одеяла. Оказалось, это женщины милиционеры идут из «Охраны материнства и младенчества», где их детям выдали стандартные красные одеяла.

– Они были в шлемах? – спросила Аня.

– Да, – сказала Мария. – Вот сейчас мы взойдем на мост и там я покажу вам, откуда Андрей Михайлович увидел в Фонтанке утопленника.

– Андрей Михайлович говорили, что первый увидел утопленника Шагун, – сказала Аня.

– А нет, Аня, вы все перепутали.

<1934–1937>

571

Швельпин: Удивительная история! Жена Ивана Ивановича Никифорова искусала жену Кораблёва! Если бы жена Кораблёва искусала бы жену Ивана Ивановича Никифорова, то всё было бы понятно. Но то, что жена Ивана Ивановича Никифорова искусала жену Кораблёва, это поистине удивительно!

Смухов: А я вотнисколько не удивлён.

---

*Ремарка. Варвара Семёновна кидается и кусает
Антонину Антоновну.*

<1934–1937>

572

В семь часов Николай Николаевич встал, поел сёмьги и поехал на службу. На службе Николай Николаевич поел опять сёмьги и, пройдя в отдел кадров, сел на подоконник и начал ругать начальство. Наругавшись в досталь, Николай Николаевич перешёл в производственный отдел

и просидел там до обеденного перерыва. Когда лакей обнёс всех подносом с бокалами пива в знак того, что обеденный перерыв уже наступил, Николай Николаевич перешёл в буфет и сел за отдельный столик пить чай. Однако, вместо чая, ему принесли кофе с творогом и Николай Николаевич возмущённый встал из за столика и, громко топая, вышел на площадку лестницы. На лестнице дуло со всех сторон и Н. Н. ушёл в уборную. Там у открытого окошка Н. Н. скрутил себе папироску и закурил. Тут в уборную вошёл Андрей Карлович и, не замечая Николая Николаевича, хотел сделать то, зачем он вошёл.

<1934–1937>

573

Вечер тихий наступает
Лампа круглая горит
За стеной никто не лает
И никто не говорит.

Звонкий маятник качаясь
Делит время на куски,
И жена, во мне отчаясь
Дремля штопает носки.

Я лежу задравши ноги
ощущая в мыслях кол.
Помогите мне, о Боги!
Быстро встать и сесть за стол.

<1935–1937>

574. Прогулочка

Мужик и баба играют на свободе,
Стоит оголтелый народ на пароходе
Глядит в зелёную воду.

В закуской доктор накапливает силу;
Мужик и баба напарываются на вилу,
И доктор спешит к пароходу.

Стоит пароход озарённый луною.
Я мимо иду, и Марина со мною,
Погода нам благоприятна.
Мужик и баба громко стонут,
Под пароходом люди тонут,
И доктор уходит обратно.

<1935–1937>

575. Дактиль

Девушка с рыжими косами
Ходит в тени под откосами
Громко стучит каблучок
Юноша, сидя на стуле,
Бросив кинжал и две пули,
Держит вязальный крючок.

<1935–1937>

576

Ровно 56 лет тому назад родился Иван Андреевич Редькин. Теперь это такая знаменитость, что мне нет нужды говорить, кто он такой. Ведь подумать только, за пятьдесят шесть лет чего только успел сделать этот человек! Да, гений не шило – в мешке не утаишь.

Осознав день своего рождения, Иван Андреевич Редькин купил банку шпрот и спрятал её в ящик письменного стола.

– Я слишком знаменит, что бы рассчитывать, что никто не придёт меня поздравить, – сказал сам себе Редькин. – А если кто ни будь придёт, тут-то я и угощу его шпротами.

Иван Андреевич сел на кушетку и стал ждать.

В восемь часов вечера раздался звонок и Редькин кинулся отпереть наружную дверь. Но, добежав по коридору до ванной комнаты, Редькин понял, что он взял неправильное направление и повернул к прихожей. Однако, прибежав в прихожую, Редькин не мог сообразить, зачем он тут очутился, и медленно, волоча ноги, поплёлся обратно в свою комнату.

<1935–1937>

577. Воспоминания одного мудрого старика

Я был очень мудрым стариком.

Теперь я уже не то, считайте даже, что меня нет. Но было время, когда любой из вас пришел бы ко мне, и, какая бы тяжесть не томила его душу, какие бы грехи не терзали его мысли, я бы обнял его и сказал: «Сын мой, утешся, ибо никакая тяжесть души твоей не томит, и никаких грехов не вижу я в теле твоём», – и он убежал бы от меня счастливый и радостный.

Я был велик и силен. Люди, встречая меня на улице, шарахались в сторону, и я проходил сквозь толпу, как утюг.

Мне часто целовали ноги, но я не протестовал: я знал, что достоин этого. Зачем лишать людей радости почтить меня? Я даже сам, будучи чрезвычайно гибким в теле, попробывал поцеловать себе свою собственную ногу. Я сел на скамейку, взял в руки свою правую ногу и подтянул ее к лицу. Мне удалось поцеловать большой палец на ноге. Я был счастлив. Я понял счастье других людей.

Все преклонялись передо мной! И не только люди, даже звери, даже разные букашки ползали передо мной и виляли своими хвостами. А кошки! Те просто души во мне не чаяли и, каким-то образом сцепившись лапами друг с другом, бежали передо мной, когда я шел по лестнице.

В то время я был действительно очень мудр и всё понимал. Не было такой вещи, перед которой я встал бы в тупик. Одна минута напряжения моего чудовищного ума, и самый сложный вопрос разрешался наипростейшим образом. Меня даже водили в Институт Мозга и показывали ученым профессорам. Те электричеством измеряли мой ум и просто опупели. «Мы ни когда ни чего подобного не видали», – сказали они.

Я был женат, но редко видел свою жену. Она боялась меня: колоссальность моего ума подавляла ее. Она не жила, а трепетала, и, если я смотрел на нее, она начинала икать. Мы долго жили с ней вместе, но потом она, кажется, куда-то исчезла; точно не помню.

Я был всегда справедлив и зря ни кого не бил, потому что когда кого ни будь бьёшь, то всегда шалеешь, и тут можно переборщить. Детей, например, ни когда не надо бить ножом или вообще чем ни будь железным, а женщины, наоборот: никогда не следует бить ногой. Животные, те, говорят, выносливы. Но я производил в этом направлении опыты и знаю, что это не всегда так.

Благодаря своей гибкости, я мог делать то, чего ни кто не мог сделать. Так, например, мне удалось однажды достать рукой из очень извилистой фановой трубы заскочившую туда случайно серьгу моего брата. Я мог, например, спрятаться в сравнительно небольшую корзинку и закрыть за собой крышку.

Да, конечно, я был феноменален!

Мой брат был полная моя противоположность: во-первых, он был выше ростом, а во-вторых, глупее.

Мы с ним никогда не дружили. Хотя, впрочем, дружили, и даже очень. Я тут чего-то напутал: мы именно с ним не дружили и всегда были в ссоре. А поссорились мы с ним так: Я стоял около магазина; там выдавали сахар, и я стоял в очереди и старался не слушать, что говорят кругом. У меня немножечко болел зуб и настроение было неважное. На улице было очень холодно, потому что все стояли в ватных шубах и всё таки мерзли. Я тоже стоял в ватной шубе, но сам не очень мерз, а мерзли мои руки, потому что то и дело приходилось вынимать их из кармана и поправлять чемодан, который я держал, зажав ногами, что бы он не пропал. Вдруг меня ударил кто-то по

спине. Я пришел в неопишное негодование и с быстротой молнии стал обдумывать, как наказать обидчика. В это время меня ударили по спине вторично. Я весь насторожился, но решил голову назад не поворачивать и сделать вид, буд то я ни чего не заметил. Я только на всякий случай взял чемодан в руку. Прошло минут семь, и меня в третий раз ударили по спине. Тут я повернулся и увидел перед собой высокого пожилого человека в довольно поношенной, но всё же хорошей ватной шубе.

– Что вам от меня нужно? – спросил я его строгим и даже слегка металлическим голосом.

– А ты что не оборачиваешься, когда тебя окликают? – сказал он.

Я задумался над содержанием его слов, когда он опять открыл рот и сказал:

– Да ты что? Не узнаешь что ли меня? Ведь я твой брат.

Я опять задумался над его словами, а он снова открыл рот и сказал:

– Послушай ка, брат. У меня не хватает на сахар четырех рублей, а из очереди уходить обидно. Одолжи ка мне пятерку, а мы с тобой потом рассчитаемся.

Я стал раздумывать о том, почему брату не хватает четырех рублей, но он схватил меня за рукав и сказал:

– Ну так как же, одолжишь ты своему брату немного денег? — и с этими словами он сам расстегнул мне мою ватную шубу, залез ко мне во внутренний карман и достал мой кошелек.

– Вот, – сказал он, – я, брат, возьму у тебя займы некоторую сумму, а кошелек, вот смотри, я кладу тебе обратно в польто. – И он сунул кошелек в наружный карман моей шубы.

Я был, конечно, удивлен, так неожиданно встретив своего брата. Некоторое время я помолчал, а потом спросил его:

– А где же ты был до сих пор?

– Там, – отвечал мне брат и махнул куда-то рукой.

Я задумался: где это «там»; но брат подтолкнул меня в бок и сказал:

– Смотри: в магазин начали пускать.

До дверей магазина мы шли вместе, но в магазине я оказался один, без брата. Я на минутку выскочил из очереди и выглянул через дверь на улицу. Но брата ни где не было.

Когда я хотел опять занять в очереди свое место, меня туда не пустили и даже постепенно вытолкали на улицу. Я, сдерживая гнев на плохие порядки, отправился домой. Дома я обнаружил, что мой брат изъясил из моего кошелька все деньги. Тут я страшно рассердился на брата, и с тех пор мы с ним никогда больше не мирились.

Я жил один и пускал к себе только тех, кто приходил ко мне за советом. Но таких было много, и выходило так, что я ни днем, ни ночью не знал покоя. Иногда я уставал до такой степени, что ложился на пол и отдыхал. Я лежал на полу до тех пор, пока мне не делалось холодно, тогда я вскакивал и начинал бегать по комнате, что бы согреться. Потом я опять садился на скамейку и давал советы всем нуждающимся.

Они входили ко мне друг за другом, иногда даже не открывая дверей. Мне было весело смотреть на их мучительные лица. Я говорил с ними, а сам едва сдерживал смех.

Один раз я не выдержал и рассмеялся. Они с ужасом кинулись бежать, кто в дверь, кто в окно, а кто и прямо сквозь стену.

Оставшись один, я встал во весь свой могучий рост, открыл рот и сказал:

– Прин тим прам.

Но тут во мне что-то хрустнуло, и с тех пор можете считать, что меня больше нет.

<1935–1937>

578

Один человек лёг спать верующим, а проснулся неверующим.

По счастью, в комнате этого человека стояли медицинские десятичные весы, и человек этот имел обыкновение каждый день утром и вечером взвешивать себя.

И вот, ложась на кануне спать, человек взвесил себя и узнал, что весит 4 пуда 21 фунт. А на другой день утром, встав неверующим, человек взвесил себя опять и узнал, что весит уже всего только 4 пуда 13 фунтов. «Следовательно», решил этот человек, «моя вера весила приблизительно восемь фунтов».

<1936–1937>

579

Два человека разговорились. При чём один человек заикался на гласных, а другой на гласных и на согласных.

Когда они кончили говорить, стало очень приятно – буд то потушили примус.

<1936–1937>

580. Вываливающиеся старухи

Одна старуха от чрезмерного любопытства вывалилась из окна, упала и разбилась.

Из окна высунулась другая старуха и стала смотреть вниз на разбившуюся, но от чрезмерного любопытства тоже вывалилась из окна, упала и разбилась.

Потом из окна вывалилась третья старуха, потом четвёртая, потом пятая.

Когда вывалилась шестая старуха, мне надоело смотреть на них, и я пошёл на Мальцевский рынок, где, говорят, одному слепому подарили вязаную шаль.

<1936–1937>

581

Люблю порой смотреть в окно
И наблюдать других людей заботы
Люблю порой смотреть в окно
Тем самым уклоняясь от работы.

Я долго, пристально смотрю
В лицо молоденькой еврейки
Стараясь прочитать в чертах её лица
Законы женских чар

<1936–1937>

582

Да, я поэт забытый небом
<Забытый небом> с давних пор.
А были дни, когда мы с Фебом
Гремели вместе сладкий хор.
А были дни, когда мы с Фебом
Гремели вместе сладкий хор.
А были дни когда мы с Гебой
Носились в тучах над водой.
И свет небес летал за Гебой
И гром смеялся молодой
И гром гремел летя за Гебой
И свет струился золотой.

<1936–1937>

583

Шёл Петров однажды в лес.
Шёл и шёл и вдруг исчез.
Ну и ну сказал Бергсон
Сон ли это? Нет, не сон.
Посмотрел и видит ров
А во рву сидит Петров.
И Бергсон туда полез
Лез и лез и вдруг исчез
Удивляется Петров:
Я должно быть не здоров.
Видел я исчез Бергсон.
Сон ли это? Нет, не сон.

<1936–1937>

586

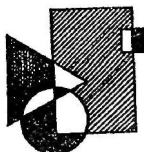
Вот Граволов чубук роняет
А вот Пятёркин в водку
Рукой дрожащей насыпает...

<Кон. 1937–нач. 1938>

587

Зима рассыпала свои творенья.
Пушистый снег лежит среди дубров
На санки положив поленья,
Везёт их под гору Петров.
За ним собака в кожанном ошейнике
Бежит сверкая белым зубом.
И вот папаха на мошейнике
Уже горит под старым дубом.
Петров конечно рад ужасно
Смеётся, воеет, стонет, плачет,
Потом, как стройный бог, прекрасно
Через верёвку с криком скачет.
Мошейник вышел из-под дуба
И говорит Петрову грубо:
«Кому ты здесь ломаешь спину?
Иди туда куда идёшь,
Не то тебя коленом двину
Тогда костей не соберёшь».

<Кон. 1937–нач. 1938>

588

Но сколько разных движений
Стремительно бегут к нему навстречу
К нему спешит другой помощник
И движется еще одна колесница.

Открывается окно Смирно подходит к нему
слон. Вот он призрачной
голубчик. Вот он
призрачный голубчик.
Вот он призрачный
голубчик. Вот он
призрачный голубчик.
Вот он страданья
полный день. Нет пищи,
нет пищи, нет пищи.
Есть хочу. Ой ой ой!
Хочу есть. Хочу есть.
Вот моё слово.
Хочу накормить мою
жену. Хочу накормить
мою жену. Мы очень
голодаем.
Ах сколько чудных
есть вещей! Ах сколько
чудных есть вещей!
Вино и мясо. Вино и мясо.

Вино приятнее каши.
Бля, бля, бля!
Вино приятнее каши.
Берим бериг чериконфлин!
Мясо лучше теста!
Мясо лучше теста!
Я ем только мясо и овощи.
Я пью только пиво и водку.
Чяки ряки!
Я не люблю русских женщин.
А русская женщина, да еще похудевшая,
да еще похудевшая
Фиринть перекринть!
Да еще похудевшая, –
Это дрянь!
Фу! фу! фу!
Это гадость!
Я люблю полных евреек!
Вот это прелесть!
Вот это прелесть!
Вот это,
Вот это,
Вот это прелесть!
Нахально веду себя я,
Я веду себя пренахально.
(Перепрыгни через бочку).
Я веду себя нахально,
Чяки, ряки!
Я люблю есть мясо,
Пить водку и пиво,
Есть мясо и овощи
и пить водку и пиво.
Фиринть перекиньть!
Я хочу есть мясо
И пить водку и пиво!
Вот как!
(Перепрыгни через бочку!)

*3 января 1938 года.
Гармонис.*

– Я не советую есть тебе много перца. Я знал одного грека – мы с ним плавали на одном пароходе – он ел такое страшное количество перца и горчицы, что сыпал их в кушанья неглядя.

Он, бедный, целые ночи просиживал с туфлём в руках...

– Почему? – спросил я.

– Потому что он боялся крыс, а на пароходе крыс было очень много. И вот он, бедняжка, в конце концов умер от бессонницы.

3 января 1938 года.

590. Четвероногая Ворона

Жила была четвероногая ворона. Собственно говоря, у неё было пять ног, но об этом говорить не стоит.

Вот однажды купила себе четвероногая ворона кофе и думает: «Ну вот, купила я себе кофе, а что с ним делать?»

А тут, как на беду, пробегала мимо лиса. Увидала она ворону и кричит ей: «Эй, – кричит, – ты, ворона!»

А ворона лисе кричит:

«Сама ты ворона!»

А лиса вороне кричит:

«А ты, ворона, свинья!»

Тут ворона от обиды рассыпала кофе. А лиса прочь побежала. А ворона слезла на землю и пошла на своих четырех, или, точнее, на пяти ногах в свой паршивый дом.

13 февраля 1938 года.

591

Это резвый конь ребенок,

И не конь еще пока,

    Это только жеребенок

        35-го полка,

        35-го полка.

Год пройдет обыкновенный,
И сквозь пыли облака
Вдруг поскачет конь военный,
Рыжий конь в сбруе ременной
35-го полка,
35-го полка.

Даниил Хармс
1938

592. «Очень страшная история»

Доедая с маслом булку,
Братья шли по переулку.
Вдруг на них из закоулка
Пес большой залаял гулко.

Сказал младший: «Вот напасть,
Хочет он на нас напасть.
Чтоб в беду нам не попасть,
Псу мы бросим булку в пасть».

Все окончилось прекрасно.
Братьям сразу стало ясно,
Что на каждую прогулку
Надо брать с собою... булку.

1938

593. Игра

Пуговка, веревочка,
Палочка-выручалочка!

Пряткой будет Женька!
Прячься хорошенько!

Где мы все и сколько нас,
Долго нам рассказывать.

Только очень просим вас
Женьке не подсказывать.

Хармс
1938

594

У него был такой нос, что хотелось ткнуть в него
бильярдным кием.

За забором долго бранились и плевались. Слышно
было, как кому то плюнули в рот.

Это идет процессия. Зачем эта процессия идет? Она
несёт вырванную у Пятипалова ноздрю. Ноздрю несут,
чтобы зарыть в Летнем Саду.

Михайлов ходил по Летнему Саду, неся под мышкой
гамак. Он долго искал, куда бы гамак повесить. Но всюду
толкались неприятные сторожа. Михайлов передумал и
сел на скамеечку. На скамеечке лежала забытая кем то
газета.

Лежала забытая кем то газета.
Лежала забытая кем то газета.
Михайлов садился на эту газету
И думать поспешал
И думать поспешал.

<Март 1938>

595

Когда сон бежит от человека, и человек лежит на кровати, глупо вытянув ноги, а рядом на столике тикают часы, и сон бежит от часов, тогда человеку кажется, что перед ним распаивается огромное чёрное окно и в это окно должна вылететь его тонкая серенькая человеческая душа, а безжизненное тело останется лежать на кровати, глупо вытянув ноги, и часы прозвенят своим тихим звоном: «вот ещё один человек уснул», и в этот миг захлопнется огромное и совершенно чёрное окно.

Человек по фамилии Окнов лежал на кровати глупо вытянув ноги, и старался заснуть. Но сон бежал от Окнова. Окнов лежал с открытыми глазами, и страшные мысли стучали в его одервеневшей голове.

8 марта 1938 г.

596

Красиво это, очень мило:
Отнять у женщины часы
И подарить на память мыло,
Духи, цыгарки и усы.

13 марта 1938 года

597

Меня закинули под стул,
Но был я слаб и глуп
Холодный ветер в щели дул
И попадал мне в зуб.
Мне было так лежать нескладно
Я был и глуп и слаб
Но атмосфера так прохладна
Когда бы не была б,

Я на полу б лежал беззвучно,
Раскинувши тулуп.
Но так лежать безумно скучно:
Я слишком слаб и глуп.

23 апреля 1938 года

598

Да что же это в самом деле?..
Такая вялость в теле,
Мучительно ежесекундно чувствовать
своё бессилие
Стихи совсем не сочиняются.
И каждый день мои пороки
С утра нахально начинаются.
Нет, жили иначе пророки!
Морщины изрезали мои руки.
Я целый день по комнате брожу от скуки.
Во мне не стало силы воли
Я начал пухнуть от душевной боли.
Оставьте меня сознания мухи!

9 мая 1938 года

599. Смерть дикого воина

Часы стучат
Часы стучат
Летит над миром пыль

В городах поют
В городах поют
В пустынях звенит песок.

Поперёк реки
Поперёк реки
Летит копьё свистя

Дикарь упал
Дикарь упал
И спит, амулетом блестя

Как лёгкий пар
Как лёгкий пар,
Летит его душа

И в солнца шар
И в солнца шар
Вонзается косами шурша.

Четыреста воинов
Четыреста воинов
Мечами небу грозят

Супруга убитого
Супруга убитого
К реке на коленях ползёт

Супруга убитого
Супруга убитого
Отламывает камня кусок

И прячет убитого
И прячет убитого
Под ломанный камень, в песок

Четыреста воинов
Четыреста воинов
Четыреста суток молчат.

Четыреста суток
Четыреста суток
Над миром часы не стучат.

27 июня 1938 года.

Тогда со скрипом председатель
Встаёт из кресла. Перед нами,
Главу седую преклонив,
Он говорит: «Разбита чаша
Застольной дружбы многих лет
наша

29 июня 1938 года

603

От свиста ненавистных пчёл
Я лечь в коробку предпочёл.
Но так лежать без всякого дела
Не в силах молодое тело.
Закрылся фартуком,
А в уши сунул пробки
Лежу задумчив и суров
А в это время, около моей коробки
Гулял с красавицей Антон Перов.
«Да, – говорил Перов красавице, – вот эта местность
Вполне приятна для гуляющих вдвоём.
Отсюда видно всю окрестность
И речки быстрой водоём».
«Да, – говорит красавица, – прекрасная прогулка,
Но только для чего здесь эта глупая шкатулка?»
Перов, не зная что ответить, сказал: «О чём ведёте
речь?»
Я не могу того заметить, но предлагаю тут прилечь».

<29 июня 1938>

604. Шапка

Отвечает один другому: «Не видал я их». «Как же ты их не видал, – говорит другой, – когда сам же на них шапки надевал?» «А вот, – говорит один, – шапки на них надевал, а их не видал». – «Да возможно ли это?» – гово-

рит другой, с длинными усами. «Да, – говорит первый, – возможно», – и улыбается синим ртом. Тогда другой, который с длинными усами, пристает к синерожему, что бы тот объяснил ему, как это так возможно – шапки на людей надеть, а самих людей не заметить. А синерожий отказывается объяснять усатому, и кочает своей головой, и усмехается своим синим ртом.

– Ах ты, дьявол ты этакий, – говорит ему усатый. – Морочишь ты меня, старика! Отвечай мне и не заворачивай мне мозги: видел ты их или не видел?

Усмехнулся еще раз другой, который синерожий, и вдруг исчез, только одна шапка осталась в воздухе висеть.

– Ах, так вот кто ты такой! – сказал усатый старик и протянул руку за шапкой, а шапка от руки в сторону. Старик за шапкой, а шапка от него, не дается в руки старику. Летит шапка по Некрасовской улице мимо булочной, мимо бань. Из пивной народ выбегает, на шапку с удивлением смотрит и обратно в пивную уходит. А старик бежит за шапкой, руки вперед вытянул, рот открыл; глаза у старика остеклянели, усы болтаются, а волосы перьями торчат во все стороны.

Добежал старик до Литейной, а там ему наперерез уж милиционер бежит и еще какой то гражданин в сером костюмчике. Схватили они безумного старика и повели его куда то.

*Даниил Хармс
21 июля 1938 года*

605. Поздравительное шествие

К семидесятилетию Наташи

Артомонов закрыл глаза, а Хрычов и Молотков стояли над Артомоновым и ждали.

– Ну же! Ну же! – торопил Хрычов.

А Молотков не утерпел и дёрнул стул, на котором сидел Артомонов, за задние ножки, и Артомонов свалился на пол.

– Ах так! – закричал Артомонов, поднимаясь на ноги. – Кто это меня со стула сбросил?

– Вы уж нас извините, – сказал Молотков, – мы ведь долго ждали, а вы всё молчите и молчите. Уж это меня чорт попутал. Очень уж нам нетерпелось.

– Не терпелось! – передразнил Артомонов. – А мне, пожилому человеку, по полу валяться? Эх, вы! Стыдно!

Артомонов стряхнул с себя соринки, приставшие к нему с пола и, сев опять на стул, закрыл глаза.

– Да что же это? А? Что же это? – заговорил вдруг Хрычов, глядя то на Молоткова, то на Артомонова.

Молотков постоял некоторое время в раздумье, а потом нагнулся и дернул задние ножки Артомоновского стула. Артомонов съехал со стула на пол.

– Это издевательство! – закричал Артомонов, – Это уже второй раз меня на пол скидывают! Это опять ты, Молотков?

– Да уж не знаю как сказать, товарищ Артомонов. Просто опять какое то помутнение в мозгу было. Вы уж нас извините, тов. Артомонов! Мы ведь это только от нетерпения! – сказал Молотков и чихнул.

– Пожалеете об этом, – сказал Артомонов, поднимаясь с пола. – Пожалеете, сукины дети!

Артомонов сел на стул.

– Я тебе этого не спущу, – сказал Артомонов и погрозил кому-то пальцем.

Артомонов долго грозил кому то пальцем а потом с<п>рятал руку за борт жилета и закрыл глаза.

Хрущёв сразу заволновался:

– Ой! Что же это? Опять? Опять он! Ой!

Молотков отодвинул Хрущёва в сторону и носком сапога выбил стул из под Артамонова. Артомонов грузно рухнул на пол.

– Трижды! – сказал Артомонов шепотом. – Хорошо-с!...

В это время дверь открылась и в комнату вошёл я.

– Стоп! – сказал я. – Прекратите это безобразие! Сегодня Наталии Ивановне исполнилось семьдесят лет.

Артомонов, сидя на полу, повернул ко мне свое глупое лицо и, указав пальцем на Молоткова, сказал:

– Он меня трижды со стула на пол скинул...

– Цык! – крикнул я. – Встать!

Артомонов встал.

– Взяться за руки! – скомандовал я.

Артомонов, Хрущов и Молотков взяли за руки.
– А теперь за – а мной!

И вот, постукивая каблуками, мы двинулись по направлению к Детскому Селу.

2 августа 1938 года

606

В кабинет, озаряемый темной лампой, ввалился человек на длинных, очень длинных ногах, в фетровой шляпе и с маленьким пуделем под мышкой.

Посадив пуделя на письменный стол, длинноногий человек подошёл к узенькому книжному шкапику, открыл его и, заглянув внутрь этого шкапика, что то быстро сказал. Расслышать можно было только одно слово «лимон». Потом, закрыв этот шкапик, человек подбежал к письменному столу, схватил пуделя и убежал, хлопнув за собой дверью.

Тогда дверцы шкапика открылись сами собой и от туда вышла маленькая девочка. Она оглянулась по сторонам и, как бы убедившись, что её никто не услышит, вдруг громко чихнула. Потом, постояв некоторое время молча, девочка открыла рот и сказала:

– Весь мир будет смотреть на него неодобрительно, если он выйдет в грязной шляпе. Но

<Август 1938>

607

Журчит ручей, а по берегам
По берегам
По берегам
По берегам того ручья
Разбойники спят на песке.

Опасно плыть вдоль по ручью,
Вдоль по ручью,
Вдоль по ручью
Вдоль по ручью на прохладной волне
Девице плыть молодой.

Приснятся разбойникам жаркие сны,
Жаркие сны,
Жаркие сны,
Коварные сны про весёлый ручей,
С девицей в прохладной воде.

Спасайся девица! Плыви в камыши,
Плыви в камыши,
Плыви в камыши,
Плыви в камыши

18 августа 1938 года

608. Бытовая сценка

Водевиль

Сно: Здравствуйте! Эх, выпьем! Эх! Гуляй-ходи! Эх!
Эх! Эх!

Мариша: Да что с вами, Евгений Эдуардович?

Сно: Эх! Пить хочу! Эх, гуляй-ходи!

Мариша: Пойдите, Евгений Эдуардович, вы успокой-
тесь. Хотите, я чай поставлю.

Сно: Чай? Нет. Я водку хлебать хочу.

Мариша: Евгений Эдуардович, милый, да что с вами?
Я вас узнать не могу.

Сно: Ну и неча узнавать! Гони, мадам, водку!

Мариша: Господи, да что же это такое? Даня! Даня!

Даня (*лѐжа на полу в прихожей*): Ну? Чего там ещё?

Мариша: Да что же мне делать? Что же это такое?

Сно: Эх, гуляй-ходи! (*пьет водку и выбрасывает ее
фонтаном через нос*).

Мариша (*залезая за фисгармонию*): Заступница пресвя-
тая! Мать пресвятая Богородица!

Хармс (*лежа в прихожей на полу*): Эй ты, там, слова
молитв путаешь!

Сно (*разбивая бутылкой стеклянную дверцу шкапа*): Эх,
гуляй-ходи!

Падает занавес.

Слышно как Мариша чешет себе голову.

Вера, Надежда, Любовь, София. 1938 года

<30 сентября>

609. Сладострастный древоруб

Когда вдали сверкнули пилы,
И прозвенели топоры –
Мне все подруги стали милы,
И я влюблён в них с той поры.

Подруги, милые подруги,
Приятно трогать вас рукой.
Вы так нежны! Вы так упруги!
Одна прекраснее другой!

Приятно трогать ваши груди,
Скользить губами вдоль ноги...
О помогите люди люди!
О Боже, Боже помоги!

24 августа 1938 года

Д. Х.

610. Считалка

Динь, день,
Дили-день!
То ли ночь,
А то ли день?
Что за чудо –
Чудеса?

Скрыла туча
Небеса!

Динь, дон,
Дили-дон!
Отвечает
Спиридон:
Это по небу
Плывет
Наш родной
Аэрофлот!

Д. Хармс
1938

611. Я самый храбрый

Я сказал, поднявши лапу:
Ну-ка, прыгнем через папу.

В это время папа сел –
Я и прыгнуть не успел.

Я немного разбежался,
В это время папа встал.

Тут я прыгнуть отказался,
Потому что я устал.

Д. Хармс
1938

612

Меня называют капуцином. Я за это, кому следует, уши оборву, а пока что не дает мне покоя слава Жана Жака Руссо. Почему он всё знал? И как детей пеленать, и как девиц замуж выдавать! Я бы тоже хотел так всё

знать. Да я уже всё знаю, но только в знаниях своих не уверен. О детях я точно знаю, что их не надо вовсе пеленать, их надо уничтожать. Для этого я бы устроил в городе центральную яму и бросал бы туда детей. А что бы из ямы не шла вонь разложения, ее можно каждую неделю заливать негашеной известью. В эту же яму я столкнул бы всех немецких овчарок. Теперь о том, как выдавать девиц замуж. Это, по моему, еще проще. Я бы устроил общественный зал, где бы, скажем, раз в месяц собиралась вся молодежь. Все, от 17 до 35 лет, должны раздеться голыми и прохаживаться по залу. Если кто кому понравился, то такая пара уходит в уголок и там рассматривает себя уже детально. Я забыл сказать, что у всех на шее должна висеть карточка с именем, фамилией и адресом. Потом тому, кто пришелся по вкусу, можно послать письмо и завязать более тесное знакомство. Если же в эти дела вмешается старик или старуха, то я предлагаю зарубать их топором и волочить туда же, куда и детей, в центральную яму.

Я бы написал еще об имеющихся во мне знаниях, но, к сожалению, должен идти в магазин за махоркой. Идя на улицу, я всегда беру с собой толстую, сучковатую палку.

Беру я ее с собой, что бы колотить ею детей, которые подворачиваются мне под ноги. Должно быть, за это прозвали меня капуцином. Но подождите, сволочи, я вам обдеру еще уши!

12 октября 1938 года.

613. Тетрадь

Мне дали пощёчину.

Я сидел у окна. Вдруг на улице что то свистнуло. Я высунулся на улицу из окна и получил пощёчину. Я спрятался обратно в дом. И вот теперь на моей щеке горит, как раньше говорили, несмываемый позор. Такую боль обиды я испытал раньше один только раз. Это было так: одна прекрасная дама, не законная дочь короля, подарила мне роскошную тетрадь. Это был для меня настоящий праздник, так хороша была тетрадь! Я сразу

сел и начал писать туда стихи. Но когда эта дама, незаконная дочь короля, увидела, что я пишу в эту тетрадь черновики, она сказала: «Если бы знала я, что вы сюда будете писать свои бездарные черновики, никогда бы не подарила я вам этой тетради. Я ведь думала, что эта тетрадь вам послужит для списывания туда умных и полезных фраз, вычитанных вами из различных книг».

Я вырвал из тетради исписанные мной листки и вернул тетрадь даме.

И вот теперь, когда мне дали пощёчину через окно, я ощутил знакомое мне чувство. Это было то же чувство, какое я испытал, когда вернул прекрасной даме её роскошную тетрадь.

12 октября 1938 года.

614. Художник и Часы

Серов, художник, пошёл на Обводный канал. Зачем он туда пошёл? Покупать резину. Зачем ему резина? Чтобы сделать себе резинку. А зачем ему резинка? А чтобы её растягивать. Вот. Что ещё? А ещё вот что: художник Серов поломал свои часы. Часы хорошо ходили, а он их взял и поломал. Чего ещё? А боле ничего. Ничего и всё тут! И своё поганое рыло, куда не надо, не суй! Господи помилуй!

Жила была старушка. Жила, жила и сгорела в печке. Туда ей и дорога! Серов, художник, по крайней мере, так рассудил...

Эх! Написал бы ещё, да чернильница куда то вдруг исчезла.

22 октября 1938 года

615. Новый талантливый писатель

Андрей Андреевич придумал такой рассказ: В одном старинном замке жил принц, страшный пьяница. А жена этого принца, наоборот, не пила даже чаю, только воду и

молоко пила. А муж её пил водку и вино, а молока не пил. Да и жена его, собственно говоря, тоже водку пила, но скрывала это. А муж был бесстыдник и не скрывал. «Не пью молока, а водку пью!» – говорил он всегда. А жена тихонько из-под фартука вынимала баночку и хлоп, значит, выпивала. Муж её, принц, говорит: «Ты бы и мне дала». А жена, принцесса, говорит: «Нет, самой мало. Хю!» «Ах ты, – говорит принц, – ледя!» И с этими словами хватъ жену об пол! Жена себе всю харю расшибла, лежит на полу и плачет. А принц в мантию завернулся и ушёл к себе в башню, там у него клетка стояла. Он, видите-ли, там кур разводил. Вот пришёл принц на башню, а там куры кричат, пищи требуют. Одна курица даже ржать начала. «Ну, ты, – говорит ей принц, – шантоклер! Молчи, пока по зубам не попало!» Курица слов не понимает и продолжает ржать. Выходит, значит, что курица на башне шумит, принц, значит, матерно ругается, жена внизу на полу лежит, одним словом настоящий содом.

Вот какой рассказ выдумал Андрей Андреевич. Уже по этому рассказу можно судить, что Андрей Андреевич крупный талант. Андрей Андреевич очень умный человек, очень умный и очень хороший!

*Даниил Хармс
12–30 октября 1938 года.*

616. Удивительная кошка

Несчастливая кошка порезала лапу,
Сидит и ни шагу не может ступить.
Скорей, чтобы вылечить кошкину лапу,
Воздушные шарики надо купить!

И сразу столпился народ на дороге,
Шумит, и кричит, и на кошку глядит.

А кошка отчасти идет по дороге,
Отчасти по воздуху плавно летит!

*Д. Хармс
1938*

617. В гостях

Придумай сказку

Мышь меня на чашку чая
Пригласила в новый дом.

Долго в дом войти не мог я,
Все же влез в него с трудом.

А теперь вы мне скажите:
Почему и отчего

Нет ни дома, и ни чая,
Нет буквально ничего!

Даниил Хармс
1938

618

Л. Квитко

Танкист

Сын сказал: «Послушай, мама,
Я танкистом стать хочу.
Я тогда фашистов, мама,
В пух и в прах расколочу».

– Да, сынок, – сказала мать, –
Ты танкистом должен стать. –
Сын сказал: «Конечно, мама,
Я танкистом должен стать».

Я ведь знаю, что фашисты
Лезут к нам со всех боков –
Дай им то, подай им это...
Вот бы дать им тумаков».

– Да, дружок, – сказала мать, –
Тумаков им надо дать. –
Сын ответил: «Верно, мама,
Тумаков им надо дать».

Надо взрослым стать, конечно,
Чтобы пули слать врагу.
Надо детям ждать, конечно,
Только ждать я не могу».

– Да, мой друг, – сказала мать, –
Надо, надо подождать. –
Сын ответил: «Верно, мама,
Только очень трудно ждать».

Если вдруг мне скажет маршал:
„Кем ты, мальчик, хочешь стать?“
Я скажу: „Товарищ маршал,
Я танкистом должен стать“».

– Да, родной, – сказала мать, –
Ты танкистом должен стать. –
Сын ответил: «Верно, мама,
Неприменно должен стать.
Как мы двинем на фашистов
Наши танки через ров...
Знаешь, мама, бить фашистов
Я всегда, всегда готов».

Мать сказала: – Бить врагов
Будь, сынок, всегда готов. –
Сын сказал: «Конечно, мама,
Я всегда, всегда готов».

1938

619. Песенка про пограничника

Пусть метель
И пурга
Мы не пустим
Врага!

На границах у нас
Все отличники.
Ни в метель,
Ни в пургу
Не пробраться
Врагу!
День и ночь на-чеку
Пограничники!

Пограничник
Стоит,
Нашу землю
Хранит.
Он стоит притаясь,
Не шевелится.
Встретить пулей
Готов
Пограничник
Врагов,
А кругом и пурга,
И метелица!

Кто-то там
Вдалеке,
По замерзшей
Реке
Потихоньку бежит,
Озирается.
Это, видно,
Шпион.
В нашу родину
Он
Сквозь метель и пургу
Пробирается.

Пусть метель
И пурга,
Мы не пустим
Врага!

На границах у нас
Все отличники.
Ни в метель,
Ни в пургу
Не пробраться
Врагу!
День и ночь на-чеку
Пограничники!

День и ночь на-чеку
Пограничники!

Даниил Хармс
1938

620. I. Воспитание

Один матрос купил себе дом с крышей. Вот поселился матрос в этом доме и расплодил детей. Столько расплодил детей, что деваться от них стало некуда. Тогда матрос купил няньку и говорит ей: «Вот тебе, нянька, мои дети. Няньчи их и угоддай им во всём, но только смотри, чтобы они друг друга не перекусали. Если же они очень шалить будут, ты их полей скипидаром или уксусной эссенцией. Они тогда замолкнут. А потом ещё вот что, нянька, ты конечно любишь есть. Так вот уж с этим тебе придётся проститься. Я тебе есть давать не буду».

– Пойдите, да как же так? – испугалась нянька. – Ведь всякому человеку есть нужно. «Ну, как знаешь, но только пока ты моих детей няньчишь, – есть несмей!» Нянька было на дыбы, но матрос стегнул её палкой и нянька стихла.

– Ну а теперь, – сказал Матрос, – валяй моих сопляков!

И вот таким образом началось воспитание матросских детей.

<1933–1938>

621. Дедка за репку

(балет)

Пустая сцена. Слева из земли что-то торчит. Должно быть, репа. Играет музыка. Над рекой летает птичка. Справа на сцене стоит неподвижная фигура. Выходит мужичёнка. Чешет бородку. Музыка играет. Мужичёнка изредка притоптывает. Потом чаше. Потом пускается танцевать, напевая достаточно громко: «Уж я репу посадил – дил – дил – дил – дил – дил – дил!» Пляшет и смеётся. Птичка летает. Мужичёнка ловит её шапкой. Птичка же улетает. Мужичёнка швыряет шляпу об пол и идёт в присядку, а сам опять поёт: «Уж я репу посадил – дил – дил – дил – дил!» На сцене справа наверху открывается ширмочка. Там на висячем балконе сидит кулак и Андрей Семёнович в золотом пенснэ. Оба пьют чай. Перед ними на столе стоит самовар.

Кулак – Он её посадил, а мы вытянем. Верно?

Андр. Сем. – Верно! *(ржёт тоненьким голоском).*

Кулак – *(ржёт басом).*

Низ. Мужичёнка, танцую, удаляется *(музыка играет всё тише и тише и наконец едва слышно).*

Верх. Кулак и Андр. Сем. беззвучно смеются и строят друг другу рожи. Кому-то показывают кулаки. Кулак показывает кулак, потрясая им над головой, а Андр. Сем. кажет кулак из под стола.

Низ. Музыка играет <Yankee->Doodl. Выходит Американец и тянет на верёвочке автомобиль фордан. Танец вокруг репы.

Верх. Кулак и Андр. Сем. стоят, открыв рты. Музыка замолкает. Американец останавливается.

Кулак – Это что за фрукт?

Андр. Сем. – Это, как бы сказать, Америка.

(музыка играет дальше)

Низ. Американец танцует дальше. Пританцовывает к репе и начинает её тянуть. Музыка затихает до едва слышной.

Кулак (*сверху*) – Что, силёнки не хватает?

Андр. Сем. – Не орите так Селифан Митрофанович, они обидятся.

(Музыка громко играет At the long way to the).

Низ. Выплывает тётя Англия. На ногах броненосцы, в руках парашют. Пляшет в сторону репы. В это время Американец ходит вокруг репы и разглядывает её.

Кулак (*сверху*) – Это что за Галандия?

Андр. Сем. (*обиженно*) – И вовсе не Галандия а Англия.

Кулак – Валяй тяни чтоб в Колхоз не попало!

Андр. Сем. – Тише (*озирается*). Не услышал бы кто.

(Музыка во всю)

Низ. Выбегает Франция. – Ah! Ah! Ah!.. Voila! Ji! Ji! Ji! Voici! Ho! Ho! Ho!

Кулак (*сверху*) – Вот тебе и вуалё!

Андр. Сем. – Селифан Митрофанович! Зачем же так! Это по ихнему неприлично. Вас за фулигана примуть. (*Кричит вниз*) – Madame! C'est le кулак. Он с вами attendé в одно место думает.

Франция – Ииих! (*взвизгивает и дрыгает ногой*).

Андрей Семенович посылает ей воздушный поцелуй. Всё гаснет и тухнет.

Фигура внизу (*в темноте*) – Тпфу дьявол! Пробки перегорели!

Всё освещается. Фигуры нет. Америка, Англия и Франция тянут репу. Выходит Пильсудский – Польша. Музыка играет. Пильсудский танцует на середину. Музыка останавливается. Пильсудский тоже. Достает большой платок, сморкается в него и снова прячет. Музыка играет мазурку. Пильсудский кидается её танцевать. Останавливается около репы. (*Музыка играет едва слышно*).

Кулак – Андрей Семёнович, валяй вниз. Они всё выдержают.

Андр. Сем. – Обождите, Селифан Митрофанович. Пусть подержают. А как выдернут, обязательно упадут. А мы репу то да в мешок! А им кукиш!

Кулак – А им кукиш!

Низ. Тянут репу. Кличут на подмогу Германию. Выходит немец. Танец немца. Он толстый. Становится на четверинки и неуклюже прыгает ногами на одном месте. Музыка переходит на «Ah mein lieber Augustin!» Немец пьёт пиво. Идёт к репе.

Кулак (*сверху*). – Тэк – тэк – тэк! Валяй, Андрей Семёнович! В самый раз придём.

Андрей Сем. – И репу в мешок!

(Андр. Сем. берёт мешок, а кулак самовар и идут на лестницу. Ширмочка закрывается).

Низ. Выбегает католик. Танец католика. В конце танца появляется Кулак и Андрей Семёнович. У кулака под мышкой самовар. Ряд тянет репку.

Кулак – Валяй, валяй, валяй! Валяй, ребята! Тяни! Ты пониже хватай! А ты американца под локотки! А ты, долговязый, вон его за пузо придерживай! А теперь валяй! Тык тык тк тк тк.

(Ряд топчется на месте. Раздувается и сближается. Музыка играет всё громче. Ряд обегает вокруг репы и вдруг с грохотом падает).

Андр. Сем. хлопчет около люка с мешком. Но из люка вылезает огромный Красноармеец. Кулак и Андр. Сем. падают в верх тармашкой.

<1935–1938>

622

У Колкова заболела рука и он пошёл в амбулаторию.

По дороге у него заболела и вторая рука. От боли Колков сел на панель и решил дальше никуда не идти. Прохожие проходили мимо Колкова и не обращали на него внимания. Только собака подошла к Колкову, понюхала его и, подняв заднюю лапу, приснула Колкову в лицо собачей гадостью. Как бешенный вскочил Колков и

со всего маху ударил собаку ногой под живот. С жалобным визгом поползла собака по панели, волоча задние ноги. На Колкова накинута какая-то дама и, когда Колков попытался оттолкнуть ее, дама вцепилась ему в рукав и начала звать милиционера. Колков не мог большими руками освободиться от дамы и только старался плюнуть ей в лицо.

Это удалось ему сделать уже раза четыре и дама, зажмуриив свои заплёванные глаза, визжала на всю улицу. Кругом уже собиралась толпа. Люди стояли, тупо глядели и порой выражали своё сочувствие Колкову.

– Так её! Так её! – говорил рослый мужик в коричневом пиджаке, ковыряя перед собой в воздухе кривыми пальцами с черными ногтями.

– Тоже ешшо барыня! – говорила толстогубая баба, завязывая под подбородком головной платок.

В это время Колков изловчился и пнул даму коленом под живот. Дама взвизгнула и, отскочив от Колкова, согнулась в три погибели от страшной боли.

– Здорово он её в передок! – сказал мужик с грязными ногтями.

А Колков, отделавшись от дамы, быстро зашагал прочь. Но вдруг, дойдя до Загородного проспекта, Колков остановился: он забыл, зачем он вышел из дома.

– Господи! Зачем же я вышел из дома? – говорил сам себе Колков, с удивлением глядя на прохожих. И прохожие тоже с удивлением глядели на Колкова, а один старичёк прошёл мимо и потом всё время оглядывался, пока не упал и не разбил себе в кровь свою старческую рожу. Это рассмешило Колкова и, громко хохоча, он пошёл по Загородному.

<1936–1938>

623. Случай с моей женой

У моей жены опять начали корёжиться ноги. Хотела она сесть на кресло, а ноги отнесли её куда-то к шкапу и даже дальше по коридору и посадили её на кардонку. Но жена моя, напрыгавши волю, поднялась и двинулась к

комнате, однако ноги её опять нашалили и пронесли её мимо двери. «Эх, черт!..» – сказала жена, уткнувшись головой под конторку. А ноги её продолжали шалить и даже разбили какую-то стеклянную миску, стоявшую на полу в прихожей.

Наконец, жена моя уселась в своё кресло.

– Вот и я, – сказала моя жена, широко улыбаясь и вынимая из ноздрей застрявшие там щепочки.

<1936–1938>

624

Косков потерял свои часы.

Утром Косков сел пить кофе и выпил четыре стакана. Пятый стакан Косков не допил и поставил в буфет, чтобы потом выпить в холодном виде. До этого времени Косков был в одном халате, т. ч. часов не нём не было, и они лежали, по всей вероятности, на письменном столе.

<1936–1938>

625

Так началось событие в соседней квартире. Алексеев съел кашу, а недоеденные остатки выбросил на общей кухне в помойное ведро. Увидя это, жена Горохова сказала Алексееву, что вчера она выносила это ведро на двор, а теперь, если он желает им пользоваться, то пусть сам выносит его сегодня же вечером. Алексеев сказал, что ему некогда заниматься такими пустяками и предложил мадам Гороховой платить три рубля в месяц, с тем, чтобы она вычищала это ведро. Мадам Горохова так оскорбилась этим предложением, что наговорила Алексееву много лишних слов и даже бросила на пол столовую ложку, которую держала в руках, сказав при этом, что она вполне благородного происхождения и видала в жизни лучшие времена, и что она, в конце концов, не прислуга и потому не станет даже за собой поднимать оброненные вещи. С этими словами мадам Горохова вышла из кухни,

оставив растерявшегося Алексеева одного около помойного ведра. Значит теперь Алексееву придётся тащить ведро на двор к помойной яме. Это было страшно неприятно. Алексеев задумался. Ему, научному работнику, возится с помойным ведром! Это, по меньшей мере, оскорбительно. Алексеев прошёлся по кухне. Внезапная мысль блеснула в его голове. Он поднял оброненную мадам Гороховой ложку и твёрдыми шагами подошёл к ведру.

– Да, – сказал Алексеев и опустился перед ведром на корточки. Давясь от отвращения, он съел всю кашу и выскреб ложкой и пальцами дно ведра.

– Вот, – сказал Алексеев, моя под краном ложку. – А ведро я всё таки на двор не понесу.

Вытерев ложку носовым платком, Алексеев положил её на кухонный стол и ушёл в свою комнату.

Несколько минут спустя на кухню вышла рассерженная мадам Горохова. Она мгновенно заметила, что ложка поднята с пола и лежит на столе. Мадам Горохова заглянула в помойное ведро и, видя, что и ведро находится в полном порядке, пришла в хорошее настроение и, сев на табурет, принялась шинковать морковь.

– Уж если я чтонибудь захочу, то непременно добьюсь своего, – говорила сама с собой мадам Горохова. – Уж лучше мне никогда не перечить. Я своего никому не уступлю. Вот ни столичко! – сказала мадам Горохова, отрезая от моркови каплюшечный кусочек.

В это время по корридору мимо кухни прошёл Алексеев.

– Алексей Алексеевич! – крикнула мадам Горохова. – Куда вы уходите?

– Я не ухожу, Виктория Тимофеевна, – сказал Алексеев, останавливаясь в дверях. – Это я в ванную шёл.

<1936–1938>

626. Сон дразнит человека

Марков снял сапоги и, вздохнув, лег на диван.

Ему хотелось спать, но, как только он закрывал глаза, желание спать моментально проходило. Марков открывал глаза и тянулся рукой за книгой. Но сон опять налетал на

него, и, не дотянувшись до книги, Марков ложился и снова закрывал глаза. Но лишь только глаза закрывались, сон улетал опять, и сознание становилось таким ясным, что Марков мог в уме решать алгебраические задачи на уравнения с двумя неизвестными.

Долго мучился Марков, не зная, что ему делать: спать или бодрствовать? Наконец, измучившись и взненавидев самого себя и свою комнату, Марков надел пальто и шляпу, взял в руку трость и вышел на улицу. Свежий ветерок успокоил Маркова, ему стало радостнее на душе и захотелось вернуться обратно к себе в комнату.

Войдя в свою комнату, он почувствовал в теле приятную усталость и захотел спать. Но только он лег на диван и закрыл глаза, – сон моментально испарился.

С бешенством вскочил Марков с дивана и без шапки и без пальто помчался по направлению к Таврическому саду.

<1936–1938>

627

Осень прошлого года я провёл необычно. Мне надоело из года в год каждое лето проводить на даче у Рыбаковых, а осенью ехать в Крым к Чёрному морю, пить крымские вина, ухаживать за ошалевшими от южного солнца северянками и, с наступлением зимы, опять возвращаться в свою холодную городскую квартиру и приступать к своим священным обязанностям. Мне надоело это однообразие. И вот в прошлом году я решил поступить иначе.

Лето я провёл как всегда у Рыбаковых, а осенью, не сказав никому о своём намерении, я купил себе ружьё – двухстволку, заплечный мешок, подзорную трубу, компас и непромокаемый резиновый плащ; в заплечный мешок я положил смену белья, две пары носок, иголку и катушку с нитками, пачку табаку, две французские булочки и пол головки сыра; на правое плечо повесил двухстволку, на левое бросил резиновый плащ и, выйдя из города, пошел пешком, куда глаза глядят.

Я шёл по полю. Утро было прохладное, осеннее. Начи-
нался дождь, так что мне пришлось надеть резиновый
плащ.

<1937–1938>

628

Синее Божество!
Да наступит моё торжество!
Ваше Благородие,
Пошли мне небывалое плодородие!
Пожалей меня неудачного верзилу,
Пошли мне огромную поэтическую силу!
Гибну я, – так

<1937–1938>

629

Вот вошёл Иван Блинов
И промолвил: «Я готов».
Он схватил руками стол
Раскачал его и в двери
Отшвырнул на сорок метров.
Он безумно был силён!
Антонина Соловьёва
Разлюбила Кандакова
А Блинова полюбила
Ради силы рук его.
А Блинова полюбила
Ради силы рук его.
И Блинова облепила
Поцелуями всего.

Доктор:

<1937–1938>

Востряков, *смотрит в окно на улицу*

Смотрю в окно и вижу снег.
 Картина зимняя давно душе моей знакома.
 Какой то глупый человек
 Стоит в подъезде противоположного дома.
 Он держит пачку книг под мышкой,
 Он курит трубку с медной крышкой.
 Теперь он быстрыми шагами
 Дорогу переходит вдруг
 Вот он исчез в оконной раме.

(Стук в дверь)

Теперь я слышу в двери стук.
 Кто там?

Голос за дверью

Откройте. Телеграмма.

Востряков

Врёт. Чувствую, что это ложь.
 И вовсе там не телеграмма
 Я сердцем чую острый нож.
 Открыть иль не открыть?

Голос за дверью

Откройте!
 Чего вы медлите?

Востряков

Постойте!
 Вы суньте мне под дверь посланье.
 Замок поломан. До свиданье.

Голос за дверью

Вам нужно в книге расписаться.
 Откройте мне скорее дверь.

Меня вам нечего бояться
Скорей откройте. Я не зверь.

Востряков, *приоткрывает дверь*
Войдите. Где вы? Что такое?

(Смотрит за дверь)

Куда же он пропал? Он не мог далеко уйти. Спрятаться тут негде. Куда же он делся? Улица совсем пустая. Боже мой! И на снегу нет следов! Значит, никто к моей двери не подходил. Кто же стучал? Кто говорил со мной через дверь?

(Закрывает дверь)

<1937–1938>

Я поднял пыль. Дети бежали за мной и рвали на себе одежду. Старики и старухи падали с крыш. Я свистел, я громыхал, я лязгал зубами и стучал железной палкой. Рваные дети мчались за мной и, не поспевая, ломали в страшной спешке свои тонкие ноги. Старики и старухи скакали вокруг меня. Я нёсся вперёд! Грязные рахитичные дети, похожие на грибы поганки, путались под моими ногами. Мне было трудно бежать. Я поминутно спотыкался и раз даже чуть не упал в мягкую кашу из барахтующихся на земле стариков и старух. Я прыгнул, оборвал нескольким поганкам головы и наступил ногой на живот худой старухи, которая при этом громко хрустнула и тихо произнесла: «замучили». Я, не оглядываясь, побежал дальше. Теперь под моими ногами была чистая и ровная мостовая. Редкие фонари освещали мне путь. Я подбегал к бане. Приветливый банный огонёк уже мигал передо мной и банный уютный, но душный пар уже лез мне в ноздри, уши и рот. Я, не раздеваясь, пробежал сквозь предбанник, потом, мимо кранов, шаек и нар, прямо к полку. Горячее белое облако окружило меня. Я слышу слабый, но настойчивый звон. Я, кажется, лежу.

— И вот тут-то могучий отдых остановил моё сердце.

1 февраля 1939 года

632. Федя Давидович

Федя долго подкрадывался к маслѐнке и наконец, улучив момент, когда жена нагнулась, что бы состричь на ноге ноготь, быстро, одним движением вынул пальцем из маслѐнки всё масло и сунул его себе в рот. Закрывая маслѐнку, Федя нечаянно звякнул крышкой. Жена сейчас же выпрямилась и, увидя пустую маслѐнку, указала на нее ножницами и строго сказала:

– Масла в маслѐнке нет. Где оно?

Федя сделал удивленные глаза и, вытянув шею, заглянул в маслѐнку.

– Это масло у тебя во рту, – сказала жена, показывая ножницами на Федю.

Федя отрицательно замотал головой.

– Ага, – сказала жена. – Ты молчишь и мотаешь головой, потому что у тебя рот набит маслом.

Федя вытаращил глаза и замахал на жену руками, как бы говоря: «Что ты, что ты, ничего подобного!» Но жена сказала:

– Ты врешь, открой рот.

– Мм, – сказал Федя.

– Открой рот, – повторила жена.

Федя растопырил пальцы и замычал, как бы говоря: «Ах да, совсем было забыл; сейчас приду», – и встал, собираясь выйти из комнаты.

– Стой, – крикнула жена.

Но Федя прибавил шагу и скрылся за дверью. Жена кинулась за ним, но около двери остановилась, так как была голой и в таком виде не могла выйти в коридор, где ходили другие жильцы этой квартиры.

– Ушел, – сказала жена, садясь на диван. – Вот чорт!

А Федя, дойдя по корридору до двери, на которой висела надпись: «Вход категорически воспрещен», открыл эту дверь и вошел в комнату.

Комната, в которую вошел Федя, была узкой и длинной, с окном, занавешанным газетной бумагой. В комнате справа у стены стояла грязная ломаная кушетка, а у окна стол, который был сделан из доски, положенной

одним концом на ночной столик, а другим на спинку стула. На стене слева висела двойная полка, на которой лежало неопределенно что. Больше в комнате ничего не было, если не считать лежащего на кушетке человека с бледно-зеленым лицом, одетого в длинный и рваный коричневый сюртук и в черные нанковые штаны, из которых торчали чисто вымытые босые ноги. Человек этот не спал и пристально смотрел на вошедшего.

Федя поклонился, шаркнул ножкой и, вынув пальцем изо рта масло, показал его лежащему человеку.

– Полтора, – сказал хозяин комнаты, не меняя позы.

– Маловато, – сказал Федя.

– Хватит, – сказал хозяин комнаты.

– Ну, ладно, – сказал Федя и, сняв масло с пальца, положил его на полку.

– За деньгами придешь завтра утром, – сказал хозяин.

– Ой что вы! – вскричал Федя. – Мне ведь их сейчас нужно. И ведь полтора рубля всего...

– Пошел в он, – сухо сказал хозяин, и Федя на цыпочках выбежал из комнаты, аккуратно прикрыв за собой дверь.

10 февраля 1939 года

633

Я долго думал об орлах
И понял многое:
Орлы летают в облаках,
Летают, никого не трогая.
Я понял, что живут орлы на скалах и в горах,
И дружат с водяными духами.
Я долго думая об орлах,
Но спутал, кажется, их с мухами.

15 марта 1939 года

634. Первомайская песня

Да, сегодня раньше всех,
Раньше всех,
Да, сегодня раньше всех
Встанем я и ты –
Для того, чтоб нам попасть,
Нам попасть,
Для того, чтоб нам попасть
В первые ряды.

Мы к трибуне подойдем,
Пойдем,
Мы к трибуне подойдем
С самого утра,
Чтобы крикнуть раньше всех,
Раньше всех,
Чтобы крикнуть раньше всех
Сталину «ура».

Чтобы крикнуть всей земле,
Всей земле,
Чтобы крикнуть всей земле,
Много-много раз:
Нет врага на всей земле,
Всей земле,
Нет врага на всей земле
Страшного для нас.

Потому что, если враг,
Если враг,
Потому что, если враг
Вдруг и нападет, –
Ворошилов на коне,
На коне,
Ворошилов на коне
В бой нас поведет.

Да, сегодня раньше всех,
Раньше всех,

Да, сегодня раньше всех
Встанем я и ты –
Для того, чтоб нам попасть,
Нам попасть,
Для того, чтоб нам попасть
В первые ряды.

Даниил Хармс
1939

635. Бульдог и таксик

Над косточкой сидит бульдог,
Привязанный к столбу.
Подходит таксик маленький,
С морщинками на лбу.
«Послушайте, бульдог, бульдог! –
Сказал незванный гость. –
Позвольте мне, бульдог, бульдог,
Докушать эту кость».

Рычит бульдог на таксика:
«Не дам вам ничего!» –
Бежит бульдог за таксиком,
А таксик от него.

Бегут они вокруг столба.
Как лев, бульдог рычит.
И цепь стучит вокруг столба,
Вокруг столба стучит.

Теперь бульдогу косточку
Не взять уже никак.
А таксик, взявши косточку,
Сказал бульдогу так:
«Пора мне на свидание,
Уж восемь без пяти.
Как поздно! До свидания!
Сидите на цепи!»

Д. Хармс
1939

636. Старуха

Повесть

...И между ними происходит следующий разговор.

Гамсун.

На дворе стоит старуха и держит в руках стенные часы. Я прохожу мимо старухи, останавливаюсь и спрашиваю ее: «Который час?»

– Посмотрите, – говорит мне старуха.

Я смотрю и вижу, что на часах нет стрелок.

– Тут нет стрелок, – говорю я.

Старуха смотрит на циферблат и говорит мне:

– Сейчас без четверти три.

– Ах так. Большое спасибо, – говорю я и ухожу.

Старуха кричит мне что-то вслед, но я иду не оглядываясь. Я выхожу на улицу и иду по солнечной стороне. Весеннее солнце очень приятно. Я иду пешком, шурю глаза и курю трубку. На углу Садовой мне попадается навстречу Сакердон Михайлович. Мы здороваемся, останавливаемся и долго разговариваем. Мне надоедает стоять на улице, и я приглашаю Сакердона Михайловича в подвальчик. Мы пьем водку, закусываем крутым яйцом с килькой, потом прощаемся, и я иду дальше один.

Тут я вдруг вспоминаю, что забыл дома выключить электрическую печку. Мне очень досадно. Я поворачиваюсь и иду домой. Так хорошо начался день, и вот уже первая неудача. Мне не следовало выходить на улицу.

Я прихожу домой, снимаю куртку, вынимаю из жилетного кармана часы и вешаю их на гвоздик; потом запираю дверь на ключ и ложусь на кушетку. Буду лежать и постараюсь заснуть.

С улицы слышен противный крик мальчишек. Я лежу и выдумываю им казни. Больше всего мне нравится напустить на них столбняк, чтобы они вдруг перестали двигаться. Родители растаскивают их по домам. Они лежат в своих кроватках и не могут даже есть, потому что у них не открываются рты. Их питают искусственно. Через неделю столбняк проходит, но дети так слабы, что еще целый месяц должны пролежать в постелях. Потом

они начинают постепенно выздоравливать, но я напускаю на них второй столбняк, и они все околевают.

Я лежу на кушетке с открытыми глазами и не могу заснуть. Мне вспоминается старуха с часами, которую я видел сегодня на дворе, и мне делается приятно, что на ее часах не было стрелок. А вот на днях я видел в комиссионном магазине отвратительные кухонные часы, и стрелки у них были сделаны в виде ножа и вилки.

Боже мой! ведь я еще не выключил электрической печки! Я вскакиваю и выключаю ее, потом опять ложусь на кушетку и стараюсь заснуть. Я закрываю глаза. Мне не хочется спать. В окно светит весеннее солнце, прямо на меня. Мне становится жарко. Я встаю и сажусь в кресло у окна.

Теперь мне хочется спать, но я спать не буду. Я возьму бумагу и перо и буду писать. Я чувствую в себе страшную силу. Я все обдумал еще вчера. Это будет рассказ о чудотворце, который живет в наше время и не творит чудес. Он знает, что он чудотворец и может сотворить любое чудо, но он этого не делает. Его выселяют из квартиры, он знает, что стоит ему только махнуть пальцем, и квартира останется за ним, но он не делает этого, он покорно съезжает с квартиры и живет за городом в сарае. Он может этот старый сарай превратить в прекрасный кирпичный дом, но он не делает этого, он продолжает жить в сарае и в конце концов умирает, не сделав за свою жизнь ни одного чуда.

Я сижу и от радости потираю руки. Сакердон Михайлович лопнет от зависти. Он думает, что я уже не способен написать гениальную вещь. Скорее, скорее за работу! Долой всякий сон и лень. Я буду писать восемнадцать часов подряд!

От нетерпения я весь дрожу. Я не могу сообразить, что мне делать: мне нужно было взять перо и бумагу, а я хватал разные предметы, совсем не те, которые мне были нужны. Я бегал по комнате: от окна к столу, от стола к печке, от печки опять к столу, потом к дивану и опять к окну. Я задыхался от пламени, которое пылало в моей груди. Сейчас только пять часов. Впереди весь день, и вечер, и вся ночь...

Я стою посередине комнаты. О чем же я думаю? Ведь уже двадцать минут шестого. Надо писать. Я придвигаю к окну столик и сажусь за него. Передо мной клетчатая бумага, в руке перо.

Мое сердце еще слишком бьется, и рука дрожит. Я жду, чтобы немножко успокоиться. Я кладу перо и набиваю трубку. Солнце светит мне прямо в глаза, я жмурюсь и трубку закуриваю.

Вот мимо окна пролетает ворона. Я смотрю из окна на улицу и вижу, как по панели идет человек на механической ноге. Он громко стучит своей ногой и палкой.

– Так, – говорю я сам себе, продолжая смотреть в окно.

Солнце прячется за трубу противостоящего дома. Тень от трубы бежит по крыше, перелетает улицу и ложится мне на лицо. Надо воспользоваться этой тенью и написать несколько слов о чудотворце. Я хватаю перо и пишу:

«Чудотворец был высокого роста».

Больше я ничего написать не могу. Я сижу до тех пор, пока не начинаю чувствовать голод. Тогда я встаю и иду к шкапику, где хранится у меня провизия, я шарю там, но ничего не нахожу. Кусок сахара и больше ничего.

В дверь кто-то стучит.

– Кто там?

Мне никто не отвечает. Я открываю дверь и вижу перед собой старуху, которая утром стояла на дворе с часами. Я очень удивлен и ничего не могу сказать.

– Вот я и пришла, – говорит старуха и входит в мою комнату.

Я стою у двери и не знаю, что мне делать: выгнать старуху или, наоборот, предложить ей есть? Но старуха сама идет к моему креслу возле окна и садится в него.

– Закрой дверь и запири ее на ключ, – говорит мне старуха.

Я закрываю и запираю дверь.

– Встань на колени, – говорит старуха.

И я становлюсь на колени.

Но тут я начинаю понимать всю нелепость своего положения. Зачем я стою на коленях перед какой-то старухой? Да и почему эта старуха находится в моей

комнате и сидит в моем любимом кресле? Почему я не выгнал эту старуху?

– Послушайте-ка, – говорю я, – какое право имеете вы распоряжаться в моей комнате, да еще командовать мной? Я вовсе не хочу стоять на коленях.

– И не надо, – говорит старуха. – Теперь ты должен лечь на живот и уткнуться лицом в пол.

Я тотчас исполнил приказание...

Я вижу перед собой правильно начерченные квадраты. Боль в плече и в правом бедре заставляет меня изменить положение. Я лежал ничком, теперь я с большим трудом поднимаюсь на колени. Все члены мои затекли и плохо сгибаются. Я оглядываюсь и вижу себя в своей комнате, стоящего на коленях посередине пола. Сознание и память медленно возвращаются ко мне. Я еще раз оглядываю комнату и вижу, что на кресле у окна будто сидит кто-то. В комнате не очень светло, потому что сейчас, должно быть, белая ночь. Я пристально вглядываюсь. Господи! Неужели это старуха все еще сидит в моем кресле? Я вытягиваю шею и смотрю. Да, конечно, это сидит старуха и голову опустила на грудь. Должно быть, она уснула.

Я поднимаюсь и, прихрамывая, подхожу к ней. Голова старухи опущена на грудь, руки висят по бокам кресла. Мне хочется схватить эту старуху и вытолкать ее за дверь.

– Послушайте, – говорю я, – вы находитесь в моей комнате. Мне надо работать. Я прошу вас уйти.

Старуха не движется. Я нагибаюсь и заглядываю старухе в лицо. Рот у нее приоткрыт и изо рта торчит соскочившая вставная челюсть. И вдруг мне делается все ясно: старуха умерла.

Меня охватывает страшное чувство досады. Зачем она умерла в моей комнате? Я терпеть не могу покойников. А теперь возись с этой падалью, иди разговаривать с дворником и управдомом, объясняй им, почему эта старуха оказалась у меня. Я с ненавистью посмотрел на старуху. А может быть, она и не умерла? Я щупаю ее лоб. Лоб холодный. Рука тоже. Ну что мне делать?

Я закуриваю трубку и сажусь на кушетку. Безумная злость поднимается во мне.

– Вот сволочь! – говорю я вслух.

Мертвая старуха как мешок сидит в моем кресле. Зубы торчат у нее изо рта. Она похожа на мертвую лошадь.

– Противная картина, – говорю я, но закрыть старуху газетой не могу, потому что мало ли что может случиться под газетой.

За стеной слышно движение: это встает мой сосед, паровозный машинист. Еще того не хватало, чтобы он пронюхал, что у меня в комнате сидит мертвая старуха! Я прислушиваюсь к шагам соседа. Чего он медлит? Уже половина шестого! Ему давно пора уходить. Боже мой! Он собирается пить чай! Я слышу, как за стенкой шумит примус. Ах, поскорее ушел бы этот проклятый машинист!

Я забираюсь на кушетку с ногами и лежу. Проходит восемь минут, но чай у соседа еще не готов и примус шумит. Я закрываю глаза и дремлю.

Мне снится, что сосед ушел и я, вместе с ним, выхожу на лестницу и захопываю за собой дверь с французским замком. Ключа у меня нет, и я не могу попасть обратно в квартиру. Надо звонить и будить остальных жильцов, а это уж совсем плохо. Я стою на площадке лестницы и думаю, что мне делать, и вдруг вижу, что у меня нет рук. Я наклоняю голову, чтобы лучше рассмотреть, есть ли у меня руки, и вижу, что с одной стороны у меня вместо руки торчит столовый ножик, а с другой стороны – вилка.

– Вот, – говорю я Сакердону Михайловичу, который сидит почему-то тут же на складном стуле. – Вот видите, – говорю я ему, – какие у меня руки?

А Сакердон Михайлович сидит молча, и я вижу, что это не настоящий Сакердон Михайлович, а глиняный.

Тут я просыпаюсь и сразу же понимаю, что лежу у себя в комнате на кушетке, а у окна, в кресле, сидит мертвая старуха.

Я быстро поворачиваю к ней голову. Старухи в кресле нет. Я смотрю на пустое кресло, и дикая радость наполняет меня. Значит, это все был сон. Но только где же он начался? Входила ли старуха вчера в мою комнату? Может быть, это тоже был сон? Я вернулся вчера домой, потому что забыл выключить электрическую печку. Но, может быть, и это был сон? Во всяком случае, как хорошо, что у меня в комнате нет мертвой старухи и,

значит, не надо идти к управдому и возиться с покойником!

Однако, сколько же времени я спал? Я посмотрел на часы: половина десятого, должно быть, утра.

Господи! Чего только не приснится во сне!

Я спустил ноги с кушетки, собираясь встать, и вдруг увидел мертвую старуху, лежащую на полу за столом, возле кресла. Она лежала лицом вверх, и вставная челюсть, выскочив изо рта, впиалась одним зубом старухе в ноздрю. Руки подвернулись под туловище и их не было видно, а из-под задравшейся юбки торчали костлявые ноги в белых, грязных шерстяных чулках.

– Сволочь! – крикнул я и, подбежав к старухе, ударил ее сапогом по подбородку.

Вставная челюсть отлетела в угол. Я хотел ударить старуху еще раз, но побоялся, чтобы на теле не остались знаки, а то еще потом решат, что это я убил ее.

Я отошел от старухи, сел на кушетку и закурил трубку. Так прошло минут двадцать. Теперь мне стало ясно, что все равно дело передадут в уголовный розыск и следственная бестолочь обвинит меня в убийстве. Положение выходит серьезное, а тут еще этот удар сапогом.

Я подошел опять к старухе, наклонился и стал рассматривать ее лицо. На подбородке было маленькое темное пятнышко. Нет, придраться нельзя. Мало ли что? Может быть, старуха еще при жизни стукнулась обо что-нибудь? Я немного успокаиваюсь и начинаю ходить по комнате, куря трубку и обдумывая свое положение.

Я хожу по комнате и начинаю чувствовать голод, все сильнее и сильнее. От голода я начинаю даже дрожать. Я еще раз шарю в шкапике, где хранится у меня провизия, но ничего не нахожу, кроме куска сахара.

Я вынимаю свой бумажник и считаю деньги. Одиннадцать рублей. Значит, я могу купить себе ветчинной колбасы и хлеб и еще останется на табак.

Я поправляю сбившийся за ночь галстук, беру часы, надеваю куртку, выхожу в коридор, тщательно запираю дверь своей комнаты, кладу ключ себе в карман и выхожу на улицу. Надо раньше всего поесть, тогда мысли будут яснее и тогда я предприму что-нибудь с этой падалью.

По дороге в магазин мне приходит в голову: не зайти ли мне к Сакердону Михайловичу и не рассказать ли ему все, может быть, вместе мы скорее придумаем, что делать. Но я тут же отклоняю эту мысль, потому что некоторые вещи надо делать одному, без свидетелей.

В магазине не было ветчинной колбасы, и я купил себе полкило сарделек. Табака тоже не было. Из магазина я пошел в булочную.

В булочной было много народу, и к кассе стояла длинная очередь. Я сразу нахмурился, но все-таки в очередь встал. Очередь подвигалась очень медленно, а потом и вовсе остановилась, потому что у кассы произошел какой-то скандал.

Я делал вид, что ничего не замечаю, и смотрел в спину молоденькой дамочки, которая стояла в очереди передо мной. Дамочка была, видно, очень любопытной: она вытягивала шейку то вправо, то влево и поминутно становилась на ципочки, чтобы лучше разглядеть, что происходит у кассы. Наконец она повернулась ко мне и спросила:

– Вы не знаете, что там происходит?

– Простите, не знаю, – сказал я как можно суше.

Дамочка повертелась в разные стороны и наконец опять обратилась ко мне:

– Вы не могли бы пойти и выяснить, что там происходит?

– Простите, меня это нисколько не интересует, – сказал я еще суше.

– Как не интересует? – воскликнула дамочка. – Ведь вы же сами задерживаетесь из-за этого в очереди!

Я ничего не ответил и только слегка поклонился. Дамочка внимательно посмотрела на меня.

– Это, конечно, не мужское дело стоять в очередях за хлебом, – сказала она. – Мне жалко вас, вам приходится тут стоять. Вы, должно быть, холостой?

– Да, холостой, – ответил я, несколько сбитый с толку, но по инерции продолжая отвечать довольно сухо и при этом слегка кланяясь.

Дамочка еще раз осмотрела меня с головы до ног и вдруг, притронувшись пальцем к моему рукаву, сказала:

– Давайте я куплю что вам нужно, а вы подождите меня на улице.

Я совершенно растерялся.

– Благодарю вас, – сказал я. – Это очень мило с вашей стороны, но, право, я мог бы и сам.

– Нет, нет, – сказала дамочка, – ступайте на улицу. Что вы собирались купить?

– Видите ли, – сказал я, – я собирался купить полкило черного хлеба, но только формового, того, который дешевле. Я его больше люблю.

– Ну, вот и хорошо, – сказала дамочка. – А теперь идите. Я куплю, а потом рассчитаемся.

И она даже слегка подтолкнула меня под локоть.

Я вышел из булочной и встал у самой двери. Весеннее солнце светит мне прямо в лицо. Я закуриваю трубку. Какая милая дамочка! Это теперь так редко. Я стою, жмурюсь от солнца, курю трубку и думаю о милой дамочке. Ведь у нее светлые карие глазки. Просто прелесть какая она хорошенькая!

– Вы курите трубку? – слышу я голос рядом с собой. Милая дамочка протягивает мне хлеб.

– О, бесконечно вам благодарен, – говорю я, беря хлеб.

– А вы курите трубку! Это мне страшно нравится, – говорит милая дамочка.

И между нами происходит следующий разговор:

Она: Вы, значит, сами ходите за хлебом?

Я: Не только за хлебом; я себе все сам покупаю.

Она: А где же вы обедаете?

Я: Обыкновенно я сам варю себе обед. А иногда ем в пивной.

Она: Вы любите пиво?

Я: Нет, я больше люблю водку.

Она: Я тоже люблю водку.

Я: Вы любите водку? Как это хорошо! Я хотел бы когда-нибудь с вами вместе выпить.

Она: И я тоже хотела бы выпить с вами водки.

Я: Простите, можно вас спросить об одной вещи?

Она (*сильно покраснев*): Конечно, спрашивайте.

Я: Хорошо, я спрошу вас. Вы верите в Бога?

Она (*удивленно*): В Бога? Да, конечно.

Я: А что вы скажете, если нам сейчас купить водку и пойти ко мне. Я живу тут рядом.

Она (*задорно*): Ну что ж, я согласна!

Я: Тогда идемте.

Мы заходим в магазин, и я покупаю пол литра водки. Больше у меня денег нет, какая-то только мелочь. Мы все время говорим о разных вещах, и вдруг я вспоминаю, что у меня в комнате, на полу, лежит мертвая старуха.

Я оглядываюсь на мою новую знакомую: она стоит у прилавка и рассматривает банки с вареньем. Я осторожно пробираюсь к двери и выхожу из магазина. Как раз, против магазина, останавливается трамвай. Я вскакиваю в трамвай, даже не посмотрев на его номер. На Михайловской улице я вылезая и иду к Сакердону Михайловичу. У меня в руках бутылка с водкой, сардельки и хлеб.

Сакердон Михайлович сам открыл мне двери. Он был в халате, накинутом на голое тело, в русских сапогах с отрезанными голенищами и в меховой с наушниками шапке, но наушники были подняты и завязаны на макушке бантом.

– Очень рад, – сказал Сакердон Михайлович, увидя меня.

– Я не оторвал вас от работы? – спросил я.

– Нет, нет, – сказал Сакердон Михайлович. – Я ничего не делал, а просто сидел на полу.

– Видите ли, – сказал я Сакердону Михайловичу. – Я к вам пришел с водкой и с закуской. Если вы ничего не имеете против, давайте выпьем.

– Очень хорошо, – сказал Сакердон Михайлович. – Вы входите.

Мы прошли в его комнату. Я откупорил бутылку с водкой, а Сакердон Михайлович поставил на стол две рюмки и тарелку с вареным мясом.

– Тут у меня сардельки, – сказал я. – Так, как мы будем их есть: сырыми, или будем варить?

– Мы их поставим варить, – сказал Сакердон Михайлович, – а пока они варятся, мы будем пить водку под вареное мясо. Оно из супа, превосходное вареное мясо!

Сакердон Михайлович поставил на керосинку кастрюльку, и мы сели пить водку.

– Водку пить полезно, – говорил Сакердон Михайлович, наполняя рюмки. – Мечников писал, что водка по-

лезнее хлеба, а хлеб – это только солома, которая гниет в наших желудках.

– Ваше здоровье! – сказал я, чокаясь с Сакердоном Михайловичем.

Мы выпили и закусили холодным мясом.

– Вкусно, – сказал Сакердон Михайлович.

Но в это мгновение в комнате что-то резко шелкнуло.

– Что это? – спросил я.

Мы сидели молча и прислушивались. Вдруг шелкнуло еще раз. Сакердон Михайлович вскочил со стула и, подбежав к окну, сорвал занавеску.

– Что вы делаете? – крикнул я.

Но Сакердон Михайлович, не отвечая мне, кинулся к керосинке, схватил занавеской кастрюльку и поставил ее на пол.

– Черт побери! – сказал Сакердон Михайлович. – Я забыл в кастрюльку налить воды, а кастрюлька эмалированная, и теперь эмаль отскочила.

– Все понятно, – сказал я, кивая головой.

Мы сели опять за стол.

– Чорт с ними, – сказал Сакердон Михайлович, – мы будем есть сардельки сырыми.

– Я страшно есть хочу, – сказал я.

– Кушайте, – сказал Сакердон Михайлович, пододвигая мне сардельки.

– Ведь я последний раз ел вчера, с вами в подвальчике, и с тех пор ничего еще не ел, – сказал я.

– Да, да, да, – сказал Сакердон Михайлович.

– Я все время писал, – сказал я.

– Чорт побери! – утрированно вскричал Сакердон Михайлович. – Приятно видеть перед собой гения.

– Еще бы! – сказал я.

– Много поди наваляли? – спросил Сакердон Михайлович.

– Да, – сказал я. – Исписал пропасть бумаги.

– За гения наших дней, – сказал Сакердон Михайлович, поднимая рюмки.

Мы выпили. Сакердон Михайлович ел вареное мясо, а я – сардельки. Съев четыре сардельки, я закурил трубку и сказал:

– Вы знаете, я ведь к вам пришел, спасаясь от преследования.

– Кто же вас преследовал? – спросил Сакердон Михайлович.

– Да ма, – сказал я.

Но так как Сакердон Михайлович ничего меня не спросил, а только молча налил в рюмки водку, то я продолжал:

– Я с ней познакомился в булочной и сразу влюбился.

– Хороша? – спросил Сакердон Михайлович.

– Да, – сказала я, – в моем вкусе.

Мы выпили, и я продолжал:

– Она согласилась идти ко мне пить водку. Мы зашли в магазин, но из магазина мне пришлось потихоньку удрать.

– Не хватило денег? – спросил Сакердон Михайлович.

– Нет, денег хватило в обрез, – сказал я, – но я вспомнил, что не могу пустить ее в свою комнату.

– Что же, у вас в комнате была другая дама? – спросил Сакердон Михайлович.

– Да, если хотите, у меня в комнате находится другая дама, – сказал я, улыбаясь. – Теперь я никого к себе в комнату не могу пустить.

– Женитесь. Будете приглашать меня к обеду, – сказал Сакердон Михайлович.

– Нет, – сказал я, фыркая от смеха. – На этой даме я не женюсь.

– Ну, тогда женитесь на той, которая из булочной, – сказал Сакердон Михайлович.

– Да что вы всё хотите меня женить? – сказал я.

– А что же? – сказал Сакердон Михайлович, наполняя рюмки. – За ваши успехи!

Мы выпили. Видно, водка начала оказывать на нас свое действие. Сакердон Михайлович снял свою меховую с наушниками шапку и швырнул ее на кровать. Я встал и прошелся по комнате, ощущая уже некоторое головокружение.

– Как вы относитесь к покойникам? – спросил я Сакердона Михайловича.

– Совершенно отрицательно, – сказал Сакердон Михайлович. – Я их боюсь.

– Да, я тоже терпеть не могу покойников, – сказал я. – Подвернись мне покойник, и не будь он мне родственником, я бы, должно быть, пнул бы его ногой.

– Не надо лягать мертвецов, – сказал Сакердон Михайлович.

– А я бы пнул его сапогом прямо в морду, – сказал я. – Терпеть не могу покойников и детей.

– Да, дети – гадость, – согласился Сакердон Михайлович.

– А что, по-вашему, хуже: покойники или дети? – спросил я.

– Дети, пожалуй, хуже, они чаще мешают нам. А покойники все-таки не врываются в нашу жизнь, – сказал Сакердон Михайлович.

– Врываются! – крикнул я и сейчас же замолчал.

Сакердон Михайлович внимательно посмотрел на меня.

– Хотите еще водки? – спросил он.

– Нет, – сказал я, но, спохватившись, прибавил: – Нет, спасибо, я больше не хочу.

Я подошел и сел опять за стол. Некоторое время мы молчим.

– Я хочу спросить в а с, – говорю я наконец. – Вы веруете в Бога?

У Сакердона Михайловича появляется на лбу поперечная морщина, и он говорит:

– Есть неприличные поступки. Неприлично спросить у человека пятьдесят рублей в долг, если вы видели, как он только что положил себе в карман двести. Его дело: дать вам деньги или отказать; и самый удобный и приятный способ отказа – это соврать, что денег нет. Вы же видели, что у того человека деньги есть, и тем самым лишили его возможности вам просто и приятно отказать. Вы лишили его права выбора, а это свинство. Это неприличный и бестактный поступок. И спросить человека: «веруете ли вы в Бога?» – тоже поступок бестактный и неприличный.

– Ну, – сказал я, – тут уж нет ничего общего.

– А я и не сравниваю, – сказал Сакердон Михайлович.

– Ну, хорошо, – сказал я, – оставим это. Извините только меня, что я задал вам такой неприличный и бестактный вопрос.

– Пожалуйста, – сказал Сакердон Михайлович. – Ведь я просто отказался отвечать вам.

– Я бы тоже не ответил, – сказал я, – да только по другой причине.

– По какой же? – вяло спросил Сакердон Михайлович.

– Видите ли, – сказал я, – по-моему, нет верующих или неверующих людей. Есть только желающие верить и желающие не верить.

– Значит, те, что желают не верить, уже во что-то верят? – сказал Сакердон Михайлович. – А те, что желают верить, уже заранее не верят ни во что?

– Может быть и так, – сказал я. – Не знаю.

– А верят или не верят во что? В Бога? – спросил Сакердон Михайлович.

– Нет, – сказала я, – в бессмертие.

– Тогда почему же вы спросили меня, верую ли я в Бога?

– Да просто потому, что спросить: верите ли вы в бессмертие? – звучит как-то глупо, – сказал я Сакердону Михайловичу и встал.

– Вы что, уходите? – спросил меня Сакердон Михайлович.

– Да, – сказал я, – мне пора.

– А что же водка? – сказал Сакердон Михайлович. – Ведь и осталось-то всего по рюмке.

– Ну, давайте допьем, – сказал я.

Мы допили водку и закусили остатками вареного мяса.

– А теперь я должен идти, – сказал я.

– До свидания, – сказал Сакердон Михайлович, проводжая меня через кухню на лестницу. – Спасибо за угощение.

– Спасибо вам, – сказал я. – До свидания.

И я ушел.

Оставшись один, Сакердон Михайлович убрал со стола, закинул на шкаф пустую водочную бутылку, надел опять на голову свою меховую с наушниками шапку и сел

под окном на пол. Руки Сакердон Михайлович заложил за спину, и их не было видно. А из-под задравшегося халата торчали голые костлявые ноги, обутые в русские сапоги с отрезанными голенищами.

Я шел по Невскому, погруженный в свои мысли. Мне надо сейчас же пройти к управдому и рассказать ему все. А разделившись со старухой, я буду целые дни стоять около булочной, пока не встречу ту милую дамочку. Ведь я остался ей должен за хлеб 48 копеек. У меня есть прекрасный предлог ее разыскивать. Выпитая водка продолжала еще действовать, и казалось, что все складывается очень хорошо и просто.

На Фонтанке я подошел к ларьку и, на оставшуюся мелочь, выпил большую кружку хлебного кваса. Квас был плохой и кислый, и я пошел дальше с мерзким вкусом во рту.

На углу Литейной какой-то пьяный, пошатнувшись, толкнул меня. Хорошо, что у меня нет револьвера: я убил бы его тут же на месте.

До самого дома я шел, должно быть, с искаженным от злости лицом. Во всяком случае, почти все встречные обращивались на меня.

Я вошел в домовую контору. На столе сидела низкорослая, грязная, курносая, кривая и белобрысая девка и, глядясь в ручное зеркальце, мазала себе помадой губы.

– А где же управдом? – спросил я.

Девка молчала, продолжая мазать губы.

– Где управдом? – повторил я резким голосом.

– Завтра будет, не сегодня, – отвечала грязная, курносая, кривая и белобрысая девка.

Я вышел на улицу. По противоположной стороне шел инвалид на механической ноге и громко стучал своей ногой и палкой. Шесть мальчишек бежало за инвалидом, передразнивая его походку.

Я завернул в свою парадную и стал подниматься по лестнице. На втором этаже я остановился; противная мысль пришла мне в голову: ведь старуха должна начать разлагаться. Я не закрыл окна, а говорят, что при открытом окне покойники разлагаются быстрее. Вот ведь глупость какая! И этот чертов управдом будет только завтра!

Я постоял в нерешительности несколько минут и стал подниматься дальше.

Около двери в свою квартиру я опять остановился. Может быть, пойти к булочной и ждать там ту милую дамочку? Я бы стал умолять ее пустить меня к себе на две или три ночи. Но тут я вспоминаю, что сегодня она уже купила хлеб и, значит, в булочную не придет. Да и вообще из этого ничего бы не вышло.

Я отпер дверь и вошел в коридор. В конце коридора горел свет, и Марья Васильевна, держа в руках какую-то тряпку, терла по ней другой тряпкой. Увидя меня, Марья Васильевна крикнула:

– Ваш шпрашивал какой-то штарик!

– Какой старик? – сказал я.

– Не ж н а ю , – отвечала Марья Васильевна.

– Когда это было? – спросил я.

– Тоже не ж н а ю , – сказала Марья Васильевна.

– Вы разговаривали со стариком? – спросил я Марью Васильевну.

– Я, – отвечала Марья Васильевна.

– Так как же вы не знаете, когда это было? – сказал я.

– Чиша два тому на ж а д , – сказала Марья Васильевна.

– А как этот старик выглядел? – спросил я.

– Тоже не ж н а ю , – сказала Марья Васильевна и ушла на кухню.

Я подошел к своей комнате.

«Вдруг, – подумал я, – старуха исчезла. Я войду в комнату, а старухи-то и нет. Боже мой! Неужели чудес не бывает?!»

Я отпер дверь и начал ее медленно открывать. Может быть, это только показалось, но мне в лицо пахнул приторный запах начавшегося разложения. Я заглянул в приотворенную дверь и, на мгновение, застыл на месте. Старуха на четвереньках медленно ползла ко мне навстречу.

Я с криком захлопнул дверь, повернул ключ и отскочил к противоположной стенке.

В коридоре появилась Марья Васильевна.

– Вы меня жвали? – спросила она.

Меня так трясло, что я ничего не мог ответить и только отрицательно замотал головой. Марья Васильевна подошла поближе.

– Вы ш кем-то ражговаривали, – сказала она.

Я опять отрицательно замотал головой.

– Шумашедший, – сказала Марья Васильевна и опять ушла на кухню, несколько раз по дороге оглянувшись на меня.

«Так стоять нельзя. Так стоять нельзя», – повторял я мысленно. Эта фраза сама собой сложилась где-то внутри меня. Я твердил ее до тех пор, пока она не дошла до моего сознания.

– Да, так стоять нельзя, – сказал я себе, но продолжал стоять как парализованный. Случилось что-то ужасное, но предстояло сделать что-то, может быть, еще более ужасное, чем то, что уже произошло. Вихрь кружил мои мысли, и я только видел злобные глаза мертвой старухи, медленно ползущей ко мне на четверинках.

Ворваться в комнату и раздробить этой старухе череп. Вот что надо сделать! Я даже поискал глазами и остался доволен, увидя крокетный молоток, неизвестно для чего уже в продолжение многих лет стоящий в углу коридора. Схватить молоток, ворваться в комнату и трах!..

Озноб еще не прошел. Я стоял с поднятыми плечами от внутреннего холода. Мысли мои скакали, путались, возвращались к исходному пункту и вновь скакали, захватывая новые области, а я стоял и прислушивался к своим мыслям и был как бы в стороне от них и был как бы не их командир.

– Покойники, – объясняли мне мои собственные мысли, – народ неважный. Их зря называют покойники, они скорее беспокойники. За ними надо следить и следить. Спросите любого сторожа из мертвецкой. Вы думаете, он для чего поставлен там? Только для одного: следить, чтобы покойники не расползались. Бывают, в этом смысле, забавные случаи. Один покойник, пока сторож, по приказанию начальства, мылся в бане, выполз из мертвецкой, заполз в дезинфекционную камеру и съел там кучу белья. Дезинфекторы здорово отлупцевали этого покойника, но за испорченное белье им пришлось расчитываться из своих собственных карманов. А другой

покойник заполз в палату рожениц и так перепугал их, что одна роженица тут же произвела преждевременный выкидыш, а покойник набросился на выкинутый плод и начал его, чавкая, пожирать. А когда одна храбрая сиделка ударила покойника по спине табуреткой, то он укусил эту сиделку за ногу, и она вскоре умерла от заражения трупным ядом. Да, покойники народ неважный, и с ними надо быть начеку.

– Стоп! – сказал я своим собственным мыслям. – Вы говорите чушь. Покойники неподвижны.

– Хорошо, – сказали мне мои собственные мысли, – войди тогда в свою комнату, где находится, как ты говоришь, неподвижный покойник.

Неожиданное упрямство заговорило во мне.

– И войду! – сказал я решительно своим собственным мыслям.

– Попробуй! – насмешливо сказали мне мои собственные мысли.

Эта насмешливость окончательно взбесила меня. Я схватил крокетный молоток и кинулся к двери.

– Подожди! – закричали мне мои собственные мысли. Но я уже повернул ключ и распахнул дверь.

Старуха лежала у порога, уткнувшись лицом в пол.

С поднятым крокетным молотком я стоял наготове. Старуха не шевелилась.

Озноб прошел, и мысли мои текли ясно и четко. Я был командиром их.

– Раньше всего закрыть дверь! – скомандовал я сам себе.

Я вынул ключ с наружной стороны двери и вставил его с внутренней. Я сделал это левой рукой, а в правой я держал крокетный молоток и все время не спускал со старухи глаз. Я запер дверь на ключ и, осторожно переступив через старуху, вышел на середину комнаты.

– Теперь мы с тобой рассчитаемся, – сказал я. У меня возник план, к которому обыкновенно прибегают убийцы из уголовных романов и газетных происшествий; я просто хотел запрятать старуху в чемодан, отвезти ее за город и спустить в болото. Я знал одно такое место.

Чемодан стоял у меня под кушеткой. Я вытащил его и открыл. В нем находились кое-какие вещи: несколько

книг, старая фетровая шляпа и рваное белье. Я выложил все это на кушетку.

В это время громко хлопнула наружная дверь, и мне показалось, что старуха вздрогнула.

Я моментально вскочил и схватил крокетный молоток.

Старуха лежит спокойно. Я стою и прислушиваюсь. Это вернулся машинист, я слышу, как он ходит у себя по комнате. Вот он идет по коридору на кухню. Если Марья Васильевна расскажет ему о моем сумасшествии, это будет нехорошо. Чертовщина какая! Надо и мне пройти на кухню и своим видом успокоить их.

Я опять перешагнул через старуху, поставил молоток возле самой двери, чтобы, вернувшись обратно, я бы мог, не входя еще в комнату, иметь молоток в руках, и вышел в коридор. Из кухни неслись голоса, но слов не было слышно. Я прикрыл за собою дверь в свою комнату и осторожно пошел на кухню: мне хотелось узнать, о чем говорит Марья Васильевна с машинистом. Коридор я прошел быстро, а около кухни замедлил шаги. Говорил машинист, по-видимому, он рассказывал что-то случившееся с ним на работе.

Я вошел. Машинист стоял с полотенцем в руках и говорил, а Марья Васильевна сидела на табурете и слушала. Увидя меня, машинист махнул мне рукой.

– Здравствуйте, здравствуйте, Матвей Филиппович, – сказал я ему и прошел в ванную комнату. Пока все было спокойно. Марья Васильевна привыкла к моим странностям и этот последний случай могла уже и забыть.

Вдруг меня осенило: я не запер дверь. А что если старуха выползет из комнаты?

Я кинулся обратно, но вовремя спохватился и, чтобы не испугать жильцов, прошел через кухню спокойными шагами.

Марья Васильевна стучала пальцем по кухонному столу и говорила машинисту:

– Ждорово! Вот это ждорово! Я бы тоже швиштела!

С замирающим сердцем я вышел в коридор и тут уже чуть не бегом пустился к своей комнате.

Снаружи все было спокойно. Я подошел к двери и, приотворив ее, заглянул в комнату. Старуха по-прежнему спокойно лежала, уткнувшись лицом в пол. Крокетный

молоток стоял у двери на прежнем месте. Я взял его, вошел в комнату и запер за собою дверь на ключ. Да, в комнате определенно пахло трупом. Я перешагнул через старуху, подошел к окну и сел в кресло. Только бы мне не стало дурно от этого пока еще хоть и слабого, но все-таки уже нестерпимого запаха. Я закурил трубку. Меня подташнивало, и немного болел живот.

Ну что же я так сижу? Надо действовать скорее, пока эта старуха окончательно не протухла. Но, во всяком случае, в чемодан ее надо запихивать осторожно, потому что как раз тут-то она и может тяпнуть меня за палец. А потом умирать от трупного заражения – благодарю покорно!

– Эге! – воскликнул я вдруг. – А интересуюсь я: чем вы меня укусите? Зубки-то ваши вон где!

Я перегнулся в кресле и посмотрел в угол по ту сторону окна, где, по моим расчетам, должна была находиться вставная челюсть старухи. Но челюсти там не было.

Я задумался: может быть, мертвая старуха ползла у меня по комнате, ища свои зубы? Может быть даже, нашла их и вставила себе обратно в рот?

Я взял крокетный молоток и пошарил им в углу. Нет, челюсть пропала. Тогда я вынул из комода толстую байковую простыню и подошел к старухе. Крокетный молоток я держал наготове в правой руке, а в левой я держал байковую простыню.

Брезгливый страх к себе вызывала эта мертвая старуха. Я приподнял молотком ее голову: рот был открыт, глаза закатились кверху, а по всему подбородку, куда я ударил ее сапогом, расплзлось большое темное пятно. Я заглянул старухе в рот. Нет, она не нашла свою челюсть. Я отпустил голову. Голова упала и стукнулась об пол.

Тогда я расстелил по полу байковую простыню и подтянул ее к самой старухе. Потом ногой и крокетным молотком я перевернул старуху через левый бок на спину. Теперь она лежала на простыне. Ноги старухи были согнуты в коленях, а кулаки прижаты к плечам. Казалось, что старуха, лежа на спине, как кошка, собирается защищаться от нападающего на нее орла. Скорее, прочь эту падаль!

Я закатал старуху в толстую простыню и поднял ее на руки. Она оказалась легче, чем я думал. Я опустил ее в чемодан и попробовал закрыть крышкой. Тут я ожидал всяких трудностей, но крышка сравнительно легко закрылась. Я щелкнул чемоданными замками и выпрямился.

Чемодан стоит передо мной, с виду вполне благопристойный, как буд то в нем лежит белье и книги. Я взял его за ручку и попробовал поднять. Да, он был, конечно, тяжел, но не чрезмерно, я мог вполне донести его до трамвая.

Я посмотрел на часы: двадцать минут шестого. Это хорошо. Я сел в кресло, чтобы немного передохнуть и выкурить трубку.

Видно, сардельки, которые я ел сегодня, были не очень хороши, потому что живот мой болел все сильнее. А может быть, это потому, что я ел их сырыми? А может быть, боль в животе была чисто нервной.

Я сижу и курю. И минуты бегут за минутами.

Весеннее солнце светит в окно, и я жмурюсь от его лучей. Вот оно прячется за трубу противостоящего дома, и тень от трубы бежит по крыше, перелетает улицу и ложится мне на лицо. Я вспоминаю, как вчера в это же время я сидел и писал повесть. Вот она: клетчатая бумага и на ней надпись, сделанная мелким почерком: «Чудотворец был высокого роста».

Я посмотрел в окно. По улице шел инвалид на механической ноге и громко стучал своей ногой и палкой. Двое рабочих и с ними старуха, держась за бока, хохотали над смешной походкой инвалида.

Я встал. Пора! Пора в путь! Пора отвозить старуху на болото! Мне нужно еще занять деньги у машиниста.

Я вышел в коридор и подошел к его двери.

– Матвей Филиппович, вы дома? – спросил я.

– Д о м а , – ответил машинист.

– Тогда, извините, Матвей Филиппович, вы не богаты деньгами? Я послезавтра получу. Не могли ли бы вы мне одолжить тридцать рублей?

– М о г б ы , – сказал машинист. И я слышал, как он звякал ключами, отпирая какой-то ящик. Потом он открыл дверь и протянул мне новую красную тридцатирублевку.

– Большое спасибо, Матвей Филиппович, – сказал я.

– Не стоит, не стоит, – сказал машинист.

Я сунул деньги в карман и вернулся в свою комнату. Чемодан спокойно стоял на прежнем месте.

– Ну теперь в путь, без промедления, – сказал я сам себе.

Я взял чемодан и вышел из комнаты.

Марья Васильевна увидела меня с чемоданом и крикнула:

– Куда вы?

– К тетке, – сказал я.

– Шкоро приедете? – спросила Марья Васильевна.

– Да, – сказал я. – Мне нужно только отвезти к тетке кое-какое белье. Я приеду, может быть, и сегодня.

Я вышел на улицу. До трамвая я дошел благополучно, неся чемодан то в правой, то в левой руке.

В трамвай я влез с передней площадки прицепного вагона и стал махать кондукторше, чтобы она пришла получить за багаж и билет. Я не хотел передавать единственную тридцатирублевку через весь вагон, и не решался оставить чемодан и сам пройти к кондукторше. Кондукторша пришла ко мне на площадку и заявила, что у нее нет сдачи. На первой же остановке мне пришлось слезть.

Я стоял злой и ждал следующего трамвая. У меня болел живот и слегка дрожали ноги.

И вдруг я увидел мою милую дамочку: она переходила улицу и не смотрела в мою сторону.

Я схватил чемодан и кинулся за ней. Я не знал, как ее зовут, и не мог ее окликнуть. Чемодан страшно мешал мне: я держал его перед собой двумя руками и подталкивал его коленями и животом. Милая дамочка шла довольно быстро, и я чувствовал, что мне ее не догнать. Я был весь мокрый от пота и выбивался из сил. Милая дамочка повернула в переулок. Когда я добрался до угла – ее нигде не было.

– Проклятая старуха! – прошипел я, бросая чемодан на землю.

Рукава моей куртки насквозь промокли от пота и липли к рукам. Я сел на чемодан и, вынув носовой платок, вытер им шею и лицо. Двое мальчишек остановились передо мной и стали меня рассматривать. Я сле-

лал спокойное лицо и пристально смотрел на ближайшую подворотню, как бы поджидая кого-то. Мальчишки шептались и показывали на меня пальцами. Дикая злоба душила меня. Ах, напустить бы на них столбняк!

И вот из-за этих паршивых мальчишек я встаю, поднимаю чемодан, подхожу с ним к подворотне и заглядываю туда. Я делаю удивленное лицо, достаю часы и пожимаю плечами. Мальчишки издали наблюдают за мной. Я еще раз пожимаю плечами и заглядываю в подворотню.

– Странно, – говорю я вслух, беру чемодан и тащу его к трамвайной остановке.

На вокзал я приехал без пяти минут семь. Я беру обратный билет до Лисьего Носа и сажусь в поезд.

В вагоне, кроме меня, еще двое: один, как видно, рабочий, он устал и, надвинув кепку на глаза, спит. Другой, еще молодой парень, одет деревенским франтом: под пиджаком у него розовая косоворотка, а из-под кепки торчит курчавый кок. Он курит папироску, всунув в ярко-зеленый мундштук из пластмассы.

Я ставлю чемодан между скамейками и сажусь. В животе у меня такие рези, что я сжимаю кулаки, чтобы не застонать от боли.

По платформе два милиционера ведут какого-то гражданина в пикет. Он идет, заложив руки за спину и опустив голову.

Поезд трогается. Я смотрю на часы: десять минут восьмого.

О, с каким удовольствием спущу я эту старуху в болото! Жаль только, что я не захватил с собой палку, должно быть, старуху придется подталкивать.

Франт в розовой косоворотке нахально разглядывает меня. Я поворачиваюсь к нему спиной и смотрю в окно.

В моем животе происходят ужасные схватки; тогда я стискиваю зубы, сжимаю кулаки и напрягаю ноги.

Мы проезжаем Ланскую и Новую Деревню. Вон мелькает золотая верхушка Буддийской пагоды, а вон показались море.

Но тут я вскакиваю и, забыв все вокруг, мелкими шажками бегу в уборную. Безумная волна качает и вертит мое сознание...

Поезд замедляет ход. Мы подъезжаем к Лахте. Я сижу, боясь пошевелиться, чтобы меня не выгнали на остановке из уборной.

– Скорей бы он трогался! Скорей бы он трогался!

Поезд трогается, и я закрываю глаза от наслаждения. О, эти минуты бывают столь же сладки, как мгновения любви! Все силы мои напряжены, но я знаю, что за этим последует страшный упадок.

Поезд опять останавливается. Это Ольгино. Значит, опять эта пытка!

Ко теперь это ложные позывы. Холодный пот выступает у меня на лбу, и легкий холодок порхает вокруг моего сердца. Я поднимаюсь и некоторое время стою, прижавшись головой к стене. Поезд идет, и покачиванье вагона мне очень приятно.

Я собираю все свои силы и пошатываясь выхожу из уборной.

В вагоне нет никого. Рабочий и франт в розовой косоворотке, видно, слезли на Лахте или в Ольгино. Я медленно иду к своему окошку.

И вдруг я останавливаюсь и тупо гляжу перед собой. Чемодана, там, где я его оставил, нет. Должно быть, я ошибся окном. Я прыгаю к следующему окошку. Чемодана нет. Я прыгаю назад, вперед, я пробегаю вагон в обе стороны, заглядываю под скамейки, но чемодана нигде нет.

Да, разве можно тут сомневаться? Конечно, пока я был в уборной, чемодан украли. Это можно было предвидеть!

Я сижу на скамейке с вытаращенными глазами, и мне почему-то вспоминается, как у Сакердона Михайловича с треском отскакивала эмаль от раскаленной кастрюльки.

– Что же случилось? – спрашиваю я сам себя. – Ну кто теперь поверит, что я не убивал старухи? Меня сегодня же схватят, тут же или в городе на вокзале, как того гражданина, который шел, опустив голову.

Я выхожу на площадку вагона. Поезд подходит к Лисьему Носу. Мелькают белые столбики, ограждающие дорогу. Поезд останавливается. Ступеньки моего вагона не доходят до земли. Я соскакиваю и иду к станционному павильону. До поезда, идущего в город, еще полчаса.

Я иду в лесок. Вот кустики можжевельника. За ними меня никто не увидит. Я направляюсь туда.

По земле ползет большая зеленая гусеница. Я опускаюсь на колени и трогаю ее пальцем. Она сильно и жилисто складывается несколько раз в одну и в другую сторону.

Я оглядываюсь. Никто меня не видит. Легкий трепет бежит по моей спине. Я низко склоняю голову и негромко говорю:

– Во имя Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

На этом я временно заканчиваю свою рукопись, считая, что она и так уже достаточно затянулась.

<Конец мая и первая половина июня 1939 года.>

637. Журавли и корабли

Я на камне сижу
И на море гляжу,
А по морю плывут корабли.
Я на травке лежу
И на небо гляжу,
А по небу летят журавли.

И кричат журавли:
– Вон плывут корабли,
Поднимаются мачтами к нам.
Ты взойди на корабль
И за нами плыви,
И за нами плыви по волнам. –

Я кричу кораблям,
Я кричу журавлям.
– Нет, спасибо! – я громко кричу. –
Вы плывите себе!
И летите себе!
Только я никуда не хочу. –

Мне кричат журавли:
– Так оставь корабли!
Мы на крыльях тебя понесем.
Все покажем тебе
И расскажем тебе,
И расскажем тебе обо всем. –

– Нет, спасибо! – кричу. –
Уж я не полечу.
Лучше вы возвращайтесь ко мне.
Я отсюда
Совсем
Никуда
Не хочу!
Я останусь в Советской Стране!

Д. Хармс
1939

638. Веселый скрипач

Проходит Володя
И тихо хохочет.

Володя проходит
И грабли волочит.

Потом достает
Из кармана калач,

И две собачонки
Прносятся вскачь.

И пристально смотрит
Скрипач на песок,
И к скрипке привычно
Склоняет висок.

И думают люди:
«Вот это игра!
Мы слушать готовы
Всю ночь до утра!»

Даниил Хармс
1939

639. Исторический эпизод

В. Н. Петрову

Иван Иванович Сусанин (то самое историческое лицо, которое положило свою жизнь за царя и впоследствии было воспето оперой Глинки) зашёл однажды в русскую харчевню и, сев за стол, потребовал себе антрекот. Пока хозяин харчевни жарил антрекот, Иван Иванович закусил свою бороду зубами и задумался; такая у него была привычка.

Прошло тридцать пять колов времени, и хозяин принес Ивану Ивановичу антрекот на круглой деревянной дощечке. Иван Иванович был голоден и, по обычаю того времени, схватил антрекот руками и начал его есть. Но, торопясь утолить свой голод, Иван Иванович так жадно набросился на антрекот, что забыл вынуть изо рта свою бороду и съел антрекот с куском своей бороды.

Вот тут-то и произошла неприятность, так как не прошло и пятнадцати колов времени, как в животе у Ивана Ивановича начались сильные рези. Иван Иванович вскочил из за стола и ринулся на двор. Хозяин крикнул было Ивану Ивановичу: «Зри, како твоя брада ключна». Но Иван Иванович, не обращая ни на что внимания, выбежал на двор.

Тогда боярин Ковшегуб, сидящий в углу харчевни и пьющий сусло, ударил кулаком по столу и вскричал: «Кто есть сей?» А хозяин, низко кланяясь, ответил боярину: «Сие есть наш патриот Иван Иванович Сусанин». «Во как!» – сказал боярин, допивая свое сусло.

«Не угодно ли рыбки?» – спросил хозяин. «Пошел ты к бую!» – крикнул боярин и пустил в хозяина ковшом. Ковш просвистел возле хозяйской головы, вылетел через окно на двор и хватил по зубам сидящего орлом Ивана Ивановича. Иван Иванович схватился рукой за щеку и повалился на бок.

Тут справа из сарая выбежал Карп и, перепрыгнув через корыто, в котором среди помой лежала свинья, с криком побежал к воротам. Из харчевни выглянул хозяин. «Чего ты орешь?» – спросил он Карпа. Но Карп, ничего не отвечая, убежал.

Хозяин вышел на двор и увидел Сусанина, лежащего неподвижно на земле. Хозяин подошел поближе и заглянул ему в лицо. Сусанин пристально глядел на хозяина. «Так ты жив?» – спросил хозяин. «Жив, да тилько страшусь, что меня еще чем ни будь ударят», – сказал Сусанин. «Нет, – сказал хозяин, – не страшись. Это тебя боярин Ковшегуб чуть не убил, а теперь он ушедши». – «Ну слава Тебе, Боже! – сказал Иван Сусанин, поднимаясь с земли. – Я человек храбрый, да тилько зря живот покладать не люблю. Вот я приник к земле и ждал: чего дальше будет? Чуть что, я бы на животе до самой Елдыриной слободы бы уполз... Евона как щеку разнесло. Батюшки! Пол бороды отхватило!» «Это у тебя еще и раньше так было», – сказал хозяин. «Как это так раньше? – вскричал патриот Сусанин. – Что же, по твоему, я так с клочной бородой ходил?» – «Ходил», – сказал хозяин. «Ах ты, мяфа», – проговорил Иван Сусанин. Хозяин зажмурил глаза и, размахнувшись, со всего маху звезданул Сусанина по уху. Патриот Сусанин рухнул на землю и замер. «Вот тебе! Сам ты мяфа!» – сказал хозяин и удалился в харчевню.

Несколько колов времени Сусанин лежал на земле и прислушивался, но, не слыша ничего подозрительного, осторожно приподнял голову и осмотрелся. На дворе никого не было, если не считать свиньи, которая, вывалившись из корыта, валялась теперь в грязной луже. Иван Сусанин, озираясь, подобрался к воротам. Ворота, по счастью, были открыты, и патриот Иван Сусанин, изви-

ваясь по земле как червь, пополз по направлению к Елдыриной слободе.

Вот эпизод из жизни знаменитого исторического лица, которое положило свою жизнь за царя и было впоследствии воспето в опере Глинки.

1939 год

640. Пакин и Ракукин

– Ну ты, не очень-то фрякай! – сказал Пакин Ракукину.

Ракукин сморщил нос и недоброжелательно посмотрел на Пакина.

– Чего глядишь? Не узнал? – спросил Пакин.

Ракукин пожевал губами и, с возмущением повернувшись на своем вертящемся кресле, стал смотреть в другую сторону. Пакин побарабанил пальцами по своему колену и сказал:

– Вот дурак! Хорошо бы его по затылку палкой хлопнуть.

Ракукин встал и пошел из комнаты, но Пакин быстро вскочил, догнал Ракукина и сказал:

– Пстой! Куда помчался? Лучше сядь, и я тебе покажу кое что.

Ракукин остановился и недоверчиво посмотрел на Пакина.

– Что, не веришь? – спросил Пакин.

– Верю, – сказал Ракукин.

– Тогда садись вот сюда, в это кресло, – сказал Пакин.

И Ракукин сел обратно в свое вертящееся кресло.

– Ну вот, – сказал Пакин, – чего сидишь в кресле как дурак?

Ракукин подвигал ногами и быстро замигал глазами.

– Не мигай, – сказал Пакин.

Ракукин перестал мигать глазами и, сгорбившись, втянул голову в плечи.

– Сиди прямо, – сказал Пакин.

Ракукин, продолжая сидеть сгорбившись, выпятил живот и вытянул шею.

– Э х , – сказал Пакин , – так бы и шлепнул тебя по подрывнику!

Ракукин икнул, надул щеки и потом осторожно выпустил воздух через ноздри.

– Ну ты, не фрякай! – сказал Пакин Ракукину.

Ракукин еще больше вытянул шею и опять быстро-быстро замигал глазами.

Пакин сказал:

– Если ты, Ракукин, сейчас не перестанешь мигать, я тебя ударю ногой по грудям.

Ракукин, что бы не мигать, скривил челюсти и еще больше вытянул шею и закинул назад голову.

– Фу, какой мерзостный у тебя вид , – сказал Пакин . – Морда как у курицы, шея синяя, просто гадость!

В это время голова Ракукина закидывалась назад все дальше и дальше и наконец, потеряв напряжение, свалилась на спину.

– Что за чорт! – воскликнул Пакин . – Это что еще за фокус?

Если смотреть от Пакина на Ракукина, то можно было подумать, что Ракукин сидит вовсе без головы. Кадък Ракукина торчал в верх. Невольно хотелось думать, что это нос.

– Эй, Ракукин! – сказал Пакин.

Ракукин молчал.

– Ракукин! – повторил Пакин.

Ракукин не отвечал и продолжал сидеть без движения.

– Т а к , – сказал Пакин . – Подох Ракукин.

Пакин перекрестился и на цыпочках вышел из комнаты.

Минут четырнадцать спустя из тела Ракукина вылезла маленькая душа и злобно посмотрела на то место, где недавно сидел Пакин. Но тут из за шкапа вышла высокая фигура ангела смерти и, взяв за руку ракукинскую душу, повела ее куда-то, прямо сквозь дома и стены. Ракукинская душа бежала за ангелом смерти, поминутно злобно оглядываясь. Но вот ангел смерти поддал ходу, и ракукинская душа, подпрыгивая и спотыкаясь, исчезла вдали за поворотом.

641. Начало очень хорошего летнего дня

Симфония

Чуть только прокричал петух, Тимофей выскочил из окошка на крышу и напугал всех, кто проходил в это время по улице. Крестьянин Харитон остановился, поднял камень и пустил им в Тимофея. Тимофей куда-то исчез. «Вот ловкач!» – закричало человеческое стадо, и некто Зубов разбежался и со всего маху двинулся головой об стену. «Эх!» – вскрикнула баба с флюсом. Но Комаров сделал этой бабе тепель-тапель, и баба с воем убежала в подворотню. Мимо шел Фетелюшин и посмеивался. К нему подошел Комаров и сказал: «Эй ты, сало!» – и ударил Фетелюшина по животу. Фетелюшин прислонился к стене и начал икать. Ромашкин плевался сверху из окна, стараясь попасть в Фетелюшина. Тут же невдалеке носатая баба била корытом своего ребенка. А молодая, толстенная мать терла хорошенькую девочку лицом о кирпичную стену. Маленькая собачка, сломав свою тоненькую ножку, валялась на панели. Маленький мальчик ел из плевательницы какую-то гадость. У бакалейного магазина стояла длинная очередь за сахаром. Бабы громко ругались и толкали друг друга кошелками. Крестьянин Харитон, напившись денатурату, стоял перед бабами с расстегнутыми штанами и произносил нехорошие слова.

Таким образом начинался хороший летний день.

<1939>

642. Анекдоты из жизни Пушкина

1

Пушкин был поэтом и всё что-то писал. Однажды Жуковский застал его за писанием и громко воскликнул: «Да никак ты писака!»

С тех пор Пушкин очень полюбил Жуковского и стал называть его по-приятельски просто Жуковым.

2

Как известно, у Пушкина никогда не росла борода. Пушкин очень этим мучился и всегда завидывал Захарьину, у которого, наоборот, борода росла вполне прилично. «У него – растет, а у меня – не растет», – частенько говорил Пушкин, показывая ногтями на Захарьина. И всегда был прав.

3

Однажды Петрушевский сломал свои часы и послал за Пушкиным. Пушкин пришел, осмотрел часы Петрушевского и положил их обратно на стул. «Что скажешь, брат Пушкин?» – спросил Петрушевский. «Стоп машина», – сказал Пушкин.

4

Когда Пушкин сломал себе ноги, то стал передвигаться на колесах. Друзья любили дразнить Пушкина и хватали его за эти колеса. Пушкин злился и писал про друзей ругательные стихи. Эти стихи он называл «эригармами».

5

Лето 1829 года Пушкин провел в деревне. Он вставал рано утром, выпивал жбан парного молока и бежал к реке купаться. Выкупавшись в реке, Пушкин ложился на траву и спал до обеда. После обеда Пушкин спал в гамаке. При встрече с вонючими мужиками Пушкин кивал им головой и зажимал пальцами свой нос. А вонючие мужики ломали свои шапки и говорили: «Это ничаво».

6

Пушкин любил кидаться камнями. Как увидит камни, так и начнет ими кидаться. Иногда так разойдется, что стоит весь красный, руками машет, камнями кидается, просто ужас!

7

У Пушкина было четыре сына, и все идиоты. Один не умел даже сидеть на стуле и все время падал. Пушкин-то и сам довольно плохо сидел на стуле. Бывало, сплошная умора; сидят они за столом: на одном конце Пушкин все время со стула падает, а на другом конце – его сын. Просто хоть святых вон выноси!

<1939>

643

Пальто и кепочку надев
Идёт он в цирк. Навстречу дев
Ночных волшебниц милый рой
Летит. Один потом другой

Все легче, ярче! То каварно
Глазами кружатся, то вдруг
Втроем, отдельно и попарно
Мелькают ножками вокруг

Подруг весёлых милый рой
Его пленил своей игрой.
Игра велась таким манером:
Одна одевшись кавалером

<1938–1939>

Вторая половина 1930-х

644

Я не люблю детей, стариков, старух и благоразумных пожилых.

Травить детей – это жестоко. Но что ни будь ведь надо же с ними делать!

Я уважаю только молодых и здоровых пышных женщин. К остальным представителям человечества я отношусь подозрительно.

Старух, которые носят в себе благоразумные мысли, хорошо бы ловить арканом.

Всякая морда благоразумного фасона вызывает во мне неприятное ощущение.

Что такое цветы? У женщин между ног пахнет значительно лучше. То и то природа, а потому никто не смеет возмущаться моим словом.

645. Красная <гибель?>

Один инженер довольно много рассуждал о французской истории. И дорассуждался до того, что его вытолкали со службы. Несчастный инженер так этим опечалился, что решил отравить себя каким ни будь ядом.

Не долго думая, инженер съел пол кило какой-то пшеничной сулем<ы>. Ему сказали, что эта пшеничная сулема самый сильный яд, но инженер съел его пол кило и остался жив. Правда, его немного помутило, но даже не вырвало.

646

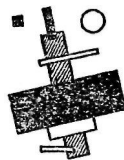
Он был так грязен, что однажды, рассматривая свои ноги, он нашёл между пальцев засохшего клопа, которого, видно, носил на ноге уже несколько дней.

647

Одному французу подарили диван, четыре стула и кресло.

Сел француз на стул у окна, а самому хочется на диване полежать. Лёг француз на диван, а ему уже на кресле посидеть хочется. Встал француз с дивана и сел на кресло, как король, а у самого мысли в голове уже такие, что на кресле-то больно пышно. Лучше попроще, на стуле. Пересел француз на стул у окна, да только не сидится француз на этом стуле, потому что в окно как-то дует. Француз пересел на стул возле печки и почувствовал, что он устал. Тогда француз решил лечь на диван и отдохнуть, но, не дойдя до дивана, свернул в сторону и сел на кресло.

– Вот где хорошо! – сказал француз, но сейчас же прибавил: – а на диване-то, пожалуй, лучше.

648

На этой странице
Странные птицы
Странно летают!
А туг:
Странные люди
Стоят очень странно,
И странные пальмы растут.

И странное солнце
Блестит над странною
И странная светит луна
Но мы улыбнемся
И скажем с тобою:
Бумажная это страна.

649

Жил на свете
Мальчик Петя,
Мальчик Петя
Пинчиков
И сказал он:
Тётя тётя,
Дайте тётя
Блинчиков

Но сказала тётя Пете:
Петя Петя Пинчиков!
Не люблю я когда дети
Очень клянутся блинчиков.

650

Машинист трубит в трубу
Паровоз грохочет.
Возле топки, весь в поту
Кочегар хлопочет.

А вот это детский сад
Ездил он на речку,
А теперь спешит назад
К милому крылечку.

Мчится поезд всё вперёд
Станция не скоро.
Всю дорогу ест и пьёт
Пассажир обжора

651

Как-то жил один столяр.
Замечательный столяр!
Удивительный столяр!!
Делал стулья и столы,
Окна, двери и полы
Для жильца – перегородку
Для сапожника – колодку
Астроному в один миг
Сделал полочку для книг
Если птица – делал клетку
Если дворник – табуретку
Если школьник – делал парту
Прикреплял на полку карту
Делал глобус топором

А из глобуса потом
Делал шилом и пилой
Ящик с крышкой откидной.
Вот однажды утром рано
Он стоял над верстаком
И барана из чурбана
Ловко делал топором.
А закончил он барана
Сразу сделал пастуха,
Сделал три аэроплана
И четыре петуха.

652

Ну ка Петя, ну ка Петя
Закусили, вытрем рот
и пойдем с тобою Петя
мы работать в огород.

Ты работай да не прыгай
туда сюда напоказ
я лопатой ты мотыгой
грядки сделаем как раз

ты смотри не отставай
ты гляди совсем заkis
эта грядка под морковь
эта грядка под редис

грядки сделаны отменно
только новая беда
прёт из грядки непременно
то лопух то лебеда.

Эй, глядите, весь народ
вдруг пошел на огород
как солдаты
как солдаты
кто с мотыгой
кто с лопатой

Было лето. Светило солнце. Было очень жарко. В саду висел гамак. А в гамаке сидел маленький мальчик по имени Платон.

Платон сидел в гамаке, качался и щурил на солнце глаза.

Вдруг из-за куста сирени что-то выглянуло и опять спряталось.

Платон хотел вскочить и посмотреть, что это такое, но вылезти из гамака было трудно. Гамак качался и приятно поскрипывал, вокруг летали бабочки и жужжали пчёлы, было слышно, как в доме шумит примус, и Платон продолжал лежать в гамаке и качаться.

Из-за куста сирени опять что-то выглянуло и спряталось.

– Должно быть, это наша кошка Женька, – подумал Платон.

Действительно, из-за куста вышла кошка, но только это была не Женька. Женька была серая с белыми пятнами, а эта была вся серая, без пятен.

– Откуда у нас такая кошка? – подумал Платон. И вдруг увидел, что кошка была в очках. Мало того, во рту кошка держала маленькую трубочку и курила.

Платон, вытараща глаза, смотрел на кошку. А кошка, увидя Платона, подошла к нему, вынула изо рта трубочку и сказала:

– Простите пожалуйста! Вы не знаете, где тут живет Платон?

– Это я, – сказал Платон.

– Ах, это вы? – сказала кошка. – В таком случае пойдёте со мной вот за этот куст, там вас поджидает одна особа.

Платон вылез из гамака и пошёл за кошкой.

За кустом на одной ноге стояла цапля.

Увидя Платона, она хлопнула крыльями, мотнула головой и щёлкнула клювом.

– Здравствуйте! – сказала цапля и протянула Платону ногу.

Платон хотел пожать её ногу и протянул для этого руку.

– Не смейте этого делать! – сказала кошка. – Рукопожатия отменены! Если хотите здороваться, здоровайтесь ногами!

Платон протянул ногу и коснулся своей ногой ноги цапли.

– Ну вот, вы уже и поздоровались! – сказала кошка.

– Трагдра Поретимте! – сказала цапля.

– Да, тогда полетимте! – сказала кошка и вспрыгнула цапле на спину.

– Куда полетим? – спросил Платон. Но цапля уже схватила его клювом за шиворот и начала подниматься на воздух.

– Пустите меня! – крикнул Платон.

– Вы говорите глупости! – сказала кошка, сидя на спине у цапли. – Если мы вас выпустим, вы упадете и расшибетесь.

Платон взглянул вниз и увидел под собой крышу своего дома.

– Куда мы летим? – спросил Платон.

– Туда, – сказала кошка и махнула своими лапками в разные стороны.

Платон посмотрел вниз и увидел внизу сады, улицы и маленькие домики.

На площади стояло несколько человек и, приложив руки козырьками к глазам, смотрели наверх.

– Спасите меня! – закричал Платон.

– Марчать! – крикнула цапля, широко раскрыв клюв.

Платон почувствовал, как у него в груди что-то сжалось, в ушах сильно засвистело, и площадь с маленькими людьми начала быстро увеличиваться.

– Он падает! Лови его! – услышал Платон над собой голос кошки.

654. Дворник – дед Мороз

В шубе, в шапке, в душегрейке
Дворник трубочку курил,
И, усевшись на скамейке,
Дворник снегу говорил:

«Ты летаешь или таешь?
Ничего тут не поймешь!
Подметаешь, разметаешь,
Только бестолку метёшь!
Да к чему ж я говорю?
Сяду я да покурю».

Дворник трубку курит, курит...
И глаза от снега щурит,
И вздыхает, и зевает,
И внезапно засыпает.

«Глянь-ка, Маня! – крикнул Ваня. –
Видишь, чучело сидит
И глазами-угольками
На метлу свою глядит.

Это вроде снежной бабки
Или просто дед Мороз.
Ну-ка, дай ему по шапке,
Да схвати его за нос!»

А оно как зарычит!
Как ногами застучит!
Да как вскочит со скамейки,
Да по-русски закричит:

«Будет вам уже мороз –
Как хватать меня за нос!»

Даниил Хармс
1940

655. Что это было?

Я шел зимою вдоль болота
В галошах,
В шляпе
И в очках.
Вдруг по реке пронесся кто-то
На металлических
Крючках.

Я побежал скорее к речке,
А он бегом пустился в лес,
К ногам приделал две дощечки,
Присел,
Подпрыгнул
И исчез.

И долго я стоял у речки
И долго думал, сняв очки:

«Какие странные
Дощечки
И непонятные
Крючки!»

Даниил Хармс
<1940>

656

Искала старушка букашек в цветах
И ловко ловила букашек сачком.
Но крепко держала старушка в руках
Лекарство и ключик, и палку с крючком.

Однажды старушка копалась в цветах
И вскрикнула вдруг, завертевшись волчком:
– Исчезли! Пропали! Да где ж они? Ах!
Лекарство, и ключик, и палка с крючком!

И с места не может старушка сойти,
Кричит: «Помогите!» И машет сачком.
Скорей помогите старушке найти
Лекарство, и ключик, и палку с крючком!

1940

657. Кораблик

По реке плывет кораблик,
Он плывет издалека.
На кораблике четыре
Очень храбрых моряка.

У них ушки на макушке,
У них длинные хвосты.
И страшны им только кошки,
Только кошки да коты!

Даниил Хармс
<1940>

658. Веселый старичок

Жил на свете старичок
Маленького роста
И смеялся старичок
Чрезвычайно просто:

«Ха-ха-ха
Да хе-хе-хе,
Хи-хи-хи
Да бух-бух!
Бу-бу-бу
Да бе-бе-бе,
Динь-динь-динь
Да трюх-трюх!»

Раз, увидя паука,
Страшно испугался,
Но, схватившись за бока,
Громко рассмеялся:

«Хи-хи-хи
Да ха-ха-ха,
Хо-хо-хо
Да гуль-гуль!
Ги-ги-ги
Да га-га-га,
Го-го-го
Да буль-буль!»

А увидя стрекозу,
Страшно рассердился,
Но от смеха на траву
Так и повалился.

«Гы-гы-гы
Да гу-гу-гу,
Го-го-го
Да бах-бах!
Ой, ребята,
Не могу!
Ой, ребята,
Ах, ах!»

*Даниил Хармс
1940*

659. Рыцари

Был дом, наполненный старухами. Старухи целый день сагались по дому и били мух бумажными фунтиками. Всех старух в этом доме было тридцать шесть. Самая бойкая старуха по фамилии Юфлева командовала другими старухами. Непослушных старух она щипала за плечи или подставляла им подножку, и они падали и разбивали свои рожи. Старуха Звякина, наказанная Юфлевой, упала так неудачно, что сломала свои обе челюсти. Пришлось вызвать доктора. Тот пришел, надел халат и, осмотрев Звякину, сказал, что она слишком стара, чтобы можно было рассчитывать на исправление ее челюстей. Затем доктор попросил дать ему молоток, стамеску, клещи и веревку. Старухи долго носились по дому, и не зная, как выглядят клещи и стамеска, приносили доктору всё, что казалось им похожим на инструменты. Доктор долго ругался, но наконец, получив все требуемые предметы, попросил всех удалиться. Старухи, сгорая от любопытства, удалились с большим неудовольствием. Когда старухи с бранью и ропотом высыпали из комнаты, доктор запер за ними дверь и подошел к Звякиной. «Ну-с», — сказал доктор и, схватив Звякину, крепко связал ее веревкой. Потом доктор, не обращая внимания на громкие крики и вой Звякиной, приставил к ее челюсти стамеску и сильно ударил по стамеске молотком. Звякина завыла хриплым басом. Раздробив стамеской челюсти Звякиной, доктор схватил клещи и, зацепив ими звякинские челюсти, вырвал их. Звякина выла, кричала и хрипела, обливаясь кровью. А доктор бросил клещи и вырванные звякинские челюсти на пол, снял халат, вытер об него свои руки и, подойдя к двери, открыл их. Старухи с визгом ввалились в комнату и выпученными глазами уставились кто на Звякину, а кто на окровавленные куски, валявшиеся на полу. Доктор протолкался между старухами и ушел. Старухи кинулись к Звякиной. Звякина затихла и, видно, начала умирать. Юфлева стояла тут же, смотрела на Звякину и грызла семечки. Старуха Бяшечкина сказала: «Вот, Юфлева, когда ни будь и мы с тобой усопнем».

Юфлева легнула Бяшечкину, но та во время успела отскочить в сторону.

– Пойдемте же, старухи! – сказала Бяшечкина. – Чего нам тут делать? Пусть Юфлева со Звякиной возится, а мы пойдемте мух бить.

И старухи двинулись из комнаты.

Юфлева, продолжая лузгать семечки, стояла посередине комнаты и смотрела на Звякину. Звякина затихла и лежала неподвижно. Может быть, она умерла.

Однако на этом автор заканчивает повествование, так как не может отискать своей чернильницы.

♀ 21 июня 1940 года
<пятница>

660. Победа Мышина

Мышину сказали: – «Эй, Мышин, вставай!»

Мышин сказал: «Не встану», – и продолжал лежать на полу.

Тогда к Мышину подошел Калугин и сказал: «Если ты, Мышин, не встанешь, я тебя заставлю встать». «Нет», – сказал Мышин, продолжая лежать на полу.

К Мышину подошла Селизнёва и сказала: «Вы, Мышин, вечно валяетесь на полу в коридоре и мешаете нам ходить взад и вперед».

«Мешал и буду мешать», – сказал Мышин.

– Ну, знаете, – сказал Коршунов, но его перебил Калугин и сказал:

– Да чего тут долго разговаривать! Звоните в милицию. Позвонили в милицию и вызвали милиционера.

Через пол часа пришёл милиционер с дворником.

– Чего у вас тут? – спросил милиционер.

– Полюбуйтесь, – сказал Коршунов, но его перебил Кулыгин и сказал:

– Вот. Этот гражданин все время лежит тут на полу и мешает нам ходить по коридору. Мы его и так и этак...

Но тут Кулыгина перебила Селизнёва и сказала:

– Мы его просили уйти, а он не уходит.

- Да, – сказал Коршунов.
Милиционер подошел к Мышину.
- Вы, гражданин, зачем тут лежите? – спросил милиционер.
- Отдыхаю, – сказал Мышин.
- Здесь, гражданин, отдыхать не годится, – сказал милиционер. – Вы где, гражданин, живете?
- Тут, – сказал Мышин.
- Где ваша комната? – спросил милиционер.
- Он прописан в нашей квартире, а комнаты не имеет, – сказал Кулыгин.
- Обождите, гражданин, – сказал милиционер, – я сейчас с ним говорю. Гражданин, где вы спите?
- Тут, – сказал Мышин.
- Позвольте, – сказал Коршунов, но его перебил Кулыгин и сказал:
- Он даже кровати не имеет и валяется прямо на голом полу.
- Они давно на него жалуются, – сказал дворник.
- Совершенно невозможно ходить по корридору, – сказала Селизнёва. – Я не могу вечно шагать через мужчину. А он нарочно ноги вытянет, да еще руки вытянет, да еще на спину ляжет и глядит. Я с работы усталая прихожу, мне отдых нужен.
- Присовокупляю, – сказал Коршунов, но его перебил Кулыгин и сказал:
- Он и ночью тут лежит. Об него в темноте все спотыкаются. Я через него одеяло свое разорвал.
- Селизнёва сказала:
- У него вечно из кармана какие то гвозди вываливаются. Невозможно по корридору босой ходить, того и гляди ногу напоришь.
- Они давеча хотели его керосином поджечь, – сказал дворник.
- Мы его керосином облили, – сказал Коршунов, но его перебил Кулыгин и сказал:
- Мы его только для страха керосином облили, а поджечь и не собирались.
- Да я бы и не позволила в своем присутствии живого человека сжечь, – сказала Селизнёва.

– А почему этот гражданин в коридоре лежит? – спросил вдруг милиционер.

– Здравствуйте пожалуйста! – сказал Коршунов, но <Кулыгин> его перебил и сказал:

– А потому, что у него нет другой жилплощади: вот в этой комнате я живу, в этой – вон они, в этой – вот он, а уж Мышин тут в коридоре живет.

– Это не годится, – сказал милиционер. – Надо, чтобы все на своей жилплощади лежали.

– А у него нет другой жилплощади, как в коридоре, – сказал Кулыгин.

– Вот именно, – сказал Коршунов.

– Вот он вечно тут и лежит, – сказала Селизнёва.

– Это не годится, – сказал милиционер и ушел вместе с дворником.

Коршунов подскочил к Мышину.

– Что? – закричал он. – Как вам это по вкусу пришлось?

– Подождите, – сказал Кулыгин. И, подойдя к Мышину, сказал:

– Слышал, чего говорил милиционер? Вставай с полу!

– Не встану, – сказал Мышин, продолжая лежать на полу.

– Он теперь нарочно и дальше будет вечно тут лежать, – сказала Селизнёва.

– Определенно, – сказал с раздражением Кулыгин.

И Коршунов сказал:

– Я в этом не сомневаюсь. Parfaitement!

Хармс

♂ 8 ♀ 1940 года

<вторник 8 августа>

661. Лекция

Пушков сказал:

– Женщина, это станок любви, – и тут же получил по морде.

– За что? – спросил Пушкив, но, не получив ответа на свой вопрос, продолжал:

– Я думаю так: к женщине надо подкатываться с низу. Женщины это любят, и только делают вид, что они этого не любят.

Тут Пушкива опять стукнули по морде.

– Да что же это такое, товарищи! Я тогда и говорить не буду, – сказал Пушкив, но, подождав с четверть минуты, продолжал:

– Женщина устроена так, что она вся мягкая и влажная.

Тут Пушкива опять стукнули по морде. Пушкив по-прежнему делал вид, что он этого не заметил и продолжал:

– Если женщину понюхать...

Но тут Пушкива так сильно трахнули по морде, что он схватился за щёку и сказал:

– Товарищи, в таких условиях совершенно не возможно провести лекцию. Если это будет ещё повторяться, я замолчу.

Пушков подождал четверть минуты и продолжал:

– На чём мы остановились? Ах да! Так вот: Женщина любит смотреть на себя. Она садится перед зеркалом совершенно голая...

На этом слове Пушкив опять получил по морде.

– Голая, – повторил Пушкив.

– Трах! – отвесили ему по морде.

– Голая! – крикнул Пушкив.

– Трах! – получил он по морде.

– Голая! Женщина голая! Голая баба! – кричал Пушкив.

– Трах! Трах! Трах! – получал Пушкив по морде.

– Голая баба с ковшом в руках! – кричал Пушкив.

– Трах! Трах! – сыпались на Пушкива удары.

– Бабий хвост! – кричал Пушкив, увёртываясь от ударов. – Голая монашка!

Но тут Пушкива ударили с такой силой, что он потерял сознание и, как подкошенный, рухнул на пол.

h̑ 12 m 1940 года

<суббота 12 августа>

662. Пашквиль

Знаменитый чтец Антон Исакович Ш., то самое историческое лицо, которое выступало в сентябре месяце 1940 года в Литейном Лектории, любило перед своими концертами полежать часок-другой и отдохнуть. Ляжет оно, бывало, на кушет и скажет: «Буду спать», а само не спит. После концертов оно любило поужинать. Вот оно придёт домой, рассядится за столом и говорит своей жене: «А ну, голубушка, состряпай ка мне что ни будь из лапши». И пока жена его стряпает, оно сидит за столом и книгу читает. Жена его хорошенькая, в кружевном передничке, с сумочкой в руках, а в сумочке носовой платочек и ватрушечный медальончик лежат, жена его бегает по комнате, каблучками стучит как бабочка, а оно скромно за столом сидит, ужина дожидается. Всё так складно и прилично. Жена ему что ни будь приятное скажет, а оно головой кивает. А жена порх к буфетику и уже рюмочками там звенит. «Налей ка, душенька, мне рюмочку», – говорит оно. «Смотри, голубчик, не спейся», – говорит ему жена. «Авось, пупочка, не сопьюсь», – говорит оно, опрокидывая рюмочку в рот. А жена грозит ему пальчиком, а сама боком через двери на кухню бежит. Вот в таких приятных тонах весь ужин проходит, а потом они спать закладываются. Ночью, если им мухи не мешают, они спят спокойно, потому что уж очень они люди хорошие!

Т 12 т 1940 года

<суббота 12 августа>

663. Помеха

Пронин сказал:

– У вас очень красивые чулки.

Ирина Мазер сказала:

– Вам нравятся мои чулки?

Пронин сказал:

– О, да. Очень. – И схватился за них рукой.

Ирина сказала:

– А почему вам нравятся мои чулки?

Пронин сказал:

– Они очень гладкие.

Ирина подняла свою юбку и сказала:

– А видите, какие они высокие?

Пронин сказал:

– Ой, да, да.

Ирина сказала:

– Но вот тут они уже кончаются. Тут уже идет голая нога.

– Ой, какая нога! – сказал Пронин.

– У меня очень толстые ноги, – сказала Ирина. – А в бедрах я очень широкая.

– Покажите, – сказал Пронин.

– Нельзя, – сказала Ирина, – я без панталон.

Пронин опустился перед ней на колени.

Ирина сказала:

– Зачем вы встали на колени?

Пронин поцеловал ее ногу чуть повыше чулка и сказал:

– Вот зачем.

Ирина сказала:

– Зачем вы поднимаете мою юбку еще выше? Я же вам сказала, что я без панталон.

Но Пронин все-таки поднял ее юбку и сказал:

– Ничего, ничего.

– То есть как же это так, ничего? – сказала Ирина.

Но тут в двери кто-то постучал. Ирина быстро одернула свою юбку, а Пронин встал с пола и подошел к окну.

– Кто там? – спросила Ирина через двери.

– Откройте дверь, – сказал резкий голос.

Ирина открыла дверь, и в комнату вошел человек в черном пальто и в высоких сапогах. За ним вошли двое военных, низших чинов, с винтовками в руках, и за ними вошел дворник. Низшие чины встали около двери, а человек в черном пальто подошел к Ирине Мазер и сказал:

– Ваша фамилия?

– Мазер, – сказала Ирина.

– Ваша фамилия? – спросил человек в черном пальто, обращаясь к Пронину.

Пронин сказал:

– Моя фамилия Пронин.

– У вас оружие есть? – спросил человек в черном пальто.

– Нет, – сказал Пронин.

– Сядьте сюда, – сказал человек в черном пальто, указывая Пронину на стул.

Пронин сел.

– А вы, – сказал человек в черном пальто, обращаясь к Ирине, – наденьте ваше пальто. Вам придется с нами проехать.

– Зачем? – спросила Ирина.

Человек в черном пальто не ответил.

– Мне нужно переодеться, – сказала Ирина.

– Нет, – сказал человек в черном пальто.

– Но мне нужно еще кое что на себя надеть. – сказала Ирина.

– Нет, – сказал человек в черном пальто.

Ирина молча надела свою шубку.

– Прощайте, – сказала она Пронину.

– Разговоры запрещены, – сказал человек в черном пальто.

– А мне тоже ехать с вами? – спросил Пронин.

– Да, – сказал человек в черном пальто. – Одевайтесь.

Пронин встал, снял с вешалки свое пальто и шляпу, оделся и сказал:

– Ну, я готов.

– Идемте, – сказал человек в черном пальто.

Низшие чины и дворник застучали подметками.

Все вышли в корридор.

Человек в черном пальто запер дверь Ириной комнаты и запечатал ее двумя бурыми печатями.

– Даешь на улицу, – сказал он.

И все вышли из квартиры, громко хлопнув наружной дверью.

🕒 12 м 1940 года

<суббота 12 августа>

664

Перечин сел на кнопку, и с этого момента его жизнь резко переменилась. Из задумчивого, тихого человека Перечин стал форменным негодяем. Он отпустил себе усы и в дальнейшем подстригал их чрезвычайно не аккуратно, таким образом, один его ус был всегда длиннее другого. Да и росли у него усы как-то косо. Смотреть на Перечина стало невозможно. К тому же он еще отвратительно подмигивал глазом и дергал щекой. Некоторое время Перечин ограничивался мелкими подлостями: сплетничал, доносил, общитывал трамвайных кондукторов, платя им за проезд самой мелкой медной монетой и всякий раз не добавая двух, а то и трех копеек.

♀ 14 м 40.

<среда 14 августа 1940 г.>

665

– Т а к , – сказал Ершешен, проснувшись утром несколько ранее обыкновенного.

– Т а к , – сказал о н . – Где мои шашки?

Ершешен вылез из кровати и подошёл к столу.

– Вот твои шашки! – сказал чей-то голос.

– Кто со мной говорит? – крикнул Ершешев.

– Я, – сказал голос.

– Кто ты? – спросил Ершешев.

<14 августа 1940>

666

Как легко человеку запутаться в мелких предметах. Можно часами ходить от стола к шкапу и от шкапа к дивану и не находить выхода. Можно даже забыть, где находишься, и пускать стрелы в какой ни будь маленький шкафчик на стене. «Гей! шкап! – можно кричать ему. –

Я тебя!» Или можно лечь на пол и рассматривать пыль. В этом тоже есть вдохновение. Лучше делать это по часам, сообразуясь со временем. Правда, тут очень трудно определить сроки, ибо какие сроки у пыли?

Еще лучше смотреть в таз с водой. На воду смотреть всегда полезно и поучительно. Даже если там ничего не видно, а всё же хорошо. Мы смотрели на воду, ничего в ней не видели, и скоро нам стало скучно. Но мы утешали себя, что всё же сделали хорошее дело. Мы загибали наши пальцы и считали. А что считали, мы не знали, ибо разве есть какой либо счет в воде?

Ъ] £ м ¶ 0

<суббота 17 августа 1940 г.>

667. Упадение (Вблизи и вдали)

Два человека упали с крыши. Они оба упали с крыши пятиэтажного дома, новостройки. Кажется, школы. Они съехали по крыше в сидячем положении до самой кромки и тут начали падать. Их падение раньше всех заметила Ида Марковна. Она стояла у окна в противоположном доме и сморкалась в стакан. И вдруг она увидела, что кто-то с крыши противоположного дома начинает падать. Вглядевшись, Ида Марковна увидела, что это начинают падать сразу целых двое. Совершенно растерявшись, Ида Марковна содрала с себя рубашку и начала этой рубашкой скорее протирать запотевшее оконное стекло, чтобы лучше разглядеть, кто там падает с крыши. Однако, сообразив, что, пожалуй, падающие могут, со своей стороны, увидеть ее голой и неведь что про неё подумать, Ида Марковна отскочила от окна и спряталась за плетёный треножник, на котором когда-то стоял горшок с цветком. В это время падающих с крыши увидела другая особа, живущая в том же доме, что и Ида Марковна, но только двумя этажами ниже. Особу эту тоже звали Ида Марковна. Она как раз в это время сидела с ногами на подоконнике и пришивала к своей туфле пуговку. Взглянув в

окно, она увидела падающих с крыши. Ида Марковна взвизгнула и, вскочив с подоконника, начала спешно открывать окно, чтобы лучше увидеть, как падающие с крыши ударятся об землю. Но окно не открывалось. Ида Марковна вспомнила, что она забила окно с низу гвоздём и кинулась к печке, в которой она хранила инструменты: четыре молотка, долото и клещи. Схватив клещи, Ида Марковна опять подбежала к окну и выдернула гвоздь. Теперь окно легко распахнулось. Ида Марковна высунулась из окна и увидела, как падающие с крыши со свистом подлетали к земле.

На улице собралась уже небольшая толпа. Уже раздавались свистки и к месту ожидаемого происшествия не спеша подходил маленького роста милиционер. Носатый дворник суетился, расталкивая людей и поясняя, что падающие с крыши могут вдарить собравшихся по головам. К этому времени уже обе Иды Марковны, одна в платье, а другая голая, высунувшись в окно, визжали и били ногами. И вот, наконец, расставив руки и выпучив глаза, падающие с крыши ударились об Землю.

Так и мы иногда, упавая с высот достигнутых, ударяемся об унылую клеть нашей будущности.

Д. Х.

Писано четыре дня.

Закончено в 7 1940 года

<в субботу 7 сентября>

668. Власть

Фаол сказал: «Мы грешим и творим добро в слепую. Один стряпчий ехал на велосипеде и вдруг, доехав до Казанского собора, исчез. Знает ли он, что дано было сотворить ему: добро или зло? Или такой случай: один артист купил себе шубу и якобы сотворил добро той старушке, которая, нуждаясь, продавала эту шубу, но зато другой старушке, а именно своей матери, которая жила у артиста и обыкновенно спала в прихожей, где артист вешал свою новую шубу, он сотворил, по всей видимости, зло, ибо от новой шубы столь невыносимо пахло

каким-то фармалином и нафталином, что старушка, мать того артиста, однажды не смогла проснуться и умерла. Или еще так: один графолог надрызгался водкой и натворил такое, что тут, пожалуй, и сам полковник Дибич не разобрал бы, что хорошо, а что плохо. Грех от добра отличить очень трудно».

Мышин, задумавшись над словами Фаола, упал со стула.

– Хо-хо, – сказал он, лежа на полу, – че-че.

Фаол продолжал: «Возьмем любовь. Буд то хорошо, а буд то и плохо. С одной стороны, сказано: возлюби, а с другой стороны, сказано: не балуй. Может, лучше вовсе не возлюбить? А сказано: возлюби. А возлюбишь – набалуешь. Что делать? Может, возлюбить, да не так? Тогда зачем же у всех народов одним и тем же словом изображается возлюбить и так и не так? Вот один артист любил свою мать и одну молоденькую полненькую девицу. И любил он их разными способами. Он отдавал девице большую часть своего заработка. Мать частенько голодала, а девица пила и ела за троих. Мать артиста жила в прихожей на полу, а девица имела в своем распоряжении две хорошие комнаты. У девицы было четыре польто, а у матери одно. И вот артист взял у своей матери это одно польто и перешел из него девице юбку. Наконец, с девицей артист баловался, а со своей матерью не баловался и любил ее чистой любовью. Но смерти матери артист побаивался, а смерти девицы артист не побаивался. И когда умерла мать, артист плакал, а когда девица вывалилась из окна и тоже умерла, артист не плакал и завел себе другую девицу. Выходит, что мать ценится, как уника, вроде редкой марки, которую нельзя заменить другой»

– Шо-шо, – сказал Мышин, лежа на полу, – хо-хо.

Фаол продолжал: «И это называется чистая любовь! Добро ли такая любовь? А если нет, то как же возлюбить? Одна мать любила своего ребенка. Этому ребенку было два с половиной года. Мать носила его в сад и сажала на песочек. Туда же приносили своих детей и другие матери. Иногда на песочке накапливалось до сорока маленьких детей. И вот однажды в этот сад ворвалась бешенная собака, кинулась прямо к детям и начала их кусать.

Матери с воплями кинулись к своим детям, в том числе и наша мать. Она, жертвуя собой, подскочила к собаке и вырвала у нее из пасти, как ей казалось, своего ребенка. Но, вырвав ребенка, она увидела, что это не ее ребенок, и мать кинула его обратно собаке, чтобы схватить и спасти от смерти лежащего тут же рядом своего ребенка. Кто ответит мне: согрешила ли она или сотворила добро?»

– Сю-сю, – сказал Мышин, ворочаясь на полу.

Фаол продолжал: «Грешит ли камень? Грешит ли дерево? Грешит ли зверь? Или грешит только один человек?»

– Млям-млям, – сказал Мышин, прислушиваясь к словам Фаола, – шуп-шуп.

Фаол продолжал: «Если грешит только один человек, то значит, все грехи мира находятся в самом человеке. Грех не входит в человека, а только выходит из него. Подобно пище: человек съедает хорошее, а выбрасывает из себя нехорошее. В мире нет ничего нехорошего, только то, что прошло сквозь человека, может стать нехорошим».

– Умняф, – сказал Мышин, стараясь приподняться с пола.

Фаол продолжал: «Вот я говорил о любви, я говорил о тех состояниях наших, которые называются одним словом „любовь“. Ошибка ли это языка, или все эти состояния едины? Любовь матери к ребенку, любовь сына к матери и любовь мужчины к женщине – быть может, это всё одна любовь?»

– Определенно, – сказал Мышин, кивая головой.

Фаол сказал: «Да, я думаю, что сущность любви не меняется от того, кто кого любит. Каждому человеку отпущена известная величина любви. И каждый человек ищет, куда бы ее приложить, не скидывая своих фузеляжек. Раскрытие тайн перестановок и мелких свойств нашей души, подобной мешку опилок...»

– Хвать! – крикнул Мышин, вскакивая с пола. – Сгинь!

И Фаол рассыпался, как плохой сахар.

☉ 29 1940 года

<воскресенье 29 сентября>

669. Странный бородач

Бал веселый!
Бал парадный!
Шумный,
Пестрый,
Маскарадный!
Вход для школьников
открыт,
Для дошкольников –
Закрыт.

Вот смотри:
Стоят у входа
Коля с Петей.
Но смотри:
Одному четыре года,
А другому только три.

Говорят они: – Пустите! –
Но швейцар им: – Нет, друзья,
Вы сначала подрастите,
А таких пустить нельзя. –

Коля с Петей прочь отходят...
Вдруг к швейцару с булавой
Гражданин один подходит
С очень длинной бородой.

– Я на бал иду. Пустите.
Где тут вход? Я не пойму.
– Гражданин, сюда пройдите, –
Говорит швейцар ему.

Бал гремит, шумит, грохочет,
Все кругом несется вскачь,
Только громче всех топочет
Очень странный бородач.

Все люди любят деньги. И гладят их, и целуют, и к сердцу прижимают, и заворачивают их в красивые тряпочки, и няньчат их, как куклу. А некоторые заключают дензнак в рамку, вешают его на стену и поклоняются ему как иконе. Некоторые кормят свои деньги: открывают им рты и суют туда самые жирные куски своей пищи. В жару несут деньги в холодный погреб, а зимой, в лютые морозы, бросают деньги в печку, в огонь. Некоторые просто разговаривают со своими деньгами или читают им вслух интересные книги, или поют им приятные песни. Я же не отдаю деньгам особово внимания и просто ношу их в кошельке или в бумажнике, и, по мере надобности, трачу их. Шибейя!

Г 4 ПР

<пятница 16 октября 1940>

672. Лиса и заяц

Жили-были два друга: зайчик Серый Хвостик и лисица Рыжий Хвостик.

Построили они себе домики и стали друг к другу в гости ходить.

Чуть только лисица к зайчику не идет, зайчик бежит к лисице и кричит:

«Рыжий Хвостик! Что с тобой?»

А если зайчик к лисице не идет, лисица к зайчику бежит и кричит:

«Серый Хвостик! Что с тобой?»

Как-то зайчик Серый Хвостик

Прибежал к лисице в гости.

«Отвори-ка!» Тук! Тук! Тук!

Вдруг он слышит: «Что за стук?»

Видишь: поздно, скоро ночь.

Уходи-ка лучше прочь!»

Зайчик думает: «Постой,

Я ведь тоже не простой!»

Вот лисица Рыжий Хвостик
Прибегает к зайцу в гости.
«Отвори-ка!» Тук! Тук! Тук!
Отвечает зайчик вдруг:
«Нет, голубушка, шалишь,
Слишком рано ты стучишь!»
И с тех пор два лучших друга
Вечно злятся друг на друга.

Даниил Хармс
1940

673

На улицах становилось тише. На перекрёстках стояли люди, дожидаясь трамвая. Некоторые, потеряв надежду, уходили пешком. И вот на одном из перекрёстков Петроградской Стороны осталось всего два человека. Один из них был очень небольшого роста, с круглым лицом и оттопыренными ушами. Второй был чуть-чуть повыше и, как видно, хромал на левую ногу. Они не были знакомы друг с другом, но общий интерес к трамваю заставил их разговаривать. Разговор начал хромым.

– Уж не знаю, – сказал он, как бы ни к кому не обращаясь. – Пожалуй, не стоит и дожидаться.

Круглолицый повернулся к хромому и сказал:

– Нет, я думаю, ещё может притти.

<1940>

674

На кровати метался полупрозрачный юноша. На стуле, закрыв лицо руками, сидела женщина, должно быть, мать. Господин в крахмальном воротнике, должно быть, врач, стоял возле ночного столика. На окнах были спущены жёлтые шторы. Заскрипела дверь, и в комнату

заглянул кот. Господин в крахмальном воротничке ударил кота сапогом по морде. Кот исчез. Юноша застонал.

Юноша что-то сказал. Господин, похожий на врача, прислушался. Юноша сказал: «лодки плывут». Господин нагнулся над юношей.

– Что с вами, мой дорогой друг? – спросил господин, наклоняясь к юноше. Юноша молча лежал на спине, но лицо его было повернуто к стенке.

Юноша молчал.

– Хорошо, – сказал господин, выпрямляясь. – Вы не желаете отвечать вашему другу. Хорошо.

Господин пожал плечами и отошёл к окну.

– Дайте лодку, – произнес юноша.

Господин, стоя у окна, хихикнул.

Прошло минут восемь. Юноша отыскал глазами господина в крахмальном воротничке и сказал:

– Доктор, скажите мне откровенно: я умираю?

– Видите ли, – сказал доктор, играя цепочкой от часов. – Я бы не хотел отвечать на ваш вопрос. Я даже не имею права отвечать на него.

– То, что вы сказали, вполне достаточно, – сказал юноша. – Теперь я знаю, что надежд нет.

– Ну, уж это ваша фантазия, – сказал доктор. – Я вам про надежды не сказал ни слова.

– Доктор, вы меня считаете за дурака. Но уверяю вас, что я не так глуп и прекрасно понимаю свое положение.

Доктор хихикнул и пожал плечами.

– Ваше положение таково, – сказал он, – что понять вам его невозможно.

<1940>

675

Один графолог, чрезвычайно любящий водку, сидел в саду на скамейке и думал о том, как было бы хорошо притти сейчас в большую просторную квартиру, в которой жила бы большая милая семья с молоденькими до-

черьми, играющими на рояле. Графолога бы встретили очень ласково, провели бы в столовую, посадили бы в кресло около камина и поставили бы перед ним маленький столик. А на столике бы стоял графин с водкой и тарелка с горячими мясными пирожками. Графолог бы сидел и пил бы водку, закусывая её горячими пирожками, а хорошенькие хозяйские дочери играли бы в соседней комнате на рояле и пели бы красивые арии из итальянских опер.

<1940>

676

Один человек гнался за другим, тогда как тот, который убегал, в свою очередь гнался за третьим, который, не чувствуя за собой погони, просто шёл быстрым шагом по мостовой.

<1940>

677

В трамвае сидели два человека и рассуждали так: Один говорил: «Я не верю в загробную жизнь. Реальных доказательств того, что загробная жизнь существует – не имеется. И авторитетных свидетельств о ней мы не знаем. В религиях же о ней говорится либо очень неубедительно, например, в исламе, либо очень туманно, например, в христианстве, либо ничего не говорится, например, в библии, либо прямо говорится, что её нет, например, в буддизме. Случаи ясновидения, пророчества, разных чудес и даже привидений прямого отношения к загробной жизни не имеют и отнюдь не служат доказательством её существования. Меня несколько не интересуют рассказы, подобные тому, как один человек увидел во сне льва и на другой день был убит вырвавшимся из Зоологического

сада львом. Меня интересует только вопрос: есть ли загробная жизнь или её нет? Скажите, как по вашему?»

Второй Собеседник сказал: «Отвечу вам так: на ваш вопрос вы никогда не получите ответа, а если получите когда ни будь ответ, то не верьте ему. Только вы сами сможете ответить на этот вопрос. Если вы ответите да, то будет да, если вы ответите нет, то будет нет. Только ответить надо с полным убеждением, без тени сомнения, или, точнее говоря, с абсолютной верой в свой ответ».

Первый Собеседник сказал: «Я бы охотно ответил себе. Но ответить надо с верой. А чтобы ответить с верой, надо быть уверенным в истинности своего ответа. А где мне взять эту уверенность?»

Второй Собеседник сказал: «Уверенность, или точнее, веру нельзя приобрести, её можно только развить в себе».

Первый Собеседник сказал: «Как же я могу развить в себе веру в свой ответ, когда я даже не знаю, что отвечать, да или нет».

Второй Собеседник сказал: «Выберите себе то, что вам больше нравится».

– Сейчас будет наша остановка, – сказал первый Собеседник и оба встали со своих мест, чтобы итти к выходу.

– Простите, – обратился к ним какой-то военный чрезвычайно высокого роста. – Я слышал ваш разговор и меня, извините, заинтересовало: как это могут два ещё молодых человека серьезно говорить о том, есть ли загробная жизнь, или её нет?

<1940>

678

– Да, – сказал Козлов, протряхивая ногой, – она очень испугалась. Ещё бы! Хо-хо! Но сообразила, что бежать ни в коем случае нельзя. Это всё же она сообразила. Но тут хулиганы подошли ближе и начали ей в ухо громко свистеть. Они думали оглушить её свистом. Но из этого ничего не вышло, т. к. она как раз на это ухо была глуха. Тогда один из хулиганов шваркнул её палкой по ноге. Но

и из этого тоже ничего не вышло, потому что как раз эта нога была у неё еще пять лет тому назад ампутирована и заменена протезом. Хулиганы даже остановились от удивления, видя, что она продолжает спокойно идти дальше.

– Ловко! – сказал Течорин. – Великолепно! Ведь что бы было, если бы хулиганы подошли к ней с другого бока? Ей повезло.

– Да, – сказал Козлов, – но обыкновенно ей не везёт. Недели две тому назад её изнасиловали, а прошлым летом её просто так, из озорства, высекли лошадиным кнутом. Бедная Елизавета Платоновна даже привыкла к подобным историям.

– Бедняжка, – сказал Течорин. – Я был бы непрочь её повидать.

<1940>

679

Я не стал затыкать ушей. Все заткнули, а я один не заткнул и потому я один всё слышал. Я так же не закрывал тряпкой глаз, как это сделали все. И потому я всё видел. Да, я один всё видел и слышал. Но, к сожалению, я ничего не понял, а потому, значит, какая цена тому, что я один всё видел и слышал? Я даже не мог запомнить того, что я видел и слышал. Какие то отрывочные воспоминания, закорючки и бессмысленные звонки. Вот пробежал трамвайный кондуктор, за ним пожилая дама с лопатой в зубах. Кто-то сказал: «...вероятно, из под кресла...». Голая еврейская девушка раздвигает ножки и выливает на свои половые органы из чашки молоко. Молоко стекает в глубоку<ю> столовую тарелку. Из тарелки молоко переливают обратно в чашку и предлагают мне выпить. Я пью; от молока пахнет сыром... Голая еврейская девушка сидит передо мной с раздвинутыми ногами, её половые органы выпачканы в молоке. Она наклоняется вперёд и смотрит на свои половые органы. Из её половых органов начинает течь прозрачная и тягучая жидкость... Я прохожу через большой и довольно тёмный двор. На дворе лежат, сложенные высокими ку-

чами, дрова. Из за дров выглядывает чьё то лицо. Я знаю: это Лимонин следит за мной. Он смотрит: не пройду ли я к его жене. Я поворачиваю направо и прохожу через парадную на улицу. Из ворот выглядывает радостное лицо Лимонина... Вот жена Лимонина предлагает мне водку. Я выпиваю четыре рюмки, закусываю сардинами и начинаю думать о голой еврейской девушке. Жена Лимонина кладёт мне на колени свою голову. Я выпиваю ещё одну рюмку и закуриваю трубку. «Ты сегодня такой грустный», – говорит мне жена Лимонина. Я говорю ей какую то глупость и ухожу к еврейской девушке.

<1940>

680

Господин не высокого роста с камушком в глазу подошёл к двери табачной лавки и остановился. Его чёрные лакированные туфли сияли у каменной ступенечки, ведущей в табачную лавку. Носки туфель были направлены внутрь магазина. Ещё два шага и господин скрылся бы за дверью. Но он почему то задержался, будто нарочно для того, чтобы подставить голову под кирпич, упавший с крыши. Господин даже снял шляпу, обнаружив свой лысый череп, и таким образом кирпич ударил господина прямо по голой голове, проломил черепную кость и застрял в мозгу. Господин не упал. Нет, он только пошатнулся от страшного удара, вынул из кармана платок, вытер им лицо, залепленное кровавыми мозгами и, повернувшись к толпе, которая мгновенно собралась вокруг этого господина, сказал: «Не беспокойтесь, господа, у меня была уже прививка. Вы видите, у меня в правом глазу торчит камушек. Это тоже был однажды случай. Я уже привык к этому. Теперь мне всё трын трава!» И с этими словами господин надел шляпу и ушел куда то в сторону, оставив смущённую толпу в полном недоумении.

<1939–1940>

Когда я вижу человека, мне хочется ударить его по морде. Так приятно бить по морде человека!

Я сижу у себя в комнате и ничего не делаю.

Вот кто то пришел ко мне в гости; он стучится в мою дверь. Я говорю: «Войдите!» Он входит и говорит: «Здравствуйте! Как хорошо, что я застал вас дома!» А я его стук по морде, а потом еще сапогом в промежность. Мой гость падает навзнич от страшной боли. А я ему каблуком по глазам! Дескать, нечего шляться, когда не звали!

А то еще так: я предлагаю гостю выпить чашечку чая. Гость соглашается, садится к столу, пьет чай и что то рассказывает. Я делаю вид, что слушаю его с большим интересом, киваю головой, ахаю, делаю удивленные глаза и смеюсь. Гость, польщенный моим вниманием, расходится всё больше и больше.

Я спокойно наливаю полную чашку кипятка и плещу кипятком гостю в морду. Гость вскакивает и хватается за лицо. А я ему говорю: «Больше нет в душе моей добродетели. Убирайтесь вон!» И я выталкиваю гостя.

<1939–1940>

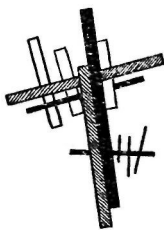
ртом и раздувает живот, так что у него начинает болеть под ключицами. Вот он сходит с моста и идёт по лугам. Вот он видит маленький цветочек и, став на четверинки, нюхает и целует его. Вот он ложится на землю и слушает какие-то шорохи. Он ползает по земле, не жалея своего платья. Он ползает и плачет от счастья. Он счастлив, ибо природа его в земле.

Истинный любитель природы всегда пронюхает малейшие признаки природы. Даже в городе, глядя на тупую лошадиную морду, он видит бесконечные степи, репейник и пыль, и в ушах его звенят бубенцы. Он,

зажмурив глаза, трясет головой и уж не знает сам, лошадь ли он или человек. Он ржёт, бьёт копытом, машет воображаемым хвостом, скалит свои лошадиные зубы и, на манер лошади, портит воздух.

Не дай мне Бог встретиться с любителем природы.

<1939–1940>

683. Цирк Принтинпрам

невероятное представление новая программа

Сто коров,
Двести бобров,
Четыреста двадцать
Учёных комаров
Покажут сорок
Удивительных
Номеров.

Четыре тысячи петухов
И четыре тысячи индюков
Разом
Выскочат
Из четырех сундуков.

Две свиньи
Спляшут польку.
Клоун Петька
Ударит клоуна Кольку.
Клоун Колька
Ударит клоуна Петьку.
Учёный попугай
Съест мочёную
Редьку.

Четыре тигра
Подерутся с четырьмя львами.
Выйдет Иван Кузьмич
С пятью головами.

Силач Хохлов
Поднимет зубами слона.
Потухнут лампы
Вспыхнет луна.

Загорятся под куполом
Электрические звёзды.
Учёные ласточки
Совьют золотые гнёзда.
Грянет музыка,
И цирк закачается...
На этом, друзья,
Представление
наше
КОНЧАЕТСЯ.

Даниил Хармс
1941

684. Кто кого перехитрил?

Вот сидят четыре зайца,
Я капкан поставлю тут,
И в капкан четыре зайца
Моментально попадут.

Ой! Ой! Ой! Ой!
Сам в капкан попал ногой!
– Зайцы, зайцы,
Поглядите!
Подойдите!
Помогите!

Надо мной смеются зайцы:
– Хи-хи-хи
Да ха-ха-ха!
Ты совсем теперь не страшен,
Не страшнее, чем блоха! –

Тут я разом как вскочу!
Как их за уши схвачу!
И с восторгом
Очень громко
Во весь голос закричу:
– Вот вам, зайцы, и блоха!
Не уйдете! Ха-ха-ха!

Даниил Хармс
1941

685

Еду-еду на коне –
Просто восхитительно!

Вон козел бежит ко мне
Очень уж стремительно!

Вдруг верхом я на козле –
Это удивительно!

Д. Хармс
1941

686. Неожиданный улов

Сын сказал отцу: – Отец,
Что же это наконец?
Шесть часов мы удим, удим,
Не поймали ничего.
Лучше так сидеть не будем
Неизвестно для чего.

– Замолчишь ты наконец! -
Крикнул с яростью отец.
От вскочил, взглянул на небо...
Сердце так и ухнуло!

И мгновенно что-то с неба
В воду с криком бухнуло.

Сын, при помощи отца,
Тащит на берег пловца,
А за ним на берег рыбы
Так и лезут без конца!
Сын доволен. Рад отец.
Вот и повести конец.

Даниил Хармс
1941

687

Девять
Картин
Нарисовано
Тут.
Мы разглядели их
В девять
Минут.
Но если б
Их было
Не девять,
А больше,
То мы
И глазели
На них бы
Подольше.

1941

688. Сinfония № 2

Антон Михайлович плюнул, сказал «эх», опять плюнул, опять сказал «эх», опять плюнул, опять сказал «эх» и ушел. И Бог с ним. Расскажу лучше про Илью Павловича.

Илья Павлович родился в 1893 году в Константинополе. Еще маленьким мальчиком его перевезли в Петербург и тут он окончил немецкую школу на Кирочной улице. Потом он служил в каком-то магазине, потом ещё чего-то делал, а в начале революции эмигрировал за границу. Ну и Бог с ним. Я лучше расскажу про Анну Игнatieвну.

Но про Анну Игнatieвну рассказать не так-то просто. Во первых, я о ней ничего не знаю, а во вторых, я сейчас упал со стула и забыл, о чём собирался рассказывать. Я лучше расскажу о себе.

Я высокого роста, не глупый, одеваюсь изящно и со вкусом, не пью, на скачки не хожу, но к дамам тянусь. И дамы не избегают меня. Даже любят, когда я с ними гуляю. Серафима Измайловна неоднократно приглашала меня к себе, и Зинаида Яковлевна тоже говорила, что она всегда рада меня видеть. Но вот с Мариной Петровной у меня вышел забавный случай, о котором я и хочу рассказать. Случай вполне обыкновенный, но всё же забавный, ибо Марина Петровна, благодаря меня, совершенно облысела, как ладонь. Случилось это так: пришёл я однажды к Марине Петровне, а она трах! и облысела. Вот и всё.

Даниил Хармс

Ночь с ☾ на ♂

9–10 ☿ 1941 года

<с понедельника на вторник 9–10 июня>

689. Реабилитация

Не хвастаясь, могу сказать, что, когда Володя ударил меня по уху и плюнул мне в лоб, я так его схватил, что он этого не забудет. Уже потом я бил его примусом, а утюгом я бил его вечером. Так что умер он совсем не сразу. Это не доказательство, что ногу я отрезал ему еще днем. Тогда он был еще жив. А Андрюшу я убил просто по инерции, и в этом я себя не могу обвинить. Зачем Андрюша с Елизаветой Антоновной попались мне под руку? Им было не к чему выскакивать из за двери. Меня обвиняют в кровожадности, говорят, япил кровь, но это

неверно, я подлизывал кровавые лужи и пятна; это естественная потребность человека уничтожить следы своего, хотя бы и пустяшного, преступления. А так же я не насиловал Елизавету Антоновну. Во первых, она уже не была девушкой, а во вторых, я имел дело с трупом, и ей жаловаться не приходится. Что из того, что она вот-вот должна была родить? Я и вытащил ребенка. А то, что он вообще не жилец был на этом свете, в этом уж не моя вина. Не я оторвал ему голову, причиной тому была его тонкая шея. Он был создан не для жизни сей. Это верно, что я сапогом размазал по полу их собачку. Но это уж цинизм – обвинять меня в убийстве собаки, когда тут рядом, можно сказать, уничтожены три человеческие жизни. Ребенка я не считаю. Ну, хорошо: во всем этом (я могу согласиться) можно усмотреть некоторую жестокость с моей стороны. Но считать преступлением то, что я сел и испражнился на свои жертвы, – это уже, извините, абсурд. Испражняться – потребность естественная, а следовательно, и отнюдь не преступная. Таким образом, я понимаю опасения моего защитника, но все же надеюсь на полное оправдание.

Даниил Хармс

♂ 10 ♀ 1941 г.

<вторник, 10 июня>

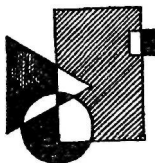
690. Лиса и петух

Лиса поймала петуха
И посадила в клетку.
– Я откормлю вас,
Ха-ха-ха!
И съем вас
Как конфетку.

Ушла лисица,
Но в замок
Забыла сунуть ветку.
Петух

Скорей
Из клетки
Скок!
И спрятался
За клетку.
Не видя в клетке петуха,
Лисица влезла в клетку.
Петух же крикнул:
– Ха-ха-ха!
И запер дверь на ветку.

1941

Неизвестных годов

691

В ночной пустынной тишине
Вдоль клумб и гряд в большом саду
Брабантов шел к моей жене
Дрожа от страсти на ходу.
Он даже снял воротничок
И расстегнул слегка жилет
И весь дрожал как старичок
Хотя он был в расцвете лет.

Б. д.

692. Молодой человек, удививший сторожа

– Ишь ты! – сказал сторож, рассматривая муху. – Ведь если помазать ее столярным клеем, то ей, пожалуй, и конец придет. Вот ведь история! От простого клея!

– Эй ты, леший! – окрикнул сторожа молодой человек в желтых перчатках.

Сторож сразу же понял, что это обращаются к нему, но продолжал смотреть на муху.

– Не тебе, что ли, говорят? – крикнул опять молодой человек. – Скотина!

Сторож раздавил муху пальцем и, не поворачивая головы к молодому человеку, сказал:

– А ты чего, срамник, орешь-то? Я и так слышу. Нечего орать-то!

Молодой человек почистил перчатками свои брюки и деликатным голосом спросил:

– Скажите, дедушка, как тут пройти на небо?

Сторож посмотрел на молодого человека, прищурил один глаз, потом прищурил другой, потом почесал себе бородку, еще раз посмотрел на молодого человека и сказал:

– Ну, нечего тут задерживаться, проходите мимо.

– Извините, – сказал молодой человек, – ведь я по срочному делу. Там для меня уже и комната приготовлена.

– Ладно, – сказал сторож, – покажи билет.

– Билет не у меня; они говорили, что меня и так пропустят, – сказал молодой человек, заглядывая в лицо сторожу.

– Ишь ты! – сказал сторож.

– Так как же? – спросил молодой человек. – Пропустите?

– Ладно, ладно, – сказал сторож. – Идите.

– А как пройти-то? Куда? – спросил молодой человек. – Ведь я и дороги-то не знаю.

– Вам куда нужно? – спросил сторож, делая строгое лицо.

Молодой человек прикрыл рот ладонью и очень тихо сказал:

– На небо!

Сторож наклонился вперед, подвинул правую ногу, чтобы встать потверже, пристально посмотрел на молодого человека и сурово спросил:

– Ты чего? Ваньку валяешь?

Молодой человек улыбнулся, поднял руку в желтой перчатке, помахал ею над головой и вдруг исчез.

Сторож понюхал воздух. В воздухе пахло жжеными перьями.

– Ишь ты! – сказал сторож, распахнул куртку, почесал себе живот, плюнул в то место, где стоял молодой человек, и медленно пошел в свою сторожку.

693. Потери

Андрей Андреевич Мясов купил на рынке фитиль и понес его домой.

По дороге Андрей Андреевич потерял фитиль и зашел в магазин купить полтораста грамм полтавской колбасы. Потом Андрей Андреевич зашел в молокосоюз и купил бутылку кефира, потом выпил в ларьке маленькую кружечку хлебного кваса и встал в очередь за газетой. Очередь была довольно длинная, и Андрей Андреевич простоял в очереди не менее двадцати минут, но когда он подходил к газетчику, то газеты перед самым его носом кончились.

Андрей Андреевич потоптался на месте и пошел домой, но по дороге потерял кефир и завернул в булочную, купил французскую булку, но потерял полтавскую колбасу.

Тогда Андрей Андреевич пошел прямо домой, но по дороге упал, потерял французскую булку и сломал свои пенснэ.

Домой Андрей Андреевич пришел очень злой и сразу лег спать, но долго не мог заснуть, а когда заснул, то увидел сон: буд-то он потерял зубную щетку и чистит зубы каким-то подсвечником.

Б. д.

694. Макаров и Петерсен

№ 3

Макаров: Тут, в этой книге, написано о наших желаниях и об исполнении их. Прочти эту книгу, и ты поймешь, как суетны наши желания. Ты также поймешь, как легко исполнить желание другого и как трудно исполнить желание свое.

Петерсен: Ты что-то заговорил больно торжественно. Так говорят вожди индейцев.

Макаров: Эта книга такова, что говорить о ней надо возвышенно. Даже думая о ней, я снимаю шапку.

Петерсен: А руки моешь, прежде чем коснуться этой книги?

Макаров: Да, и руки надо мыть.
Петерсен: Ты и ноги, на всякий случай, вымыл бы!
Макаров: Это неостроумно и грубо.
Петерсен: Да что же это за книга?
Макаров: Название этой книги таинственно...
Петерсен: Хи-хи-хи!
Макаров: Называется эта книга МАЛГИЛ.

(Петерсен исчезает).

Макаров: Господи! Что же это такое? Петерсен!
Голос Петерсена: Что случилось? Макаров! Где я?
Макаров: Где ты? Я тебя не вижу!
Голос Петерсена: А ты где? Я тоже тебя не вижу!.. Что это за шары?
Макаров: Что же делать? Петерсен, ты слышишь меня?
Голос Петерсена: Слышу! Но что такое случилось? И что это за шары?
Макаров: Ты можешь двигаться?
Голос Петерсена: Макаров! Ты видишь эти шары?
Макаров: Какие шары?
Голос Петерсена: Пустите!.. Пустите меня!.. Макаров!..

(Тихо. Макаров стоит в ужасе, потом хватает книгу и раскрывает ее).

Макаров *(читает)*: «...Постепенно человек теряет свою форму и становится шаром. И, став шаром, человек утрачивает все свои желания».

Занавес

Б. д.

695. Суд Линча

Петров садится на коня и говорит, обращаясь к толпе, речь, о том, что будет, если на месте, где находится общественный сад, будет построен американский небоскреб. Толпа слушает и, видимо, соглашается. Петров

записывает что-то у себя в записной книжечке. Из толпы выделяется человек среднего роста и спрашивает Петрова, что он записал у себя в записной книжечке. Петров отвечает, что это касается только его самого. Человек среднего роста наседает. Слово за слово, и начинается распря. Толпа принимает сторону человека среднего роста, и Петров, спасая свою жизнь, погоняет коня и скрывается за поворотом. Толпа волнуется и, за неимением другой жертвы, хватается человека среднего роста и отрывает ему голову. Оторванная голова катится по мостовой и застревает в люке для водостока. Толпа, удовлетворив свои страсти, – расходится.

Б. д.

696. Встреча

Вот однажды один человек пошел на службу, да по дороге встретил другого человека, который, купив польский батон, направлялся к себе во свояси.

Вот, собственно, и всё.

Б. д.

697. Машкин убил Кошкина

Товарищ Кошкин танцевал вокруг товарища Машкина.

Тов. Машкин следил глазами за тов. Кошкиным.

Тов. Кошкин оскорбительно махал руками и противно выворачивал ноги.

Тов. Машкин нахмурился.

Тов. Кошкин пошевелил животом и притопнул правой ногой.

Тов. Машкин вскрикнул и кинулся на тов. Кошкина.

Тов. Кошкин попробывал убежать, но спотыкнулся и был настигнут тов. Машкиным.

Тов. Машкин ударил кулаком по голове тов. Кошкина.

Тов. Кошкин вскрикнул и упал на четверинки.

Тов. Машкин двинул тов. Кошкина ногой под живот и еще раз ударил его кулаком по затылку.

Тов. Кошкин растянулся на полу и умер.

Машкин убил Кошкина.

Б. д.

698. Петров и Камаров

Петров:

Эй, Камаров!

Давай ловить камаров!

Камаров:

Нет, я к этому ещё не готов;

Давай лучше ловить котов!

Б. д.

699

А мы всегда немного в стороне, всегда по ту сторону окна. Мы не хотим смешиваться с другими. Нам наше положение, по ту сторону окна, — очень нравится.

Тут же по этому поводу мы напишем небольшой рассказик. Вот он:

Жил был человек, у которого не было чемодана, поэтому наш герой держал свои некоторые вещи в большом глиняном горшке. Но вот однажды случилась с ним такая история: купил он себе подвязки и положил их в горшок, подумав при этом: «пусть полежат себе там, а к пасхе я их надену». Несколько дней спустя герой наш полез в горшок, кажется, за карандашом. Смотрит, а в горшке лежат подвязки. Удивился наш герой и подумал про себя так: «Откуда эти подвязки? Ведь не я же положил их туда! Каким образом они там? Вот ведь история! Пойду ка я, спрошу соседа». И вот пошёл он к соседу, а сосед в это время ломал подсвечником свою кровать. Пётр Иванович (э

Б. д.

Примечания

Настоящее издание является к моменту его выхода в свет наиболее полным собранием произведений Д. Хармса. По сравнению с еще не завершенным Полным собранием сочинений (вышли т. 1–3 – см. ниже: Список условных сокращений) здесь восполнены некоторые пропуски в основном корпусе текстов, добавлено определенное количество текстов из Записных книжек, а также дополнительно включены опущенные в нем варианты; все тексты заново сверены с автографами (и исправлены); уточнены даты.

Самым характерным и уникальным отличием настоящего издания от предшествующих является его композиция: здесь всё, написанное Хармсом, расположено по хронологии, независимо от жанра и степени завершенности. Вообще в изданиях наследия русских писателей это не является новацией, и эффективность такого синхронного представления творческого процесса очевидна (хотя и подвергалась авторитетной и аргументированной критике): предстающая читателю (исследователю) картина наиболее адекватна исторической реальности.

Это, разумеется, не снимает, а в некоторых случаях усугубляет проблемы, возникающие при воспроизведении текстов Д. Хармса, в подавляющем большинстве своем не печатавшихся при жизни писателя и не готовившихся им для такой (невероятной) публикации. Вот какой путь решения этих проблем предложен в настоящем издании.

В пределах одного года предпочтение отдается, как правило, текстам, имеющим все элементы даты; тексты без указания дня и месяца располагаются в конце года (в тех редких случаях, когда такой текст опубликован – детские произведения – текст воспроизводится в начале месяца, соответствующего дате журнальной публикации). В некоторых случаях хронология расположения текстов мотивирована тем порядком, в каком они находятся в записных тетрадах Хармса – это можно заметить,

когда в нашем издании среди текстов с полной датой оказываются, порой, вообще ее не имеющие.

Во всех случаях авторская дата (и подпись) рассматривается как элемент текста и воспроизводится буквально. В угловых скобках – от составителя.

Хотя прижизненная публикация не является универсальным критерием выбора текста, всё же в большинстве случаев последняя авторская воля оказывается важным ориентиром при публикации литературного наследия того или иного писателя. Как сказано, в случае Хармса мы таких ориентиров почти не имеем или они оказываются весьма сомнительными (очевидна редакторская «порча» при публикации его детских произведений). Единственным исключением в этом смысле (авторская воля) является составленный Хармсом сборник «Случаи» – включая в него прежде написанные тексты, Хармс их корректировал и исправлял, что и явилось для нас руководством при выборе текста (при этом мы всюду указываем соответствующие различия с исходным вариантом).

В настоящем издании последовательно (за исключением текстов, сохранившихся в списках, некоторых детских произведений, а также нескольких оставшихся недоступными автографов) воспроизведена авторская орфография и пунктуация: последние исследования (А. Кобринский) убедительно подтвердили обоснованность такого решения и ущербность компромиссных подходов к публикации текстов Хармса.

Примечания включают: библиографическое указание на первую публикацию (при этом мы сочли нецелесообразным учитывать в качестве публикаций воспроизведение текстов Хармса в самиздатских машинописных журналах, выходящих в считанном количестве экземпляров – порой всего в одном); указание на авторские пометы в автографах (текстовые и зачеркивание); варианты текста; фактографические комментарии и пояснения с указанием на цитаты и реминисценции из других авторов и автоцитаты. Что касается интерпретаций текстов, то, насколько возможно, некоторые их пути отмечены во вступительной статье к настоящему изданию.

В примечаниях невозможно было обойтись без использования уже значительного (и постоянно пополняющегося) объема наблюдений над текстами Хармса в изданиях его произведений и в литературе о нем, а также учета бескорыстных и заинтересованных советов, полученных в особенности после выхода в свет подготовленных т. 1–3 Полного собрания сочинений Д. Хармса. Таким образом, в примечаниях аккумулированы

наблюдения: Р. Айзлвуда, А. Александрова, И. Вишневецкого, А. Герасимовой, Т. Гроба, Р. Джакуинты, Ж.-Ф. Жаккара, М. Золотоносова, Л. Кациса, А. Кобринского, Н. Корнуэлла, О. Лекманова, И. Мальского, М. Мейлаха, А. Немзера, А. Никитаева, С. И. Николаева, Н. Перлиной, Д. Токарева, Л. Флейшмана, Р. Циглер, В. Эрля.

Список условных сокращений

Избранное – Д. Хармс. Избранное / Ed. and intr. by G. Gibian. Wurzburg, 1974.

Летят по небу шарики – Д. Хармс. Летят по небу шарики / Подг. текстов и статьи А. Александрова и Н. Кавина. Красноярск, 1990.

Меня называют капуцином – Меня называют капуцином: Некоторые произведения Даниила Ивановича Хармса / Изд. подг. А. Герасимовой. М., 1993.

Минувшее – А. Устинов и А. Кобринский. Дневниковые записи Даниила Хармса // Минувшее: Исторический альманах. 11. 1991. С. 417–583.

Полет в небеса – Д. Хармс. Полет в небеса: Стихи. Проза. Драммы. Письма / Вступит. ст., сост., подг. текста и примеч. А. А. Александрова.

Полное собрание сочинений – Д. Хармс. Полн. собр. сочинений: В 4 т. / Сост., подг. текста и примеч. А. В. Коскелло, В. Н. Сажина и Д. В. Сажина. СПб., 1997. Т. 1–3.

Проза – Д. Хармс. Проза. Л.; Таллинн, 1990.

Собрание произведений – Д. Хармс. Собр. произведений: В 4 т. / Под. ред. М. Мейлаха и В. Эрля. Bремен, 1978–1988.

Этнолингвистика текста – А. Л. Топорков. Из истории литературных молитв // Этнолингвистика текста: Семиотика малых форм фольклора. II. М., 1988. С. 28–31.

1922

1. *Русская литература*. 1992. № 3. С. 156.

Самое раннее из сохранившихся произведений Хармса. Подпись под текстом (DCH – т. е. D. Harms, один из его псевдонимов) свидетельствует о том, что уже в это время он сознает себя писателем. Значение псевдонима интерпретируется в зависимости от языка, к которому возводится его происхож-

дение (Хармс в разной степени знал немецкий, английский, древнееврейский, а также изучал мифологию и разнообразные религиозные учения): *обаяние, чары, несчастье, праведность, отлучение, уничтожение* и др. Множественность (и противоречивость) значений псевдонима – одно из проявлений принципиального хармсовского самоощущения и творческого метода: весь мир (в том числе и явленный в слове) подвижен, неуловим и переменчив (текуч).

Хармс использовал около 20 псевдонимов (см. подписи под текстами в наст. изд.).

1925

2. *Wiener Slawistischer Almanach*. Bd. 27. 1991. S. 214–217.

В качестве псевдонима в данном случае использовано имя секретаря князя Андрея (XII в.), знаменитого книжника, который пострадал за свои убеждения.

Здесь впервые встречаемся с именем и отчеством персонажа, который станет излюбленным героем хармсовских текстов (см. 43, 46, 52–54, 60, 65, 420, 571 и др. наст. изд.). Особая частота присутствия имени Иван и особенно Иванов Ивановичей в текстах Хармса корреспондирует аналогичному явлению в произведении Гоголя – одного из любимых писателей Хармса (см. ниже и 46, 77, 378, 379 и др. наст. изд.).

Посвящается Тылли – по-видимому, персонаж финского фольклора Тылль.

иван иваныч взял платок и далее – гоголевская реминисценция из «Ивана Федоровича Шпоньки и его тетушки» (указано А. С. Немзером).

у усикирку поглупел – еще один «финский» акцент настоящего текста: Усикирка (Усикиркко) – поселок на Карельском перешейке, где в 1913 г. умерла поэтесса, прозаик и художница Е. Гуро, жена М. Матюшина, художественными идеями которого интересовался Д. Хармс в начале своего творческого пути; в 1914 г. здесь, на даче М. Матюшина, происходил съезд футуристов.

3. *Wiener Slawistischer Almanach*. Bd. 27. 1991. S. 184–186.

Esther – Эстер Александровна Русакова (1909–1943), первая жена Хармса (в 1925–1932 гг.). Родилась в Марселе, в семье эмигранта А. И. Иоселевича, бежавшего в 1905 г. от еврейских погромов в Таганроге сначала в Аргентину, а затем перебравше-

гося во Францию. В конце 1918 г. за организацию демонстрации против интервенции в советскую Россию выслан из Франции. В начале февраля 1919 г. поселился с семьей в Петрограде. Дом Русаковых посещали писатели А. Н. Толстой, К. А. Федин, Н. Никитин. Мужем сестры Э. Русаковой – Л. А. Русаковой – был В. Л. Кибальчич (В. Серж), которого посещали Н. Клюев, французский писатель П. Истрати и др. За сотрудничество с ним, высланным в 1936 г. в Бельгию в качестве троцкиста, Э. Русакова была 7 сентября 1936 г. арестована, осуждена на 5 лет и 27 мая 1937 г. этапирована в бухту Нагаево в СЕВВОСТОКЛАГ. Умерла в Магадане. Э. Русаковой прямо или опосредованно посвящены многие тексты Хармса (см. 9, 56, 57, 136, 139, 155, 204, 246, 338, 410 наст. изд.).

скольжу трамваем // Владимирскую поперёк – в соотношении с нижеследующим: *лишь горсточка // лишь только три* (характерный жест крестьящегося) и далее: *и кажется // она Владимирская* – может интерпретироваться как описание посещения храма Божией Матери Владимирской на Владимирском пр., дом 20.

4. *Wiener Slawistischer Almanack* Bd. 27. 1991. S. 186–190.

В автографе авторское примечание: «Поэма I Михаил читается скандовочно – и – нараспев. Второй Михаил выкрикивается. Третий Михаил сильно распадается на слоги, но напева меньше чем в первом». Таким образом, очевидно, что настоящий текст (как и нижеследующие, с расставленными автором ударениями) был рассчитан на произнесение вслух. О существовании еще одного, несохранившегося, фрагмента настоящего текста свидетельствует нижеследующая запись Хармса: «IV Михаил: Четвертый Михаил – глупый. Вошел в комнату пошаркивая ногами и раскачиваясь: „выплывают расписные" говорит – слушает боком и тарашит мускулы вокруг глаз. В молчаливые моменты долго думает и затем обращается к кому-нибудь с официальным вопросом – ему не нужным. Разговаривает с человеком у которого умирает мать под шёлк пишущей машинки». Отметим, что Михаилом звали первого мужа Э. Русаковой.

5. *Wiener Slawistischer Almanach*. Bd. 27. 1991. S. 190.

6. *Wiener Slawistischer Almanach*. Bd. 27. 1991. S. 190–193.

Посвящение адресовано семейству Русаковых (см. примеч. к 3), живших по адресу: ул. Желябова (до 1918 – Конюшенная, ныне восстановлено прежнее наименование), д. 19, кв. 4, и, таким образом, указывает на каламбурное обыгрывание в загла-

вии и тексте их места жительства. Отметим характерное использование Хармсом на всём протяжении творческого пути в своих текстах и особенно подписях под текстами старых наименований городских топонимов и самого наименования Петербурга.

7. *Wiener Slawistischer Almanach*. Bd. 27. 1991. S. 194–195.

8. *Wiener Slawistischer Almanach*. Bd. 27. 1991. S. 195–196.

9. *Wiener Slawistischer Almanach*. Bd. 27. 1991. S. 196–197.

К ст. 10 авторское примеч.: «кочать укоризненно головой». *gew. (Esther)* – от нем. *gewiss*, т. е. принадлежит Эстер (см. примеч. к 3).

И говорит Мишенька – см. примеч. к 4.

1926

10. *Wiener Slawistischer Almanach*. Bd. 27. 1991. S. 197–199.

Заглавие, по-видимому, связано с развивавшейся художником М. Матюшиным концепцией «затылочного зрения», т. е. охватывающего весь мир в его совокупности.

кика ну подарена – с наименованием популярного в начале XX в. танца кикапу встречаемся в стихотворном послании А. Блока З. Гиппиус, а в качестве фантастического персонажа – в стихотворении Т. Чурилина.

11. *Wiener Slawistischer Almanach*. Bd. 27. 1991. S. 203–205.

Посвящено памяти С. Есенина, скончавшегося 28 декабря 1925 г.

Отмечается влияние А. Белого.

Vater Unser – Lieber Gott – начальные слова молитвы «Отче наш...» (нем.).

добреду до Клюева – Хармс был знаком с Клюевым, по-видимому, с 1925 г., встречался с ним у Русаковых (см. примеч. к 3) и посещал его экзотически обустроенную квартиру (см. воспоминания И. Бахтерева об одном из таких визитов к Клюеву совместно с Хармсом, А. Введенским и П. Заболоцким: И. Бахтерев. Когда мы были молодыми // Воспоминания о Н. Заболоцком. Изд. 2-е. М., 1984. С. 81–82).

Школа чинарей Взирь зауми – см. вступит. статью.

12. *Wiener Slawistischer Almanach*. Bd. 27. 1991. S. 206–207.
В автографе авторское примеч.: «нужно написать, это еще не
ВАНЬКИ ВСТАНЬКИ».

13. *Wiener Slawistischer Almanach*. Bd. 27. 1991. S. 207–212.
Там лежали Михаилы – см. 4 и примеч.
ПОСЛУШАЙТЕ – ср. со стихотворением Маяковского

14. *Wiener Slawistischer Almanach*. Bd. 27. 1991. S. 200–203.
Школа ЧИНАРЕЙ Взирь Зауми – см. вступит. статью.
Отмечается влияние А. Белого.

15. *Собрание произведений*. Кн. 1. С. 6.
творить акафисты по кругу – церковные молитвы.

16. *Избранное*. С. 227–229.
В 1928 г. Хармс вернулся к работе над этим текстом: в автографе против ст. 31 в скобках и с датой «1928» записано: пугливых.

алатырь – в фольклоре фигурирует алатырь-камень, ассоциирующийся с источником райских благ (А. Н. Афанасьев *Древо жизни*: Избр. статьи. М., 1983. С. 191–192).

Пусть дева плачет о зиме // и молоко даёт змее – как нередко у Хармса, возможно указание на несколько источников этого образа: известна, например, культовая богиня тайного средневекового ордена «Менестрелей Мурсии», которая изображалась на западных порталах храмов обнаженной и сжимающей в руках двух змей, кусающих её груди (А. Дугин. *Орден Непорочного Единорога // Наука и религия*. 1997. № 3. С. 4–7); змея была одним из культовых животных вечно девственной богини Афины (Паллады) (*Словарь античности*. М., 1992. С. 62–63); наконец, Хармсу, несомненно, было знакомо скульптурное изображение богини Гигиены со змеей, стоявшее в Ленинграде на углу Боткинской улицы и Сампсониевского проспекта (ныне перемещено во двор Военно-медицинской академии; ср. с фамилией одного из хармсовских персонажей: Сампсонов – 553 наст. изд.). Возможно также влияние каких-либо живописных произведений.

моя Розалья – от лат. *rosalia*, русалка: «похотливые женщины, которые проводят время чаще всего в любовных играх» (Д. К. Зеленин. *Восточнославянская этнография*. М., 1991. С. 419).

17. *Собрание произведений*. Кн. 1. С. 14–16. Печ. по списку Г. Гора.

18. Печ. впервые.

19. *Собрание произведений*. Кн. 1. С. 17.

Посвящено друзьям Хармса, поэтам: Н. А. Заболоцкому (1903–1958), с которым Хармса связывала во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. общность творческих интересов, и Е. И. Вигилянскому (1903–1942?), на квартире которого Хармс познакомился с А. Введенским и который был одним из участников спектакля по пьесе Хармса «Елизавета Бам». Связано с призывом обоих поэтов на службу в армию.

20. *Собрание стихотворений*: Сборник Ленинградского отделения Всероссийского Союза Поэтов. Л., 1926. С. 71–72.

Первое из опубликованных произведений Хармса.

21. *Собрание произведений*. Кн. 1. С. 10–11.

Аничкин мост (правильно: Аничков) – мост в Ленинграде через реку Фонтанку, вблизи Дома Печати (наб. р. Фонтанки, д. 21), где официально пребывало ОБЭРИУ и 24 января 1928 г. состоялся вечер «Три левых часа» (во время этого вечера поэт Кропачёв читал на Аничковом мосту свои стихотворения); с противоположной стороны моста находилось помещение Союза Поэтов (наб. р. Фонтанки, д. 50), членом которого был Хармс.

Возможно интерпретировать как аллюзию на «Медный всадник» Пушкина.

22. *Собрание произведений*. Кн. 1. С. 14–15. В списке Г. Гора дата: «Осень 1926».

Стихотворение включалось Хармсом в проектировавшийся им, но не изданный коллективный сборник «Ванна Архимеда» (см. 94 наст. изд.).

23. *Собрание произведений*. Кн. 1. С. 28.

В архиве Н. И. Харджиева имелся другой вариант, вписанный Хармсом под воспроизведенным во 2-м томе Собрания произведений Хлебникова (Л., 1930) его карандашным портретом работы Б. Григорьева:

Ногу за ногу заложив
Сидит Велимир. Он жив.

(*Собрание произведений*. Кн. 4. С. 190).

Творчество В. Хлебникова (1885–1922) было одним из литературных образцов Хармса (см. 31, 48, 102, 199, 250 и др. наст. изд.).

24. *Костер*: Сборник Ленинградского Союза Поэтов. Л., 1927. С. 101–102.

В автографе слово *Коммуниста* – зачеркнуто.

25. *Собрание произведений*. Кн. 1. С. 128.

26. *Собрание произведений*. Кн. 1. С. 32.

27. *Избранное*. С. 221. Печ. по тексту первой публ.

1927

28. *Wiener Slawistischer Almanach*. Bd. 27. S. 179.

Кружок друзей камерной музыки – соби́рался по адресу: проспект 25 Октября (до 1918 и с 1944 г. Невский), д. 52. Вечер, которому посвящено стихотворное объявление Хармса, состоялся 9 января 1927 г.

Левый Фланг – творческое объединение, возникшее в январе 1927 г. и включавшее поэтов А. Туфанова (до марта 1927 г.), А. Введенского, Е. Вигилянского и других единомышленников Хармса, объединившихся вскоре в ОБЭРИУ (см. вступит. статью).

29. *Собрание произведений*. Кн. 1. С. 12.

Судя по многочисленным вариантам, текст в 1926 г. не был закончен, а в январе 1927 г. Хармс, отказавшись от всех вариантов, завершил текст, дописав один стих. Приводим отвергнутые варианты:

<1>

Как монах затылок точет
а потом в пустые ночи
шлёт по крышам босяка
Дух усталый так влачится
чрево божие стучится
у кривоко косяка

<2>

Что ты выплескала дева
что ты к берегу, одела
шубу лисью, и спешить.

Ведь солдаты молодую
звоном шпоры заколдуют
на винтовку опершись
Ты взыграла тучей к небу
где Суворов даже небыл
с тучи грохнулась в прошим
на восторженные перси.

<3>

Как солдат идя в походе
мысли Гетмана находит
К другу родится вражда
Неба жадного локанье
подоконников иканье
и пустая ворожба

Как дитя ища посуду
без вины и без рассуду
треплет куклу за вихор
так же сдержанно и зыбко
расползается в улыбку
лиц умёрших коленкор

Но восторженные тучи
воют, щупают и пучат
Зайца спящего в глазу
И минутое позднее
чует лошка, А за нею
тело пухлое везут

<4>

мотыльком влетает персик
и рука твоя дрожит
Видишь в пальцах путь ежевый
убегает в лес тяжелый
и иконник за сохой
встал пугами полыхая
носом тучи выдыхая
длиннолобый и сухой
Этот вызов мне не страшен
имя гордое Наташа
не забьёт меня вокруг.

Я смотрю как он отчаен
очи тусклые кочая
на тебя влезает вдруг.

ВСЁ

24 мая <1926>

В то же время оговоримся, что нет абсолютной уверенности в принадлежности всех приведенных вариантов к публикуемому тексту.

В вариантах:

где Суворов даже небыл – как во множестве других случаев у Хармса, имя исторического персонажа (здесь – известного военачальника, генералиссимуса А. В. Суворова – 1729–1800) носит остраняющий характер.

имя гордое Наташа – Хармс часто использует в своих текстах имена знакомых и родных, что отнюдь не должно прямолинейно восприниматься в автобиографическом ключе; здесь, в частности, следует указать на то, что Наталией звали тетку Хармса по матери, его крестную, имевшую на него большое влияние, Н. И. Коллюбакину (1868–1942?), директора II Детскосельской советской единой трудовой школы, где Хармс учился в 1922–1924 гг.

30. *Собрание произведений*. Кн. 1. С. 36–38. Печ. по списку Г. Гора.

Мадлэн – трансформированное имя Марии, одного из самых популярных женских имен в текстах Хармса.

31. *Избранное*. С. 209–212.

К. С. Малевич (1878–1935) – художник и теоретик искусства, оказавший влияние на творчество Хармса. Их знакомство произошло в 1926 г. в Государственном институте художественной культуры (ГИНХУКЕ – Исаакиевская пл., д. 9), когда участники театрального объединения РАДИКС (Хармс, А. Введенский, Е. Вигилянский и др.) обратились к Малевичу за содействием в предоставлении помещения для репетиций. 16 апреля (?) 1927 г. Малевич подарил Хармсу свою книгу «Бог не скинут» (Витебск, 1922) с дарственной надписью: «Идите и останавливайте прогресс» (см.: *Собрание произведений*. Кн. 4. С. 225). 13 мая 1935 г., по смерти Малевича, Хармс переадресовал его памяти несколь-

кими днями ранее написанное стихотворение (см. 407 наст. изд.).

скинь рубашку с голых плеч – парафраз «Зангези» Хлебникова: «Скинь рубашку с полуплечь» (см. примеч. к 23 наст. изд.).

32. *Собрание произведений*. Кн. 1. С. 43–44.

Вариант автографа с той же датой, заканчивающийся ст. 34, включает после ст. 17 нижеследующий текст:

нянька рыскает волчицей
съест морковку на пути
выпьет кофе, дальше мчится
в двери пробует уйти
колет скупые орехи
нянька быстрая в дверях
мчится косточкой по саду
вдоль железного плетня
долго бегает в испуге
ищет Петю и гамак

Достоинно внимания, что привлечший Хармса к литературной работе для детей С. Маршак опубликовал свой «Пожар» еще в 1923 (1924) г.

33. *Собрание произведений*. Кн. 1. С. 45.

А. И. Введенский – см. вступит. статью.

34. *Собрание произведений*. Кн. 1. С. 129.

В автографе зачеркнуто начало:

Сожми коробочку собачку
внезапно душу разоблоча
Он прячит барыню за бочку.

Слово философия, в интерпретации Хармса, имеет иронический оттенок.

Липавский – см. вступит. статью и 396, 418, 529 наст. изд.

35. *Собрание произведений*. Кн. 1. С. 46.

Пётр Палыч – персонаж нескольких произведений Хармса (см. 47, 77, 291 наст. изд.).

36. *Избранное*. С. 219-220.

стыдливо куталась в меха // кормила грудью жениха – ср. с «Венерой в мехах» Л. фон Захер-Мазоха (опубл. на русском языке в 1908 г.).

37. *Собрание произведений*. Кн. 1. С. 133.

38. *Собрание произведений*. Кн. 1. С. 134.

Михаил бежал по шпалам – см. примеч. к 4 наст. изд.

39. *Полное собрание сочинений*. Т. 1. С. 74.

40. *Собрание произведений*. Кн. 1. С. 27.

Н. А. Заболоцкий – см. примеч. к 19 наст. изд.

41. *Полное собрание сочинений*. Т. 1. С. 74.

42. *Полное собрание сочинений*. Т. 1. С. 76.

20 августа 1926 г. Н. Заболоцкий посвятил Хармсу стихотворение с таким заглавием (см. примеч. к 43 наст. изд.).

43. *Собрание произведений*. Кн. 1. С. 84–125.

Публикуемый текст воспроизводит все фрагменты «Комедии...», сохранившиеся в архиве Хармса. Вместе с тем анализ творческого метода писателя позволил сделать убедительное предположение о том, что фрагментарность текста входила в замысел Хармса (что не исключает возможности существования и других, пока не известных его частей). О существовании «Комедии...», как оформившегося текста, на довольно раннем этапе работы над ним, свидетельствует посвящение Хармсу Заболоцким 20 августа 1926 г. своего стихотворения «Восстание» с характерной автохарактеристикой: «Фрагменты Даниилу Хармсу автору „Комедии города Петербурга“» (см. примеч. к 42 наст. изд.), что тоже подтверждает версию о фрагментарности, как жанрообразующий признаке «Комедии...».

Значительное место, которое в «Комедии города Петербурга» занимают реалии и мотивы блоковских текстов, позволяет интерпретировать ее, в частности, как парафраз «Двенадцати» А. Блока.

брожули я у храма (ль) у дворца-ль – ср.: «Брожу ли я вдоль улиц шумных // Вхожу ль во многолюдный храм» Пушкина.

Вертунов – «говорящая» фамилия, ассоциирующаяся с римским богом перемен Вертуном.

Я пришел к заветной цели ∞ проклятая жизнь – парафраз фрагментов двух пьес А. Чехова: заключительной реплики (и ремарки к ней) Ирины из 2-го действия «Трех сестер» и слов Лопахина из его монолога в «Вишневом саде».

прекрасная Мария горевала – см. примеч. к 30 наст. изд.

на Морской – с 1918 г. ул. Герцена; выводит через Невский пр. прямо к Зимнему дворцу.

Обернибесов – см. также 527 наст. изд.

Раз два ∞ Порр-тугалец – ср. с чебутыкинским "Та-ра-ра-бумбия» («Три сестры» А. Чехова).

пели ирмосы – вступительные стихи церковного песнопения.

Крюгер – см. также 87 наст. изд.

Поставьте самовар; ручеек из самовара; проплывает мимо горницы тапор // а за ним Иван Иванович Самовар – см. 52 и примеч. к 2 наст. изд.

Ты помнишь Петю Пирогова? – гоголевская фамилия, которую Хармс еще использует в мужском и женском роде (см. 64, 327, 334 наст. изд.).

44. *День поэзии*. М.; Л., 1965. С. 291.

Мария – см. примеч. к 30 наст. изд. Здесь может быть сопоставлена с описанием в гностическом «Евангелии от Марии»: «Тогда Мария встала, приветствовала всех их и сказала своим братьям: „Не плачьте, не печальтесь и не сомневайтесь, ибо его благодать будет"» (Апокрифы древних христиан. М., 1989. С. 325).

45. *Собрание произведений*. Кн. 1. С. 55–56.

Заболоцкий – см. примеч. к 19 наст. изд. После увольнения из армии Заболоцкий переехал с Каменноостровского пр. д. 73/75 на Конную ул., д. 15, кв. 33.

46. *Избранное*. С. 172–205. Печ. по тексту наиболее достоверной публикации (с исправлением некоторых очевидных опечаток), содержащей также пространную историю создания и постановки пьесы и комментарии к ней: М. Мейлах. О «Елизавете Бам» Даниила Хармса: (предыстория, история постановки, пьеса, текст) // *Stanford Slavic Studies*. Vol. I. St., 1987. P. 163–246.

Поскольку сценический текст содержит не только важные авторские указания, но и существенные содержательные варианты к литературному тексту, воспроизводим его по указанной выше публикации.

ЕЛИЗАВЕТА БАМ
сочинение-пьеса

Данила Ивановича
Хармса

① Кусок. Реалист<ическая>
мелодрама

Оформление. Сцена: комната неглубокая, простая.

Елизавета Бам: Сейчас, того и гляди, откроется дверь и они войдут... Они обязательно войдут, чтобы поймать меня и стереть с лица земли. (*тихо*) Что я наделала! Что я наделала! Если б я только знала... Бежать? (*шаг*) Но куда бежать? Эта дверь ведёт на лестницу, а на лестнице я встречу их. В окно? (*смотрит в окно*) Ууу, высоко! мне не прыгнуть! Ну что же мне делать?.. Э! чьи-то шаги! Это они. Запру дверь и не открою. Пусть стучат, сколько хотят.

Стук в дверь, потом голос (*грозно*):

Елизавета Бам, откройте!

Елизавета Бам, откройте!

За сц<еной>. Голос издалека: Ну что она там, двери не открывает?

Голос за дверью: Откроет. Елизавета Бам, откройте!

Ел. Б. бросается на кровать и затыкает уши.

Голоса за дверью:

Г-й: Елизавета Бам, я Вам приказываю немедленно же открыть!

П-й (*тихо*): Вы скажите ей, что иначе мы сломаем дверь. Дайте-ка я попробую.

Г-й (*громко*): Мы сами сломаем дверь, если Вы сейчас не откроете.

П-й (*тихо*): Может, её здесь нету?

Г-й (*тихо*): Здесь. Где же ей быть? Она взбежала по лестнице наверх. Здесь только одна дверь. Куда же ей деться? (*громко*). Елизавета Бам, говорю Вам

Елизавета Бам поднимает голову.

(с аллитеративным звучанием) в последний раз, откройте дверь. (*пауза*). Ломай.

Дверь пытаются сломать. Ел. Б. выбегает на середину сцены и слушает.

П-й: У Вас ножа нету?

Удар. Ел. Б. слушает, выставив вперёд плечо.

И-й: Нет, Вы плечом.

П-й: Не поддается. Постой-ка, я еще так попробую.

Дверь трещит, но не ломается.

Ел. Б.: Я Вам дверь не открою, пока Вы не скажете, что Вы хотите со мной сделать.

Стук затихает на репл<ике> Ел. Б.

И-й гол.: Вы сами знаете, что Вам предстоит.

Ел. Б.: Нет, не знаю. Вы меня хотите убить?

вместе { **И-й:** Вы подлежите крупному наказанию!
П-й: Вы всё равно от нас не уйдёте!

Ел. Б.: Вы, может быть, скажете мне, в чём я провинилась?

И-й: Вы сами знаете.

Ел. Б.: Нет, не знаю (*топает ногой*).

И-й: Разрешите Вам не поверить.

П-й: Вы преступница.

Ел. Б.: Ха-ха-ха-ха! А если Вы убьёте меня, Вы думаете, Ваша совесть будет чиста?

Перебегает.

И-й: Мы сделаем это, сообразуясь с нашей совестью.

Ел. Б.: В таком случае, увы, но у Вас нет совести.

② *Жанр реалистический,
комедийный*

П-й: Как нет совести? Петр Николаевич, она говорит, что у нас нет совести.

*Ел. Б. <стоит>, приложив руки к ногам
и вытянув голову к двери.*

Ел. Б.: У Вас-то, Иван Иванович, нет никакой совести. Вы просто мошенник.

П-й: Кто мошенник? Это я? Это я? Это я мошенник?!

Г-й: Ну подождите, Иван Иванович!

Елизавета Бам, приказываю...

П-й: Нет, Петр Николаевич, это я что ли мошенник? *Бобчинский.*

Г-й: Да подождите тут обижаться! Елизавета Бам, прика...

П-й: Нет, постойте, Петр Николаевич, Вы мне скажите, это я мошенник?

Г-й: Да отстаньте же Вы!

П-й: Это что же, я, по-Вашему, мошенник?

Г-й: Да, мошенник!!!

П-й: Ах так, значит по-Вашему я мошенник! Так Вы сказали?

Ел. Б. бежит по сцене.

Г-й: Убирайтесь вон! Балда какая! А ещё пошёл на ответственное дело. Вам слово сказали, а Вы уж и на стену лезете. Кто же Вы после этого? Просто идиот!

П-й: А Вы шарлатан!

Г-й: Убирайтесь вон!

Ел. Б.: Иван Иванович мошенник!

П-й: Я Вам этого не прощу!

Г-й: Я Вас сейчас скину с лестницы!

Ел. Б. открывает двери. Иван Иванович стоит на костылях, а Пётр Николаевич сидит на стуле с подвязанной щечкой.

Ив. Ив.: Попробуйте скиньте!

Пётр Ник.: Скину, скину, скину, скину!

Ел. Б.: Руки коротки!

Пётр Ник.: Это у меня-то руки коротки?

<вместе> { Ел. Б.: Ну да!
Ив. Ив.: У Вас! у Вас! } Скажите, ведь у него?

Ив. Ив. показывает на П. Н.

Ел. Б.: У него!

П. Н.: Елизавета Бам, Вы не смеете так говорить!

Ел. Б.: Почему?

П. Н.: Потому, что Вы лишены всякого голоса. Вы совершили гнусное преступление. Не Вам говорить мне дерзости. Вы – преступница!

Ел. Б.: Почему?

П. Н.: Что почему?

Ел. Б.: Почему я преступница?

П. Николаевич: Потому, что Вы лишены всякого голоса.

И. И.: Лишены всякого голоса.

Ел. Б.: А я не лишена. Вы можете проверить по часам.

Задник сцены уезжает взад, пропуская в двери И. П. и П. Н.

③ *Нелепокомический –
наивный*

П. Н.: До этого дело не дойдёт. Я у дверей расставил стражу, и при малейшем толчке Иван Иванович икнёт в сторону.

Ел. Б.: Покажите. Пожалуйста, покажите.

П. Н.: Ну, смотрите. Предлагаю отвернуться.

*П. Н. идёт на просцениум. И. И. идёт за ним. Раз, два, три.
(Толкает тумбу. И. И. громко икает. Переворачивает тумбу.)*

Ел. Б.: Ещё раз. Пожалуйста.

*Повторяют – П. Н. опять толкает тумбу,
а И. И. опять икает.*

Как это вы делаете?

П. Н.: Очень просто. Иван Иванович, покажите.

И. И.: С удовольствием.

Становится на четвереньки и лягается одной ногой.

Ел. Б.: Да ведь это же прелесть как хорошо.

(Кричит.) Мама! Пойди сюда! Фокусники приехали!
Сейчас придёт моя мама... Познакомьтесь, Петр Николаевич!

Иван Иванович. – – –

Вы что-нибудь нам покажете?

И. И.: С удовольствием.

П. Н.: Хэлэ оп!

И. И. пробует стать на голову, но падает.

П. Н.: Сразу, сразу.

На сцену выходят Папаша и Мамаша, садятся и смотрят.

И. И. (сидя на полу): Тут негде упереться.

Ел. Б.: Хотите, может быть, полотенце?

И. И.: Зачем?

Ел. Б.: Просто так. Хи-хи-хи-хи.

И. И.: У Вас чрезвычайно приятная внешность.

Ел. Б.: Ну да? Почему?

И. И.: Ы-ы-ы-ы-ы потому что Вы незабудка (*громко икает.*)

Ел. Б.: Я незабудка? Правда? А Вы тюльпан (*«тюльпан» в нос.*)

И. И.: Как?

Ел. Б.: Тюльпан.

И. И. (*в недоумении*): Очень приятно-с.

Ел. Б. (*в нос*): Разрешите Вас сорвать.

Отец (*басом*): Елизавета, не дури.

Ел. Б. (*отцу*): Я, папочка, сейчас перестану.

*Ел. Б., присев и оперевшись руками о колени.
(Иван Ивановичу, в нос.) Встаньте на четверинки.*

*П. Н. подходит к Папаше и Мамаше,
Мамаша чем-то недовольна, идет на авансцену.*

И. И.: Если позволите, Елизавета Таракановна, я пойду лучше домой. Меня ждет жена дома. У ней много ребят, Елизавета Таракановна. Простите, что я так надоел Вам. Не забывайте меня. Такой уж я человек, что все меня гоняют. За что, спрашивается? Украл я, что ли? Ведь нет! Елизавета Эдуардовна, я честный человек. У меня дома жена. У жены ребят много. Ребята хорошие. Каждый в зубах по спичечной коробке держит. Вы уж простите меня. Я, Елизавета Михайловна, домой пойду.

И. И. надевает шубу и уходит.

Ел. Б. привязывает к мамашинной ноге верёвку – другой конец привязывает к стулу. Все молчат.

Мамаша поёт под музыку:

Вот вспыхнуло утро
Румянятся воды,
над озером быстрая чайка летит
и т. д.

*Мамаша кончает петь и идёт на своё место,
волоча за собою стул.*

П. Н.: Ну вот и приехали!

Папаша: Слава Тебе, Господи!

Уходят.

④ *Реалистический. Жанр бытовой – комедийный.*

Ел. Б.: А ты, мама, не пойдёшь разве гулять?

Мамаша: А тебе хочется?

Ел. Б.: Страшно.

Мамаша: Нет, не пойду.

Ел. Б.: Пойдём, ну-у-у-у.

Мамаша: Ну пойдём, пойдём (*уходят*).

Сцена пуста.

⑤ *Ритмический. (Радикс.) Ритм Автора.*

И. И. и П. Н., вбегая: Где, где, где.

Елизавета Бам,

Елизавета Бам,

Елизавета Бам.

П. Н.:

Тут, тут, тут.

И. И.:

Там, там, там.

П. Н.: Где мы оказались, Иван Иванович?

И. И.: Пётр Николаевич, мы с Вами взаперти.

П. Н.: Чт – о за безобразие! Прошу меня не тыч!

И. И.: Вот Вам фунт, баста 5 без пяти!

П. Н.:

Где Елизавета Бам?

И. И.:

Зачем её надо Вам?

П. Н.:

Чтобы убить!

И. И.:

Хм, Елизавета Бам

сидит на скамейке там.

П. Н.:

Бежим тогда во всю прыть!

} *тактовый
стих.*

} *Напевно.*

Оба бегут на одном месте.

Хоп, хоп

ногами

закат за

горами

облаками розовыми

пух, пух

паровозами

*На авансцену выносят
полено, и пока П. Н. и
И. И. бегут, растли-
вают это полено.*

хук, хук
филина
бревно! —
— распилено.

⑥ *Бытовой радикс.*

Отодвигается кулиса, а за кулисой сидит Ел. Б.

Ел. Б.: Вы меня ищете?

П. Н.: Вас! Ванька, она тут!

И. И.: Где, где, где?

П. Н.: Здесь, под фарлушкой!

На сцену выходит нищий.

И. И.: Тащи её наружу!

П. Н.: Не вытаскивается!

Нищий (*Ел. Бам*): Товарищ, помогите.

И. И. (*заикаясь*): Вот следующий раз у меня больше опыта будет. Я как раз всё подметил.

Ел. Б. (*нищему*): У меня ничего нет.

Нищий: Копеечку бы.

Ел. Б.: Спроси того вон дяденьку (*указывает на П. Н.*).

На сцену выезжает стол. Ел. Б. придвигает к нему стул и садится.

П. Н. (*Ивану Ивановичу, заикаясь*): Ты гляди, что ты делаешь!

И. И. (*заикаясь*): Я корни выкапываю.

Нищий: Помогите, товарищи.

П. Н. (*нищему*): Давай. Залезай туда.

И. И.: Руками обопрись о камушки.

Нищий улезает под кулису.

П. Н.: Ничего, он это умеет.

Ел. Б.: Садитесь и вы. Чего смотреть? (*пауза*)

И. И.: Благодарю.

П. Н.: Сядем.

Садятся. Молчание. Едят суп.

Ел. Б.: Что-то муж мой не идёт. Куда же это он пропал?

П. Н.: Придёт (*вскакивает и бежит по сцене*). Чур-чур!

И. И.: Ха-ха-ха (*бежит за П. Н.*). Где же дом?
Ел. Б.: Тут вот, за этой чёрточкой.

На сцену выходит Папаша с пером в руке.

П. Н. (*хлопает И. И.*): Ты пятнашка!
Ел. Б.: Иван Иванович, бегите сюда!
И. И.: Ха-ха-ха, у меня ног нет!
П. Н.: А ты так, на четверинках!
Папаша: Про которую написано было.
Ел. Б.: Кто пятнашка?
И. И.: Я, ха-ха-ха, в штанах!
П. Н. и Ел. Б.: Ха-ха-хаха!..
Папаша: Коперник был величайшим учёным.
И. И. (*валится на пол*): У меня на голове волосы!
П. Н. и Ел. Б.: Ха-ха-ха-ха-хахаха!
И. И.: Я весь лежу на полу!

На сцену выходит Мамаша.

П. И. и Ел. Б.: Ха-ха-ха-ха-ха!
Ел. Б.: Ой, ой, не могу!
Папаша: Покупая птицу, смотри, нет ли у неё зубов. Если есть зубы, то это не птица (*выходит*).

⑦ *Торжественная мелодрама,
подчёркнутая Радиксом.*

П. Н. (*поднимая руку*): Прошу как следует вслушаться в мои слова. Я хочу доказать Вам, что всякое несчастье наступает неожиданно.

Когда я был ещё совсем молодым человеком, я жил в небольшом домике со скрипучей дверью. Я жил один в этом домике. Кроме меня были лишь мыши да тараканы. Тараканы всюду бывают; когда наступала ночь, я запирал дверь и тушил лампу. Я спал, не боясь ничего.

Голос за сценой: Ничего!

Мамаша: Ничего!

Дудочка за сценой: I – I

И. И.: Ничего!

Рояль: I – I

Пётр Ник.: Ничего! (*пауза*).

Мне нечего было бояться. И действительно. Грабители могли бы придти и обыскать весь домик. Что бы они нашли? Ничего.

Дудочка за сценой: I – I (*пауза*).

П. Н.: А кто бы еще мог забраться ко мне ночью? Больше некому ведь? Правда?

Голос за сценой: Ведь некому же больше?

П. Н.: Правда?

Но однажды я просыпаюсь...

Закрывают друг друга.

И. И.: ...и вижу, дверь открыта, а в дверях стоит какая-то женщина. Я смотрю на неё прямо в упор. Она стоит. Было достаточно светло. Должно быть, дело близилось к утру. Во всяком случае, я видел хорошо её лицо. Это была вот кто (*показывает на Ел. Б.*). Тогда она была похожа...

ВСЕ: На меня!

Ив. Ив.: ...говорю, чтобы быть.

Ел. Б.: Что Вы говорите?

Ив. Ив.: Говорю, чтобы быть. Потом, думаю, уже поздно. Она слушает меня.

Все, кроме Ел. Б. и И. И., уходят

Я спросил её, чем она сделала. Она говорит, что подралась с ним на эспадронах. Дрались честно, но она не виновата, что убила его. Слушай, зачем ты убила Петра Николаевича?

Ел. Б.: Ура, я никого не убивала!

И. И.: Взять и зарезать человека! Сколь много в этом коварства! Ура! ты это сделала, а зачем?

Ⓢ *Перемещение высот.*

Ел. Б. (*уходит в сторону и оттуда*): Ууууууууу-у-у-у-у.

И. И.: Волчица.

Ел. Б.: Ууууу-у-у-у-у-у-у-у.

И. И.: В-о-о-о-о-лчица.

Ел. Б. (*дрожит*): У-у-у-у-у – черносливы.

И. И.: Пр-р-р-рабабушка. *руку.*

Ел. Б.: Ликование!

И. И.: Погублена навеки! *палец.*

Ел. Б.: Вороной конь, а на коне солдат!

И. И. (зажигает спичку): Голубушка Елизавета! (*У И. И. дрожат руки.*)

Ел. Б.: Мои плечи, как восходящие солнца! (*влезает на стул.*)

И. И. (*садясь на корточки*): Мои ноги, как огурцы!

Ел. Б. (*влезая выше*): Ура! Я ничего не говорила!

И. И. (*ложась на пол*): Нет, нет, ничего, ничего, Г. г. пш. пш.

Ел. Б. (*поднимая руки*): Ку-ни-ма-га-ни-ли-ва-ни-баууу!

И. И. (Лёжа на полу): Мурка кошечка

молочко
приговаривала
на подушку прыгала
и на печку прыгала
прыг, прыг,
скок, скок.

Ел. Б. (*кричит*): Дзы калитка! Рубашка! верёвка!

И. И. (*приподнимаясь*): Прибежали два плотника и спрашивают:
в чём дело?

Ел. Б.: Котлеты! Варвара Семённа!

И. И. (*кричит, стиснув зубы*): Плясунья на проволо-о-о-о!

Ел. Б. (*спрыгивая со стула*): Я вся блестящая!

И. И. (*бежит вглубь комнаты*): Кубатура этой комнаты нами не
изведена.

*Декорация вращается с комнаты на пейзаж.
Кулисы подают Папашу и Мамашу.*

Ел. Б. (*бежит на другой конец сцены*): Свои люди сочтёмся!

⑨ *Кусок пейзажный.*

И. И. (*прыгая на стул*): Благополучие Пенсильванского пастуха
и пасту-у-у-у!

Ел. Б. (*прыгая на другой стул*): Иван Ива-а-а-а!

Папаша (показывая коробочку): Коробочка из дере-е-е-е!

И. И. (*со стула*): Пока-а-а!

Папаша: Возьми посмо-о-о!

Мамаша: Ау-у-у-у-у!

Ел. Б.: Нашла подберёзови-и-и-и!

И. И.: Пойдёмте на озеро!

Папаша: Ау-у-у-у-у!

Ел. Б.: Ау-у-у-у-у!

И. И.: Я вчера Кольку встретил!

Мамаша: Да что Вы-ы-ы?

И. И.: Да, да. Встретил, встретил. Смотрю, Колька идёт и яблоки несёт. Что, говорю, купил? Да, говорит, купил. Потом взял и дальше пошёл.

Папаша: Скажите пожалуйста-а-а-а-а!

И. И.: Нда. Я его спросил: ты что, яблоки покупал или крал? А он говорит: зачем крал? Покупал. И пошёл себе дальше.

Мамаша: Куда же это он пошёл.

И. И.: Не знаю. Не крал, не покупал. Пошёл себе.

⑩ *Монолог в сторону
кусок двухпланый.*

Папаша: С этим не совсем любезным приветствием сестра провела её к более открытому месту, где были составлены в кучу золотые столы и кресла, и штук пятнадцать молодых девиц весело болтали между собой, сидя на чём Бог послал. Все эти девицы сильно нуждались в горячем утюге и все отличались странной манерой вертеть глазами, ни на минуту не переставая болтать.

*Выходит горничная, выносит скатерть
и корзиночку с провизией.*

⑪ *Спич.*

И. И.: Друзья, мы все тут собрались. Ура!

Ел. Б.: Ура!

Мамаша и Папаша: Ура!

И. И. (дрожа и зажигая спичку): Я хочу сказать вам, что с тех пор, как я родился, прошло 38 лет.

Мамаша и Папаша: Ура!

И. И.: Товарищи! У меня дом есть. Дома жена сидит. У ней много ребят. Я их сосчитал – 10 штук.

Мамаша (топчаь на месте): Дарья, Марья, Федор, Пелагея, Нина, Александр и четверо других.

Папаша: Это все мальчики?

⑫ *Кусок чинарский*

Ел. Б. (бежит вокруг сцены):

Оторвалась отовсюду!

Оторвалась и побежала!

Оторвалась и ну бегать!

Мамаша (*бежит за Ел. Б.*): Хлеб ешь?

Ел. Б.: Суп ешь?

Папаша: Мясо ешь? (*бежит*).

Мамаша: Муку ешь?

Антракт-катаракт

И. И.: Брюкву ешь? (*бежит*).

Ел. Б.: Баранину ешь?

Папаша: Котлеты ешь?

Мамаша: Ой, ноги устали!

И. И.: Ой, руки устали!

Ел. Б.: Ой, ножницы устали!

Папаша: Ой, пружины устали!

За сценой хор поёт мотив увертюры.

Мамаша: На балкон дверь открыта!

И. И.: Хотел бы я подпрыгнуть до четвёртого этажа!

Ел. Б.: Оторвалась и побежала!

Оторвалась и ну бежать!

Вступает музыка.

Папаша: Караул, моя правая рука и нос такие же штуки, как левая рука и ухо!

Все, друг за дружкой убегают со сцены.

Хор (*под музыку на мотив увертюры*):

До свидания, до свидания.

II – I

II – I

Наверху говорит сосна,

а кругом говорит темно.

На сосне говорит кровать,

а в кровати лежит супруг.

До свидания, до свидания.

II – I

II – I

Как-то раз прибежали мы

I – I в бесконечный дом.

А в окно наверху глядит

сквозь очки молодой старик.

До свидания, до свидания.
II – I
II – I
Растворилися ворота,
показались I – I

(Увертюра) Свет тухнет.

⑬ Радикс.

Освещен только Пётр Ник.

И. И.: Сам ты сломан
стул твой сломан.
Скрипка: па па пи па
па па пи па
П. Н.: Встань Берлином
надень пелерину.
Скрипка: па па пи па
па па пи па
П. Н.: Восемь минут
пробегут незаметно.
Скрипка: па па пи па па
па па пи
П. Н.: Вам счёт отдан
будите трудыны
взвод или роту
вести пулемёт.
Барабан: I – – I –
I – – I –
I – – I – I – I
П. Н.: Ключия летели
неделя за неделей.
Сирена и барабан:
виа-а бум, бум
виа-а-а бум

Свет постепенно становится ярче.

П. Н.: Капитанного шума парвого
не заметила сикурая невеста.
Сирена: виа, виа, виа, виа
П. Н.: Помогите сейчас помогите
надо мною салат и водица.

Полный свет.

Скрипка: па па пи па
па па пи па

Кулиса подаёт Ив. Ив.

⑭ *Классический пафос*

И. И.: Скажите, Пётр Николаевич
Вы были там на той горе?

П. Н.: Я только что оттуда,
там прекрасно.

декламация.

Цветы растут. Деревья шелестят.
Стоит избушка – деревянный домик,
в избушке светит огонёк,
на огонёк слетаются черницы,
стучат в окно ночные комары.
Порой шмыгнет и выпорхнет под крышей
разбойник старый козодой,
собака цепью колыхает воздух
и лает в пустоту перед собой,
а ей в ответ невидные стрекозы
бормочут заговор на все лады.

И. И.: А в этом домике, который деревянный
который называется избушка,
в котором огонёк блестит и шевелится,
кто в этом домике живёт?

П. Н.: Никто в нём не живёт
и дверь не растворяет,
в нём только мыши трут ладонями муку,
в нём только лампа светит розмарином
да целый день пустынником сидит на печке таракан.

И. И.: А кто же лампу зажигает?

П. Н.: Никто, она горит сама.

И. И.: Но этого же не бывает!

П. Н.: Пустые, глупые слова!

Есть бесконечное движенье,
дыханье лёгких элементов,
планетный бег, земли вращенье,
шальная смена дня и ночи,
глухой природы сочетанье,
зверей дремучих гнев и сила
и покоренье человеком
законов света и волны.

рукой

И. И. (*зажигая спичку*):

Теперь я понял, понял, понял,
благодарю и приседаю
и как всегда интересуюсь —
который час? скажите мне.

П. Н.: Четыре. Ой, пора обедать!
Иван Иванович, пойдёмте,
но помните, что завтра ночью
Елизавета Бам умрёт.

Папаша (*входя*):

Которая Елизавета Бам,
которая мне дочь
которую хотите вы
на следующую ночь
убить и вздёрнуть на сосне,
которая стройна,
чтоб знали звери все вокруг
и целая страна.

А я приказываю вам
могуществом руки
забыть Елизавету Бам
законам вопреки.

П. Н.: Попробуй только запрети,
я растопчу тебя в минуту,
потом червонными плетьюми
я перебью твои суставы.
Изрежу, вздую и верхом
пушу по ветру петухом.

И. И.: Ему известно всё вокруг,
он повелитель мне и друг,
одним движением крыла
он двигает морями,
одним размахом топора
он рубит лес и горы -
одним дыханием своим
он всюду есть неуловим

Папаша:

Давай сразимся, чародей,
ты словом, я рукой,
пройдёт минута, час пройдёт,
потом еще другой.
Погибнешь ты, погибну я,
всё тихо будет там,
но пусть ликует дочь моя
Елизавета Бам.

СРАЖЕНЬЕ ДВУХ БОГАТЫРЕЙ

На сцену выносят 2 столика.

И. И.: Сраженье двух богатырей!
Текст – Иммануила Красдайтейрик.
Музыка – Велиопага, нидерландского пастуха.
Движение – неизвестного путешественника.
Начало объявит колокол!

Голоса с разных концов зала.

Сраженье двух богатырей!
Текст – Иммануила Красдайтейрик!
Музыка – Велиопага, нидерландского пастуха!
Движение – неизвестного путешественника!
Начало объявит колокол!

Сраженье двух богатырей!

и т. д.

Колокол: Бум, бум, бум, бум, бум.

П. Н.: Курыбыр, дарамур
дыньдири
слакатырь пакарадагу
да кы чири кири кири
зандудила хабакула
хе-е-ль
ханчу ана куды
стум чи на лакуды
пара вы на лыйтена
хе-е-ль
чапу ачапали
чапатали мар
небелочина

хе-е-ль (*поднимает руку*).

Папаша: Пускай на солнце залетит
крылатый попугай,
пускай померкнет золотой,
широкий день, пускай.
Пускай прорвётся сквозь леса
копыта звон и стук,
и с визгом сходит с колеса
фундамента сундук.
И рыцарь, сидя за столом
и трогая мечи,
поднимет чашу, а потом

над чашей закричит:
Я эту чашу подношу
к восторженным губам,
я пью за лучшую из всех,
Елизавету Бам.
Чьи руки, белы и свежи,
ласкали мой жилет...
Елизавета Бам, живи,
живи сто тысяч лет.

П. Н.:

Ну-с, начинаем.

Прошу внимательно следить
за колебаньем наших сабель, –
куда которая бросает острие
и где которая приемлет направление. – удар.

И. И.:

Итак, считаю нападение слева!

Папаша (*нападая*):

Я режу вбок, я режу вправо,
спасайся кто куцы!
Уже шумит кругом дубрава,
растут кругом сады.

П. Н.:

Смотри поменьше по сторонам,
а больше наблюдай движенье
железных центров и сгущенье
смертельных сил.

Папаша поднимает рапиру и машет ей в такт декламации.

Палаша:

Хвала железу – карборунду!
Оно скрепляет мостовые
и, электричеством сияя,
терзает до смерти врага!
Хвала железу! Песнь битве!
Она разбойника волнует,
младенца в юноши выносит,
терзает до смерти врага!
О песнь битве! Слава перьям!
Они по воздуху летают,
глаза неверным заполняют,
терзают до смерти врага!
О слава перьям! Мудрость камню.
Он под сосной лежит серьезной,
из-под него бежит водица
навстречу мёртвому врагу.

П. Н. падает.

П. Н.: Я пал на землю поражён,
прощай, Елизавета Бам,
сходи в мой домик на горе
и запрокинься там.
И будут бегать по тебе
и по твоим рукам
глухие мыши, а затем
пустынник таракан.

Звонит колокол.

И. И.: Ты слышишь, колокол звенит
на крыше бим и бам.
Прости меня и извини,
Елизавета Бам.
Сраженье двух богатырей
окончено.

Петра Николаевича выносят.

* * *

⑩ *Куранты.*

Елизавета Бам (входя):

Ах, папочка, ты тут. Я очень рада,
я только что была в кооперативе,
я только что конфеты покупала,
хотела, чтобы к чаю был бы торг.

Папаша (растёгивая ворот): Фу, утомился как.

Ел. Б.: А что ты делал?

Папаша: Да... я дрова колот
и страшно утомлён.

Ел. Б.: Иван Иванович, сходите в полпивную
и принесите нам бутылку пива и горох.

И. И.: Ага, горох и полбутылки пива,
сходить в пивную, а оттудова сюда.

Ел. Б.: Не полбутылки, а бутылку пива,
и не в пивную, а в горох идти!

И. Ив.: Сейчас, я шубу в полпивную спрячу,
а сам на голову надену полгорох.

Ел. Б.: Ах, нет, не надо, торопитесь только,
а то мой папочка устал колоть дрова.

Папаша: О что за женщины, понятия в них мало,
они в понятиях имеют пустоту.

Мамаша (входя): Товарищи. Маво сына эта мержавка укоко-сыла.

Из-за кулис высовываются две головы.

Головы: Какая? Какая?

Мамаша: Ета вот, с такими вот губам!

Ел. Б.: Мама, мама, что ты говоришь?

Ив. Ив. зажигает спичку.

Мамаша: Всё из-за тебя евонная жизнь окончилась в ничью.

Ел. Б.: Да ты мне скажи, про кого ты говоришь?

Мамаша (с каменным лицом): Иих! иих! иих!

Ел. Б.: Она с ума сошла!

Папаша достает платочек и танцует на одном месте.

Мамаша: Я каракатица.

Декорации начинают вращаться из пейзажа в комнату.

Кулисы поглощают Папашу и Мамашу.

Ел. Б.: Они сейчас придут, что я наделала!

Мамаша: $3 \times 27 = 81$.

⑱ ¹⁸ Реалистический сухо-официальный

Сцена такая же, как и в начале.

Ел. Б.: Они обязательно придут, чтобы поймать меня и стереть с лица земли. Бежать. Надо бежать. Но куда бежать? Эта дверь ведёт на лестницу, а на лестнице я встречу их. В окно? (смотрит в окно). О-о-о-х. Мне не прыгнуть. Высоко очень! Но что же мне делать? Э! Чьи-то шаги. Это они. Запру дверь и не открою. Пусть стучат, сколько хотят.

Запирает дверь.

Стук в дверь, потом голос: Елизавета Бам, именем закона, приказываю Вам открыть дверь.

(Молчание.)

Пьеса была написана специально для вечера ОБЭРИУ и поставлена на сцене Дома Печати (наб. р. Фонтанки, д. 21) 24 января 1928 г. на вечере «Два левых часа» (см. примеч. к 21 наст. изд.).

Елизавета – одно из популярных женских имен в текстах Хармса (см. 141, 182, 452, 678 и др. наст. изд.).

Иван Иванович – см. примеч. к 2 наст. изд. Хармс впрямую указывает на гоголевские ассоциации: см. его помету *Бобчинский* в сценическом вар., а также цитаты из «Ревизора».

вы забывдка – олицетворяет верность.

А вы тюльпан – олицетворяет счастье и любовную страсть.

Вот вспыхнуло утро – начало популярного в предреволюционные годы романа «Чайка».

под фарлушкой – И. Бахтерев вспоминал о том, что слово придумано им для обозначения предмета, не имеющего какого-либо специализированного назначения (И. Бахтерев. Когда мы были молодыми // Воспоминания о Н. Заболоцком. Изд. 2-е. М., 1984. С. 91).

Покупаю птицу ∞ это не птица – реминисценция из басни гр. А. С. Хвостова «Два голубя».

47. *Меня называют капуцином.* С. 16–17.

Первоначальное имя и фамилия персонажа – Петр Петрович Токин. Отметим, что Александр Иванович – нередкое сочетание имени и отчества в текстах Хармса, объясняемое, по-видимому, и тем, что так звали ближайшего друга Хармса А. И. Введенского, а фамилию Дудкин носит персонаж романа «Петербург» А. Белого, писателя, чье творчество было в круге интересов Хармса.

48. *Собрание произведений.* Кн. 2. С. 151.

Заглавие идентично заглавию поэмы В. Хлебникова и отличается лишь характерным хармсовским «смещением» – переносом ударения в первом слове (см. примеч. к 23 наст. изд.).

49. *Полное собрание сочинений.* Т. 1. С. 76.

возбуждающую смесь – затрудняемся указать, к кому из друзей (подруг), проживавших на Коломенской ул., д. 7, обращен призыв Хармса, но очевидно, что речь идет о нюхании эфира, практиковавшемся в этом кругу (см. 63, 358 наст. изд.).

50. *Полное собрание сочинений.* Т. 1. С. 77.

51. *Собрание произведений*. Кн. 1. С. 31–33. Печ. по списку Г. Гора.

По сведениям И. Бахтерева, Хармс читал это стихотворение на вечере «Три левых часа» (*Собрание произведений*. Кн. 4. С. 186).

Медведь-генерал вызывает ассоциации с «Генералом Топтыгиным» Н. Некрасова.

приготовь резеду – символическое значение этого «эротического» цветка: нежность и кротость.

52. *Ёж*. 1928. № 1. С. 28–29.

Первое из опубликованных стихотворных произведений Хармса для детей.

Иван Иванович Самовар – ср. с 43 наст. изд. и примеч. к 2. Таким образом, этот текст – очевидная смысловая инверсия к 2, где, наоборот, Ивану Ивановичу не дают.

Пыхал паром кипяток – ср.: «бьётся в чашке кипяток» (122 наст. изд.).

53. *Ёж*. 1928. № 1. С. 3–14. Печ. по тексту (дополненному) отд. изд. (М., Л., 1928) с воспроизведением подписи журнальной публ.

Первое из опубликованных прозаических произведений Хармса для детей.

Возможно, в наст. тексте отразились воспоминания Хармса о недавнем периоде учебы в Электротехникуме.

Иван – см. примеч. к 2 наст. изд.

Мария – см. примеч. к 30 наст. изд.

Пнёв – см. 420 наст. изд.

54. *Ёж*. 1928. № 2. С. 21. Печ. по автографу (несомненно, для публикации в детском журнале текст подвергся правке в соответствии с грамматическими нормами, что лишило его характерных хармсовских «неправильностей»).

По свидетельству И. Бахтерева, фамилия персонажа была первоначально его собственным псевдонимом (И. Бахтерев. Когда мы были молодыми // Воспоминания о Н. Заболоцком. Изд. 2-е. М., 1984. С. 80). В дальнейшем Иван Топорышкин стал одним из постоянных персонажей журнала «Ёж», но степень участия Хармса в создании других текстов не ясна. Можем

лишь указать на сохранившийся фрагмент автографа Хармса с нижеследующим текстом:

Иван Тапорышкин подошёл к Макару Свирепому и сделав таинственное лицо сказал:

«Теперь мы приедем очень скоро. Я всё привёл в порядок».

«То есть как в порядок?» – удивился Макар Свирепый.

<Май-июнь 1929>

Иван – см. примеч. к 2 наст. изд.

Отметим, что *Макар Свирепый* – псевдоним Н. М. Олейникова (см. 199, 204, 399, 418, 529 наст. изд.).

55. *Ёж*. 1928. № 2. С. 1–11. Печ. по тексту отд. изд. (М.; Л., 1930) с измененным заглавием и дополнениями.

Павел Иванович – кажется, что имена гоголевских персонажей постоянно присутствовали в сознании Хармса.

Константин Константинович – таких «двойчаток» множество в текстах Хармса, и они же являются одним из характернейших признаков гоголевской поэтики наименований персонажей (см. примеч. к 2 наст. изд.).

Пэркиля! – *закричали туземцы* – финское ругательство; таким образом, выясняется, что «туземцы» – это финны, в действительности аборигены этих мест.

56. Печ. впервые.

Обращено к Э. А. Русаковой (см. примеч. к 3 наст. изд.) *creboy* – вероятно, испорченное *crybaby* – плакса (англ.).

57. Печ. впервые.

Обращено к Э. А. Русаковой (см. примеч. к 3 наст. изд.). с *Михаилом* – так звали первого мужа Э. Русаковой (см. примеч. к 4 наст. изд.).

58. *Собрание произведений*. Кн. 1. С. 59.

59. *Ёж*. 1928. № 7. 4 с. обл.; № 8. 4 с. обл.

Один из множества хармсовских рекламных текстов.

60. *Ёж*. 1928. № 8. С. 28.

Иван Петрович – см. также 165, 345, 454 наст. изд.

61. *Собрание произведений*. Кн. 1. С. 60.

62. *Избранное*. С. 222.

Первоначальные фамилии персонажей соответственно: Степанов и Малахов. Хармс заменил их на более излюбленные им (см. 266 и 345 наст. изд.).

63. *Избранное*. С. 224-226.

Осса – лесистая гора, составляющая вместе с Олимпом горную цепь (Словарь античности. М., 1992. С. 402). В соответствии с описанной в «Одиссее» Гомера историей стало употребляться в значении: совершить грандиозную работу с незначительным результатом.

Тамара Александровна Мейер (1903–1982) – одноклассница А. Введенского по гимназии, ставшая впоследствии его гражданской женой. В 1931 г. вышла замуж за Л. Липавского (см. вступит. статью). Была одной из постоянных участниц дружеского общения Введенского, Липавского, Хармса и др.

Сидит и нюхает ладонь – см. примеч. к 49 наст. изд.

Михаилы начали расти – см. примеч. к 4 наст. изд.

64. *Летят по небу шарики*. С. 195–204 (контаминация нескольких вариантов незавершенного текста).

В автографе обширная правка и вычеркивания синим и красным карандашом. В настоящей публикации, во имя связности текста, приходится воспроизвести несколько зачеркнутых Хармсом фрагментов. Вместе с тем приводим здесь наиболее крупный самостоятельный фрагмент, вычеркнутый Хармсом.

...не удастся занять ущелья – далее следует:

Но вдруг с задней парты поднялась рука.

– Свистунов, – сказал учитель немецкого языка, – ты зачем руку поднял?

– Позвольте выйти, товарищ учитель, – сказал Свистунов.

– Иди, – сказал с раздражением учитель и, повернувшись к доске, стал пояснять, как образуется прошедшее время глаголов.

Свистунов пошёл к двери, нагло поглядывая на Галлапуна. Свистунов был товарищем Гришки Тулонова и самым сильным из бледнолицых. Если он займёт Ущелье до конца урока, то придётся в эту же перемену начинать войну, не обсудив военных действий. Остаться без подзорной трубы и без ущелья, это

позор индейцам и торжество бледнолицым. А Свистунов уже вышел из класса.

Галлапун вскочил со своего места, чтобы кинуться за Свистуновым, но Чин-гак-хук удержал его за руку.

– Постой, – сказал Чин-гак-хук, – когда учитель отвернётся к доске, ты незаметно под партой подползи к двери и беги за Свистуновым.

Учитель же, как нарочно, стоял лицом к классу и говорил о неправильных глаголах.

– Товарищ учитель, разрешите мне выйти, – закричал Галлапун, не вытерпев ожидания.

– Да вы что? – удивился учитель, – один за другим. Сейчас будет звонок и тогда иди, а пока сиди себе на месте.

– Не могу ждать. Пустите, товарищ учитель, – умоляющим голосом сказал Галлапун.

– Ну ладно, иди, но смотри: завтра я спрошу тебя урок и чтоб ты знал!

Галлапун не слушал, что говорит ему учитель. Он кинулся к двери и выскочил в залу. Тут он бегом пустился к Ущелью Бобра. У шкапов с физическими приборами стоял Свистунов. Галлапун, увидев Свистунова, остановился и тяжело дыша от быстрого бега, уставился в лицо бледнолицего врага. Оба молчали, смотря друг на друга с грозным видом. Свистунов был выше Галлапуна и шире его в плечах. Но Галлапун славился своей ловкостью и цепкими пальцами, а Свистунов знал это и молча стоял, сжав свои кулачища.

– Ущелье Бобра принадлежит нам, – сказал Галлапун, трясясь от напряжения.

– Кому это вам? – спросил Свистунов, хмурия брови.

– Нам индейцам, – сказал Галлапун.

– А мне плевать на индейцев, – сказал Свистунов и хихикнул.

– Если ты сейчас же не уйдешь отсюда, то я...

Галлапун не знал, что и сказать, и замолчал.

– Ты не треплись, – сказал Свистунов, боком подходя к Галлапуну, – и ступай-ка обратно в класс.

Свистунов совсем близко подошёл к Галлапуну и даже касался его своим плечом. Галлапун не пошевелился и только не спускал глаз с правой руки Свистунова.

– Я отсюдава никуда не уйду, – сказал Галлапун.

– Нет уйдёшь, – проревел Свистунов, толкая плечом Галлапуна.

– Пожалуйста, не толкайся, – сказал Галлапун и оттолкнул Свистунова.

Свистунов подался плечом назад, но ноги его остались на месте.

– Ты ещё сам толкаться вздумал! – крикнул Свистунов и так толкнул Галлапуна, что тот на два шага отскочил в сторону. Галлапун взмахнул руками, чтобы не потерять равновесия, и кинулся к Свистунову.

– Пусти меня в ущелье! – крикнул он, хватая Свистунова за плечо. Но Свистунов резким движением вырвался из рук Галлапуна и прыгнул к входу в ущелье.

– Пошёл вон! – сказал он и встал в позу боксёра.

Но недаром Галлапуна звали именно Галлапуном, Звериным прыжком! Не успел Свистунов и глазом моргнуть, как Галлапун уже обхватил руками его шею и гнул её книзу. Руки Свистунова болтались по воздуху, стараясь поймать Галлапуна, но все усилия были напрасны. Галлапун извивался всем телом и с каждой секундой всё ниже и ниже пригибал Свистунова. И вдруг оба повалились на пол! Падая, Галлапун разжал свои руки и в тот же момент был сдавлен как тисками. Теперь он был во власти бледнолицего силача. Никакая ловкость не могла освободить его от этого железного объятия. Галлапун чувствовал, что ему не хватает воздуха, но всё ещё крепился, не желая сдаваться перед Свистуновым. Свистунов сопел, как медведь под самым ухом Галлапуна, и Галлапун слышал, как это сопение перешло в какой-то рокот, будто со всех сторон хлопали дверями и топали ногами. Шум всё рос, но в глазах Галлапуна пошли чёрные круги. Он напряг последние силы и вдруг совершенно неожиданно почувствовал облегчение.

Кругом, куда ни глянешь, виднелись ноги и руки, всё быстро двигалось и толкалось. Галлапун ещё не успел притти в себя и смотрел с удивлением вокруг. Кто-то помог Галлапуну встать на ноги и подойти к шкафу.

– Стой здесь, а я пойду нашим на помощь, – сказал ему голос Чин-гак-хука.

Только тут Галлапун догадался, что наступила перемена и подоспевшие индейцы стащили с него ошалевшего Свистунова. Теперь шёл бой за овладение Ущельем Бобра. Индейцы оттеснили бледнолицых и Ущелье на этот раз осталось в руках у индейцев. Галлапун увидел среди противников Свистунова и, стыдясь своей слабости, кинулся в самую гущу сражения. Первым у ущелье вошёл Чин-гак-хук.

– Ой-гоге! – крикнул он оттуда.
– Вперед, ребята! – крикнул ему в ответ Гришка Тулонов.
– Ура! – поддержал Тулонова Свистунов и бледнолицые с новыми силами полезли к входу в ущелье.

Этого индейцы не ожидали, и неизвестно, чем бы всё кончилось, но над всем этим шумом раздался крик часовых:

– Сова летит! Сова летит!

Это значило, что приближалась опасность со стороны преподавателей или заведующего школой.

В одно мгновение бой утих. Свиные лица воинов превратились в самые невинные рожицы. Свистунов из грозного силача бледнолицых превратился в обыкновенного пятнашку и краснокожие индейцы рассыпались в разные стороны, вдруг испугавшись Свистунова.

По коридору прошёл Петр Иванович, учитель арифметики, и, посмотрев на весёлую игру мальчишек, улыбнулся.

Пирогов – см. примеч. к 43 наст. изд.

65. *Ёж*. 1928. № 10. 4 с. обл.

Ваня – см. примеч. к 2 наст. изд.

66. *Ёж*. 1928. № 11. С. 16–19. Печ. по отд. изд. (М.; Л., 1929) с воспроизведением подписи журнальной публ.

ведут по улице слона и далее – сцена из басни И. Крылова «Слон и Моська».

67. *Собрание произведений*. Кн. 1. С. 51–54. Печ. по списку Г. Гора.

68. *Ёж*. 1928. № 12. С. 28.

69. *Ёж*. 1928. № 12. С. 11–16. Печ. по отд. изд. (М.; Л., 1929).

Топографию маршрута «путешествия» старушки едва ли можно точно установить, но несомненно, что конечный пункт – это редакция «Ежа», помещавшегося по адресу: пр. 25 Октября, д. 28 (см. примеч. к 28 наст. изд.).

70. *Собрание произведений*. Кн. 1. С. 68.

71. *Отд. изд.* (Л., 1928).

Банька – см. примеч. к 2 наст. изд.

72. *Собрание произведений*. Кн. 1. С. 69–71. Печ. по списку Г. Гора.

Предполагается наличие аллюзии на поэму поэта-футуриста В. Каменского «Полет Васи Каменского на аэроплане в Варшаве» из его кн. «Танго с коровами» (М., 1914).

дай взгляну через кулак – жест, связанный с профессиональным рассматриванием живописных произведений.

73. *Собрание произведений*. Кн. 1. С. 142.

74. *Собрание произведений*. Кн. 1. С. 72.

75. *Собрание произведений*. Кн. 1. С. 73.

пристала к пуделю рука – с пуделем традиционно ассоциируется нечистая сила.

херувимскую поёт – духовная песнь православных христиан.

76. *Собрание произведений*. Кн. 1. С. 143–148.

В автографе зачеркнуто продолжение:

Ананан – Почему это здесь мусор?
 Зачем дерево не на месте?
 Чей это сапог валяется?
 Где тут у вас колодец?
 Всюду всюду беспорядок
 всюду виден сор и хлам
 Змеи ходят между грядок
 Всё театр. Где-же храм?

Ку – А вот пожалуйста сюда
 по ступенькам осторожно
 о порог не спотыкнитесь
 Не запачкайте рукав.
 Тут прихожая с камином
 открывается очам
 из дверей в плаще орлином
 Тарфик ходит по ночам
 Заворачивает в двери
 стучит логтём о косяки
 над ним вьется легкий пери

за ним ходят босяки
Пери – это вы начальник
босяки-же – это души
Тарфик – это зверь первоначальный

Ананан – Почеши мне Ку мои уши.

Ку – Извольте. Вижу прыщик
на затылке Вашем я
может срезать этот прыщик
хочу циркульником быть Вашим я.

Ананан – Режь мне его не надо
У меня на животе их целые тысячи
есть и маленькие есть и побольше
а есть такие как кулак.
А этот прыщик, просто так.

Ку - Фе
ме
дкхре.
Срезал

Ананан – А теперь обратно прикрепи

Ку – –Лю

Ку – возможно, образовано по созвучию с именем древне-египетского царя Ка (см. также 312 наст. изд.).

Шу – древнеегипетский бог воздушного пространства (не этим ли объясняется его материальное отсутствие в тексте?).

гортань согласными напряжена – по-видимому, подразумеваются отсутствие в египетском письме знаков для гласных звуков.

Шкап соединение трех сил ∞ особенно спины, мышечных рыльц – против этих стихов в автографе помета Хармса: «За эти строчки мне стыдно, но я их пока не переделываю».

часословы – церковно-богословская книга, содержащая постоянные на каждую часть дня молитвы.

77. *Полет в небеса*. С. 298–307.

Над текстом зачеркнуто первоначальное заглавие: «Человек и ещё несколько других».

...а тут уже о суставах – далее зачеркнуто:

Это идёт ямбом. Так.

– / – / – / – /
– / – / – / – / –
– / – / – / – /

Значит:

О почка почка почка почка
с каких далёких времян
твоя сносила оболочка
и жаром выстеган покров
в тебе скопляется отвага
и по трубе бежит в пузырь
как речка вьётся из оврага
твоя раскошная моча
Это видите-ли я по научному выразился.

Андр. Сем. – Понимаю, Понимаю.

Петру Павловичу надоело ждать и они запели

– Голова

За текстом перечеркнутое продолжение:

Часть вторая

Разговор ведётся от двух предметов. Один предмет похожий на мышеловку, а другой сабля.

Кирилл Сабля – Ах как пусто
Нет ни души
мы с тобой живём в глуши
в полночь тикает метёлка
спит кузнечек-вельзевул

Мышеловка – Это верно спит ведёрко
гуси дремлют на шесте.

Кирилл Сабля – Помню сечи. Мы рубили
всяких немцев и татар
шли солдаты. вон харчевня
дом направо – лупанар

Мышеловка – А теперь мы в этом хламе
всеми покинуты лежим
паутина лишь над нами.

Кирилл Сабля – Мышеловка, убежим!

Мышеловка – Я же бегать не могу
я-же старенькая, сабля.
Ты, конечно, дело другое
только силы набери
как пойдешь скакать по камням
заиграет в тебе кровь
закипит в тебе железо
оборвутся ремашки.

Кирилл Сабля – Мышеловка досвиданья,
Трижды бабушка прощай!

**Профессор
Тартарелин,
почтенный
старик**

– Что-то мне послышались чьи-то голоса.

Мышеловка – Нет, что вы! здесь никого не было!

Профессор – Однако я слышал совершенно отчётливо,
как тут кто то тут разговаривал.

Мышеловка – Сами посудите, кто же мог тут разговаривать.

Профессор – Вот я и сам не понимаю. (Задумывается на
15 секунд). Ничего не понимаю! (смотрит подо-
зрительно на мышеловку, потом идёт к ней на
цыпочках). А здаётся мне, милейшая мыше-
ловка, что это говорили – ВЫ!

Мышеловка – *(сконфуженно)*
Что вы, что вы, профессор!

Профессор – Да-с, дорогая моя, вы хоть и мышеловка а всё
же говорили. Меня не проведёте. Да вы вон и
покраснели даже.

Мышеловка – *(пытается ответить, но будучи предметом,
просто молчит).*

Профессор – Ну что же вы молчите? А? Верно? Попались?
Да вы не молчите так, вы погромче! Что? а?!

Ваня Иванов
(ассистент) – Профессор, вы этим ухом ничего не услышите, оно у вас на щеке. Звук через ухо попадает прямо в зуб. Вы другим ухом попробуйте.

Профессор (прислушивается другим ухом)

Ваня Иванов
(ассистент) – Нет профессор, и так вы ничего не услышите, мышеловка не имеет право разговаривать.

Профессор – Почему?

Ваня Иванов
(ассистент) – Потому что сами посудите, если мышеловка будет говорить, то какая-же мышь пойдёт в неё?

Профессор
задумался – Нет, – сказал он, – мышеловка должна говорить. Ведь вы-же говорите, а почему мышеловка не смеет?

Ваня Иванов
(помощник
профессора) – Затем не смеет, что не может увы! Она простая клетка.

Андрей Семёнович – см. также 280, 621 наст. изд.

Пётр Павлович – см. примеч. к 35 наст. изд.

Guten Morgen – доброе утро (нем.).

к профессору Тартарелину – ср. с Тартальей, персонажем комедии дель арте, скорее всего известным Хармсу из пьесы К. Гоцци «Принцесса Турандот».

откусили ему ухо – ср. с аналогичными «литературными» происшествиями: у Гоголя в «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» и в «Бесах» Достоевского. Стоит учесть также акцентирование этого мотива в «Петербурге» А. Белого.

Моя рана горит и исходит соком – парафраз «Балаганчика» А. Блока.

зальёт её коллодием – медицинское средство для залечивания ран.

Английский крематорий – возможно, каламбур: в 1925 г. в Ленинграде на Английском пр. (так назывался до 1923 г.; затем: пр. Маклина – в честь английского социалиста) был открыт крематорий.

Hoch – здесь: выше (нем.).

В варианте продолжения:

Ваня Иванов – см. примеч. к 2 наст. изд.

78. *Собрание произведений*. Кн. 1. С. 180.
Автограф зачеркнут.

79. *Детская литература*. 1985. № 12. С. 38.

80. *Собрание произведений*. Кн. 1. С. 75–76.
Зачеркнутые варианты:

<1>

Блуждала белая овца
Ходила по полю овца
смотрела под ноги себе
верёвки путала в ногах
мячом скакала по ногам
Кричала по полю совой
а ноги прыгали в перёд
глаза молочные бегут
блуждает белая овца
ск<?> белая овца

<2>

гуляет белая овца
за ней хромает козерог
он в белой шапке с бородой
в лохматой сумке как змея
стоит на пастбище как дом
внизу река, а сверху дом
а сбоку мы кругом земля
над нами солнце с бородой
а выше белая овца
гуляет белая овца.

Возможно, Овца (Овен) и Козерог могут идентифицироваться с персонажами одного из пророческих видений пророка Даниила из библейской «Книги пророка Даниила».

81. *Полное собрание сочинений*. Т. 1. С. 93.

Тётя крёстная Наташа – см. примеч. к 29 наст. изд.

82. *Время и мы*. 1980. № 53. С. 182–191.

83. *Меня называют капуцином*. С. 11.

84. *Ёж*. 1929. № 6. С. 24–25. Печ. по отд. изд. (М., 1930).

85. *Собрание произведений*. Кн. 1. С. 197–198.
Автограф зачеркнут.

Приводим другой (тоже зачеркнутый) вариант:

Один старик смотрел на небо
и всё искал знак воскресенья
на нём сюртук висел беспомощно
вокруг дрожало землетрясение.
дома построенные рукой
рассыпались как букашки
вода катилась над рекой
в лугах раскачивались ромашки
Между тучь мелькнула птица
с очками на носу
у старика выпала ресница
и затерялась в лесу.
Это знак большой культуру

86. *Собрание произведений*. Кн. 1. С. 77.

87. *Собрание произведений*. Кн. 1. С. 78–79.
После: *поздно в бурю до утра* – зачеркнуто:

Папа – Если я нечаяно слышу
вдоль руки пустые бредни
от полов бегу на крышу
я на холм скачу передний
там для Бога не далёко
я стою прямя воду

Крюгер – возможно, мотив «наблюдения» отсылает к имени немецкого астронома Адальберга Крюгера. См. также 43 наст. изд.

88. *Собрание произведений*. Кн. 1. С. 153–154.

В автографе незавершенный и зачеркнутый вариант окончания:

Фома (кричит) – Доктор, вы совсем как река!

Доктор двинул головой
посмотрел в Фому свирепо
Сквозь бульжник столбовой.

Фома (кричит) – Доктор где-же тётя Катя
Гдеже ваши колпаки
Гдеже доктор ваше платье
где же ваши кулаки?

Доктор Матрёна – В том то и дело что кулаки я закопал.

Фома –

Доктор Матрёна – Ведь я тоже путеводный
Ах вы стали надсмехаться
Я вам это не прощу

Доктор Матрёна – Фома Фома шестипал
Землекопом я зовусь
руки в землю закопал
и тебя я не боюсь

Фома плюнул в колокольню и сошел

89. *Искусство Ленинграда*. 1990. № 11. С. 71.

Автограф зачеркнут.

Диалог в этом тексте ср. с диалогом двух мужиков в «Мертвых душах» Гоголя по поводу колеса брички.

90. *Собрание произведений*. Кн. 1. С. 158.

91. *Собрание произведений*. Кн. 1. С. 80–83.

После ст. 75 следуют четыре стиха, обведенные Хармсом, с вопросительным знаком против них:

В него кинули яму помойную
а он сказал: всё будет по моему
В него кинули усадьбу и имение
а он сказал: Я останусь при своём мнении.

Наша месья ∞ слепота – см. 141 наст. собр.

92. *Собрание произведений*. Кн. 1. С. 159.

93. *Собрание произведений*. Кн. 1. С. 160.
Ст. 1–3 ср. со ст. 19–20 в 94 наст. собр.

94. *Собрание произведений*. Кн. 2. С. 3–4.
Текст имеет в автографе иное начало (зачеркнуто):

Архимед сажаясь в ванну
произнёс:
вода чиста
но когда я вылезу из ванну
то вода будет грязна:
в ней скопились инфузории
я их сейчас раздавлю
коли сяду тяжело
плюхнусь в воду
упаду.

Против этих стихов также зачеркнутый текст:

Покидав свои одежды
ловко в воду влез Ахмет
Да, забудь свои надежды
молвил старче Архимед

После ст. 18 зачеркнуто:

Ну давай брат экспериментировать
сказал Архимед вновь довольный
предположим ты мотыга
я же камень краеугольный.
Нет, сказал Махмет, я буду
лучше дом изображать
а вы изобразите болото,
значит под водой лежать.

Г м , – промолвил муж учёный,
Я задохнусь под водой
лучше ты прекинись драчёной,
а я тебя съем с головой.
Впрочем довольно!
Что за шалости!
Бить и гнать
надо этого негодяя
безо всякой жалости.
Эй Махмет!
неси мочало.
мыло дай сюда махмет!
крикнул тря свои чресала
в ванне сидя Архимед.

После ст. 22 зачеркнуто:

Я чувствую во всём теле
блаженную сладость
я чувствую будто в самом деле
обрёл я новую младость
даже в брёхе ощущаю
не земную легкоту
буд-то телом я качаю
как снежинка на лету
Аще жизни бысть начало
возвратися сладкий мед!
вдруг воскрикнул тря чресала
в ванне сидя Архимед.
тру в пределах поясницы
эй махмет подай кувшин
тут махмет подобно спице
прыг из ванны как аршин.
вот к примеру

знаменитейших особь – вместо зачеркнутого: формалистов, белых вшей; *формалистами в особь* – вместо зачеркнутого: к ним искусство не пришей.

Стихотворение идентично наименованию проектировавшего в 1929 г., но не вышедшего в свет Альманаха, в котором должны были объединиться поэты, прозаики и литературоведы «под знаком литературного изобретательства и эксперимента-

торства» (из заявки Б. Эйхенбаума в издательство); (см. 98 наст. изд.).

Архимед (ок. 287–212 до н. э.) – античный математик и физик.

В наше время нет вопросов // каждый сам себе вопрос – ср. ст. 1–3 в 93 наст. изд.

В вариантах:

блаженную сладость ∞ обрёл я новую младость – парафраз стихов из нескольких текстов Пушкина («Евгений Онегин», «Дева» и др.).

95. *Ёж*. 1929. № 10. 3 с. обл. (повторено в № 11 и 12).

В авторской машинописи вариант ст. 21: «Как разбойник ночной».

96. *Ёж*. 1929. № 12. С. 5–7. Печ. по тексту отд. изд. (Игра. М., 1930) с сохранением заглавия, конечного «всё», подписи и даты автографа.

97. *Полет в небеса*. С. 73–76.

В процессе работы над текстом Хармс изменил первоначальные фамилии персонажей: Ляполянов – был Лядов; Гуриндурин – Петров; Плотник – Винтер.

Настоящий текст открывает составленный Хармсом впоследствии сборник квазинаучных произведений, объединенных разносторонней трактовкой свойств окружающего мира и возможностей его познания человеком (в итоге отрицающих претензии современной науки на свою универсальность). См. также 102 наст. собр.

вершок – мера длины, равная 4,44 см.

Шагами измеряют пашни, // а саблей тело человеческое, // но вещи измеряют вилкой – предполагается, что в качестве эталонов мер здесь подразумеваются детали картин Малевича «Авиатор» и «Англичанин в Москве» (см. примеч. к 31 наст. изд.).

сажень – мера длины, равная 213,36 см.

98. *Собрание произведений*. Кн. 2. С. 8–12.

Первоначальное заглавие: «Тюльпанов» (зачеркнуто).

Стихотворение было включено Хармсом в проектировавшийся сборник «Ванна Архимеда» (см. примеч. к 94 наст. изд.).

Предполагается, что содержание стихотворения соотносится с октябрьским наводнением 1929 г. в Ленинграде.

Тюльпанов – см. также 62 наст. изд. Обыгрываемая здесь «цветочная» фамилия является, вероятно, реминисценцией из «Села Степанчикова...» Достоевского, где «сочиняющий» крепостной Видоплясов придумывает себе более благозвучную фамилию – Тюльпанов. Возможна также опосредованная (через В. С. Соловьева) аллюзия на К. Пруткову.

99. *Собрание произведений*. Кн. 2. С. 5.

Первоначальные (зачеркнутые) варианты существительных: ст. 1 – природа; ст. 2 – деревья; ст. 3 – камни; ст. 6 – ребята; ст. 7 – театры; ст. 8 – журналы; ст. 9 – искусство.

100. *Собрание произведений*. Кн. 2. С. 156.

Слева от текста в автографе записан неоконченный и не-зачеркнутый текст, место которого определить затрудняемся:

Приди!
зовёт её вращая спицы
поэт идущий впереди

Она – Кто ты?
Я думала ты воин
идешь расстреливать врагов
как ночь стихаешь перед боем
и снова дуешь в дырку рогов
сзывая кличем

склонилась дева как лилея – т. е. лилия, символизирующая девственность.

101. *Собрание произведений*. Кн. 2. С. 6–7.

После ст. 8 зачеркнуто:

их ловят червяком
и грункой, лесой
и сортируют шук
там чешуей скользит прелестной

Содержание стихотворения соотносится с октябрьским наводнением 1929 г. в Ленинграде.

Гельголанд – маленький скалистый остров в Германии.
наши воды лезут в трубы – ср. с 102 наст. изд.

102. *Neue russische Literatur: Almanach*. 1979–1980.

Текст включен Хармсом в сборник квазинаучных произведений (см. примеч. к 97 наст. изд.).

рабочее и нерабочее время – ср. с 101 наст. изд.

Гибель уха – слепота – автоцитата (см. 91 наст. изд.).

Сон Козьмы Пруткова – имеется в виду следующее место из одного из любимейших Хармсом авторов: «<...> в ночь с 10 на 11 августа 1825 г., возвратясь поздно домой с товарищеской попойки и едва прилегли на койку, он увидел перед собой голого бригадного генерала, в эполетах, который, подняв его с койки за руку и не дав ему одеться, повлек его молча по каким-то длинным и темным коридорам <...>» (Козьма Прутков. Полн. собр. соч. М.; Л., 1965. С. 332–333).

«*Время – мера – мира*» – заглавие книги В. Хлебникова (Пг., 1916). См. примеч. к 23 наст. изд.

103. *Собрание произведений*. Кн. 2. С. 13–14.

После ст. 12 зачеркнуто:

дни проходят счётом шесть
под руками гнётся жёсть
над людьми поёт свисток
объявляет ровно всем
день делимый счётом семь.

В стихотворении нашла отражение попытка введения четырехдневной рабочей недели со скользящим (пятым) выходным днем.

104. *А. Введенский*. Полн. собр. соч.: В 2 т. Анн-Арбор, 1980–1984. Т. 1. С. XIX–XX.

105. *Собрание произведений*. Кн. 2. С. 15.

Посвящено Г. Н. Леман-Соколовой (см. также 109 наст. изд.), жене художника П. И. Соколова (см. 198, 204 наст. изд.).

106. *Собрание произведений*. Кн. 2. С. 17.

После ст. 15 зачеркнуто:

встает из оврага
большая бумага
бела и невинна
над черепом кружится
перед нами ложится

1930

107. *Полное собрание сочинений*. Т. 2. С. 19–20.

Первоначальная фамилия Кантова – Лампов (см. 104 наст. изд.). Обращают на себя внимание «духовные» фамилии персонажей.

по Гусеву переулку – с 1952 г. пер. Ульяны Громовой, находящийся недалеко от места проживания Хармса и вблизи Мальцевского (Некрасовского) рынка (см. 580 наст. изд.).

108. *Чиж*. 1930. № 1. С. 10–13.

Написано совместно с С. Маршаком.

В автографе: иной текст после 1 строфы –

чиж на подушке
чиж на кадушке
чиж на скамейке
чиж на полу
чиж под буфетом
чиж за портретом
чиж на кровати
чиж под столом

и не вошедшая в журнальную публикацию 2 строфа –

Нынче на пасху
затяли пляску
сорок четыре
веселых чижа
чиж в рукавичках
чиж в черевичках
чиж в полуш<убке>
чиж в колпаке
чиж в кацавейке
чиж в бумазейке
чиж в макинтоше
чиж в пиджаке

6-й *Ленинградский детдом*, которому посвящено стихотворение, находился по адресу: Фонтанка, д. 36, вследствие чего возможна аллюзия на известную песенку «Чижик-пыжик».

109. *Собрание произведений*. Кн. 1. С. 131 и 211–212.

В автографе помета Хармса: «Хватит (плохо выходит)».

Вариант начала (перечеркнут)

вам не хватит ваших полок
руки ставить отдыхать
миг недолгий станет долог
перпендикулем махать.
вы проскачите Галина
сидя в бане возле нас
ваша груглая далина
в окруженьи малых глаз
ваши свежие ланиты
нам напомнят молоко
зубы мелкие разбиты
друг от друга далеко
вашь Галина хвостик вкусный
в твёрдый кинем подстаканник
голосок Галины грустный
мы услышим в телефон.
Обождите нас Галина
с наступлением зимы
на катке с тобой Галина
на коньках поедем мы.

2 января 1930 года.

По воспоминаниям киносценариста А. Разумовского, входившего в ОБЭРИУ, на Фонтанке, вблизи Аничкова моста, находился каток (см. примеч. к 21 наст. изд.).

Обращено к Г. И. Леман-Соколовой (см. также 105 наст. изд.).

110. *Slavica Helvetica*. Vol./Band 41. S. 254.

111. *Собрание произведений*. Кн. 2. С. 19–20.
После ст. 20 зачеркнуто:

Давай те же сядем на наших коней
и в тучу вомчимся летучих камней
только б наши перелины
не слетали б с наших плечь
наши бы очи орлины
девичьи сердца продолжали бы жечь

Под текстом зачеркнут, по-видимому, вариант окончания, имеющий, в свою очередь, правку:

Од. Бедуин: Гдеж ты птичка соловей
ты крылатый муравей
ты на дереве сидел
и в пустыню ты глядел
муравей со свистом ты
ты падаешь на плиту
ты летишь в пустырь Сахару
пропадаешь на лету
лучше путь ворочай круг
нето в песок тебя перетрут.

Хор: Эх ухнем по песку
расшвыряем глухую тоску!

4 января

Отмечается реминисценция из «Бесов» Пушкина.

112. *Собрание произведений.* Кн. 2. С. 130.

113. *Собрание произведений.* Кн. 2. С. 132.

114. *Собрание произведений.* Кн. 2. С. 133.
Автограф зачеркнут.

115. *Собрание произведений.* Кн. 2. С. 22.

116. *Собрание произведений.* Кн. 2. С. 21.

Стихотворение написано накануне дня памяти непорочной Агнии – возможно, к нему отсылает экзотическое имя в тексте. Это первый из «мельничных» текстов Хармса, интерпретирующих мотив девственности/распутства (см. также 192, 201 и примеч. к 156 наст. изд.).

117. *Собрание произведений.* Кн. 2. С. 134.
Ахилл – один из героев Троянской войны.

118. *Собрание произведений.* Кн. 2. С. 23.

119. *Собрание произведений*. Кн. 2. С. 135.
Ну ка выбегу Маруся – один из вариантов излюбленного Хармсом имени Мария (см. примеч. к 30 наст. изд.).

120. *Собрание произведений*. Кн. 2. С. 24.
Отмечена насыщенность текста цитатами и парафразами из Библии, Пушкина и Хлебникова.

121. *Собрание произведений*. Кн. 2. С. 25.
В одном из автографов вариант заглавия: «Пробуждение элементов».

122. *Поэзия: Альманах 14*. М., 1975. С. 287.
После ст. 14 зачеркнуто:

Мухи: Там за флигелем стоит
Вася Тыкин, великан
Что на сердце он таит
Знает Свечкин и Катган.

Геба – в греч. мифологии богиня юности.

123. *Собрание произведений*. Кн. 2. С. 28–29.
Ветер дул, текла вода // Пели птицы. Шли года – ср. 352 наст. изд.

124. *Собрание произведений*. Кн. 2. С. 30.
чинарь Введенский – см. вступит. статью.

125. *Собрание произведений*. Кн. 2. С. 32–33.

126. *Собрание произведений*. Кн. 2. С. 137.
В автографе помета Хармса: «Плохо, а потому брошено. Д. Х.»

127. *Собрание произведений*. Кн. 2. С. 138.

128. *Собрание произведений*. Кн. 2. С. 34–35.
Ср. с картиной П. Филонова «Безрукие».

129. *Собрание произведений*. Кн. 2. С. 31.
В автографе помета Хармса: «Считаю, что очень плохо написано. Да и всякий это сочтёт».

130. *Собрание произведений*. Кн. 2. С. 36.
периферация – от лат. *perforare*: пробивать, делать отверстие.

131. *Собрание произведений*. Кн. 2. С. 36–38.
Первоначальный вариант:

В небесаре лико мин
мы искали какалин
с нами Пётр Комиссар
твёрдый житель небесар
им отверга старый Бог
объясняет пули вред
лёта пада педагог
повторим убитых бред
то румян и бледен был
в парты глядя в чертежи
мы упали – воздух плыл.
дом и воздух и чиж.

вышел кокер из угла – ср. 123 наст. изд.

132. *Собрание произведений*. Кн. 2. С. 141.

133. *Собрание произведений*. Кн. 2. С. 46–47.

В автографе ст. 1–9 отчеркнуты синим карандашом, ст. 10–19 – красным.

Ст. 1–3 – по-видимому, цитата из кн. П. Д. Успенского «*Tertium Organum*: Ключ к загадкам мира». Изд. 2-е. Пг., 1916. С. 77, 79.

Мы говорим – фразеологизм, постоянно встречающийся у Аристотеля (как антоним аристотелевскому термину «теперь» может быть интерпретировано и заглавие наст. текста).

134. *Отд. изд.* М., 1931. Повторно: *Чиж.* 1935. № 9. С. 11, с заменой в ст. 2 – «Сорок лучших октябрят». Печ. по тексту первой публ. с восстановлением даты по автографу.

В издательском договоре на книгу срок представления рукописи: 15 июля 1930 г.

135. Публ. впервые.

136. *Собрание произведений*. Кн. 2. С. 88–108.

После ст.: *И земля поднимается выше* – 18 зачеркнутых ст. диалога Ангела Копусты с Алёхиным (шахматистом, ставшим в

1927 г. чемпионом мира); после ст.: *и уходит с ним на ледник* – зачеркнутый диалог Власти и Земляка на леднике, оканчивающийся традиционным хармсовским «всё» и подписью: «Даниил Хармс. Писано с четверга 24 июня по понедельник 4 августа 1930 года. Петербург».

Значок над текстом – монограмма имени Э. Русаковой (см. 139 и примеч. к 3).

Сцена в птичнике интерпретируется как парафраз произведения А. Введенского «Кругом возможно Бог».

Глинкин плац – контаминация двух адресов: Глинской ул., где в д. 1 родился Хармс (не сохранились ни улица, ни дом) и соседней Казачьей (Конной) пл.

И наступала ночь Купала – языческий праздник с эротической обрядностью.

Два Невских – не только уподобление двум Нилам, существовавшим в сознании древних египтян: Нилу земному и Нилу небесному, но и отражение реального существования двух Невских проспектов (второй – так называемый, Староневский).

один на свете холостуя – вместе с предшествующим ст.: *сосны тогда обнимать* и последующим: *блещут звезды как ножи* – может интерпретироваться как своеобразная трансформация мифа о Кибеле и Аттисе (греч. Афродита и Адонис), где Аттис оскопляет (холостит) себя в честь Кибелы под сосной (или превращен в сосну).

Старик выплёскивал ∞ с отражением сына – парафраз известной идиомы (ср. примеч. к 491 наст. изд.).

Аменхотеп – имя нескольких египетских фараонов.

финит и цисфинит – см. примеч. к 175 наст. изд.

Ибис – священная птица в Древнем Египте.

Фи донк! – от франц. *Fi donc!*: пренебрежительное междометие.

главНабор – ср. с «Зангези» Хлебникова (см. ниже и примеч. к 23 наст. собр.).

милой Тани мастерство – парафраз из «Евгения Онегина» Пушкина (ср.: «И вспомнил он Татьяны милой...»; «И меркнет милой Тани младость...» и т. п.).

пуруша – в индийской мифологии высшее начало, из которого был сотворен мир.

Ну человечество! дыши! – парафраз Хлебникова: «Но человечество – леги!» (см. выше и примеч. к 23 наст. собр.).

Только и слышишь ∞ там папирос нет – отражение реальной ситуации 1930 г. со снабжением продовольствием и табаком.

См., например: «За халатность по снабжению населения – к ответу» // Ленинградская правда. 1930. № 197. 19 июля; «Порядок отпуска папирос» // там же. № 180. 2 июля и мн. др.

137. *Собрание произведений*. Кн. 2. С. 50.

После ст. 8 зачеркнуто:

В ночи длинные не спится
вдовам новопредставленных мужей
Голова к подушке не клонится
бьёт сознание свежей
Вот и Карпова супруга
возле дома, на ковре
как флакон сидит упруга
всех пугая на дворе.

138. *Собрание произведений*. Кн. 2. С. 51.

ранец Лилии жены Тюльпана – сочетание двух цветов, означающих, соответственно, непопрочность и любовную страсть.

139. *Собрание произведений*. Кн. 2. С. 52–53.

О значке при заглавии см. примеч. к 3 и 136 наст. изд.

Имитация аналогичных по содержанию древнеегипетских текстов.

Пе – город на севере Египта с культом бога Гора.

140. *Собрание произведений*. Кн. 2. С. 153.

В перечеркнутом автографе после ст. 8, в свою очередь, особо зачеркнуто:

готы мух папек папаха
3 амо к к стакан
дуновение пух лете
                    татетга
бр х фряф ау бус хфы

141. *Собрание произведений*. Кн. 2. С. 54–64.

В автографе после ст. 34 зачеркнуто:

скажите евреи
как можно скорее
где вода и где земля

После ст.: *ландыш битвы рать богов* – зачеркнутый текст, заключавший произведение, с датой 22–23 августа:

Маргарита: дом вверху и дом внизу
зану трус бежит в лесу

Апостолы: стыдно встать и лень сидеть
скучно спать легко лететь

Писатели: мудрость феф голоса тихи
хороши только песни и стихи

Фауст: проваливается
в колодец.

Настоящий текст интерпретируется как один из «гетевских» текстов Хармса (см. примеч. к 155, 201, 399 наст. изд.). Отмечены имена Лиза и Маргарита, отсылающие к «Очевидец и крыса» А. Введенского (это, наряду с Марией, наиболее популярные имена женских персонажей в текстах Хармса – см. примеч. к 30 наст. изд.).

дева ангел и змея – интерпретируется как отражение сюжета византийской агиографии, включавшего битву Георгия со змеем ради защиты дамы.

огонь // воздух // вода // земля – в оккультных воззрениях – четыре начала жизни.

куф куф куф и далее – отмечено, что в речи Бога имитируются «гебраизмы» в сочетании с церковнославянизмами.

кур кир кар – ср. 181 наст. изд.

я пропал // среди наук // я комар // а ты паук – отмечено как реминисценция из «Мухи-цокотухи» К. Чуковского.

ландыш битвы – по одной из легенд, ландыш вырос из капель крови св. Леонарда, получившего многочисленные раны в битве с драконом Синь.

142. *Ёж*. 1930. № 9. С. 21–25.

Возможно, в наст. тексте нашла отражение собственная работа Хармса над составлением игр для детей (посылались для утверждения в соответствующие инстанции; не разысканы).

ВСНХ – Всероссийский Совет народного хозяйства.

143. *Собрание произведений*. Кн. 2. С. 65.

144. *Полное собрание сочинений*. Т. 1. С. 157.

Полубог – так в Древнем Египте именовали фараонов.

лучше б ездил на балы б – ср. у Пушкина: «Я балы б до сих пор любил».

145. *Собрание произведений*. Кн. 2. С. 68–73.
В автографе после ст. 29 зачеркнуто:

Уж не ты ли друг мой милый
друг мой милый Феофан
Я в Алтае на глаголях
вижу соколы сидят
я старуха нас обоих
тетервятники съедят
Если ты мой путник пегий
речку за ногу не схватишь
Эту речку фирси-пирси
в яму под гору не спрячишь
в речке гвозди, доски, дети
лампы ребра и ключи
как полезут двери эти
хоть кричи хоть не кричи

Афилей – возможно, Хармс, как нередко у него, трансформировал имя греческого ученого египетского происхождения Афиная (ок. 200 н. э.). Следует также учесть и старославянское *афинейский* – лжемудрый, мнимоученый.

доктор Буль – Хармсу был известен математик, основоположник математической логики Д. Буль (1815–1864).

146. *Поэзия: Альманах 14*. М., 1975. С. 285 (с заменой по цензурным соображениям *Фадеев* на *Халдеев*).
В автографе зачеркнутый вариант начала:

Фадеев Калдеев и Пепермалдеев
служили в издательстве Р. М. Н. С.
Фадеев – редактор
Калдеев – сотрудник
а Пепермалдеев ходил просто так

Фадеев Калдеев и Пепермалдеев
гуляли однажды на горном плато
Фадеев в цилиндре Калдеев в перчатках
а Пепермалдеев в зелёном пальто

Калдеев – дворник дома на ул. Надеждинской (Маяковского), в котором проживал Хармс, носил фамилию Кильдеев (присутствовал на обысках в квартире писателя в 1931 и 1941 гг.); см. также примеч. к 393 наст. изд..

Пепермалдеев – см. также 264 наст. изд.

147. *Театр*. 1991. № 12. С. 13–14 (без заглавия).

В автографе варианты заглавия: Бобров из приюта; Наполеон Бона<парт>; Исаак Ньютон; Христофор Колумб; 4 прохвоста.

После: Бобров – *Это хорошо* – зачеркнуто:

Жена – Это хорошо, но вот Христофор Колумб сегодня утром съел четыре фунта колбасы. Я ему сказала брось, а он съел ещё пять. Ведь это-же не нормально!

Бобров – Сама виновата, позвала бы меня.

Бобров – см. 163, 324, 403, 468, 528 наст. изд.

148. *Собрание произведений*. Кн. 2. С. 155.

Аларих – см. 154 наст. изд.; здесь, возможно, тот, кто во главе вестготов сражался со Стилихоном (см. ниже); в 410 г. захватил Рим.

Стилихон – римский полководец (ок. 365–408 н. э.).

149. *Полное собрание сочинений*. Т. 1. С. 163.

150. *Минувшее*. С. 562.

Ревекка – возможно, Р. А. Житомирская, жена профессора консерватории, входившая в круг общения Э. Русаковой (см. примеч. к 3 наст. собр.).

Валентина – В. Е. Гольдина (в замуж. Каменская, 1902–1968), жена пианиста, училась в консерватории, Художественно-промышленном техникуме; работала художником по тканям. Подруга Т. А. Липавской (Мейер; см. ниже).

Тамара – Т. А. Липавская (Мейер; см. примеч. к 63 наст. изд.

151. *Собрание произведений*. Кн. 2. С. 66–67.

Зачеркнутый вариант окончания:

И всю ночь соседний прах
Лёжа пристально в гробу

Слышал буд-то бы в руках
Тёрли пшённую крупу.

Обращено к Т. А. Липавской (см. примеч. к 63 наст. изд.).
раз в писательской столовой – находилась по адресу: пр. 25
Октября, д. 106 (см. примеч. к 28 наст. изд.).

«Аромат» *наоборот* – неточный палиндром имени Тамара;
наименование сорта папирос.

152. *Собрание произведений*. Кн. 2. С. 74 и 188–189.

Пантелей – см. также 421, 509, 524, 555 наст. изд.

Каблуков – см. 279, 410 наст. изд.

153. *Ёж*. 1930. № 24. С. 10–11.

Было сорок сыновей – возможно, аллюзия на пушкинскую
сказку «Царь Никита и 40 его дочерей»; ср. 134, 668 наст. изд.

154. *Собрание произведений*. Кн. 2. С. 77–82 (под зачеркну-
тым Хармсом заглавием «Разговоры за самоваром»).

На отдельном листе автографа с той же датой, что и окон-
чательный текст, два фрагмента:

<1>

царь говорил: мои дворцы
стоят пусты, но я вернусь

Аларих: Но мне не страшны мертвецы

Мамаша: а я покойников боюсь

<2>

кто покойников боится
тот на кладбище ступай
там в гробах течёт водица
гложет птицу горностаи

В автографе имеются зачеркнутые варианты продолжения:

<1>

Аларих: Ты Родимов попадья
я как раз тебе судья.

Кулундов

(вбегая): Где мой кушак? Где мой кушак?

Родимов: Однажды царь лежал в гробу.

Аларих: Я слышу шопот, стук и шаг

Мамаша: Господь хранит меня рабу.

Родимов: Свеча трещала над царём

Кулундов: Кушак на мне! Кушак на мне!

Родимов: Единый Бог сидел Втроём
царица плакала в окне.
царь говорил: мои дворцы
стоят пусты, но я вернусь.

Аларих: Но мне не страшны мертвецы

Мамаша: А я покойников боюсь.

<2>

Голова
на двух ногах: Спи Кулундов, ночью спи
Спи планета под домами
вижу я большое пи
встало облаком над нами
дремлют бабочки бобров
спят овечки под шатром
сна сундук и мысли ров
открываются трудом
но едва светлеет мрак
вижу я стихов колпак
вижу лампы и лучины
из морской большой пучины
поднимают в мир причины
свои зонтики всегда
спи Кулундов спи Родимов
спи Аларих навсегда.

Мамаша – Однажды царь лежал в болоте...

всё.

13 декабря 1930 года.

Кроме того, по-видимому, в конце декабря 1930 г. Хармс на основе одной из частей текста пытался создать самостоятельный текст, но не закончил его:

Кулундов: Я страсть люблю швырять валета
Когда летит навстречу туз,
Когда сияет эполета
И над бокалом вьётся ус.

Когда смугла и чернوبرова
Ко мне склоняется княжна
То зла, надменна и сурова
То ласки полна и нежна.

Люблю когда, тоску почуя,
Хозяин лампу тушит вдруг,
И гости сонные тоскуя
Сидят безмолвные вокруг.

Уже бледнеет и светает
Над Петропавловской иглой
И снизу в окна шум влетает
Шуршанье дворника метлой

Люблю домой мечтаний полный
И сонным телом чуя хлад
Спешить по улицам безмолвным
Ещё сквозь мертвый Ленинград.

Канеб – созвучно с древнеегипетским городом Канобом (Канопом), известным своими празднествами а также образованным от него наименованием сосудов, предназначенных для хранения внутренностей мумифицированных людей или животных (Словарь античности. М., 1992. С. 246); известны «Канопские песенки» М. Кузмина (см. примеч. к 432 наст. изд.).

Карповка – река в Ленинграде.

В. М. Пуришкевич (1870–1920) – политический деятель; см. примеч. к 29 наст. изд.

Я страсть люблю швырять валета // когда летит навстречу туз – прием в карточной игре в винт («резка»).

Аларих – см. примеч. к 148 наст. изд.

Ахерон – в греческой мифологии подземная река, через которую переправлялись души умерших в царство мертвых.

155. *Собрание произведений*. Кн. 2. С. 109–120.

Первоначально Хармс, вероятно, предполагал пополнить текст: в автографе на отд. листе под датой «Ночь с 19–20 декабря 1930 года» он записал текст, который приводим ниже (имеет, в свою очередь, многочисленную правку):

Гвидон Когда дубов зелёный лист
среди росы
когда в ушах мы слышем свист
кривой косы
когда земля трещит в длинну
и пополам
тогда мы смотрим на луну
и страшно нам
но лишь в ответ ударит в пень
стальной топор
умчится ночь настанет день
и грянет хор
тогда во мне открыв глаза
проснётся вновь
волна морей небес гроза
моя любовь

Настоятель грусти полны ваши неги
синих морок и луны
это к буквам абевеги
мчатся ваши каплуны
это сделал дикий крик
мчится разум осмелев
нашей мысли материк
сокол духа тела лев
так любовь из тела недр
разгорается как пламя
и любви могучий кедр
над рассудком держит знамя
тут является сомненья
дара мира страшный ров
меч природы гром смятенья
гриб желудка страсти кров
Сохнут реки наших знаний
в нашем черепе великом
скачет стадо быстрых ланей
наполняя воздух криком
полным неги. Это грех
череп треснет как орех

Но этот текст Хармс не внес в окончательную редакцию. Хармс посвятил это произведение Э. Русаковой (см. примеч. к 3 наст. изд.).

Подобно «Мести», интерпретируется как «гетевское» произведение Хармса – см. примеч. к 141, 201, 399 наст. изд.).

Наименование заглавного героя, видимо, можно идентифицировать с известным Хармсу из египетской мифологии Осирисом.

Лиза – см. примеч. к 46 наст. изд.

уснут орлы ∞ урлы-мурлы – автоцитата (см. 22 наст. изд.).

преподобный Августин – Блаженный Аврелий Августин (354–430), проповедник.

Virgo Maria – Дева Мария (лат.).

Вопросов не решая и далее – ср. с «Русской историей от Гостомысла с XI по XIX век» А. К. Толстого.

в меня глядел сквозь кулачѣк – см. примеч. к 72 наст. изд.

156. *Собрание произведений*. Кн. 2. С. 83–85.

Первоначально персонажи именовались: он – мальчик; мельница – она.

Вместе с текстами 116, 192, 201 наст. изд. составляет цикл, скорее всего уподобляющийся аналогичному гетевскому циклу: «Молодой дворянин и Мельничиха», «Подмастерье и Мельничный ручей», «Измена мельничихи» и «Раскаянье мельничихи», причем, у Хармса в текстах та же, что и у Гете, коллизия – женская неверность, обманутый молодой человек.

157. *Собрание произведений*. Кн. 2. С. 86.

Виталист – идеи витализма были известны Хармсу, скорее всего, из работ А. Бергсона (см. 175, 583 наст. изд.) и его популяризатора в России начала XX в. С. Франка, характеризовавшего витализм как идею «целесообразности и органического единства» бытия.

158. *Собрание произведений*. Кн. 2. С. 156. Автограф перечеркнут.

159. *Смена*. 1990. 6 марта.

160. *Меня называют капуцином*. С. 27.

161. *Искусство Ленинграда*. 1990. № 11. С. 71.

162. *Меня называют капуцином.* С. 29.

163. *Литератор.* 1990. № 13. 20 апреля.
Бобров – см. примеч. 147 наст. изд.

164. *Полное собрание сочинений.* Т. 2. С. 375–376.
Первоначально фамилии персонажей: Пугачёв и Мукочёв
(типичная гоголевская «двойчатка» – см. примеч. к 2 наст.
изд.).

Пузырёв – см. 370, 512, 524 наст. изд.

165. *Полное собрание сочинений.* Т. 2. С. 376.
Первоначально фамилия персонажа: Лундакляшов.
Иван Петрович – см. примеч. к 60 наст. изд.

166. *Собрание произведений.* Кн. 2. С. 146.
боги маги – ассоциируется с древнеегипетским пантеизмом и
верой в магическую силу богов.

Лампа – фигурирует уже в одном из рисунков Хармса 1919 г.;
в 1925 г. – главный персонаж стихотворения С. Маршака «Вчера
и сегодня»; в оккультизме связана с фигурой Гермеса Трисме-
гиста, обладателя тайного знания.

167. *Собрание произведений.* Кн. 2. С. 154.
Архитектор – в масонской символике одновременно созда-
тель вселенной и легендарный Мастер Хирам;
плотник – здесь, возможно, следует интерпретировать как:
каменщик.

168. *Собрание произведений.* Кн. 2. С. 76.
В автографе после ст. 6 зачеркнуто:

Вперед, назад и на месте стоп,
И на месте стоп,
И на месте стоп,
Хеу ля ля
Дрюм дрюм ту ту,
И на месте стоп человек.

Из трёх частей построен Федот,
Построен Федот,
Построен Федот,
Хеу ля ля
Дрюм дрюм ту ту,
Построен Федот человек.

После ст. 12 зачеркнуто:

А впрочем я не о том говорю,
Не о том говорю,
Не о том говорю,
Хеу ля ля
Дрюм дрюм ту ту,
Не о том говорю.

А впрочем рёбер пятнадцать штук
Пятнадцать штук,
Пятнадцать штук,
Хеу ля ля
Дрюм дрюм ту ту,
Пятнадцать штук да не тех.

Не тех которых поломать легко,
Поломать легко,
Поломать легко,
Хеу ля ля
Дрюм дрюм ту ту,
Поломать легко топором.

А тех, которых нельзя поломать,
Нельзя поломать,
Нельзя поломать,
Хеу ля ля
Дрюм дрюм ту ту,
Нельзя поломать топором.

169. *Полное собрание сочинений*. Т. 1. С. 173.

170. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 119.

171. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 118.
Автограф зачеркнут.

172. *Собрание произведений*. Кн. 2. С. 102.

173. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 120.
Автограф зачеркнут.

Шварц Евгений Львович (1896–1958) – драматург. Хармс был близко знаком со Шварцем по работе в детских журналах, но иронически относился к его творчеству (см. также 199, 284, 529 наст. изд.).

174. *Собрание произведений*. Кн. 2. С. 139.

Фризовая шинель – из толстой ворсистой ткани; это вышедшее из обихода ко временам Хармса слово могло возникнуть из гоголевских текстов: такую шинель носили учитель латинского языка в «Иване Фёдоровиче Шпоньке», капитан Копейкин в «Мертвых душах», с ней встречаемся в «Невском проспекте»; в особенности же близка к наст. тексту ситуация «Шинели», когда привидение пытается «сдернуть фризовую шинель с какого-то отставного музыканта, свиставшего в своё время на флейте».

175. *Собрание произведений*. Кн. 2. С. 45.

цисфинитная логика – характерное хармсовское изобретение, выдвинутое в параллель к определениям чисел постоянных (finitum) и бесконечных (transfinitum). В прямом значении хармсовское счисление должно определяться как числа ограниченного посюстороннего пространства (см. 136 наст. изд.).

бесконечного небытия – среди философов, близких Хармсу, которые трактовали идею небытия, должен быть, прежде всего, назван А. Бергсон (см. примеч. к 157 и 176 наст. изд.).

176. *Собрание произведений*. Кн. 2. С. 43–44.

В автографе против текста 2 (оказывающегося рядом с заглавием) в скобках Хармсом записано: «логика бесконечного небытия»; таким образом, трудно судить, является ли этот текст подзаголовком всего произведения Хармса или дублем-заголовком второй его части.

Ср. с 175 наст. изд.

177. *Собрание произведений*. Кн. 2. С. 145.

178. *Собрание произведений*. Кн. 2. С. 141.

179. *Собрание произведений*. Кн. 2. С. 149.

180. *Собрание произведений*. Кн. 2. С. 147–148.

Последний стих (зачеркнут):

мы пошупаем рукой.

Я светила Никанору – вариант имени Никандр (см. 201, 320 наст. изд.).

181. *Собрание произведений*. Кн. 2. С. 48–49.
Варианты:

<1>

Утром рано на заре
ехал турка на горе
летом гром
зимою снег
в полдень чирки
кур кир кар

Турка смотрит видит пень
а на пне сидит тюлень
летом гром
зимою снег
в полдень чирки
кур кир кар

Уходи от сюда прочь
крикнул турка во всю мочь
Летом гром
Зимою снег
в полдень чирки
кур кир кар.

мне уйти от сюда лень
отвечал ему тюлень
летом гром
Зимою снег
в полдень чирки
кур кир кар

лучше сам слезай с горы
енду кинды был бары
летом гром
зимою снег
в полдень чирки
кур кир кар

<2>

Сверху туча снизу мост
турка скачет во весь рост
летом гром
зимою снег
в полдень чирки
кур кир кар

Вот и Волга вот и Дон
вот и церкви дили дон
летом гром
Зимою снег
в полдень чирки
кур кир кар

Турка счастлив турка рад
вот и город Петроград.
летом гром
зимою снег
в полдень чирки
кур кир кар

<3>

вот и утро блещет луч
турка скачет между туч

<4>

Здравствуй небо
Здравствуй ночь!
Крикнул турка
во всю мочь

Варианты 2–4 – зачеркнуты.

Возможно сопоставление с произведениями любимого Хармсом Козьмы Пруткова: «Ревнивый муж подобен турку» и «Опрометчивый турка или Приятно ли быть внуком?» (см. примеч. к 102, 275, 309 и др. наст. изд.).

182. *Искусство Ленинграда*. 1990. № 2. С. 83–84.

Лиза – сестра Хармса Елизавета Ивановна (1914–1994); см. также примеч. к 46 наст. изд.

Иля – Лидия Александровна Смирнитская (ум. 1942) – домработница в семье Ювачевых.

183. *Хармсиздат представляет: Исследования. Эссе. Воспоминания. Каталог выставки. Библиография*. СПб., 1995. С. 34–36.

После: *Перейдёмте к дальнейшему* – зачеркнуто:

Дальнейшее готов
о дальнейшем деле
показать хочу
Точно выложу дальнейшее

Обратим внимание на середину
Нет.
Обратим внимание на середину
только не того что я сказал раньше
А лучше того что я сейчас скажу
Я выложу перед вами
или напишу для ясности
или смехнусь для скорости
или вскочу для опасности
или пройдусь для того чтобы показать
что не совсем ещё устал
или совсем побегу
чтобы быстрее и тоньше
и во много раз вернее
сделать круглую дорогу
по тому месту где хотите
или там куда пошлёте.
Прямо заявляю, что теперь
я перехожу на дальнейшее.

Один из квазинаучных трактатов Хармса, имитирующих философское сочинение.

Обратите внимание, что после шестёрки идет семнадцать – в Древней Индии, философию которой Хармс изучал, система счисления исключала цифру 8 – после 7 следовало 9; см. также 423 наст. изд.

Дочь Патрулёва отца Патрулёва дочь – возможно интерпретировать, как парафраз рассуждения Сократа в «Пире» Платона.

184. *Летят по небу шарик.* С. 181–184.
Автограф перечеркнут.

185. *Собрание произведений.* Кн. 2. С. 127.

186. *Полет в небеса.* С. 293–297.

В автографе имеются еще два отдельных фрагмента, обведенных Хармсом, без указания на их включение в текст:

<1>

Господин Дернятин вылез из канавы и пошёл по Голубой дорожке, нагоняя потерянное время. Опасность смерти становилась всё меньше и меньше, в смысле того, что в этой части пути было меньше движения. Господин Дернятин шёл в гости к неким Рундадарам. В гостинной Рундадаров все были уже в

сборе. В корыте с водой плавал бумажный кораблик. Синий колпак был на голове Мириноса II. Профессор Дундуков сидел с засученными рукавами. Платон Ильич махал кнутиком. Господин Дернятин сел к столу и поплывав в корыто

<2>

Сегодня я сообщу вам собранные мною материалы о тройном построении мира и всех вещей – сказал Платон Ильич Рундадар к собравшимся гостям. Не хватало только плехаризиста Дернятина. Зато Михаил Иванович Дундуков сидел надув щеки. «Я знаю, – сказал игумен Миринос II, – все вещи подобны дому в три этажа, а мир это три ступени в приют Божий». А ну ка скажите мне, где три деления в стуле? или в столе? или в этом корыте?

К публикуемому тексту примыкает еще один фрагмент, в свою очередь, соотносящийся по содержанию и с другим текстом (см. 187 наст. изд.):

Господин Дернятин, известный плехаризист, решил выстроить посередине города Петербурга самую настоящую пирамиду. Во-первых, на этой пирамиде можно сидеть лучше, чем на крыше, а во-вторых, в пирамиде можно устроить комнату да там и спать.

Нет, – сказал господин ∞ его внезапной смерти – этот фрагмент вычеркнут в автографе, но мы его воспроизводим в составе публикуемого текста, поскольку в его отсутствии становится неясной следующая фраза текста.

Антон Антонович – еще одна популярная среди имен хармовских персонажей «двойчатка» (см. 256, 387, 528, 688 и др. и примеч. к 2 наст. изд.).

187. *Минувшее*. С. 560.

Над текстом помета: «Тема к рассказу», которую можно интерпретировать и как собственно его заглавие.

кружок мыслителей-инженеров – ср. с 186 наст. изд.

1931

188. *Октябрюта*. 1931. № 1. С. 12.

189. *Октябрюта*. 1931. № 1. С. 21.

190. *Октябрюта*. 1931. № 1. С. 24.

191. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 8.

В автографе зачеркнутое начало:

чего бы нам не говорили
хозяины холмов
мы не поверим и не покажем
стада козлиные голов

192. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 81.

Первоначальное заглавие: «Он и мельница».

См. примеч. к 156 наст. изд.

193. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 11–12.

В автографе после ст. 16 обведенный Хармсом текст:

дула смелая железка
импопутный корешок
и от шума и от плеска
солнце сжалось на вершок

194. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 82.

Текст записан Хармсом рядом с первоначальным вариантом, в котором после ст. 1–4 (идентичных окончательному варианту) следует:

уже трамваи ждали вещи
уже солдаты ждали битвы
кто шёл с пером а кто похлеще
читал серьёзные молитвы

195. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 211.

196. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 13–14.

Финальные реплики ср. с 201 наст. изд.

197. *Избранное*. С. 230–231.

198. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 17–18.

Под текстом запись Хармса: «Сидел у П. И. Соколова. Он писал с меня портрет». О художнике П. И. Соколове см. примеч. к 105 наст. изд.

199. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 19–21.

Имеется несколько вариантов.

В одном из них дописано окончание:

Окнов (прыгая в окно) – Наука умеет много гитик!

всё

Другие варианты с заглавием: Окнов – Хармс – окно:

<1>

Окнов – Найди радости гвоздь
Найди счастья молоток

Хармс – Говори яснее

<2>

Окнов – Ну дорогой товарищ
Хочешь века молоток?

Хармс – Нет спасибо я предпочёл-бы
молока холодного глоток

Окнов – вы забываете газет высокое значение

Хармс – Это мыслей вокруг пальца верчение
Помните когда циплёнку объяснили значение секунды
циплёнок понял только сек
а унду топориком своего клюва быстро отсек.

Окнов – Зато в газетах глубина и торжество политики

Хармс – И неизвестно чья вина
Что нет науки, но много гитики.

Этот текст содержит правку (вычеркивания).

Приводим целиком зачеркнутые варианты, имеющие вместе с тем правку внутри себя:

<1>

А ну товарищ дорогой
довольно мы с тобой боролись
пора тебя прикончить.

твой рот не много слов припомнит
язык не много звуков скажет
и кем ты был дружок приятель
то время полностью покажет.

жестоко
честное слово жестоко
ты хочешь поступить.
опомнись так ли ты послушен

Хармс – Спасибо сыт
Наелся до отвалу котлетами

<2>

Ну дорогой Товарищ
довольно мы с тобой ругались
Я баночку тебе припас
на кушай на здоровье кровавой лососины

Хармс – Спасибо сыт.
Наелся до отвалу котлетами
Со мной сидел Евгений Львович
и Николай Макарович Олейников
они свирепо грызли кости
руками курицу деря
в своем лохматом сюртуке
все время рассказывая прочитанную повесть

<3>

Окнов – Ну дорогой товарищ
довольно мы с тобой ругались
я баночку тебе припас
холодной ласосины.
на кушай на здоровье.

Хармс – Спасибо сыт.
Но что касается компота
Я съел-бы блюдечко

Окнов – Н

Окнов и Козлов – часто встречающиеся персонажи текстов
Хармса (см. 213, 328, 678 и др. наст. изд.).

наука имеет много гитик – термин некоторых карточных фокусов.

видим Бога лицо – цитата из «Сестер-молний» Хлебникова (см. примеч. к 23 наст. изд.).

погибает раньше срока // пораженный кочергой. Пораженный кочергой – парафраз арии дона Базилио из оперы Дж. Россини «Севильский цирюльник».

Я внезапно растворилось ∞ я форточка возвышенных умов – автоцитата (см. 197 наст. изд.).

В вариантах:

Евгений Львович – Шварц (см. примеч. к 173 наст. изд.).

Николай Макарович Олейников – см. вступит. статью и 54 наст. изд.

Как видим, Хармс вводит в качестве персонажей своих текстов не только друзей и знакомых, но и самого себя.

200. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 22.

201. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 23–25.

После: *Хню (молча)* – *Да это я* – зачеркнуто:

Рыбак – Ты светлая дочь моя
черёмуха бороды моей
хрен духа моегого
соха живота и горла фю
свеча разности
верёвочка сети для ловли голубых сигов
очки для чтения Библии
стакан вечности
Свеча радости
фараон чести кажется ты
часы с картинкой кажется ты
Хню хню хню

Хню – А вот мой жених Никандр.

Никандр – мэ мэ мэ

После: *это я сказала по водяному* – зачеркнуто:

наш язык река согласных
куча дпр колоколов
много звуков есть прекрасных
среди гласных соколов

каждой буквы законы
с морем брр обручены
моря дикого флаконы
буквам прр подчинены
если встанешь на утёс
крикнешь морю архалу!
то завоюет моря пёс
абр дабр филь киль куль
скорей бери лодочку
скорей бери лодочку
филь киль куль
камень под живот
филь киль куль
наковальню духа
филь киль куль

Помимо того имеется второй вариант текста («Вода и хню II»):

Никандр – люблю признаться вашу дочь
и в этом вас прошу помочь
мне овладеть её невинностью
Я сам Бутурлинского края
девиц насиую играя
с ними в поддавки.
А вам в награду рыбачёк
я подарю стальной сачёк
и пробочные поплавки

Рыбак – Шпасибо шпасибо

Никандр – Лови полтину!

Вода – Какую мерзкую картину
я наблюдаю.
Старик поймал полтину в рот
Скорей скорей за поворот
Направлю свою струю звонкие

Хню – Прощай вода.
Ты меня не любишь?

Вода – Да, твои ноги слишком тонкие.
Я ухожу. Где мой посох?

Хню – Ты любишь чернокосых?

Вода – Жырк жырк
лю лю лю
журч журч
клюб
клюб
клюб

29 марта

В этом варианте начало зачеркнуто:

Рыбак – О Никандр скрипачей
Пукандр улицы мира
Фукандр небесного умножения
Стокандр полевых цветов
Кукандр палки о двух концах
Микандр коротких молний
Дукандр свечи залетевшей в дом
Трр трр трр

После: *и пробочные поправки* – зачеркнуты два варианта:

<1>

Рыбачёк – Ну вот спасибо
это я не забуду
но подари мне гибкую уду
подсекать голубых сигов
я сломал свою уду
ещё в 1887 году
с тех пор ловлю сигов руками
но посудите сами
как это трудно

<2>

Помню
помню совсем точно
ещё в 1887 году
Я сломал свою уду
С тех пор ловлю сигов руками
Но посудите сами
как это сложно

Конечно можно
ловить сигов электрическими путями
но этого я не умею
многие ловят просто сетями
но я сетей не имею

Хню – см. также этот персонаж в 209 наст. изд.

Первая реплика текста почти буквально повторяет зачины двух гетевских текстов: «Куда, куда поспешно так...» («Молодой дворянин и Мельничиха») и «Куда прозрачный ручеек// Куда так бойко // Ты мчишься...» («Подмастерье и Мельничный ручей»; пер. П. Вейнберга в изд.: Гете. Собр. соч. Т. 1. СПб., 1892. С. 117, 118). В связи с этим см. примеч. к 141, 155, 399 наст. изд.

на левом глазу василёк – символизирует верность и постоянство и обладает свойством изгонять нечистую силу;

А вот мой жених Никандр – этимологическое значение: муж победитель (см. 180, 320 наст. изд.).

202. *Радуга*. 1988. № 7. С. 28–37.

203. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 89

204. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 88.
Зачеркнутый вариант начала:

опущусь на колено
и увижу мир покрытый снегом
короткая молния растопит кучу снега
зажгёт громовую свечу и разрушит дерево.
Дом сотрясаясь от огня
откроет окна. Когда пагода
переменится к лучшему
выбежит заяц и над озером пролетит поднос

Короткая молния – ср. 209 наст. изд.; кроме того, среди автографов Хармса имеются такие два отдельно записанных стиха:

короткая молния проскочила в окно
два мальчика сидевшие на полу были убиты.

Николай Макарович – Олейников (см. вступит. статью).

Соколов Петр Иванович (1892–1938) – художник; см. также 105 наст. изд.

Заболоцкий Николай Алексеевич – см. примеч. к 19 наст. изд.

Сковорода Георгий Саввич (1722–1794) – философ.

Скалдин Алексей Дмитриевич (1889–1943) – писатель.

по имени Серёжа – скорее всего, имеется в виду Сергей Константинович Шварсалон – близкий друг Скалдина.

птица Эстер – Э. Русакова (см. примеч. к 3 наст. изд.).

205. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 30.

206. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 94.

Первоначальный вариант – от имени Герцога Труба.

207. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 95.

Вариант продолжения из 8 ст., обведенных Хармсом, причем ст. 1 и 2 зачеркнуты:

пусть важный гость мо<?> разутый
повиснет Ломоносов
мы в верх глядим
когда бы рано вставала тёмная лупая
и птицы малиновых грудок
вьёт гнёзда в складках моего тулупа
и над нами разгуливают безумные грибы продовольствий
Ну право нет таких удовольствий

Над текстом вариант:

Дорогая Наташа
хороводом татарок
благодарю тебя за твой подарок
пускай повиснет Ломоносов
удостовериться что я философ
нет больше радости

Наташа – Н. И. Колюбакина (см. примеч. к 29 наст. изд.).

208. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 31–32.

В автографе справа, против ст. 7–9, помета: «Приступить к чистому вымыслу так приятно. Я это сейчас собираюсь проделать».

209. *Собрание произведений.* Кн. 3. С. 33–37.
Вариант:

Хню из леса шла пешком
Ногами месила болота и глины
Хню питалась корешком
ела ягоды малины
Или хню рвала побеги
весёлого хмеля туземца рощ
в поле ехали телеги.
Ясно чувствовалась мощь
воздушного неба и ветра злой гнев
и люди выкупавшись в реке
Лежали всё окаменев

Размер и отдельные образы текста возводятся к поэме Заболоцкого «Школа жуков».

Хню – см. 209 наст. изд.

Соколов – см. примеч. к 105.

вид ночного свидригала – созвучие с фамилией Свидригайлов отсылает к связанному с этим персонажем «Преступления и наказания» Достоевского впечатлению таинственного и страшного.

Чебышев Пафнутий Львович – скорее всего, имеется в виду А. А. Чебышев-Дмитриев, преподаватель математики в той же царскосельской женской гимназии, где была директором тетя Хармса Н. И. Коллюбакина. См. о нем: А. Штейнберг. Друзья моих ранних лет. Париж, 1991.

Галилей Галилео (1564–1642) – итальянский ученый, опровергавший геоцентрическую теорию мироустройства.

а ныне пять обэриутов – вместо зачеркнутого: а ныне Хармс и Соколов и Хармс – см. вступит. статью.

тут мёртвый лев сильнее живой собаки – парадоксальный парافраз Екклесиаста: «...и псу живому лучше, нежели мертвому льву» (Еккл. 9.4).

пути жука точильщика – ср. 312 наст. изд.

210. *Собрание произведений.* Кн. 3. С. 39–42.

плотник сам не ведает – здесь и далее, по-видимому, новозаветный мотив, связанный с рождением Иисуса Христа в семье плотника Иосифа.

я ландыш – см. примеч. к 141 наст. изд.

211. *Собрание произведений.* Кн. 3. С. 100.

212. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 9–10.

В автографах Хармса имеется обведенный и зачеркнутый фрагмент, возможно являющийся вариантом публикуемого:

один монах
сидел в пустыне альманах
его ручки свисали
на шерстяную бровь
его уста шептали
моя любовь

213. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 172.

Окнов – ср. с 199; полагаем, что это самостоятельные тексты.

Ваня – см. примеч. к 2.

214. *Искусство Ленинграда*. 1990. № 11. С. 72.

215. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 105.

Автограф перечеркнут.

Мария Алексеевна – см. примеч. к 30 наст. изд.

216. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 46–47.

Павел Николаевич Филонов – см. примеч. к 128, 594 наст. изд.

я всё обдумал взвесил пересчитал и перемножил – парафраз библейского стиха из «Книги пророка Даниила».

217. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 104.

218. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 106.

219. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 43–44.

двигатель Сименс-Шуккерта – фирма «Сименс-Шуккерт» поставляла разнообразное электрооборудование.

220. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 108.

221. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 107.

В автографе последние 14 ст. зачеркнуты (и, в свою очередь, имеют правку):

Так уж свойственно в натуре
все сшибать но не ломать

а квадраты ветры бури
то есть ломанные куски вселенной глубоко прячут в землю
мать

По истине камень мёртв и не подвижен
растение же роста жизнь имеет в росте
животное жизни всю жизнь движется
и многими мыслями управляя растёт и движится человек
и по небу движутся луна и солнце
создавая порядок
это Богом воплощённые законы
цари жизни.
и небо движится со звездами
тваря жизнь

222. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 48.

223. *Ёж*. 1931. № 19–20. С. 12–13.

Смотрите – // Это новый советский художник – ср. с 309
наст. изд.

224. *Енисей*. 1988. № 5.

Первоначальное имя героя – Федор (отметим значительную популярность этого имени в текстах Хармса – см. 555, 560 и др. наст. изд.).

В стилистике текста, обстоятельствах места действия и общей тональности находят сходство с романом Г. Мейринка «Голем», одним из любимых произведений Хармса.

Дом Печати – см. примеч. к 21 наст. изд.

Володя, Татьяна Александровна – возможно идентифицировать с друзьями Хармса, супругами-художниками В. В. Стерлиговым (1904–1973) и Т. Н. Глебовой (1900–1985); возникающая затем картина (или полотно, загрунтованное под картину) быть может, навеяна впечатлениями от их работ.

видел ложку – ср. 366 наст. изд.

225. *Театр*. 1991. № 11. С. 43.

Я о, я сир, я ис // Я тройной – т. е. Осирис, египетское божество, выступающее в трех ипостасях: как один из фараонов, бог растительности и бог мертвых.

226. *Летят по небу шарики*. С. 88–89.

227. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 87.

Вариант начала (зачеркнут):

два студента бродили по лесу
собирали малиновых птиц
когда им попадалась поляна
то оба бегали в запуски
а если речка им путь пресекала
то оба глядели в воду
где плескаясь шла лиловая щука
мимо двух наблюдателей быстроглазая рыба.

После: *в костёр упала звездочка* – зачеркнуто:

молча стояли вокруг медведи
наблюдая двух спутников
но всё же боялись приблизиться
и лизнуть им круглую щёку
но утром лишь солнце согрело
студентов заледенелый от страха мозг
медведи вздыхая бурю грудью
исчезали как воск

играли серпом на знамяни; висели чёрным молотком – по-видимому, символика советского знамени: серп и молот; в то же время, молоток – значимый атрибут масонской символики (см. вступит. статью).

228. *Собрание произведений*. Кн. 2. С. 42.

229. *Вечерний Ленинград*. 1981. № 73. 28 марта.

230. *Летят по небу шарики*. С. 181.

231. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 192–193.

После ст. 16 зачеркнуто:

вот способ легко переложить на музыку
шум в кровяносных трубах <1 нрзб.> и пророка
удар
Я верю вам
но нельзя ли по проще
объяснить как построена вселенная

232. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 109.

233. *Театр*. 1991. № 11. С. 13–17.

234. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 114–115.
Я подавился корочкой – ср. 405 наст. изд.

235. *Енисей*. 1988. № 5.
коричневого цвета – далее в автографе зачеркнуто:

Мостовая возле того дома, к которому подошёл обыкновенный с виду человек, была разрыта; как видно, тут чинили канализацию. Правда, и в прошлом году мостовая была разрыта, а в позапрошлом году так даже и панели были все повыворочены, но тогда могли чинить телефонную сеть, или прокладывать какой ни будь кабель, или мало ли что ещё. Во всяком случае, в этом году, судя по тому, что в вырытых канавах журчала вода, а вдоль канав лежали длинные тёсаные бревна, судя по всему этому, в этом году чинили именно канализацию.

236. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 96.

237. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 97.
В автографе вариант начала (?) (зачеркнут)

воздух белого терпенья
рвался в комнате моей

Вариант окончания (?) (зачеркнут):

садись кондуктор
едва к оврагу подвели
он камни закинул ногами

238. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 38.

239. *Полное собрание сочинений*. Т. 2. С. 32–33.

240. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 110.

241. *Полное собрание сочинений*. Т. 1. С. 184–185.

Слева от текста четыре ст., место которых в общем контекста не обозначено:

рассердясь идёшь к концу
пыл ослабя бой сердец
в ноги бухнулась к отцу
ты невеста наконец

242. *Полное собрание сочинений*. Т. 1. С. 222.

В автографе на том же листе записаны еще два текста, которые можно рассматривать как парафразы публикуемого:

<1>

Я не умею знакомиться
Помоги мне сама.
Сама дай первый знак
Какая ты душенька.

<2>

Сама сама приди ко мне на помощь.
Я познакомиться с тобой не в силах
Боюсь, ах страшно я боюсь,
откажешь ты, но что я буду делать.

Ср. также с 241, 244, 245 наст. изд.

243. *Полное собрание сочинений*. Т. 1. С. 223.

Ср. также с 242 наст. изд.

244. *Полное собрание сочинений*. Т. 1. С. 223–224.

Ср. также с 241, 243, 245 наст. изд.

245. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 226.

Ср. с 241, 242, 244 наст. изд.

246. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 116.

См. с примеч. к 3 наст. изд.

247. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 133.

Вариант переработки текста:

Роберт Мабр Ну с начинаю
Двигутся года.

Смотреть и радоваться в книгу сделанную
много сотен лет назад не буду больше никогда.
Нет правды вынутой из книг.
И всё на свете только миг.

(Смотрит в окно)

Светает.
Воздух чист
И ветер утренний лениво шевелит на крыше
с грохотом железный лист.
Скорей скорей
тушите солнце фонарей

Среди автографов Хармса имеется записанный позднее и зачеркнутый текст:

Роберт Мабр: Мы строим большое здание!

Архитектор: А <1 нрзб> разрешишь?

15 мая 1933 г.

Роберт Мабр – идентифицируется с толкователем Библии, филологом-схоластом Р. Мавром (776–856).

три контуром напоминает сердце – ко также напоминает и заглавную букву имени Э. Русаковой (см. примеч. к 3 наст. изд.).

248. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 112–113.

букв // из которых слагается рыба – криптограмма из греческих слов, означающих Иисус Христос Сын Божий Спаситель.

249. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 117.

Автограф перечеркнут; отдельно зачеркнуты три последних ст.:

В бесполезном сне жизнь волочишь
Днем на сундуке валяешься
ночью пугалом на дворе корчишь.

250. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 223.
я видел доски ангельских глаз – ср. с «Доски судьбы» Хлебникова. (см. примеч. к 23 наст. изд.).

251. *Летят по небу шарики*. С. 452.

252. *Полное собрание сочинений*. Т. 3. С. 233.

По-видимому, топоним в данном случае не имеет значения, поскольку в двух других набросках этого текста фигурируют Фонтанка 27 и 101. См. также 21 наст. изд.

253. *Меня называют капуцином*. С. 44.

Автограф перечеркнут.
на Невском проспекте или, вернее, на проспекте 25-го Октября – см. примеч. к 28 наст. изд.

254. *Минувшее*. С. 452.

Ср. с 136, 139 наст. изд. и примеч. к 3.

255. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 111.

256. *Меня называют капуцином*. С. 49.

Антон – см. примеч. к 186 наст. изд.

257. *Собрание произведений*. Кн. 2. С. 18.

блоха болот ∞ стоит избушка – отмечена цитата из Д. Бурлюка («Требник троих». М., 1913. С. 77).

258. *Меня называют капуцином*. С. 33.

259. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 72.

260. *Меня называют капуцином*. С. 136.

Иван Фёдорович – см. примеч. к 2 наст. изд.

Селиван – вариант имени Селифан (см. 621 наст. изд.).

261. *Полное собрание сочинений*. Т. 2. С. 377–378.

262. *Театр*. 1991. № 11. с. 13–17.

В автографе после: *в Амстердам* ~ зачеркнуто:

распускаться на морозе
как цветы мы будем там

В этом зачеркнутом фрагменте, возможно, скрытая цитата из Пушкина.

263. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 102–103.

264. *Енисей*. 1988. № 5.

Фома Петрович Пепермалдеев – см. также 146 наст. изд.

1932

265. *Русская мысль (Париж)*. 1988. № 3730. 24 июня. С. XI (Литературное приложение. № 6).

Легко интерпретировать наст. текст (как и многие ему подобные) в конкретно-биографическом смысле (написан в Курске во время ссылки, где Хармс и А. Введенский жили в соседних комнатах), однако почти всегда в таких случаях Хармс едва заметными деталями и штрихами уводит текст от банального автобиографизма: здесь, в частности, женский персонаж должен был бы носить имя приятельницы Хармса и Введенского, сосланный также в Курск, художницы Елены Васильевны Сафоновой.

266. *Собрание произведений*. Кн. 2. С. 158–163.

По-видимому, Хармс задумывал большое произведение. По-видимо публикуемого текста в автографах имеются фрагменты:

<1>

Духи: Мы из разного металла
смотрим в землю как столбы.
Баба землю подметала
пыли подняла клубы.
Мы от пыли расчихались
сотрясая землю каждый раз.
Люди страшно чертыхались
обвиняя в этом нас.
А на башне звон часов
раздавался десять раз
А в дверях скрипел засов
и смотрел от туда глаз
И над башней раздавался
страшный крик мохнатых сов
и поспешно запирался
вход на башню на засов.

<2>

Духи: Смехом, смехом, смехом,
смехом, смехом, смехом,
смехом.
А где? А где? А где? А где?
Среди, среди, среди, среди
дома, поля, моря, леса
Может каждый, кто захочит,
видеть беса.

Далее зачеркнуто:

Я хочу увидеть беса
среди дома, поля, моря, леса
в длинном образе тюльпана,
или в шапке меховой,
или с пикой атамана
дикой банды верховой.

<3>

Гений Д. Х. смотрит в окно на двор. На дворе мальчик и девочка играют в мяч вазой.

Дальнейший текст (по три реплики Мальчика и Девочки, перекидывающихся мячом и вазой) зачеркнуто.

в длинном образе тюльпана – см. примеч. к 46 наст. изд.

267. *Собрание произведений.* Кн. 3. С. 49.

Настоящему тексту предшествовали несколько вариантов, первый из которых относится еще к 1929 г.:

<1>

Сарт: вам бомбой не укрыть меня
кто хочет перегнать меня
кто тапором хочет убить меня
Я разом на крыльцо
и в двери сокроюсь от ваших ударов.
А там ломись
бросай горшки
цветы корчуй
выноси покойников из двери
хоронить ногами вон

Охрана: тебя мы сейчас поймаем
нож убивец твой ловец
быстрый воим
брошен в спину
заставляет падать хама

Сарт бежит с калпаком
за угол поворачивает с разбега дугой
на Пушкинскую дует
калпаком люстрина бурого
звенит в уши хулиган.
Те стоят готовые к нападению.
уже приметы беглеца
пускают корни в их сознании.
с винтом венерологических кабинетов
где дядя вспрыскивает иммульсию
где воробей страдает за воротом
проскачет мимо сквера сарт
и несутся следом конные рабы.

Купец: Эй не сверни меня
я слаб на ногу!

Сарт: Сторонись!
погоня следом за мной!

Купец: За что ж тебя они карают?

Сарт: Я одного из их стана
ключом отправил к праотцам.
Теперь я сам должен сгинуть.
Прощай купец!

Охрана
(прискакав): Мы тебе прощаем грех
под

<Октябрь 1929>

<2>

Из дверей вылетает бешенный Сарт.

Сарт: Я ключом укокал пана
ноги ноги мои стрелы

пан скрипел. Мелькала <пуля?>
думы думы мои баба
на пану лежала гага
ножи ножи мои гиги
кровля дома пана храм
я ключом его к орлам
вынул бабу из ларя
ноги ноги побегги
с пана в небо ги ги ги
там у лика пана ключ
там улика я летуч
пана рыло не живо
за чечерину лети
за паганицу канай
за рогатину кукуй
ключ у пана калантан
лик у пана сторона
руки пана побега

13 января 1930 года

Под этим текстом, м. б. тогда же, записан следующий вариант:

<3>

Сарт упал, его хватают
в чемодан его кладут.
люди грозные летают.
камни крепкие бредут.
тонут в речке звёзды птичьи
девьи косы и холмы
Сарт бежит. в народном кличе
Сарт не видит серп луны
Серп луны лежат ключом
лезет в небо лунный пан
в небе бог одним плечом
открывает звездный план
и тотчас-же на дороге
рылом тукаясь в песок
незначительные боги
время дохлого кусок.
Сарт лежит. В его погудах
мысль баночкой звенит
и пастух на длинных дудах
солнца лик зовёт в зенит.

Наконец, имеется перечеркнутый вариант, в котором стихи 5-8 обведены синим карандашом с пометой: «Оставить»:

<4>

В двери Сарт ушел с ключом.
Стукнул месяц. умер пан.
В небе Бог одним плечом
открывает звёздный план.
И тотчас-же на дороге
рылом тукаясь в пески
незначительные боги
делят время на куски.
Мы несём времён посуду
отражаемся повсюду
над землёй несём корыто
над Меркурием корону
над Венерой умывальник
над Саратовым колоду
это мы даём природу
одичалому солдату
три вулкана лесут в воду
три царя идут в палату

<около 17 января 1930>

Против этого текста помета: «плохо, а могло бы быть и хорошо!»

Сартами в начале XX века называли коренное население Туркменистана.

268. *Полное собрание сочинений*. Т. 1. С. 225. Публиковалось как произведение Н. Олейникова.

1933

269. *Собрание произведений*. Кн. 2. С. 50.

Предполагается, что фамилией персонаж обязан иллюстратору детских произведений Введенского, Заболоцкого и др., художнику П. М. Кондратьеву (1902–1985).

270. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 51–52.

271. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 53–54.

272. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 56.

Посвящено А. И. Порет (1902–1984) – художнице, подруге Хармса, мемуаристке.

273. *Пути и миражи русской культуры*. СПб., 1994. С. 510.

Предполагается, что источником текста Хармса послужил описанный этнографами и фольклористами обычай христосованья с предками. В то же время Хармсу могла быть известна и средневековая легенда о слепце-проповеднике Бэде, когда камни ответили «Аминь» на его приветствие (легенда послужила сюжетом стихотворения Я. Полонского).

274. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 124.

275. *Театральная жизнь*. 1987. № 24. С. 18–21.

После: *(Показывает на горло)* – зачеркнуто:

П. М. – Ах, он противный молоток!
Ах, сделайте вина один глоток!
И ваши волосы как лён.
И я немножко в вас влюблён!
Теперь я всё сказал.
И сразу легче стало.
И тёплый ветер дует мне в лицо
Вы помните я прошлый раз держал в руке
записку?
Вот она!
Читайте!

М. И. – (Читает): Мария, вы меня пронзили.
Что это значит? Объясните.

После: *мне снятся ночью. Боже мой!* – зачеркнуто:

М. И. – Молчите!
вы меня смутили.
порвали мой прохладный сон
меня внезапно разбудили
и мне не снится больше он.

Интерпретируется как «перевернутая» «Пословица» К. Пруткина «Блонды».

276. *Полное собрание сочинений*. Т. 2. С. 393.

277. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 152.

После ст. 6 зачеркнуто:

испуг сверкал в её глазах
и ветер пел в её широких волосах.

Вариант окончания (зачеркнуто):

И если грузный крупом бык
Заслышит волка злобный рык
и если бык большой и темный
заслышит волка страшный зов
он громко бьёт копытом в стойло
и сторож запирает двери на засов.
И если бык кровавом глазом

278. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 154–155.

Среди автографов на отдельном листе вариант начала:

(Вбегает Рябчиков с кофейником в руке)

Рябчиков: Хочу пить кофе! Кто со мной?

Анна: Я, мои четыре подруги и дядя.

Рябчиков: Хорошо! Я буду пить кофе натуральный, а вы варите себе суррогат.

Анна: Нет, я тоже хочу натурального кофею.

Рябчиков: Хоти, не хоти, а я тебе всё равно не дам. У меня только пол кофейника.

Анна: Если ты не угостишь меня натуральным кофею, я разобью твою лупу.

Здесь первая реплика Анны первоначально была (зачеркнута):

Я, Миша, Муся, Архимед и дядя мой.

Имеется также стихотворный набросок:

молоко течёт в кувшинах
молоко забава коз
леса гибкие вершины
молоком покрыл мороз.

279. *Избранное*. С. 234.

Архитектор интерпретируется в контексте оккультных и мasonicких интересов Хармса.

разговор двух плотников – другая ипостась каменщиков?

Каблуков – см. 152, 410 наст. изд.

Мария – см. примеч. к 30 наст. изд.

280. *Избранное*. С. 87–89.

Включено Хармсом а автографический сборник «Случаи» (см. преамбулу к примеч.).

В отдельных автографах имеются два варианта начала текста (оба зачеркнуты):

<1> Не имеет заглавия:

Математик вынимающая из головы шар

вот он всему помеха
в мыслях шар, а в теле жар
сам не свой хожу от смеха.

Редактор журнала

«Стройка» у тебя математик в голове помойка.

Математик это шар

Редактор

<2> С окончательным заглавием

Математик (вынимающая из головы шар) Это свойство моей головы.

Андрей Семенович Приятное свойство.

Математик А вы думаете, вы лишены этого свойства?
Вы так думаете? Неужели вы думаете так?!

Андрей Семенович К чему такое беспокойство!
Я не открыл своих пятнадцать карт.

Я размышлял февраль и март
Всё думал думал, а в апреле
Меня весенние лучи согрели.

Андрей Семенович – см. 77 наст. изд.

281. *Грани*. 1971. № 81. С. 79–81. Включено Хармсом в автографический сборник «Случай» (см. преамбулу к примеч.).

В отдельном автографе два зачеркнутых варианта заглавия: «Случай, зарегистрированный доктором Галкиным» (вар. с именем и отчеством: «... Федором Лукьяновичем») и «О том, как писатели чутки к словам (водевиль)». Вместо отточий публикуемого текста в отдельном автографе во всех случаях слово написано полностью.

282. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 204.

Вариант:

Ветер воет и свистит
ветер в листьях шелестит
Гнуться сосны гнуться ели
даже башни ели ели
тоже гнуться точно прут
ну а вдруг да упадут!
ветер воет и свистит
и по крыше шелестит
загибает кверху жезь
раз два три четыре пять и шесть!

После этого стиха зачеркнуто:

Идёт старик по Невскому
с верёвочкой в руках
на встречу ветру резкому
трясётся на ногах

Далее продолжено:

Летят по небу шарики
летят они летят
летят по небу шарики
блестят шелестят

летят по небу шарики
а люди машут им.
летят по небу шарики
а люди машут им.
летят по небу шарики
а люди машут шапками
летят по небу шарики
а люди машут палками
летят по небу шарики
а люди машут булками
летят по небу шарики
а люди машут кошками
летят по небу шарики
а люди машут стульями
летят по небу шарики
а люди машут лампами
летят по небу шарики
а люди все стоят
летят по небу шарики
блестят и шелестя<t>

И люди тоже шелестят.

283. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 61.

284. *Contributions des savants suisses au Xe Congrès Int. des slavistes à Sofia, sept. 1988*. Bern, 1988. P. 156.

Над текстом зачеркнуто: «Пролог. Кока Брянский. Гвоздила. Восемь дам. Писатель Шварц. I Действие: Кока Брянский женится на Марусе Ф. Гвоздила же в это время подгадил служебные дела Коки Брянского».

Писатель Шварц – см. примеч. к 173 наст. изд.

285. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 135.

После ст. 21 зачеркнуто:

и слов моих никго не понимает
и так проходит жизни треть.

286. *Меня называют капуцином*. С. 85.

287. *Меня называют капуцином*. С. 86.

288. *Чиж.* 1933. № 7. С. 5–7; № 8. С. 16–17; № 11. С. 21; № 12. С. 20.

В автографах остались неопубликованные тексты этой серии, которые приводим ниже, воспроизводя в угловых скобках вычеркнутое Хармсом, когда без этих фрагментов прерывается смысловая связь текста:

<1>

Профессор Трубочкин в опасности

Профессор Трубочкин знает всё. Но есть один человек, который считает, что профессор Трубочкин ничего не знает. Этот человек Софрон Бобов. <Себя он называет великаном Бобовым. Действительно он очень высокого роста и очень сильный>. Вот портрет Софрона Бобова, нарисованный художником Тутиным. Как видите, портрет очень не ясный, но это потому, что у художника Тутина, когда он рисовал Софрона Бобова, очень тряслись руки. А руки у Тутина тряслись потому, что Софрон Бобов мог каждую минуту разорвать верёвки.

<2>

Я, писатель Колпаков, хожу теперь с повязанной головой. Я уже два месяца не брился, пятнадцать ночей не спал и десять дней не обедал. Я бегал по всему Ленинграду и разыскивал профессора Трубочкина. Но я его не нашёл. Профессор Трубочкин пропал. Зато вчера мне удалось отыскать великана Бобова. Оказалось, что Бобов совсем не великан. Даже я выше его ростом. Но зато Бобов обладает страшным голосом. Когда я спросил его: «где профессор Трубочкин?», Бобов начал мне что-то объяснять, но с таким грохотом, что я ничего не понял. Сначала у меня зазвенело в ушах и закружилось в голове, а потом вдруг стало совсем тихо. Я видел, как Бобов открывал и закрывал рот, и как от этого дрожит на столе посуда, качается на потолке лампа и лежащая на полу катушка с нитками то закатывается под диван, то опять выкатывается из-под дивана обратно. Тогда я понял, что я оглох. Я выскочил на улицу, сел в трамвай и поехал в редакцию. В трамвае передо мной стоял какой-то человек. Я спросил его: «Вы сейчас выходите?» Он мне ничего не ответил. Я подождал немного и спросил опять: «Вы сейчас выходите?» Он опять ничего мне не ответил. Тогда я сказал очень громко: «Да вы выходите сейчас или нет?»

Человек повернул ко мне голову и, молча глядя мне в глаза, восемь раз открыл и закрыл рот. Тут я обзлился и закричал на весь вагон: «Да вы выходите или нет?» Вдруг все повернули ко мне головы и стали молча открывать и закрывать рты и махать руками. Тогда я вспомнил, что я ведь оглох. Я поскорее слез с трамвая и пешком пошёл в ушиную лечебницу. Доктор долго ковырял чем-то у меня в ушах, а потом забинтовал мне всю голову. Теперь я хожу с повязанной головой и ничего не слышу. Но где профессор Трубочкин? Если кто услышит что-нибудь о профессоре Трубочкине, то пусть немедленно сообщит об этом по адресу: Ленинград, Дом Книги, Редакция журнала «ЧиЖ», писателю Колпакову.

<3>

Профессор Трубочкин лежал на полу, связанный по рукам и ногам толстой веревкой. Рядом, на табурете, сидел очень толстый человек и курил трубку. Это был великан Бобов.

Великанов нет, есть только очень высокие люди. А Бобов даже не был очень высоким человеком. Но сам себя он называл великаном.

– Ты, профессор Трубочкин, знаешь в сё, – говорил великан Бобов. – А я ничего не знаю. Почему это так?

– Потому что ты лентяй. Вот почему ты ничего не знаешь, – сказал профессор Трубочкин. – А я знаю так много, потому что я всё время что-нибудь изучаю. Вот даже сейчас, – я лежу связанный, разговариваю с тобой, а сам в голове повторяю таблицу умножения.

– Ох уж эта таблица умножения! – сказал великан Бобов. – Сколько я её ни учил, так и не мог выучить. Одиножды один – четыре! Это я ещё запомнил, а уж больше ничего в голове не осталось!

– Да, наука легко не даётся.

писатель Колпаков – см. 383, 430 наст. изд.

Бобов – одна из «гоголевских» фамилий у Хармса.

Петров – персонаж, популярный в текстах Хармса.

289. *Книжное обозрение*. 1988. № 43. 28 октября.

290. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 150.

291. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 145.
Вариант окончания (зачеркнут):

Елизавета в окошко бросала письмо.
Петр Палыч с восторгом скакал под окном
Елизавета в окошко бросала письмо
и письмо исчезало в момент.

Елизавета – см. примеч. к 46 наст. изд.
Петр Палыч – см. примеч. к 35 наст. изд.

292. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 64–65.

Только ты стоишь учитель – ср. с 279 наст. изд.: возможно идентифицировать их как разные ипостаси одних и тех же персонажей.

293. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 147.
После ст. 5 зачеркнуто:

Ты командир карандаша
движенья воздуха Сократ
Твоя улыбка хороша,
Но смех твой лучше во сто крат.

Среди автографов Хармса имеются два текста, которые при-
мыкают к комментируемому, как его парафразы:

<1>

Мария, ты цветок
и света удивительный поток
течёт из глаз твоих, Мария

13 августа 1933

<2>

Ты Мария! на руках твоих младенец.
Ты Мария потомучто молния в глазах твоих сверкает

<1933>

Возможно, что создание обоих текстов инициировано каким-
либо живописным произведением (одним из вариантов изобра-
жения Богородицы?).

Мария – см. примеч. к 30 наст. изд.

Генрих Зиновьевич Левин (1903–1971) – художник, редактор журналов «Ёж» и «Чиж».

294. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 70.

Вместо *Кумпельбаков* первоначально было: *Кюхельбекер* (зачеркнуто).

Кондратьев – см. 269 наст. изд. и примеч.

295. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 158.

Автограф перечеркнут.

296. *Собрание произведений*. Кн. 4. С. 5.

О. Л. С. – т. е. «Огонь любит свободу» (см. последний стих).

297. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 159.

298. *Полное собрание сочинений*. Кн. 1. С. 323–324.

Автограф зачеркнут.

299. *Собрание произведений*. Кн. 4. С. 6–7.

Первоначальный вариант (перечеркнут) имеет окончание:

от страшной ярости и выла
и слюни били точно в мыло.

высоко в небе звезды плыли
собаки лаяли и выли
стояла ночь довольно гнусная
в котле кипела каша вкусная
вокруг сидели два солдата
один без ног другой без рук
и были смелые когда то
и сам Суворов был им друг.

Под этим текстом помета Хармса: «Не пишется».

ципелин (правильно: *цеппелин*) – дирижабль, названный так в честь его конструктора Фердинанда Цеппелина (1838–1918).

в варианте:

Суворов – см. примеч. к 29 наст. изд.

300. Печ. впервые.

Макаров – см. 377, 553 наст. изд.

301. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 66–67.

Варвара Михайловна – см. 571 наст. изд.

302. *Избранное*. С. 143–144. Печ. по: *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 68–69.

303. *Искусство Ленинграда*. 1990. № 2. С. 84.

304. *Собрание произведений*. Кн. 4. С. 8.

305. *Собрание произведений*. Кн. 4. С. 70.

306. *Искусство Ленинграда*. 1990. № 2. С. 84.

Автограф зачеркнут.

307. *Новый мир*. 1988. № 4. С. 84–85.

308. *Полное собрание сочинений*. Т. 1. С. 244.

Приводим зачеркнутый вариант:

Лизавета со щеками
в виде яблок или слив
вышла в садик со щенками
плечи ловко оголив.

Елизавета – см. примеч. к 46 наст. изд.

309. *Аврора*. 1973. № 3. С. 77.

Бросайте дети в воду камни. // Рождает камень круг, // а круг рождает мысль – парафраз К. Пруткива: «Бросая в воду камешки, смотри на круги, ими образуемые; – иначе такое бросание будет пустою забавою».

310. *Летят по небу шарики*. С. 133–134 (контаминация нескольких вариантов).

Наиболее содержательные варианты:

<1>

Профессор: Прекратите этот крик
я профессор и старик
я с галдёжем не в ладу
я от крика упаду

Ребята Тихо!
тихо!
тихо!
ша!

Профессор Я сижу едва дыша!
Вьется кончик бороды.
Дайте мне стакан воды.

Ребята Тихо!
Тихо!
Тихо!
ша!

Профессор Я сижу едва дыша!
в ухе звон
в глазах круги
Боже Боже помоги!

Этот текст частично зачеркнут.

<2>

Профессор
Трубочкин
входя: Здравствуйте!
Здравствуйте!
Здравствуйте!
Здравствуйте!

Ребята: Здравствуйте!
Здравствуйте!
Здравствуйте!
Здравствуйте!

Профессор

Трубочкин: Я к вам приехал
Из страны котлет.

Ребята: Такой страны как будто нет.

Профессор

Трубочкин: Тогда я был в стране
где в озере стерляжья уха

Ребята: Но это тоже чепуха

Профессор

Трубочкин: Позвольте,
я однако видел сам,
как пар от озера
клубами поднимался к небесам
И жители той местности
уху хлебали ложками
и заедали
вынутыми из воды картошками.
Я сам попробовал уху.
Уха была на букву ять.

Ребята: Всё это занимательно,
Но чепуха опять.

Против этого текста помета Хармса: "Плохо!"

<3>

Профессор

Трубочкин: Здравствуйте!
Здравствуйте!
Здравствуйте!
Здравствуйте!

Ребята: Здравствуйте!
Здравствуйте!
Здравствуйте!
Здравствуйте!

Профессор: Я знаменитый профессор наук
прибыл из Южной Америки я

сяд<ь>те ребята скорее вокруг
вам расскажу об Америке я.

Ребята: Расскажите!
Расскажите!
Расскажите!
Расскажите!

Профессор: Тихо! Тихо!
Не кричать!
Задавайте мне вопросы
я вам буду отвечать.

Дети: Расскажите нам о том
Расскажите нам о сём
Расскажите расскажите
Расскажите обо всём

Профессор: Тихо! Тихо! Тихо! Тихо!
Не шуметь и не кричать!
Задавайте мне вопросы
я вам буду отвечать.

Петя: Что такое бегемот?

Профессор

Трубочкин: Это вот...
Это вот...
Это вот такого роста
не пройти ему и в дверь,
это... это, это просто...,
это просто страшный зверь.

Ср. с прозаическими текстами с участием того же персонажа –
288 наст. изд.

311. *Вопросы литературы.* 1987. № 8. С. 274.
Текст имел иное начало (зачеркнуто):

Грянул выстрел. Значит время
мне сражаться что есть сил
На коня вскочил и в стремя
ногу твёрдую вонзил.

И стегнув коня кнутом
я помчался быстро прочь
и скакал с открытым ртом.
наступила быстро ночь
и с кладбища без крестов
я услышал страшный вой
и кусты больших цветов
распускали запах свой

а также зачеркнутое в окончательном варианте заключение:

поднимая к небу руки
заговаривал ветра
Ветры! ветры я желаньем
больше вас не награжу
Я и сам одним дыханьем
ветры вас произвожу
и комар своим движеньем
производит ветры вас
ветры, в вашем положеньи
вы не вправе дуть на нас.

Пётр Келлер фигурирует в ещё одном зачеркнутом тексте Хармса сентября 1933 г.

Оставив мрачных дел забавы
Колпак на шапку переменяю
Берет весло и в путь летит

За этим тестом следует не получившие продолжения три стиха:

Оставив бурный век, он в книгу снова погрузился
От надоедливых друзей в суровой келье затворился
Лампаду скучную зажёл на стол чернильницу

На крыльце Мария с внуком – см. примеч. к 30 наст. изд.

312. *День поэзии*. Л., 1964. С. 292.

Стихотворение послано Хармсом в письме актрисе К В. Пугачевой. Помимо публикуемого имеются еще два равноправных варианта. Приводим их отличия.

<1>

После ст. 20 заключительные 8 стихов:

Что ты медлишь? Каждым часом,
ближе к смерти мчится мир,
приближаясь диким плясом
к вою нежных, сладких лир.
Гибнут горы, гибнут реки,
гибнут мухи, только миг
не изменится вовеки
от прохлады страшных пик.

<2>

После того же ст. 20 следует:

Или ждёшь пока желанье
из небес к тебе слетит
и груди твоей дыханье
мысль в слово превратит?
Мы живем не полным ходом,
не считаем наших дней.
Но минуты с каждым голом
Всё становятся видней.
С каждым часом, гнев и скупость
окружают нас вокруг,
и к земле былая глупость
отпускает взоры вдруг

Далее – публикуемый текст со ст. 25.

два точильщика жука – см. 209 наст. изд.

Ка – см. примеч. к 76 наст. изд.

313. *Собрание произведений*. Кн. 4. С. 71.

314. *Избранное*. С. 237–240.

После – *и всё по прежнему шалит в тебе коварный бес* –
зачеркнуто:

Александра

Федоровна: Я слышала, что буд-то Стасов
гостил у Веры Тимофеевны
и ночью изнасиловал её прислугу.
Но тут залаяла собачка

Николай II (1868–1918) и *Александра Федоровна* (1872–1918) – последний русский император и его жена, императрица – см. примеч. к 29 наст. изд.

дочь Мария – см. примеч. к 30 наст. изд.

315. *Полное собрание сочинений*. Т. 1. С. 324.
Автограф зачеркнут.

316. *Избранное*. С. 241–242.

317. *Slavica Helvetica*. Vol. / Band 41. P. 224–225.
Вариант начала (зачеркнут):

Одна красивая торговка
себе обрезала мизинчик
сказав себе «как я не ловка!»
закрыла быстро магазинчик
и выдрав за уши изрядно
своё невзрослое дитя
оделась пышно и нарядно
и в косы ленты заплетя
красой блистая беспримерной
в расцвете лет
походкой легкой горной серны
вошла к хирургу в кабинет.
хирург с торговки скинул платье
увидел женские красы
и заключив её в объятья
на кушетку

походкой легкой, гибко, робко – ср. в «Евгении Онегине»
Пушкина гл. 6, строфа XXX.

твоим ребром играет бес – парафраз поговорки.

318. Публ. впервые.

Далее в автографе последовательно записано и зачеркнуто
(предположительно делим на отдельные тексты):

<1>

ветры с севера задуют
с неба будет падать снег
вот и в речке скоро струи
свой оставят быстрый бег.

Что случилось? На дорожке
дети больше не кричат
и в стеклянные окошки
целый день дожди стучат.
возле речки кустик бедный
головой к земле поник
сверху дождик надоедный
льётся нам за воротник.
Я хожу поднявши ворот.
ветер треплет галстук мой.
Значит завтра едим в город
мы из лагеря домой.

<2>

Мы ребята едим в город
скрылся лагерь наш давно.
мы глядим, поднявши ворот,
из вагона, сквозь окно.

вон вдали идут гурьбою
люди из лесу домой,
вон завод мелькнул трубою
значит скоро город мой.

<3>

Я охотник, в эту сумку
на два дня кладу еду
взяв ружьё и крикнув «Пумку»
на тетёрку в лес иду.

<4>

По дороге еле еле
старичок идёт пешком
в старой трёпаной шинели
подпоясан ремешком.

На другом листе повторен публикуемый текст и за ним
зачеркнуты 4 стиха:

только дождик надоедный
целый день из тучи льёт.
По дороге путник бедный
в город Колпицын идёт.

319. *Собрание произведений*. Кн. 4. С. 19.

Приводим исключенный Хармсом текст (зачеркнут):

И где любовник шаловливый,
начальник дум твоей мечты?
Должно быть он – старик сварливый,
такой же дряхлый, как и ты.
Кричал сверчок, и буря выла,
и, встав могилы на краю,
ты всё прошла и всё забыла,
забыта молодость свою.

Под текстом помета Хармса: «Плохо».

320. *Литературная газета*. 1973. 31 января.

Возможно, прототип лица, к которому обращен текст (так сказать «ложный адресат», что нередко у Хармса) – поэт Никандр Андреевич Тювелев (1905?–1938), приятель Хармса.

Никандр – см. 180, 201 наст. изд.

321. *Cahiers du Monde russe et soviétique*. 1985. XXVI (3–4). P. 288.

Автограф перечеркнут. Вокруг – пометы Хармса: «Очень плохо» и дважды «Плохо».

322. *Полное собрание сочинений*. Т. 2. С. 393–394.

323. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 7.

Первоначальное заглавие: «Берег и странник».

Выше текста вариант:

всё об одном
всё об одном
всё об одном

почто спрашиваешь меня сера
всё об одном
всё об одном
всё об одном

отвечаю тебе берег
пей стаканы кверху дном

почто спрашиваешь меня сера
оставлять везде одну

отвечаю тебе берег
человек идёт по дну

почто спрашиваешь меня сера.
не горит ли в окнах свет

отвечаю тебе берег

324. *Slavica Helvetica*. Vol. / Band 41. P. 237–239.
Фома Бобров – см. примеч. к 147 наст. изд.

325. *Полное собрание сочинений*. Т. 2. С. 382.

326. *Полное собрание сочинений*. Т. 2. С. 382.

327. *Cahiers du Monde russe et soviétique*. XXVI (3–4). 1985. P.
289.

Вместо *Семенов* в автографе в одном случае зачеркнуто:
Пирогов (см. примеч. к 43 наст. изд).

Скаска – ср. с 172 наст. изд.

328. *Československa rusistika*. 1969. № 14. С. 80–84.

Имеется вариант без прозаического вступления, с заменой
Стрючкова на Петракова и с иным окончанием. После –

Козлов: Шаша –
следует:

Мотыльков: Вон ведь до чего дошёл!

Петраков: Человек не игрушка!

Мотыльков: Кого на помощь позовем?
Я в этом деле новичёк.

Петраков: Вы зацепились рукавом за
незначительный сучёк.

Мотыльков: Моя природа ездить по балам

Окнов: А мы природу пополам

Занавес

Включено Хармсом в автографический сборник «Случай».

Козлов – см. примеч. к 199 наст. изд.

Окнов – см. примеч. к 199 наст. изд.

Мотыльков – см. 334 наст. изд.

Петраков – см. 336, 377, 410, 424, 506 наст. изд.

329. *Литературная газета*. 1967. № 47. 22 ноября.

В одном из автографов первоначального варианта над текстом помета: «Действие I».

Включено Хармсом в автографический сборник «Случай».

В тексте находят пародию на чеховскую драматургию.

Евдоким Осипович и Ольга Петровна – ср. с теми же персонажами в «Любовь и Силин» К. Пруткива.

330. *Полное собрание сочинений*. Т. 2. С. 41.

Первоначальная фамилия Воронина: Варганов.

331. *Собрание произведений*. Кн. 4. С. 88.

Логофет – наименование хранителя печати, заведующего патриаршей канцелярией и архивом Константинопольской церкви в Средние века.

Слова забытых рагат – возможно, имеет отношение к индийской музыкальной терминологии и к учению йоги.

332. *Полное собрание сочинений*. Т. 1. С. 249.

333. *Собрание произведений*. Кн. 4. С. 63.

334. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 3–6.

На отдельном листе автограф фрагмента, место которого невозможно безусловно определить:

Хозяин Вот эта дверь ведет на двор

Иван Антонович О чём ведёте разговор?

Хозяин Так, ни о том и не о сём

Иван Антонович Давай те карты принесём.

Мотыльков Тогда остаться я не прочь.

Хозяин Ну ты мне мысли не морочь
Сказал уходиш и вали

Солдат Ферзёв
(вбегая) Стреляй! держи! руби! коли!

Хозяин Что тут за крик? Что за тревога?
Кто тут скандалист, того нога не
переступит моего порога.

Солдат Ферзёв
*(указывая
на баронессу
Пирогову)* Она ко мне вот так прильнула
Потом она меня кольнула
Потом она меня легнула
она меня солдата обманула.

Баронесса Пирогова – см. примеч. к 43 наст. изд.
не хуже Собинова – имеется в виду певец Леонид Витальевич
Собинов (1872–1934).

Иван Антоныч – см. примеч. к 2 наст. изд.

Мария – см. примеч. к 30 наст. изд.

Мотыльков – см. 328 наст. изд.

Уйду и с тувель сдую прах – парафраз евангельского текста
(Мф. 10.14).

из Порт-Артура – место сражения русских моряков с япон-
скими в 1904 г.

того нога не переступит моего порога – ср. 156 наст. изд.

335. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 148.
Ср. с 293 наст. изд.; ст. 5–6 – автоцитата.

336. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 233.
Петраков – см. примеч. к 328 наст. изд.

337. *Полное собрание сочинений*. Т. 1. С. 251.

338. *Slavica Helvetica*. Vol. / Band 41. P. 227.
сама Эсфирь с тобою рядом – вариант имени Э. Русаковой –
см. примеч. к 3 наст. изд.

339. *Slavica Helvetica*. Vol. / Band 41. P. 226.

Вариант (зачеркнут):

всё исчезло только фибр
каждый миг меня трясёт
да поток любовных игр
чувства бурные несёт
точно вихрь меня возносит
лижет в пятку ветра клуб
и куда меня забросит
может в воду, может в дуб
расшибусь и слабо крикнув
стукнусь боком в камня край
и умру спиной поникнув
а душа умчится в рай.
кончен путь житейских игр
в стену вбит последний гвоздь.
Так пускай любовный фибр
протрясёт мой ум и кость.

Между 1 и 2 строфами окончательного варианта зачеркнуто:

и рука сама хватает
дев за трепетную грудь
сам язык во рту болтает
что попало, как ни будь

340. *Полное собрание сочинений*. Т. 1. С. 253.

341. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 132.

342. Публикуется впервые.

Вариант продолжения (зачеркнут):

Её догнать моя забота
бегу вперёд изныв от пота.
А солнце греет мозжечёк
и все прохожие распарены,
и даже старый старичёк
сидел на солнце в виде человеческой разваленны.

343. *Полное собрание сочинений*. Т. 1. С. 249.

344. *Полное собрание сочинений*. Т. 1. С. 248.

Вариант:

птичка с маленькой головкой
на веточке сидит.
Человек стоит с винтовкой
на птичку пристально глядит.

345. *Полное собрание сочинений*. Т. 1. С. 325.

Над текстом вариант:

В окно глядел красивый Пятаков
Но ветер сильно дул.

Иван Петрович – см. примеч. к 60 наст. изд.

Пятаков – см. 62 наст. изд.

346. *Собрание произведений*. Кн. 2. С. 74.

Автограф зачеркнут.

347. *Собрание произведений*. Кн. 2. С. 75.

348. *Собрание произведений*. Кн. 2. С. 80.

Варианты (зачеркнуты):

<1>

вместо ст. 3 –

Пульхиреев нёс в руке

вместо ст. 4 –

ехал кверху вздев ладони

<2>

мимо горок и кустов
люди ехали в Ростов

<3>

Два солдата шли в Ростов
Пульхиреев и Дроздов
Пульхиреев нес камин

В альманахе «Чукоккала» одно из записанных в него своих стихотворений Хармс подписал: «Пульхирей Д. Х.» (Чукоккала. М., 1979. М. 391).

349. *Минувшее*. С. 452.

Под текстом помета: «неправильно».

350. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 72.

Вариант (зачеркнут):

Легкомысленные речи
За столом произнося
Ты сидишь, раскинув плечи,
Над жарким из карася.

351. *Русская мысль (Париж)*. 1988. № 3730. 24 июня. С. XI
(Литературное приложение. № 6).

См. примеч. к 265 наст. изд.

352. *Собрание произведений*. Кн. 2. С. 174.

Вариант (зачеркнут):

Ветер дул. Текла вода.
Пели птицы. Шли года.
А из тучи к нам на землю
падал дождик иногда.

Вот в лесу проснулся волк
фыркнул крикнул и умолк
а потом из леса вышел
злых волков огромный полк

Старший волк ужастным глазом
смотрит жадно из кустов
чтобы жертву зубом разом
разорвать на сто кусков.

Тёмным вечером в лесу
Я поймал в капкан лису
думал я: домой приеду
лисью шкуру принесу

12 августа 1933 года

Ветер дул, текла вода – автоцитата (см. 123 наст. изд.).

353. Публикуется впервые.

354. Публикуется впервые.

355. *Чиж*. 1934. № 2. С. 20.

Умная Маша – с этого текста становится постоянным персонажем журнала; ее приключения придумывали, помимо Хармса, другие авторы. Возможно, у Хармса возникла по аналогии с Умной Эльзой из сказки бр. Grimm – переводами их сказок намеревался заниматься Хармс.

356. *Собрание произведений*. Кн. 4. С. 26.

357. *Этнолингвистика текста*. С. 28–31.
Автограф зачеркнут.

358. *Собрание произведений*. Кн. 3. С. 98–99.
После ст. 24 зачеркнуто:

по молодым листикам
то не надо быть мистиком

После ст. 27 зачеркнуты варианты:

<1>

Всё пойму и всё поверю
только хвост не распушу
дайте мне крылатому зверю
гири круглой анашу
мне надо забыться
летая за мошками
с ножами вилками и ложками.

<2>

Я с ножами вилками и ложками
колокольчиком лечу за мошками
сердце горошина
тук тук говорит
лапка добычей перекошена
в крови малиновой горит
я слышу как энергично кипят желудочные
соки.

После ст. 37 зачеркнуто:

Мы перелетим тот холм высокий
И сядем отдохнуть и пообедать.
На костре ночных комет
сварим в миске полущи
мухи дичи пока кет
ты прибор прополощи

В варианте 1:

гири круглой анашу – см. примеч. к 49 наст. изд.

359. *Меня называют капуцином.* С. 112.

Миронов – см. 523 наст. изд.

360. *Проза.* С. 34–36.

Отчество персонажа по ходу текста изменяется.

361. *Минувшее.* С. 579.

Написано на другой день после выступления поэта А. И. Безыменского (1898–1973) на заседании Первого Всесоюзного съезда советских писателей. Выступление Безыменского было в значительной степени посвящено ответу на критику, прозвучавшую в докладе Н. И. Бухарина на вечернем заседании 28 августа: «...он стал сдавать, когда понадобилась уже тяжелая артиллерия литературного фронта, когда потребовалась большая глубина и мастерство поэтического выражения. ...он стал элементарен, стал „стареть“» (Первый Всесоюзный съезд советских писателей: Стенографический отчет. М., 1934. С. 492). На другой день на утреннем заседании критика Безыменского прозвучала в докладе Н. С. Тихонова о ленинградских поэтах: «... его стих потерпел значительное крушение» (Ук. изд. С. 507).

Выступления съезда, вероятно, инициировали еще ряд текстов Хармса – см. 362, 369 наст. изд.

362. *Soviet Union / Union Sovietique.* 1980. Vol. 7. P. 1–2.

См. примеч. к 361 наст. изд.

Форш Ольга Дмитриевна (1873–1961) – писательница.

Толстой Алексей Николаевич (1883–1945) – писатель. Хармс бывал у Толстого в Царском Селе в эти годы (см.: Конисская М. Ю. Вокруг океан бедствий. А мы смеялись // Общая газета. 1995. № 27. 8–12 июля).

Федин Константин Александрович (1892–1977) – писатель.

Стенич (псевд.; наст. фамилия Сметанич) Валентин Осипович (1898–1938) – переводчик, литературный критик.

363. *Невское время*. 1991. № 88. 27 июля.

364. Публикуется впервые.

365. *Русская мысль (Париж)*. 1985. № 3550. 1 марта (Литературное приложение 1).

После – и вспомнишь сразу – зачеркнуто:

Ну конечно, если представиться случай поглотать камни, то уж не станешь этого делать.

Священное равновесие (здесь: *ровновесие*) культивировалось в Древнем Египте, интерпретировалось Платоном и являлось одним из важных терминов в онтологии Хармса и его друзей. Сопровождается понятием «небольшой погрешности» (как, например, в этом тексте), сопоставимым с библейским: «Есть зло, которое видел я под солнцем, это – как бы погрешность, происходящая от властелина» (Екк. 10.5–7). Хармс основал для дружеского круга Орден равновесия с небольшой погрешностью (см.: Хармсиздат представляет: Исследования. Эссе. Воспоминания. Каталог выставки. Библиография. СПб., 1995. С. 29, 33, 39).

Николай Иванович Сертухов – см. 366, 367, 377 наст. изд.
на улице Лассаля – до 1918 г. Михайловская, с 1940 г. ул. Бродского.

366. *Континент*. 1980. № 24. С. 279–280.

Над текстом помета Хармса: «3<?> апреля 1938 года»; под текстом: «Надо переписать и исправить» (записано собственным шифром – см. примеч. к 581 наст. изд.).

Заглавие отсылает к кантовскому выражению «явления и их существования» в «Критике чистого разума».

Художник Миккель Анжело – игра с именем итальянского художника Микеланджело Буонарроти (1475–1564). Этот персонаж идентифицируется с К. Малевичем (см. примеч. к 31 наст. изд.).

встречает Комарова – см. 375, 641, 698 наст. изд.

Николай Иванович – см. 365, 367 наст. изд.

367. *Континент*. 1988. № 24. С. 280–282.

См. примеч. к 366 наст. изд.

Николай Иванович Серпухов – см. 365, 366, 377 наст. изд.

368. *Избранное*. С. 246–251.

Над текстом помета Хармса: «Хорошо».

Мастер Леонардо – ср.: председательствующего на ежегодном сборе ведьм и колдунов (шабаше) зовут messir Leonard.

Дидаскалии – в Древней Греции хронологические записи хоровых и драматических представлений (Словарь античности. М., 1992. С. 181).

с картузом, полным малины, в руках – ср. с фуражкой спелых черешен в «Выстреле» Пушкина.

Ты все время исчезаешь и появляешься вновь – ср. в 379 наст. изд.

369. *Минувшее*. С. 575.

См. примеч. к 361 наст. изд.

Н. Бухарин в своем докладе назвал Пастернака «поэтом, наиболее удаленным от злобы дня» (Ук. изд. С. 494). Пастернак выступал на съезде на одном заседании с Безыменским.

370. *Меня называют капуцином*. С. 99.

К этому тексту примыкает зачеркнутый:

Вот однажды Хвилищевский погнался за Иваном Ивановичем Пузырёвым. Иван Иванович Пузырёв убежал на двор и спрятался в помойную яму.

Хвилищевский раскраснелся весь, бегаёт по двору и ищет Ивана Ивановича Пузырёва. А Пузырёв-то возьми и выгляни из помойной ямы.

Тут Хвилищевский увидел Пузырёва, кинулся к нему вып

Иван Иванович Пузырёв – см. примеч. к 164 наст. изд.

Пара: *Хвилищевский-Факиров* – см. 387 наст. изд., а один Хвилищевский – 385 наст. изд.

Тут все начали говорить по-своему – подобно вавилонскому смешению языков.

371. *Собрание произведений*. Кн. 4. С. 31.

Он принёс мне букет тёмнокрасных гвоздик – символизирует невинно пролитую кровь, что вместе с: *наши предки ходили на*

войну в стальной чешуе – быть может, отсылает к эпохе крестовых походов Людовика IX, лечившего гвоздикой чуму.

372. *Собрание произведений*. Кн. 4. С. 30.

Под текстом помета Хармса: «Плохо».

373. *Собрание произведений*. Кн. 4. С. 32–33.

и на лбу твоём высоком – парафраз «Кавказского пленника» Пушкина («И на челе его высоком...»); ср. также в «Демоне» Лермонтова.

374. *Slavica Helvetica*. Vol / Band 41. P. 239–240.

Лев Маркович – возможно идентифицировать с одним из знакомых Хармса, прозаиком и переводчиком Вейсенбергом (1900–1973).

пистон – совокупление (жарг.).

375. *Меня называют капуцином*. С. 126–128.

Петров – см. примеч. к 288 наст. изд.

Комаров – см. примеч. к 366 наст. изд.

376. *Енисей*. 1988. № 5.

В. Пропп, с которым Хармс был лично знаком и «Исторические корни волшебной сказки» которого вышли в год написания наст. текста, пересказывает по Фробелиусу миф о Мауи, где герой-бог так сообщает о своем рождении: «Я знаю, что я преждевременно родился на морском берегу. Ты (обращение к матери) завернула меня в прядь своих волос, которую нарочно для этой цели обрезала, и бросила меня в морскую пену. Там меня оплела морская трава длинными ростками, образовала меня и дала мне форму. Многие рыбы облегали меня, чтобы меня защитить. Мириады мух жужжали вокруг меня и откладывали свои яйца на меня. Стаи птиц собирались вокруг меня, чтобы клевать меня <...>» (В. Пропп. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1934).

377. *Грани*. 1971. № 81. С. 81.

Включено Хармсом в автографический сборник «Случаи» (см. преамбулу к примеч.).

Петраков-Горбунов – см. 328 наст. изд.

Макаров – см. примеч. к 300 наст. изд.

Серпухов – см. примеч. к 365, 367 наст. изд.

378. *Избранное*. С. 83–84.

Включено Хармсом в автографический сборник «Случаи» (см. преамбулу к примеч.).

Ситуация наст. текста идентифицируется с различными источниками, в т. ч. с гоголевскими словами, цит. в кн. Д. Мережковского «Гоголь и черт»: «Я, например, увижу что кто-нибудь споткнулся, тотчас же воображение за это ухватится, начнет развивать...».

379. *Грани*. 1971. № 81. С. 77.

Мотив «оптического обмана» возводится к рассуждениям Г. Гельмгольца об «обманчивых ощущениях» и философским идеям Канта (см. 368 наст. изд.).

Семен Семенович – идентифицируется с гоголевским персонажем Семеном Семеновичем Батюшек из неосуществленного произведения, содержанием которого является постоянное разглядывание героем всего, происходящего перед его окнами (см. примеч. к 2 наст. изд.).

380. *В мире книг*. 1987. № 12.

381. *Полное собрание сочинений*. Т. 1. С. 258–260.

Вариант начала (зачеркнут и имеет внутри себя правку):

Стоит средь волн морских пустынный остров
Над ним скалы громадный остов
Бросает каменную грудь. Путь ветру лбом пересекает
Года проходят, Ночь сменяет день.
Проходит ночь, проходит день
Наступит ночь и снова яркий день
Пересекает путь ветрам ветру путь
Темнеет ночью, днем сверкает
Под солнца пламенным лучом
И хищным глазом в даль сверкает
Орёл сидящий на скале.

Как пух по воздуху несёт // И вдруг с размаха обзёмь бьёт – ср. в «Евгении Онегине» Пушкина: «Летит, как пух от уст Эола: // То стан совет, то разовьет, // И быстрой ножкой ножку бьет».

382. *Собрание произведений*. Кн. 4. С. 27–29.

После ст. 38 – зачеркнуто:

За ним другой цветок и третий
Потом четвёртый и так дале
Играя краской в ярком свете
Летят из неба к <1 нрзб.>
Ура! И два воздушных шара
летят над миром легче пара

После ст. 62 – зачеркнуто:

Толпа как дым песок и лава
Поглотит мышление твоё
Такая честь! Такая слава!
Уж лучше б не было её.
Мы криком вызовим на бой
Твои тщеславные замашки
И пустим по миру в рубашке
Тебя гулять самим собой.

383. *Летят по небу шарики*. С. 152–153.

В начале текста, после – *по имени Фёдор Фёдорович Колпаков* – следовало (зачеркнуто):

И любил он говорить о том, что ничего он не боится.

Вот однажды сидел он у себя в комнате за столом и ел картошку. Вдруг по полу пробежала мышка, быстро быстр, буд-то серый шарик по полу прокатился.

Другой бы испугался, стал бы людей на помощь звать. А Фёдор Фёдорович Колпаков даже не вскрикнул, вскочил только на стол, а со стола залез на шкаф и просидел там четыре часа.

А то ещё так было: шёл храбрый Фёдор Фёдорович по улице, вдруг слышит что то гудит: ж ж ж ж ж ж!

Фёдор Фёдорович – см. примеч. к 2 наст. изд.

Колпаков – см. примеч. к 288 наст. изд.

384. *Полное собрание сочинений*. Т. 2. С. 379–380.

Автограф зачеркнут.

385. *Меня называют капуцином*. С. 100.

Хвилищевский – см. также 370, 387 наст. изд.

386. *Театр*. 1991. № 11. С. 13–17.

Иван – см. примеч. к 2 наст. изд.

387. *Собрание произведений*. Кн. 4. С. 20–25.

В автографе после – *Вы будите?* – зачеркнуто:

Да, отвечаю, буду.
И книгу в сторону кидаю
и одеваю лучшую пару
и свою келью покидаю
и стол и кресло и гитару.
И бреюсь, одеваю лучший галстук
и выхожу к трамвайной остановке

После – *Врывается в частную жизнь!*– зачеркнуто:

Верочка Портите номер!

Антон Антонович Срывает репетицию

после – *таить в себе любовные страсти* – зачеркнуто:

Я в парк от мира удаляюсь
среди травы один валяюсь
и там любви как ангел внемлю
и как кабан кусаю землю
Потом во мне взрывается река
и я, походкой старика
спешу в назначенное место
где ждёт меня моя невеста.

После – *О Боже! Боже!*– зачеркнуто:

Верочка Ах, оставте, в ваши годы
стыдно к девочкам ходить
Ваши речи, точно воды,
их не могут возбудить.
вы беззубы, это плохо.
Плешь на четверть головы,
вы старик, и даже вдоха
удержать не в силах вы

Факиров – см. примеч. к 370 наст. изд.

Хвилищевский – см. примеч. к 370 наст. изд.

Антон Антонович – см. примеч. к 186 наст. изд.

Я не имею большие власти // таить в себе любовные страсти – автоцитата (см. 271 и 413 наст. изд.).

388. *Собрание произведений*. Кн. 4. С. 75.

Текст, вероятно, основан на новозаветном сюжете о воскрешении Лазаря.

1935

389. *Чи.ж.* 1935. № 1. С. 12–13.

390. *Собрание произведений*. Кн. 4. С. 35.

391. *Грани*. 1971. № 81. С. 73–74.

Соотнесено с библейской историей Иова.
в Наркомтяжпроме – Народный Комиссариат тяжелой промышленности.

392. *Континент*. 1980. № 24. С. 278–279.

Иван Яковлевич – см. 538, 566 наст. изд.

393. *Континент*. 1980. № 24. С. 282–283.

9 января (см. дату текста) действительно было «праздничным» – днем памяти жертв 9 января 1905 года.

дворник Ибрагим – дворником дома, где проживал Хармс, был Ибрагим Киржанович Кильдеев (присутствовал на обысках в 1931 и 1941 г.г. – см. примеч. к 146 наст. изд.).

394. *Грани*. 1971. № 81. С. 66–67.

Иван Семенович – персонаж произведения А. К. Толстого «Опрометчивый турка, или Приятно ли быть внуком?» (см. примеч. к 102 наст. изд.).

После – *опять начал сваливаться с тумбы* – другой вариант окончания (зачеркнут):

А потом опять всё пошло поехало, а милиционер стоял и весело помахивал своими белыми перчатками.

Включено Хармсом в автографический сборник «Случаи» (см. преамбулу к примеч.), но потом исключено им.

395. *Русский курьер*. 1993. № 1. С. 16.

Над текстом помета Хармса: «Упражнения в классических размерах (УКР)». См. также 397, 399, 575 наст. изд.

396. *Slavica Helvetica*. Vol. / Band 41. P. 229.

Липавский – см. вступит. статью и примеч. к 63 наст. изд.

397. *Вопросы литературы*. 1987. № 8. С. 272.

Записан на том же листе, что и текст 395, что позволяет распространить и на наст. текст помету «Упражнение в классических размерах».

398. *Проза*. С. 44–46.

Антонина – вариант имени Антон (см. примеч. к 186 наст. изд.).

399. *Русская литература*. 1970. № 3. С. 157.

Над публикуемым текстом записан и зачеркнут вариант с пометой: «УКР» (см. примеч. к 395 наст. изд.):

Вот сборище друзей оставленных судьбою:
Противно каждому другого слушать речь;
Не прыгнуть больше в верх, не стать самим собою,
Насмешкой колкою не скинуть скуки с плечь.
Давно оставлен спор, ненужная беседа
Сама заглохла вдруг, и молча каждый взор
Презреньем полн, копьём летит в соседа
Сбивая слово с уст. И молкнет разговор.

23 января <19>35 г.

В свою очередь, приведенный вариант имеет многочисленную правку в каждом ст.

Олейников – см. вступит. статью и 54 наст. изд. К нему обращен еще один текст Хармса, вероятно, 1934–1935 гг.:

Я могу ответить Олейникову
ибо это он написал о зубном порошке.
это он познал муху и таракана.

Вариант ст. 2:

ибо нет больше коварства в душе моей

Гомер – легендарный древнегреческий поэт.
Гете Иоганн Вольфганг (1749–1832) – немецкий писатель;
см. примеч. к 141, 155, 201 наст. изд.
Данте Алигьери (1265–1321) – итальянский поэт.
Бунин Иван Алексеевич (1870–1953) – писатель.

В варианте:

оставленных судьбою – ср. 401 наст. изд.

400. *Избранное*. С. 252.

Наташе – см. примеч. к 29 наст. изд.

фонари на Невском тушат – см. примеч. к 28 наст. изд.

401. *Русская мысль (Париж)*. 1988. № 3730. 24 июня. С. XII
(Литературное приложение 6).

Когда оставленный судьбою – ср. 399 наст. изд.

402. *Вопросы литературы*. 1987. № 8. С. 274.

403. *В мире книг*. 1987. № 12.

Первоначальное заглавие (зачеркнуто): «Актон Болгарин».

Антон Бобров – см. примеч. к 147 и 186 наст. изд.

Мария – см. примеч. к 30 наст. изд.

404. *Чиж*. 1935. № 3. С. 12–15; № 4. С. 21–23.

Иван Иваныч – см. примеч. к 2 наст. изд.

405. *Собрание произведений*. Кн. 4. С. 41.

Одним из сюжетов волшебной сказки является испытание едой: способность много есть – знак магических способностей и вообще воли к жизни (и наоборот).

406. *Ёж*. 1935. № 5. С. 21.

Возможно сравнение с вступлением к «Медному всаднику» Пушкина.

407. *Troels Andersen. Malevich*. Stedelijk Museum. Amsterdam, 1970. P. 16.

Первоначальный текст имел заголовок «Послание к Николаю» и дату: 5 мая 1935 г. По смерти К. Малевича Хармс изменил по всему тексту «Николай» на «Казимир» (имеется автограф с такой правкой) и переписал новый вариант набело,

поставив дату: 13 мая. Текст прочитан Хармсом на гражданской панихиде по Малевичу (см. также примеч. к 31 наст. изд.).

Стилистические свойства текста позволяют идентифицировать его с образцами древнеегипетской письменности.

408. *Собрание произведений*. Кн. 4. С. 43.

409. *Чиж*. 1935. № 7. С. 19–22.

После – «жил был кузнец...» <...> и положил карандаш – зачеркнуто:

– Ну как же, – сказала Леночка. – Разве ты не знаешь о том, как один кузнец ковал подкову и поднял руку с молотком. Вдруг у него в плече что-то щёлкнуло. Кузнец попробовал опустить руку, а она не опускается. Тогда кузнец попробовал хотя бы молоток из рук выпустить. Но пальцы ни за что не разжались. Кузнец испугался и побежал к своей жене. Жена увидела, что кузнец бежит к ней с вытаращенными глазами и с поднятой рукой, а в руке держит огромный молоток, – закричала и кинулась бежать.

Ваня – см. примеч. к 2 наст. изд.

Карл Иванович Шустерлинг – см. 424, 499, 519 наст. изд.

410. *Современная драматургия*. 1992. № 1. С. 227–238.

Написано для Театра марионеток при Союзе писателей, руководимого Л. В. Шапориной (1879–1967). На машинописном экз. пьесы с режиссерскими ремарками помета Шапориной: «Пьеса сдана в окончательном виде (но без заключительной песни) 8 августа. Начали репетиции 5 августа 35 г.». Премьера состоялась в октябре 1935 г.

Помимо публикуемого машинописного текста с правкой Хармса и пометами Шапориной, сохранился автографический вариант части текста, имеющий существенные отличия:

Исчезновение Вергунова
(конец первого действия)

Директор. Сейчас выступит знаменитый факир Хариндроната Пиронгрохата Черингромбом бом хата! Он приехал из Индии и привез с собой страшную ядовитую змею. Сейчас он покажет вам удивительные индусские фокусы. Смотрите на него.

На сцену под музыку выходит Вертунов. Директор бросается на Вертунова.

Что! Вы опять тут! Держите его! Убью!

Вертунов, а за ним директор, убегают. На сцену с другой стороны выходит факир. Начинаются номера факира. На сцену выходит директор. Глядя на искусство факира, директор время от времени восклицает: «Замечательно! Удивительно! А, как это поразительно!» Под конец факир дудит в дудочку. На сцене появляется ящик. Факир открывает ящик, показывает, что он пустой, и говорит директору:

Факир. Бангалибамба усурсенкус тетер граха!

Директор. А! Хорошо, хорошо, сейчас объясню. Дорогие зрители! Факир Хариндроната Пиронгрохата Черингромбом бом хата просит сказать вам, что сейчас он покажет индусский фокус с волшебным ящиком. Факир Хариндроната Пиронгрохата Черингромбом бом хата просит обратить ваше внимание на то, что ящик совершенно пустой.

Факир закрывает ящик и говорит заклинание, потом открывает ящик и играет на дудочке. Из ящика выползает змея. Начинается номер со змеей. По окончании номера змея опять залезает в ящик. Факир закрывает ящик, произносит заклинание, открывает ящик

опять и показывает, что он пустой.

Директор. Ах, а где же змея?

Факир. Граха.

Директор. Граха. Исчезла! Вот здорово! А что, если в ящик (стучит по ящику) положить ну скажем... ну... ну вот эту табуретку! (Стучит по табуретке). Если ее сунуть в ящик, она тоже исчезнет. Тоже граха.

Факир. Граха.

Директор. Вот это интересно! Ну-ка, попробуем! (Сует табуретку в ящик и закрывает крышку). Что теперь надо делать?

Факир подходит к ящику, отстраняет директора и произносит заклинание. Потом открывает ящик. Ящик пустой.

Факир. Граха.

Директор (заглядывая в ящик). Действительно, граха! Вот это ловко!

Вертунов (*выходя на сцену*). Дозвольте выступить.

Директор (*кидается к Вертунову и рычит. Потом вдруг останавливается, хлопает себя рукой по лбу и говорит*). Ааа-а! Вот это я ловко придумал! Вертунов! Вы хотите выступить?

Вертунов. Очень бы хотелось выступить-то!

Директор. Сейчас! Обождите минутку! (*Подходит к факиру*). Гражданин факир Хариндроната Пиронгрохата Черингромбом бом хата, скажите мне, пожалуйста, вот если этого вот человека, вон, Вертунова, сунуть в ящик, он тоже граха?

Факир. Граха.

Директор. Вот это здорово! Наконец-то я от него избавлюсь! Ура! Вертунов! Идите скорее сюда! (*В публику*). Волшебное исчезновение Вертунова! (*Вертунову*). Полезайте в ящик!

Вертунов. Зачем же в ящик?

Директор. Ну скорее, скорее!

Факир (*подталкивает Вертунова и начинает говорить заклинание*). Гырабам Дырабам Ширабам Дуринли! Гырабам Дырабам Ширабам Пундири!

Вертунов. Зачем в ящик! Не хочу в ящик! Пустите!

Факир закрывает за Вертуновым крышку и еще раз произносит заклинание. Сначала из ящичка слышны крики Вертунова: «Пустите! Не хочу! Ой, спасите!» Но когда факир произносит: «Граха! граха, граха!» крики смолкают. Факир открывает ящик.

пустой.

Факир. Граха.

Директор. Граха! Исчез! Вертунов граха! Исчез Вертунов! Ура-а-а!

Конец первого действия

Второе отделение

Директор. Ну вот, начинаем наше второе отделение. Вертунова больше нет, и никто не будет нам мешать... Смотрите! Вы видите на арене стеклянный аквариум. Так вот, артисты наденут водолазные костюмы, спустятся в аквариум и будут под водой проделывать свои номера. Это очень опасно: аквариум может разбиться, и тогда вода зальет весь цирк. Но Вертунова нет, нам никто мешать не будет, и потому все пройдет благополучно!

Сейчас выступит канатная балерина Арабелла Мулен-Пулен. Музыка. (*Увидя ящик*). Вот безобразие! Не убрали ящика! Иван Иванович! (*На сцену выбегает клоун*). Этот ящик надо убрать. (*Директор уходит*).

Клоун подходит к ящику и пробует его сдвинуть с места. Но ящик с места не двигается.

Клоун. Ой-ой-ой! Какой тяжелый ящик! Ваня Крюкшин, пойди-ка сюда!

Выходит Ваня Крюкшин.

Клоун. Ну-ка, помоги мне сдвинуть этот ящик.

Ваня. Сейчас.

Оба пробуют сдвинуть ящик, но ящик не двигается.

Ваня. Почему же он такой тяжелый!

Клоун. Знаешь что? Давай откроем ящик и посмотрим, что там внутри.

Ваня. Правильно! Давай откроем!

Открывают ящик. Ящик пустой.

Ваня. Вот так штука! Пустой, а такой тяжелый!

Закрывают ящик. В ящике стук.

Клоун. Что это?

Ваня. Что это?

Голос из ящика. О! Выньте меня из ящика!

Клоун и Ваня отбегают в сторону.

Клоун. Кто там?

Голос из ящика. Это я! Вертунов!

Клоун. Где же ты?

Вертунов. В ящике!

Клоун и Ваня смотрят в ящик.

Клоун. Ты видишь Вертунова?

Ваня. Нет.

Клоун. И я не вижу!

Голос. Ой, спасите! Ой, помогите!

*Дно ящика выламывается и оттуда выглядывает голова
Вертунова.*

Ваня. Бот так штука!

Клоун. Как же это так?

Вертунов. Ой! Да меня тут какой-то факир, что ли, в этот ящик посадил. А в ящике-то два дна. Я под второе-то дно и провалился. А потом меня что-то сверху прижало, и оказался я в темноте. Я слышал, как тут говорили, что будто я куда-то пропал, а никуда я не пропал! Все время тут и сидел! Ой! А теперь мне руки и ноги свело, и спина даже болит! Ой! Помогите мне вылезти из ящика!

Клоун. Сейчас, сейчас! (*Тянет Вертунова из ящика*). Ваня Крюкшин! Помоги мне!

Тянут вдвоем Вертунова.

Вертунов. Ой, больно! Ой-ой-ой-ой!

Клоун. Ничего, ничего! Потерпи немного! Сейчас мы тебя вытянем!

*Тянут Вертунова. У него вытягивается шея, руки и ноги.
Наконец Вертунов вылезает из ящика и становится на пол.*

Клоун и Ваня. Ай-ай-ай! Что это с ним?

Вертунов. Что же это со мной? А? Что вы со мной сделали?

Клоун. Да мы вас вытаскивали из ящика и немножко растянули.

Вертунов. Немножко растянули! Я вам покажу, как меня растягивать! Куда же я таким покажусь? Какой я был раньше красивый! А теперь на кого же я похож?

Клоун. Успокойтесь, товарищ Вертунов! Вы вовсе уж не такой смешной, как вы думаете. Посмотрите на себя в зеркало.

Вертунов. Где у вас тут зеркало?

Клоун. А вот посмотритесь в аквариум.

Вертунов смотрится в аквариум.

Вертунов. Что! Это я такой! Нет! Нет, нет! Это зеркало врет!
Это зеркало врет! Врет! врет!

Вертунов разбивает аквариум. Звон разбитого стекла. На сцену течет вода. Играет музыка.

Вертунов. Караул! Вода!

Ваня. Вода! Вода!

Клоун. Аквариум разбился! Спасайтесь!

Вертунов. Вода! Караул! Тонем! Спасите!

*Затопление цирка. Сцена затоплена водой.
Выплывает директор.*

Директор. Брр. Брр. Пуф. Пуф. Вот так история! Этот Вертунов (чтоб ему пусто было!) появился, говорят, опять и разбил аквариум. Пуф. Пуф. Цирк залило водой.

Выплывает дрессировщица Зоя Гром.

Зоя. Ах, ах! Что такое случилось! Я, кажется, под водой!

Директор. Да. Вертунов (чтоб ему пусто было!) разбил, говорят, аквариум, и вода залила весь цирк.

Зоя. Ах, какой ужас. *(Уплывает).*

Директор. А мы не успели надеть водолазные костюмы!

Выплывает факир.

Факир. Директор! Директор!

Директор. А! Это вы, факир Хариндроната Пиронгрозата Черингромбом бом хата!

Факир. Какой я факир! Какой я бом бом хата! Где моя змея!

Директор. Как же это, вы индус и вдруг по-русски говорите?

Факир. Какой я индус! Не индус я! Да не в этом дело! Где моя змея? Ведь если она вырвется из ящика, она всех съест! Где моя змея? *(Уплывает).*

Директор. С одной стороны вода, с другой стороны змея. Что делать?

Выплывает Лепехин верхом на лошади.

Лепехин. Тпр... Нноо! Тпр... Говорят тебе тпрр! Эй! Что такое случилось?

Директор. Мы все утонули!

Лепехин. Что?... Тпрр!... Что такое?... Тпрр, говорят тебе! Тпр! (*Лошадь уносит Лепехина*).

Директор. Значит, я утонул. Но тогда, значит, я умер!

Выплывает Силач кверху ногами.

Силач. Объясните мне, что это значит?

Директор. Это значит, что мы все утонули и умерли.

Силач. Ничего не понимаю! (*Уплывает*).

Директор. Я тоже ничего не понимаю! Если я умер, то я не могу двигаться. А ну-ка пошевелю рукой. Шевелится! Ну-ка, пошевелю ногой! Тоже шевелится! Ура! Значит, я жив!... Но как же так?... Аааа! Начинаю понимать. Ура! Все понял! Мы находимся под водой, но от воды с нами ничего не делается, потому что мы деревянные!

Выплывает балерина.

Балерина. Ах! Ах! Ах! Ах! Я, кажется, утонула!

Директор. Да, мы все утонули, но так как мы деревянные, то с нами от воды ничего не делается.

Балерина. Фу, какие вы глупости говорите! Нет! Нет! Нет! Какая же я деревянная, если я такая красивая!

Директор. А вот голова моя тоже деревянная, а очень, очень умная!

Балерина. Ах! Смотрите! Что это такое плывет сюда?

Директор. Где? Это? Ой-ой-ой-ой-ой! Спасайся, кто может! Это индусская змея! Она вырвалась из ящика, и теперь она нас всех съест!

Балерина. Змея! Спасите! Спасите!

Балерина и директор убегают налево. Справа на сцену выплывает, шипя и извиваясь, змея. Потом уплывает налево. Справа выбегает факир.

Факир. Где моя змея? Где змея? Не видели вы мою змею? Где моя змея?

Факир убегает налево. Справа на ящичке верхом выплывает Вертунов.

Вертунов. Где этот халдей, или факир, или как его там! Попадись он только мне! Я его самого в ящик засажу! Ведь какой я был раньше красивый! А теперь на что я стал похож? Ну что это за ноги? Тпфу! Смотреть на них не могу! А рука? Тпфу! Еще хуже, чем нога! Ооооо! Попадись мне только этот факир! *(Уплывает налево).*

Справа выплывает змея, извиваясь проплывает через всю сцену и уплывает налево. Справа выходит директор с ломом в руках.

Директор. Хоть голова у меня и деревянная, а очень, очень умная! Я выдумал, как освободиться от воды и от змеи! Вот этим ломом я пробью в полу дырку, и вода через эту дырку вытечет в подвал. А потом я этим ломом убью змею! Вот как я ловко придумал своей деревянной головой! Ну-с, начинаю. *(Стучит ломом по полу).* Раз... два... три... четыре... пять... Ура! Вода пошла в подвал! Ну теперь пойду искать змею!

Выплывает Вертунов.

Вертунов. Где этот факир? Попадись мне этот факир!

На сцену выплывает змея.

Вертунов. Ой! Что это? Никак змея! Ой, спасите! Ой-ой-ой-ой-ой! *(Змея хватает Вертунова и уплывает с ним наверх).*

Играет музыка.

Сцена: «Спуск воды».

Музыка.

Сцена пуста. На сцену выбегает факир.

Факир. Где моя змея! Где моя змея!

Сверху слышен страшный крик, и на сцену падает Вертунов, обвитый змеей.

Факир. Вот она! Вот она! *(Играет на дудочке. Змея оставляет Вертунова. Факир продолжает играть на дудочке, и змея заползает в ящик. Вертунов встает, расправляется и подходит к факиру).*

Вертунов. А! Вот ты где!

Факир. Что вам угодно?
Вертунов. Ты факир?
Факир. Да, я факир!
Вертунов. Это твой ящик?
Факир. Да, это мой ящик.
Вертунов. А! Вот тебя-то мне и нужно! Это ты меня в этот ящик посадил?
Факир. Я по-русски не понимаю.
Вертунов. Нет, это, брат, врешь! Только что по-русски говорил, а сейчас вдруг сразу и не понимаю! Полезай в ящик!
Факир. Ой, я не виноват!
Вертунов. А кто же виноват?
Факир. Это директор велел мне вас в ящик посадить.
Вертунов. Врешь?
Факир. Честное слово.
Вертунов. Хм... Пойду поймаю директора. *(Уходит).*
Факир. Пока Вертунов ищет директора, удеру-ка я домой! *(Хватает ящик и хочет убежать, но сталкивается с директором).*
Директор. Куда это вы спешите?
Факир. Да вот поймал змею в ящик и спешу ее поскорее домой отнести.
Директор. А змея уже в ящике?
Факир. Ну да, она чуть Вертунова не задушила.
Директор. Как Вертунова?
Факир. Ну да, она обвилась вокруг Вертунова и чуть-чуть его не задушила. Но я ее дудочкой в ящик заманил и Вертунова спас.
Директор. Да зачем же вы Вертунова спасли! Значит, он опять тут!
Факир. Тут, тут и вас разыскивает.
Директор. Вертунов опять тут! Опять будет нам мешать! Да подайте мне Вертунова! Я его в бараний рог изогну!

Факир с ящиком уходит. На сцену выбегает Вертунов.

Вертунов *(увидя директора).* А, вот вы где!

Директор, увидя Вертунова, вскакивает и падает на пол.

Вертунов. Товарищ директор! Товарищ директор!

Директор молчит.

Вертунов. Что это с ним?

Директор (*приподнимая голову*). Это вы Вертунов?

Вертунов. Вот то-то и оно-то! Теперь меня и узнать нельзя! А все это из-за вас! Запихали меня в ящик! Я там чуть не задохнулся! А потом меня ваши клоуны вытаскивали из ящика и вон как вытянули! Ну, на кого я стал теперь похож! А какой я был раньше красивый!

Директор. Да ведь вы теперь в тысячу раз интереснее стали! Ведь вы теперь стали великаном. Вы теперь перед публикой выступать можете! Хотите выступить?

Вертунов. Знаем, как это выступить! Вы меня опять в ящик посадите!

Директор. Да нет же! Теперь вы можете выступить по-настоящему. Выступите, пожалуйста!

Вертунов. Не хочу!

Директор. Ну, пожалуйста! Я прошу вас! Выступите!

Вертунов. Ой, не знаю. Надо подумать.

Директор. Вот хорошо. Пойдите, подумайте, а потом и выступите.

Вертунов. Ну хорошо, я пойду подумаю! (*Уходит*).

Директор. Вот ведь чудеса. Какой был плюгавенький, а теперь какой интересный стал. Обязательно упрощу его, чтобы он выступил. А сейчас выступит...

Помимо приведенного, дополнительным свидетельством об общем замысле пьесы может служить фрагмент текста (автограф), имеющий авторское заглавие:

К ЦИРКУ ШАРДАМ

вставные номера

Директор: Жила была Эстер Бубушвили. И вот села она однажды на верблюда и поехала через пустыню в гости к своей тёте. (*Выезжает Эстер на верблюде*). Солнце палит. Вокруг песок. Дует горячий ветер. Дует горячий ветер. Вокруг песок. А солнце палит. Эстер Бубушвили смотрит направо, смотрит налево. Ей хочется пить. Запас воды кончился. Вокруг песок. Воды нигде нет. Ай ай ай!

Клоун: Ай ай ай!

Др.: }
Клоун: } Воды нигде нет! ай ай ай!

Кл.: Так хочется пить!

Др.: Так хочется пить!

Кл.: А знаете что?

Др.: Что?

Кл.: Я принесу ей воды!

Др.: Вот это хорошо! (*Клоун убегает*).

Др.: Сейчас! Подождите немного. Вам сейчас принесут воды. Да подождите же! Сейчас вам принесут воды. (*Прибегает клоун с водой*).

Др.: Ну вот выпейте воды. (*Кл. и Др. поят Эстер и верблюда*).

Эстер садится на верблюда, раскланивается и уезжает.

Др.: Пустыня! Солнце! Песок! Горячий ветер! Эстер Бубушвили едет в гости к своей тёте.

Немку Матильду с её акулой и вообще ситуацию проглатывания, которая в финале идентифицируется с актом любви, возможно соотнести с «Крокодилом» Достоевского.

Шардам – один из псевдонимов Хармса.

Вертунов – см. 43 наст. изд.

Роберт Робертович – характерная хармсовская двойчатка (см. примеч. к 2 наст. изд.).

Володя Каблуков – см. примеч. к 152 наст. изд.

Серёжа Петраков – см. примеч. к 328 наст. изд.

Ваня – см. примеч. к 2 наст. изд.

Сцена «Затопление цирка». *Словесная партитура* – в тексте отсутствует.

Сцена «Спуск соды». *Словесная партитура* – приводим ее по автографу Хармса:

I сопрано II альт III тенор IV бас ой, ой, ой, ой	Мой Пильхен. Мой Пильхен	
I _ж Мой Пильхен, дорогой! II III _м IV	ах, ах, ах, ах А, Е, И, О	ой, ой, ой, ой акула, спасайтесь! ыыыыыы что такое? что такое? что такое? что такое?

I и-и-и-и-			
II а-а-а-а-			кяу, кяу, кяу, кяу
III Тяу тяу тяу тяу	сяу сяу сяу сяу		
IV	о-о-о-о		э-э-э-э-э-э
I мяу мяу мяу мяу			(без музыки)
II			
III			категорически ничего
IV о-о-о-о	нно... тпрр... ноо, тпрр...		не понимало!
I тяу тяу тяу тяу	сяу сяу сяу сяу	кяу кяу кяу кяу	мяу мяу мяу мяу
II тяу тяу тяу тяу	сяу сяу сяу сяу	кяу кяу кяу кяу	мяу мяу мяу мяу
III тяу тяу тяу тяу	сяу сяу сяу сяу	кяу кяу кяу кяу	мяу мяу мяу мяу
IV тяу тяу тяу тяу	сяу сяу сяу сяу	кяу кяу кяу кяу	мяу мяу мяу мяу

«Потоп» у Хармса сопоставлен с «мировым потопом» в «Мистерии-Буфф» Маяковского – пьесе, которую также намеревалась поставить в своем театре Шапорина.

В автографическом варианте текста:

Иван Иванович! – см. примеч. к 2 наст. изд.

У него вытягивается шея – ср. 539 наст. изд.

В тексте «К Цирку Шардам вставные номера»:

Эстер – навеяно воспоминанием об Э. Русаковой (см. примеч. к 3 наст. изд.).

Бубушвили – ср. 420, 424 наст. изд.

411. *Дружба народов*. 1987. № 10. С. 177.

Имеется краткий вариант настоящего текста (строфы 7–11), в котором место 3-й занимает оригинальная строфа:

Уже поток небесный хлещет,
Уже вода везде шумит.
Но вот из тучь всё реже блещет,
Всё дальше дальше гром гремит.

Под этим вариантом дата: 19 августа 1935 г.

В основном тексте зачеркнуты – после ст. 12:

Уже писатель из подполья,
Машину взявши напрокат,
Через мосты летит на взморье,
Смотреть на солнечный закат.

Уже на пышные проспекты
Выходит шумная толпа:
Бежит мадам, жуя конфеты,
Стоит красавчик у столба.

После ст. 24:

Медведь на мёд крадётся к осам.
Садится ведьма на метлу,
Прохладный воздух тянет носом.
Хромой барсук бежит к селу.

Из бани, дверь ногой откинув,
Скрестивши руки на спине,
Туманным взором ночь окинув,
Старик выходит в простыне.

И точно дух, на пень садится,
И дышет, страшно как меха,
Чтоб тихо после раствориться,
При первом крике петуха.

Ср. со строфами XXXV и XXXVI гл. 1 «Евгения Онегина» Пушкина.

Их взор не видит, слух не слышит – ср. с тютчевским «Они не видят и не слышат» с тем же «дышат» в рифмующемся стихе.

На черном небе звезды блещут – в далеком море волны плещут – парафраз «Сказки о царе Салтане» Пушкина.

Браманутра – река, которая здесь благодаря характерной хармсовской инверсии (см. вступит. статью) оказывается на небе.

412. *Полное собрание сочинений*. Т. 1. С. 274.

Посвящено Марине Владимировне Малич (р. 1909) – второй жене Хармса (с 1934 г.). О перипетиях её жизни см.: Новый мир. 1999 № 10.

413. *Полное собрание сочинений*. Т. 1. С. 274–275.

Судя по заглавию, представляет собой самостоятельный текст, хотя и включает обширную автоцитату из предыдущего. (см. примеч. к 412 наст. изд.).

Везде везде твой образ милый // Передо мной – парафраз слов арии Германа из оперы «Пиковая дама».

Я не имею больше власти – автоцитата (см. 271 наст. изд.).

414. *Меня называют капуцином*. С. 161–165.

Вариант начала (зачеркнут):

В четыре часа по саду прошёл человек в сером картузе с колокольчиком в руках. Человек шёл по дорожкам сада и просил всех встречных повернуть к выходу и покинуть сад. Лидочка подняла

Нянька торапила Лидочку собрать песочные формочки.

После слов – *тихо кричала Лидочка* – следовало:

Но дядя Мика слюнявил Лидочкин живот, а сам в это время раздвигал Лидочкины ножки.

После этого текста помета Хармса: «Хотел написать гадость и написал. Но дальше писать не буду: слишком уж гадко. 9 сентября 1935 года». После этого дописан конец публикуемого текста.

Я ведь добрый-добрый. И зовут меня дядя Мика – в пьесе З. Гиппиус «Зеленое кольцо» есть персонаж – М. А. Ясвейн, которого любят дети и называют его «дядя Мика».

415. *Неделя*. 1988. № 29. С. 22.

Ср. с 416 наст. изд.

416. *Полет в небеса*. С. 455.

Ср. с 415 (продолжает его).

417. *Вопросы литературы*. 1987. № 8. С. 265.

Кугель – ассоциируется с Александром Рафаиловичем Кугелем (1864–1928), театральным критиком и писателем (см. примеч. к 29 наст. изд.).

418. *Меня называют капуцином*. С. 175.

О характере текста см. примеч. к 265 наст. изд.

Липавский – см. вступит. статью и 34 наст. изд.

жена Липавского, Тамара – см. примеч. к 63 наст. изд.

помчалась по Большому проспекту – Липавский проживал вблизи Большого пр. Петроградской стороны по адресу: Гатчинская ул., д. 8.

пришла к Заболоцкому – в 1930–1938 гг. Заболоцкий (см. примеч. к 19 наст. изд.) проживал по адресу: кан. Грибоедова,

д. 9, в т. н. «писательской надстройке» (по тексту можно подумать, что расстояние между называемыми персонажами незначительно, хотя на самом деле это отнюдь не так).

женат на Екатерине Васильевне – Е. В. Заболоцкая.

позвонила к Олейниковым. Дверь открыла Лариса – Н. М. Олейников (см. вступит. статью) и его жена Л. Н. Олейникова проживали в том же доме, что и Заболоцкие.

холостому Якову Семёновичу Друскину – см. вступит. статью. Я. С. Друскин проживал на Невском пр., д. 150.

419. *Полет в небеса*. С. 536.

Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874–1940) – режиссер и актер.

420. *Чиж*. 1935. № 11. С. 28–29.

На обложке предыдущего номера журнала был напечатан текст, который также принадлежит Хармсу (не подписан) и являлся предварявшим публикуемый. Приводим его:

Жила-была собака. Звали собаку Бубубу. Закричишь «Бубубу!»), а собака то из под кровати выбежит, то со стола соскочет, то из под дивана вылезет.

Вот перед вами семь картинок. Посмотрите и скажите, на каких картинках собака есть, а на каких картинках собаки нет. И пока собаку на картинках ищете то, чтобы скорее ее найти, зовите потихонечку: «Бубубу! Бубубу! Бубубу!»

Бубубу – ср. с 410, 424 наст. изд.

Марья – см. примеч. к 30 наст. изд.

Иван Иванович Пнёв – см. примеч. к 2 и 53 наст. изд.

421. *Русская мысль (Париж)*. 1985. 3 января. С. VIII (Литературное приложение 1).

Первоначальное наименование героя: Пантелей Рысаков (см. примеч. к 152 наст. изд.).

422. *Летят по небу шарики*. С. 30–31.

423. *Československa rusistika*. 1969. № 14. С. 84.

Вариант окончания: после слов – *Что нам было делать?*:

Мы пошли гулять на набережную Жореса. Земля обращается вокруг солнца приблизительно в 357 дней.

Харюга!

Включено Хармсом в автографический сборник «Случаи» (см. вступит. статью).

«Странная» задача, которую пытаются решить персонажи этого текста, имеет и реальную подоплеку: в карточных играх, например семерка – восьмая по старшинству карта в масти, что может запутать непросвещенного человека.

На углу Знаменской и Бассейной улицы – соответственно: ул. Восстания (с 1923 г.) и Некрасова (с 1918 г.), соседние с местом проживания Хармса; в отдельном автографе именно эти наименования.

В варианте: *на набережную Жореса* – после 1945 г. – наб. Кутузова.

424. *Чиж.* 1935. № 12. С. 11.

Вариант с иным заглавием:

ВСЕ БЕГУТ, ЛЕТЯТ И СКАЧАТ

Едет едет
Ваня Мохов
На собаке
Бу бу бу,
А за ним
В аэроплане
Маша умница
Летит.
По волнам
Бежит кораблик
Раздувая паруса.
Едет едет
Из далёка
Храбрый доктор
Гулливёр.
Ветер воет,
Воздух свищет,
Быстро мчится
паровоз,
И верхом
на паровозе
Мчится
Коля Петраков.

Поднимая
Пыль клубами

Карл Иванович
Шустерлинг
На стальном
велосипеде
Мчится
С трубкою
в зубах.

А за ним
Бежит и скачет
Обезьяна
в колпаке
А за ней
бежит хозяин
с толстой палкою
В руке

А за ним
Бежит корова,
А за ней
Бежит петух,
А за ним
Рыча сурово
скачет тигр
Во весь дух.
А за тигром
По дороге
По камням
бежит народ
Я стою
расставив ноги
широко
разинув рот

Это что
скажите
значит
Объясните
Отчего
Все бегут,
летят
и скачат?

Почему
и для чего?

Все бегут
летят
и скачат, —
Отвечает
мне народ, —
Потому что
это значит
наступает
Новый год.

Потому что
Это значит
Новый год
уже настал.
Значит
Все бегут
и скачат
подписаться
На журнал!

Тут и я
Калоши скинул,
От волненья
Задрожал,
Шапку на уши
Надвинул
И как вихорь
Побежал.

Мы летим
бежим
и скачем
Ничего
не видя.
Лишь
мы поём
Кричим
и плачем:
Чиж!
Чиж!
Чиж!
Чиж!
Дайте нам!
Скорее дайте!

Чиж!
Чиж!
Чиж!
Чиж!

Даниил Хармс

После ст. 48 в автографе зачеркнутый текст:

А за кошкой
Скачет мышка,
А за мышкою
Блоха.
Я стою,
Скребу под мышкой,
Заливаюсь:
Ха-ха-ха!
Ха-ха-ха!

Текст наполнен персонажами сказок бр. Гримм, печатавшихся тогда в журн. «Чиж».

Ваня Мохов с Умной Машей – персонажи текстов, печатавшихся в журн. «Чиж»; именем Вани Мохова подписан также текст Хармса (см. 452 наст. изд.).

На собаке // Бу бу бу – см. 410, 420 наст. изд.

Коля Петраков – см. примеч. к 328 наст. изд.; Петра Петракова встречаем также в одной незавершенной наброске Хармса, относящемся, по-видимому, к 1933 г.:

Вдруг с шумом распахнулась дверь и в редакцию Чижа вошёл человек с таким огромным носом, что редактор, помощник редактора и писатель Пробочкин повскакали со своих мест и крикнули хором: что вам угодно?

А человек с огромным носом сказал: Я Пётр Петраков.

– Прекрасно, сказал редактор, – но что же вам угодно?

– Мне надо видеть редактора Чижа, – сказал Пётр Петраков.

– Редактор это я, – сказал редактор.

– Что? – спросил Петраков.

– Вам нужно видеть редактора, – сказал редактор, – так вот это я и есть редактор.

– Ну и что же из этого, – спросил Петраков

Карл Иванович Шустерлинг – еще один из созданных Хармсом для журн. «Чиж» персонажей (но не все тексты с его участием могут ему атрибутироваться); использован Хармсом также в качестве псевдонима; отмечена вероятность прототипа: Карл Иванович Шустерл из книги «Гут морген, Карл Иванович!: Сборник немецких комических куплетов». Одесса, 1904.

425. *Чиж*. 1935. № 12. 3 с. обл.

426. *Крокодил*. 1988. № 33. С. 8.

Хармс трансформирует оккультную символику, по которой все семь отверстий в голове живого существа управляются семью планетами; в частности, правая ноздря – Марсом (Юпитер же «отвечает» за левое ухо).

427. *Литературная газета*. 1970. № 27. 1 июля. С. 16.

428. *Грани*. 1971. № 81.

Вариант заглавия: «Столяр падает».

Включено Хармсом в автографический сборник «Случаи» (см. преамбулу к примеч.).

429. *Меня называют капуцином*. С. 177.

430. *Аврора*. 1974. № 7. С. 78.

Первоначально фамилия персонажа: *Колпаков* (см. примеч. к 288 наст. изд.).

Варианты (зачеркнутые отдельные фрагменты):

<1>

Но чем ближе к даме подходил Колпаков, тем невозможнее казалось ему заговорить с незнакомой дамой. Она сидела на садовой скамейке и что-то искала в своей сумочке. Колпаков замедлил шаги, потом повернул вправо и сел на другую скамейку, а не на ту, на которой сидела дама.

<2>

Я должно бы не сумею подобрать хороший пример, на котором это стало бы понятно, но скажем так: Когда нам попадается сладкая груша, мы её хвалим и говорим: она хорошая. Но если нам попадается слишком сладкий картофель, мы говорим: его хватил мороз – он никуда не годен.

<3>

– Видите ли, – сказал он, – я потому осмелился обеспокоить вас, что видел третьего дня, как вы катались с ними на лодке. Один из них сидел на руле, двое гребли, а четвёртый сидел рядом с вами. Я долго стоял на берегу и смотрел как гребли те двое. Да, я могу смело утверждать, что они хотели утопить вас.

<4>

обеспокоить вас, что знаю, на что способны молодые люди в этом возрасте. Мне приходилось не раз сталкиваться с современной молодёжью, и я, может быть, понял её как никто.

– Подождите, – сказала дама, – это не может быть достаточным основанием, что бы утверждать, что мои знакомые хотят меня утопить. Вы думаете, я не умею отличить...

– Сударыня! – прервал её Клопов. – Вы не дали досказать мне мою мысль. Поэтому, простите, я тоже прерываю вас. Вы знаете что такое медный взгляд?

– Нет, – сказала дама. – Что это такое?

– Медный взгляд, – повторил Клопов. – Это, видите ли, объяснить нельзя. Если я спрошу вас, что общее вкусу банана, картофеля, тыквы, дыни, груши, каштана и артишока?

<5>

– Медный взгляд, – повторил Клопов, – это, видите ли, объяснить почти невозможно. Это надо увидеть. Я не сумею, должно быть, подобрать правильного примера, на котором это стало бы понятно. Но предположим так: мы едим огурец, который слишком сладок. Мы прощаем это ему и даже говорим: огурец хорош, хотя, может быть, эта сладость и не главное качество огурца. Но если нам попадётся слишком сладкая картофелина, мы говорим: это картофелина подморожена – она никуда не годна. Я хочу сказать, что некоторое качество (в данном случае сладость), в одном случае положительно, или, по крайней мере, нейтрально, а в другом случае – отрицательно. Теперь вспомните, вы чувствовали на себе когда ни будь лошадиный взгляд? Я знаю, что большинство людей считают лошадь умным животным,

431. *Собрание произведений*. Кн. 4. С. 44.

Обращено к М. Малич (см. примеч. к 412 наст. изд.).

Заумная – см. вступит. статью.

Фефюлинка – от фефёла: неповоротливая, пышная. См. также 432, 433 наст. изд.

432. *Собрание произведений*. Кн. 4. С. 45–46.
Обращено к М. Малич (см. примеч. к 412 наст. изд.).
Фефюля – см. примеч. к 431 наст. изд.
кинеб – см. примеч. к 154 наст. изд.

433. *Собрание произведений*. Кн. 4. С. 47.
Выше текста:

На серёжном отделеньи
Я пишу про свойства трав.
Спит жена в неотдаленьи
Чёрны косы разметав

Обращено к М. Малич (см. примеч. к 412 наст. изд.).
Только ты моя Фефюлька – (см. примеч. к 431 наст. изд.)

434. *Комсомольская правда*. 1993. 10 августа.
Посвящено М. Малич (см. примеч. к 412 наст. изд.).

435. *Полное собрание сочинений*. Т. 1. С. 277–278.
Возможно, также обращено к М. Малич (см. примеч. к 412 наст. изд.).

Приведем еще один текст Хармса, посвященный М. Малич, если судить по заглавию, неоконченный – «Пятистишие Мари-не»:

Сегодня говорили мы,
Что после завтра будет бал.
Не верю я, сказала ты
Люди любят виноград

<1935>

436. *Собрание произведений*. Кн. 4. С. 90.
Между 1 и 2 строфами зачеркнутый текст:

Когда в толпе гремит мой глас
Когда мой взор огнём пылает
Когда во мне клокочет злость
Толпа скрипит как ржавый гвоздь
Восторгом радостным пылает.

437. *Полное собрание сочинений*. С. 328.
Автограф перечеркнут.

438. *Собрание произведений*. Кн. 4. С. 113.

439. *Собрание произведений*. Кн. 4. С. 85.

Варианты:

<1>

В каждом дереве пружина
В каждой травке колесо

(вместо последнего слова зачеркнуто: винтик есть).

<2>

В каждом селезене злоба
В каждой уточке

440. *Летят по небу шарики*. С. 159–164.

Возможно, отражение собственных впечатлений Хармса, занимавшегося борьбой джиу-джитсу.

441. *Slavica Helvetica*. Vol / Band 41. P. 230.

Над текстом и отделено чертой от последующего:

«Я пойду в гости», – сказала Антонина Петровна и пошла в гости к Трусевичу.

Антонина Петровна – см. 571, 629 наст. изд.

442. *Литературная газета*. 1988. № 24. 15 июня. С. 16.

443. *Вопросы литературы*. 1987. № 8. С. 265–266.

444. *Собрание произведений*. Кн. 4. С. 208.

Ниже текста:

Случилось так, что кто-то раз
Упал под лестницу как раз.

Ср. с примеч. к 116 наст. изд.

445. *Собрание произведений*. Кн. 4. С. 77.

446. *Собрание произведений*. Кн. 4. С. 74.

В заглавии вместо – *спора* – первоначально было – *разговора* (зачеркнуто).

447. *Юность*. 1987. № 10. С. 94 (вариант; см. ниже).

Выше записан вариант:

Один англичанин никак не мог вспомнить, как эта птица называется:

– Это, – говорит, – *крюкица*. Ах, нет, не *крюкица*, а *кiryюкица*. Или нет, не *кiryюкица*, а *кyрюкица*. Фу ты! Не *кyрюкица*, а *кyкpикица*. Да и не *кyкpикица*, а *кyкpикyюкица*.

448. *Собрание произведений*. Кн. 4. С. 34.

449. *Собрание произведений*. Кн. 4. С. 79.

Игра больших переговоров – выражение, употребляемое в карточной игре в винт (см. также 423 наст. изд.).

а в небе книга нам видна – апокалипсический образ.

450. *Собрание произведений*. Кн. 4. С. 81.

Вариант начала:

Остановись мой друг!

Ты слишком часто пьёшь коварную водку.

Она приятна

451. *Собрание произведений*. Кн. 1. С. 174–175.

Более ранний вариант сохранился в списке Г. Гора:

Шли разбойники украдкой
очень злые. Их атаман
Вдруг помахивает бородкой
лезет на скоро в карман.
Там свинцы валяются
Разбойники молчат
их лошади пугаются
их головы бренчат
и путники скрываются
Разбойники молчат.
Но лишь потух костер
Проснулись мертвецы.

Бог длани распростер
свирепые дворцы
потухли на горах
Влетело солнце на парах
В пустой сарай.
Газетчицы летели в рай
Кричали смертные полканы
торчали в воздухе вулканы
Домов слепые номера
мне голову вскружили
вокруг махали веера –
Разбойники там жили.
В окно кидалась баба вдруг
Она трубой визжала.
Девченки жарились вокруг
любезностью кинжала.
Дымился сочный керосин
Грабители вспотели
Скакал по крыше кирасир –
родители в постели.
Молчат они. Жуют помидор.
Он зноен? Нет, он хлад.
Он мишка? Нет, он разговор,
похожий на халат.
Украсть его! Кричит паша
и руки живо вздел.
Потом разбойники дрожат
и ползают везде.
Сверкает зубом атаман
он вкладывает патроны
поспешно лазает в карман
пугаются вороны.
Свинец летает в даль и в близь
кувыркает ворон.
Но утром дворники сплелись
и ждали похорон.
Идут разбойники Техасом
Тут же бурная пустынь
но звучит команда басом
ветер кошка приостынь.
В миг ножи вокруг сверкают
В миг пространство холодеет
В миг дельфины ночь плескают
В миг разбойники в Халдее.

Тут им пища тетерева
Тут им братья дерева.
Их оружие курком –
! ну давайте кувырком!
Левка кинет пистолет
Машет умное кружало
вин турецких на столе изображение дрожало.
Вдруг приходит адъютант
к атаману и вплотную
Все танцуют отходную
и ложатся в петинант.
стынет ветерк облакам
свищут плети по бокам.
Происходит состязанье
виноватым наказанье
угловатым тесаки
а пархатым казаки.

Всё

Декабрь 1926 года

452. *Летят по небу шарики*. С. 184.
Ваня Мохов – см. примеч. к 424 наст. изд.
Лизаветы – см. примеч. к 46 наст. изд.

Первая половина 1930-х

453. *Русский курьер*. 1993. № 1. С. 15.
Автограф зачеркнут.

454. *Собрание произведений*. Кн. 4. С. 339.
Под текстом запись Хармса:

Тема. Рыцарь просил у дамы вина, дама дала вино.

Иван Петрович – см. примеч. к 60 наст. изд.

455. *Полное собрание сочинений*. Т. 1. С. 308.

456. *Полное собрание сочинений*. Т. 1. С. 111.
В автографе череда вариантов эпитетов в 1 ст.:

чудная; русская; бодрая;

и во 2:

громкой; светлой; чудной.

457. *Полное собрание сочинений*. Т. 1. С. 111.

458. *Собрание произведений*. Кн. 2. С. 126.

459. *Полное собрание сочинений*. Т. 1. С. 111.

460. *Комсомольская правда*. 1993. 10 августа. С. 8.

461. *Полное собрание сочинений*. Т. 1. С. 73.

Середина 1930-х

462. *Собрание произведений*. Кн. 4. С. 83.

463. Публикуется впервые.

464. *Комсомольская правда*. 1993. 10 августа. С. 8.
Возьмите незабудку – см. примеч. к 46 наст. изд.

465. *Летят по небу шарики*. С. 36–37.
После строфы 1 зачеркнуто:

Мы кричали ему: посмотри в телескоп!
Посмотри в телескоп астроном!
Он сбегал по ступеням в таинственный сад
И стоял посредине травы
Он смотрел с удивленьем вперёд и назад
Он смотрел с удивленьем вперёд и назад
Он смотрел с удивленьем вперёд.

Мы бежим и кричим, подбегаем к нему
И даём ему в руки бокал

Он обводит глазами таинственный сад
И бокал за подставку берёт
Он глядит с удивленьем вперёд и назад
Он глядит с удивленьем вперёд и назад
Он глядит с удивленьем вперёд.

466. *Минувшее*. С. 504.
по Володарской – вероятно, пр. Володарского (до 1918 г. и с 1944 – Литейный пр.); см. также 524 наст. изд.

467. *Московский комсомолец*. 1987. 16 января. С. 4.

468. *Полное собрание сочинений*. Т. 2. С. 70.
Антон Бобров – см. примеч. к 147 и 186 наст. изд.

469. *Полное собрание сочинений*. Т. 2. С. 71.

470. *Меня называют капуцином*. С. 218.
Ср. с 93 наст. изд. и примеч.

471. *Собрание произведений*. Кн. 4. С. 114.

472. *Полное собрание сочинений*. Т. 1. С. 267.
В автографе над – *начальник* – вариант: *владыка*.

473. *Полное собрание сочинений*. Т. 1. С. 267.
Ниже текста два варианта ст. 3:

<1>

Ни скуки долгово досуга

<2>

Ни верность вечного досуга

474. *Полное собрание сочинений*. Т. 1. С. 265.
В этом ящике железном – ср. с известной детской считалкой: «В этой маленькой корзинке...» и т. д.

475. *Полное собрание сочинений*. Т. 1. С. 265.

476. *Летят по небу шарики*. С. 77.

477. *Летят по небу шарики*. С. 185–190 (контаминация нескольких вариантов).
по фамилии Петров – см. примеч. к 288 наст. изд.

478. *Летят по небу шарики*. С. 184.
Варианты (3) зачеркнуты с пометой Хармса: «Плохо».

479. *Полное собрание сочинений*. Т. 3. С. 240–241.
Коля Кокин и Ваня Мокин – типичная хармсовская двойчатка (см. примеч. к 2 наст. изд.). Ср. также с персонажами детских текстов А. Введенского: Кочиным и Мочиным.

480. *Полное собрание сочинений*. Т. 2. С. 398.
по Жуковской улице – точнее: ул. Жуковского, перпендикулярной улице, на которой жил Хармс; в автографе первоначально – Пушкинской (зачеркнуто).

481. *Полное собрание сочинений*. Т. 2. С. 398.

482. *Меня называют капуцином*. С. 213.
Петров – см. примеч. к 288 наст. изд.

483. *Полное собрание сочинений*. Т. 2. С. 399.

484. *Меня называют капуцином*. С. 150.
из Гусева переулка – см. примеч. к 107 наст. изд.

485. *Полное собрание сочинений*. Т. 2. С. 400–401.
Автограф зачеркнут.
для вестников – см. вступит. статью.

486. *Полное собрание сочинений*. Т. 2. С. 401.
Лиза! – см. примеч. к 46 наст. изд.

487. *Избранное*. С. 116–117.
Автограф зачеркнут; под ним помета Хармса: «закончить и отделать».
Григорьев – см. 526 наст. изд.

488. *Искусство Ленинграда*. 1990. № 11. С. 72.

489. *Полное собрание сочинений*. Т. 2. С. 403.

В автографе после – *люди небогатые* – зачеркнуто:

мечтали пристроить своего сына дворником к известному в том городе богачу и благодетелю Антону Филиповичу Коркину. Но когда бедный родитель малолетнего Мити пришёл к знаменитому богачу Коркину и начал просить его пристроить

Антон – см. примеч. к 186 наст. изд.

490. *Меня называют капуцином*. С. 143.

491. *Полное собрание сочинений*. Т. 3. С. 241–245.

Часть текста, по-видимому, не найдена.

Рассказ Хармса принадлежит к роду популярной в 1930-е гг. «Деловой книги» – жанру научно-технической литературы, в игровой форме дающей представление о тех или иных областях техники.

Нельзя вместе с водой из ванны выплескивать наборщика – парадраз знаменитой идиомы (ср. примеч. к 136 наст. изд.).

492. *Летят по небу шарики*. С. 185–186 (контаминация наст. текста с зачеркнутым).

Зачеркнутый вариант:

– Ну ладно, – сказал Коля, – тогда ты, Нина, будешь крепостью, а я буду пушкой и буду снежком в тебя стрелять.

– Хорошо, – сказала Нина, – но что же я буду делать?

– А ты, – сказал Коля, будешь стоять на одном месте. Ведь ты крепость, а крепости не двигаются.

– Ерунда, – сказала Нина, – теперь нет больше крепостей. Я лучше буду танком, а ты будешь неприятельским маяком и я буду стрелять в тебя снежками.

– Нет, – сказал Коля, повернулся и пошел домой.

493. *Полное собрание сочинений*. Т. 3. С. 246–248.

494. *Костер*. 1986. № 12. С. 21.

495. *Летят по небу шарики*. С. 145–148 (контаминация вариантов).

Вариант начала:

– Кто умнее, ёж или заяц? – спросил меня мой знакомый дрозд.

– По-моему, ёж умнее, – сказал я.

– Я тоже так думал, – сказал дрозд. – Но вот я расскажу вам один случай и вы увидите, кто их них умнее.

– Расскажите, пожалуйста, – сказал я дрозду.

– Чик! Чирик! Трёк-трук! Дрррррр! Фиу-фиу! Вик-вик! Дрррррррр! – начал дрозд.

Но я сказал:

– Нет, – сказал я, – я вашего птичьего языка не понимаю. Расскажите мне, пожалуйста, по-человечески.

– Хорошо, – сказал дрозд, перепрыгивая на самую нижнюю ветку. – Я расскажу вам человеческим языком.

И мой знакомый дрозд рассказал мне такую историю.

496. *Slavica Helvetica*. Vol. / Band 41. P. 240–241.

1936

497. *Московский комсомолец*. 1978. № 150. 30 июня.
бешемель – в прямом значении (фр.: бешамель): разновидность соуса.

«Золотые сердца» – см. также 531 наст. изд.

498. *Избранное*. С. 61.

Включено Хармсом в автографический сборник «Случаи» (см. преамбулу к примеч.).

Алексей Алексеевич – см. примеч. к 2 и 524 наст. изд.

Андрей Карлович – см. также 572 наст. изд.

499. *Чиж*. 1936. № 5. С. 23.

Карл Иванович Шустерлинг – см. примеч. к 424 наст. изд.

500. *Чиж*. 1936. № 8. С. 6–9; № 9. С. 7–9; № 10. С. 9–11; № 11. С. 11–13; № 12. С. 9–11 (с обозначением: перевел с немецкого Д. Хармс). Отд. изд.: М.; Л., 1937 (переработанный и дополненный текст с обозначением: вольный перевод Д. Хармса).

Последнее является более точным отражением работы Хармса – это скорее свободный авторский пересказ книги исключительно популярного в России нач. XX в. немецкого писателя (см. также 544 наст. изд.).

Папа Фиттих на ходу // Вдруг схватил сковороду – ср. с «Вот какой рассеянный» (1930) С. Маршака.

Ну и ну! – воскликнул он, – // Сон ли это, или не сон? – ср. 583 наст. изд.

501. *Чиж.* 1936. № 8. С. 24–25.

502. *Собрание произведений.* Кн. 4. С. 48.

В автографе справа от текста пометы: «Вариации не удалась», «Сюжет неясен и плохо выражен».

Петров – см. примеч. к 288 наст. изд.

503. *Грани.* 1971. № 81. С. 81–82.

В отдельном автографе вариант начала:

Это конечно довольно странная история.

Там же после – *ударил им Коратыгина по голове:*

Коратыгин, извините за выражение, пёрнул и умер.

Первоначальные варианты фамилии Тикакеева: Ерофеев и Тимофеев.

Включено, Хармсом в автографический сборник «Случаи» (см. вступит. статью).

504. *Литератор.* 1990. № 13. 20 апреля. С. 6.

В автографе после ст. 3 зачеркнуто:

И видят сон, как будто свет
Как будто свет уже потух
Как будто ночь уже прошла
И на дворе пропел петух
И видят дамы страшный сон.

Помимо того в первоначальном варианте вместо – *Иван* – сначала было: *слон*, затем исправлено на: *матрос*.

В тексте находят аллюзии на тексты Пушкина, Гоголя, Достоевского, Л. Толстого, Э. Т. А. Гофмана.

505. *Soviet Union / Union Soviétique*. 1980. № 7.

Первоначальное заглавие: «Приключение профессора». Над текстом помета: «Для Татарки».

В автографе после – *a в сарае сидит* – зачеркнуто:

Анна Семеновна Ивантер, Нюрочка.

Профессорша говорит:

– Ах, это вы!

А Нюрочка отвечает:

– Да, это я. А подо мной Даня сидит.

Профессорша говорит:

Как же так? А где же Толстой?

А Нюрочка отвечает:

– Да Шура в Москву переехал.

Профессорша говорит:

– Нет, не Шура, а Толстой где?

А Нюрочка уже не отвечает и профессорша видит, что это уже не Нюрочка, а скорее <курица>.

в сад имени 1-ой Пятилетки, б. Таврический – сад позади Таврического дворца (ул. Салтыкова-Щедрина, д. 50), получил новое наименование в 1930 г.

И видит сон ∞ все смотрят – ср. с 504 наст. изд.

В варианте:

Анна Семеновна Ивантер, Нюрочка – в 1929–1936 гг. жена А. Введенского (см. ниже: Шура; см. примеч. к 29 наст. изд.).

506. *Грани*. 1971. № 81. С. 79.

Включено Хармсом в автографический сборник «Случаи» (см. преамбулу к примеч.).

Петраков – см. примеч. к 328 наст. изд.

507. *Грани*. 1971; № 81. С. 69.

Включено Хармсом в автографический сборник «Случаи» (см. преамбулу к примеч.).

508. *Избранное*. С. 51.

Включено Хармсом в автографический сборник «Случаи» (см. преамбулу к примеч.).

А Круглов нарисовал даму с кнутом в руках – возможна аллюзия на «Венеру в мехах» Л. Захер-Мазоха (см. примеч. к 36 наст. изд.).

509. *Cahiers du Monde russe et soviétique*. XXVI (3–4). 1985. P. 302.

Пришёл дворник Пантелей – см. примеч. к 152 наст. изд.

510. *Полное собрание сочинений*. Т. 2. С. 106.

511. *Меня называют капуцином*. С. 190.
Вариант окончания (зачеркнуто):

Доктор посмотрел механика и сказал, что у него должно быть камни в почке. Доктор приказал механику сделать исследование ноги.

512. *Грани*. 1971. № 81. С. 74–77.

Первоначальное заглавие (зачеркнуто): «Маша и Кооператив».

В автографе после – *ударить ее по ногам* – зачеркнуто:

А лавочник Пузырёв наградил Машу деревянной лошастью.

Пузырёв – см. примеч. к 164 наст. изд.

513. *Вопросы литературы*. 1987. № 8. С. 271–272.

Первоначальное заглавие (зачеркнуто): «Наташа и Две Конфеты».

514. *Юность*. 1987. № 10.

Первоначальное заглавие (зачеркнуто): «Новый Альпинист».

Всадник вынул из кармана ∞ начал пятиться – этот фрагмент построен на каламбурном обыгрывании значения фамилии (Augapfel = глазное яблоко; нем.): всадник как бы совершает магическое действие против Аугенапфеля.

515. *Летят по небу шарики*. С. 190.

Над текстом помета Хармса: «1). Выдумать задание в 2 минуты. Заполнить эту страницу в 10 м. на сюжет: Мальчик Петя Гвоздииков забил гвоздями рояль».

516. *Чиж.* 1936. № 12 С. 13 (без указания на то, что это перевод).

В автографе ст. 9 (и в этом положении по всему тексту):

Что-то там недоглядели

517. *Cahiers du Monde russe et soviétique.* XXVI (3–4). 1985. P. 285.

По-видимому, своеобразно воплощает затруднения, которые Хармс испытывал в работе над большим детским текстом о Пушкине (см. 518 наст. изд.).

518. *Мурзилка.* 1987. № 6. С. 6–9.

В настоящей публикации текст воспроизводится начиная с первого листа автографа, хоть он перечеркнут Хармсом и сопровождается пометой: «Плохо», поскольку продолжающий его текст оставлен автором в неприкосновенности. Воспроизводится также текст перечеркнутый, но сопровождаемый авторской пометой: «восстановить» (воспроизводим в угловых скобках).

Приводим также один из многочисленных вариантов – наиболее пространный:

ПУШКИН

Сто двадцать лет тому назад многие люди думали так, что самый лучший русский поэт – это старик Державин. И сам Державин знал, что он самый лучший русский поэт.

И вот однажды старик Державин сидел в кресле, а перед ним стоял мальчик и звонким голосом читал свои стихи.

С первых же слов Державин насторожился. Мальчик стоял в двух шагах от Державина. Он читал слегка нараспев, громко и сильно. Голос его звенел.

Державин слушал. Глаза его наполнились слезами. Каждое слово казалось ему прекрасным.

И вот, когда мальчик прочитал свои стихи и замолчал, Державин понял, что перед ним стоит поэт ещё лучший, чем он сам.

С тех пор прошло много лет, и теперь мы все знаем, что тот мальчик, который читал Державину свои стихи – наш самый лучший, самый любимый, самый великий поэт – Пушкин.

У Пушкина было два сына и вот однажды Пушкин сказал про своих сыновей: «Пусть они не будут поэтами, потому что всё равно не напишут стихов лучше, чем писал их отец».

Прошло ровно сто лет с тех пор, как умер Пушкин, но лучше Пушкина ещё никто не писал стихов.

Мы читаем стихи Пушкина и учим их наизусть. И тот, кто знает наизусть много пушкинских стихов, – тот молодец!

И если ты не знаешь ни одного пушкинского стиха, сейчас же достань, где хочешь, какиенибудь пушкинские стихи и выучи их наизусть.

И если ты не знаешь, как зовут Пушкина, то запомни, что зовут его Александр Сергеевич.

Запомни, что когда Пушкин был маленький, у него была няня, Арина Родионовна.

Когда маленький Пушкин ложился спать, няня садилась возле его кровати и рассказывала ему сказки. Сказки были интересные, страшные, весёлые и смешные. Пушкин слушал няню и просил её рассказать ещё. Но няня говорила: «Поздно, Саша. Пора спать». И маленький Пушкин засыпал.

Когда Пушкин подрос, ему наняли учителя француза. Француз говорил с Пушкиным по-французски и научил его по-французски читать и писать. Пушкин читал много французских книг, знал наизусть много французских стихов и даже сам попробовал писать свои стихи по-французски.

И вот однажды учителю попала в руки тетрадь с французскими стихами Пушкина.

Учитель начал читать стихи вслух и громко над ними смеяться.

И вдруг маленький Пушкин пришёл в бешенство, подскочил к французу, вырвал у него из рук свою тетрадь, бросил её в горящую печку, расплакался и убежал.

Пушкин очень любил свою няню. И даже потом, когда он вырос и стал знаменитым писателем, он всякий раз, когда бывал у себя в селе Михайловском, заходил в маленький домик, где жила его старушка няня, садился с ней на крылечко и просил её рассказывать ему сказки.

Пушкин стоял в двух шагах от Державина и читал громко и слегка нараспев. Голос его звенел.

Державин внимательно слушал. Глаза его наполнились слезами. Каждое слово казалось ему прекрасным.

И вот, когда Пушкин кончил читать свои стихи и замолчал, Державин понял, что перед ним стоит поэт ещё лучший, чем он сам.

Державин встал с кресла, чтобы обнять и поцеловать нового поэта, а Пушкин повернулся и убежал.

Его искали по всему лицу, но найти не могли.

Возможно, публикуемый текст явился составной частью анонимного очерка о Пушкине, опубликованного в журнале «Чиж» № 2 за 1937 г., который, может быть, явился результатом коллективной работы (заметно сходство отдельных фрагментов обоих текстов).

Кирилл – так звали приемного сына сестры Хармса (проживали вместе в одной квартире).

519. *Летят по небу шарики*. С. 187–189 (контаминация вариантов).

Приводим наиболее значительные варианты:

<1>

Человечек посмотрел прямо на Володю и нахмурил брови.

– Кто вы такой? – спросил Володю человечек.

– Я Володя Петушков, ученик 1-го класса, 1-ой ступени, – сказал Володя.

– А-а-а! – сказал человек с черной бородой, протягивая Володе руку. – Разрешите с вами познакомиться. Зовут меня Карл Иванович Шустерлинг. Вот это мой домик, в котором я живу. Пойдемте ко мне, я вам покажу интересные книжки с картинками.

Володя вошёл в домик. В домике было две комнаты. В комнатах стояли столы и стулья, а на столах

<2>

– А это мой домик, в котором я живу. Пойдемте ко мне в домик, я покажу вам интересные вещи.

Володя сделал к домику несколько шагов и хотел уже взойти на крылечко, как вдруг земля задрожала, вокруг что-то загудело, подул страшный ветер и через володину голову полетели огромные комки.

– Скорее! Скорее! – закричал Карл Иванович. – Скорее бегите за мной! Начинается землетрясение!

Карл Иванович схватил Володю за руку и побежал с ним в поле.

Небо потемнело и покрылось тучами. Из туч блистали яркие молнии и грохотал такой гром, что у Володи заломило в ушах и заныли зубы.

– Куда мы бежим? – крикнул Володя Карлу Ивановичу.

– А-о-а! – прокричал что-то Карл Иванович. Разобрать слов было невозможно, так вокруг звенело, свистело и грохотало.

– Что-о-о? – крикнул Володя.

– И-и-э-э-у-у! – отвечал что-то Карл Иванович, продолжая бежать вперед и таща за собой Володю.

Карл Иванович Шустерлинг – см. примеч. к 424 наст. изд.

520. *Хармсиздат представляет: Исследования. Эссе. Воспоминания. Каталог выставки. Библиография.* СПб., 1995. С. 36.

521. *Собрание произведений.* Кн. 4. С. 78.

522. *Меня называют капуцином.* С. 177.

В автографе после – *и уехал* – зачеркнуто:

Жена стояла в саду, пока начальник военного округа не скрылся за поворотом и пошла в дом.

Дома жена начальника завела граммофон и села пить чай.

После – *и лёг спать* – зачеркнуто:

А жена, когда наступила ночь, вылезла из окна и побежала к пруду купаться.

В это время начальник проснулся и цапнул рукой то место, где обыкновенно находилась его жена.

523. *Полное собрание сочинений.* Т. 2. С. 61.

Мионов – см. 359 наст. изд.

524. *Континент.* 1980. № 24. С. 276–278.

В автографе после – *не могла двинуться ни назад ни вперед,* *Алексей Алексеевич* – зачеркнуто:

подбежал к этой даме и начал тянуть её за ногу, что бы перетянуть её на свою сторону, за что и был оштрафован на тридцать пять рублей якобы за приставание и хулиганство.

Первоначальный вариант имени героя – *Алексей Пантелеевич* – может быть интерпретирован как контаминация подлинного имени и псевдонима Леонида Пантелеева (Алексея Ивановича Еремеева), с которым Хармс был дружен; кроме этого, имеются еще два варианта наименования главного героя – Пантелей Николаевич и Пантелей Алексеевич. Окончательное наименование – характерная хармсовская «тройчатка» (см. примеч. к 2 наст. изд.). Алексеева встретим еще в тексте 625, а Алексея Алексеевича – в 498 наст. изд.; лишь имя отличает этот персонаж от Сергея Алексеевича Алексеева (Аскольдова; 1871–1945) – преподавателя и библиотекаря в гимназии В. Лентовской (см. вступит. статью).

своего заднего подсознания – парафраз фрейдовских идей бессознательного.

На баррикады и т. д. – парафраз песни «Смело мы в бой пойдём...»

с неким Иваном Ивановичем Пузыревым – см. примеч. к 2 и 164 наст. изд.

пр. Володарского – см. примеч. к 466 наст. изд.

куда-то по направлению к Адмиралтейству – несомненно, в ОГПУ по адресу: ул. Дзержинского, д. 2/6.

525. *Минувшее*. С. 483.

Ср. с 529; см. также примеч. к 265 наст. изд.

526. *Полное собрание сочинений*. Т. 2. С. 394–395.

Григорьев – см. 487 наст. изд.

В автографе выше публикуемого текста еще один фрагмент сценки с участием Леонидова:

Действие I.

На сцене сидит Микосов привязанный к креслу. Леонидов стоит с ножём в руках.

Леонидов: Я привязал вас к этому креслу для того, что бы рассказать вам всю низость вашего поведения, а потом убить.

Микосов: Как убить?

Леонидов: Убить, да ещё с секретным предписанием.

Микосов:

Очевиден парафраз начала «Ревизора» Гоголя.

527. *Меня называют капуцином.* С. 144–145.

Тексту предпослан неозаглавленный список действующих лиц:

Варвара Михайловна Павлинова
Антон Антонович Барабан
Варвара Поликарповна Барабан
Елизавета Антоновна Барабан
Володя Кнутиков
Аполлон Вальерянович Обернибесов
Франц Иоанович Дердидасов
Ельзелезя Фюфюфов
Нина
Борис Иванович Галкин (ловкий и сообразительный)

См. примеч. к 43 и 186 наст. изд.

528. *Полное собрание сочинений.* Т. 2. С. 396.

В автографе после – *крикну в рупор петухом* – зачеркнуто:

вон какой-то гражданин
между дам сидит как клин
хочет глядя сквозь очки
разодрать меня в клочки

Над текстом: «ротик-дротик».

Антон Антонович Бобров – см. примеч. к 147 и 186 наст. изд.

529. *Вопросы литературы.* 1973. Т. 11. С. 297–302.

Наиболее существенные варианты черного автографа:

Вместо – *Давид Ефимыч Рахмилович:*

Давид Ефремыч Рахмилович

После – *называющий себя Южиным* (зачеркнуто):

Видя, что со мной шутки плохи, Евгений Львович Шварц начал приглашать меня к себе на обед, говоря, что к обеду будет суп с пирожками.

Я попался на эту удочку и пошел за Шварцем.

Он привел меня к себе и мы начали обедать.

Жена Шварца, Екатерина Ивановна, всё смеялась неизвестно чему

После – *затрепетал и пригласил меня к себе на обед – зачеркнуто:*

Однако Шварц куда-то скрылся, оставив меня одного на улице. Я плюнул с досады на эти штучки и вернулся в Госиздат.

Вместо – *Начну с Валентины Ефимовны – было:*

Начну с этой тумбы Валентины Ефимовны.

Вместо – *Эта нехозяйственная особа – было:*

Эта грязная баба

Вместо – *и даже интереснее, чем Туся – было:*

и даже интереснее, чем Лариса.

После – *Вовсе не порочна! – зачеркнуто:*

Всё это предрассудок. А я не верю в предрассудки. Хотя в некоторые верю. Это совершенно правильно, что дело начатое в «благовещенский день», т. е. в тот день недели, в который было последнее Благовещение, – окончится неудачно. Против этого возразить не могу.

Вот женщины мне нравятся и я очень нравлюсь женщинам. Они видят во мне высшее существо, по ихнему понятию мужчину.

А я-то чем виноват, что родился мужчиной?

Вместо – *Константин Игнатьевич Древацкий – зачеркнуто:*

Константин Игнатьевич Савицкий

После – *Это я говорю в аллегорическом смысле – зачеркнуто:*

Но Александр Иванович, побегав по Госиздату, бежит куда-нибудь в садик и, не достав денег, не унывает и бежит обедать.

(Хармсиздат представляет: Исследования. Эссе. Воспоминания. Каталог выставки. Библиография. СПб., 1995. С. 40–41).

Имеется также отдельный автограф, сопоставимый с V частью публикуемого текста, как его вариант или парафраз:

Когда два человека играют в шахматы, мне всегда кажется, что один другога околпачивает. И я до некоторой степени прав, потому что тот, кто проиграл, может считаться околпаченным. Особенно если они играли на деньги.

Вообще мне противна всякая игра на деньги. Я запрещаю играть в своем присутствии.

Когда я вхожу куда ни будь, где в тот момент ведётся игра, все моментально стушевываются.

Все таки я фигура удивительная, хотя я и не люблю очень часто говорить об этом.

Я долго изучал женщин и теперь могу сказать, что знаю их на пять с плюсом.

Прежде всего, женщина любит, чтобы её не замечали. Пусть она стоит перед тобой или стонет, а ты делай вид, что ничего не слышешь и не видишь, и веди себя так, буд то и нет никого в комнате. Это страшно разжигает женское любопытство. А любопытная женщина способна на всё.

Я другой раз нарочно полезу в карман с таинственным видом, а женщина так и уставится глазами, мол, дескать, что это такое? А я возьму и выну из кармана нарочно какойнибудь подстаканник. Женщина так и вздрогнет от любопытства. Ну значит и попалась рыбка в сеть!

О характере текста см. примеч. к 265 наст. изд.

Евгений Львович Шварц – см. примеч. к 173 наст. изд.

Нина Владимировна Гернет (1904–1982) – детская писательница, зав. редакцией журн. «Чиж».

Давид Ефимович Рахмилович (псевд.: Южный) – отв. ред. журн. «Чиж» в 1933–1935 гг.

Николай Алексеевич Заболоцкий – см. примеч. к 19 наст. изд.

Валентина Ефимовна Гольдина – см. примеч. к 150 наст. изд.

Леонид Савельевич Липавский – см. вступит. статью и 34 наст. изд.

Юлий Соломонович Берзин (1904–1938) – писатель.

Вольф Израилевич Эрлих (1902–1944) – писатель.

Николай Макарович Олейников – см. вступит. статью и 54 наст. изд.

Яков Семенович Друскин – см. вступит. статью и 418 наст. изд.

Я слышал такое выражение: «Лови момент!» – Хармс может иметь в виду фразу из К. Пруткова.

Александр Иванович Введенский – см. вступит. статью к наст. изд.

Константин Игнатьевич Древацкий – бухгалтер Ленгиза.

В варианте:

Екатерина Ивановна Шварц (1903–1963) – вторая жена Е. Л. Шварца.

Туся – Т. А. Мейер (см. примеч. к 63 наст. изд.).

Лариса – Л. Н. Олейникова (см. примеч. к 418 наст. изд.).

530. *Россия*. 1991. № 7. 16–22 февраля. С. 8.

На отдельном листе имеется вариант (?) заглавия: «Личное переживание музыкального гения Картомякина».

531. *Полет в небеса*. С. 456–457.

Ср. с 497 наст. изд.

Марина – по-видимому, можно идентифицировать с М. В. Малич (см. примеч. к 412 наст. изд.).

Миша – см. примеч. к 4 наст. изд.

532. *В мире книг*. 1987. № 12.

533. *Енисей*. 1988. № 5.

Пойдемте в Европейку – т. е. в гостиницу «Европейская» (ул. Лассаля, д. 1/7 – см. 365 наст. изд.).

534. *Contributions des savants suisses au Xe Congrès Int. des slavistes à Sofia, septembre, 1988*. Bern, 1988. P. 148.

Имеется автограф другого варианта:

Петя входит в ресторан и присаживается к столу. Официант приносит карточку и кладет ее перед Петей. Петя смотрит в карточку.

Петя: Дайте мне, если можно, беф-буи.

Официант: Не дам.

Петя (с испугом смотрит на официанта): Беф...

Официант: А еще возьму и в дверь вытолкаю.

Петя (*угрожающе*): Что такое?

Официант: Ладно, ладно. Уходите.

Петя: Я не уйду. Я инженер. (*Достает из кармана и протягивает официанту какую-то бумажку. Официант берет в руки бумажку, рассматривает ее и говорит*).

Официант: Почему я знаю, что это вы. Может быть, это у вас документ краденый.

Бёф-буи – мясное блюдо (фр.).

535. *Меня называют капуцином*. С. 178–180.

силь-ву-пле – пожалуйста (фр.).

жё-сюи-малад – я больна (фр.).

1937

536. *Минувшее*. С. 495.

В автографе после – *всякий страх* – обведенный Хармсом текст:

А крыса подошла к печке и села на пол около самой подушины.

– Тут теплее, – сказала крыса. – Очень приятно, что вчера у вас топили печку. Я люблю тепло. А у нас в подвале ужасно холодно.

Под текстом запись Хармса:

Это писано уже сравнительно давно и, надо сознаться, очень плохо.

Так писать нельзя.

Теперь мне кажется, я знаю, как надо писать, но у меня нет к этому энергии и страсти. Я гибну. Я гибну матерьяльно и гибну как творец.

Эта запись сделана в тяжёлое для меня время, такого тяжёлого времени я не упомню. Особенно тяжело потому, что у меня совершенно нет светлых перспектив.

Чармс. 21 января 1937 года.

537. *Книжное обозрение*; 1988. № 1. 1 января. С. 7

538. *Cahiers du Monde russe et soviétique*. XXVI (3–4). 1985. P. 280–281.

В автографе после – *Звали его кажется Иван Яковлевич* – зачеркнуто:

И вот, когда Иван Яковлевич вышел из магазина на улицу, он увидел прямо перед собой даму. Дама держала в руке <1 нрзб> коробку, перевязанную крест на крест верёвкой.

Иван Яковлевич – см. 392, 566 наст. изд.

стоял на углу, против аптеки – по-видимому, можно идентифицировать с аптекой по адресу: пр. 25 Октября (Невский), д. 66 (см. примеч. к 28 наст. изд.).

539. *Грани*. 1971. № 81. С. 68–69.

В отдельном автографе заглавие «Гамма Сундук» (т. е. невидимый, или позволяющий проникнуть в невидимое пространство), подпись: «Чармс» и авторское «Примечание»: «Если сказать: „жизнь победила смерть“, то неясно, кто кого победил, ибо ясно: „тигр победил льва“ или „тигра победил лев“».

Включено Хармсом в автографический сборник «Случаи» (см. вступит. статью).

я буду вещи в сундуке пересыпать махоркой – ср. в «Мирсконца» В. Хлебникова: «Так мы все это махоркой посыплем и этой дрянью, что пахнет и плакать хочется от нее, и в сундук положим...» (В. Хлебников. Творения. М., 1986. С. 420).

540. *Собрание произведений*. Кн. 4. С. 164.

Ср. с аналогичной ситуацией у Гоголя («Майская ночь, или утопленница», «Ночь перед рождеством») – у Хармса характерная для него инверсия. См. также примеч. к 2 наст. изд.

541. *Собрание произведений*. Кн. 4. С. 93.

Ср. с 540 наст. изд.; рассматриваем оба текста как парафразы друг друга.

542. *Чиж*. 1937. № 3. С. 18.

В варианте в ст. 3 вместо зачеркнутого – *и в длинный путь*:

и в путь пошел

В качестве прототипов текста указываются: «Басня» К. Пруткина «Однажды нес пастух куда-то молоко...» с подобной

просьбой в последнем стихе; И. Мятлев: «Идет старушка в дальний путь // С котомкой и клюкой».

543. *Сверчок*. 1937. № 4. С. 14.

544. *Континент*. 1980. № 24. С. 291–293.
Ср. с текстом 629.

545. *Юность*. 1987. № 10. С. 86.

Возможно интерпретировать как беседу учителя-буддиста со своим учеником.

546. *Избранное*. С. 256–257.

На обороте записаны два текста:

<1> – перечеркнут
Двух слов запомнить не могу
Такая память!
Такую память
Не пожелал бы я врагу

Ниже:

<2>

Сижу опять на веранде и смотрю на деревья, но уже нет в душе той робости, которая была несколько лет тому назад. Моя душа слишком загрязнена. Лень и вялость наполнили душу мою. Не хочу даже больше писать об этом.

547. *Собрание произведений*. Кн. 4. С. 115–117.

В автографе под текстом помета Хармса: «Это экзерсис. Рифмоплётство».

Мысль моя течёт обратно – апокалипсический образ.

548. *Собрание произведений*. Кн. 4. С. 56.

Цветок папируса – отсылает к кругу текстов Хармса с египетскими мотивами.

549. *Собрание произведений*. Кн. 4. С. 156.

550. *Собрание произведений*. Кн. 4. С. 57.

551. *Собрание произведений*. Кн. 4. С. 165.

552. *Время и мы*. 1980. № 53. С. 182–191.

В автографе последняя реплика Селлея первоначально (зачеркнута):

Ты судишь Глоб о людях ложно
Не думать просто невозможно
Мы нашей мыслью с миром связаны
И значит думать мы обязаны

553. *Вопросы литературы*. 1987. № 8. С. 275.

В автографе после – *бег ему доставляет удовольствие* – зачеркнуто:

Что бы встречным ветром не сорвало шляпу, Сампсонов наклонил голову, но, пробежав так несколько шагов, Сампсона охватила радость бега и он закидывал голову назад. Тогда шляпа грозила умчаться прочь и Сампсонову приходилось опять наклонять голову вперед.

Макаров – см. примеч. к 300 наст. изд.

Сампсонов – см. примеч. к 16 наст. изд.

554. *Полное собрание сочинений*. Т. 1. С. 290–291.

Варианты начала:

<1>

День рожденья, день прекрасный,
Лучше всех прекрасных дней

<2>

Наши деды жили долго

<3>

Наши деды дали детям

<4>

Наши деды в нашем доме
жили долго как дубы

Слева от текста записано:

Человек не любит смерти
Ненавидет спать в гробу
И на дрогах
Не приятно никому.

Деды были инженеры // своих задумчивых и гордых лиц – возможно, парафраз слов, почерпнутых из речи Жданова на I съезде советских писателей, которые стали одним из пропагандистских клише.

атташе – посланник (фр.).

555. Нижеследующие тексты, наподобие творческого дневника, записывались Хармсом последовательно, на протяжении некоторого времени, в тетрадь в твердой обложке, обтянутой голубым муаром. Впоследствии Хармс перенес отсюда 10-й текст в свой автографический сборник «Случаи», обозначив его «Голубая тетрадь № 10». Таким образом, настоящий комплекс текстов вошёл в литературу под заглавием «Голубая тетрадь». Как отмечено, Хармс размывает границы между автобиографическим и художественным, что создает новое жанровое образование (см. примеч. к 265 наст. изд.).

В Альбом. А. Александров. М. Мейлах. Творчество Даниила Хармса // Материалы XXII студенческой конференции. Тарту, 1967. С. 104.

Ср.: К. Прутков. Плоды раздумья. Мысли и афоризмы, п. 75.

1. Аврора. 1974. № 7. С. 78.

2. Радуга. 1988. № 7. С. 71

Перльман – правильно: Перельман Яков Исидорович (1882–1942), популяризатор математики и физики.

3. Аврора. 1974. № 7. С. 78.

4. Грани. 1971. № 81. С. 66–67.

5. Грани. 1971. № 81. С. 66.

6. Грани. 1971. № 81. С. 67–68.

7. Книжное обозрение. 1988. № 43. 28 октября. С. 10.

8. Книжное обозрение. 1988. № 43. 28 октября. С. 10.

9. Аврора. 1974. № 7. С. 78.

10. Československa rusistika. 1969. № 14. С. 80–81.

Слева от текста помета Хармса: «Против Канта».

Помимо кантовских, в круг философских текстов, по отношению к которым полемичен Хармс, может быть введен Аристотель, а из литературных прототипов отмечен несуществующий рыжий человек в романе одного из любимых хармсовских писателей К. Гамсуна «Голод».

11. Полное собрание сочинений. Т. 2. С. 323.

12. Избранное. С. 69-70.

Пантелей – см. примеч. к 152 наст. изд.

13. Избранное. С. 70.

14. Избранное. С. 70–71.

15. Избранное. С. 71–72.

16–17. Полное собрание сочинений. Т. 2. С. 326.

18–19. Грани. 1971. № 81. С. 65.

Федя – см. примеч. к 224 наст. изд.

20. Избранное. С. 73.

21. Собрание произведений. Кн. 4. С. 94.

22. Wiener Slawistischer Almanach. 1982. Bd. 5.

23. Минувшее. С. 496.

24. Новый мир. 1988. № 4.

Зашел к Житкову– Борис Степанович Житков (1882–1938), писатель, один из близких друзей Хармса.

с Мариной к Буддийской пагоде – т. е. с М. Малич (см. примеч. к 412 наст. изд.); Хармс любил посещать Буддийский храм (совр. адрес: Приморский пр., д. 91; с 1938 г. богослужение было упразднено); см. также 636 наст. изд.

25. Вопросы литературы. 1987. № 8. С. 262.

Далее цифрой 26 обозначен зачеркнутый текст:

Фонарев неожиданно разбогател. Он вдруг получил возможность хорошо одеться, отремонтировать свою комнату, обста-

вить её дорогими вещами, купленными в комиссионном магазине и несмотря на это, у него осталось еще достаточно денег, чтобы каждый день обедать в хорошей вегетарьянской столовой, а вечером забираться в кавказский буфет и сидеть там до закрытия. Когда Фонарев был еще бедным, у него было много друзей, Бывали дни, когда Фонареву было нечего есть. Тогда он шел к своему другу Рубанову, и Рубанов почти всегда кормил Фонарева. Зато бывало, что и Рубанов приходил к Фонареву голодным. И если у Фонарева тоже ничего не было, то они вместе шли в Вейтелью и Вейтель кормил их. Но если и у Вейтеля ничего не было, то они все втроем отправлялись к Минаеву (родственнику известного поэта Минаева). Но у Минаева почти всегда никогда не было денег. Зато у Минаева была библиотека, оставшаяся ему от знаменитого родственника.

известного поэта Минаева – имеется в виду Дмитрий Дмитриевич Минаев (1835–1889), прославившийся сатирическими стихотворениями и пародиями.

27. *Wiener Slawistischer Almanach*. 1982. Bd. 5. S. 66.

28. *Новый мир*. 1988. № 4.

Против ст. 4 помета Хармса: «Var.: Не прилетит посол небес».

В отдельном автографе над текстом (заголовок?): «Gr. 162».

29. *Собрание произведений*. Кн. 4. С. 118.

В отдельном автографе ст. 11:

И гуси толпою ныряют в прудах.

Заглавие позволяет отнести настоящий текст к комплексу «Упражнений в классических размерах» (см. примеч. к 395 наст. изд.).

мчится в тележке Петров – см. примеч. к 288 наст. изд.

556. *Вопросы литературы*. 1987. № 8. С. 273–274.

557. *Книжное обозрение*. 1988. № 43. 28 октября. С. 10.

Пассакалия (пассакалья) – разновидность полифонической вариации, в которой основная тема не меняется, а все время

звучит в нижнем басовом регистре. Наиболее известны пасса-
кальи И. С. Баха, любимого композитора Хармса.

формулу построения несуществующих предметов – ср. с 539
наст. изд.

558. *Полное собрание сочинений*. Т. 2. С. 127.

559. *Искусство Ленинграда*. 1999. № 11. С. 74.

Интерпретируется как текст, идейно предшествующий по-
вести «Старуха».

560. *Soviet Union / Union Soviétique*. 1980. № 7 (1–2).

В автографе после – *и уехал во Владивосток* – зачеркнуто:

Портной Карасев получил письмо из Владивостока.

Распечатав письмо, портной воскликнул: «Это письмо от
моего друга Федьки!»

Федька писал: «Дорой Карасиков, помнишь, ты сшил кос-
тюм Сеньке? Сенька поносил этот костюм несколько дней и
подарил его мне».

После – *насмотрелся видов* – зачеркнуто:

Особенно некоторые молодые брюнетки нарочно выставля-
ли ему на показ все свои самые сокровенные прелести. Мало
того: снимая с дам мерку, Федька касался пальцами их тайных
соблазнов и они всегда оказывались влажными. Потом у Федь-
ки от рук всегда пахло дамами.

Федька – см. примеч. к 224 наст. изд.

561. *Т. Гроб, Ж.-Ф. Жаккар. Хармс – переводчик или поэт
барокко? // Шестые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и
материалы для обсуждения*. Рига; М., 1992. С. 33.

Перевод с нем. яз. из Магнуса Даниэля Омайса (1636–1708),
филолога, философа, теолога. Наст. текст относится к ряду
церковных песнопений, сочинявшихся Омайсом. Положено на
музыку И. С. Бахом.

562. *Wiener Slawistischer Almanach*. Bd. 5. S. 58.

Перевод с нем. яз. текста неизвестного автора. Положен на
музыку И. С. Бахом.

Немецкий оригинал, записанный Хармсом, пронумерован цифрой I. Перевод другого текста на нем. яз. (без обозначения автора и под цифрой II) не завершён Хармсом:

Нас бремя греха гнет и давит, давит
Но ты мне радость утешенья ниспосли
Что ты ко мне, опять ко мне, опять опять придешь.

563. *Меня называют капуцином.* С. 214.

Семён Семёнович – см. примеч. к 2 наст. изд.
ходил всегда в «гольфах»; курил трубку – так многие мемуаристы списывают облик Хармса.

564. *Минувшее.* С. 546.

565. *Полное собрание сочинений.* Т. 2. С. 412.

566. *Полет в небеса.* С. 319–322.

На обороте одного из листов автографа наст. текста записан вариант фрагмента, место которого в основном тексте трудно определить безусловно:

Как только Иван Яковлевич приблизился к столу, свист прекратился. Иван Яковлевич прислушался и сделал ещё шаг. Нет, свист не повторился.

Иван Яковлевич подошёл к столу и выдвинул ящик. В ящике была только грязная вставочка, которая с грохотом покати­лась и стукнулась в стенку ящика. Иван Яковлевич выдвинул другой ящик. В этом ящике ничего не было, и только на дне самого ящика лиловым чернильным карандашом было написано: «Свиньи». Иван Яковлевич задвинул оба ящика и сел на стул.

Иван Яковлевич Бобов – возможно, контаминация двух гоголевских персонажей: цирюльника Ивана Яковлевича («Нос») и Бобова, о котором говорится в письме собачки Меджи к подружке Фидель («Записки сумасшедшего»). См. также примеч. к 2 наст. изд. и 392, 538.

567. Публ. впервые.

Боголюбов сменяется по ходу текста *Богомоловым*.

Возможно, Хармс первоначально имел в виду реальное лицо: Н. Н. Боголюбова (1870–1951), оперного режиссера Мариин-

ского (с 1935 г. Кировского) театра и Консерватории (см. примеч. к 265 наст. изд.).

568. *Меня называют капуцином*. С. 135.

569. *Комсомолец Кузбасса*. 1988. 7 октября. С. 3.
Антон Антонович – см. примеч. к 186 наст. изд.

570. *Меня называют капуцином*. С. 151.
Мария – см. примеч. к 30 наст. изд.

571. *Полное собрание сочинений*. Т. 2. С. 397.
жена Ивана Ивановича – см. примеч. к 2 наст. изд.
Варвара Семёновна – см. примеч. к 301 наст. изд.
кусают Антонину Антоновну – см. примеч. к 441 наст. изд.

572. *Меня называют капуцином*. С. 152.
Николай Николаевич – см. примеч. к 2 наст. изд.
Андрей Карлович – см. 498 наст. изд.

573. *Новый мир*. 1988. № 4.

574. *Собрание произведений*. Кн. 4. С. 89.
и Марина со мною – по-видимому. М. Малич (см. примеч. к 412 наст. изд.).

575. *Собрание произведений*. Кн. 4. С. 112.
Судя по заглавию, должно быть отнесено к «Упражнениям в классических размерах» (см. примеч. к 395 наст. изд.).

576. *Московский комсомолец*. 1987. 16 января. С. 4.
В автографах на отдельном листе имеется текст, возможно являющийся продолжением или вариантом публикуемого:

Редькин пришел в гости к Вархапкину.
Вархапкин стал угощать Редькина чаем.
– Всё чай да чай, – сказал Редькин. – Не хочу чая!
– Ну, хорошо, – сказал Вархапкин, – тогда давайте спать ложиться.
– Вот так так! – сказал Редькин. – Я к Вам в гости пришёл, а вы спать.

– А не нравится, так пошёл в он, – сказал Вархапкин и толкнул Редькина в плечо.

– Ах так, – сказал Редькин и побежал в дворницкую.

Далее следует зачеркнутый текст:

Дворник сидел у себя в дворницкой на кровати и ловил что-то невидимое, бегающее по одеялу. Вдруг дверь открылась и в дворницкую вбежал Редькин.

– Я Редькин! – крикнул Редькин. – А кто тут дворник?

Дворник посмотрел на Редькина, зачихал что-то между двумя пальцами, потом бросил это на пол, встал, поддернул штаны и сказал:

– Дворник – это буду я.

577. *Континент*. 1980. № 24. С. 000.

Первоначальное заглавие: «Мудрец» (зачеркнуто).

В автографе после – *точно не помню* – текст, обведенный Хармсом, что у него означает предполагаемое исключение фрагмента из контекста:

Память, это вообще явление странное. Как трудно бывает что ни будь запомнить и как легко забыть! А то и так бывает: запомнишь одно, а вспомнишь совсем другое. Или: запомнишь что ни будь с трудом, но очень крепко, а потом ничего вспомнить не сможешь. Так тоже бывает. Я бы всем советовал поработать над своей памятью.

578. *Аврора*. 1974. № 7. С. 78.

Возможно, Хармс обыгрывает некоторые архаические поверия.

579. *Нева*. 1988. № 6. С. 204–205.

580. *Грани*. 1971. № 81. С. 66.

Включено Хармсом в автографический сборник «Случаи» (см. преамбулу к примеч.).

на Мальцевский рынок – традиционное наименование Некрасовского рынка (ул. Некрасова, д. 52), недалеко от дома Хармса (см. примеч. к 107 наст. изд.).

581. *Полное собрание сочинений*. Т 1. С. 328.
Автограф зачеркнут. Под текстом запись Хармса:

Это очень плохо, так продолжать нельзя. Я I, а не пишу. Это развратная рассеянность. Воздержись, не истощай себя! Строго воздержись. Тебе мешают окна напротив. Это эксгибиционизм. Эксгибиционизм <последнее слово написано собственным хармсовским шифром – см. примеч. к 366 наст. изд.– *Коммент.*>. Это мания Большого Уда. Зачем так дамы скучны и не любопытны?

582. *Собрание произведений*. Кн. 4. С. 96.
забытый небом – ср. 399, 401 наст. изд.
Феб (Аполлон) – бог солнца и света, покровитель искусств.
Геба – богиня юности, виночерпий богов.

583. *Московский комсомолец*. 1978. 30 июня.
Петров – см. примеч. к 288 наст. изд.
Анри Бергсон – см. примеч. к 157 наст. изд.
и вдруг исчез – ср. у К. Пруткива: «Ничто существующее исчезнуть не может, – так учит философия».

584. *Собрание произведений*. Кн. 4. С. 99.
Выделено из неоконченного текста, начало и продолжение которого зачеркнуты:

(Поэт с веслом

в руках): Я готов по струнам звучным
Быстро бегая рукой
Снова петь монахам тучным
Восхваляя мир другой.
Пусть объедки нашей пищи

Затем следует черновой вариант публикуемого текста, в котором, помимо пунктуационных и иных незначительных отличий, в ст. 9 читаем: суда;

после ст. 13 следующий зачеркнутый фрагмент:

Блаженство обещая рая,
Над миром в воздухе играя
Огнём среди лиловых тучь
Пронзает землю солнца луч
И трав таинственные руки
С мольбою ловят ветра звуки...

Горшков, обрывая

речь поэта: Стой, довольно, что заврался
Топчешь буквы зря губой.

Дама в шляпе: Ах, рассказ какой прервался!
Чтоб он дальше продолжался
Я пожертвую собой.

Имеется еще фрагмент, относящийся к публикуемому тексту:

**Горшков,
перебивая поэта:** Довольно! Ваша речь немая
Меня замучила. Народ
Словам бессмысленным внимая,
Стремится жить наоборот.
Похвально ль это? Нет зорно.
Смущать народную молву
Позорно это! Ах, позорно!...
Прочти вторую нам главу.

**Поэт, разбивая
об пол
карманные часы:** К чорту времени прибор
Счѐт минут пора забыть.
Кем я был до этих пор,
Тем и дальше буду быть.
Я случайно превращался
То в перчатку, то в быка,
То над лесом я качался
Точно шар надув бока.

585. *Собрание произведений.* Кн. 4. С. 353.

586. *Собрание произведений.* Кн. 4. С. 101.

587. *Собрание произведений.* Кн. 4. С. 102.

Везёт их под гору Петров – см. примеч. к 288 наст. изд.

1938

588. *Собрание произведений.* Кн. 4. С. 61 и 157–158.

На обороте первого листа автографа наст. текста записан, очевидно, фрагмент варианта:

Откажите пожалуйста ему в удовольствии
Сидеть на скамейке
Сидеть на скамейке
Сидеть на скамейке...
Откажите ему в удовольствии
Сидеть на скамейке и думать о пище мясной непременно
о водке, о пиве, о толстой еврейке

Гармониус – одно из понятий Пифагора (см. вступит. статью).

589. *Искусство Ленинграда*. 1990. № 11. С. 74.

590. *Крокодил*. 1988. № 33. С. 8–9.

591. *Чиж*. 1938. № 3. С. 7.

592. *Чиж*. 1938. № 3. 3 с. обл.

593. *Чиж*. 1938. № 3. С. 15–16.

594. *Минувшее*. С. 567 (частично); *Искусство Ленинграда*. 1990. № 11. С. 79 (частично); Полное собрание сочинений. Т. 2. С. 130–131.

В автографе над текстом записано:

Иль ревьендра за никё миранонон миранено мирнелиенё.
вырванную у Пятипалова ноздрю – ср. с отмеченным Дж. Боултом акцентированием П. Филоновым в своих работах отдельных частей тела, в частности, ноздрей.

595. *Минувшее*. С. 505.

При дате помета Хармса: «Задумано 5 марта».

Над текстом вариант начала (зачеркнут):

Это конечно не очень красиво начинать повествование с того, что герой по фамилии Окнов стоял и смотрел в окно.

В свою очередь, над этим текстом записаны варианты наименований персонажей: Антон Валерианович Гудим, Аким Себастьянович Окнов.

Антон – см. примеч. к 186 наст. изд.

Окнов – см. примеч. к 199 наст. изд.

596. *Крокодил*. 1988. № 33. С. 8–9.

597. *Памир*. 1988. № 2.

598. *Русская мысль (Париж)*. 1988. № 3730. 24 июня. С. XII.

599. *Избранное*. С. 258–259.

Не исключено, что настоящий текст представляет собой перевод или переложение.

600. *Этнолингвистика текста*. С. 29.

Автограф зачеркнут.

601. *Собрание произведений*. Кн. 4. С. 358.

Автограф зачеркнут.

602. *Собрание произведений*. Кн. 4. С. 106.

В автографе отдельные ст. а потом и весь текст перечеркнуты. Справа от текста помета Хармса: «Это плохо».

603. *Собрание произведений*. Кн. 4. С. 107.

Автограф зачеркнут. Под текстом помета Хармса: «Не хочу продолжать сочинять эту гадость!»

604. *Континент*. 1980. № 24. С. 283–284.

Вариант окончания (зачеркнут):

А шапка повернула направо и полетела по направлению к Неве.

Один человек её видел на углу Пантелеймоновской, а уже на углу Фурштатской её никто не видел.

по Некрасовской улице – мимо бань – т. е. ул. Некрасова, Д. 14.

В варианте:

на углу Пантелеймоновской – с 1923 г. ул. Пестеля.

на углу Фурштатской – правильно: Фурштатской – с 1923 г., ул. Петра Лаврова (см. примеч. к 265 наст. собр.).

605. *Столица*. 1991. № 14. С. 61–63.

Вариант окончания (зачеркнут):

Я шёл впереди, обдумывая ритуал поздравления.

Ниже запись Хармса: «Я спешу а потому, быть может, почерк мой небрежен и слог не ясен».

Посвящено Н. И. Колюбакиной – см. примеч. к 29 наст. изд.
Среди знакомых Хармса был цирковой клоун Артамонов (см. примеч. к 265 наст. изд.).

606. *Экран и сцена*. 1990. № 23. 7 июня. С. 10.

607. *Собрание произведений*. Кн. 4. С. 108.

Автограф зачеркнут.

608. *Россия*. 1991. № 7. 16–22 февраля. С. 8.

О характере текста см. примеч. к 265 наст. изд.

Евгению Эдуардович Сно (1880 – после 1941) – писатель, журналист, приятель Хармса.

Марина – М. Малич (см. примеч. к 412 наст. изд.).

609. *Slavica Helvetica*. Vol. / Band 41. P. 235.

610. *Чиж*. 1938. № 10. С. 28.

611. *Чиж*. 1938. № 10. С. 29.

612. *Russica-81*. NY., 1982. P. 353–360.

Сочетание капуцина и французского писателя и философа Ж.-Ж. Руссо (1712–1778) в одном тексте находит аналог в высказывании Г. Гримма, назвавшего прокурорское следствие против Руссо после выхода его «Исповеди» «простой и плоской капуцинадой» (цит. в кн.: М. Н. Розанов. Ж.-Ж. Руссо и литературное движение конца XVIII и начала XIX в. Т. 1. М., 1910. С. 197).

Возможно, что происхождению заглавного персонажа Хармс обязан также гоголевским повестям «Нос» и «Записки сумасшедшего», а его «программа» соотносится с утопией Т. Кампанеллы «Город Солнца».

613. *Континент*. 1980. № 24. С. 285.

614. *Русская мысль (Париж)*. 1985. 3 января. С. VIII (Литературное приложение 1).

Сюжет сопоставляется с повестью Гоголя «Иван Федорович Шпонька и его тетушка».

615. *Вопросы литературы*. 1987. № 8. С. 266.

В автографе после – *бесстыдник* – зачеркнуто:

«Не пью, – говорит, – молока, а водку пью, а на вас всех мне наплевать». Жена в ужасе. «Как! – говорит, – как можно, что бы на всех наплевать? Я сама водку пью, а к людям отношусь с почтением».

Андрей Андреевич – см. примеч. к 2 наст. изд.

616. *Чиж*. 1938. № 11. С. 25.

617. *Чиж*. 1938. № 11. 4 с. обл.

618. *Чиж*. 1938. № 11. С. 18–19.

Стихотворения еврейского поэта Л. М. Квитко (1890–1952) часто печатались в «Чиж» в переводе С. Маршака, Н. Заболоцкого и др.

619. *Чиж*. 1938. № 12. С. 6–7. (вместе с нотами музыки Т. Вилькорейской).

Варианты (отдельные наброски):

<1>

Встретить пулей готов
Пограничник врагов
Он стоит притаясь не шевелится,
Но не видно врага
Только снег да пурга
Только снег, да пурга, да метелица.

<2>

По замерзшей реке
Кто то с бомбой в руке
Осторожно, ползком пробирается

620. *Меня называют капуцином.* С. 134.

Вариант продолжения (зачеркнут):

Один из матросских детей, по имени Мишка, с малых лет начал подавать блестящие надежды. Всё говорило за то, что он станет большим поэтом. Четырёх лет он уже сочинил своё первое стихотворение, которое начиналось так:

Однажды папа съел собаку,
съел собаку,
съел собаку,
Однажды папа съел собаку
в отношении морей.

Дальше рассказывалось о том, к<ак> отец его сделался матросом, исколесил океаны

Имеется также не зачеркнутый отдельный фрагмент:

Выросло у матроса 54 хулигана. Один из них, уже не помню, который, прирезал няньку

Мишка – см. примеч. к 4 наст. изд.

«Детское» стихотворение ср. с 11 наст. изд.

621. *Полное собрание сочинений.* Т. 2. С. 101–103.

Текст навеян, возможно, «Мистерией-буфф» В. Маяковского.

Андрей Семенович – см. 77 наст. изд.

Селифан Митрофанович – см. примеч. к 260 наст. изд.

Viola... Voici – вот (фр.).

Attandé – искаженное: attendre – ждать (фр.); здесь имеется в виду: отойти.

Ah mein lieber Augustin – популярная немецкая песня.

622. *Столица.* 1991. № 14. С. 61–63.

623. *Памир.* 1988. № 2.

624. *Полное собрание сочинений.* Т. 2. С. 410.

Автограф зачеркнут. Под текстом запись Хармса: «Ах, иметь бы лакея, который в шею бы выставлял непрошенных гостей».

625. *Меня называют капуцином*. С. 234.
Первоначально фамилия Алексеева – Горохов.
Алексей Алексеевич Алексеев – см. примеч. к 2 и 524 наст. изд.

626. *Грани*. 1971. № 81. С. 82–83.
Включено Хармсом в автографический сборник «Случаи»
(см. преамбулу к примеч.).
к Таврическому саду – см. примеч. к 505 наст. изд.

627. *Меня называют капуцином*. С. 238.

628. *Этнолингвистика текста*. С. 29.

629. *Полное собрание сочинений*. Т. 1. С. 329.
Иван Блинов – см. примеч. к 2 наст. изд. и текст 544.
Антонина – см. примеч. к 441 наст. изд.

630. *Нева*. 1988. № 6. С. 204–205.

1939

631. *Soviet Union / Union Soviétique*. 1980. 7 (1–2).

632. *Грани*. 1971. № 81. С. 71–73.
Включено Хармсом в автографический сборник «Случаи»
(см. преамбулу к примеч.).
Федя – см. примеч. к 224 наст. изд.

633. *Собрание произведений*. Кн. 4. С. 65.

634. *Чиж*. 1939. № 4. С. 9 (вместе с нотами музыки С. Заранек).

635. *Чиж*. 1939. № 5. С. 29.

636. *Избранное*. С. 129–165.
На первом листе автографа исправлено первоначальное отчество персонажа: Сакердон Макарович (эта деталь служит основанием идентифицировать его с Н. М. Олейниковым).

в одну и в другую сторону – далее следуют густо зачеркнутые восемь строк с датами: конец мая и первая половина июня 1935 года и 16 июня; после этого дописано окончание текста. Д. Макберни удалось установить, что зачеркнутый фрагмент – полный текст молитвы «Отче наш» (Д. Макберни. Разговор о Хармсе // Хармсиздат представляет: Авангардное поведение. Сборник материалов. СПб., 1998. С. 154).

В тексте отмечаются реминисценции из Пушкина, Достоевского и К. Гамсуна.

Эпиграф – из «Мистерий» Гамсуна.

иду по солнечной стороне – если идентифицировать топонимику текста с реальностью, то, выйдя из своего дома и идя к Садовой ул. (где персонаж повести сейчас окажется), можно было идти лишь по одной – всегда солнечной – стороне Невского проспекта: четной.

Сакердон – так звали одного из сыновей Европы и Зевса, царя Ликии (то же и название мыса во Фракии).

Мечников писал ∞ в наших желудках – обычная хармсовская инверсия: физиолог И. И. Мечников действительно писал об опасных процессах гниения в желудке человека, но при этом был настолько энергичным противником алкоголя, что даже употребление кефира не рекомендовал из-за наличия в нем некоего процента алкоголя.

Видите ли, – сказал я, – по-моему, нет верующих или неверующих людей и далее – ср. с 668 наст. изд.

Я шел по Невскому; на Фонтанке; на углу Литейной – этот маршрут может служить подтверждением версии об Олейникове как прототипе Сакердона Михайловича: именно такой путь ведет на кан. Грибоедова, д. 9, где жил писатель (см. примеч. к 265 наст. изд.).

Марья Васильевна – см. примеч. к 30 наст. изд.

до Лисьего Носа; проезжаем Ланскую и Новую Деревню; Ольгино; на Лахте – станции Финляндской железной дороги.

золотая верхушка Буддийской пагоды – см. примеч. к 555 наст. изд.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа – начальный и последний стих молитвы «Отче наш» (см. начало наст. коммент.).

637. *Чиж.* 1939. № 7/8. С. 14.

638. *Чиж.* 1939. № 9. 4 с. обл.

639. *Избранное*. С. 104–106.

Предполагается, что побудительным мотивом для создания Хармсом наст. текста послужила постановка в 1939 г. в Большом театре новой версии оперы «Жизнь за царя» («Иван Сусанин»); текст сопоставляется с «Трактатом о сплошном неприличии» И. Терентьева.

Включено Хармсом в автографический сборник «Случаи» (см. преамбулу к примеч.).

В отдельном автографе посвящение отсутствует.

В. Н. Петров – см. примеч. к 288 наст. изд.

Иван Иванович – см. примеч. к 2 наст. изд.

640. *Избранное*. С. 107–109.

Первоначальное заглавие (зачеркнуто): «Осса № 2» (ср. с 63 наст. изд.).

Включено Хармсом в автографический сборник «Случаи» (см. преамбулу к примеч.).

641. *Избранное*. С. 96–97.

Включено Хармсом в автографический сборник «Случаи» (см. преамбулу к примеч.).

Сопоставляется со «Второй Симфонией» А. Белого.

Симфония – ср. с 688 наст. изд.

Комаров – см. примеч. к 366 наст. изд.

642. *Избранное*. С. 110–112.

Включено Хармсом в автографический сборник «Случаи» (см. преамбулу к примеч.).

Отмечены параллели текстам Гоголя, Чернышевского и Тургенева.

643. Публ. впервые.

В автографе выше и ниже текста записаны несколько вариантов:

<1>

Цветочки желтые нарвав
Она и он сидят меж трав

<2>

Цветочки желтые нарвав
Мария Бам сидит меж трав

<3>

О камень юбку разорвав
Мария Бам сидит меж трав
Чтоб вид разорванных нарядов
Сокрыть от любопытных взглядов

<4>

Когда один средь пышных дев
Гулял я шапочку надев
Стучал в груди моей тапор
Я жизни чувствовал напор

Мария – см. примеч. к 30 наст. изд.

Бам – ср. 46 наст. изд.

644. *Минувшее*. С. 507

В автографе над текстом записаны еще три фрагмента (зачеркнуты):

История началась с того, что Михаил Иванович приклеил к стене бумажку и четыре раза плюнул на неё.

На улице встретились две дамы, поклонились друг другу и разошлись. А потом встретились два гражданина и, посмотрев друг на друга из под опущенных козырьков, разошлись, пристукивая ногами по панели.

Три бабы лучше чем одна, так же как восемь рублей лучше, чем один рубль.

После первого из публикуемых текстов зачеркнут еще один:

Если сказать про какого ни будь человека, что он на букву X, то все поймут, что это значит. А я этого не желаю понимать принципиально.

Михаил Иванович – см. примеч. к 4 наст. изд.

645. *Полное собрание сочинений*. Т. 2. С. 406.

Автограф зачеркнут, и под ним записано: «Не стоит продолжать».

646. *Минувшее*. С. 504.

647. *Cahiers du Monde russe et soviétique*. XXVI (3–4). 1985.
Р. 278.

1930-е

648. *Летят по небу шарики*. С. 34–35.

В автографе после первой строфы зачеркнуто:

И странное солнце
Над странной страной
Смеется над странной луной.
И странные звезды
Веселой толпою
Летают над странной страной.

649. *Летят по небу шарики*. С. 57–58.

650. *Полное собрание сочинений*. С. 235.

В автографе слева от текста фрагмент, место которого затрудняемся определить:

Вот вагон, в нём бак с водой,
Бак с водой проточной,
Чтоб не высох чудный сад
Чудный сад цветочный

651. *Летят по небу шарики*. С. 183–184.

652. *Полное собрание сочинений*. С. 236–237.

653. *Летят по небу шарики*. С. 193–195.

1940

654. *Чиж*. 1940. № 1. 4 с. обл.

А оно как зарычит // Как ногами застучит – цитата из
«Мойдодыра» К. Чуковского.

Глянь-ка, Маня! – см. примеч. к 30 наст. изд.

655. *Чиж*. 1940. № 3. С. 21.

656. *Чиж.* 1940. № 4. С. 11–12.

657. *Чиж.* 1940. № 5. С. 5.

658. *Чиж.* 1940. № 6. С. 20.

659. *Soviet Union / Union Soviétique.* 1980. № 7 (1–2).

Здесь и далее отдельные элементы даты, или вся она записаны Хармсом с помощью знаков Зодиака и собственного шифра; при этом в такие записи у Хармса иногда вкрадываются ошибки.

660. *Даугава.* 1987. № 12. С. 67.

В автографе вариант начала (зачеркнут):

Приближался праздник первого мая.

Мышину сказали: «Ты хоть и не любишь ходить по улицам, а всё же пойдя, посмотри...»

Мышин сказал: «

Мышин – см. 668 наст. изд.

Parfaitement – совершенно верно! (фр.).

661. *Вопросы литературы.* 1987. № 8. С. 269.

662. *Книжное обозрение.* 1988. № 1. 1 января. С. 7.

Текст насыщен автоцитатами и пародирует «Старосветских помещиков» Гоголя.

По поводу характера текста см. примеч. к 265 наст. изд.

Антон Исаакович Ш. – по-видимому, А. И. Шварц (1896–1954), артист эстрады, чтец-декламатор.

в Литейном Лектори – Литейный пр., д. 42.

и говорит своей жене – Наталия Борисовна Шанько (1901–199?).

663. *Континент.* 1980. № 24. С. 289–291.

В автографе вариант начала (зачеркнут):

– Я в вас влюблен, – сказал он мысленно. А вслух сказал:

– Вам очень идут эти новые чулки.

После – *То есть как же это так ничего?* – сказала Ирина – зачеркнуто:

Он молча обхватил её ноги руками и вдруг начал медленно съезжать по ногам к полу.

– Что вы делаете? – сказала она.

Он молча свалился на пол к её ногам.

– Что с вами? – спросила она.

Он продолжал лежать у её ног без движения.

Первоначально персонажи обозначались: Он и Она.

664. *Искусство Ленинграда*. 1990. № 11. С. 77.

Перечин – возможно, от Печорин («Герой нашего времени» Лермонтова); см. также 678 наст. изд.

665. *Полное собрание сочинений*. Т. 2. С. 415.

666. *Московский комсомолец*. 1987. 16 января. С. 4.

667. *Soviet Union / Union Soviétique*. 1980. № 7 (1–2).

Первоначально подзаголовок был зачеркнут, но при позднейшей правке восстановлен. Имя «первой» Иды Марковны первоначально было: Елена.

После – *со свистом подлетали к земле* – зачеркнуто:

Недалеко от того места, где падающие с крыши должны были удариться об землю, стояла старуха и, ничего не подозревая, полоскала свои ноги в луже.

– Эй, старушка, на тебя два человека сверху падают! – крикнула ей Ида Марковна. Но старуха, как видно, не слышала этого крика и продолжала, как свинья, полоскаться в луже. Верхняя Ида Марковна, та, что голая стояла за плетеным треножником, начала приближаться к окну. Вот уж в окне мелькнула её голая грудь и живот. Вот мелькнула нога. Голая Ида Марковна вскочила на подоконник. Падающие с крыши уже со свистом подлетали к земле. Верхняя Ида Марковна распахнула окно и до половины туловища вывалилась наружу.

Зачеркнув приведенный текст, Хармс вставил – *со свистом* – в последнее предшествовавшее ему предложение.

668. *Континент*. 1980. № 24. С. 293–295.

В автографах имеется отдельный фрагмент, относящийся к наст. тексту (зачеркнут):

Фаол сказал: «Мне в музыке нравится петля. Когда всё в музыке идёт прямо, мне делается скучно».

Фаол – происхождение этого имени находят в нем.: der Fail – одновременно падение и случай.

Один стряпчий – чиновник, надзирающий за ходом дел.

один графолог – среди знакомых Хармса отмечены два графолога: некий Нонэсма и К. К. Владимиров (1879?–1933?); этот фрагмент получил развитие в отдельном тексте – см. 675 наст. изд.

и сам полковник Дибич не разобрался бы – можно указать на героя Отечественной войны 1812 г., начальника Главного штаба И. И. Дибича (1785–1831); см. примеч. к 29 наст. изд.

Мышин – см. 660 наст. изд.

до сорока маленьких детей – ср. 134, 153 наст. изд.

669. *Чиж*. 1940. № 10. 4 с. обл.

670. *Искусство Ленинграда*. 1990. № 11. С. 77.

Под текстом запись Хармса: «Задание: эту страницу в 10 м.»

был катерпиллером – гусеница (англ.)

671. *Книжное обозрение*. 1988. № 43. 28 октября. С. 10.

Весь этот текст ср. с фрагментом в «Исповеди» Ж.-Ж. Руссо: «Никогда деньги не казались мне ∞ Я боюсь их больше, чем люблю хорошее вино» (Ж.-Ж. Руссо. Исповедь. М., 1949. С. 60).

Шибейя! – Проблема! (иврит).

672. *Отд. изд.* Л., 1940.

673. *Меня называют капуцином*. С. 342.

В автографе во фрагменте о времени ожидания трамвая первоначальное: *минут пятнадцать* – затем исправлено на: *восемнадцать*.

674. *Искусство Ленинграда*. 1990. № 11. С. 77–78.

В автографе после – *Господин нагнулся над юношей* – зачеркнуто:

– Я не могу дать вам руки, – сказал юноша.

– Кому вы не можете дать руки? – спросил врач.

– Вам, – сказал юноша.

– Почему? – спросил врач?

– Зачем вы спрашиваете? – сказал юноша. – Вы же знаете, что вы стоите на берегу, а я уже на лодке далеко отплыл в море.

– Немедленно гребите обратно к берегу, – сказал господин, похожий на врача.

– Не могу, – сказал юноша.

675. *Минувшее*. С. 510.

Автограф перечеркнут.

Один графолог – см. примеч. к 668 наст. изд.

676. *Искусство Ленинграда*. 1990. № 11. С. 78.

677. *Меня называют капуцином*. С. 343.

678. *Cahiers du Monde russe et soviétique*. XXVI (3–4). 1985. P. 272.

Козлов – см. 199 наст. изд.

Течорин – см. примеч. к 664 наст. изд.

Бедная Елизавета Платоновна – см. примеч. к 46 наст. изд.; здесь возможна также аллюзия на повесть Н. Карамзина «Бедная Лиза».

679. *Slavica Helvetica*. Vol. / Bd. 41. P. 247&

Голая еврейская девушка ∞ из чашки молоко – действия, описываемые в этом фрагменте, идентифицируются с миквой – священным обрядом очищения половых органов женщины у евреев.

680. *Континент*. 1980. № 24. С. 284.

681. *Искусство Ленинграда*. 1990. № 11. С. 76.

682. *Полное собрание сочинений*. Т. 2. С. 414.

1941

683. *Чиж.* 1941. № 3. С. 23.
Принтинпрам – ср. 577 наст. изд.
Иван Кузьмич – см. примеч. к 2 наст. изд.

684. *Чиж.* 1941. № 3. 4 с. обл.

685. *Чиж.* 1941. № 4. 3 с. обл.

686. *Чиж.* 1941. № 4. 4 с. обл.
Ср. с «Утопленником» Пушкина.

687. *Чиж.* 1941. № 6. 4 с. обл.

688. *Литературная газета.* 1968. № 46. 13 ноября. С. 16.

Отметим характерную хармсовскую «погрешность» в заглавии, связанную, по-видимому, в том числе и с пародированием основного свойства музыкального жанра симфонии, которое, по определению, есть «созвучие» (греч. *symponia*). Немотивированный внезапный переход от одной ситуации к другой интерпретируется, как воспроизведение излюбленного «симфонического» приема А. Белого.

Антон Михайлович – см. примеч. к 186 наст. изд.
немецкую школу на Кировной улице – с 1932 г. ул. Салтыкова-Щедрина.

689. *Soviet Union / Union Soviétique.* 1980. № 7 (102).

Елизавету Антонову – см. примеч. к 46 наст. изд.

690. *Литературная газета.* 1968. № 46. 13 ноября. С. 16.

Неизвестных годов

691. *Полное собрание сочинений.* Т. 1. С. 298.

Варианты:

<1>

Варганов
Квартугин шёл к моей жене
В его руках блеснул букет.

Левакин шёл к моей жене
Дрожа от страсти на ходу.

Поперек текста помета Хармса: «Отвратительно».

692. *Избранное*. С. 89–90.

Включено Хармсом в автографический сборник «Случаи» (см. преамбулу к примеч.).

Сопоставляется с пьесой В. Хлебникова «Чертик».

покажи билет – возможно, аллюзия на «...свой билет на вход спешу возвратить обратно» («Братья Карамазовы» Достоевского).

693. *Грани*. 1971. № 81. С. 70.

В отдельном автографе под тем же заглавием вариант начала с иными персонажами (зачеркнут):

Вот Андреев не допил бутылку кефира и спрятал её за окошко.

– Приду и до ем, – сказал Андреев.

– Нет, не до ешь, – сказал Михельсон.

– А тебя и не спрашивают, – сказал Андреев.

– А с тобой и не разговаривают, дурак ты э такий, – сказал Михельсон.

– Кто это дурак? – спросил Андреев.

Андрей Андреевич – см. примеч. к 2 наст. изд.

Включено Хармсом в автографический сборник «Случаи» (см. преамбулу к примеч.).

694. *Československa rusistika*. 1969. № 14. С. 80–84.

Включено Хармсом в автографический сборник «Случаи» (см. преамбулу к примеч.).

МАЛГИЛ – возможно, палиндром слова голем (в древне-еврейском – глм), известного Хармсу, в том числе по любимому им одноименному произведению Г. Мейринка: означает воплощение, которое в свойственной Хармсу инверсии трансформируется в развоплощение.

695. *Грани*. 1971. № 81. С. 80.

Включено Хармсом в автографический сборник «Случаи» (см. преамбулу к примеч.).

696. *Československa rusistika*. 1969. № 14. С. 80.

Включено Хармсом в автографический сборник «Случаи» (см. преамбулу к примеч.).

697. *Избранное*. С. 102.

Включено Хармсом в автографический сборник «Случаи» (см. преамбулу к примеч.).

698. *Избранное*. С. 85.

Включено Хармсом в автографический сборник «Случаи» (см. преамбулу к примеч.).

Петров – см. примеч. к 288 наст. изд.

Камаров – см. примеч. к 366 наст. изд.

699. *Меня называют капуцином*. С. 141.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Сажин. Приближение к Хармсу</i>	5
---	---

1922

1. «В июле как то в лето наше...»	11
---	----

1925

2. О том как иван иванович попросил и что из этого вышло	12
3. От бабушки до Esther	14
4. Наброски к поэме «Михаилы»	16
5. Говор	20
6. Землю, говорят, изобрели конюхи	21
7. Кика и Кока	24
8. «Тише целуются...»	25
9. Сек	27

1926

10. Полька затылки (срыв)	28
11. Вьюшка смерть	30
12. Ваньки встаньки <I>	32
13. Ваньки встаньки <II>	33
14. Половинки	38
15. «в репей закутаная лошадь...»	42
16. Конец героя	43
17. Казачья смерть	45
18. «друг за другом шёл народ...»	47
19. Ответ Н. З. и Е. В.	48

20. Случай на железной дороге	48
21. Пророк с Аничкиного моста	50
22. Скупость	51
23. Виктору Владимировичу Хлебникову	52
24. Стих Петра-Яшкина-коммуниста	53
25. «лошадка пряником бежит...»	54
26. «двух полководцев разговор...»	54
27. «Глядел в окно могучий воздух...»	55

1927

28. В кружок друзей камерной музыки	56
29. «Берег правый межнародный...»	56
30. Авиация превращений	57
31. Искушение	59
32. Пожар	62
33. А. И. Введенскому	64
34. Каментарий к философии А. И. Введенского	64
35. «Купался грозный Петр Палыч...»	65
36. I Фокусы	65
37. «Гражданка, вы куда пришли?...»	66
38. «тихо падала сосна...»	67
39. «опускаясь на поленьи...»	67
40. Н. А. Заболоцкому	67
41. «Кучер стыл...»	68
42. Восстание	68
43. Комедия города Петербурга	69
44. «выходит Мария отвесив поклон...»	112
45. В гостях у Заболоцкого	113
46. Елизавета Бам	114
47. «Александр Иванович Дудкин: Вот уже 7 часов утра...»	146
48. Ночный обыск	148
49. «Приходите приходите...»	149
50. «Вот у всадника вельможи...»	149

1928

51. Прогулка	150
52. Иван Иваныч Самовар	152
53. Озорная пробка	154
54. Иван Тапорыжкин	159

55. О том, как Колька Панкин летал в Бразилию, а Петька Ершов ничему не верил	160
56. «Здравствуй. Ты снова тут...»	171
57. «Ты ночуешь с Даниилом...»	171
58. «Шел мужчина в согнутых штанах...»	171
59. Приключения ежа	172
60. 17 лошадей	173
61. Мама НЯМА аманя	174
62. Падение с моста	175
63. Ёсса	176
64. Перо Золотого Орла	178
65. « – Отчего ты весел, Ваня?...»	185
66. Во-первых и во-вторых	186
67. Жизнь человека на ветру	190
68. Почему	193
69. О том, как старушка чернила покупала	194
70. «По вторникам над мостовой...»	201
71. Театр	201

1929

72. Полет в небеса	203
73. «Сидел в корзине зверь...»	205
74. «открыв полночные глаза...»	205
75. «пристала к пуделю рука...»	206
76. «Ку Шу Тарфик Анакан Тарфик – Я город позабыл...»	206
77. История Сдыгр Аппр	211
78. «грамоту кто хочет?...»	218
79. «Уж я бегал бегал бегал...»	219
80. Овца	222
81. «Тётя крёстная Наташа...»	223
82. Вещь	223
83. «Елена Ивановна – Ну вот, Фадей Иванович...»	226
84. О том, как папа застрелил мне хорька	227
85. «Один старик смотрел на небо...»	229
86. «Откуда я?...»	230
87. Папа и его наблюдатели	230
88. «Ехал доктор из далёка...»	231
89. «На набережной нашей реки...»	233
90. «Стул в кандалах...»	233
91. Столкновение дуба с мудрецом	234
92. «Тут нарисована жена...»	237
93. Диалог двух сапожников	238

94. Ванна Архимеда	238
95. «Кто из вас прочитал...»	240
96. Га-ра-ра-р!	241
97. Измерение вещей	244
98. «Тюльпанов среди хореев»	246
99. «Все все все деревья пиф...»	250
100. «Свои ручки лелея...»	250
101. «Нева течёт вдоль Академии...»	251
102. Сабля	252
103. I Разрушение	258
104. «Тетерник, входя и здороваясь: Здравствуйте! Здравствуйте!...»	259
105. «Я сидел на одной ноге...»	260
106. «Мы (два тождественных человека): Приход нового года...»	261

1930

107. «Иван Григорьевич Кантов шёл...»	262
108. Веселые чижи	263
109. Галине Николаевне Леман-Соколовой	265
110. Жене	265
111. «Соловей скатываясь в ящик: Я пел...»	266
112. «В шкапу стояла мать моя...»	267
113. Стук перед	268
114. «Мы приехали. Шипела...»	268
115. «Всё наступает наконец...»	269
116. «Жил мельник...»	269
117. «чтобы в пулю не смеяться...»	270
118. «Нет ответа. Камень скок...»	271
119. «Ну-ка выбеги Маруся...»	271
120. Злое собрание НЕверных	272
121. Утро (пробуждение элементов)	272
122. Падение вод	273
123. Ужин	274
124. «Я в трамвае видел деву...»	275
125. «Вам поверить...»	276
126. «Наступала ночь...»	277
127. «Девушки только часть вселенной...»	278
128. «Где я потерял руку?...»	278
129. «Земли, огня и ветра дщери...»	280
130. переферация	280
131. «1. В небесари ликомин...»	281

132.	«Я устал не спать ночей...»	282
133.	Нетеперь	283
134.	Миллион	284
135.	Сон рубашку	285
136.	Лапа	285
137.	«молвил Карпов: я не кит...»	304
138.	«Двести бабок нам плясало...»	305
139.	Вечерняя песнь к имением моим существующей	306
140.	«ляки страха гануе...»	308
141.	Месть	308
142.	«Друг за другом»	316
143.	«лоб изменялся...»	322
144.	«Где-ж? Где-ж? Где-ж? Где-ж?...»	322
145.	Радость	323
146.	«Фадеев Калдеев и Пепермалдеев...»	328
147.	Баронесса и Чернильница	329
148.	«Аларих: четыре дня над Римом летал пророк...»	330
149.	«всякую мысль оставь...»	331
150.	«Ревекка Валентина и Тамара...»	331
151.	«был он тощ высок и строен...»	332
152.	«Неужели это фон...»	333
153.	Врун	334
154.	«Кулундов: Где мой чепец? Где мой чепец?...»	337
155.	Гвидон	341
156.	Он и Мельница	349
157.	Виталист и Иван Стручков	351
158.	«довольно в берлоге...»	352
159.	«Едит трамвай...»	352
160.	«Шёл трамвай...»	353
161.	«1. Мы лежали на кровати...»	354
162.	«Давайте посмотрим в окно...»	355
163.	«Бобров шёл по дороге...»	356
164.	«В редакцию вошли два человека...»	356
165.	«Иван Петрович Лундапундов...»	357
166.	«боги наги...»	357
167.	«Задумали три архитектора...»	358
168.	«Человек устроен из трёх частей...»	358
169.	«тогда солдатик маленький...»	359
170.	«видишь основание дома, на гальках покоится с миром...»	359
171.	«для вас для вас...»	359
172.	Скавка	360
173.	«Я был у Шварца...»	360
174.	«Взяли фризovou шинель...»	360

175.	Третья цисфинитная логика бесконечного небытия . . .	360
176.	Звонитьлететь	361
177.	«мы письма пишем в ночь друг другу...»	362
178.	«Пришла весна...»	363
179.	«Вид: Направо дверь, на лево дверь, прямо дверь...» .	363
180.	«Лампа Саша: Я глядела на контору...»	364
181.	Турка-Турка	365
182.	«Папа спит...»	367
183.	«Я вам хочу рассказать...»	367
184.	«Видишь, под елочкой маленький дом...»	371
185.	«Я подошёл к хозяину...»	373
186.	«Одна муха ударила...»	373
187.	«Некий инженер...»	376

1931

188.	Миша Гришу вызывает	378
189.	Влас и Мишка	378
190.	Сдай в срок	379
191.	«и птичка горько плачет...»	379
192.	Ohne Мельница	380
193.	Андор	380
194.	«порою мил порою груб...»	382
195.	«милый чайник проглотив...»	382
196.	«ОН – А ну ка покажи мне руку...»	383
197.	Окно	384
198.	«отец и мать родили сына...»	385
199.	Окнов и Козлов	386
200.	Молитва перед сном 28 марта 1931 года в 7 часов ве- чера	388
201.	Вода и Хню	389
202.	«Однажды Андрей Васильевич...»	391
203.	«Я не могу читать некоторые книги...»	393
204.	«Короткая молния пролетела над кучей снега...» . . .	394
205.	Выбор дней	394
206.	«Здравствуй стол...»	395
207.	«Дорогая Нагаша...»	395
208.	Лампа о словах подносящих укромную музыку	396
209.	Хню	397
210.	От знаков миг	402
211.	«в миг...»	405
212.	«один монах...»	405
213.	«Окнов – Ну Ваня, знать и ты дружок...»	407

214.	«Как странно...»	407
215.	«Скажите Мария Алексеевна...»	407
216.	«Скажу тебе по совести...»	408
217.	«Дни дни клонились к вечеру...»	409
218.	«Однажды возвращаясь домой с прогулки...»	409
219.	«мне бы в голову забраться козлом...»	410
220.	«однажды Бог ударил в плечо...»	411
221.	«То то скажу тебе брат от колеса не отойти тебе...»	412
222.	«Узы верности ломаешь...»	412
223.	Что мы готовляем на зиму	413
224.	Утро	415
225.	«Небеса свернуться...»	419
226.	Лыжная прогулка в лес	421
227.	«два студента бродили в лесу...»	422
228.	«ряд вопросов проносился...»	423
229.	Ночь	423
230.	«Буря мчится. Снег летит...»	424
231.	«Я знаю зачем дороги...»	424
232.	«Слава радости пришедшей в мой дом...»	425
233.	«Идет высокий человек и ловко играет на гармоне...»	425
234.	«Я подарил вам суп...»	428
235.	«К одному из домов...»	430
236.	«вот совершается переселение трав...»	431
237.	Колода	431
238.	«я знаю почему дороги...»	431
239.	«Вот я сижу на стуле...»	432
240.	«Кин – Этого лица я не хотел бы больше видеть...»	433
241.	«Убежали стрехи с плеч...»	434
242.	«Соседка помоги мне познакомиться с тобой...»	434
243.	«Почто сидишь...»	435
244.	«Ты шьешь. Но это ерунда...»	435
245.	«Скорей подними занавеску...»	435
246.	«Почему нелюбопытны...»	436
247.	«Роберт Мабр – Ну с начинаю...»	436
248.	«Гностик: Я буду бить каждого человека...»	436
249.	Воцарение или дверь конца света. Поэма	437
250.	«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа...»	438
251.	Можно ли до Луны докинуть камнем	438
252.	«На Фонтанке 28...»	439
253.	«В 2 часа дня на Невском проспекте...»	440
254.	«Прежде, чем притти к тебе...»	440
255.	Бог подадарил покой	441
256.	«Антон Гаврилович Немецкий...»	441
257.	«блоха болот...»	441

258.	«Веля – Меня зовут веля...»	441
259.	«Грянул хор и ходит басс...»	442
260.	«Иван Фёдорович пришёл домой...»	443
261.	«В Америке в каждой школе...»	443
262.	Пьеса для мужчины и женщины	444
263.	«Клан: Вот знак моего облака...»	444
264.	«В одном городе...»	446

1932

265.	«Я один. Каждый вечер...»	447
266.	Дон-Жуан	448
267.	«Я ключом укокал пана...»	452
268.	«моя любовь...»	453

1933

269.	«однажды господин Кондратьев...»	454
270.	Наблюдение	454
271.	Страсть	455
272.	«Передо мной висит портрет...»	457
273.	«Один монах вошёл в склеп...»	457
274.	«играли в море два дельфина...»	457
275.	«П<ётр> М<ихайлович>: Вот этот цветок...»	457
276.	Объяснение в любви. Водевиль	463
277.	«Камнями милая подруга...»	463
278.	«Вбегает Рябчиков с кофейником в руке...»	464
279.	Архитектор	465
280.	Математик и Андрей Семёнович	467
281.	Четыре иллюстрации того, как новая идея огорашивает человека, к ней не подготовленного	469
282.	«Шарики сударики...»	470
283.	«Ходит путник в час полночный...»	471
284.	Пьеса	472
285.	«игнес игнес...»	473
286.	«Четыре немца ели свинину...»	474
287.	«Гиммелькумов смотрел на девушку...»	474
288.	Профессор Трубочкин	475
289.	«Я с огромной высоты...»	483
290.	«дом с бесконечными фигурами...»	484
291.	«Елизавета играла с огнём...»	484
292.	«Мне всё противно...»	484

293.	«Генрих Левин...»	486
294.	Знак при помощи глаза	487
295.	«Мчится немец меж домами...»	487
296.	О. Л. С.	488
297.	«Из воздухоплавательного парка...»	488
298.	«Где ты?...»	489
299.	«Молчите все!...»	489
300.	«Герасим (входя и тот час же выходя)...»	490
301.	«жил был в доме тридцать три единицы...»	490
302.	«Часовой – Теперь я окончательно запутался...»	491
303.	«О том никто не скажет фразы...»	493
304.	«Я понял будучи в лесу...»	494
305.	«подбегает он ко мне...»	494
306.	«Захлопнув сочиненья том...»	494
307.	Приказ лошадям	495
308.	«Вошла Елизавета...»	495
309.	О водяных кругах	496
310.	«Профессор Трубочкин, входя...»	496
311.	«На коня вскочил и в стремя...»	498
312.	Подруга	498
313.	Карпатами – горбатыми	499
314.	«Николай П. Я запер дверь...»	500
315.	«Когда умно и беспристрастно...»	503
316.	Постоянство веселья и грязи	503
317.	Сладострастная торговка	504
318.	«осень быстро наступает...»	506
319.	Старуха («Года и дни бегут по кругу...»)	507
320.	«Дорогой Никандр Андреевич...»	507
321.	Ссора	509
322.	«В Америки жили два американца...»	510
323.	Берег и Я	510
324.	Фома Бобров и его супруга	511
325.	« – Вот, сказал Петя...»	513
326.	«Володя Зайцев подошел...»	514
327.	Скаска	514
328.	Охотники	516
329.	Тюк!	517
330.	«Воронин (вбегая)...»	518
331.	«Пётр выходит с ружьём из ворот...»	518
332.	«От милого соседа возвратясь домой...»	518
333.	«Колесо радости жена...»	519
334.	Бал	522
335.	Кустов и Левин	523
336.	«На кобыле без подков...»	

337.	«А ну скажи...»	523
338.	«Я влюблена в тебя...»	523
339.	«почему любовный фибр...»	524
340.	«Положи к моим ногам трофей...»	524
341.	«От Невы поднимается пар...»	525
342.	«я сделал шаг и вдруг назад...»	525
343.	«открыв наук зелёный том...»	525
344.	«Птичка с маленькой головкой...»	526
345.	«На паровом тромбоне мы играли...»	526
346.	«Луиза!...»	527
347.	«Дорогой мой, купите мне бубенчик...»	527
348.	«Пульхиреев и Дроздов...»	528
349.	«вода внизу отразила всё то, что наверху...»	528
350.	«Легкомысленные речи...»	529
351.	«Мы жили в дух комнатах...»	529
352.	«Ветер дул, текла вода...»	530

1934

353.	Американский рассказ	531
354.	«Человек свою фигуру...»	531
355.	Как Маша заставила осла везти ее в город	532
356.	Баня	533
357.	«Царь вселенной...»	533
358.	«I. Я к тебе несусь владыка...»	534
359.	«Миронов завернул в одеяло...»	535
360.	«Андрей Иванович плюнул в чашку с водой...»	535
361.	«Как известно, у Безименского...»	536
362.	«Ольга Форш подошла к Алексею Толстому...»	536
363.	«У дурака из воротника его рубашки...»	537
364.	«Жили в Киеве два друга...»	537
365.	О равновесии	538
366.	О явлениях и существованиях № 1	539
367.	О явлениях и существованиях № 2	541
368.	Грехопадение или познание добра и зла	543
369.	Экспромт	546
370.	«Тут все начали говорить по своему...»	547
371.	Романс	548
372.	Что делать нам?	548
373.	«Горох тебе в спину...»	549
374.	Обезоруженный или Неудавшаяся любовь	550
375.	«Маляр сел в люльку...»	551
376.	«Я родился в камыше...»	554

377.	Неудачный спектакль	555
378.	Пушкин и Гоголь	555
379.	Оптический обман	556
380.	«Американская улица...»	557
381.	«Стоит среди волн морских пустынный остров...»	560
382.	Обращение учителей к своему ученику графу Дэкону	562
383.	Хвастун Колпаков	564
384.	Дует. Дербантова и Кукушин-Дергушин	565
385.	«Старичок чесался обеими руками...»	566
386.	Разница в росте мужа и жены	567
387.	«Факиров. Моя душа болит...»	567
388.	«Девушка, женщина, жена, вдова, дитя и Марфа...»	573

1935

389.	Семь кошек	574
390.	«Деньги время берегут...»	575
391.	История	576
392.	Карьера Ивана Яковлевича Антонова	577
393.	Праздник	578
394.	Происшествие на улице	578
395.	Зарождение нового дня	579
396.	Размышление о девице	580
397.	Физик сломавший ногу	580
398.	Неожиданная попойка	581
399.	Олейникову	582
400.	Неизвестной Наташе	583
401.	На посещение писательского дома 24 января 1935 года	583
402.	«Однажды утром воробей...»	584
403.	Антон и Мария	584
404.	Крысаков и две собачки	584
405.	Страшная смерть	586
406.	Новый город	587
407.	На смерть Казимира Малевича	589
408.	«Господи пробуди в душе моей пламень Твой...»	589
409.	Сказка	590
410.	Цирк Шардам	593
411.	Небо	613
412.	Первое послание к Марине	614
413.	Второе послание к Марине	615
414.	«Лидочка сидела на корточках...»	616
415.	«Теперь я расскажу...»	620
416.	Инкубаторный период	622

417.	О драме	622
418.	«Липавского начала мучить кислая отрыжка...»	622
419.	«Одна особа...»	623
420.	Про собаку Бубу	623
421.	«Жил-был человек...»	625
422.	«Жил-был музыкант Амадей Фарадон...»	626
423.	Сонет	627
424.	Что это значит?	628
425.	Храбрый Ёж	630
426.	Новая Анатомия	630
427.	Басня	630
428.	Столяр Кушаков	631
429.	«Окно, занавешанное шторой...»	632
430.	«– Видите ли , – сказал он...»	632
431.	Заумная песенка	633
432.	Хорошая песенка про Фефюлю	634
433.	«Если встретится мерзавка...»	635
434.	Марине	635
435.	«Засни и в миг душой воздушной...»	636
436.	«Я гений пламенных речей...»	636
437.	«Тебе дано меня боготворить (а это дар небесный)...»	636
438.	Хореи	637
439.	«В каждом колоколе злоба...»	637
440.	Ломка костей	637
441.	«Гости радостно пируют...»	642
442.	«Когда жена уезжает...»	643
443.	«– Пейте уксус господа...»	644
444.	«Случилось так, что кто-то раз...»	645
445.	«В одном прекрасном садоводстве...»	645
446.	«Начало спора...»	645
447.	«Хотите, я расскажу вам рассказ...»	646
448.	Песень	646
449.	«Игра больших переговоров, друзья глядят...»	647
450.	«Остановись Коньков!...»	647
451.	Разбойники	647
452.	«В прошлом году...»	649

Первая половина 1930-х

453.	«Дремлет стол скамья и стул...»	650
454.	«Иван Петрович падал в воду...»	650
455.	«Я: На стакан с водой глядя...»	650
456.	«Наша новая страна...»	651

457.	«Стоит за дверью мой лакей...»	651
458.	«Одна минута пробежала...»	651
459.	«седьмого мая был прекрасный день...»	651
460.	«Так я молил твоей любви...»	651
461.	«Эх, голубка, песень ваша...»	652

Середина 1930-х

462.	«Мне стариков медлительный рассказ противен...» . .	653
463.	«В окно гляжу на суету людскую...»	653
464.	«Возьмите незабудку...»	654
465.	«Мы забрались в траву и оттуда кричим...»	654
466.	«Говорят, скоро всем бабам...»	654
467.	О наших гостях	655
468.	«Однажды Антон Бобров...»	655
469.	«Один толстый человек...»	655
470.	«Человек с глупым лицом...»	655
471.	«Дни летят как ласточки...»	656
472.	«Дорогой начальник денег...»	656
473.	«И не спасет тогда супруга...»	656
474.	«В этом ящике железном...»	656
475.	«Лес, в лесу собака скачет...»	657
476.	«Вот, Леночка, – сказала тётя...»	657
477.	«Вот однажды один человек...»	658
478.	«Был Володя на ёлке...»	658
479.	«В пионер-лагере...»	659
480.	«Я шёл по Жуковской улице...»	659
481.	«Однажды Семёнов пошёл гулять...»	660
482.	«Квартира состояла...»	660
483.	Происшествие в трамвае	660
484.	«Нам бы не хотелось...»	661
485.	Первое действие «Короля Лира», переложенное для вестников и жуков	661
486.	«Каштанов – Лиза! Я вас умоляю...»	662
487.	«Григорьев (ударяя Семёнова по морде)...»	662
488.	Окунев ищет Лобарь	663
489.	«Дмитрий Петрович Амелованев...»	664
490.	«Феодор Моисеевич был покороче...»	664
491.	«Меня спросили, как устроен автомобиль...»	664
492.	«Однажды Коля и Нина...»	667
493.	«Купил я как-то карандаш...»	668
494.	«I. Однажды лев, слон, жирафа...»	669
495.	Заяц и Ёж	672
496.	«Но художник усадил натурщицу...»	674

497. Подслушанный мною спор Золотых Сердец о бешемели	676
498. История дерущихся	677
499. Тигр на улице	677
500. В. Буш. Плих и Плюх	678
501. Мы спешим сегодня в школу	678
502. Вариации	690
503. Что теперь продают в магазинах	691
504. СОН двух черномазых ДАМ	691
505. Судьба жены профессора	692
506. Случай с Петраковым	694
507. Сон	695
508. Случай	695
509. О том, как рассыпался один человек	696
510. «– Ва-ва-ва! Где та баба...»	696
511. «Один механик...»	697
512. Кассирша	697
513. Отец и Дочь	699
514. Новые Альпинисты	701
515. «Однажды Петя Гвоздиков...»	702
516. В. Буш. Как Володя быстро под гору летел	703
517. О Пушкине	704
518. Пушкин	704
519. «Володя сидел за столом...»	708
520. «Кулаков уселся в глубокое кресло...»	710
521. «Бегут задумчивые люди...»	710
522. «Вот начальник военного округа...»	710
523. «Мионов сел на трамвай...»	711
524. Рыцарь	711
525. «Не знаю, почему все думают...»	714
526. «Леонидов: Я утверждаю...»	714
527. «Нина – Вы знаете! А?...»	715
528. «Антон Антонович Бобров: Я вам сейчас спою куплеты...»	716
529. «I. Однажды я пришёл в Госиздат...»	717
530. Личное переживание одного музыканта	723
531. «Однажды Марина сказала мне...»	724
532. Смерть старичка	725
533. «В одном большом городе...»	726
534. «Петя входит в ресторан...»	727
535. Евстигнеев смеётся. Водевиль о трёх головах	728

536.	«– Н-да-а! – сказал я...»	732
537.	«У одной маленькой девочки...»	732
538.	«Один человек, не желая более...»	733
539.	Сундук	735
540.	«Григорий студнем подавившись...»	736
541.	«Григорий студнем подавился...»	736
542.	Из дома вышел человек. Песенка	736
543.	Кошки	737
544.	Всестороннее исследование	738
545.	«– Есть ли что ни будь на земле...»	741
546.	«Я долго смотрел на зелёные деревья...»	741
547.	«Человек берёт косу...»	742
548.	«Я плавно думать не могу...»	745
549.	«Мы – это люди...»	746
550.	«Желанье сладостных забав...»	746
551.	«Я видел: медленные веки...»	747
552.	«Глоб: Я руку протянул. И крикнул...»	747
553.	«Макаров! Подожди! – кричал Сампсонов...»	748
554.	«Деды жили, деды знали...»	749
555.	<<Голубая тетрадь>>	750
556.	«Я сегодня лягу раньше...»	757
557.	Пассакалия № 1	757
558.	«Такие же длинные усы...»	758
559.	Мальтониус Ольбрен	759
560.	Грязная личность	759
561.	М. Д. Омайс. «Пришёл конец. Угасла сила...»	760
562.	Неизвестный автор. «Как страшно тают наши силы...»	761
563.	«1. Семья Апраксиных состояла...»	761
564.	«1. Не маши колесом...»	762
565.	«Я залез на забор...»	762
566.	«Иван Яковлевич Бобов...»	763
567.	Бесстыдники. Опера в четырёх действиях	765
568.	«Василий Антонович вышел из дома...»	766
569.	«Антон Антонович сбрил себе бороду...»	766
570.	«Мария и Аня обращали на себя внимание...»	767
571.	«Швельпин: Удивительная история!...»	768
572.	«В семь часов Николай Николаевич встал...»	768
573.	«Вечер тихий наступает...»	769
574.	Прогулочка	769
575.	Дактиль	770
576.	«Ровно 56 лет тому назад...»	770
577.	Воспоминания одного мудрого старика	771

578.	«Один человек лёг спать...»	774
579.	«Два человека разговорились...»	775
580.	Вываливающиеся старухи	775
581.	«Люблю порой смотреть в окно...»	775
582.	«Да, я поэт забытый небом...»	776
583.	«Шёл Петров однажды в лес...»	776
584.	«Гнев Бога поразил наш мир...»	777
585.	«Довольно рвать зубами стремя...»	767
586.	«Вот Граволов чубук роняет...»	778
587.	«Зима рассыпала свои творенья...»	778

1938

588.	«Но сколько разных движений...»	779
589.	«– Я не советую есть тебе...»	781
590.	Четвероногая Ворона	781
591.	«Это резвый конь ребенок...»	781
592.	«Очень страшная история»	782
593.	Игра	782
594.	«У него был такой нос...»	783
595.	«Когда сон бежит от человека...»	784
596.	«Красиво это, очень мило...»	784
597.	«Меня закинули под стул...»	784
598.	«Да что же это в самом деле...»	785
599.	Смерть дикого воина	785
600.	«Ума своего недостойный внук...»	787
601.	«И вдруг из пола вылезает страшный дух...»	787
602.	«Гремит вина фиал...»	787
603.	«От свиста ненавистных пчёл...»	788
604.	Шапка	788
605.	Поздравительное шествие	789
606.	«В кабинет, озаряемый темной лампой...»	791
607.	«Журчит ручей, а по берегам...»	791
608.	Бытовая сценка. Водевиль	792
609.	Сладострастный древоруб	793
610.	Считалка	793
611.	Я самый храбрый	794
612.	«Меня называют капуцином...»	794
613.	Тетрадь	795
614.	Художник и Часы	796
615.	Новый талантливый писатель	796
616.	Удивительная кошка	797
617.	В гостях	798

618.	Л. Квитко. Танкист	798
619.	Песенка про пограничника	799
620.	И. Воспитание	801
621.	Дедка за репку (балет)	802
622.	«У Колкова заболела рука...»	804
623.	Случай с моей женой	805
624.	«Косков потерял свои часы...»	806
625.	«Так началось событие...»	806
626.	Сон дразнит человека	807
627.	«Осень прошлого года...»	808
628.	«Синее Божество!..»	809
629.	«Вот вошёл Иван Блинов...»	809
630.	«Востряков, смотрит в окно на улицу...»	810

1939

631.	«Я поднял пыль...»	812
632.	Федя Давидович	813
633.	«Я долго думал об орлах...»	814
634.	Первомайская песня	815
635.	Бульдог и таксик	816
636.	Старуха	817
637.	Журавли и корабли	840
638.	Веселый скрипач	841
639.	Исторический эпизод	842
640.	Пакин и Ракукин	844
641.	Начало очень хорошего летнего дня. Симфония	846
642.	Анекдоты из жизни Пушкина	846
643.	«Пальто и кепочку надев...»	848

Вторая половина 1930-х

644.	«Я не люблю детей, стариков...»	849
645.	Красная <гибель?>	850
646.	«Он был так грязен...»	850
647.	«Одному французу подарили диван...»	850

1930-е

648.	«На этой странице...»	851
649.	«Жил на свете...»	851

650.	«Машинист трубит в трубу...»	852
651.	«Как-то жил один столяр...»	852
652.	«Ну ка Петя, ну ка Петя...»	853
653.	«Было лето. Светило солнце...»	854

1940

654.	Дворник-Дед Мороз	856
655.	Что это было?	857
656.	«Искала старушка букашек в цветах...»	858
657.	Кораблик	858
658.	Веселый старичок	859
659.	Рыцари	860
660.	Победа Мышина	861
661.	Лекция	863
662.	Пашквиль	865
663.	Помеха	865
664.	«Перечин сел на кнопку...»	868
665.	«– Так, сказал Ершешен...»	868
666.	«Как легко человеку запутаться...»	868
667.	Упадение (Вблизи и вдали)	869
668.	Власть	870
669.	Станный бородач	873
670.	Приключения Катерпиллера	874
671.	«Все люди любят деньги...»	875
672.	Лиса и Заяц	875
673.	«На улицах становилось тише...»	876
674.	«На кровати метался...»	876
675.	«Один графолог...»	877
676.	«Один человек гнался за другим...»	878
677.	«В трамвае сидели два человека...»	878
678.	«– Да, сказал Козлов...»	879
679.	«Я не стал затыкать ушей...»	880
680.	«Господин невысокого роста...»	881
681.	«Когда я вижу человека...»	882
682.	«ртом и раздувает живот...»	882

1941

683.	Цирк Принтинпрам	884
684.	Кто кого перехитрил?	885
685.	«Еду-еду на коне...»	886

686.	Неожиданный улов	886
687.	«Девять // картин...»	887
688.	Синфония № 2	887
689.	Реабилитация	888
690.	Лиса и петух	889

Неизвестных годов

691.	«В ночной пустынной тишине...»	891
692.	Молодой человек, удививший сторожа	891
693.	Потери	893
694.	Макаров и Петерсен № 3	893
695.	Суд Линча	894
696.	Встреча	895
697.	Машкин убил Кошкина	895
698.	Петров и Камаров	896
699.	«А мы всегда немного в стороне...»	896

Примечания	897
-----------------------------	-----

Литературно-художественное издание

Хармс Даниил
ЦИРК ШАРДАМ

Терция

*Книга подготовлена в ООО Издательство «Терция»
198013, Санкт-Петербург, Можайская ул., д. 18, кв. 2*
Художественный редактор *А. Г. Лютиков*
Технический редактор *Ю. А. Жихарев*
Корректор *И. Г. Иванова*

Подписано в печать 23.11.00. Формат 84x108¹/₃₂. Печать высокая.
Гарнитура тип «Таймс».
Усл. печ. л. 57,12. Тираж 5000 экз.
Заказ № 2333.

ООО «Издательство „Кристалл“».
199004, Санкт-Петербург, Биржевой пер., д. 1/10, кв. 1.
(812) 328-04-61, 328-69-82
327-46-72 (факс)

Московское отделение
(095) 219-71-49

ЛР № 065907 от 18.05.98.

Отпечатано с фотоформ в ГПП «Печатный двор»
Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.